

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

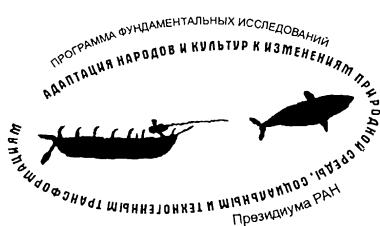
ТОМ XIV

Материалы Годовой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2008 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
НОВОСИБИРСК-2008

ББК 63.4+63.5

П 781

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Ответственные редакторы:
академик *А.П. Деревянко*, академик *В.И. Молодин*

Редакционная коллегия:
А.В. Бауло, Е.И. Деревянко, О.И. Новикова,
С.П. Несторов, И.В. Октябрьская, М.В. Шуньков

Исследования выполнены в рамках Программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», «Происхождение и эволюция биосфера», Программы Президента РФ по поддержке ведущих научных школ — НШ-2154 и НШ-1648, грантов РГНФ и РФФИ, интеграционных и молодежных проектов СО РАН и проекта Рособразования — РНП 2.2.1.1.2183

Статьи публикуются в авторской редакции

П 781 **Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008 г.** – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – Т. XIV. – 416 с.

ISBN 978-5-7803-0180-6

ББК 63.4+63.5

© Институт археологии и этнографии СО РАН, 2008

**АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ**

МЕЛКИЕ ПОЗВОНОЧНЫЕ ИЗ ГОЛОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

Палеолитический памятник Денисова пещера расположен на северо-западе Алтая, в долине р. Ануй. Комплексное изучение этого памятника приносит много новых данных археологического и палеогеографического характера [Природная среда..., 2003]. Одним из наименее изученных разделов исследований до последнего времени оставалась фауна мелких млекопитающих из голоценовых отложений пещеры. В настоящей публикации представлены новые материалы из голоценовых слоев в восточной галерее (сектор 6) пещеры.

Общий объем определенного материала составляет около 4 тыс. костных остатков. Установлено 34 таксона мелких позвоночных (см. *табл.*).

Самая высокая концентрация материала отмечена в слоях 4–4.3 и 5. Костные остатки из этих слоев позволяют сделать достоверные выводы. Достаточно представительная коллекция получена из слоев 0, 2.1, 2.2 и 2.3. Низкая концентрация материала в слоях 3 и 7/8.

В коллекции мало остатков, которые дают возможность провести видовую диагностику. Велика доля костей, позволяющих установить только роды и семейства. В целом плохая сохранность материала свидетельствует, что главным фактором концентрации костей были не только хищные птицы. Вероятно в голоцене основным агентом приноса костей в галерее пещеры были мелкие куны и, возможно, лисы и волки. Нельзя исключить, что заметную роль в концентрации материала играли собаки, сопровождавшие человека. Это контрастирует с плейстоценовой историей пещеры, где главным фактором концентрации костей мелких позвоночных были хищные птицы.

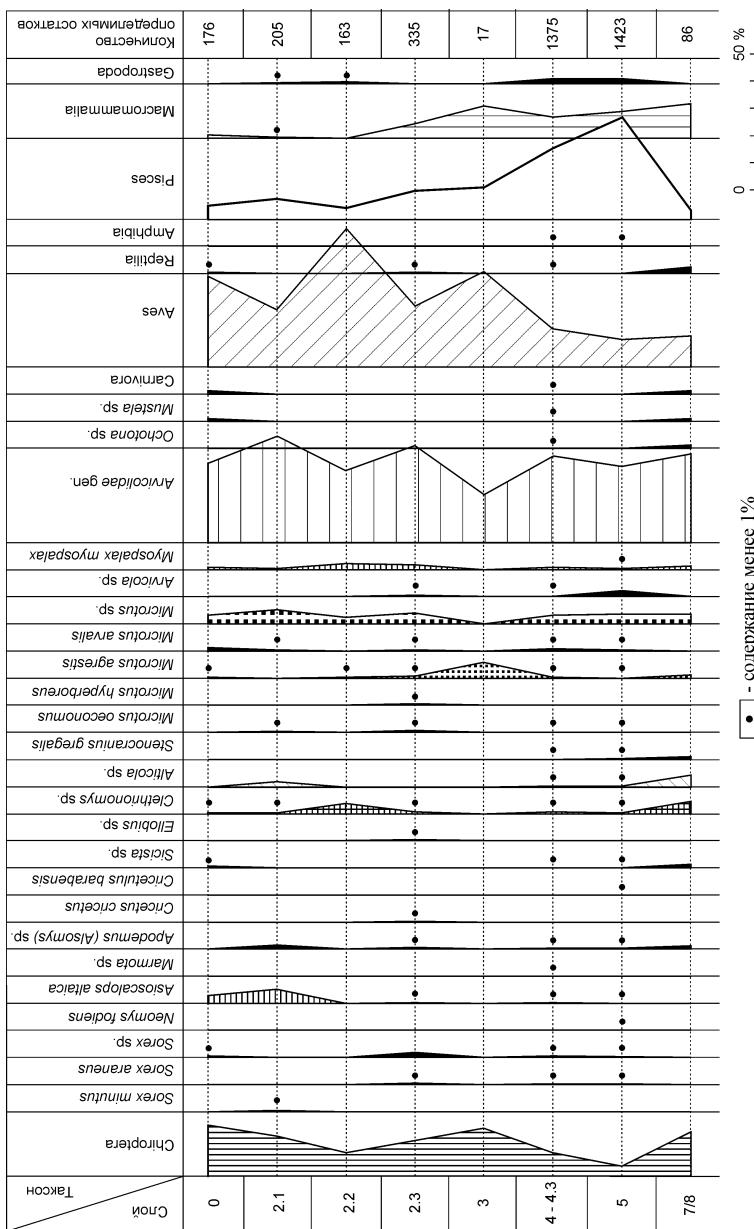
Среди мелких позвоночных, кроме млекопитающих, ведущее место по количеству остатков занимают птицы и рыбы (см. *рис.*). Особенно велика концентрация костей рыб в слое 5.

Доля мелких птиц (преимущественно воробьиных), увеличивающаяся вверх по разрезу, видимо, отражает изменения природных условий в окрестностях пещеры.

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 08-04-00483, проекта ООБ РАН “Историческая динамика биоресурсов, как предпосылка их современной охраны и эксплуатации”.

**Таблица. Состав мелких позвоночных
из голоценовых отложений в восточной галерее
Денисовой пещеры (сборы 2004 – 2007 гг.)**

	слой	0	2.1	2.2	2.3	3	4-4.3	5	7,8	Σ
	уровень	1			5					
	название таксона	ЭКЗ.	ЭКЗ.	ЭКЗ.	ЭКЗ.	ЭКЗ.	ЭКЗ.	ЭКЗ.	ЭКЗ.	ЭКЗ.
1.	<i>Chiroptera</i>	33	30	14	44	3	117	51	14	306
2.	<i>Sorex minutus</i>		1							1
3.	<i>Sorex araneus</i>				2		3	3		8
4.	<i>Sorex</i> sp.	1			6		6	3		16
5.	<i>Neomys fodiens</i>							1		1
6.	<i>Asioscalops altaica</i>	5	11		1		3	1		21
7.	<i>Marmota</i> sp.						1			1
8.	<i>Apodemus (Alsomys)</i> sp.	3		2		5	6	1	1	17
9.	<i>Cricetus cricetus</i>			1						1
10.	<i>Cricetulus barabensis</i>							1		1
11.	<i>Sicista</i> sp.	1				2	1	1	1	5
12.	<i>Ellobius</i> sp.			1						1
13.	<i>Clethrionomys rutilus</i>	1		1			3	1		6
14.	<i>Clethrionomys rufocanarus</i>						1			1
15.	<i>Clethrionomys</i> sp.	1	5	2		8	5	4	25	
16.	<i>Alticola strelzovi</i>	2					1	3	1	7
17.	<i>Alticola</i> sp.	2					2		3	7
18.	<i>Stenocranius gregalis</i>						2	7	1	10
19.	<i>Microtus oeconomus</i>	1		2		2	2			7
20.	<i>Microtus hyperboreus</i>			1						1
21.	<i>Microtus agrestis</i>	1		1	3	1	5	2	1	14
22.	<i>Microtus arvalis</i>	2	1		1		13	7		24
23.	<i>Microtus</i> sp.	6	11	4	14		46	49	3	133
24.	<i>Arvicola</i> sp.				1		1	28		30
25.	<i>Myospalax myospalax</i>	2	1	4	6		15	5	1	34
26.	<i>Arvicolidae</i> gen.	51	80	43	119	3	438	397	28	1159
27.	<i>Ochotona hyperborea</i>						1			1
28.	<i>Ochotona</i> sp.								1	1
29.	<i>Mustela</i> sp.	2					2		1	5
30.	<i>Carnivora</i>						1			1
31.	<i>Aves</i>	59	43	83	75	6	195	142	10	613
32.	<i>Reptilia</i>	1			1		1		2	5
33.	<i>Amphibia</i>						2	2		4
34.	<i>Pisces</i>	9	16	7	35	2	363	539	3	974
35.	<i>Macromammalia</i>	2	1		18	2	109	140	11	283
36.	<i>Gastropoda</i>		1	1			27	27		56
	Σ по слоям	176	205	163	335	17	1375	1423	86	3780

*Рис. Д*иаграмма общего состава мелких позвоночных из голоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (сборы 2004–2007 гг.).

Мелкие млекопитающие дают картину отличную от плейстоцена. В целом, состав тафоценоза близок современной фауне, как по набору таксонов, так и по соотношению основных экологических групп.

Высока численность летучих мышей. В среднем их доля равна 12,6%, достигая в слое 1 18,7%, что свидетельствует о снижении уровня беспокойства по сравнению с поздним плейстоценом. Такой вывод находится в некотором противоречии с другими показателями эксплуатации пещеры человеком (скорость накопления осадков, количество артефактов и др.). Возможно, это связано с тем, что в голоцене человек с домашними животными использовал пещеру прежде всего в летний, а не в зимний период. Это обеспечивало безопасность зимующих там колоний летучих мышей.

Насекомоядные представлены несколькими видами землероек и кротом. Их разнообразие, высокая численность и присутствие почти во всех слоях свидетельствуют о благоприятных природных условия в окрестностях пещеры на протяжении голоцена.

Суров установлен по одному фрагменту зуба, что указывает на редкость этого вида в долине Ануя в голоцене. Видимо, он не играл существенной роли как составная часть биоресурсов.

Лесные мыши присутствуют почти в каждом слое, достигая максимума в слое 2.1 (1,5%). Такое положение резко контрастирует с данными из плейстоценовой толщи, в которой мыши редки. Видимо, в позднем плейстоцене в силу менее благоприятных условий плотность популяции лесных мышей была значительно ниже, чем в голоцене. Кроме того, мыши, как объект охоты, более доступны для мелких куньих, чем для хищных птиц. Куньи были, вероятно, одним из главных поставщиков костного материала в голоценовые танатоценозы пещеры.

Количество и разнообразие хомяков и мышевок *Sicista* не велико и близко к показателям из плейстоценовых отложений.

Примечательна находка слепушонки *Ellobius* в слое 2.3. Этот небольшой роющий грызун отсутствует в настоящее время в бассейне Ануя. Однако он был зарегистрирован в голоценовых отложения палеолитических стоянок Усть-Каракол и Ануй-3. К сожалению, для открытых памятников провести точные возрастные границы между плейстоценом и голоценом и внутри голоцена достаточно трудно. Напротив, возраст голоценовых слоев в Денисовой пещере установлен достаточно точно. Таким образом, новая находка окончательно подтвердила факт исчезновения *Ellobius* в бассейне Ануя в историческое время.

Рыжие полевки составляют одну из многочисленных групп, определенных до вида. Средний показатель их численности составляет 2%, а наибольшие 3,7% и 5,3% в слоях 2.2 и 7/8 соответственно. Преобладание этой группы среди мелких млекопитающих близко современному.

Доля полевки скальных биотопов *Alticola strelzovi* в среднем составляла 2,1%, а ее максимум отмечен в слое 7/8 – 4,6% состава тафоценоза.

Серые полевки образуют другую многочисленную группу, довольно равномерно встречаясь по всему разрезу. Средний показатель их численности – 6,4%. Среди них преобладают *Microtus arvalis* и *M. agrestis*. Значительно реже встречается полевка-экономка, очень редки *Stenocranius gregalis* и *Microtus hyperboreus*. Количественное соотношение этих видов характерно для современной биоты и существенно отличается от плейстоценовой. Интересна довольно высокая численность пашенной полевки *Microtus agrestis*, которая составляет в среднем 1,37%, достигая максимума в слое 3 (5,9%). В настоящее время этот вид распространен в умеренном поясе Северной Евразии. Проведенные учеты современных млекопитающих показали, что он обычен в районе Денисовой пещеры [Агаджанян, 2004]. Однако в ископаемом состоянии пашенная полевка встречается достаточно редко. Она является эволюционно молодым видом и сформировалась, видимо, только в конце среднего плейстоцена на территории Европы. Полученные результаты показывают, что в раннем голоцене пашенная полевка была обычна в бассейне Амура.

Цокор *Myospalax myospalax* встречается практически во всех горизонтах, составляя в среднем 1,2%. Наибольшее количество его костей найдено в слое 2,2, где на них долю приходится 2,5% остатков позвоночных.

Пищуха редка, найдена только в слоях 4–4.3 и 7/8. Ее участие в тафоценозах не превышает 1,2%, что напоминает современные сообщества мелких млекопитающих в долине Амура.

Остатки мелких куньих (горностай/ласка) найдены в слоях 1, 4–4.3 и 7/8. В среднем они составляют 0,8%, достигая максимума в слое 7/8 (1,16%).

На долю птиц в среднем приходится около 25% состава тафоценозов. Наибольшее их количество установлено в слое 2,2 (50%), наименьшее – в слое 5 (10%).

Участие рептилий и особенно амфибий в тафоценозах голоцена не велико. Средний показатель для рептилий равен 0,8%, а максимальный – 2,3% в слое 7/8. Кости лягушек отмечены только в слоях 4–4.3 и 5. На них приходится 0,14% найденных костей.

Рыбы, напротив, составляют заметный компонент тафоценоза. Их чешуя и кости найдены во всех голоценовых слоях и в среднем на них приходится 13,4% определимых остатков. Наибольшее их количество отмечено в слое 5 (37,9%), наименьшее – в слое 7/8 (3,5%). Поскольку суммарное количество материала из слоя 5 составляет 1423 экз., полученные результаты можно считать достоверными. Основным фактором концентрации костей рыб и других мелких позвоночных в Денисовой пещере в эпоху плейстоцена были хищные птицы [Шуньков, Агаджанян, 2000], а в голоцене – млекопитающие и человек. Возможно, увеличение или снижение количества костей рыб в голоценовых отложениях отражает активность человека по использованию рыбы как пищевого ресурса.

Снизу вверх по разрезу сокращается количество небольших фрагментов крупных млекопитающих. Возможно, это свидетельствует о том, что на ран-

них стадиях голоцена пещера часто использовалась человеком в качестве жилища, а не только как загон для скота. На заключительных этапах голоцена ее назначение, вероятно, изменилось, и человек жил здесь значительно реже.

Экологический облик сообществ мелких позвоночных мало менялся на протяжении голоцена и напоминает современный. Рыжие и серые полевки представлены примерно в одинаковых количествах. Устойчиво по всему разрезу отмечены лесные мыши, обычен цокор, довольно многочисленны насекомоядные – разные виды землероек и крот. Участие в составе сообществ скальной полевки *Alticola* и узкочерепной полевки *Stenocranius gregalis* значительно меньше, чем в эпоху плейстоцена. Примечательно отсутствие *Lagurus* и *Lemmus* в голоценовых отложениях пещеры. Это свидетельствует о том, что ко второй половине голоцена степные пеструшки и лемминг окончательно исчезли в долине Ануя. Полученные результаты показали, что облик современных таежных сообществ долины Ануя сформировался в начале голоцена.

Для уточнения палеонтологических данных и продолжения исследования современной фауны Алтая проведены учеты мелких млекопитающих в лугово-степных биотопах Предалтайской равнины в районе среднего течения р. Песчаная. Они показали, что сообщество грызунов этой территории составляют в первую очередь полевые мыши и узкочерепная полевка. Это резко контрастирует с современной фауной в районе Денисовой пещеры и напоминает плейстоценовые сообщества бассейна Ануя. Правда, в плейстоцене не установлено присутствие полевой мыши *Apodemus agrarius*. В любом случае, низкая численность узкочерепной полевки в голоценовых отложениях пещеры делает схожими эти тафоценозы с современными сообществами и существенно отличает их от плейстоценовых сообществ долины Ануя и современных сообществ степных районов Алтая.

Таким образом, по составу фауны мелких млекопитающих серьезных изменений природной среды на протяжении голоценового осадконакопления выявить не удалось. Небольшие различия в составе мелких позвоночных не могут быть интерпретированы как изменения экологической обстановки. Возможно, при накоплении большего объема информации по мелким позвоночным удастся выделить климатические фазы в пределах голоцена.

Список литературы

Агаджанян А.К. Млекопитающие позднего плейстоцена Северо-Западного Алтая в условиях активности древнего человека // Новейшие археозоологические исследования в России. – М.: ИА РАН. – 2004. – С. 81–115.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Шуньков М.В., Агаджанян А.К. Палеогеография палеолита Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 2–19.

*Е.В. Акимова, И.В. Стасюк, Е.Н. Кукса,
А.Н. Момузко*

НОВОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ САЖЕНЦЫ В ЗОНЕ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

Летом 2008 г. отрядом КГПУ велись археологические работы в Куртакском археологическом районе (Новоселовский р-он Красноярского края). Основным объектом исследований являлся участок береговой линии протяженностью 1,5 км, от Каменного лога (непосредственно западнее местонахождения Каменный Лог) до Куртакской речки. До начала затопления (1964–65 гг.) три позднепалеолитических объекта в районе старой дер. Куртак были открыты З.А. Абрамовой. В 1976–78 и 1988 гг. Н.Ф. Лисицыным проводились работы на стоянке Куртак III, датированной второй половиной сартанского времени. На сегодняшний день этот памятник, видимо, полностью уничтожен. В первой половине 1980-х гг. массовые сборы проводил Е.С. Аннинский. Однако точной привязки к местности эти сборы не имеют. В последующие годы эпизодические сборы подъемного материала проводились экспедицией КГПУ. Выходов культурного слоя не найдено.

В 2008 г. был низкий уровень воды в Красноярском водохранилище. По всей береговой отмели прослеживался археологический и фаунистический материал, спроектированный из уничтоженной лессовидной толщи. Основным «фоном» являются предметы финальнопалеолитического облика – колотые гальки, отщепы, единичные орудия, нуклеусы, а также фаунистические остатки лошади, бизона и мамонта. В 400 м выше Каменного лога отмечен участок выброса изделий на кварците и кремне – пластины с ретушью, остроконечники, концевой скребок на отщепе, которые предварительно могут быть датированы раннесартанским или позднекаргинским временем.

Новое местонахождение Саженцы выявлено в 900 м выше лога. Культурный горизонт обнаружен на поверхности береговой отмели в районе современного молодого лога, прорезающего толщу позднеплейстоценовых отложений.

Непосредственно раскопом вскрыто 12 м², при этом культурный горизонт отмечен на площади 6 м². При первичной зачистке на поверхности отмели отмечен ярко-оранжевый прокал, размазанная сажа с глубокими проминами, заполненными песком и дресвой – низ культурного горизонта, срезанного пляжем. Сам горизонт простирался под углом к поверхности пляжа, в результате чего в южной части раскопа достигал мощности 0,5 м. Заполнение представлено мощным прокалом, линзами древесного угля хо-

рощей сохранности (до крупных кусков сгоревшей древесины), вкраплениями углей и примазками сажи, скоплениями костей грызунов. Археологический материал залегал по всей толще с концентрацией в нижней части горизонта, где выявлены две сливающиеся крупные линзы диаметром около 0,2 и 0,5 м, плотно заполненные отщепами и орудиями.

Общее количество предметов в культурном горизонте составляет 2366 экз. К этому же комплексу должно быть отнесено около 500 предметов из подъемных сборов.

В составе коллекции – нуклеусы, пластинки с притупляющей ретушью, пластины и отщепы с ретушью, скребки, орудия с жальцем, выемчатые и галечные орудия. В качестве сырья использовались кремень, яшма и халцедон.

Характерны пирамидальные микронуклеусы с фронтом, замкнутым по периметру площадки, и сосредоточенным на торце с распространением на выпуклые латерали (рис. 24, 25). В подъемных сборах помимо пирамидальных форм микро- и средних размеров (рис. 39), присутствуют крупные дисковидные и пирамидальные нуклеусы и плоскостные микронуклеусы на сколах.

Основным элементом комплекса являются орудия на пластинах мелких, реже средних размеров. Как правило, они представляют овально-треугольные удлиненные изделия с крутой или отвесной чешуйчатой ретушью по одному краю (рис. 2-13, 15-18, 22, 26, 31, 35), реже – изделия сегментовидной формы с ретушью по вогнутому участку (рис. 14, 21). В единичных случаях ретушь наносилась по обоим краям и фасам микропластинки (рис. 19). Для всех орудий на пластинах свойственно расположение притупленного участка только по правому краю дорсала. Ранее такая закономерность была отмечена только на Афанасьевой Горе. Наиболее характерные размеры орудий – 25 x 7 x 2 мм.

Среди скребков преобладают округлые на отщепах и концевые на отщепах и сегментах пластиин, единичны скребки высокой формы на отщепах и сколах с нуклеусов (рис. 27-30, 32, 33, 36, 37). Найдено миниатюрное комбинированное орудие из халцедона, сочетающее концевой скребок и ретушированное жальце (рис. 20).

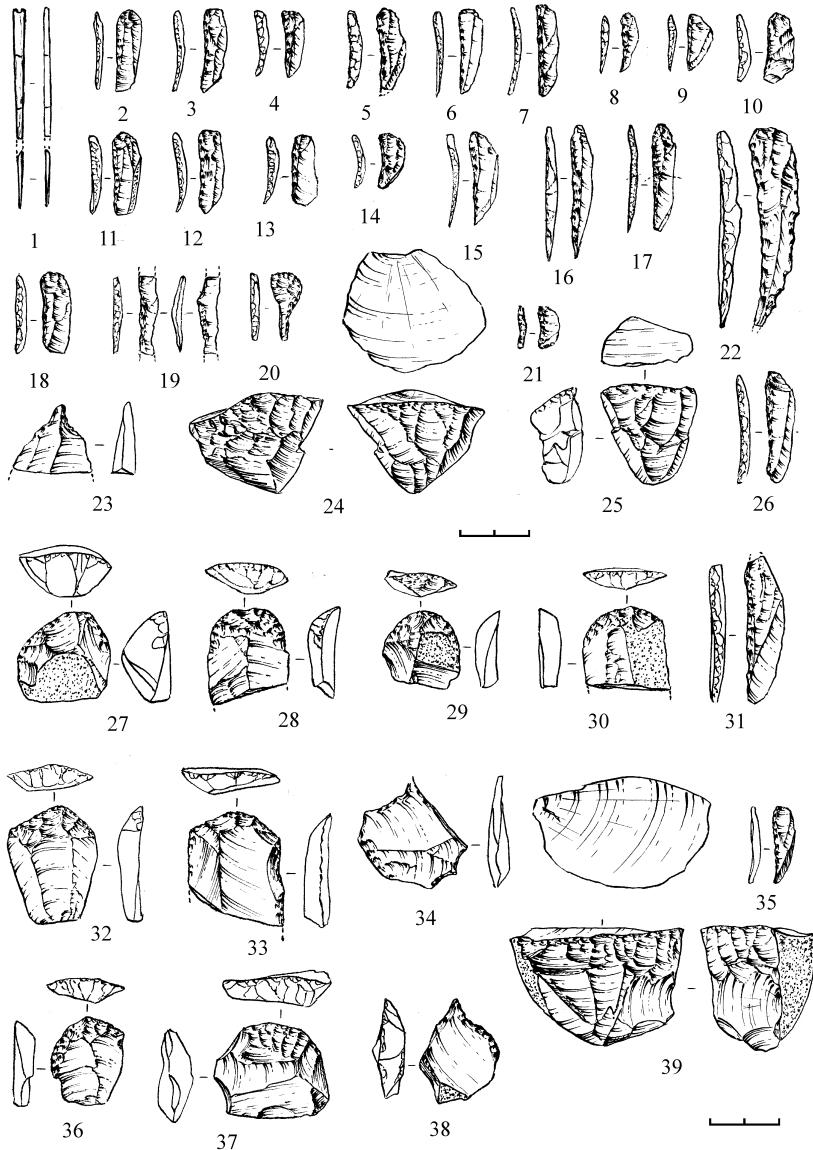
Орудия с жальцем (провертки) представлены обломком (рис. 23) и целыми изделиями (рис. 34, 38).

Скребловидные орудия на крупных сколах (3 экз.) найдены только в подъемных сборах.

В раскопе и на береговой отмели получены пластины и пластинчатые сколы с ретушью, отщепы с ретушью, галечные орудия – чопперы, отбойники.

При промывке культурного горизонта удалось найти пять фрагментов от двух-трех костяных игл (рис. 1).

Фаунистическая коллекция крупных млекопитающих невелика. В культурном горизонте найдены зуб нижней челюсти и запястная кость лошади *Equus ex gr.*, фаланги и локтевая кость волка *Canis lupus* и фаланг архара *Ovis ammon*. На береговой отмели собраны кости мамонта, бизона, лошади.

Археологический материал стоянки Саженцы:
1-26 - культурный горизонт, 27-39 - подъемные сборы.

Остатки мелких млекопитающих представлены коренными зубами, резцами, нижними челюстями, костями посткраниального скелета. Сохранность остатков хорошая: отсутствуют следы окатаности, в сборах в массе имеются все анатомические части скелета – кости передних и задних

конечностей, резцы, нижние челюсти, кости черепа, позвонки. Это свидетельствует о том, что исследуемый орнитоценоз сформировался одним процессом на месте их находки и не передвигался на значительные расстояния. Подобное наблюдается в результате жизнедеятельности хищных птиц, погадки которых попадали в захоронение. Прежде чем быть захороненными, остатки длительное время подвергались выветриванию на поверхности почвы, отчего подавляющее большинство нижних челюстей без зубов. На остатках имеются следы пребывания в костре, при этом, остатки наиболее крупных из грызунов – сусликов и пищух, существуют только в виде сильно обгорелых костей скелета.

Определенных остатков в сборах 853, принадлежащих следующим видам: *Ochotona* sp. – 1, *Citellus* sp. – 4, *Allactaga* sp. – 2, *Cricetus cricetus* – 9, *Dicrostonyx gulielmi* – 11, *Lagurus lagurus* – 206, *Microtus* sp. – 438, *Stenocranius gregalis* – 114, *Microtus mongolicus* – 62, *Microtus oeconomus* – 6. Видовой состав микротериофауны однозначно свидетельствует о том, что в период формирования биоценоза в окрестностях местонахождения преобладали ландшафты сухих холодных степей. В структуре фауны нет видов, связанных с лесными биотопами. В ископаемой фауне господствуют остатки степной пеструшки, узкочерепной полевки и монгольской полевки, которым принадлежат 94% определенных остатков. Более влажные закустаренные пространства существовали в пойме Енисея, где обитали полевки-экономки и хомяки. Остатки тушканчиков указывают на значительную сухость климата и существование степных площадей с разреженной растительностью, а присутствие в фауне копытных леммингов является свидетельством значительного похолодания климата и развития тундростепных биотопов. Кроме того, копытные лемминги в отличие от леммингов рода *Lemmus* предпочитают селиться на участках сухих тундр. Таким образом, во время существования фауны были сформированы ландшафты разнотравных разреженных степей с небольшими участками закустаренных сухих тундр. Нахождение остатков копытных леммингов на таком большом расстоянии к югу от его современного ареала, является свидетельством значительного похолодания климата.

Относительный возраст исследуемой микротериофауны определяется присутствием в её структуре остатков степной пеструшки и узкочерепной полевки. Морфологическое строение нижних переднекоренных зубов (M_1) обоих видов представлено прогрессивными морфотипами, которые встречаются у животных, существовавших во второй половине позднего плейстоцена. Еще определенное об относительном возрасте свидетельствует морфология коренных зубов копытных леммингов. Они представлены морфотипами, которые встречаются на территории Евразии в период развития последнего материкового оледенения – сартанского.

Таким образом, фауна мелких млекопитающих существовала в период максимального развития сартанского оледенения 20 – 17 тыс. л.н., в его гыданскую стадию.

Анализ полученных данных позволяет прийти к следующим предварительным заключениям. В раскопе и на береговой отмели получен материал из одного археологического комплекса, сохранившего непотревоженными элементы хозяйственного комплекса – очаги и, возможно, хозяйствственные ямы, заполненные, в основном, отходами производства.

Стоянка Саженцы является более поздним вариантом развития индустрии стоянки Каштанка I, расположенной в 2 км южнее и датированной 24 тыс. л.н. [Археология..., 1992, Стасюк, 1995]. Об этом свидетельствуют как система первичного расщепления, так и специфические формы пластин с притупленной спинкой. Типологический набор Саженцев менее разнообразен. В то же время массовость пластинок с притупленной спинкой на Саженцах и их относительная редкость на Каштанке И связана, возможно, с разницей в возрасте и с особенностью функциональности вскрытых участков обоих поселений.

Список литературы

Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян) / Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, Е.В. Акимова, Е.В. Артемьев, В.Г. Кольцова, А.А. Бокарев, Н.Д. Оводов, Н.В. Мартынович, А.С. Вдовин, Л.А. Орлова, А.Ф. Ямских, В.Е. Ларичев, Ю.П. Холюшкин, Л.Д. Сулержицкий. – Красноярск: «Зодиак», 1992. – 130 с.

Стасюк И.В. К проблеме культурной интерпретации позднепалеолитических местонахождений Каштанковского археологического участка // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. – С.35–36.

КОМПЛЕКС ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА НА ПОСЕЛЕНИИ АВТОДРОМ 2 В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЕ

Поселение Автодром 2 в Венгеровском районе Новосибирской области является крупнейшим в лесостепной части Западной Сибири памятником, содержащим керамику, орудия и остатки жилищ эпохи неолита [Молодин, Бобров и др., 2003]. Памятник был обнаружен в 1997 г. А. И. Соловьевым, впервые обследован в 1998 г, а начиная с 2003 г. полевые изыскания на нем проводятся ежегодно. Важным, характеризующим памятник обстоятельством является расположение западин от жилищ двумя планиграфически обособленными группами: юго-западной и северо-восточной. Основное внимание в предыдущие годы работ было сосредоточено на изучении юго-западной планиграфической группы, где были раскопаны остатки восьми жилищ, давших разнообразный материал с диапазоном датировок от развитого неолита до раннего железа. Объекты в северо-восточной части памятника исследовались лишь дважды. В 1998 г. было раскопано жилище №14, давшее несколько разновременных керамических комплексов, самый ранний и многочисленный из которых имел очевидное сходство с материалами артынского типа [Молодин, Бобров, Чемякина и др., 1998]. В 2007 г. было изучено небольшое сооружение №16, в результате чего на памятнике впервые был получен однородный керамический комплекс, находящий близкие аналогии в материалах Артынской стоянки [Бобров, Марочкин, Герман и др., 2007]. Это позволило вновь обратиться к решению проблемы культурно-хронологической атрибуции объектов северо-восточной группы, подтверждая гипотезу о принадлежности их к самостоятельной поздненеолитической культуре [Бобров, 2007; 2008].

В 2008 г. работы в северо-восточной части поселения, были продолжены Кузбасской археологической экспедицией (руководитель В.В. Бобров). Единый раскоп общей площадью 256 м² включал в себя близко расположенные друг к другу западины №18 и №4, а также обширный участок между жилищного пространства. Выборка культуросодержащих горизонтов велаась до уровня плотной суглинистой почвы темно-красного цвета, на этом же уровне осуществлялась фиксация жилищных котлованов и ям.

Стратиграфия. По визуальным стратиграфическим наблюдениям выделены следующие слои: 1) дерн – до 0,04 м; 2) гумусированная супесь темно-серого цвета - до 0,3 м; 3) песчаная почва белого цвета, мощностью до 0,2 м; 4) прослойка плотного песка темно-коричневого цвета, мощнос-

тью от 0,01 м до 0,18 м; 5) песчаная почва белого цвета с красным оттенком, отличающаяся от вышеописанного белого песка не только цветом, но и большей плотностью – до 0,2 м (рис. 1). Для области сопряжения гумусированной темно-серой супеси и белой песчаной почвы характерно их интенсивное взаимопроникновение, что обусловлено воздействием корневой системы. На профиле в этом случае фиксируется контрастная по цвету, но крайне неровная линия границы слоев. Граница между слоем белого песка и песчаной почвы более темного оттенка в большинстве случаев фиксируется менее четко, чаще два слоя образуют небольшую по мощности смешанную область. Иногда они разделены прослойкой плотного песка темно-коричневого цвета. Слой гумуса содержит лишь немногочисленные находки. При углублении в слой белого песка количество находок возрастает примерно на порядок, а затем снова резко снижается при переходе к нижележащему песку белого с красным оттенком цвета. Найденные из этого, самого нижнего слоя локализуются в основном вокруг жилищных котлованов, практически полностью отсутствуя на межжилищном пространстве. Заполнение жилищных котлованов однородно, и визуально не отличается от слоя №5, обладая, впрочем, более рыхлой консистенцией.

Жилище №18. Остатки сооружения представлены котлованом, углубленным в слой темно-красного суглинка на глубину до 0,14 м. Точные размеры и изначальную форму котлована установить невозможно, так, как восточная его часть полностью разрушена воздействием корневой системы. В западной части котлован сохранил округлые очертания. Длина сохранившейся части котлована по линии С - Ю составляет 4,8 м. Дно отно-

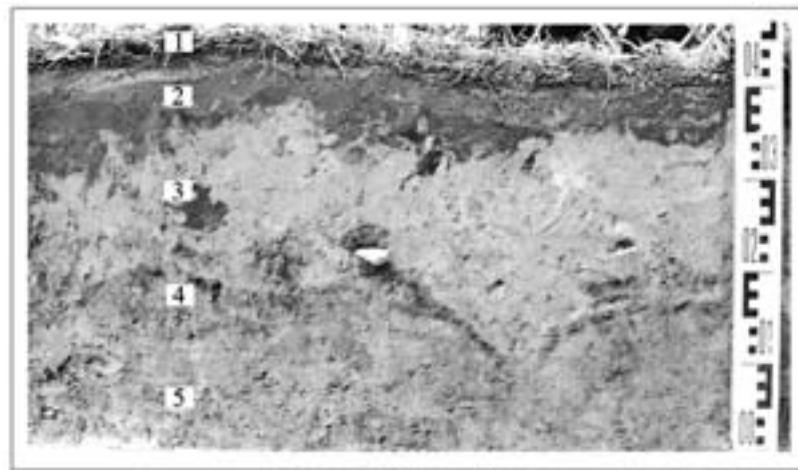

Рис. 1. Фрагмент стенки раскопа с выделяющимися слоями: 1 – дерн; 2 – гумусированная супесь темно-серого цвета; 3 – песчаная почва белого цвета; 4 – прослойка плотного песка темно-коричневого цвета; 5 – песчаная почва белого цвета с красным оттенком.

сительно ровное, стенки отвесные. Какие-либо признаки входа, столбовых ям, внутреннего очага не фиксировались. Уровень дна фиксировался по сохранившемуся на некоторых участках красному суглинку, не до конца перерезанному древними строителями.

Жилище №4. Остатки жилища представлены котлованом аморфных очертаний, углубленным в толщу темно-красного суглинка на 0,1 – 0,24 м. Размеры котлована по линии З – В составляют 7,6 м, по линии С – Ю они достигают 6,8 м, постепенно сужаясь в восточной части. Дно относительно ровное, стенки отвесные. Какие-либо признаки входа, столбовых ям, внутреннего очага не фиксировались. Уровень дна фиксировался по сохранившимся участкам темно-красного суглинка и, что особенно важно, по развалу керамического сосуда, обнаруженного *in situ* в северной части котлована.

Керамический комплекс. Всего из раскопа было получено свыше 3500 фрагментов керамических сосудов. Основная масса керамики происходит из слоя белого песка, в котором она залегала без какой-либо явной пластиграфической закономерности, лишь изредка образуя небольшие скопления. Зачастую фрагменты очень малы и очень плохой сохранности. В виду этого большой удачей является то, что удалось обнаружить и зафиксировать *in situ* два больших развала керамических сосудов.

Развал №1. Зафиксирован на уровне темно-красного суглинка, на участке между котлованами жилищ № 18 и № 4. Фрагменты располагались двумя компактными близкорасположенными группами, на площади 1 м кв. Венчик сосуда представлен 8 фрагментами, туло – 156 фрагментами. Фрагменты донной части отсутствуют. Форму сосуда установить невозможно. Светло – коричневого цвета на изломе, фрагменты тула имеют толщину 9-11 мм (рис. 2, 2, 3). Венчик слегка утончен, достигая толщины 8-9 мм (рис. 2, 1). Верхний срез прямой. Остатки орнамента присутствуют почти на всех фрагментах, но его восприятие затруднено сильной «замытостью» их поверхности. По верхнему срезу венчика нанесены узкие косые насечки, остальная поверхность сосуда покрыта округлыми вдавлениями глубиной 5 – 9 мм, образующими горизонтальные ряды. Кроме вдавлений, на внешней поверхности тула угадываются плохо различимые горизонтальные и вертикальные линии, но характер их нанесения не ясен.

Развал №2. Зафиксирован на дне жилища №4, у его северной стенки. Фрагменты располагались одним скоплением, вытянутым по линии С-Ю на 1,5 м. Венчик представлен 1 фрагментом, туло – 151, дно – 2 фрагментами. Судя по всему, сосуд представлял собой банку с приостренным дном (рис. 2, 5). Верхний срез венчика имеет волнистые очертания (рис. 2, 1). На многих фрагментах присутствует орнамент, который представлен сочетанием тонких горизонтальных линий, выполненных в отступающе–наклончатой технике, с глубокими округлыми вдавлениями, расположенными по одиночке или компактными группами.

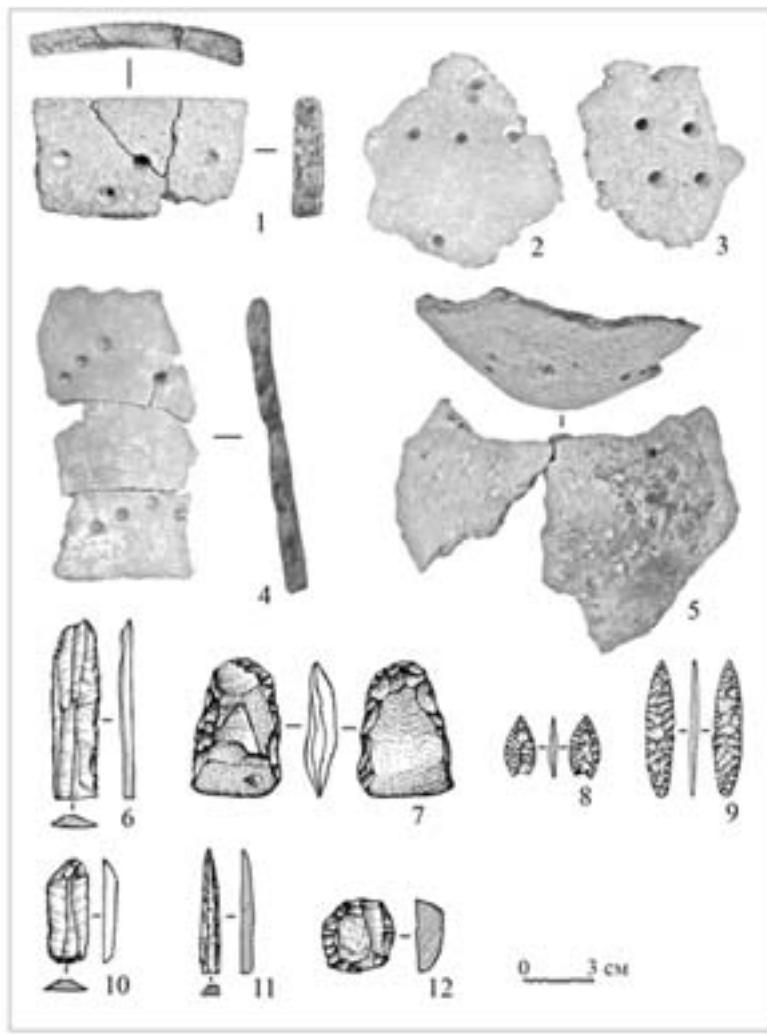

Рис. 2. Материалы поселения Автодром 2. 1-5 – керамика, 6-12 – камень.
Объяснения в тексте.

Остальная керамика идентична в типологическом плане вышеописанным сосудам. Встречается два вида венчиков – с прямым или волнистым верхним срезом. В плане композиционного построения орнамент идентичен на всех фрагментах – оттиски орнаментира, выполненные в отступающей-протащенной, прочерченной или в отступающе-накольчатой технике, образуют почти прямые или волнистые горизонтальные линии. По свободному полю, иногда с напуском на орнаментальный пояс располагаются

круглые или полуулунные ямки различной глубины. Встречаются как одиночные ямки, так и компактные группы из 2 – 4 штук. В случае, если венчик имеет прямой верхний срез, по нему нанесены косые насечки.

Каменный инвентарь. Из слоя, заполнения и со дна жилищных котлованов была получена достаточно представительная коллекция предметов каменной индустрии. Отходы производства представлены 79 отщепами различных размеров и форм, и 1 вертикальным сколом подживления нуклеуса. Один целый нуклеус найден в слое гумуса – одноплощадочный, монофронтальный, с шириной негативов снятия 4 – 7 мм. Пластины без вторичной подработки в количестве 68 штук представлены в основном усеченными дистальными или проксимальными фрагментами, либо сечениями, небольшой длины, с шириной 7–18 мм. На многих фиксируется утилитарная ретушь, что может означать их использование во вкладышевых орудиях. Из заполнения жилища №4 происходят несколько целых крупных ножевидных пластин, также с утилитарной ретушью. Пластин с вторичной обработкой найдено 23 шт. В основном это сечения, либо проксимальные фрагменты трапециевидных и треугольных экземпляров, шириной 7 – 14 мм. Преобладает дорсальная ретушь (рис. 2, 6). Из 34 найденных скребков 21 выполнены на пластинах, 12 на отщепах и 1 на горизонтальном сколе нуклеуса. Во всех случаях рабочий край оформлен ретушью с дорсальной стороны. Встречаются боковые, концевые, круглые, полукруглые формы изделий (рис. 2, 10, 12). Некоторые концевые скребки на пластинах имеют дополнительную подработку боковых граней, чаще с дорсальной стороны (рис. 2, 10). В единственном экземпляре в слое белого песка на межжилищном пространстве найден миниатюрный каменный топорик, длиной 50 мм, с протяженностью рабочей кромки 33 мм, линзовидный в сечении (рис. 2, 7). Рабочая поверхность тщательно зашлифована. Орудийный набор представлен также 3 каменными проколками, оформленными крупной дорсальной ретушью на пластинах, в одном случае с пришлифовой острия (рис. 2, 11). В количестве 6 экземпляров представлены наконечники стрел. Они зафиксированы как в слое, так и в заполнении и на дне обоих жилищ. Одно изделие, найденное на межжилищном пространстве, иволистной формы с острым бесчешковым насадом, оформлено на пластине бифасиальной сплошной струйчатой ретушью. Длина наконечника – 59 мм, ширина в срединной части – 12 мм (рис. 2, 9). Остальные наконечники имеют листовидную форму, выемчатый насад, оформленные мелкой пильчатой ретушью режущие кромки. Длина изделий – 20–25 мм, ширина в срединной части 17–20 мм, ширина насада 8–10 мм (рис. 2, 8). Все наконечники в сечении линзовидной формы.

Полученные в этом году керамика и предметы каменной индустрии полностью идентичны материалам жилища №16 и раннему комплексу жилища №14. Схожесть проявляется и в форме котлованов, их небольшой глубине. Таким образом, на сегодняшний момент в северно-восточной части поселения изучено уже 4 жилища, представляющих единокультурный поз-

дненеолитический комплекс. По характеристикам керамики, каменной индустрии, конструкции жилищ и стратиграфии он сильно контрастирует с неолитическими объектами юго-западной планиграфической группы, что не противоречит сложившемуся представлению об их разновременности.

Список литературы

Бобров В.В. Неолит Барабинской лесостепи (состояние изученности, проблемы и перспективы исследования) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этногенез и антропология: Материалы всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Михайловича Герасимова. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. – Т.1. - С.65-70.

Бобров В.В. К проблеме культурной принадлежности поздненеолитического комплекса поселения Автодром-2 // Окно в неведомый мир. – Новосибирск, 2008: изд-во ИАЭТ СО РАН. – С. 110-113.

Бобров В.В., Марочкин А.Г, Герман П.В., Соколов П.Г., Фрибус А.В. Исследования на поселении Автодром 2 в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т.ХIII. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – С.17-22.

Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А., Ефремова Н.С, Гаркуша Ю.Н. Исследование неолитического памятника Автодром 2 в Центральной Барабе – первые результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т.IV. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С.140-143.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЕЩЕРЕ ЛОГОВО ГИЕНЫ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)*

Пещера Логово Гиены расположена в 2,5 км к северу от пещеры Страшная по левому борту суходольного лога каньонообразного типа в отвесном уступе массивного блока раннесилурийских известняков. Высота входа пещеры над тальвегом лога составляет около 35 м, над урезом р. Большой Тигирек – около 115 м. Пещера состоит из двух субгоризонтально простирающихся галерей, расходящихся от входа в пещеру в северном и восточном направлении на 10 – 15 м вглубь скального массива. В предвходовой зоне пещеры видны фрагменты разрушенного денудацией субвертикального колодца, который ранее, несомненно, сообщался с субгоризонтальными галереями и выходил на дневную поверхность на высоте 5 м или более над современным входом в пещеру. В нынешнем полевом сезоне 2008 г. была вскрыта толща непотревоженных отложений центрального зала пещеры. Вдоль осевой линии правой (южной) галереи с азимутом простириания 80° зачищен продольный разрез протяженностью 3 м. В разрезе вскрыта толща глыбово-щебнистых отложений с супесчаным и легкосуглинистым заполнителем порового типа, залегающая на неровных выступах скального основания пещеры с довольно крутым (около 15-20°) падением в сторону предвходовой площадки. Общая мощность вскрытых отложений составляет от 0,5 м в квадрате 1 до 1,2 м в квадрате 3. Отложения представлены 6 слоями, подстилаются крупными глыбами, не являющимися скальным дном. Грунт просеивался на ситах с ячеями 1 x 1 см для сбора костей крупных позвоночных и средне размерных грызунов и зайцеобразных, а также на ситах с ячеями 0,1x0,1 см с последующей промывкой для получения материала по мелким позвоночным.

Слой 1. Суглинок легкий темно-серый с разнозернистой непрочной структурой, рыхлый, насыщенный хаотически ориентированным мелким щебнем. Является зоной механического разрушения пещерных отложений в результате современной биогено-антропогенной деятельности. Мощность слоя составляет от 3 до 5 см.

Слой 2. Щебнисто-дресвянистая толща с легкосуглинистым заполнителем базального, в прикровельной части порового типа. Щебнистый материал преимущественно крупный и средний, уплощенный, с острыми реб-

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 08-04-00483.

рами и слабо оглаженными вершинами, покрыт умеренно развитой (до 0,5 мм) белесой реактивной каймой, ориентирован согласно простиранию слоя. Заполнитель – суглинок легкий светло-серый, слабо сцементированный карбонатным цементом, с прочной разнозернистой структурой. Нижняя граница слоя четкая, ровная, местами денудационного типа, с явным угловым несогласием срезающая кровлю слоя 3, маркируется дресвяно-песчаным прослоем. Мощность слоя 2 составляет 15 см.

Слой 3. Глыбово-щебнистый горизонт с легкосуглинистым умеренно одревесневенным заполнителем коричневато-палевого цвета. Крупнообломочный материал слабоуплощенный, ориентирован согласно простиранию слоя. Имеет заглаженные ребра, покрыт умеренно развитой (до 1 мм) белесой реактивной каймой. Мелкий щебень и крупная дресва имеют изометричную форму, ориентированы хаотически. Наряду с невыветрелыми острогранными обломками встречаются оглаженные, с хорошо развитой белесой реактивной каймой. Встречаются единичные находки мелкой гальки экзотических пород, зачастую битой.

Заполнитель пористый, с непрочной разнозернисто-пылеватой структурой. Нижняя граница слоя четкая, имеет признаки слабого размытия отложений кровли слоя 4 и местами маркируется маломощным (2-3 см) прослоем интенсивной опесчаненности. Максимальная мощность слоя составляет 35 см.

Слой 4. Суглинок легкий, отемненный (гумусированный?) с непрочной мелкозернисто-пылеватой структурой, пористый. Местами в прикровельной части сцементирован прочным карбонатным цементом на глубину до 10 см. Существенно обеднен обломочным материалом, проективная площадь щебнистой фракции составляет 10-15%. Щебень преимущественно мелкий с единичными включениями среднего, острогранный, покрыт умеренно развитой реактивной каймой палевого и красновато-палевого цвета, легко ломается по внутренним трещинам. Нижняя граница слоя четкая, нарушена ходами крупных землероев. Мощность слоя возрастает по направлению к предвходовой площадке пещеры от 1 см до 15 см.

Слой 5. Суглинок легкий, в верхней части слоя белесо-палевый, сцементированный, в нижней части – темно-коричневый, умеренно пористый, в высохшем состоянии сыпучий. Обильно насыщен глыбово-щебнистым материалом, особенно в верхней части слоя, где заполнитель приобретает поровый характер. Обломочный материал в прикровельной части слоя преимущественно острогранный, уплощенный, в нижней части слоя – слабоуплощенный с заглаженными ребрами и развитой белесой реактивной каймой. Мощность слоя достигает 40 см.

Слой 6. Суглинок легкий, от светло-палевого до темно-коричневого, очень сильно уплотненный, с пелитоморфной структурой и линзовато-слоистой деформированной текстурой. Заполняет полости между крупными глыбами. Отмечены включения разложившихся до порошкообразного детрита мелких обломков костей и копролитов светло-палевого цвета, а

также щебня, выветрелого до состояния режущихся ножом мучнистых белесых стяжений. Глыбово-щебнистый материал отличается сильно загаженными ребрами и мощной (до нескольких мм) белесой реактивной каймой. Мощность вскрытых фрагментов слоя 6 достигает 25 см.

Фауна крупных млекопитающих. В результате полевых работ было получено свыше 3,8 тыс. костных остатков, из которых 17 % относится к числу определимых (табл. 1).

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих в пещере Логово Гиены

Таксоны	сл. 1	сл. 2-3*	сл. 4	сл. 5	сл. 6	Всего
Asioscalops altaica	1	4	1	2	-	8
Lepus tanaiticus		9	3	1	3	16
Lepus tolai	1	11	2	6	5	25
Ohotona sp.	-	3	-	1	-	4
Citellus sp.	-	18	9	10	2	39
Marmota baibacina	-	7	1	4	-	12
C. cricetus	-	22	40	1	1	64
M. myospalax	4	37	33	8	4	86
Arvicola terrestris	-	1	1	-	-	2
Canis lupus	-	7	-	-	-	7
V. vulpes	1	6	1	1	-	9
Vulpes corsak	-	1	-	-	-	1
Mustela altaica	-	1	1	-	-	2
M. meles	-	1	-	-	1	2
Crocuta spelaea	2	23	-	-	6	31
Panthera spelaea	-	-	-	-	1	1
Mammuthus primigenius	-	3	-	-	-	3
Equus ferus	-	8	1	3	1	13
Equus cf. hydruntinus	-	14	-	2	9	25
Equus sp.	1	84	7	17	14	123
Coelodonta antiquitatis	-	6	-	7	1	14
Cervus elaphus	-	9	-	1	-	10
Megaloceros giganteus	-	9	-	-	1	10
Bos (Poëphagus) baicalensis	-	-	-	1	-	1
Bison priscus	2	44	1	5	14	66
Capra sibirica	-	9	-	2	2	13
Ovis ammon	-	7	1	1	-	9
Ovis-Capra	-	11	4	3	4	22
Aves	-	10	12	4	4	30
Неопределенные обломки	106	2231	62	344	422	3165
Всего костных остатков	118	2582	180	424	495	3813

* Большинство костных остатков относится к слою 3.

Преобладают остатки мелкого размерного класса: обломки костей более 5 см составляют лишь 11 %. Находки крупных целых костей единичны. Это плюсневая кость крупной кабаллоидной лошади *Equus ferus* и пястная кость самца байкальского яка из слоя 5, пястная кость *E. ferus* из слоя 6; все они оказались раздавленными рухнувшими глыбами. Также из обломков удалось склеить большую часть клыка пещерного льва (слой 6). Мамонт представлен остатком «съеденного» pd 4 (слой 3; сохранилось 5 пластин), и двумя маленькими обломками зубов мамонта – пластины зуба, и его прикорневой части (слой 3). От гигантского оленя найдено два изолированных зуба и 8 их обломков, от шерстистого носорога – исключительно фрагменты зубов. Ревизия остатков крупных Cervidae из Логова Гиены показала, что все кости, определявшиеся ранее как принадлежащие лосю (Галкина, Оводов, 1975; Васильев, Оводов, Мартынович, 2006), на самом деле относятся к *Megaloceros giganteus*.

Резко выделяется обилием костей грызунов и птиц маломощный гумусированный слой 4. Остатки крупных млекопитающих в нём единичны: это зубы и фрагменты зубов лошадей и *Ovis-Capra*. Бизону принадлежит единственная кость – астрагал со следами погрызов.

Насколько можно судить по имеющемуся скучному материалу, видовой состав и относительное обилие остатков мегафауны по различным слоям изменяется мало. В целом остатки крупных млекопитающих свидетельствуют, что в момент отложения слоёв 3-6 в окрестностях пещеры господствовали открытые – степные пространства.

Фауна мелких млекопитающих. Обработано более 6 тыс. костных остатков, принадлежащих мелким позвоночным, большая часть которых принадлежит грызунам. Состав ископаемой фауны пещеры Логово гиены типичен для фаун Алтая позднеплейстоценового-голоценового возраста. По количеству остатков и видовому составу слои 1-2, вероятно, имеют голоценовый возраст, слои 3-6 – плейстоценовый.

В каждом слое доминирующими являются скальные *Alticola* (11%) и узкочерепные *Stenocranius gregalis* (12%) полевки, предпочитающие альпийские и субальпийские луга. Велика доля алтайского цокора *Myospalax myospalax*, населяющего степи, в том числе и кустарничковые, не терпящие сухие степи и каменистые участки. Действительно, доля петрофиловых пищух *Ochotona* незначительна и не превышает 3% от общего количества позвоночных. Доля суслика *Spermophilus* и степной пеструшки *Lagurus* в отложениях менее 3%. В количестве менее 1% отмечены лесные мыши рода *Apodemus*, мышовки *Sicista*, желтые пеструшки *Eolagurus*, сурок *Marmota* sp., тушканчики *Allactaga*, хомячки родов *Allocricetus* и *Cricetus*. Также менее 1% – доля летучих мышей.

Фауна мелких млекопитающих свидетельствует о преобладании открытых биотопов в период накопления осадков пещеры Логово гиены.

Выходы.

1. Возраст отложений пещеры позднеплейстоценовый-голоценовый.

2. Преобладающими ландшафтами в районе пещеры являлись степи, возможно луговые и злаковые. Кустарничковые сообщества были выражены не сильно. Распространение лесов было незначительно, о чем свидетельствуют малочисленные находки в ископаемой фауне типичных таежных обитателей.

3. Климат был мягкий без резких температурных перепадов и засух.

Список литературы

Васильев С.К., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Новые палеотериологические исследования пещеры Логово Гиены (северо-западный Алтай). // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006, т. XII, ч. I. С. 43-49.

Галкина Л.И., Оводов Н.Д. Антропогеновая террофауна Западного Алтая. // Систематика, фауна, зоогеография млекопитающих и их паразитов. Изд-во «Наука»: Новосибирск, 1975. С. 165-180.

**ФАУНА КРУПНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ
ИЗ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ
В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ***

Изучение плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры началось в 2005 г. В настоящее время здесь вскрыта верхняя часть плейстоценовой толщи на площади около 15 м². В строении разреза выделены стратиграфические подразделения, соответствующие литологическим слоям 9 и 11 в центральном зале пещеры [Деревянко и др., 2006].

В плейстоценовых отложениях восточной галереи обнаружены остатки не менее 39 таксонов млекопитающих, а также кости птиц, рыб и амфибий (табл. 1). Всего собрано более 23,7 тыс. костных остатков, из которых 7% являются определимыми. Этот показатель значительно больше, чем для отложений центрального зала пещеры [Природная среда..., 2003]. Вместе с тем раздробленность костного материала из верхнеплейстоценовых слоев в восточной галерее достаточно высока. Только 3,5% всех костных остатков составляют обломки длиной более 5 см. Самый крупный фрагмент дистального отдела берцовой кости бизона из горизонта 11.2 достигает в длину 21,6 см. В целом доля фрагментов костей, относящихся к крупным размерным классам, в отложениях восточной галереи заметно выше, чем в слоях 9 и 11 в центральном зале пещеры (табл. 2). Целые зубы лошади, бизона, гиены представлены единично. Около 15% зубов горного козла, архара и других животных подобного размера повреждены кислотной коррозией в желудках крупных хищников. Это относится, также, к обломкам фаланг, запястных, заплюсневых, сесамовидных костей копытных крупного и среднего размеров. На обломках костей крупнее 5 см следы явных погрызов хищниками отмечены в 6,8% случаев. Следов порезов каменными орудиями не зафиксировано. Редко встречаются обожжённые фрагменты костей.

Сохранность костного вещества хорошая, соответствует 0–1 стадии выветривания по шкале Беренсмейера [Behrensmeyer, 1978]. Фрагменты костей прочные, преимущественно светло-коричневого или желтовато-палевого цвета, без признаков вторичного распадения в виде свежих разломов или расслаивания кости. Практически все сколы патинизированы и часто оглажены под воздействием желудочного сока.

*Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ № 07-01-00441 и РФФИ № 06-04-49232.

Таблица 1. Видовой состав костных остатков позвоночных из плеистоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры

Таксоны	Слои											
	9.1	9.2	9.3	9 деф.	11.1	11.2	11.3	11.4	11 деф.	Кро- тови- ны	Всего	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Homo sapiens	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	
Asioscalops altaica	-	1	2	2	13	27	11	-	4	5	65	
Chirotheria gen. indet.	1	-	-	-	1	2	-	-	-	2	6	
Lepus tanaiticus	-	-	-	1	7	19	5	-	-	2	34	
Lepus tolai	-	-	-	-	3	14	1	-	2	-	20	
Ohotona sp.	-	-	-	1	3	6	1	-	-	-	11	
Pteromys volans	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	2	
Tamias sibiricus	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	
Citellus sp.	-	-	-	-	26	51	11	-	4	2	94	
Marmota baibacina	-	1	-	1	5	30	13	-	-	2	52	
Castor fiber	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	
Cricetus sp.	-	2*	-	-	-	2	1	-	2	-	7	
M. myospalax	-	1	8	4	70	157	45	2	7	14	308	
Rodentia gen. indet.	-	-	4	4	59	86	31	-	10	13	207	
Canis lupus	-	-	1	3	7	34	4	1	-	1	51	
Vulpes vulpes	-	-	1	-	6	28	5	1	-	-	41	
Vulpes corsak	-	-	-	-	-	12	-	-	-	-	12	
Cuon alpinus	-	-	-	-	-	4	4	-	-	1	9	
Ursus arctos	-	-	-	-	-	-	2	-	-	1	3	
Ursus rossicus	-	-	-	-	1	3	-	-	-	-	4	
Martes zibellina	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	2	
Gulo gulo	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	2	
Mustela erminea	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	2	
Mustela altaica	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	
Mustela eversmanni	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	
Crocuta spelaea	-	1	3	6	16	56	48	-	9	1	140	
Panthera spelaea	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	
Lynx lynx	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	
Felis manul	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	
Mammuthus primigenius	-	-	1	-	-	-	7	-	-	1	9	
Equus (E.) ferus	-	-	1	2	3	4	-	-	-	1	11	

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
E. ex.gr. hydruntinus	-	1	-	-	1	4	4	-	-	-	10
E. hydruntinus / ferus	-	-	1	1	6	65	9	-	2	2	86
Coelodonta antiquitatis	-	1	1	-	6	5	5	-	-	-	18
Cervus elaphus	-	-	1*	3	3	14	5	-	1	1	28
Megaloceros giganteus	-	-	1	-	-	4	4	-	-	-	9
Capreolus pygargus	-	-	2	-	1	11	6	-	5	-	25
Bison priscus	-	-	6	3	9	62	19	-	3	4	106
Saiga borealis	-	-	-	-	-	11	9	-	-	-	20
Capra sibirica	-	-	-	1	16	49	12	-	4	-	82
Ovis ammon	-	-	-	1	7	30	3	-	2	-	43
Capra / Ovis	-	1	8	6	15	76	12	-	7	11	136
Pisces	-	-	-	-	2	3	-	-	-	1	6
Amphibia	-	-	-	-	-	2	1	-	-	-	3
Aves	-	-	4	3	33	119	28	-	7	8	202
Неопределенные обломки	3	117	555	434	4243	9394	3568	83	2545	932	21874
Всего	4	126	600	477	4562	10393	3880	87	2614	1005	23748

Остатки млекопитающих распределены по слоям неравномерно. Их наименьшее количество содержится в литологических подразделениях слоя 9. Число костных остатков резко увеличивается в горизонте 11.1, достигает максимума в наиболее мощном горизонте 11.2, снижается в горизонте 11.3 и еще больше уменьшается в горизонте 11.4 (см. табл. 1). Из горизонта 11.2 получено 44% всего костного материала и около 60% всех определимых остатков.

Почти половину (48,6%) определимого материала составляют кости грызунов – крота, суслика, хомяка, цокора, белки-летяги, бурундуга, а также пищухи, рукокрылых, рыб, амфибий и птиц. Вероятно, большинство остатков этих видов попало в пещерные отложения из погадок хищных птиц. При подсчёте удельного веса остатков крупных млекопитающих перечисленные таксоны не учитывались, за исключением донского зайца и толая, а также крупных грызунов – бобра и сурка. Среди фрагментов костей и зубов крупных млекопитающих доля копытных и хоботных животных составляет 60,7%, хищных – 28,2%, зайца, сурка и бобра – 11,1%.

Наибольший интерес представляют находки следующих видов.

Человек *Homo sapiens*. Целая ногтевая фаланга предположительно мизинца руки подростка (определение Т.А. Чикишевой) обнаружена в отложениях горизонта 11.2.

**Таблица 2. Распределение фрагментов костей
крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений
в восточной галерее Денисовой пещеры по размерным классам**

Слои	Размерный класс							
	1-2 см		2-5 см		5-10 см		> 10 см	
	кости	в %	кости	в %	кости	в %	кости	в %
9.1	1	33,3	2	66,7	-	-	-	-
9..2	87	71,9	34	28,1	-	-	-	-
9..3	351	60,3	215	36,9	16	2,7	-	-
9 деф.	143	31,1	291	63,3	24	5,2	2	0,4
11.1	2913	67,1	1300	30,0	122	2,8	4	0,1
11.2	5868	59,6	3535	35,9	418	4,2	31	0,3
11.3	2195	58,8	1439	38,6	94	2,5	3	0,1
11.4	44	52,4	40	47,6	-	-	-	-
11 деф.	1994	77,3	545	21,1	38	1,5	1	0,04
Кротовины	581	60,8	358	37,4	16	1,7	1	0,1
Всего	14177	62,4	7759	34,1	750	3,3	42	0,2
ДП, центр. зал слои 9, 11	21126	76,9	6092	22,2	239	0,9	12	0,04

Лисица *Vulpes vulpes*. Ее останки по численности занимают третье место среди хищных животных – 4,3% определимых костей.

Корсак *Vulpes corsac*. Изолированные зубы, обломки метаподий, первых и вторых фаланг отмечены в горизонте 11.2.

Красный волк *Cyon alpinus*. Обломок нижней челюсти с P_2 , изолированный правый нижний клык, дистальная половина лучевой кости и целая *tibia*, склеенная из двух фрагментов, обнаружены в горизонте 11.2. Два изолированных клыка, один из которых неполный, пятончая кость без *tuber calcanei* и неполный астрагал найдены в горизонте 11.3. Проксимальная половина МС II найдена в заполнении кротовины.

Волк *Canis lupus*. Доля его костей составляет 5,3% определимых останков, уступая среди хищников только пещерной гиене. Большинство останков (61,2%) состоит из зубов и их фрагментов.

Бурый медведь *Ursus arctos*. Ему принадлежат два обломка зубов из горизонта 11.3 и неполный левый M_2 из кротовины.

Малый пещерный медведь *Ursus rossicus*. К этому виду отнесены фрагмент таза с частью суставной впадины (горизонт 11.1), обломок M_2 и целая левая МС V (горизонт 11.2).

Соболь *Martes zibellina*. Два изолированных нижних клыка этого хищника найдены в горизонте 11.3.

Росомаха *Gulo gulo*. К крупной особи относится дистальный конец метаподии и проксимальный конец правой МС V из горизонта 11.2.

Пещерная гиена *Crocuta spelaea*. Самый массовый вид хищных животных в тафоценозе пещеры – 14,6% определимых костей. Среди его останков 82,6% составляют изолированные зубы и их фрагменты, включая зубы молочной смены. Часть зубов и костей скелета несёт следы кислотной коррозии, что указывает на распространение каннибализма в популяции *Crocuta spelaea*. Крупные элементы скелета – погрызенные tibia без проксимального отдела и ветвь нижней челюсти обнаружены в горизонтах 11.1 и 11.2 соответственно. Относительное обилие костей гиены (более 10%) позволяет рассматривать пещеру как ее временное, вероятно сезонное, убежище, использовавшееся для выведения потомства.

Пещерный лев *Panthera spelaea*. Неполная вторая фаланга со следами сильной кислотной коррозии найдена в отложениях горизонта 11.2.

Рысь *Lynx lynx*. Целая левая МС I крупной особи обнаружена в пределах антропогенно-биогенного нарушения слоя 11.

Манул *Felis manul*. Впервые отмечен в отложениях Денисовой пещеры. Представлен левым верхним клыком из горизонта 11.3. Эмаль зуба растворена кислотной коррозией.

Мамонт *Mammuthus primigenius*. Обнаружено семь небольших обломков пластин зубов первых смен (pd 3–4) в горизонте 11.3 и два мелких фрагмента пластиночек бивня в горизонтах 9.3 и 11.3. Фрагменты зубов и бивней мамонта являются, скорее всего, отходами человеческой деятельности.

Шерстистый носорог *Coelodonta antiquitatis*. Доля этого вида составляет 1,9% определимых костных остатков. Большинство находок (83,3%) является мелкими фрагментами зубов. Суставной отдел лопатки и одна из костей запястья со следами сильной кислотной коррозии найдены в горизонте 11.2.

Кабаллоидная лошадь и плейстоценовый осел *Equus ferus/hydruntinus*. Оба вида представлены почти в равной степени – 10% и 11% определимых костных остатков соответственно. Основная часть этого материала (87,1%) – фрагменты зубов.

Косуля *Capreolus pygargus*. Многочисленные останки состоят из обломков зубов (28%) и костей дистальных отделов конечностей.

Благородный олень *Cervus elaphus*. Около половины его останков (46,4%) представлено фрагментами зубов. Части посткраниального скелета являются в основном обломками фаланг и диафизов метаподий, костями запястья.

Гигантский олень *Megaloceros giganteus*. Впервые отмечен в плейстоценовых отложениях Денисовой пещеры. Обломок правого Р₄ и фрагмент М₁₋₂ найдены в горизонте 11.2. Два фрагмента дорсальной поверхности диафиза плюсневой кости с характерным жёлобом и обломок диафиза пястной кости обнаружены в горизонте 9.3.

Бизон *Bison priscus*. Один из многочисленных видов – 11,1% определимых костных остатков. Фрагменты его зубов составляют 60,4%. Большинство частей посткраниального скелета – обломки фаланг, фрагменты запястья и сесамовидные кости несут следы кислотной коррозии. Среди этих

остатков не исключено присутствие костей байкальского яка *Poëphagus baicalensis*, пястная кость которого была найдена на соседней палеолитической стоянке Усть-Каракол [Барышников, 1998].

Сайга *Saiga tatarica*. Семь фрагментов зубов, две кости запястья и обломок calcaneus обнаружены в горизонте 11.2. Резец, три фрагмента метаподий, обломок первой фаланги и кость запястья найдены в горизонте 11.3.

Сибирский горный козел и архар *Capra/Ovis*. Наиболее многочисленная группа крупных млекопитающих – 27,2% определимых костных остатков. При этом количество костей горного козла более чем вдвое превосходит число костей архара.

Непропорционально высокая доля костных остатков *Carnivora* (28,2%) свидетельствует о большой роли хищников в формировании пещерного тафоценоза. Видимо, карстовая полость часто служила убежищем для пещерной гиены. Человек появлялся здесь, скорее всего, в определённые сезоны и, возможно, не каждый год. После ухода людей гиены растаскивали или полностью утилизировали отходы их охотничьей деятельности.

Идентифицированные костные остатки млекопитающих из слоя 9 единичны (см. табл. 1) и не позволяют уверенно судить об особенностях териокомплекса сартанского времени. В этом слое присутствуют фоновые виды, характерные и для слоя 11, накопление которого происходило в каргинское время. Это обстоятельство позволяет предположить, что развитие природных условий во второй половине позднего плейстоцена сопровождалось изменением количественного соотношения доминирующих видов животных, а не различным видовым составом фауны в каргинское и сартанское время.

Основная часть остатков мегафауны из слоёв 9–11 в восточной галерее пещеры принадлежит видам степных пространств – 68,8%. Доля костей млекопитающих лесостепных биотопов составляет 9,3%, на лесные виды приходится 5,8%, обитателям скал принадлежит 16,1% определимых костей.

Список литературы

Барышников Г.Ф. Палеоэкология древнейших обитателей Горного Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 42 – 49.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А. Изучение верхнепалеолитических слоёв в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 121–126.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Behrensmeyer A.K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering. // Paleobiology. – 1978. – Vol. 4. – № 2. – P. 150–162.

*О.И. Горюнова, А.Г. Новиков, А.В. Вебер,
Г.А. Воробьева, Л.А. Орлова*

ЗАВЕРШЕНИЕ РАСКОПОК РОССИЙСКО-КАНАДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БУХТЕ САГАН-ЗАБА НА БАЙКАЛЕ*

В 2008 г. Российско-Канадской археологической экспедицией завершены раскопки многослойного поселения Саган-Заба II, расположенного в одноименной бухте СЗ побережья оз. Байкал, в 150 км к СВ от г. Иркутска и в 13,5 км к ЮЮВ от пос. Еланцы (Ольхонский район Иркутской области).

Поселение обнаружено Северо-Азиатской экспедицией ИИФФ СО АН СССР (А.П. Окладников) в 1972 г. [Окладников, 1974]; частично раскопано той же экспедицией в 1974-1975 гг. [Асеев, 2003]. Комплексное, междисциплинарное изучение этого объекта возобновлено Российской-Канадской экспедицией в 2006 г. [Горюнова, Новиков и др., 2006]. В результате в восточной части бухты в обнажении берегового уступа (высотой 3-4 м над уровнем Байкала) по особенностям литологического состава и окраске выделено 3 пачки отложений, включающих 11 культурных слоев. Мощность исследованных рыхлых отложений 2,8-2,9 м. Раскопами 2007 г. вскрыты: верхняя, средняя и частично нижняя пачки, сопоставимые с субатлантическим (I-II культурные слои), суб boreальным (III верхний и III нижний) и атлантическим (IV верхний и IV нижний культурные слои) временем. Хронологический охват культуросодержащих слоев от раннемонгольского времени до развитого неолита [Горюнова, Новиков и др., 2007].

В 2008 г. вскрыты отложения нижней пачки (на глубину до 1,9-2,0 м), которые представлены переслаиванием грубообломочных слоев пролювиального генезиса и мелкоземистых гумусированных песчано-супесчаных слоев делювиального и пролювиально-делювиального генезиса. Накопление этой пачки относится к атлантическому периоду голоцен. К ним привязаны находки V-VII культурных слоев. В основании разреза залегает коллювиальный шлейф, в верхней части трансформированный в глыбовый пляж.

Комплекс V верхнего слоя - содержит керамику «посольского» типа (с утолщением венчиков с внешней или внутренней стороны), украшенную рядами отступающей лопаточки или штамповых вдавлений. Поверхность сосудов преимущественно гладкостенная, встречается с отисками тонкого шнура и затертой сетки-плетенки. Изделия из камня: стерженьки состав-

*Работа выполнена при поддержке гранта Совета общественных наук и гуманитарных исследований Канады № 421-2000-1000.

ных рыболовных крючков (один из них - китайского типа), заготовка ми-ниатюрной рыбки-приманки, угловые резцы, вкладыши-бифасы, призма-тические пластины и сколы (часть из них – с ретушью), скребки, обломок наконечника стрелы, скобель. В числе изделий из кости: ложка с плоским резервуаром, обломок гарпиона с отверстием в перё, долото и тесловидное орудие, проколка, обломки иглы и обоймы вкладышевого орудия.

На территории Прибайкалья керамика «посольского» типа зафиксиро-вана в чистых комплексах на Посольской стоянке, в V слое Горелого Леса, VI-VII слоях Катуни I [Савельев, Горюнова и др., 1974; Номоконова, Горю-нова, 2004]. Радиоуглеродные даты по двум первым объектам: 4630+150 (ГИН-6294) л.н. и 4880+180 (ГИН-4366) л.н. соответственно [Мамонова, Сулержицкий, 1989].

Сочетание керамики «посольского» типа с изделиями китайского типа отмечено в комплексах развитого неолита на ряде многослойных поселе-ний Прибайкалья: IV слой Итырхей, IV слой Окуневой IV, VII слой Кату-ни I [Горюнова, 2001]. Радиоуглеродная дата IV слоя Итырхей - 4740+155 (СОАН-3342) л.н.

Учитывая вышеперечисленные даты C^{14} и полученные по выше и ни-жележащим слоям Саган-Забы II: IV верхний – 4260+50 (СОАН-7147) и 4610+115 (СОАН-6587) л.н; IV слой - 4850+130 (СОАН-6594) л.н., считаем возможным принять ориентировочную датировку V верхнего слоя в пре-делах от 4,6 до 4,9 тыс. л.н.

В нижний слой представлен керамикой: с оттисками сетки-плетенки (без орнамента, с пояском ямочек, с прочерченными наклонными лини-ям), с негативами тонкого шнура (украшена рядами штамповых вдавле-ний), гладкостенная (без орнамента, со штамповыми вдавлениями, с про-черченными зубчатыми линиями, ниже которых – штамповые вдавления). Изделия из камня: скребки и скобели, наконечники стрел (с черешком, с вогнутой базой симметричными и асимметричными шипами), стержень-ки составных рыболовных крючков с боковым креплением острия, рыб-ка-приманка из мрамора (китайского типа), ножи на пластинчатых сколах кварца ишлифованный из сланца, топор с двусторонней обработкой сколами, призматические пластины и сколы (часть из них – с ретушью), вкла-дыши (один из них – бифас), угловой резец и резчики на призматических пластинах, отщепы. Среди изделий из кости: острие к составному рыбо-ловному крючку, обоймы вкладышевых орудий, обломок иглы, обломок орнаментированного изделия, бусина из кости, подвески из клыков благо-родного оленя. Найдены перламутровые плоские бусинки.

Радиоуглеродные даты: 4980+115 (СОАН-6595), 4980+110 (СОАН-6589) л.н. и 5455+150 (СОАН-6588) л.н.

Комплексы VI верхнего и VI нижнего слоев по составу и типологии ар-тефактов аналогичны и, видимо, относятся к одному культурно-хроноло-гическому периоду. Преобладает керамика «хайтинского» типа с негати-вами тонкого шнура; встречается с оттисками сетки-плетенки. Орнамент

на сосудах в виде: прочерченных горизонтальных, наклонных линий (и их сочетаний), «елочного» построения из прочерченных линий, горизонтальные ряды узкой отступающей лопаточки, поясок отверстий. Изделия из камня: изогнутый стерженек составного рыболовного крючка, скребки, тесловидное орудие с двусторонней обработкой лезвия сколами, призматические пластины и сколы (часть – с ретушью), скребловидное орудие, вкладыши на призматических пластинах, проколки, угловые резцы на призматических пластинах, призматический нуклеус, отщепы. В числе изделий из кости: односторонний гарпун, обоймы вкладышевых орудий (в одной сохранились 2 вкладыша), обломок иглы и рукоять, вероятно, ложки. Найдены мелкие плоские бусинки из перламутра.

Керамика «хайтинского» типа встречается в комплексах поселений раннего неолита Приангарья: VA и VI слои Горелого Леса, V и VA слои Усть-Хайты и др. [Савельев, Горюнова и др., 1974; Савельев, Тетенькин и др., 2001]. В тех же комплексах зафиксированы стерженьки составных рыболовных крючков китайского типа. Радиоуглеродные даты по этим слоям в пределах 5,5-6,9 тыс. л.н. Изогнутый стерженек составного крючка с зарубками в верхнем конце, обнаруженный в VI слое Саган-Забы, находит аналогии в комплексах X-XI слоев Улан-Хады (ранний неолит – финальный мезолит) [Горюнова, 1984], что подтверждает предложенную датировку.

Радиоуглеродные даты по слоям Саган-Забы: VI верхний – 5935+90 (СОАН-7151) и VI нижний - 6335+70 (СОАН-7150) л.н.

Материал VII культурного слоя не содержит керамики. Каменные изделия представлены: призматическими пластинаами, сколами, отщепами, вкладышами из призматических пластин, микро скребком, скобелем, угловыми резцами на призматических пластинах, провертной на сколе, резчиком на призматической пластине, призматическим и коническим нуклеусами. Изделия из кости: обоймы вкладышевых орудий, обломок двустороннего гарпуна с расширенным основанием и отверстием в нем, острие и обломки украшений из расщепленных клыков кабана.

Предварительная датировка комплекса - поздний мезолит (более 7 тыс. лет).

В целом, в 2008 г. на многослойном геоархеологическом объекте Саган-Заба II выделены и исследованы культурные комплексы разных периодов неолита и позднего мезолита включительно. Впервые для территории Приольхонья на поселении выявлена дробная стратификация культуроммещающих отложений периода неолита и получена по ним представительная коллекция артефактов. Выделены комплексы раннего (VI слой) и разных периодов развитого (V нижний, V верхний и IV слои) неолита. Отмечается определенная близость ряда изделий из комплексов развитого неолита с инвентарем китайских погребений. В дальнейшем планируется провести детальную корреляцию и синхронизацию полученных материалов с комплексами опорных, многослойных геоархеологических объектов Приольхонья.

нья и Приангарья. Новые данные позволяют уточнить и детализировать периодизацию и датировку культурно-хронологических комплексов неолита Прибайкалья.

В настоящее время полученные материалы и отобранные многочисленные образцы проходят аналитическую обработку.

Список литературы

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. - 208 с.

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984. – 17 с.

Горюнова О.И. Неолит Приольхонья (оз. Байкал) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 369-373.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Воробьева Г.А., Вебер А.В. Работы Российско-Канадской экспедиции в бухте Саган-Заба на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 311–314.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Воробьева Г.А., Вебер А.В. , Р. Дж. Лозей, Т.Ю. Номоконова, Л.А. Орлова. Продолжение раскопок Российско-Канадской экспедиции в бухте Саган-Заба на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 212–215.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по С14 погребений Прибайкалья эпохи голоцен // Советская археология. – 1989. - № 1. – С. 19-32.

Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив оз. Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – Вып. 2. – С. 117-123.

Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятник древней культуры Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 125 с.

Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 1. – С. 160-199.

Савельев Н.А., Тетенъкин А.В., Игумнова Е.С., Абдулов Т.А., Инешин Е.М., Осадчий С.С., Ветров В.М., Клементьев А.М., Мамонтов М.П., Орлова Л.А., Шибанова И.В. Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта – предварительные данные // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 338-347.

*А.П. Деревянко, А.А. Анойкин, М.А. Борисов,
С.В. Лещинский, И.В. Зенин*

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ТИНИТ -1 (ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН) В 2008 ГОДУ*

Стоянка Тинит-1 ($41^{\circ}55'01''$ с.ш., $48^{\circ}02'01''$ в.д.; а.в. - 724 м) расположена в 2 км к северо-востоку от с. Тинит (Табасаранский р-н Респ. Дагестан) (рис. 1,А).

Памятник был открыт в 2007 г., а его индустрии предварительно изучены по материалам разведочного шурфа (2 кв.м) и поверхностных сбров [Деревянко и др., 2007]. В 2008 г. Дагестанским отрядом экспедиции ИАЭТ СО РАН и ИЭА РАН начаты стационарные работы на объекте. В ходе них заложен раскоп 6х5 м, включивший в себя шурф 2007 г. (рис. 1,Б). Толща рыхлых отложений вскрыта по всей площади раскопа на глубину \approx 3 м, а на участке 2х2 м - до 5 м. На объекте выделено 8 слоев, содержащих 11 горизонтов залегания археологического материала (а.г.). Ниже приводится сокращенное описание разреза (сверху-вниз) (рис. 1,Б):

1. Суглинок темный серо-коричневый, плотный, в кровле - включения современного мусора. Истинная мощность (и.м.) - 0,2-0,3 м.

2. Суглинок темно-коричневый плотный, по-видимому, эолово-делювиального генезиса. В средней части встречаются редкие ходы землеройных животных. Содержит материалы а.г. 1. И.м. - 0,2-0,8 м.

3. Супесь коричневато-серая (при высыхании - светлая, белесая) пористая, пылеватая, с массой древесного угля (фрагменты до 1 см). Генезис, вероятно, делювиально-эоловый. Отложения сильно биотурбированы (множество нор) особенно в подошве. Содержит материалы а.г. 2-3. И.м. \sim 0,1-0,45 м.

4. Отложения близки таковым слоя 2. Отличие в сильно биотурбированной кровле, вертикальной тонкой трещинноватости и табачном оттенке отложений. И.м. \sim 0,65-1 м. Содержит материалы а.г. 4-6.

5. Отложения близки таковым слоя 3, однако, невыдержаны по простиранию (в южной части раскопа размыты?) и также трещинноваты. Из-за постоянного подъема поровых вод местами отложения не высыхают и имеют темно-коричневый цвет. Содержит материалы а.г. 7. И.м. - 0-0,6 м.

6. Суглинок темно-коричневый (при высыхании - светло-коричневый) плотный, по-видимому, делювиального (с примесью элового материала)

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 08-01-18076-е; РФФИ, гранты № 07-06-00096 и 08-06-10009-к.

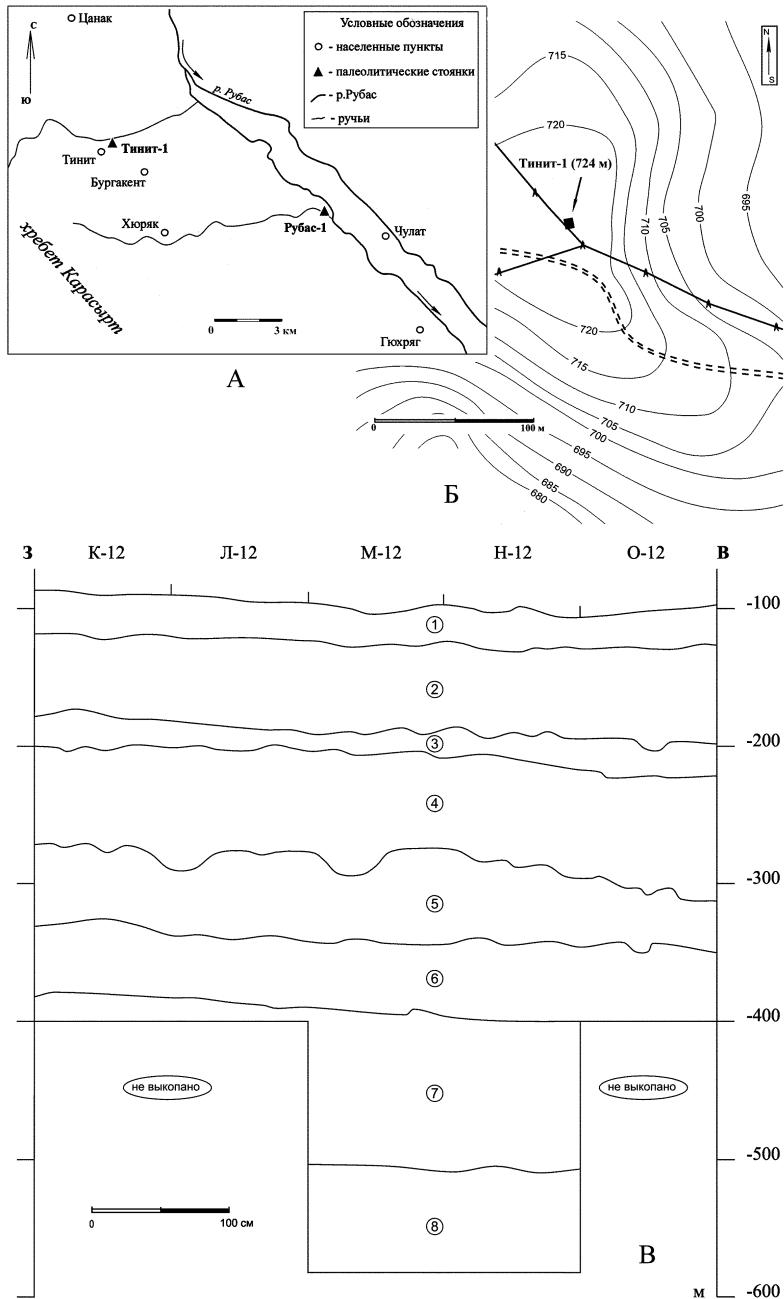

Рис. 1. Тинит-1. Карта-схема района работ (А), план расположения раскопа (Б) и стратиграфический разрез северной стенки (В).

генезиса. Отложения также разбиты многочисленными тонкими (1 мм), вероятно, гравитационными трещинами. Подошва слоя падает по азимуту 0 - 10° под углом до 10°. Содержит материалы а.г. 8. И.м. ~ 0,2-0,7 м.

7. Суглинок делювиальный, близкий таковому слоя 4. Содержит материалы а.г. 9. И.м. ~ 0,15-0,5 м.

8. Темно-коричневая (при высыхании – коричневая) песчанистая глина делювиального генезиса. Отличается от слоя 7 уменьшением в составе песчаных зерен. Содержит материалы а.г. 10-11. Видимая мощность >1,8 м.

Все изделия из раскопа (363 экз.) изготовлены из кремня и сильно окремненных пород (желвачный кремень, сильно окремненный известняк наружной части кремневых желваков и пластовый кремень), залегающих в коренных условиях на расстоянии 1-2 км от стоянки и прослеженных в нескольких обнажениях. Пластовый кремень использовался менее интенсивно, т.к. имеет сильную внутреннюю трещиноватость. Стоит отметить, что подобные внутренние дефекты характерны, в различной степени, для всех видов местного каменного сырья, что определяется геологической историей района (данные Н.А. Кулик).

Планиграфический анализ условий залегания археологического материала, наряду с данными стратиграфии, свидетельствуют о том, что он залегает *in situ* и претерпел минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Практически все изделия имеют горизонтальную или близкую таковой ориентацию, небольшой вертикальный разброс внутри археологических горизонтов (а.г.) и согласное залегание относительно вмещающих геологических тел. Также в ходе работ выделено два четко локализованных крупных скопления артефактов с маленьким вертикальным диапазоном разброса, а часть находок внутри наиболее насыщенных горизонтов апплицируется между собой. Основной массив находок (а.г. 2-6) связан со средней частью разреза (сл. 3-4) и его насыщенность резко снижается к подошвенной части. Вместе с тем, и на самых нижних уровнях вскрытой толщи отложений, даже при резком сокращении площади раскопочных работ (с 30 до 4 кв. м), фиксируется присутствие археологического материала. Кроме археологического материала во всех отложениях вмещающих культурные остатки отмечалось присутствие примазок древесного угля и разрозненных угольков, иногда достаточно крупных (а.г. 2-10). Остатки позвоночных в раскопе не обнаружены, что, по-видимому, связано с низкой скоростью седиментации и разрушением костей и зубов на дневной поверхности до захоронения.

Работы этого года, осуществлявшиеся на большой площади, позволили значительно расширить и уточнить представление о структуре памятника, а также зафиксировать значительно большее количество горизонтов залегания археологического материала, чем предполагалось ранее, по материалам шурфа 2007 г. Каменные артефакты, обнаруженные в ходе раскопок 2008 г., распределились следующим образом:

А.г. 1 (8 экз.): нуклеус - 1 (торцовый одноплощадочный монофронтальный для пластин на крупном сколе); пластины - 2, отщепы - 4 (рис. 2,14), обломки - 1. Орудийных форм нет.

А.г. 2 (23 экз., из них 18 экз. в одном локальном скоплении): пластины - 8, отщепы - 13, обломки - 2. Орудийный набор (4 экз.) представлен концепциями (2) и продольным атипичными скребками (рис. 2,8) и угловым резцом (?).

А.г. 3 (57 экз.): пластины - 10, отщепы - 28, обломки - 19. Орудийный набор (5 экз.): атипичный леваллуазский (?) остроконечник (рис. 2,9), остроконечник с центральной обработкой острия, ретушированная остроконечная заготовка, нож (?) со скошенным ретушированным обушком и отщеп с ретушью.

А.г. 4 - 54 экз. (из них 44 экз. в одном локальном скоплении): нуклеусы - 2 (параллельного принципа раскалывания монофронтальные двух- и одноплощадочные для удлиненных заготовок, последний, с очень острой ударной площадкой, сильно истощен); пластины - 16, отщепы - 24, обломки - 12. Орудийный набор (5 экз.) представлен ножами с обушком-гранью - 3 (рис. 2,10), плоским резцом и долотовидным изделием (?) на пластинах.

А.г. 5 (138 экз.): нуклеусы - 2 (параллельного принципа раскалывания: монофронтальные одноплощадочные для удлиненных заготовок - 3, в том числе два на крупных массивных сколах, из которых один с очень острой ударной площадкой; монофронтальные двухплощадочные с продольно-поперечным направлением снятий, при этом одна из ударных площадок очень острыя; торцовый для микроснятий (?) на сколе; фрагменты нуклеусов - 3; нуклевидные обломки - 2; пластины - 19 (рис. 2,11), отщепы - 51, обломки - 58. Орудийный набор (3 экз.) представлен ножом с обушком-гранью, угловым резцом на обломке (рис. 2,3) и ретушированной пластины со скошенным дисталом (рис. 2,12).

А.г. 6 (61 экз.): пластины - 13, в том числе 5 с фасетированными ударными площадками (рис. 2,1), отщепы - 25, осколки, обломки - 23. Орудийный набор (4 экз.) представлен клововидным изделием (?) на пластине и отщепами с ретушью (3).

А.г. 7 (6 экз.): нуклеусы - 1 (параллельного принципа раскалывания: монофронтальный одноплощадочный для удлиненных заготовок), пластины - 1, отщепы - 2, в том числе один с фасетированной ударной площадкой (рис. 2,2), обломки - 2. Орудийный набор представлен пластиной с ретушью (рис. 2,13).

А.г. 8 (8 экз.): нуклевидные обломки - 1; пластины - 3, отщепы - 3, обломки - 1. Орудийный набор представлен отщепом с ретушью.

А.г. 9 (2 экз.): обломки - 2. Орудийных форм нет.

А.г. 10 (3 экз.): отщепы - 1, обломки - 2. Орудийных форм нет.

А.г. 11 (3 экз.): пластины - 1, отщепы - 2. Орудийных форм нет.

Нестратифицированный материал получен при просмотре грунта обрушившихся фрагментов стенок раскопа, захвативших верхнюю часть раз-

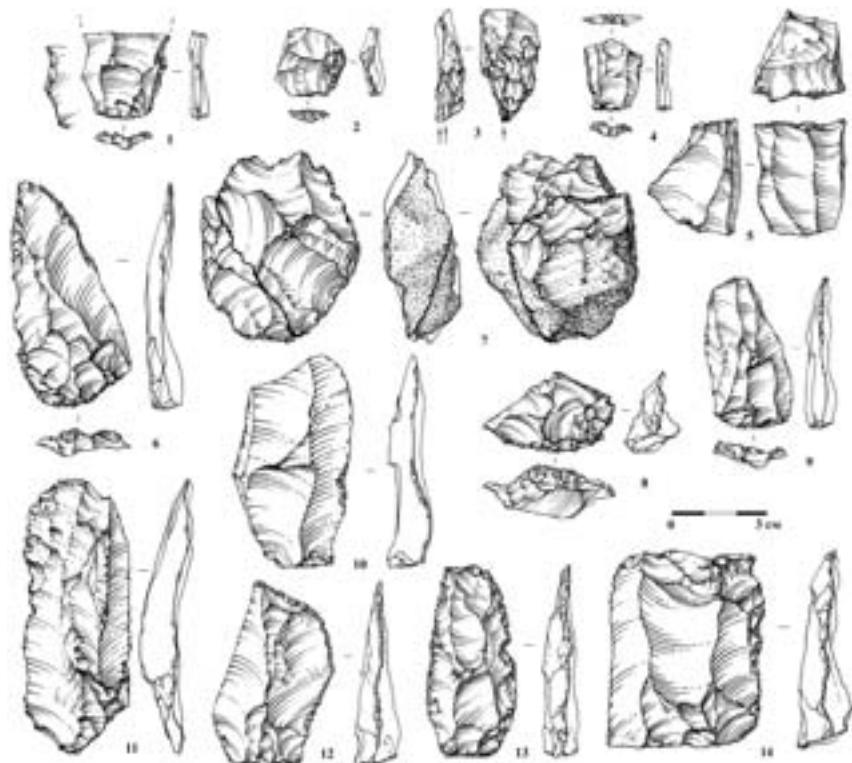

Рис. 2. Тинит-1. Раскоп. Каменные артефакты (художник Абдульманова А.В.).
 (14 - горизонт 1; 8 - горизонт 2; 9 - горизонт 3; 10 - горизонт 4; 3,5,7,11,
 12 - горизонт 5; 1 - горизонт 6; 6 - горизонты 2-5(?); 2,13 - горизонт 7).
 1,2,4 - леваллуазские сколы; 3 - резец; 5,7 - нуклеусы; 6,9 - атипичные левал-
 луазские (?) остроконечники; 8 - скребок (?); 10 - нож; 11 - пластина; 12 - ре-
 тушированная пластина со скошенным дисталом; 13 - пластина с ретушью;
 14 - отщеп.

реза. Предположительно он соотносится с а.г. 2-5. В коллекции (35 экз.) представлены: нуклеусы - 1 (параллельного принципа раскалывания бифронтальный двухплощадочный ортогональный, один из фронтов скальвания оформлен на торцовой грани), пластины - 5, отщепы - 6, обломки - 23. Орудийный набор представлен атипичным остроконечником с ретушью, близким к леваллуазским формам (рис. 2,6).

На основании анализа полученной коллекция артефактов, с учетом материалов шурфа 2007 г., можно сделать следующие заключения. Особенности распределения каменного материала в археологических горизонтах, его качественная и количественная характеристика, позволяют определить

памятник Тинит-1 как многократно посещаемый кратковременный охотничий (?) лагерь. Это может подтверждаться такими фактами, как малое количество артефактов в пределах горизонта, их небольшое распространение по площади, крайне низкий процент орудий, среди которых преобладают сколы с ретушью, остроконечные формы и ножи, насыщенность отложений мелкими частицами древесного угля. В пределах стоянки велась эпизодическая деятельность по первичному расщеплению камня, что подтверждает наличие локализованных рабочих площадок и большой процент апплицирующихся изделий.

Изделия первых пяти а.г. по технико-типологическим характеристикам соответствуют периоду позднего палеолита. Об этом свидетельствует применение верхнепалеолитической техники скола - редуцирование края ударных площадок подтеской и пришлифовкой. В нижних горизонтах (с а.г. 6), напротив, фиксируется использование среднепалеолитических техник расщепления (фасетированные и двухгранные площадки у части заготовок; сколы оформления леваллуазских ядрищ; целевые заготовки, близкие леваллуазским формам). Характеристика орудийного набора, в виду его малочисленности, не позволяет на данном этапе уточнить культурно-хронологическую позицию полученного материала, однако, не противоречит предложенному на основании технических параметров делению коллекции. Таким образом, в настоящий момент, можно соотносить археологический материал а.г. 1-5 с верхним палеолитом, а а.г. 6-11 - с финалом среднего и, возможно, более ранними его этапами. Показательно, что распространение артефактов в отложениях фиксируется на всю вскрытую мощность и работы на объекте были прекращены только в силу временных причин. Это позволяет надеяться, что в дальнейшем здесь будут обнаружены более древние и представительные технокомплексы.

Список литературы

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Кулик Н.А. Тинит-1 - новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. - С. 72-77.

**РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2008 ГОДА)***

В 2008 г. Дагестанским отрядом совместной экспедиции ИАЭТ СО РАН и ИЭА РАН были продолжены археологические работы на местонахождении Рубас-1 (Табасаранский р-н, Дагестан) [Деревянко и др., 2006; Деревянко и др., 2007].

Стационарные работы на местонахождении начались в 2006 г., когда по склону 28-метрового террасовидного уступа, на котором локализован памятник, была заложена разведочная траншея шириной 2 м, состоящая из нескольких ступеней, общей протяженностью 28 м и глубиной до 18 м от края уступа. На глубине ≈ 16 м от точки начала работ, на небольшом участке (≈ 2 кв.м) была вскрыта тонкая (до 0,15 м) гравийно-галечная прослойка, содержащая в небольшом количестве отдельности кремня, в том числе и с признаками искусственного расщепления. В ходе работ 2007 г. площадь раскопа была значительно увеличена и на уровне нижнего культуросодержащего горизонта составила 50 кв.м. Раскоп 10x5 м включил в себя и часть траншеи 2006 г. В 2008 г. к северо-западной стенке раскопа 2007 г. была сделана дополнительная прирезка итоговой площадью 12x5 м (рис. 1, А).

В результате работ 2006-08 гг. на сводном стратиграфическом разрезе памятника выделены следующие литологические подразделения (рис. 1, Б) [Там же, ...]:

В основании разреза залегают горизонтально-слойчатые темно-серые глины (сл. 6). Осадки морского генезиса и предположительно имеют миоценовый возраст (N_2^3 или древнее, до N_1^2 , устное сообщение Лещинского В.С.). На глинах, с большим хронологическим разрывом, залегает нижний культуросодержащий слой (сл. 5) представленный гравийно-галечной прослойкой мощностью до 0,4 м, с зеленовато-серым алеврито-песчаным заполнителем. Сл. 5 перекрывают мелкозернистые карбонатные пески светло-коричневого цвета, с прослоями светлых желтовато-коричневых глин, в которых встречаются отпечатки листьев и стеблей травянистых растений (сл. 4). Мощность ~ 8 м. Выше, с большим хронологическим разрывом, залегают гравийно-галечно-валунные отложения речного генезиса, местами слабо сцементированные до конгломерата (сл. 3). Встречаются невыдержан-

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, гранты № 07-06-00096 и 08-05-00773.

ные по простиранию прослои желтовато-рыжего песка (до 0,4 м). Мощность ~ 3,5-3,8 м. В слое присутствует археологический материал среднепалеолитического облика. Галечники перекрывает аллювиальный песок с прослойями светло-серого алеврита (сл. 2). Мощность ~ 0,3-0,6 м. Венчает разрез пачка светло-коричневых супесчано-суглинистых отложений сложного генезиса (совокупность коллювиальных, делювиальных и эоловых процессов) - сл. 1. В слое выявлено несколько уровней залегания каменных артефактов, относящихся к финалу среднего - верхнему палеолиту. Мощность - до 4 м.

В 2007 г. из траншеи и раскопа Рубас-1 отобраны 57 образцов на спорово-пыльцевой анализ. Лабораторная обработка образцов проводилась с применением сепарационного метода [Гричук, Заклинская, 1948] с навесками не менее 100 г сухого веса. Для подсчета концентрации были добавлены таблетки спор *Lycopodium*. Также, для интерпретации палеоспектров было отобрано 19 поверхностных проб из различных типов растительности Дагестана (от пустынной Прикаспийской низменности до широколиственных лесов по склонам хр. Карасырт). Поверхностные пробы были обработаны методом малых навесок, предложенным Faegri и Iversen [1989]. Для определения и подсчета зерен использовался световой микроскоп Zeiss AxioImager с увеличением х400 и определятели пыльцы и спор [Куприянова, 1965; Reille, 1992].

Спорово-пыльцевой анализ fossильных проб выявил крайне низкую концентрацию пыльцы в отложениях, часто не позволяющую насчитать даже 30 зерен в образце. При таких низких концентрациях пыльцы и спор применять статистические методы для интерпретации палинологических спектров и строить спорово-пыльцевую диаграмму не рекомендуется [Faegri, Iversen, 1989]. При этом сохранность зерен удовлетворительная.

Образцы, взятые из сл. 6 (таб. 1; рис. 1), характеризуются преобладанием в спектрах пыльцы древесных таксонов (сосна *Pinus* sg. *Pinus*, граб восточный *Carpinus orientalis* и береза *Betula*) и отсутствием пыльцы маревых и полыни. Анализ поверхностных спорово-пыльцевых спектров показал, что пыльца *Carpinus orientalis* и *Betula* имеют тенденцию отлагаться локально и не переноситься на большие расстояния, в то время как пыльца сосны может являться результатом дальнего заноса. Таким образом, можно предполагать распространение в описываемый период в окрестностях памятника широколиственных лесов.

Анализ образцов, полученных из сл. 4 показывает доминирование пыльцы древесных таксонов в образце с глубины 10,8 м (*Carpinus orientalis*, *Betula*, *Alnus*, *Quercus*), но небольшое преобладание пыльцы трав в образце с глубины 10,0 м (*Artemisia*, *Chenopodiaceae*, *Asteroideae*), что может характеризовать распространение открытых ценозов в это время в окрестностях памятника. В этой же пробе обращает на себя внимание большое количество хламидиоспор эндомикоризного гриба *Glomus*, который является показателем почвенной эрозии (Van Geel et al., 2003), что может свидетельствовать о существовании в данное время сухопутных условий в окрестностях стоянки. Возможно, это была прибрежная зона, характеризующаяся эрозионными процессами.

Таблица 1. Содержание пыльцы и спор в фоссильный палинологических пробах стоянки Рубас-1

Номер образца	R-R-35	R-R-39	R-R-56	R-R-57
Глубина, м	10,0	10,8	14,25	16,3
Номер слоя	4	4	6	6
<u>Древесные</u>				
<i>Pinus</i> sg. <i>Strobus</i>				1
<i>Pinus</i> sg. <i>Pinus</i>	3	7	3	11
<i>Pinus</i> sp.	3			
Pinaceae	1		2	
<i>Fagus</i>				1
<i>Carpinus orientalis</i>	17	8	10	4
<i>C. betulus</i>	1	1		
<i>Corylus</i>	1	2		
cf. <i>Acer</i>			1	
Ulmaceae	2		1	
<i>Betula</i>	1	2	3	4
<i>Alnus</i>		2		
<i>Quercus</i>		2		
<u>Травянистые</u>				
<i>Artemisia</i>	11	2	1	1
Chenopodiaceae	5	1		
Poaceae	2		1	
<i>Asteroideae</i>	3			
<i>Arctium</i>	1			
<i>Cichorioidea</i>				1
Lamiaceae	2		1	
Geraniaceae			1	
Rosaceae	1			
Herbae indeterminata	7	4	1	
<u>Споры</u>				
Polypodiophyta	3		1	
cf. <i>Sphagnum</i>	1			1
<i>Glomus</i>	102	2		1
Сумма зерен	64	31	26	23
Доля пыльцы древесных растений, %	45,3	77,4	76,9	91,3
Доля пыльцы травянистых растений, %	50,0	22,6	19,2	8,7

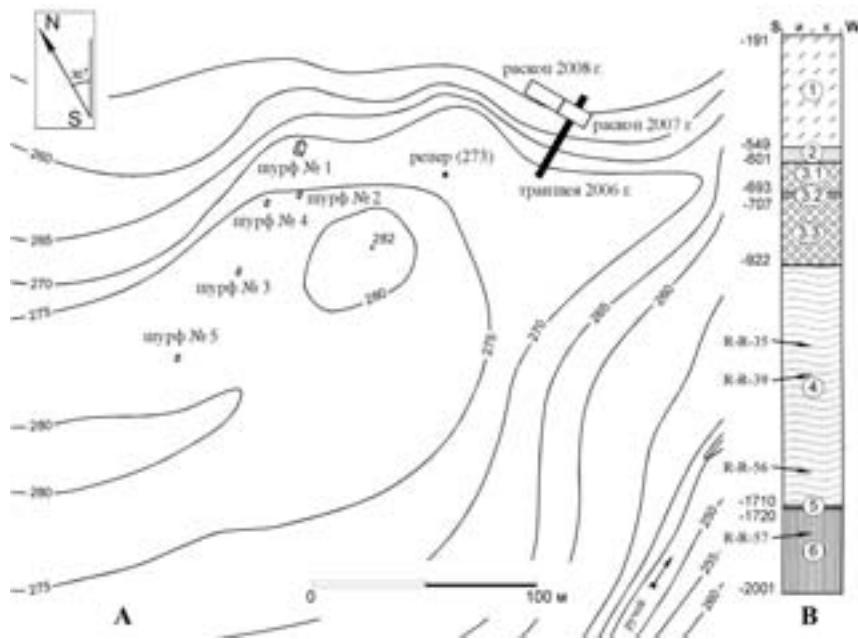

Рис. 1. Местонахождение Рубас-1. План-схема (А) и стратиграфическая колонка отложений по разрезу юго-западной стенки траншеи 2006 г. и уровни отбора образцов на споро-пальцевой анализ (R-R) (Б).

Древнейший археологический комплекс памятника связан со сл. 2. Среди угловатых обломков кремня, представленных в незначительном количестве в гравийно-галечной составляющей слоя, на некоторых предметах были выявлены признаки искусственной обработки. Их сохранность и облик определили разделение коллекции на две группы: типологически выраженные изделия и предметы с возможным антропогенным воздействием [Там же,...]. Изделия первой группы представлены, в основном, сколами, легко диагностируются, имеют четкие следы антропогенного воздействия и выраженную системность обработки. Предметы из второй группы, представлены обломками и осколками, видимая вторичная обработка которых не имеет четкой системы, не образует выраженных рабочих элементов и может носить естественный характер. Также в эту категорию попадает группа мелких сколов, с большой долей вероятности, образованных при естественном расщеплении кремневых галек вследствие соударения. Диагностика коллекции затруднена сильной «сглаженностью» поверхности артефактов, что, скорее всего, связано с абразионным воздействием на них песка в пляжно-прибрежных условиях, которые характеризуют формирование культуросодержащего гравийно-галечного слоя.

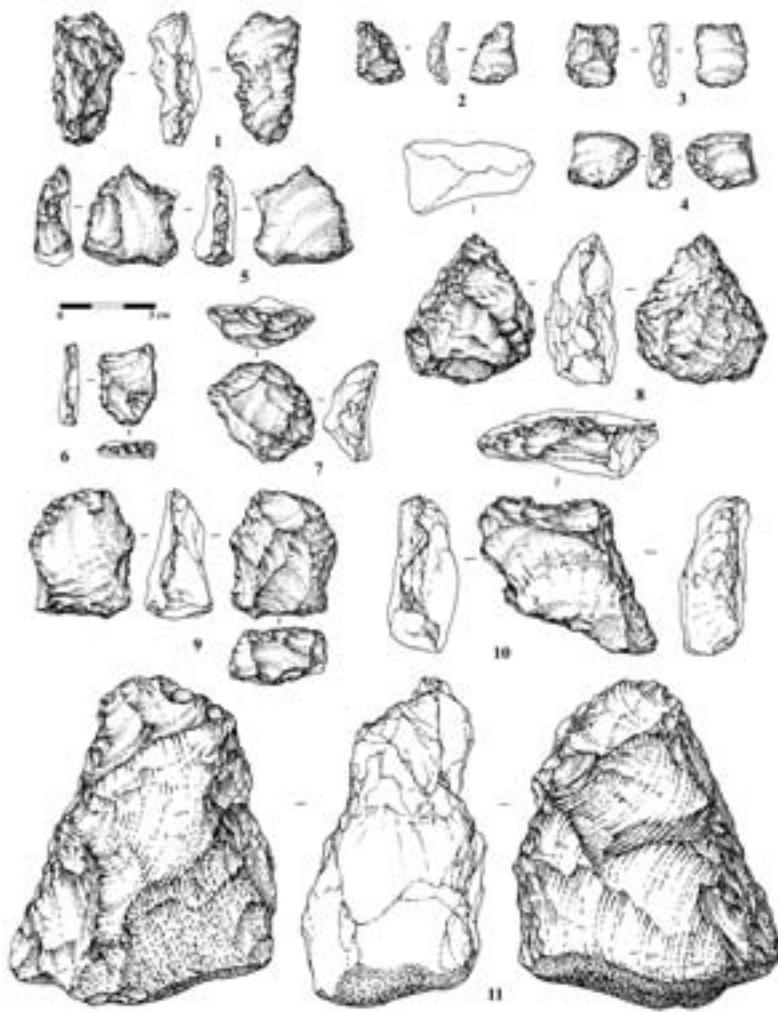

Рис. 2. Местонахождение Рубас-1. Раскоп 1. Каменные артефакты
(рис. Абдульмановой А.В.).

1 - зубчато-выемчатое изделие; 2,3,6 - сколы; 4,7 - атипичные скребки (?);
8 - рубильце (?); 9,10 - скребловидные изделия; 11 - рубящее орудие.

Общее количество обнаруженных в ходе работ 2008 г. кремневых отдельностей превышает 1000 экз. Предметы, в основном, имеют небольшие размеры (до 5 см), хотя встречаются единичные экземпляры окатанных желваков до 20 см по длиной оси. 29 экз. кремня имеют признаки искусственного расщепления разной степени выраженности. Типологически выраженные изделия - 18 экз. Из них: сколы - 15 (рис. 2,2,3,6), обломки - 3.

Сколы: крупные - 2, средние - 3, мелкие - 10. Часть их (4) представлена медиальными и медиально-проксимальными фрагментами. Определимые остаточные ударные площадки: гладкие (9) и естественные (2); дорсальные поверхности: гладкие, с бессистемной и ортогональной огранкой. Орудийный набор (9): крупное рубящее орудие на массивном окатанном обломке - 1 (рис. 2,11); рубильце (?) - 1 (рис. 2,8); скребловидные изделия - 2 (рис. 2,9,10); атипичные скребки (?) - 2 (рис. 2,4,7); орудия со срединным шипом - 2; зубчато-выемчатое орудие - 1 (рис. 2,1).

Вторая группа кремней (11 экз.) менее выразительна. Условно в ней можно выделить следующие типы изделий: нуклевидно обковотая галька (?) - 1; скребловидное изделие на плоской гальке (?) - 1; выемчатое изделие - 1; изделия с шиповидными выступами (?) - 2; скол (?) с ретушью - 1; сколы (?) и фрагменты сколов - 5.

Согласно предварительным стратиграфическим оценкам возраста раннепалеолитический комплекс Рубаса-1 является одним из древнейших на Кавказе. На сегодняшний день наиболее близкие аналогии данным артефактам прослеживаются в материалах стоянки Дарвагчай-1, датируемых Бакинским временем (Q₁b), что свидетельствуют о длительном существовании и развитии раннепалеолитических микроиндустрий на территории Северо-Восточного Кавказа. Местонахождения с микролитическим инвентарем доашельского и ашельского времени за последние десятилетия обнаружены в различных районах Африки, Европы и Азии и датируются в широком хронологическом диапазоне - от 2,3 до 0,3 млн л.н. Учитывая хронологию появление подобных микроиндустрий на Кавказе, их следует, вероятно, связывать с одной из древнейших миграций человека из Африки в Евразию.

Список литературы

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А. Новые данные о раннепалеолитическом комплексе местонахождения Рубас-1 (по материалам работ 2007 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. - С. 54-59.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Лещинский С.В., Славинский В.С., Борисов М.А. Нижнепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1: предварительные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. - С. 65-70.

Куприянова Л.А. Палинология сережкоцветных. - М.-Л.: Наука, 1965. - 215 с.

Van Geel B., Buurman J.J., Brinkkemper O., Schelvis J.J., Aptroot A., van Reenen G., Hakbijl T. Environmental reconstruction of a Roman Period settlement site in Uitgeest (The Netherlands), with special reference to coprophilous fungi // J. Archaeol. Sci. – 2003. – Vol. 30. – P. 873–883.

Reille M. Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. – Marseille: Laboratoire de botanique historique et palynologie, URA CNRS, 1992. – 520 p.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis / ed by K. Faegri, P.E. Kaland, K. Krzywinski. – 4th ed. – Chichester: John Wiley & Sons, 1989. – 328 p.

*А.П. Деревянко, В.Н. Зенин, С.В. Лецинский,
Н.А. Кулак, И.В. Зенин*

ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ДАРВАГЧАЙ-1 В 2008 ГОДУ*

Стационарные исследования раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-1 в Южном Дагестане проводятся с 2005 г. [Деревянко, Амирханов, Зенин и др., 2005]. В прибрежно-морских отложениях бакинского возраста (ранний неоплейстоцен), представленных ракушняками и конгломератами, выявлено несколько уровней залегания культурных материалов. За три предыдущих года раскопок на площади 60 кв.м. обнаружено 4738 каменных изделий. Индустрини характеризуются преобладанием микролитического инвентаря и многочисленностью орудийного набора (более 20 %). Детальными стратиграфическими исследованиями реконструированы основные этапы формирования культуросодержащих отложений в условиях нарастающей трансгрессии древнего Каспия и их последующей трансформации [Деревянко и др., 2006]. Расположение стоянки в прибойно-береговой полосе отразилось на сохранности инвентаря (98% предметов окатаны) и его перемещении в субаквальных условиях пляжа.

Раскопки стоянки в полевом сезоне 2008 г. проводились на площади 22 кв.м. В соответствии с единой схемой разметки памятника вскрытый участок раскопа обозначен как сектор № 6. Он непосредственно примыкает к раскопанному в 2007 г. сектору № 5, к северу от последнего. Сектор № 6 длинной стороной сориентирован с запада на восток и захватывает участок разрушающегося берегового обнажения Геджухского водохранилища. Раскопками в южной части сектора полностью вскрыты слои 5-9, а в северной части (квадраты И-К-9-10, К-11) отложения вскрыты до кровли прослоя 7/2. Получены стратиграфические разрезы отложений - западная (линия квадратов Е-К-9) и северная (линия квадратов К-9-15) стенки сектора. В разрезах отчетливо прослеживается последовательность выделенных ранее слоев от кровли слоя 1 в основании профиля до подошвы слоя 9. Исключением является отсутствие прослоя 7/1, что объясняется его локальным распространением в северной половине раскопа.

Отложения разреза весьма насыщены микрофауной – во многих образцах обнаружены сотни раковин и створок остракод и фораминифер прекрасной сохранности, что исключает возможность переотложения остатков. Анализ стратиграфического распределения остракод показал, что часть видов извес-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, гранты № 08-01-18071e, № 08-01-00321a.

тна с плиоценом (*Leptocythere andrussovi* Livental, *L. striatocostata* (Schweyer), *L. aff. cellula* Livental, *L. aff. bosquetti* Livental и др.). Другие впервые появляются в бакинское время (*Cytherissa bogatschovi* (Livental) var. *triformis* Livental, *Loxoconcha lepida* Stepanaitys, *L. gibboides* Livental, *L. immodulata* Stepanaitys, *Leptocythere aff. agninae* Stepanaitys, *L. gracilloides* Schornikov (= *resupina* Stepanaitys)), но известны и позднее. Некоторые виды соотносятся только с бакинским интервалом (*Leptocythere aff. maehae* Stepanaitys, *L. pauca* Stepanaitys). По изменению состава остракод для бакинских отложений Дарвагчая-1 можно выделить два комплекса: 1) ассоциацию с доминированием *Cyprideis littoralis* (Brady) и *Tyrrenocythere pseudoconvexa* Livental (слои 3 и 5); 2) с господством *Leptocythere* и участием пресноводных таксонов (слой 7). В верхней части разреза (со слоя 9) происходит резкое снижение численности остракодовой фауны и замена ее фораминиферовой. В сравнении со стратотипом бакинского горизонта (гора бакинского яруса, г. Баку) комплекс 1 сходен с микрофауной нижнебакинского подгоризонта. В комплексе 2 встречаются виды из нижне- и верхнебакинского подгоризонта стратотипа, поэтому его стратиграфическое положение пока не установлено, однако, зафиксированное изменение солености может быть связано с развитием трансгрессии [Лещинский и др., 2008].

Результаты анализа остракодовой и фораминиферовой фауны в целом согласуются с данными по фауне морских моллюсков. В основании разреза (слой 3) А.Л. Чепалыгой определены раннебакинские виды (*Didacna parvula* Nal., *D. cf. catillus* Eichw.) [Деревянко, Амирханов, Зенин и др., 2005]. Выше по разрезу (слой 5 и слой 8) Т.А. Яниной определены раковины моллюсков верхнебакинского подгоризонта (*Didacna rufa* Nal., *D. eulachia* (Bog.) Fed., *Didacna lindleyi* (Dash.) Fed., *Dreissena polymorpha* Pall., *Dr. rostriformis* (Desh.), *Unio* sp.) [Деревянко, Зенин, 2007].

Палинологический анализ в целом показал низкое содержание спор и пыльцы в отложениях Дарвагчая-1. Тем не менее, в осадке образца из середины слоя 3 удалось выделить 129 зерен. Основная часть (~ 87%) споро-пыльцевого спектра принадлежит травам – маревым (*Chenopodoaceae*: п/сем. *Cyclolobeae* C. A. Mey. и *Spirolobeae* C. A. Mey.), занимающим до 70 % в группе, а также осокам (*Cyperaceae*), злакам (*Poaceae*), зонтичным (*Apiaceae*) и цикориевым (*Cichoriaceae*). Деревья – сосна (*Pinus* s/g *Diploxyylon*), береза (*Betula* sect. *Albae* Rgl., *Betula* sp.) и дуб (*Quercus* sp.) занимают ~ 13% общего состава. Данный споро-пыльцевой спектр позволяет реконструировать обширные, открытые, достаточно сухие и, вероятно, сильно расчлененные ландшафты [Лещинский и др., 2008].

Культурные материалы зафиксированы в слоях 5, 6, 7 (прослои 7/2, 7/4) и 8. Отмечено абсолютное преобладание кремневого сырья, как в первичном расщеплении, так и для изготовления орудий (более 99 %). Сырьем служили хорошо окатанные гальки, желваки, аморфные обломки и плитчатые отдельности. Их размер колеблется в пределах от 4 до 15 см. Обилие кремня на участке расположения стоянки позволяло отбирать материалы

Стоянка Дарвагчай-1. Распределение каменного инвентаря по слоям

категория, тип	слой 5	слой 6	слой 7/2	слой 7/4	слой 8	всего
<i>первичное расщепление:</i>						
галька со сколами		15	11		34	60
плитка со сколами					1	1
обломок		43	84	4	228	359
скол		53	45	3	210	311
осколок	3	45	100	11	174	333
нуклеус		4	4		21	29
всего:	3	160	244	18	668	1093
<i>орудия:</i>						
выемчатое орудие		25	35	1	161	222
долотовидное орудие					4	4
зубчатое орудие			2		12	14
клювовидное орудие		4	3		8	15
пробойник		2			7	9
нож		2			5	7
острие		1			3	4
орудие типа пик					5	5
лимас					1	1
резец		2			5	7
скол/осколок с ретушью	1	22	31	1	132	187
рубило					1	1
скребло		1			23	24
скребок		12	16	2	104	134
шиповидное орудие		16	24		151	191
всего:	1	87	111	4	622	825
итого:	4	247	355	22	1290	1918

пригодные для изготовления орудий размером более 5 см. По сравнению с исследованными ранее участками, в слоях 6 и 7/2 отмечено существенное увеличение количества терригенных обломков в заполнителе. Это указывает на неравномерность в распределении обломков на разных участках культуро содержащих отложений.

Другой особенностью является серьезное нарушение слоев в виде отрыва крупного блока ракушняка (слой 7/2) и его смещение в юго-восточном направлении. В результате смещения глыбы были смяты и частично срезаны слои 4-6, а образовавшаяся трещина шириной до 1 м заполнилась отложениями слоя 8. В локальных понижениях рельефа создавались относительно благоприятные условия для накопления различных фаунистических остатков – раковин моллюсков и костей крупных млекопитающих. Большинство найденных остатков млекопитающих представлено в виде

неопределимых фрагментов трубчатых костей или костной трухи рассеянных по всей толще слоя 8. В числе остатков фауны найдены бивень слона, рог быка с остатками черепа и два фрагмента зубов.

Общее количество полученных в раскопе 2008 г. артефактов - 1918 экз. (см. табл.). В итоге коллекция каменной индустрии Дарвагчая-1 составила 6656 изделий из камня. В послойном распределении артефактов сохраняется устойчивый рост числа кремневых изделий вверх по разрезу: слой 5 – 4 экз., слой 6 – 247 экз., слой 7 – 377 экз., слой 8 – 1290 экз. Типологоморфологический состав индустрии в целом не изменился – сохраняется преобладание орудий размером до 30 мм и перечень основных категорий каменного инвентаря. Изменения наблюдаются лишь в процентном соотношении отдельных типов и категорий внутри технокомплекса. На примере более представительной индустрии слоя 8 (1290 изделий) прослеживается явное увеличение доли орудийного набора (более 40%), нуклеусов и сколов за счет существенного уменьшения количества обломков и галек с единичными сколами. Среди орудий возросло относительное число ретушированных сколов, выемчатых орудий, шиповидных орудий и скребков. Малочисленны галечные орудия (типа пик, с носиком, чопперы, отбойник, рубило) и ряд категорий орудий на сколах и обломках (острия, резцы, долотовидные орудия). Скребла, зубчатые и клювовидные орудия составляют устойчивые серии, хотя и не являются ведущими категориями орудий. Обращает внимание серия мелких (до 5 см) орудий на гальках и обломках с морфологическими параметрами орудий типа пик. Этот транзитный тип орудия (условное название «пробойник») встречается в слоях 5 и 6, но большее распространение получает в инвентаре слоя 8. Возможно, изменения состава индустриального комплекса в границах сектора № 6 является отражением существовавших в момент формирования культурного слоя локальных группировок инвентаря или производственных участков в пределах стоянки.

Список литературы

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Чепальига А.Л. Палеолитическое местонахождение бакинского времени Дарвагчай 1 (предварительные данные). // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, Ч. I. – С. 68-73.

Деревянко А.П., Зенин В.Н. Первые результаты исследований раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-1 в Дагестане // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 29-51.

Деревянко А.П., Лещинский С.В., Зенин В.Н. Стратиграфические исследования многослойной стоянки Дарвагчай-1 в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, Ч. I. – С. 102-108.

Лещинский С.В., Коновалова В.А., Бурканова Е.М., Бабенко С.Н. Палеонтолого-стратиграфические исследования в районе раннепалеолитических местонахождений южного Дагестана // Ранний палеолит Евразии: новые открытия. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 79-81.

ПЕЩЕРА ЧАГЫРСКАЯ – НОВАЯ СТОЯНКА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА АЛТАЕ

Районом особой концентрации среднепалеолитических памятников Сибири признается Алтай, где представлены различные по сохранности пещерные (Денисова, Окладникова, Усть-Канская, Страшная) и открытые (Усть-Каракол I, Ануй III, Тюмечин I, II) стоянки, распределенные по различным этапам среднего и первой половины верхнего неоплейстоцена [Деревянко, Маркин, 1992; Шуньков, 1990; Археология..., 1998; Природная среда..., 2003]. При интерпретации вариабельности индустрий среднего палеолита региона предлагаются две версии. Одни специалисты исходят из представлений разнородности «мустьерского» комплекса, другие, напротив, не склонны к чрезмерному дроблению алтайского среднего палеолита, отмечая несомненную его однородность, порожденную формой предковой ашельской индустрией. Однако все исследователи подчеркивают, что в перечне среднепалеолитических объектов Алтая особняком стоят технокомплексы с серийными «дежетоидными» артефактами из пещеры Окладникова, исследованные в 1980 - х гг. и сопоставимые с мустьерскими комплексами Закавказья, Юго-Западной Европы и Передней Азией. Объяснения такой индивидуальности предлагались различные, от определения особого типа стоянки, связанной с хозяйственной специализацией ее носителей, до необычных природно-климатических изменений, возможно, способствовавших формированию подобного типа культуры на определенной стадии сложения регионального среднего палеолита. Значение открытой Чагырской пещеры, которой посвящена настоящая заметка, заключается в том, что в ней обнаружены аналогичные материалы, что и в пещере Окладникова, видимо, открывающие новые перспективы в изучении среднего палеолита Алтая и оценки его вариабельности, в основе которой должен лежать многофакторный анализ.

Чагырская пещера (Краснощековский район, Алтайского края), расположенная в среднегорном районе Северо-Западного Алтая, приурочена к левому борту долины р. Чарыш, дренирующей отроги северного склона Тигирекского хребта. Пещера, северной экспозиции и высотой 25 м над уровнем реки, своей приостьюкой частью выходит на вертикальную поверхность уступа фрагмента цокольной террасы высотой 50 - 60 м., сложенной серыми, массивными, нижнесилурийскими известняками. На горизонтальной поверхности террасы прямо над пещерой под маломощной

современной почвой редко встречается окатанная галька и обломки валунов кристаллических пород. Пещера имеет два зала, площадью около 130 кв. м, один из которых дает начало трем почти полностью погребенным горизонтальным и вертикальным галереям.

По двум разрезам (поперечному и продольному) раскопа установлена стратиграфия рыхлой толщи, мощностью до 2,5 м. Она включает следующие литологические образования: песок темно-серый, рыхлый, преимущественно глиняный, плохо сортированный, разнозернистый, с мелкими обломками известняка и окатанной гальки (слой 1); галечник серый, плохо сортированный, с мелкими валунами, редкими обломками кавернозного известняка, с заполнителем плохо сортированного грубозернистого преимущественно глиняного песка, гравия и частиц лессовидного суглинка с острыми гранями (слой 2); алеврит темно-серый, рыхлый, плохо сортированный, с присутствием песчаных зерен, с мелкими угольками, полыми ходами растений до 1 мм в диаметре и сантиметровыми линзами сильно гумусированного материала (слой 3); алеврит серый, комковатый, плохо сортированный, с большим количеством глиняного песка и гравия, состоящего из зерен лёсса и почвы, встречаются мелкие, реже крупные, обломки известняка и мелкая галька кристаллических пород (слой 4); алеврит коричневато-желтый, при высыхании более светлый, плотный, карбонатный, плохо сортированный, слабоглинистый, с полыми корнеходами, включающий разноразмерные иногда кавернозные обломки известняка и гальку кристаллических пород (слой 5); алеврит желтовато-коричневый, более темный, плотный и глинистый, чем выше лежащий слой, карбонатный, с полыми корнеходами, плохо сортированный, включающий обломки известняка и гальку кристаллических пород, в верхней части - пятна и линзы темно-серого гумусированного глинистого алеврита, видимо, представляющие остатки ископаемой почвы (слой 6а); песок серовато-коричневый, плотный, преимущественно глиняный, плохо сортированный, алевритистый, с зернами крупнозернистого песка и мелкого гравия кристаллических пород, с частыми корнеходами, встречаются обломки известняка и окатанная галька различного состава, иногда выветрелая до глинообразного состояния (слой 6б); алеврит коричневато-серый, в верхней части желтовато-зеленый и зеленоватый, плотный, глинистый, плохо сортированный, с полыми корнеходами, галькой, преимущественно мелкой, кристаллических пород, окатанных зерен кварца размером крупного песка и мелкого гравия (слой 6в/1); алеврит серовато-коричневый, плотный, плохо сортированный, крупный, с полыми корнеходами, обломками монтмориллонитовой темно-серой и коричневатой глины, зерен кварца размером песка, глиняного песка, гальки кристаллических пород (слой 6в/2); песок черный, преимущественно глиняный, плотный, грубозернистый, плохо сортированный, состоящий из окатанных зерен черной монтмориллонитовой глины, включающий зерна кварцевого песка и мелкую слабо выветрелую гальку кристаллических пород, встречаются зеркала скольжения до 5 см

(слой 7а); песок красновато-коричневый, плотный, глиняный, плохо сортированный, разнозернистый, слабо окатанный, в нижней части с обильной мелкой галькой (слой 7б); песок коричневато-серый, темный, плотный, грубозернистый, плохо сортированный, преимущественно глиняный, с большим количеством хорошо окатанной гальки кристаллических пород и обломков валунов, кусочков глин, зерен кварца, разложившегося известишка (слой 7в); черная корка, по-видимому, окислов Mn, очевидно, перекрывающая коренные породы дна пещеры (слой 8).

В разрезе рыхлой толщи Чагырской пещеры отчетливо выделяются голоценовые (слои 1 – 4) и неоплейстоценовые образования, делящиеся на две части. Верхняя часть, из них сложена преимущественно субаэральными осадками, в которых выделяются два разновозрастных горизонта (слой 5 и слои ба, б, в/1, в/2) лессовидных отложений. Залегающие в основании разреза преимущественно глиняные пески (слои 7а, б, в) представляют иной цикл седиментации.

Археологический материал, обнаруженный в неоплейстоценовых осадках, распределяется неравномерно. В слоях 5, 7а, б, в представлены единичные артефакты пока не допускающие увереных сопоставлений. Богатейшие индустрии, основанные на яшмоидах, роговиках, алевролитах, песчаниках вместе с остатками мегафауны (носорог, мелкая и крупная кобаллоидная лошади, бизон – як, северный и благородный олень, сибирский горный козел, архар, волк, лисица, пещерная гиена) содержат средняя часть пещерной толщи, образованная всеми подразделениями пород слоев 6. Особенностью преимущественно, однотипного инвентаря, из какого бы осадка он не происходил, является малое количество ядрищ. Для большинства сколов характерно смещение корпуса заготовки от оси снятия, что в сочетании с лицевой огранкой свидетельствует о преобладании приемов радиального расщепления. Вторичная обработка осуществлялась, в основном, с помощь разнообразных ретушных отделок. Преобладает ретушь лицевая, полукрутая, средняя, полуглубокая и захватывающая, двурядная и чешуйчатая. Отмечается отделка, образующая обушковые части и выделяющая рабочие элементы орудий (ретушь, различные анкоши). Выделяются и различного рода утончения заготовок с целью удаления бугорков, подтески базальных частей, исправления кривизны профиля, уплощения кромок и угла схождения лезвий артефактов типа *déjeté*. Типологической основой набора орудий являются скребла и орудия типа *déjeté*. Среди скребел большинство одинарных боковых и поперечных форм, меньше двойных параллельных и конвергентных орудий, единичны скребла с ретушью по периметру, утонченной спинкой, типа полукина, ретушью с брюшком и противолежащей отделкой. Выделяются скребла-ножи с естественными и искусственными обушками либо противолежащими рабочим ретушированным кромкам, либо примыкающими к ним под углом. Орудия типа *déjeté* самых разнообразных двойных и тройных комбинаций, различаются по количеству активных кромок, их ориентации, форме, отделке и углу

схождения. Немногочисленные группы артефактов образуют зубчатые изделия, ретушированные анкоши, остроконечники, бифасы - обушковые формы с косым утолщенным краем.

Состав технокомплексов 6-х слоев пещеры определяет разновидность памятника – стоянка с ограниченным циклом расщепления, где следы начальной стадии раскалывания сырья практически отсутствуют. Об этом свидетельствует небольшое количество ядрищ в технокомплексах пещеры. Допустимо предположить, что апробирование и начальная обработка горных пород, проводилась человеком вне пещеры, на русловых галечниках Чарыша. На место обитания доставлялись лишь заготовки в виде укороченных сколов, которые преобразовывались в орудия. С этим связано большое количество мелких чешуек, которые являются производными процесса ретуширования. Аналогичная структура технокомплексов, равно как типологический состав инвентаря имеет единственный аналог в среднем палеолите Алтая – пещере Окладникова.

Список литературы

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоценаГорного Алтая /Деревянко А.П., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Дергачева М.И., Дупал Т.А., Малаева Е.М., Маркин С.В., Молодин В.И., Николаев С.В., Орлова Л.А., Петрин В.Т., Постнов А.В., Ульянов В.А., Феденева И.К., Форонова И.В., Шуньков М.В. - Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СОРАН, 1998. – 176 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая /А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003.- 448 с.

Шуньков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 160 с.

*А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Л. Булатович, А.Н. Зенин,
В.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, М. Бакович, И. Меденица*

ПЕРВЫЕ РОССИЙСКО-ЧЕРНОГОРСКИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Весной 2008 г. Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук и Центр археологических исследований Черногорской академии наук и искусств провели первые совместные экспедиционные исследования по поиску древнейших археологических памятников на территории Республики Черногория.

Черногория – небольшая горная страна на юго-западе Балканского полуострова занимает площадь 14 тыс. км². Основная часть ее территории, за исключением относительно узкой полосы Адриатического побережья и приозерной равнины, прилегающей с северо-запада к Скадарскому озеру, занята горными массивами, сложенными преимущественно известняками с хорошо развитыми карстовыми формами рельефа.

До настоящего времени на территории Черногории было известно семь палеолитических объектов. Наиболее информативный среди них – грот Щрвена Стена [Basler, 1971], расположенный на крайнем западе страны у границы с Боснией и Герцеговиной. В многометровой литолого-стратиграфической колонке отложений в гроте вскрыто более 30 культурных слоев, представляющих последовательность от предмистьерской стадии до финала палеолитического времени, а также эпохи мезолита, неолита и бронзового века [Щрвена Стијена, 1975]. Палеолитические артефакты обнаружены также в гротах Госпича Врх около г. Никшич в западной части страны, Малышана Стена [Radovanović, 1986] и Медена Стена [Mihailović, 1996] в общине Плевля и Шалинтрача [Strejović, 1996] в районе г. Плужине на северо-западе территории, Биочи [Đuričić, 1997] около г. Подгорица в центральном районе, Требачки Крш [Đuričić, 1996] в общине Беране на северо-востоке страны.

В первый год российско-черногорских исследований предполагалось проведение рекогносцировочных работ по выявлению наиболее перспективных районов поиска палеолитических стоянок, расположенных в карстовых полостях – пещерах, гротах, под скальными навесами, а также на склонах и террасах речных долин.

Исследования проведены в южном, центральном, северном и северо-восточном районах Республики Черногории.

На юго-западном побережье Скадарского озера обследованы пещеры в окрестностях с. Муричи, их координаты: 42° 09' 34.3"с.ш. (далее N) и 19°

13° 02.9" в.д. (далее Е), абсолютная высота (далее Н) 72 м и у с. Пристань (N 42° 13' 38.2", E 19° 08' 14.4", H 160 м).

В окрестностях с. Трново обследованы пещеры Горбица (N 42° 17' 14.4", E 19° 02' 07.4", H 413 м), Спила (N 42° 17' 28.1", E 19° 13' 02.9", H 338 м) и Бабаташ (N 42° 17' 22.8", E 19° 02' 05.4", H 353 м).

В долине р. Морача обследован грот Михайлов Крш (N 42° 47' 07.3", E 19° 23' 51.8", H 430 м), осмотрен участок под скальным навесом Биочи (N 42° 31' 02.3", E 19° 20' 42.1", H 150 м), обследованы новые обнажения на участке, примыкающем к палеолитической стоянке Биочи, определены границы распространения артефактов, обследованы предполагаемые источники сырья – конгломераты у слияния рек Морача и Малая Река.

В долине р. Циевна у с. Ловка обследовано три пещеры (N 42° 24' 49.2", E 19° 26' 38.4", H 160 м; N 42° 24' 51.4", E 19° 26' 38.5", H 190 м; N 42° 24' 54.6", E 19° 26' 38.9", H 450 м).

В районе Фундина обследованы: две пещеры (N 42° 27' 27.8", E 19° 21' 38", H 646 м; N 42° 25' 47.6", E 19° 22' 59.7", H 623 м) у с. Лопари, а также пещера (N 42° 30' 43.7", E 19° 25' 33.7", H 92 м) и два, расположенных рядом, карстовых колодца (N 42° 30' 44.4", E 19° 25' 26.3", H 903 м.) у с. Цвилин.

В районе Комани у с. Милати обследованы пещеры Глумска (N 42° 28' 13.4", E 19° 03' 07.6", H 708 м), Евова (N 42° 28' 10.3", E 19° 03' 21.9", H 700 м), Грилова (N 42° 27' 54.3", E 19° 04' 06.7", H 620 м) и Косова (N 42° 27' 49.1", E 19° 04' 18.5", H 615 м).

В районе г. Херцег-Нови у с. Врбань обследованы Большая (N 42° 34' 19.2", E 18° 29' 27.8", H 1165 м) и Малая (N 42° 34' 19.3", E 18° 29' 19.6", H 1190 м) пещеры.

В районе г. Никшич на северо-западном берегу водохранилища Ливеровичи обследованы два расположенных рядом грота (N 42° 44' 50.6", E 19° 03' 19.9", H 750 м).

В долине верхнего течения р. Чехотина между ее истоком и с. Пончквице обследована пещера коридорного типа и соседний грот (N 43° 08' 42.3", E 19° 32' 53.0", H 1180 м), на северо-западной окраине с. Блишково – участок под скальным навесом (N 43° 09' 46.5", E 19° 32' 52.9", H 1096 м), у с. Коврен – четыре расположенных рядом грота (N 43° 10' 03.8", E 19° 33' 22.0", H 1100 м), у поворота долины на северо-запад от шоссе между населенными пунктами Вруля и Матаруге (вершина с отметкой 895 м) – участок под скальным навесом (N 43° 13' 58.8", E 19° 27' 13.2", H 933 м).

В долине р. Быстрицы, правого притока р. Лим, обследованы две пещеры у с. Быстрица (N 43° 04' 19.4", E 19° 51' 45.0", H 662 м; N 43° 04' 26.3", E 19° 51' 31.9", H 780 м) и пространство под скальным навесом над монастырем Святого Николы (N 43° 04' 09.5", E 19° 54' 22.2", H 982 м).

В долине р. Калуджерска, правого притока р. Лим, в 0,5 км ниже монастыря Калудра обследованы четыре расположенных рядом грота (N 42° 47' 57.6", E 19° 54' 53.4", H 892 м) и в 1 км ниже по долине – еще один грот (N 42° 47' 46.3", E 19° 54' 19.0", H 900 м).

В долине р. Тара обследована пещера у монастыря Добриловина ($N\ 43^{\circ}\ 01' 27.7"$, $E\ 19^{\circ}\ 23' 49.9"$, Н 960 м).

На юго-восточном побережье Адриатического моря на северо-восточной окраине г. Старый Бар, в устьевой зоне каньона р. Рикавац, обследованы участок под скальным навесом и выходы кремня ($N\ 42^{\circ}\ 05' 48.9"$, $E\ 19^{\circ}\ 08' 15.5"$, Н 185 м), у с. Чань, выше моста через каньон, – участок под скальным навесом ($N\ 42^{\circ}\ 10' 20.5"$, $E\ 19^{\circ}\ 00' 06.9"$, Н 202 м), между г. Улцинь и с. Пистула – местонахождение кремня Красный Берег ($N\ 41^{\circ}\ 56' 35.1"$, $E\ 19^{\circ}\ 14' 53.1"$, Н 70 м).

Всего обследовано 42 карстовые полости. В них, как правило, отсутствуют рыхлые отложения плейстоцена и, следовательно, следы пребывания первобытного человека.

Археологический материал обнаружен в скальных укрытиях в долине р. Быстрицы, правого притока р. Лим. В небольшом сухом гроте по правому борту долины у северо-восточной окраины с. Быстрица ($N - 43^{\circ}\ 04' 26.3"$, $E - 19^{\circ}\ 51' 31.9"$, Н 780 м) зафиксировано два фрагмента толстостенной керамики без орнамента и фрагмент венчика сосуда с ногтевыми защипами и диагонально «прочерченными» тонкими линиями, предположительно датированный эпохой позднего неолита – энеолита. В 1,5 км вверх по долине от с. Быстрица на левобережном склоне у входа в небольшой грот ($N\ 43^{\circ}\ 04' 19.4"$, $E\ 19^{\circ}\ 51' 45.0"$, Н 662 м) найден кремневый отщеп треугольной формы со следами подправки на дистальном конце (остроконечник ?) и фрагмент толстостенной керамики без орнамента. На предвходовой площадке перед скальным навесом по левому борту долины над монастырем Святого Николы ($N\ 43^{\circ}\ 04' 09.5"$, $E\ 19^{\circ}\ 54' 22.2"$, Н 982 м) в темноцветных отложениях под слоем опавшей листвы обнаружены два фрагмента гладкостенной керамики, в т.ч. отогнутый наружу венчик сосуда.

В окрестностях г. Бар, на северо-восточном берегу залива Биговица ($N\ 42^{\circ}\ 04' 39.5"$, $E\ 19^{\circ}\ 05' 06.1"$, Н 10 м), на тропе вдоль берега обнаружен кремневый отщеп со следами дорсальной отвесной ретуши по периметру (скребок ?).

На северо-восточной окраине г. Старый Бар, по правому борту устьевой зоны каньона р. Рикавац ($N\ 42^{\circ}\ 05' 48.9"$, $E\ 19^{\circ}\ 08' 15.5"$, Н 185 м) в обнажениях русла ручья и вдоль дороги, ведущей вглубь каньона, обнаружены палеолитические каменные артефакты – нуклеус, скребло, скребок, отщепы с ретушью, сколы, а также выходы каменного сырья в виде прослоев и отдельных желваков черного, зеленого и красного кремня хорошего качества.

Наиболее перспективными для дальнейших поисков и изучения палеолитических объектов являются:

1. Палеолитическое местонахождение Старый Бар.
2. Местонахождение кремня Красный Берег (Улцинь – Пистула).
3. Карстовые полости и террасовые уровни в бассейне р. Лим.
4. Пещерная полость на левобережье долины р. Тара у монастыря Добриловина – большой сухой грот ($N\ 43^{\circ}\ 01' 27.7"$, $E\ 19^{\circ}\ 23' 49.9"$, Н 960 м)

площадью более 1 тыс. м². Предварительный осмотр грота позволил предположить наличие в нем относительно мощной толщи рыхлых отложений, в т.ч., возможно, плейстоценовых осадков.

Перспективно, также, возобновление исследований плейстоценовых отложений под скальным навесом Биочи, расположенным по левому борту долины р. Морача, при ее слиянии с левым притоком р. Малая Река, где в 1988, 1995 и 1996 гг. велись раскопки культурных слоев эпохи палеолита [Žižić, Srejović, 1987; Đuričić, 1997].

Весь археологический материал, обнаруженный в ходе совместных экспедиционных исследований, передан на хранение в Центр археологических исследований Черногории в г. Подгорица.

Список литературы

Basler D. Crvena Stijena, Petrovići, Nikšić, Station paleolotique Epoque préhistorique et protohistorique en Yougoslavie. Recherches et resultats. – Beograd, 1971.

Đuričić L.J. The chipped stone industry from the rock shelter of Trebački krš // Prehistoric settlements in Caves and Rock-shelters of Serbia and Montenegro. – Beograd, 1996. – Fasc. I.

Đuričić L.J. Artefakti od krečnjaka i peščara na lokalitetu Bioče // Glasnik Srpskog arheološkog društva. – Beograd, 1997. – N 13.

Mihailović D. Upper Paleolithic and Mesolithic Chipped Stone Industries from the Rock-shelter of Medena Stijena // Prehistoric Settlements in Caves and Rock-shelters of Serbia and Montenegro. – Beograd, 1996. – Fasc. I.

Radovanović I. Novija istraživanja paleolita i mezolita u Crnoj Gori // Glasnik Srpskog arheološkog društva. – Beograd, 1986. – N 3.

Srejović D. Foreword // Prehistoric Settlements in Caves and Rock-shelters of Serbia and Montenegro. – Beograd, 1996. – Fasc. I.

Žižić O., Srejović D. Bioče – Paleolitsko nalazište // Arheološki pregled 1986. – Ljubljana, 1987.

Црвена Стијена. Зборник радова. – Никшић, 1975.

*А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.А. Цыбанков,
В.А. Ульянов, П.В. Волков*

ИЗУЧЕНИЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

В ходе археологических исследований Денисовой пещеры в 2008 г. были продолжены раскопки в устьевой зоне восточной галереи (сектор 6). Изучалась верхняя часть плейстоценовой толщи на площади квадратов 2–4 по линиям Д и Е. В строении разреза выделено семь стратиграфических подразделений, соответствующих литологическим слоям 9–11 в центральном зале пещеры [Природная среда..., 2003].

Слой 9 представлен тремя стратиграфическими горизонтами.

9.1. Суглинки легкие, коричневые и темно-коричневые со слабым палевым оттенком, пористые, рыхлые, сыпучие. Структура мелкозернистая, переходящая в пылеватую. Отмечены единичные включения крупного щебня и мелких глыб известняка. Щебнистый материал изометричный, слабоуплощенный, ориентирован согласно простиранию слоя. Граница с вышележащими темноцветными голоценовыми отложениями четкая, представляет зону постепенного перехода. На участках, где кровля бронируется обломками крупного щебня, субгоризонтально залегающими в подошве голоценовых отложений, граница резкая, денудационного типа. Нижняя граница четкая, волнисто-затечная, прослеживается по изменению цвета заполнителя при переходе к нижележащим пестроцветным суглинкам; подчеркивается тонким прерывистым оттененным горизонтом, насыщенным сажистым веществом. Мощность – 0,5–0,1 м.

9.2. Суглинки легкие, пылеватые, слабопористые, с непрочной мелкозернистой структурой и хорошо выраженными тиксотропными свойствами. В верхней части окрашены в оранжевые, светло-желтые и желто-красные тона, в нижней части – в палево-коричневые. Характерные цвета верхней части слоя обусловлены химическим разложением гематитизированных обломков известняка. Встречаются крупные (до 0,3 м) уплощенные глыбы невыветрелого известняка с заглаженными ребрами и тонкой реактивной каймой лимонно-желтого цвета, ориентированные согласно простиранию слоя. В заполнителе отмечены включения дресвы известняка, представляющей фрагменты не полностью выветрелого известнякового щебня. Большая часть плоских артефактов залегает субгоризонтально, согласно простиранию слоя, что свидетельствует о последовательном осад-

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 07-01-00441.

конакоплении на ровную дневную поверхность и незначительных постседиментационных деформациях вещества. В нижней части горизонта наблюдается постепенный переход от суглинков розовато-палевых к светло-коричневым, пористым, с лучше выраженной мелкозернистой структурой. Нижняя граница слабовогнутая, мелковолнистая. Маркируется тонким, прерывистым прослоем сажистого материала черного матового цвета, сформированного преимущественно растительным детритом с участием мелкораздробленного угля. Отмечены отдельные блестящие кристаллы в виде минеральных агрегатов, покрытых марганцевой пленкой. Мощность – 0,2 м.

9.3. Суглинки легкие, в верхней части серовато-бурые, в нижней – интенсивно-коричневые. Структура слабопористая, мелкозернистая, близкая к пылеватой; текстура линзовидно-слоеватая, переходящая в нижней части в аморфно-пятнистую. Встречается известняковый щебень, выветрелый до состояния белесых, светло-охристых и красновато-желтых стяжений. Нижняя граница волнистая, четкая, маркируется тонким черным прослоем марганцевой цементации. Мощность – 0,15 м.

Слой 10. Темноцветный горизонт железо-марганцевой цементации, тонкий (первые мм), субгоризонтально залегающий.

Слой 11 включает три стратиграфических горизонта.

11.1. Щебнистая толща с заполнителем порового типа. Заполнитель – суглинки легкие, коричневые, пористые, с крупно- и среднезернистой структурой, одресвяненные. Щебнистый материал преимущественно средний и мелкий, редко крупный, изометричный и слабо уплощенный, с мощной желтой или светло-охристой коркой химического выветривания. В верхней части слоя щебень часто полностью выветрелый, превратившийся в пористую тиксотропную светло-охристую глинистую массу, рассыпающуюся на разнозернистые отдельности. Корка выветривания имеет яркий светло-желтый цвет, похожий на горизонт фосфатной цементации. Щебнистый материал ориентирован хаотично, хотя на отдельных участках группируется в субгоризонтальные прослои, напоминающие щебнистую отмостку. Нижняя граница условная, представлена постепенным переходом к никележающему осадку. Мощность – 0,4 м.

11.2. Щебнистая толща с включением единичных мелких глыб. Заполнитель – суглинки легкие, сероцветные с коричневым оттенком, пористые, слабопластичные, одресвяненные, с крупнозернистой структурой. Щебень острогранный, изометричный и слабоуплощенный, невыветрелый, иногда со слабо развитой белесой реактивной каймой. Крупный щебень ориентирован хаотически или субвертикально. Характерны включения прочных невыветрелых острогранных обломков костей светло-желтого цвета. Мощность – 0,3 м.

11.3. Щебнистая толща с заполнителем базального типа. Заполнитель – суглинки средние, серовато-палевого и желтовато-коричневого цвета, слабо одресвяненные. Крупнощебнистый материал острогранный или с ог-

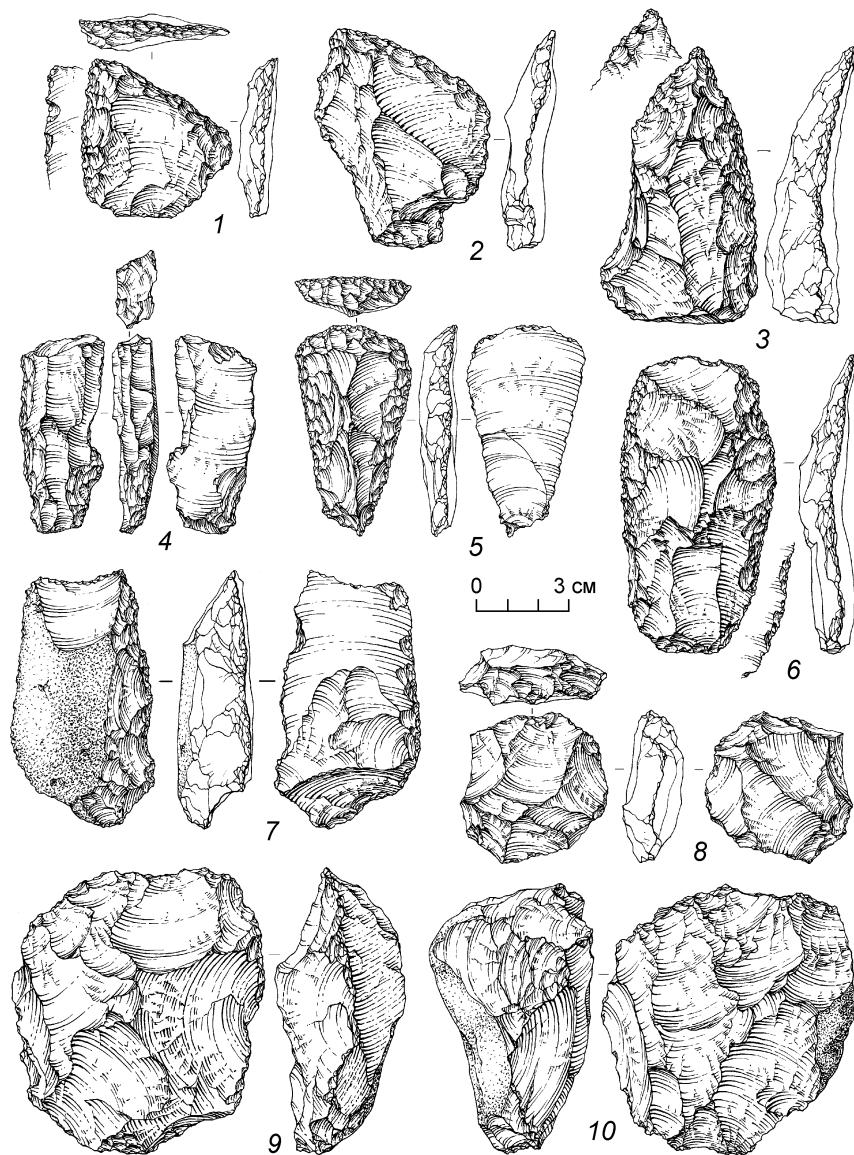
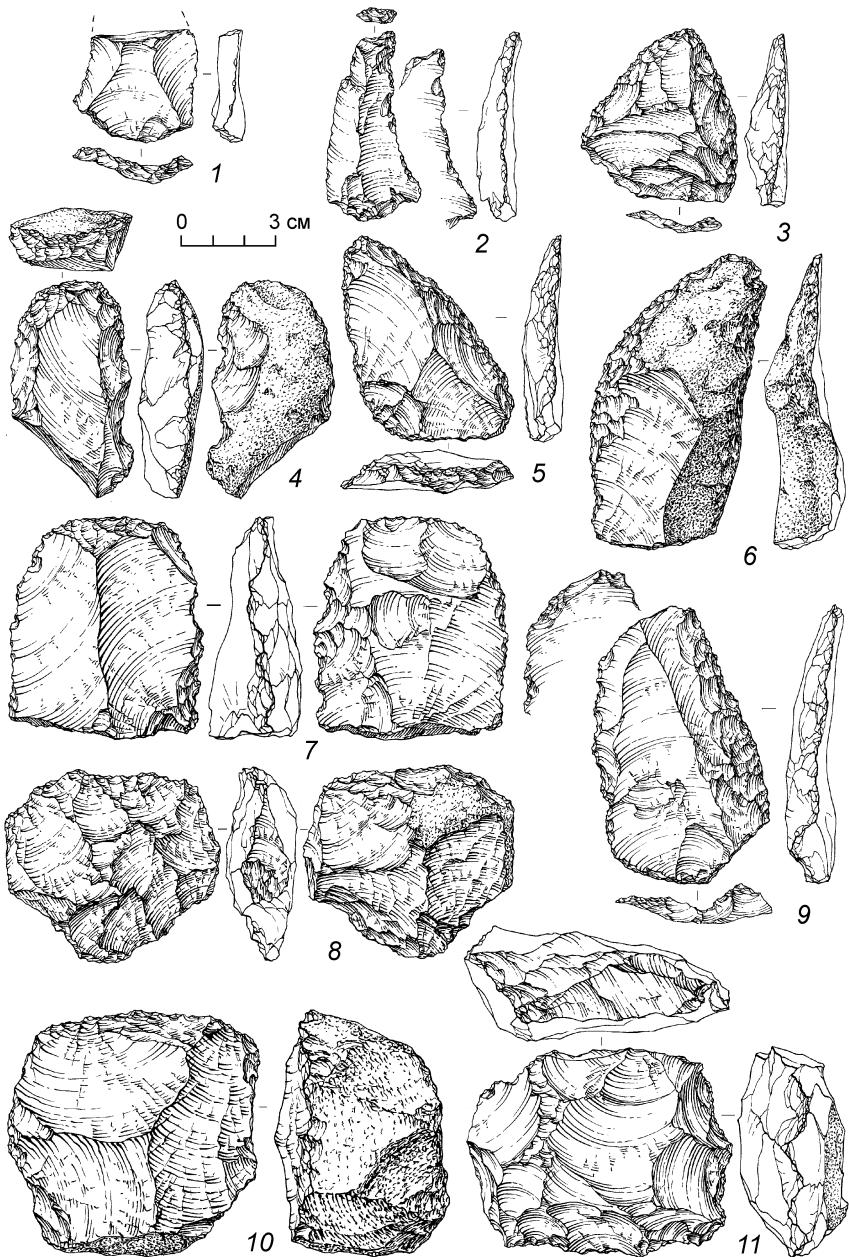

Рис 1. Каменный инвентарь из верхнепалеолитических слоев в восточной галерее Денисовой пещеры.

1, 3–7, 10 – слой 11; 2, 8, 9 – слой 9;

*1, 2, 6, 7 – скребла; 3 – ретушированный остроконечник; 4–10 – нуклеусы;
5 – скребок.*

*Рис 2. Каменный инвентарь из слоя 11 в восточной галерее Денисовой пещеры.
 1 – фрагмент леваллуазского остря, 2 – шиповидное орудие, 3, 5, 9 – скребла;
 4 – скребок; 6 – нож; 7 – долотовидное орудие; 8–10 – нуклеусы.*

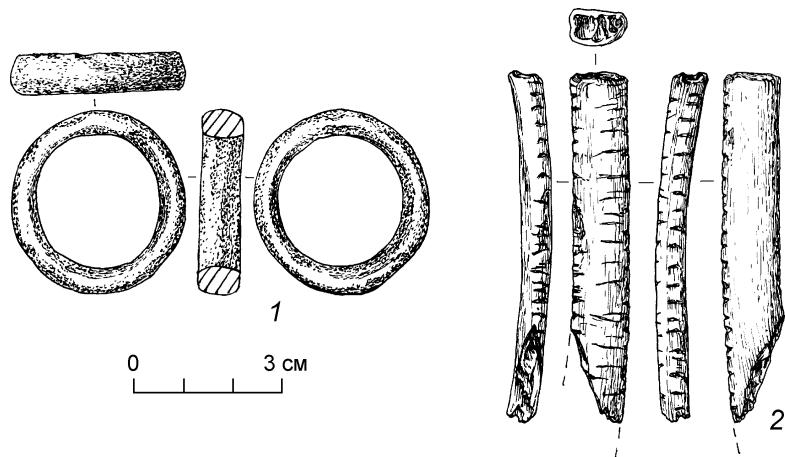

Рис 3. Изделия из кости и поделочного камня из слоя 11 в восточной галерее Денисовой пещеры.

1 – каменное кольцо, 2 – фрагмент кости с нарезками и насечками.

лаженными гранями, прочный, подвергшийся интенсивному химическому выветриванию с образованием непрочной реактивной каймы белесого цвета. Мелкий щебень и дресва подверглись более интенсивному преобразованию, зачастую превратившись в белесые мучнистые стяжения. Мощность – 0,2 м.

Согласно данным радиоуглеродного датирования, возраст отложений слоя 11 находится в хронологическом интервале 48 – 29 тыс. лет, т.е. соответствует первой половине изотопной стадии 3. Эпоха формирования осадков слоя 9 соотносится по времени с изотопной стадией 2 [Там же].

В стратиграфических границах слоя 11 обнаружено около 3 000 артефактов. В составе нуклеусов выделены плоскостные одно- и двуплощадочные моно- и бифронтальные ядрища (рис. 1, 10; 2, 8, 10, 11), а также торцевые формы для снятия пластин и микропластин (рис. 1, 4). Практически все нуклеусы несут следы интенсивной предварительной подготовки ударных площадок, фронтальных поверхностей и латералей. Среди сколов преобладают отщепы, пластины немногочисленны. Список типологически выраженного инвентаря представляют проксимальный фрагмент леваллуазского остряя (рис. 2, 1), ретушированные остроконечники (рис. 1, 3), скребла, различных модификаций (рис. 1, 1, 6, 7; 2, 3, 5, 9), концевые скребки (рис. 1, 5; 2, 4), резцы, ножи с естественным обушком (рис. 2, 6), зубчато-выемчатые, долотовидные (рис. 2, 7) и шиповидные (рис. 2, 2) орудия, изделия с эпизодической ретушью.

Самыми примечательными находками из этого слоя являются предметы т.н. неутилитарного характера, обнаруженные в пределах горизон-

та 11.2, – каменное кольцо (рис. 3, 1) и обломок кости млекопитающего с искусственными нарезками и насечками (рис. 3, 2).

Каменное кольцо изготовлено из белого крупнозернистого мрамора. На шероховатой поверхности кольца сохранились примазки вмещающих суглинков, придающие изделию розоватый оттенок. Ширина изделия достигает 9,2 мм, толщина – 5,9 мм, диаметр составляет 37,8 мм. В результате предварительного обследования на поверхности кольца отмечены следы воздействия различных обрабатывающих инструментов, а также признаки утилизации. Судя по этим следам, можно предположить, что процесс его изготовления проходил в следующем порядке. Сначала исходную заготовку шлифовали с двух сторон на жесткой неподвижной абразивной поверхности до получения уплощенной формы. Затем в центре уплощенной заготовки было просверлено технологическое отверстие. После этого производилась расточка отверстия подвижным абразивным инструментом типа рашипля, сформировавшая внутреннюю поверхность изделия. На следующем этапе работы внешняя сторона изделия была обточена на относительно плоской абразивной поверхности. Завершающей операцией была окончательная отделочная полировка кольца сравнительно мягким эластичным материалом.

Кроме следов производства, на кольце зафиксированы признаки утилизации в виде заполировки на его внутренней поверхности. Это характерные следы, свидетельствующие о продолжительном контакте с мягким органическим материалом, скорее всего, кожей. Особенности их локализации позволяют предположить, что кольцо крепилось на кожаном ремешке и служило подвеской составного украшения. Следует отметить, что приемы изготовления и следы утилизации мраморного кольца хорошо согласуются с технологией производства и реконструкцией хлоритолитового браслета, обнаруженного ранее в подошве горизонта 11.1 при раскопках в восточной галерее пещеры [Деревянко и др., 2008].

Другое неординарное изделие представлено фрагментом ребра копытного животного среднеразмерного класса (архара ?) с признаками искусственной обработки. Его длина – 70 мм, ширина – 12,6 мм, толщина – 7,4 мм. Поверхность изделия первоначально обработана скобелем, в качестве которого, скорее всего, использовался нож с относительно прямым рабочим краем. Наиболее интенсивно обработана центральная плоскость и боковые грани; в меньшей степени – дорсальная сторона. Оба продольных края изделия покрыты рядами симметрично расположенных глубоких коротких нарезок; между ними, на дорсальной плоскости расположен ряд субпараллельных тонких насечек.

Важно отметить, что рядом с этими уникальными находками в отложениях горизонта 11.2. обнаружена целая ногтевая фаланга предположительно мизинца руки подростка (определение Т.А. Чикишевой).

Археологические материалы из отложений слоя 9 насчитывают более 550 артефактов. Нуклеусы выполнены в технике параллельного, радиаль-

ного и ортогонального расщепления (рис. 1, 8, 9). Среди сколов доминируют отщепы. В составе изделий с вторичной обработкой преобладают скребла – с продольным и поперечным расположением лезвия, продольные с обушком-обломом и угловатые типа *déjeté* (рис. 1, 2). Скребки представлены угловыми формами на пластинках и концевыми на удлиненных отщепах с интенсивной обработкой ретушью продольных краев. Кроме того, в коллекции присутствуют ретушированные остроконечники и выемчатые орудия.

В целом облик каменных индустрий из верхнепалеолитических слоев в восточной галерее пещеры определяет сочетание некоторых среднепалеолитических черт, представленных заметной долей леваллуазских и мусьеидных изделий, и отчетливо выраженных верхнепалеолитических признаков в виде торцового пластинчатого и микропластинчатого расщепления, характерных форм резцов, скребков, долотовидных орудий, а также предметов символической деятельности.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 13 – 25.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

МИКРОЛИТИЧЕСКИЕ ИНДУСТРИИ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА ДАГЕСТАНА: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И АНАЛИЗА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ*

За последние годы в южной части Дагестана обнаружен ряд местонахождений раннего палеолита. Большинство из них приурочено к прибрежно-морским осадкам бакинской трансгрессии Каспийского моря (Дарвагчай-1, Дарвагчай-залив 1-2, Шор-дере 1-6). В постбакинских галечно-гравийных отложениях содержатся комплексы с редкими рубилами и бифасиальными изделиями (Дюбекчай, Дарвагчай-карьер, Чумусиниц, Рубас-1, верхний комплекс). Очень ранняя индустрия выявлена в нижней части разреза стоянки Рубас-1. Она принадлежит маломощному галечно-гравийному прослою в толще прибрежно-морских отложений акчагыла (?).

В ходе стационарных исследований стоянок Дарвагчай-1 и Рубас-1 получены разновременные, но во многом сходные индустрии. Это сходство наблюдается в метрических параметрах, технико-морфологическом аспекте, наборе основных категорий орудий, использовании определенных типов сырья. Размещение комплексов в прибрежно-морских осадках отразилось на сохранности артефактов – абсолютное большинство изделий в различной степени окатаны в водной среде. К настоящему времени анализируемая коллекция Дарвагчая-1 насчитывает более 6000, а Рубаса-1 – около 100 образцов кремневых отдельностей с признаками искусственно-го расщепления и обработки. Условия залегания, сохранность, морфологический облик и геологический возраст (установленный и предполагаемый) предметов вызывают вполне закономерный вопрос – являются ли они результатом намеренной деятельности, т.е., палеолитическими артефактами, или это природные объекты?

В спорных ситуациях, возникающих, как правило, в отношении комплексов раннего палеолита, принято ориентироваться на наличие в коллекции бесспорных артефактов. В их числе – площадочные нуклеусы с негативами упорядоченных снятий, серии сколов с четко диагностируемыми признаками искусственного раскалывания (дорсальной иentralной поверхностью, остаточной площадкой и ударным бугорком), орудия, оформленные регулярной упорядоченной ретушью или сколами обивки (напри-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, гранты № 08-01-18071e, № 08-01-00321a; РФФИ, грант № 07-06-00096a

мер, скребки, чопперы, бифасы). Полный серийный набор перечисленных изделий присутствует в индустрии Дарвагчая, а в коллекции Рубаса-1 к несомненным артефактам могут быть отнесены немногочисленные целые сколы и ретушированные орудия на отщепах. Следовательно, мы имеем все основания рассматривать комплексы Дарвагчая и Рубаса в качестве палеолитических индустрий, а выборку бесспорных артефактов следует считать «демонстрационной». Однако состав индустрий стоянок не ограничивается указанной выборкой, он существенно шире.

Индустрии Дарвагчая и Рубаса основаны на использовании кремня и характеризуются преобладанием простейших приемов расщепления ядра для получения сколов и дроблением исходных материалов на угловатые фрагменты (обломки). Для изготовления орудий преимущественно использовались подходящие по качеству и размерам желваки, гальки, обломки и плитки кремня. Менее четверти всех орудий изготовлено на сколах и их фрагментах. Учитывая хронологические рамки индустрий, это не является чем-то неожиданным.

Другой особенностью является отчетливый микролитический облик индустрий: средний размер сколов, обломков и других заготовок, преобразованных в орудия, не превышает 25-30 мм. Прямой зависимости размеров орудий от размеров сырья не прослеживается, однако ее нельзя полностью исключить из-за многочисленных внутренних дефектов каменного материала. На некоторых изделиях вторичная отделка (обивка, ретушь, подтеска, резцовый скол) применялась настолько интенсивно, что невозможно достоверно определить тип исходных заготовок. Обычной практикой являлось и переоформление ранее изготовленных орудий. Нельзя исключать возможности образования отдельных фасеток ретуши или негативов мелких сколов от соударения предметов и других случайных факторов, но учитывая окатанность изделий, доказать или опровергнуть такое воздействие практически невозможно. Дискуссионные вопросы и вполне объяснимый скепсис по проблеме идентификации тех или иных орудий следует признать неизбежными.

В контексте проблемы идентификации палеолитических артефактов (и в публикациях и в устных беседах специалистов) часто упоминаются случаи обнаружения «псевдоорудий» в гравийно-галечных отложениях. Если речь идет о единичных находках чопперовидных изделий, первичных отщепов или предметов с иррегулярными сколами/ретушью, то с этим можно согласиться. Применительно к фактам находок отдельных рубил, нуклеусов, сколов с полным набором отличительных признаков искусственного расщепления, в случае возникших сомнений, следует, прежде всего, искать им объяснение в возможном или вероятном переотложении. Что касается допущения «природного происхождения» четко локализованных в пространстве комплексов артефактов, определяемых как палеолитические индустрии, то такой подход должен найти хотя бы одно фактическое подтверждение. Примеры доказательных экспериментальных сборов локали-

зованных в галечниках массовых «псевдоартефактов» с признаками палеолитических изделий нам неизвестны. Допустить возможность приоритета природного фактора в образовании индустрий Дарвагчая и Рубаса, залегающих в гравийно-галечных осадках, у нас нет никаких оснований.

Палеолитические комплексы Дарвагчая и Рубаса по своей структуре, технологическому контексту, морфологии и сохранности поверхностей артефактов обуславливают весьма существенные проблемы идентификации инвентаря. По строгим канонам выделения искусственно расщепленных предметов они явно неоднородны: набор бесспорных артефактов сопровождается массовыми материалами с проявлением признаков как обработки, так и естественного раскалывания (негативы намеренных и ненамеренных сколов, ретушь и «псевдоретушь»). Этот «недобор» признаков, по нашему убеждению, не является веским основанием для исключения второй группы предметов из анализа индустрий, а требует более детальных, многовариантных исследовательских процедур и, возможно, разработку новых методов типологического анализа. Объективное представление о палеолитических индустриях не может быть получено лишь на основании демонстрационной выборки, а статистические расчеты и сопоставления просто лишаются смысла. При анализе комплексов должны рассматриваться все предметы с признаками расщепления. Идентификация этих следов расщепления и последующее разделение (природные – искусственные) – это отдельный аспект анализа. Только он позволит аргументировано влиять на конечный результат в изучении индустрий.

Другая проблема в изучении микролитических индустрий раннего палеолита Дагестана – это проблема типологического определения и классификации. На сегодня единые критерии анализа и устойчивые повторяющиеся признаки в ранге типологических определений для микроиндустрий раннего палеолита отсутствуют. Соответственно, возникают проблемы технологического и типологического сравнения микролитических комплексов и проблемы их археологической периодизации. Малые размеры и разнообразие заготовок, преобразованных в орудия, часто не позволяют уверенно отличать скребло от скребка, галечный «микрочоппер» и скребок на гальке, острие и конвергентное скребло или клювовидное орудие. Отсутствие стандартных устоявшихся форм орудий в индустриях и преобладание в них окатанных артефактов представляют собой еще одно препятствие для классификационного анализа.

Наш первый опыт анализа микроиндустрии был представлен примером предварительного описания материалов стоянки Дарвагчай-1 [Деревянко, Зенин, Анойкин, 2006; Деревянко, Зенин, 2007]. Они были получены в первый год раскопок стоянки и представляли в некотором роде выборку изделий – 261 экз. Многочисленные обломки кремня, желваки и гальки с единичными негативами сколов были отбракованы в процессе раскопок. Это отразилось на статистических показателях инвентаря, в котором доля изделий с вторичной отделкой приближается к 50% (!).

В ходе предшествующих консультаций и обсуждений коллекции материалов среди сотрудников сектора палеолита и других лабораторий проявилось сходство мнений относительно основных категорий инвентаря, а в вопросе типологических определений орудий мнения специалистов разделились. Стало ясно, что традиционно используемые типологические схемы анализа раннепалеолитических индустрий для классификации микролитических комплексов пригодны лишь для выделения основных категорий инвентаря.

Судя по публикациям, сходные проблемы анализа раннепалеолитических микроиндустрий испытывали исследователи Изерни ля Пинеты, Бильцингслебена, Вертешсёллеша, Бизат Рухамы, Тжебницы и целого ряда других стоянок. Знакомство одного из авторов с коллекциями Вертешсёллеша, Руско и Тжебницы позволяет говорить об их морфологическом сходстве с инвентарем дагестанских стоянок, но детальное сравнение индустрий только по основным категориям инвентаря, без четких типологических определений орудийного набора весьма проблематично.

Осознание этого подталкивает нас к поиску и обоснованию аргументированных, устойчивых, многократно дублируемых типообразующих признаков орудий – основы для выделения транзитных «руководящих» типов орудий, присущих микроиндустриям раннего палеолита на разных территориях. Детальный анализ многочисленных и представительных материалов стоянки Дарвагчай-1, результаты типологических исследований зарубежных коллег и изучение коллекций других стоянок дают все основания надеяться на успешное решение этой задачи в недалеком будущем.

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Анойкин А.А. Раннепалеолитическая индустрия стоянки Дарвагчай-1: морфология и предварительная классификация // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2006. – С. 43-64.

Деревянко А.П., Зенин В.Н. Первые результаты исследований раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-1 в Дагестане // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. - № 4(32). - С. 29-51.

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКА ОРХОН-1 (МОНГОЛИЯ)

Переход от среднего палеолита к верхнему представляет собой сложнейший этап эволюции человечества. Поэтому изучение так называемых “пограничных” памятников является одной из первоочередных задач, позволяющих помочь в решении данной проблемы.

Одним из таких памятников является Орхон-1, расположенный в долине реки Орхон (Монголия), и обнаруженный совместной советско-монгольской экспедицией под руководством академика Деревянко А.П. Памятник изучался Петриным В.Т. Было установлено два крупных культурных подразделения, одно из которых относится к среднему палеолиту, другое к верхнему. По результатам исследований были опубликованы предварительные результаты изучения археологического материала раскопов 1, 2 [Деревянко, Петрин, 1990; Петрин, 1991]. В тоже время были проведены геологическая корреляция, палинологический, фаунистический анализы, получен ряд датировок из трех лабораторий [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992].

В настоящей работе автор намерен дать технико-типологический анализ каменной индустрии, по предварительным исследованиям отнесенной к среднему палеолиту, с целью уточнения принадлежности данного комплекса к конкретному этапу палеолита, его хронологические рамки и определение характера памятника.

Каменная индустрия среднепалеолитического комплекса составляет 1013 экз. Нуклевидные изделия насчитывают 36 экз. Нуклеусы составляют 86,1% от числа нуклевидных форм. Среди них доминируют двуплощадочные монофронтальные с продольной ориентацией скальвания (29%) (рис.1,2). Данную группу нуклеусов, кроме крупных размеров, отличает тщательная подготовка ударных площадок многочисленными мелкими снятиями и частичное оформление латералей поперечными бифасиальными сколами. Контрфронт, как правило, предварительной подготовке не подвергался. Ядрица предназначены для получения пластинчатых снятий. Группу леваллуазских нуклеусов (22,5%), предназначенных для получения леваллуазских отщепов, отличает тщательная подготовка мелкими сколами выпуклой ударной площадки и фронта скальвания (рис.1,3,4). Латерали обрабатывались двумя способами. Первый вариант предусматривал оформление латералей и основания в виде ребра. Во втором случае цент-

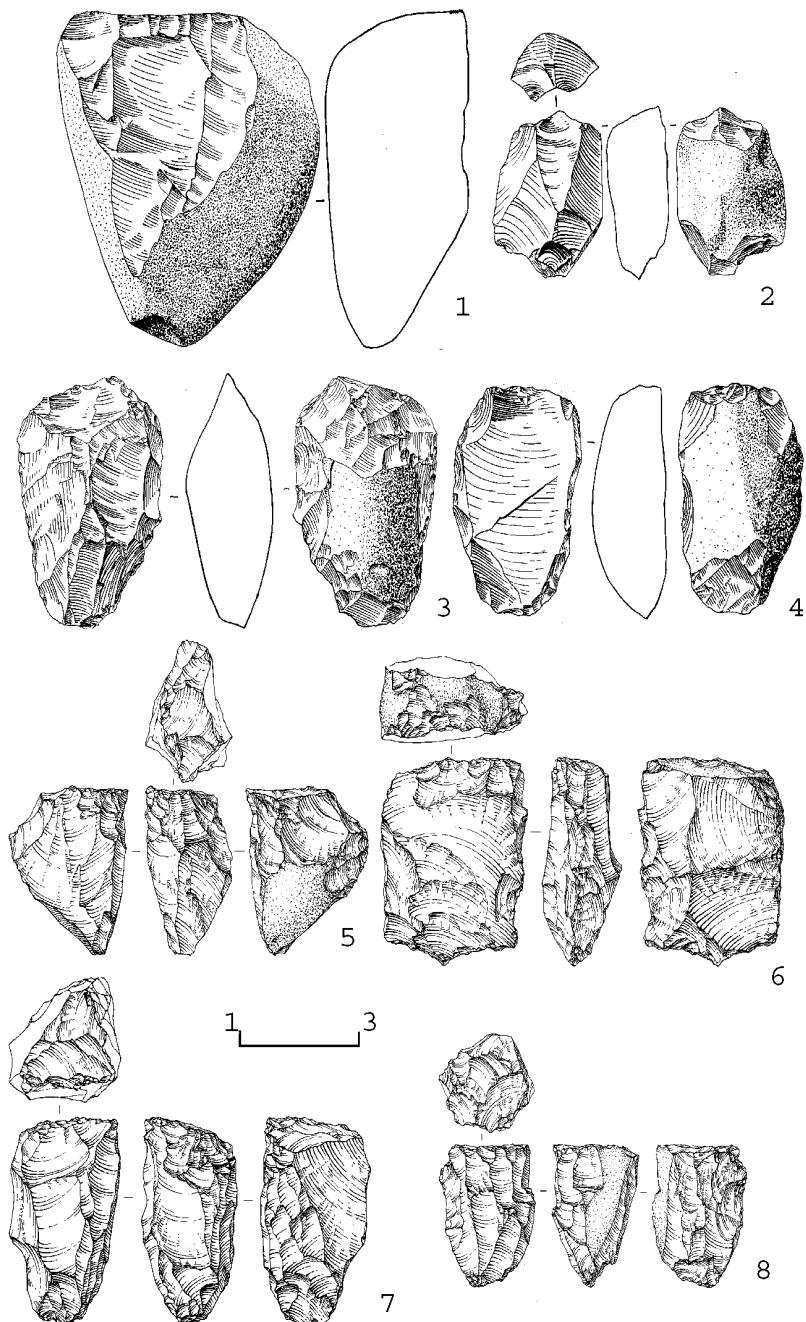

Рис. 1. Нуклеусы среднепалеолитического комплекса Орхон-1

ростремительные снятия снимались только с плоскости фронта скальвания. Для получения пластиначатых снятий использовались торцовые нуклеусы (19,6%) (рис.1,5,6). В качестве исходных заготовок использовались крупные вторичные сколы. Ядрища подвергались минимальной предварительной подготовке. В основном, ударная площадка оформлялась одним сколом, и, для одного нуклеуса, основание, фронт скальвания и одна из латералей подготовлены многочисленными мелкими снятиями. Также для изготовления пластиначатых заготовок использовались одноплощадочные монофронтальные подпризматические ядрища (6,1%) (рис.1,7,8). Расщепление велось с прямой ударной площадки, выпуклость фронта скальвания достигалось путем создания ребра на одной из латералей поперечными сколами. Как правило, расщепление прекращалось из-за образования многочисленных заломов. После этого отмечается попытки переноса стратегии расщепления на торец путем удаления ребра и, в одном случае, оформление новой ударной площадки противолежащей предыдущей. Еще одна группа нуклеусов демонстрирует простой параллельный одноплощадочный монофронтальный способ раскалывания (16,2%), который представлен двумя вариантами: продольным и поперечным относительно длинной оси заготовки. Одно ядрище поперечной ориентации обладает удлиненным телом ядрища. Исходными заготовками служили как обычные гальки, так и массивный вторичный скол и нуклевидный обломок. Для ядрищ с продольной ориентацией расщепления характерно то, что скальвание начиналось без предварительного оформления (рис.1,1). Группа поперечных нуклеусов обладает минимальной предварительной подготовкой, заключавшейся в снятии единичных сколов с латералей и ударной площадки. Продуктами данного расщепления является для продольных ядрищ пластиначатые снятия, для поперечных короткие и укороченные сколы. И последняя группа нуклеусов демонстрирует ортогональную технику скальвания (6,5%), продуктами которой являлись широкие короткие сколы.

Данные первичного расщепления подтверждаются характеристикой индустрии сколов, которых в коллекции 938 экз.(92,6%). Наиболее представительна группа отщепов(49,1%), среди них 80% мелких, а крупных и средних примерно одинаково. Большая часть определимых артефактов обладает параллельной односторонней огранкой дорсала (66%), гораздо меньше представлен ортогональный тип огранки (12%). Группа обломков является второй по численности (22,8%), причем наиболее представительны мелкие (83,2%). Среди вторичных сколов(16%) наиболее внушительны средние (38,7%) и мелкие (38%). По количеству естественной поверхности доминируют группы с площадью галечной корки до 30% (36,9%) и до 60% (39,3%). Первичных сколов немного (3,7%). Технические сколы (0,6%) в основном представлены реберчатыми и продольно-краевыми. Анализ определимых ударных площадок показывает подавляющее преобладание гладких (78%). Далее примерно в одинаковых позициях находятся естественные (7,9%), двугранные (6,8%) и фасетированные (6,6%) площа-

ки. Пластины (7,2%) в индустрии, в основном, представлены крупными (36,8%) и средними (39,7%) экземплярами. В большинстве своем, пластинчатые заготовки обладают параллельной бинаправленной огранкой дорсала. Для пластин свойственен гладкий, двугранный и фасетированный тип ударных площадок. Необходимо отметить, что для изготовления орудий использовались в подавляющем большинстве вторичные сколы крупных и средних размеров, мелкие отщепы и пластины различных размеров.

Основным приемами вторичной обработки для данной индустрии является ретуширование, выемчатое снятие и оббивка.

Ретушированию подверглись все заготовки без исключения. Ретушь, как постоянный, так и эпизодический характер нанесения, примерно, в равных пропорциях и для подавляющего большинства орудий расположена на дорсальной плоскости, либо, что реже встречается, попеременно на обеих плоскостях. Степень изменения рабочего края практически для заготовок может быть определена как средне- и слабомодифицирующая. Господствующими формами фасеток являются чешуйчатая и ступенчатая, обычно средних и мелких размеров. Выемчатое снятие использовалось при оформлении выемчатых и зубчато-выемчатых орудий (22,4%). Характерной особенностью является то, что все анкоши делятся на два типа: образованные одним сколом и образованные несколькими снятиями. Но все выемки впоследствии были подвергнуты ретушированию. Оббивка, как прием оформления, применялась лишь в трех случаях для оформления скребел, и в одном случае для зубчато-выемчатого орудия, и по своему характеру довольно близка к сильно модифицирующей ретуши. Необходимо отметить, что для оформления шиловидных орудий и проколки учитывался естественный контур края заготовки.

Орудийный набор составляет 85 экз. Исходными заготовками для большинства орудий являлись вторичные сколы, отщепы и пластины, также в редких случаях использовались обломки.

Наиболее представительными группами орудий являются ретушированные сколы (29,4%) (рис.2,1,7) и ретушированные пластины (27,1%) (рис.2,2,3,4,5,6). Все эти артефакты, как правило, оформлялись вентральной, и дорсальной плоскостей путем нанесения эпизодической чешуйчатой слабомодифицирующей ретушью. Заметное место занимает группа выемчатых изделий (16,5%) (рис.2,13,14). Для этих изделий главной особенностью является наличие только одной выемки, и лишь только в трех случаях имеют место два анкоша. Расположение данного элемента орудия на вентральной и дорсальной плоскостях представлено в одинаковых пропорциях.

Группа скребел (8,6%) представлена в равном количестве одинарными продольными прямыми и двойными (рис.2,8,10,12). В единственном экземпляре представлено скребло одинарное поперечное выпуклое (рис.2,9). Скребки (4,8%) представлены скошенным вариантом (рис.2,11). Немногочисленными группами являются зубчато-выемчатые (5,6%) (рис.2,15,16,18)

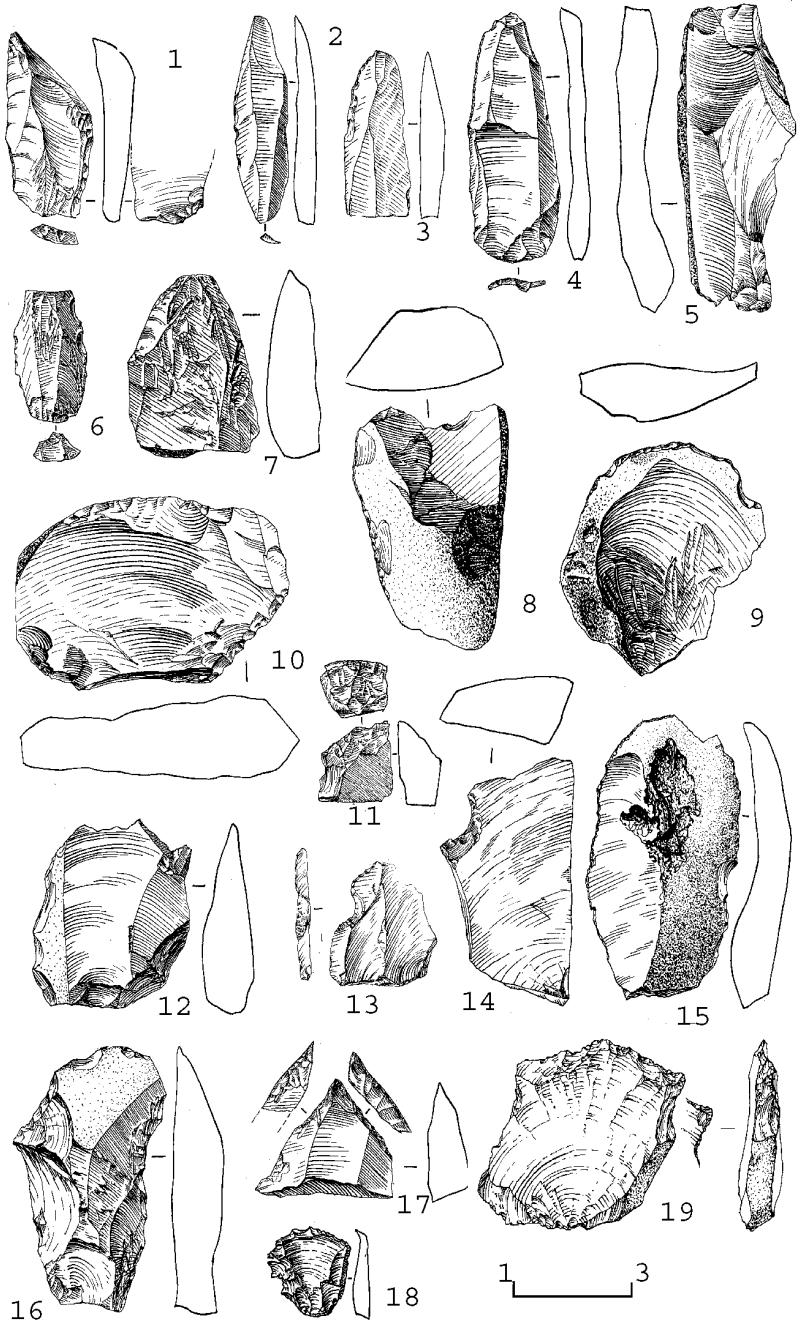

Рис. 2. Орудийный набор среднепалеолитического комплекса Орхон-1

и шиповидные (5,6%) (рис.2,17) орудия. По одному экземпляру в коллекции присутствуют нож, проколка (рис.2,19) и леваллуазский отщеп.

Таким образом, индустрию на основе первичного расщепления можно охарактеризовать как сложносоставной комплекс, имеющий в основе леваллуазскую и параллельную технику расщепления, но также сохраняется архаическое ортогональное, и появляется признаки объемного принципа скальвания. Не смотря на наличие пластин и нуклеусов с негативами пластинчатых снятий индустрию можно назвать непластинчатой с ярко выраженным леваллуазским традициями. В тоже время фиксируется появление технологических элементов расщепления характерных для верхнепалеолитических комплексов. На уровне вторичной обработке сохраняются стандартные приемы оформления рабочих участков орудий, характерные для средней стадии палеолита. Орудийный набор, хотя и не образует устойчивых типологически ярко выраженных серий, демонстрирует присутствие как типов орудий, которые присущи мустьерской эпохе. Сохранившиеся остатки очажных пятен позволяют утверждать о поселенческом характере памятника [Деревянко, Петрин, 1990], в тоже время нахождение в непосредственной близости от выходов сырья, в качестве которого использовались гальки Орхона, делает возможным вывод о присутствие у данного комплекса признаков мастерской.

Проведенная геологическая корреляция [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992] позволяет установить хронологический отрезок существования данной индустрии 40-40,5 тыс.л.н., что не противоречит датировкам полученным по костным остаткам непосредственно из выше лежащих геологических слоев покровных отложений. На основании выше изложенного можно утверждать о существовании данного комплекса на финальном этапе среднего палеолита. Дальнейшая корреляция данной индустрии с ближайшими археологическими памятниками, в особенности с таким объектом как Орхон-7, позволит подробнее изучить проблему перехода от среднего к верхнему палеолиту.

Список литературы

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая / Препр. ИАЭт СО РАН. – Новосибирск, 1992. – 87 с.

Деревянко А. П., Петрин В. Т. Стратиграфия палеолита Южного Хангая (Монголия) //Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Доклады Международного симпозиума. - Новосибирск, 1990. - С. 161 - 173.

Петрин В.Т. Палеолит Западной Монголии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1991. – 54 с.

*К.А. Колобова, Д. Фляс, У.И. Исламов, К.К. Павленок,
Н. Звинц, Г.А. Мухтаров*

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК*

Многослойная стоянка Кульбулак, находящаяся на правом берегу устья р. Джарсай на юго-восточных склонах Чаткальского хребта, долгое время являлась и в настоящий момент остается опорным памятником для палеолита Средней Азии в силу наличия непрерывной стратиграфической колонки, включающей отложения, содержащие культурные остатки от нижнего до верхнего палеолита [Анисиоткин, Исламов, Крахмаль и др., 1995; Касымов, 1990]. В течение экспедиционных сезонов 2007-2008 гг. на памятнике были возобновлены раскопки, целью которых было получение четко стратифицированных коллекций, уточнение стратиграфии памятника и отбор проб для естественнонаучных анализов. Первоначально работы велись на 3 м², поскольку памятник показал исключительную концентрацию материала, впоследствии площадь раскопок была расширена до 6 м². Вскрывался литологический слой 2 пролювиального генезиса, содержащий материал верхнего палеолита.

Вся коллекция каменного инвентаря составляет 9156 экз. (в данной работе анализируется коллекция 2007 г.), большую часть составляют отходы производства – чешуйки, обломки, осколки и мелкие отщепы (более 80% от количества всех находок).

Всего было найдено 44 нуклевидных изделия (5,3 % количества артефактов, исключая отходы производства), включая преформы (4 экз.). Самой многочисленной категорией являются плоскостные нуклеусы параллельного принципа расщепления (21 экз.): монофронтальные биплощадочные ядрища для пластинчатых сколов, двуплощадочные монофронтальные для пластинок, моноплощадочные монофронтальные нуклеусы для пластинчатых сколов, моноплощадочные монофронтальные нуклеусы на сколах, биплощадочные монофронтальные ядрища для отщепов, монофронтальные нуклеусы со смежными ударными площадками, одноплощадочные монофронтальные параллельного принципа расщепления нуклеусы для отщепов. Вторую в количественном отношении категорию представляют различные модификации торцевых нуклеусов для пластинчатых заготовок (10 экз.): ядрище для пластинок двуплощадочное монофронтальное, од-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ (проекты № 06-01-00527а, 05-01-01356 «а»); МК-3183.2007.6.

нноплощадочные монофронтальные нуклеусы для пластинчатых заготовок, торцовые нуклеусы на сколах. Наиболее близкими по своим характеристикам к торцевым нуклеусам представляются ядрища на массивных сколах или нуклеусы-скребки (3 экз.) (рис. 1, 1, 2, 12). Нуклеусы призматической системы расщепления – 5 экз. (рис. 1, 7, 8, 10, 11). Несколько выделяется из общей массы ядрищ радиальный нуклеус для отщепов. В целом, весь процесс расщепления был в основном ориентирован на получение пластин (22,2 %), пластинок (21,1%) и микропластины (21,7 %). При этом, в процессе получения сколов обычно сначала инициировалась реализация сколов с большими размерами, а затем, в процессе утилизации и сокращения массы нуклеуса, размер сколов несколько уменьшался. Количество отщепов крупного и среднего размеров составляет 24,1 %.

Данные по типологии ударных площадок говорят в пользу того, что на пластинах, отщепах и определимых технических сколах обычно оформлялись гладкие ударные площадки (59,4 и 69,6% соответственно), в то время как на пластинках и микропластинах ударные площадки в большинстве своем точечные (84,1 и 88,2%). Среди ударных площадок пластин также значительно количество точечных ударных площадок (36,9%). Учитывая, что категория пластин в основном представлена мелкими изделиями, то они по своим размерным характеристикам приближаются к пластинкам.

Категория определимых технических сколов количественно составляет 47 экз. (5,7%). Они в основном представлены таблетками с призматических нуклеусов для пластинок и микроплатинок, а также краевыми сколами, реберчатыми пластинами.

Орудийная коллекция слоя 2 немногочисленная и не отличается типологическим разнообразием (82 экз. или 9,8%). Наиболее представительным типом орудий являются долотовидные формы (18 экз.). Как морфологически, так и метрически, это очень разнородная группа. Среди изделий данной категории выделяются несколько подтипов: долотовидные однолезвийные орудия, на которых нередко подготавливались участки подтески в аккомодационных целях; а также долотовидные двулезвийные орудия - на этих изделиях рабочие элементы располагаются преимущественно и в проксимальной и дистальной частях заготовки. Второй по количеству представленных изделий категорией орудийного набора являются скребки (12 экз.): концевые формы, боковые, угловые и с рабочим лезвием, занимающим $\frac{3}{4}$ периметра заготовки (Рис. 1, 9). Нередко при оформлении изделий использовалась подтеска. Также распространен тип угловых резцов (7 экз.), преимущественно монофасеточных. Из микроинвентаря обращают на себя внимание ретушированные микропластиинки (4 экз.) (Рис. 1, 3, 4, 5). Обычно это фрагменты микрозаготовок, ретушированные по обоим продольным краям мелкой дорсальной ретушью, или имеющие следы функционального износа. Был обнаружен единственный экземпляр треугольного микролита. В коллекции также многочисленны всевозможные сколы с ретушью (пластины, пластинки и отщепы) (29 экз.). Данную кате-

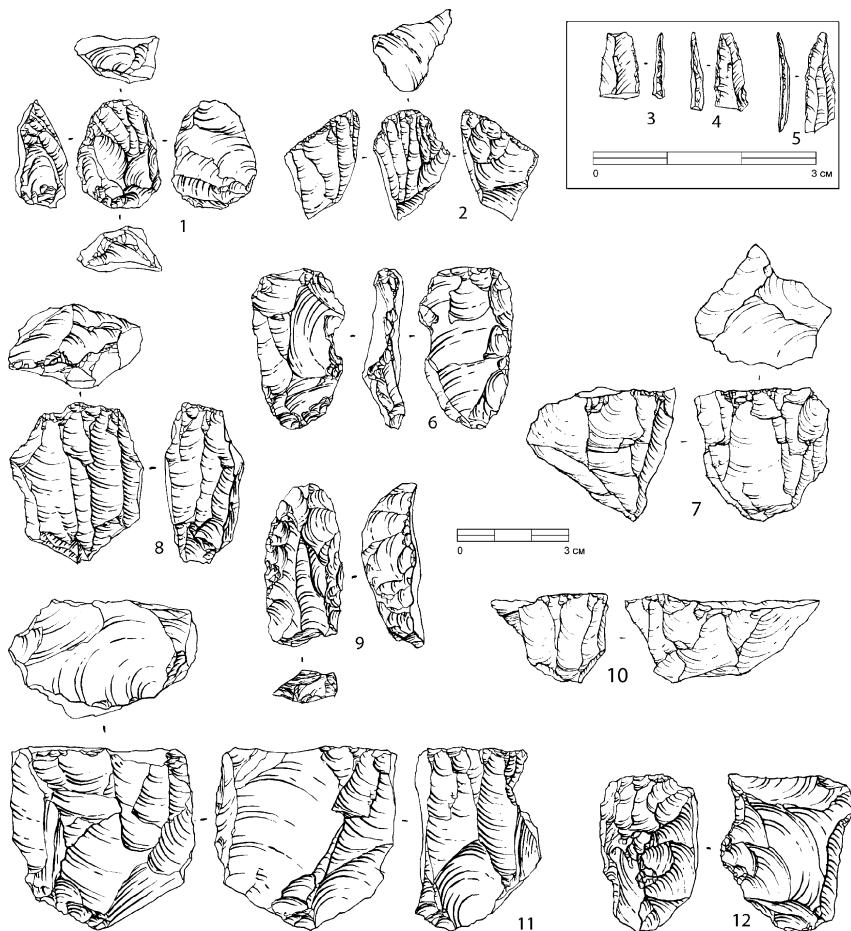

Рис. 1. Каменные артефакты из верхнепалеолитического комплекса стоянки Кульбулак.

горио орудий отличает большой процент изделий со следами лишь функционального износа, а также невыразительность вторичной обработки в случае преднамеренного оформления. В коллекции выделены также зубчатые формы, выемчатые орудия, шиповидные изделия и, так называемые, “оригинальные орудия”.

Каменная индустрия второго литологического слоя гомогенная. Процесс первичного расщепления был направлен на получение пластинчатых заготовок с плоскостных, призматических и торцовых нуклеусов. Судя по размерным характеристикам нуклеусов, и принимая во внимание данные по направлениям остаточных сколов на дорсальных спинках изделий, мож-

но заключить, что одноплощадочные нуклеусы (и параллельной и призматической системы расщепления) могли являться образцами поздней стадии сработанности двуплощадочных нуклеусов. То есть первоначально на крупной заготовке оформляли противолежащие ударные площадки, с которых во встречном направлении велось получение настолько же крупных заготовок. При достижении определенного размера ядрище переоформлялось в одноплощадочное, с которого получали уже более мелкие заготовки. Другую категорию составляют нуклеусы, изначально ориентированные на получение мелких пластинок и микропластин – торцевые одноплощадочные и нуклеусы-скребки, конусовидный нуклеус. В этих случаях нуклеусы первоначально несли только одну ударную площадку, с которой велось регулярное получение заготовок. Ширина фронта таких ядрищ контролировалась, и требуемая ширина фронта достигалась путем снятия латеральных сколов.

В качестве сколов заготовок использовались все виды пластинчатых сколов, средние и мелкие отщепы, изредка технические сколы. Размерные характеристики пластинчатых сколов зависят, в основном, от сырьевого фактора – небольшие отдельности кремня, применявшегося для изготовления орудий, не могли служить источником для крупных заготовок. Единственная ретушированная средняя пластина была изготовлена из темно-коричневого эфузива. И ретушированные пластины, и ретушированные пластинки являются по своим характеристикам неформальными орудиями, предназначенными для кратковременного либо сиюминутного использования. Несколько другую ситуацию мы наблюдаем в категории микропластинок, когда основная масса орудий была обработана преднамеренно и их можно назвать формальными орудиями. Между пластинами и пластинками нет значительных различий, в условиях изобилия сырья, их применяли ситуационно.

В настоящий момент мы можем достаточно обоснованно говорить о функциональном характере исследуемого участка древнего поселения (речь идет об интерпретации лишь небольшого участка слоя 2, так как, учитывая выявленную предыдущими исследователями огромную площадь памятника, скорее всего можно говорить о полифункциональности поселения на разных участках и во время различных эпизодов заселения). Участок, на котором проводились раскопочные работы нового этапа исследований, был зоной для первичного расщепления кремня и изготовления орудий, большая часть которых впоследствии уносилась для использования за пределами исследуемой площадки. В пользу этого говорит отсутствие каких-либо конструкций типа очагов и даже прокалов; наличие большого количества нуклеусов и отходов вторичного производства (особенно мелких чешуек), а также незначительное количество орудий.

В течение полевого сезона 2008 г. продолжился разбор осадконакоплений на выбранном участке, также была расширена площадь раскопа. В ходе работ было зафиксировано, что материал, обнаруженный в преде-

лах литологического слоя 2, залегал двумя неравнозначными концентрациями, разделенными относительно стерильной прослойкой. Две концентрации накопления каменных артефактов отражают, вероятнее всего, два разделенных незначительным временным интервалом эпизода обитания древних людей на данном памятнике, различающихся, более того, и типом заселения. Первая, менее многочисленная концентрация находок, свидетельствует в пользу недолговременного посещения исследуемого участка, а вторая (после некоторого перерыва) - более долговременное обитание древнего человека. О продолжительности временного промежутка, разделявшего два эпизода обитания, невозможно говорить с какой либо степенью достоверности. Принимая во внимание проливиальный генезис литологического слоя, стерильная прослойка могла сформироваться в результате единичного\сезонного накопления осадков. Основываясь на технико-типологических данных можно сделать вывод о хронологической принадлежности исследуемого комплекса слоя 2 ко второй половине верхнего палеолита.

Список литературы

Аниюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфулаев Б., Хушваков Н.О. Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан) – Санкт-Петербург, 1995. – 40 с.

Деревянко А.П., Колобова К.А., Флис Д., Исламов У.И., Ков Н., Коуп Д., Звинц Н., Павленок К.К., Мамиров Т.Б., К.А. Крахмаль, Мухтаров Г.А. Возобновление археологических работ на многослойной стоянке Кульбулак // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2007. - Т.13. - Ч.1 - С. 83-89.

Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 42 с.

**ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК УРАЛА: ЕВРАЗИЙСКОЕ ВРЕМЯ
(РЕКОНСТРУКЦИЯ КАЛЕНДАРНЫХ СИСТЕМ
КУЛЬТУР ПАЛЕОЛИТА ПОГРАНИЧЬЯ ЕВРОПЫ,
СРЕДНЕЙ АЗИИ И СИБИРИ ПО МАТЕРИАЛАМ
ПЕЩЕРНОГО СВЯТИЛИЩА КАПОВАЯ ПЕЩЕРА)**

Вводные замечания. Меридионально рассекающий евразийский континент Уральский хребет, знаменитые в древности «Рифейские горы», – особо привлекательный для палеолитоведов регион. Объяснение интереса к нему очевидно и теперь – этот эффектный природный рубеж представляет соединительное, узловой значимости звено, в котором, как в пространстве «Перекрестья миров», концентрировались влияния трех культурных зон ледниковой эпохи – североазиатской, среднеазиатской и европейской. Но, как и в случае с Западной Сибирью [Ларичев, 2007] и Зауральем, эта горная страна, в отличие от них, благоприятная для заселения палеолитическим человеком, вынуждает рассуждать о том без опоры на обширную базу фактов. Причина того видится в отсутствии на Урале ярких памятников древнекаменного века, а объясняется то местными археологами не очень-то убедительно – «слабой заселенностью горной части Урала, а также особым характером палеолитических памятников, расположенных в горных районах, что требует дополнительных и целенаправленных исследований» [Сериков, 2007].

Постановка проблемы и программная цель поиска. В ожидании пока они, такие исследования, начнутся, резонно обратиться к теме иной и куда более сложной – интеллектуальной сферы жизни тех, кто в верхнеплейстоценовые времена обитал на юге Урала. Благо тому способствуют открытые в прошлом веке, в этой части горной гряды, уникальной значимости памятники, которые отсутствуют в соседних зонах, европейской и двух азиатских, освоенных палеолитическими охотниками и собирателями уже в эпохи ашеля и мустье. Речь идет о святилищах закрытого типа, Игнатиевской и Каповой пещерах. Художественные композиции, выявленные в них, впервые позволили отечественным искусствоведам начать изучение духовной культуры палеолитических сообществ не как делалось ранее, по печатным публикациям европейских коллег, а используя вполне ощутимо реальное – сами настенные образно-знаковые росписи российских сакральных памятников, мест исполнения тайных культово-обрядовых действий [Бадер, 1965; Петрин, 1992; Petrine, 1997].

Статья составлена в рамках решения задач фундаментальной значимости программы, призванной доказать, что во всех палеолитических культурах каждого из регионов Евразии, от Тихого океана до Атлантики, наличествуют объекты, подтверждающие факт внимания человека к Небу, светилам, времени и пространству. Изыскания столь неординарного, астроархеологической направленности, разряда были проведены ранее по материалам Игнатиевской пещеры [Ларичев, 1999, 2000]. Усилим теперь результаты почти десятилетней давности исследования, обратившись к материалам, полученным относительно недавно при изучении второго грандиозного святилища Урала – Каповой пещеры [Ščelinskij, Širokov, 1999].

Источник: Композиция «Группа Ш» юго-восточной стены «Купольного Зала» Каповой пещеры. Презентация структур «текста» (орнаментального и геометрического вида знаковых «записей»). В глубинах галерей храма (если угодно – святилища) Каповая пещера выявлено несколько знаково-символических панно, подходящих для астроархеологических направленных исследований (рис. 1). Из них наиболее перспективным для анализа видится обширное средоточие большого количества разного вида линейных знаков, названное исследователями «Группой III Купольного Зала». Перспективным потому, что эта композиция есть весьма протяженный «текст» из почти полтораста знаков – обстоятельство,

Рис. 1. Каповая пещера. Местоположение «Купольного зала» и композиции «Группы III» (по Ščelinskij, Širokov, 1999).

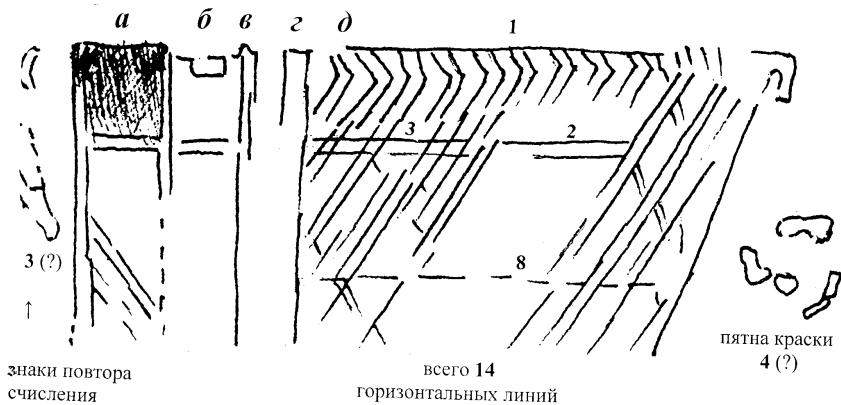

Рис. 2. Композиция «Группа III» и ее структурные подразделения.

которое повышает точность «прочтений» (смысловых расшифровок) изображенного (рис. 2).

Знаковое поле четко подразделяется на 5 блоков, каждый из которых включает в себя некое количество прямых линий, порой образующих при совмещениях сложной или простой конфигурации фигуры (меандр, углы, четырехугольник, прямоугольник и т. п.). Подсчет числа элементов в каждом блоке хотя и вызывает понятные сложности, но их, большей частью, удается преодолевать.

Первый, крайне левый блок а (рис. 3, а) составляют 19 линий, из коих 4 оконтуривают густо зачерченный пересекающимися линиями квадрат; 5 – прямоугольных очертаний фигура с 8 косо ориентированными линиями в нижней ее части; 2 линии, длинная слева и короткая справа, располагаются по сторонам от размещенных друг над другом квадратом и прямоугольной фигурами:

$$4 + 5 + 8 + 2 = 19 \text{ элементов.}$$

Второй, расположенный правее от а, блок б (рис. 3, б), составляют 7 линий, из коих 5 образуют фигуру, напоминающую меандр, а 2 короткие параллельные, горизонтально ориентированные линии размещаются ниже:

$$5 + 2 = 7 \text{ элементов.}$$

Третий блок в (рис. 3, в) составляют 4 вертикально ориентированные линии разной длины и скобковидный знак, прикрывающий их сверху. Он двухэлементный, т. е. символизирует число 2. Итак, блок в содержит:

$$4 + 2 = 6 \text{ элементов.}$$

В четвертом блоке г (рис. 3, г) 7 счетных элементов – 6 вертикально ориентированных линий (5 из них переходят одна в другую без перерыва) и 1 горизонтальная, соединяющая вверху одиночную линию и 5 остальных. Итак, блок г содержит:

$$6 + 1 = 7 \text{ элементов.}$$

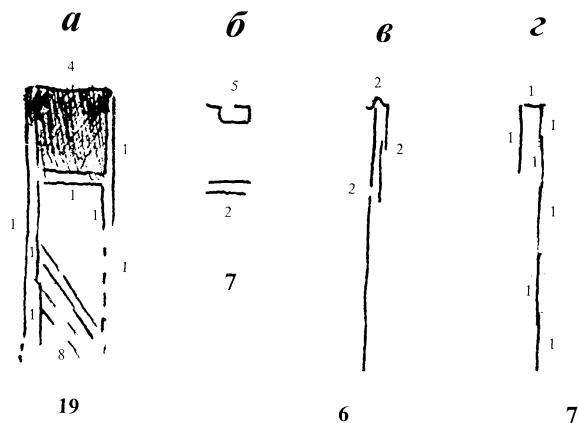

Рис. 3. Числовой контекст блоков *a*, *b*, *v*, *z*.

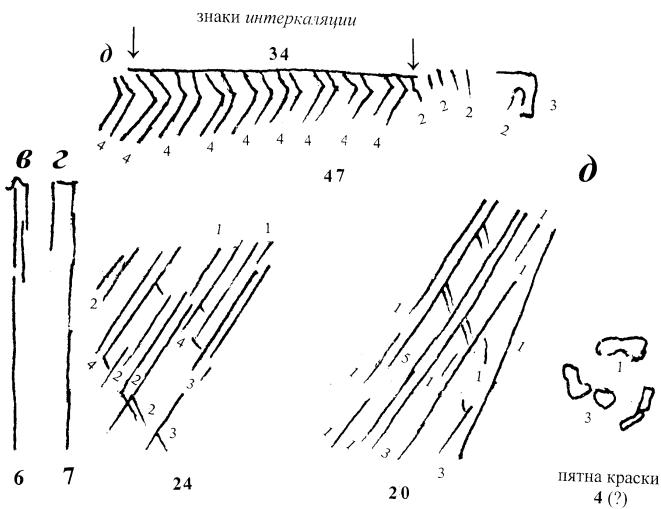

Рис. 4. Числовой контекст блоков *v*, *z*, δ , δ , позволяющий реконструировать системы счисления лунного и солнечного годов. Горизонтально ориентированные линии см. на рис. 2 (14 элементов).

Пятый блок δ (рис. 4, δ) со всеми разнородными знаками размещен в правой части композиции. Его составляют 4 подразделения:

1 – угловые и прочего вида знаки вверху (47 элементов);

2 и 3 – две отделенные друг от друга свободным от знаков пространством группы косо ориентированных линий с прилегающими к ним черточками (24 и 20 элементов, соответственно);

4 – горизонтально ориентированные линии (см. рис. 2, *д*), из которых 13 пересекают косо ориентированные линии, а 1 размещена над частью полосы угловых знаков:

$$1 + 3 + 2 + 8 = 14 \text{ элементов.}$$

Методические установки изыскания. Оно велось при следовании постулату Пифагора – «Всё происходит из числа и объясняется посредством числа» и призыву Галилео Галилея – «При отыскании истин измеряй всё доступное измерению и делай недоступное измерению доступным».

Тестирование количества знаков в каждом из блоков композиции на предмет возможного отражения ими календарно-астрономических циклов. Информационный контекст чисел определялся и оценивался далее с учетом того, что знаки в отдельных блоках могли быть разной временной весомости, т. е. символизировать не только сутки, как иногда ошибочно думают календаристы-астроархеологи, но также месяцы и годы особо важных многолетий, связанных с необходимостью «стыковки» лунного и солнечного времени, а также с намерениями предсказать (предвычислить?) моменты наступлений лунных и солнечных затмений. Предлагаются следующие интерпретации:

1 – блок *а* с 19 знаками (см. рис. 3) есть запись знаменитого в календаристике 19-летнего лунно-солнечного цикла Метона (подробности см. Идельсон, 1975). Помимо того, календаристы-астрономы Каповой пещеры, возможно,арьирияя длительностью многолетних периодов 19 и 18 лет (один знак исключался), умели фиксировать циклы больших саросов, лунного и солнечного, определяющих повтор затмений в местности наблюдений светил:

$$19 \rightarrow 18 \rightarrow 19 \text{ лет} = 56 \text{ лет} - \text{большой лунный сарос};$$

$$18 \rightarrow 18 \rightarrow 18 \text{ лет} = 54 \text{ года} - \text{большой солнечный сарос}.$$

Три знака, расположенные левее блока *а*, вне композиции 19 (см. рис 2), быть может, намекают на этот трехкратный повтор чисел, но уверенности в том нет.

2 – блоки *б* и *в* (см. рис. 3), составляющие вместе 13 знаков (7 + 6), есть запись количества месяцев в третьем лунном году, когда происходило выравнивание лунного счета времени со временем солнечным. Понятно, что в двух годах, предшествующих третьему, месяцев было 12 (один знак не учитывался);

3 – количество знаков в блоке *д* календарно-астрономически незначимо (см. на рис. 4 и 2 подразделения этого блока, 1, 2, 3 и 4, включающие 47, 24, 20 и 14 элементов соответственно):

$$47 + 24 + 20 + 14 = 105 \text{ элементов.}$$

Однако объединение в одну счетную систему блоков *в*, *г* и *д* позволило восстановить способ отсчета времени в течение лунного года и прием выравнивания лунного трехлетия с трехлетием солнечным.

Реконструкция системы счисления лунного года. При суммировании знаков упомянутых блоков (*в*, *г*, *д*) получим календарно-астрономически значимое число:

$$6 + 7 + 105 \text{ сут.} = 118 \text{ сут.} \approx \frac{1}{3} \text{ лунного года.}$$

Трехкратное считывание тех же знаков (на что указывают 3 знака, размещенные левее блока *a*; (см. рис. 2) выведет на рубеж окончания лунного года:

$$118 \text{ сут.} \times 3 = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$$

Реконструкция выравнивания лунного счета времени со временем солнечным. После счисления трех лунных лет по выявленной схеме в счетную систему вводился интеркалярий – считывались 34 угловых знака, над которыми размещается горизонтальная линия (см. на рис. 4 число 34). В результате получим:

$$(354 \text{ сут.} \times 3) + 34 \text{ сут.} = 1096 \text{ сут.};$$

$$1096 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 3,0007 \approx 3 \text{ солнечных года.}$$

Реконструкция прямого счисления времени по Солнцу. Если к 118 знакам счисления времени по Луне присоединить 4 пятна краски, размещенных на правой окраине панно (см. на рис. 4 числа 3 и 1), то получим второе базовое в календаристике число – 122, что есть $\frac{1}{3}$ солнечного года. Трехкратный проход по всем знакам этого цикла (на что указывают те же 3 знака, размещенные левее блока **а**) выведет на рубеж окончания солнечного года:

$$122 \text{ сут.} \times 3 = 366 \approx 365,242 \text{ сут.}$$

Это число, 366 сут., представляет длительность високосного года. Ясно, что остальные 3 года считывались при неучете знака 1 в скоплении 4 пятен краски.

Краткие итоги поиска. Распознать скрытый (зашифрованный) информационный контекст “орнаментальных” структур «Группы III» Купольного зала Каповой пещеры можно, используя два альтернативных методических приема:

– пусть в ход обычную для традиционного искусствоведения палеолита словесную дребедень, назвать композицию тектиформой, клавиформой и тому подобными туманностями, что приведет лишь к замене графической непонятности бессмысленностью интерпретационной;

– сменив методику исследования со свободным, легковесно гуманистичным “парением мыслей”, на ту, что связана с естественно-научным (объективным, проверяемым) подходом, заняться поиском доказательной истины. А она, полагаю, будет одной и при «прочтении» знаково-символических «записей», и при истолковании зоантропоморфных образов, а именно – отражением мировоззренческих идей, связанных с представлениями жречества палеолита о Времени, Пространстве и Мироздании.

Список литературы

Бадер О.Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. – М., 1965. – 32 с.

Идельсон Н.И. История календаря // Этюды по истории небесной механики – М.: «Наука», 1975. – С. 308–411.

Ларичев В.Е. Космографические фигуры и знаковые тексты Игнatieвской пещеры: «Большой зал» (календарно-астрономические циклы и персонажи астральной мифологии в искусстве палеолита Южного Урала) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 3. – С. 57 – 69.

Ларичев В.Е. Космографические фигуры и знаковые тексты Игнatieвской пещеры: «Дальний зал» (календарно-астрономические циклы и персонажи астральной мифологии в искусстве палеолита Южного Урала) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2000. – № 3. – С. 7–30.

Ларичев В.Е. Древнекаменный век Северной Азии: Западно-Сибирское Время // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 120–125.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. – Новосибирск, 1992 – 207 с.

Сериков. Ю.Б. Костяные изделия Гаринской палеолитической стоянки (к вопросу о костяной индустрии палеолита Урала) // Северная Азия в антропогене. – Т. 2. – Иркутск, 2007. – С. 143–145.

Petrine V.T. Le Sanctuaire Paléolithique de la Grotte Ignatievskia á L'Oural du Sud. – Liege, 1997. – 270 p.

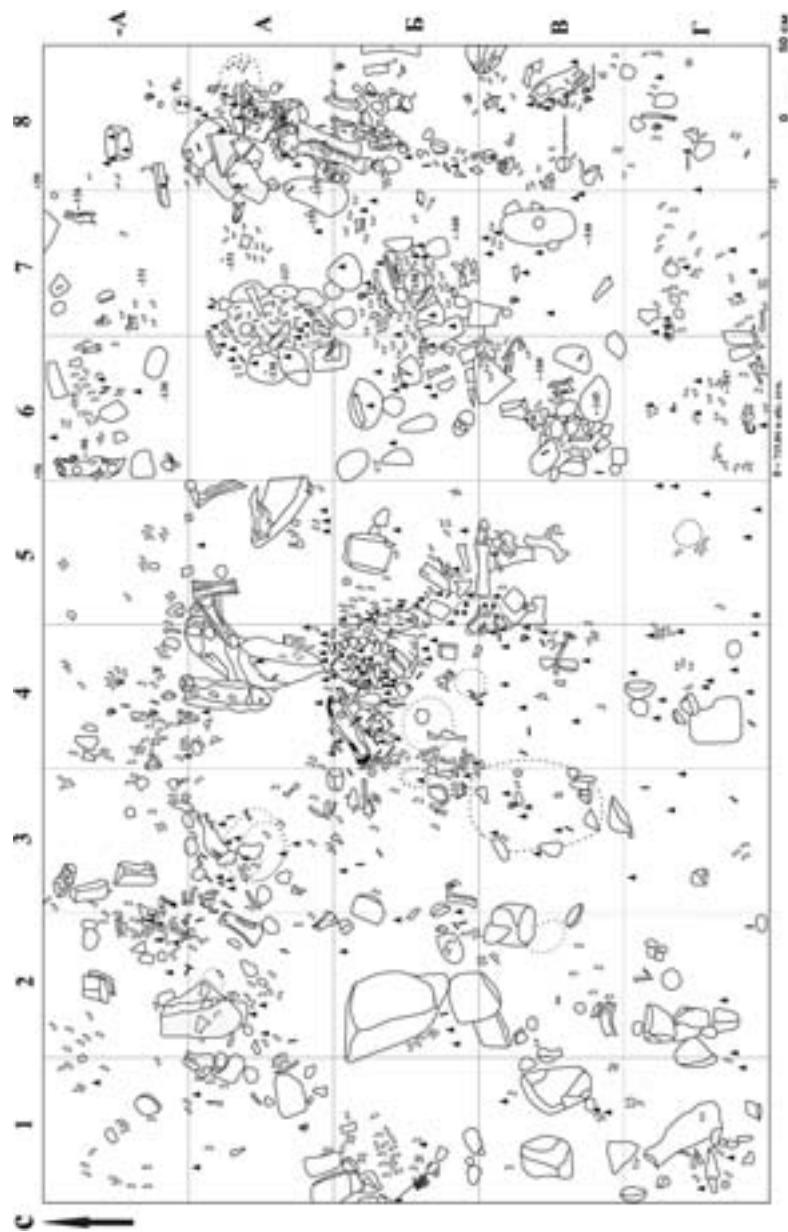
Ščelinskij V.E., Širokov V.N. Höhlenmalerei im Ural. Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. – Jan Thorbecke, Verlag, 1999. – 170 S.

СПЕЦИФИКА ПЛАНИГРАФИЧЕСКИХ СТРУКТУР КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА КОМПЛЕКСА ХОТЫК (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)

Комплекс разновременных памятников Хотык располагается на южном и восточном склоне одноименного среднегорного массива, на левобережье р. Она, в Удинском бассейне в 6 км на север от села Агинск. Бассейн р.Уды представляет собой пограничную зону между крупными геоморфологическими областями - Селенгинским среднегорьем и Витимским плоскогорьем. Комплекс разновременных стоянок от среднего палеолита до развитого бронзового века и средневековья изучается нами с 1999г. В целом выделено 9 участков, представляющих интерес с позиций археологического исследования. Наиболее эффективные результаты были получены нами при раскопках многослойного объекта Хотык-3 [Лбова, 2000; Лбова и др., 2004]. Гипсометрия зоны распространения археологического материала местонахождения в пределах относительных отметок от 5 до 40 м над современным урезом воды в р. Она, при этом отмечается лучшая сохранность уровней обитания в верхней части шлейфа (относительные отметки 40-35 м).

Предмет нашего интереса в данной публикации – культурные образования, включенные в 8-й литологический слой. Слой представляет супесь серовато-коричневую, с редким включением дресвы и мелкого щебня, глыб камня. В нижней части слоя наблюдаются ленты черного гумусированного материала, почти горизонтальные, протяженностью до 70 см, толщиной 2-3 см. К отмеченным лентам приурочены артефакты и фауна, характеризующие уровень обитания древнего человека, квалифицированный нами по совокупности данных как ранний этап верхнего палеолита [Lbova, 2008]. В целом, предполагается определение комплекса в пределах среднекаргинского периода, возраст которого может быть не древнее 40-45 тыс. л. н. Практически во всех случаях на артефактах отсутствует карбонатная корочка, что отличает материалы от находок комплекса второго уровня, часть предметов имеет слегка блестящую люстрированную поверхность. Общая мощность слоя 0,20-0,25 м в раздувах до 0,30-0,35 м.

Планиграфическая оценка выявленных ситуаций в целом на местонахождении, объемы и состав фаунистической и археологической коллекций свидетельствует о наличии различных по системе организации ком-

Хотык Уровень 3. Общая планиграфическая ситуация раскопа 2.

плексов: долговременных поселений с ямами-хранилищами (уровень 2, 3), кратковременные стоянки (уровень 1, 4, 5,6).

Комплекс педолитических и палинологических данных свидетельствуют о довольно резком переходе от холодных, влажных условий к теплым и сухим, который имел место несколько ранее времени формирования уровня обитания 3. Общая характеристика и позиция культурного горизонта в геологическом теле вполне однозначна. Хорошо выражена последовательность первых трех тафономических циклов, благодаря механизму которых произошло мгновенное захоронение остатков и сохранились основные структурные элементы планиграфии (например, площадки для обработки камня, каменные конструкции, ритуальный (?) комплекс). Анатомически правильное расположение частей посткраниального скелета, характер положения артефактов и их сохранность, целостность каменных конструкций и вертикально установленные костные сооружения, указывают на довольно спокойный режим погружения артефактов в литологический слой и завершение метаморфической стадии ЗБ. Вероятно, 4-я тафономическая стадия не имела места, либо практически не выражена.

Планиграфические структуры уровня обитания 3 выражается в виде скоплений артефактов с четкими границами, приуроченных к каменным конструкциям, образованным вертикально установленными плитами или крупными глыбами (рис.). Большой интерес представляет ситуация, в центральной и восточной зоне раскопа 2, которая изучалась на протяжении трех последних лет. Скопление артефактов и фаунистических остатков (как целых, так и во фрагментах) сконцентрировано на площади 2 кв. м в центральной части раскопа (кв. Б-4/5). Зона расчистки насыщена разнообразными по оттенку пятнами зеленого, красного, белого, черного, желтого цвета. В целом пятно имеет ориентацию север-юг. К этому пятну приурочены находки готовых целых и сломанных орудий (преобладают остроконечники, оригинальные орудия, скребла), нуклеусов в последней стадии сработанности, предметов неутилитарного назначения, осколков разноцветной яшмы, горного хрусталя, слюды, гематитовой слюдки. В процессе расчистки пятна была выявлена композиция, составленная из черепа, позвоночного столба, лопаток и берцовых костей трех ног лошади, в том числе 2 ноги с копытами, стоящие вертикально. Третья нога, с так называемым «каменным копытом», зафиксирована горизонтально, помещена строго по линии запад-восток. Несомненно намеренная обработка песчаникового субстрата и придания ему заданной формы копыта за счет формообразующих снятий. Артефакт заменяет копытную и первую фалангу ноги.

Особый интерес вызывают находки предметов «неутилитарного назначения» с намеренным боковым просверленным отверстием, которые А. Д. Столляр (1985) интерпретирует как «женские знаки» [Лбова, Волков, 2007]. В коллекции комплекса, как упоминалось выше, присутствует

серия иных предметов – подвески, бусины-пронизки, пластиинки со следами сверления, фрагменты колец, фрагмент трубчатой кости птицы с отверстием. Внимание привлекает и концентрация экзотического сырья – кварца, в том числе и раух-топаза, слюды, яркой красной, желтой и зеленой яшмы.

Восточнее от этой зоны раскопом был выявлен очаг с каменной полной обкладкой (кв. А-6/7) и вертикально установленной плитой, вымазанной иризирующими покрытием (возможно, гематитовой слюдкой) (кв. В-7). В 1 м на север от которой обнаружена иная оригинальная ситуация, которая может быть обозначена как «хранилище костей» [Элиаде, 2002]. Структура представляет собой намеренное захоронение ноги носорога в кладке, выполненной из небольших плит (кв. А/Б-8). Нога (кости-?) изначально была уложена на довольно большую горизонтальную плиту, и впоследствии обложена небольшими плитками и засыпана охрой. Охра представлена в мелких кусочках и пятнами красного или розового цвета. В целом конструкция и ее засыпка сопровождается изделиями из цветной яшмы (остроконечники, нуклевидные изделия), кварца (осколки), слюды (мелкие пластиинки). Из уникальных изделий отмечены лопаточковидные орудия из кости и бусины-подвески из камня, обнаруженные в засыпке «захоронения». Рядом с обозначенной конструкцией, в 0,5 м восточнее, обнаружена лопатка бизона с вырезанными «женскими знаками» и череп лошади.

Интерпретационные построения выявленной ситуации, на наш взгляд предварительно могут укладываться в рамках обрядовой практики на уровне обрядов продуцирующего или посвятительного цикла. Предполагается, что обряды продуцирующего и посвятительного цикла представляют собой единый первообряд, реконструируемый, на уровне гипотезы, для объектов палеолитического возраста [Элиаде, 2002]. Семантическая закрытость достоверных палеолитических культурных слоев очевидна, но нам представляется возможным использование историко-этнографических параллелей. Практически все известные в этнографии продуцирующие обряды имеют компоненты использования красной краски, или крови, посещение особых сакральных мест, имитацию животных или растений (использование костей, фигур, рисунков, символов и т.п.). Продуцирующие обряды и культуры по своему характеру признаны как наиболее архаичные и направлены на природу – источник и основу существования человека. Их повсеместное распространение и устойчивое существование на протяжении тысячелетий позволяет предполагать, что мы имеем дело с одним из древнейших явлений ранних религиозных представлений.

Список литературы

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: изд. БНЦ СО РАН, 2000. 240с.

Лбова Л.В., Резанов И.Н., Калмыков Н.П., Коломиец В.Л., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Вашукевич Н.В., Волков П.В., Савинова В.В., Базаров Б.А., Намсараев Д.В. Природная среда и человек в неоплейстоцене (западное Забайкалье и юго-восточное Прибайкалье). Улан-Удэ, изд.БНЦ СО РАН, 2003. 208с.

Лбова Л.В., Волков П.В. Технологии изготовления предметов изобразительной деятельности в комплексах начальной поры верхнего палеолита в Западном Забайкалье.//Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Труды САИПИ, вып.3 – Барнаул, 2007. С.40-43

Элиаде М. История веры и религиозных идей. М.: Критерион, 2002. Т. 1. 464с.

Lbova L.V. Problems of dating of the Upper Palaeolithic in the Transbaikal region // The current issues of Palaeolithic studies in Asia. Novosibirsk, 2008. p.78-82

МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК САКАЧИ-АЛЯН (НИЖНИЙ ПУНКТ)

На нижнем Амуре, в особенности в его юго-западной части, известны сосредоточенные на сравнительно небольшой территории группы памятников, в которых представлены все или почти все культуры различных исторических эпох, практически вся археология региона. В число таких групп входят, прежде всего, памятники, расположенные на правом берегу Амура на 3-х километровом участке преимущественного в пределах с. Сакачи-Алян, а также выше его по реке. Такие многослойные и разновременные поселения как Гася и Госян исследовались в течение ряда лет на значительных площадях и большей частью опубликованы [Окладников, Медведев, 1981; Деревянко, Медведев, 1992; 1993; 1994; 1995; Медведев, 2003 и др.]. К частично раскопанным объектам относится памятник на нижней по течению Амура окраине села у овражка, от которого высокий берег реки переходит в низину. Данный объект связан с береговой террасой, возвышающейся над наиболее ранними петроглифами этой местности, выбитыми на валунах непосредственно у амурской воды. Он назван нами нижним пунктом. Работы здесь проводились в 1970, 1972 и 1973 гг. археологическим отрядом под руководством автора.

Памятник с ровной или со слегка наклонной к реке поверхностью распространяется от овражка вдоль террасы на 15–20 м. (из-за огородов и построек более точно определить было нельзя) и примерно настолько же в глубь ее. Стратиграфия его в основе своей сродни другим основным сакачи-алянским памятникам. Верхний слой гумусированного грунта (на глубину до 0,6 м) заполняли преимущественно средневековые чжурчжэньские находки, прежде всего, серая станковая керамика, железные ножи и наконечники стрел, бронзовые монеты и остатки жилищ в виде состоящих из плит канов. Ниже отмечена керамика раннего железного века – польцевской и урильской культур (до 0,75 м). Культурный пласт времени раннего металла был нарушен средневековыми сооружениями и его материал порой залегал в верхнем слое. Еще глубже (около 0,9 м от поверхности) зафиксированы немногочисленные изделия малышевской неолитической культуры. Все это на глубину до 1,3 м подстипал пласт желтого или коричневого суглинка, в котором в довольно большом количестве выявлен каменный инвентарь и отдельные мелкие обломки керамики самой ранней здесь осиповской культуры, относящейся к начальному неолиту. Ре-

зультаты работ 1972 г. в раскопе площадью 32 м.² нашли отражение в печати [Окладников, 1971; Медведев, 2001, с. 78–80]. Что касается материалов раскопок 1970 и 1973 гг., то они ранее не рассматривались и впервые представлены в данной публикации.

В 1970 г. была проведена зачистка обрывистого края террасы. В результате ее получен вещественный материал и определена стратиграфия памятника. В 1973 г. раскоп располагался рядом с прежним вскрытым участком преимущественно поблизости от границы овражка. На площади 65 м² обнаружено довольно значительное количество артефактов, многие из которых принадлежат нижнему осиповскому слою. В соответствии с найденными сунскими монетами Цзин-ю юань бао (1034 – 1038 гг.), Чуннин (1102 – 1106 гг.) и др. у современной оконечности Сакачи-Аляна в XI – нач. XII в. существовало поселение чжурчжэней. Среди многочисленной, как правило, станковой керамики наблюдаются фрагменты горшковидных сосудов, а также типа узкогорлых кувшинов и крупных корчаг, украшенных характерным геометрическим штампом. Особенно большое скопление керамики отмечено у овражка, куда обитатели жилищ могли выбрасывать битую утварь. Довольно много найдено глиняных рыболовных грузил-кирпичиков, зафиксированы также желобчатые ножи и кольца из железа.

Керамика урильской культуры определена по обломкам нескольких сравнительно крупных сосудов, очевидно, ситул, орнаментированных по тулову прочесами в виде косой сетки. Есть фрагменты с резко отогнутым наружу венчиком и налепными валиками. Цвет черепков от черного до желто-красного (со следами краски) (рис. 1, 10, 11). Венчики и шейки сосудов польцевской культуры украшены налепными валиками или вертикальными оттисками (рис. 1, 12, 13). Среди предметов малышевской культуры есть фрагмент сосуда с вертикально поставленным венчиком, ниже которого оформлены сдвоенные ряды подпрямоугольных вдавлений (рис. 1, 9). К этой же культуре отнесены два шлифованных топора из темного алевролита.

Наиболее представительную группу каменного инструментария осиповской культуры составляют линзовидные в сечении бифасы-остроконечники (9 экз.) (рис. 1, 3, 4; 2, 3 – 7, 13, 14). Выделяются две подгруппы: крупные (длина 7,3–13,4 см) и мелкие (4,1–4,7 см) изделия. Первых, предназначавшихся для оснащения дротиков, копий и в какой-то степени служившие в качестве ножей, значительно больше, чем вторых. Более крупные орудия обработаны мелкой обивкой, стелющейся ретушью, некоторые из них затёрты или окатаны. Все они, за исключением одного грубо-оббитого обломанного бифаса (см. рис. 2, 6), целые. Вторые – изделия меньших размеров – служили в качестве наконечников стрел. Основное внимание при их изготовлении уделялось краевой ретуши. Имеется экземпляр с предварительной обивкой и боковой выемкой (см. рис. 2, 7), возможно, следствие неудачного исполнения. Изготовлены остроконечники из тем-

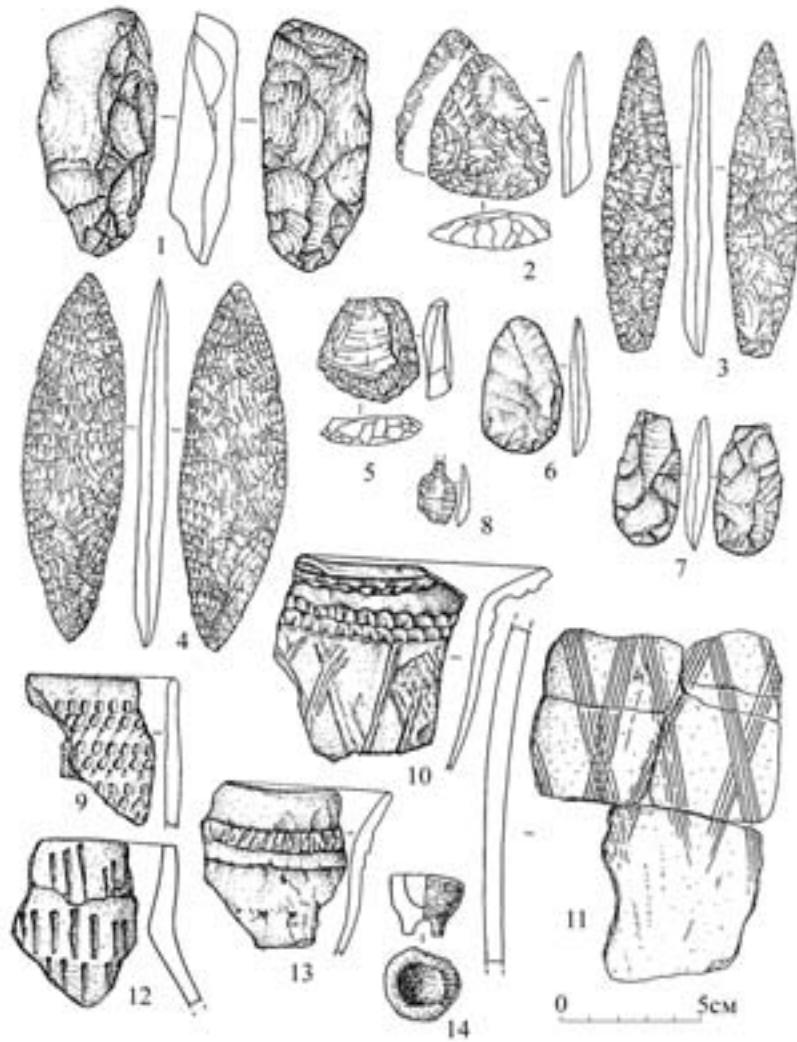

Рис. 1. Каменный инвентарь (1 – 8) и керамика (9 – 14). 1, 2, 5, 9, 10, 13 – из зачистки обрыва террасы 1970 г.; 3, 4, 6 – 8, 11, 12 – из раскопа 1973 г.; 14 – из подъемного материала (1973 г.).

ных, изредка серых алевролитов, в отдельных случаях из чёрной и желтой кремнистой породы.

Тесловидно-скребловидные орудия (4 экз.) (рис. 1, 2; 2, 10 – 12). Они подтреугольные в плане с выпуклым или ровным рабочим краем относительно небольших размеров ($4,7 \times 3,8 \times 1,2$ – $6,1 \times 4,5 \times 2,1$ см). Изготовлены в основном из алевролитовых галек темных тонов. Оббиты либо по краям

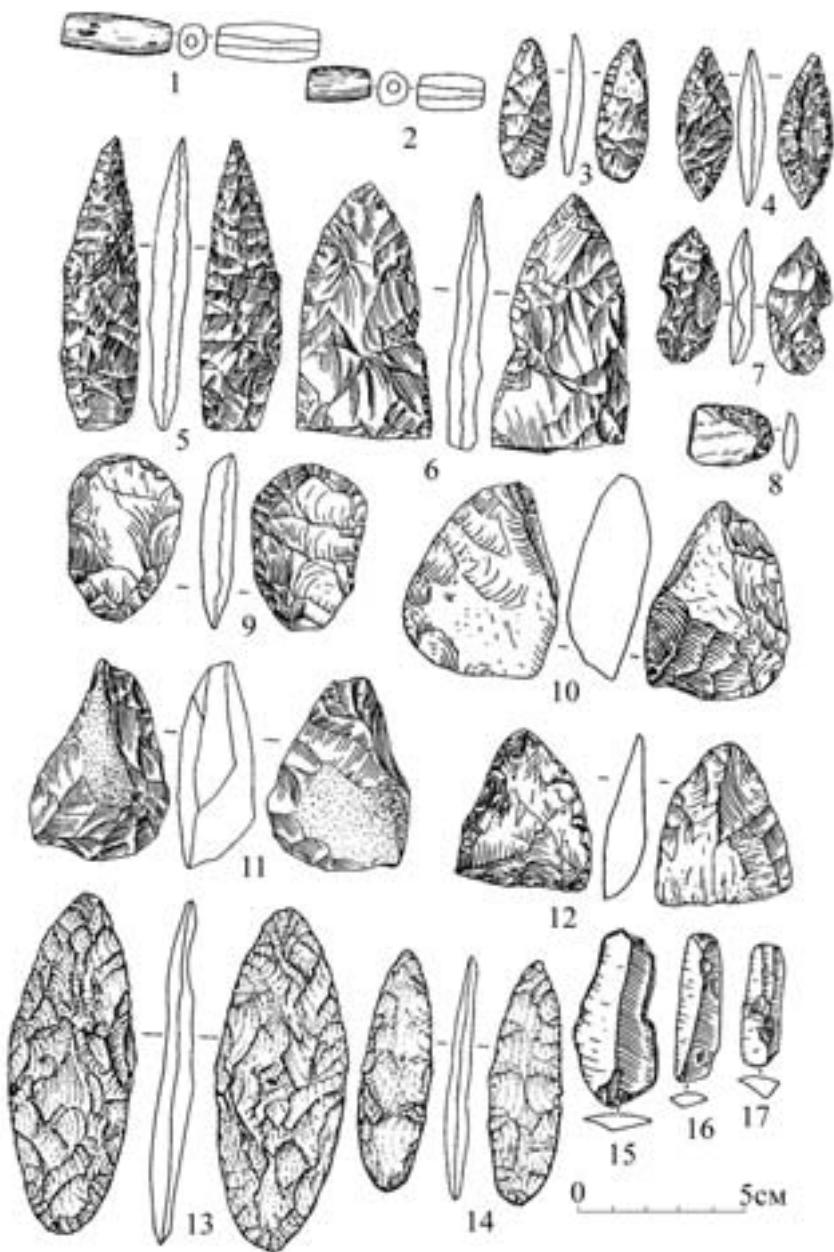

Рис. 2. Каменные бусины (1, 2) и инструментарий (3 – 17) из раскопа 1973 г.

с оставлением галечной корки, либо по всей поверхности с заострением краёв по периметру.

Скребки (4 экз.) (рис. 1, 5, 6; 2, 8, 9). В большинстве своем концевые, один из них сильно замыт (см. рис. 1, 6). Изготовлены из темных алевролитов. Зарегистрировано около 10 экз. пластин (рис. 2, 15 – 17). Они из алевролита и кремня длиной 3,5–6,0 см. Не всегда правильной формы, края некоторых из них затуплены.

Другие инструменты выявлены по одному экземпляру. Рубящее орудие (рис. 1, 1) – оформлено грубой двусторонней оббивкой. Рабочий конец слегка заужен, заострен подтеской. Обушек скошен без краевой оббивки. Изготовлен из серой алевролитовой гальки, размеры 9,1×4,2×2,1 см. Стамесковидное изделие (рис. 1, 7) – овально-языковидной формы длиной 4,8 и шириной 2,4 см. Выпуклая рабочая часть заострена двусторонней подтеской, заострены и боковые края. Сделано из пластинчатого алевролитового отщепа. Плечиковая проколка с обломанным концом острия (рис. 1, 8). Изготовлена из кремневого дымчато-серого отщепа. Украшения представлены двумя, можно считать, характерными для осиповской культуры бусинами из яшмовидной породы. Первая – темно-зеленая с матовым оттенком удлиненно-цилиндрическая с легкой выпуклостью длиной 3,2 и диаметром 1,1 см. (рис. 2, 2). Отверстия у бусин просверливались с обоих концов.

В осиповском слое выявлено значительное количество различных размеров отщепов и сколов, а также заготовок орудий в виде оббитых в той или иной степени галек. Почти ничего нельзя сказать о нуклеусах, которые в освещаемых раскопах не обнаружены. Можно лишь упомянуть о двух нуклеусах (одноплощадочном на уплощенной халцедоновой гальке и клиновидном микронуклеусе из кремнистой породы), найденных в ходе работ в 1972 г. [Медведев, 2001, рис. 3, 7, 8].

В 1973 г. неподалеку от раскопа среди смешанных культурных остатков был найден глиняный миниатюрный сосудик-трипод (высота 2,2, диаметр 2,8 см) (рис. 1, 14). Емкость в форме чашечки с тремя ножками (одна из них обломана) красновато-желтого цвета. Трипода в археологии российского Дальнего Востока неизвестны. Сакачи-Алянская находка, скорее всего, уменьшенная копия подлинного трипода свидетельствует о том, что обитатели Приамурья были знакомы с этим типом посуды. Триподик можно датировать ориентировочно периодом раннего металла.

Некоторые выводы. Обращает на себя внимание количество культурных напластований памятника (снизу вверх): начальный и ранний неолит (осиповская и малышевская культуры), ранний железный век (урильская и польцевская культуры), чжурчжэньская культура накануне создания государства Цзинь. Традиционное сочетание различных культур и эпох, подобное этому, наблюдается, пожалуй, нигде лучше на нижнем Амуре, как в районе сел Сакачи-Алян и Малышево. Оно свидетельствует фактически о непрерывном заселении людьми удобных мест на реке на протяжении многих тысячелетий.

Наиболее информативно представлены чжурчжэнская эпоха с канами в жилищах и осиповская культура – самая ранняя в неолите региона. Материалы подтверждают типологическую устойчивость каменного инвентаря, свойственную многим ее памятникам. Зафиксированные мелкие рыхлые кусочки керамики вместе с осиповскими орудиями – одно из свидетельств широкого распространения керамического производства в амурском ареале в позднеплейстоценовое время. Отсутствие среди осиповских материалов микропластин, а также минимальное на памятнике количество нуклеусов объясняется скорее тем, что основная масса инструментария изготавлялась из галечных и отщеповых заготовок. Слой с артефактами осиповской культуры по своему содержанию сопоставим с поселением Гася и датировать его можно в рамках 11 – 13 тыс. лет.

Список литературы

- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася (общие сведения, предварительные результаты 1975 г.): Препр. – Новосибирск, 1992. – 29 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася (предварительные результаты 1976 г.): Препр. – Новосибирск, 1992. – 38 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.): – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 109 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1986, 1987 гг.): – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – 95 с.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1989, 1990 гг.): – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 64 с.
- Медведев В.Е.** Проблема истоков некоторых скulptурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 77–94.
- Медведев В.Е.** Когда и как была открыта на Дальнем Востоке древнейшая керамика // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 38–43.
- Окладников А.П.** Раскопки в Сакачи-Аляне // АО 1970 года. – М.: Наука, 1971. – С. 191–192.
- Окладников А.П., Медведев В.Е.** Раскопки в Сакачи-Аляне // АО 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 201–203.

ФАУНА МЕЛКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ СРЕДНЕЙ ПАЧКИ ОТЛОЖЕНИЙ ПЕЩЕРЫ СТРАШНАЯ*

Обсуждение результатов по ископаемой фауне пещеры Страшная в данной публикации является продолжением научных работ, начатых в 2006 г. Сведения о физико-географическом положении пещеры, методике сбора и обработке материала подробно рассмотрены в работе (Зенин, Сердюк, 2007). Во время полевого сезона 2007 г. в пещере Страшная были вскрыты отложения центрального зала мощностью 3,5 м от кровли слоя 6 до слоя 12 и частично слоя 13, относящиеся к средней пачке заполнения полости пещеры. Археологические и фаунистические материалы в не потревоженном состоянии зафиксированы в слоях 6 – 10. Детальная разборка слоя 11 и последующая тщательная промывка грунта показала, что отложения слоя не содержат ни археологического, ни фаунистического материала (практически полностью отсутствуют кости мелких грызунов). В тоже время слой в значительной мере подвержен нарушениям в результате биогенного воздействия. Ходы достаточно крупных животных пронизывают всю толщу слоя 11 вплоть до кровли слоя 12. Заполнитель данных нор содержал как археологический, так и фаунистический материал, который находится в перераспределенном состоянии. Отложения слоев 12 и 13 археологических и фаунистических материалов не содержали.

На обработку поступил материал из слоев 6-11 включительно. Всего определено более 11 тыс. костных остатков. В силу переотложенности отложений слоя 11 фаунистический материал из этого слоя нами в данной работе не рассматривается. Особо отметим, что некоторое количество костей, принадлежащих зайцеобразным и грызунам средних размеров и осевших на крупных ситах, рассматривается С.К. Васильевым в составе фауны крупных млекопитающих. Материал хорошей сохранности, от светло-желтого до коричневого цвета. В основном он представлен разрозненными зубами, нижними челюстями, длинными костями конечностей.

Динамика ископаемой фауны мелких позвоночных Страшной пещеры представлена на рис. 1. Рассмотрим, как меняется от слоя к слою доля зна-

*Работа выполнена в рамках проектов: РФФИ № 08-04-00483а, РГНФ №08-01-18078е.

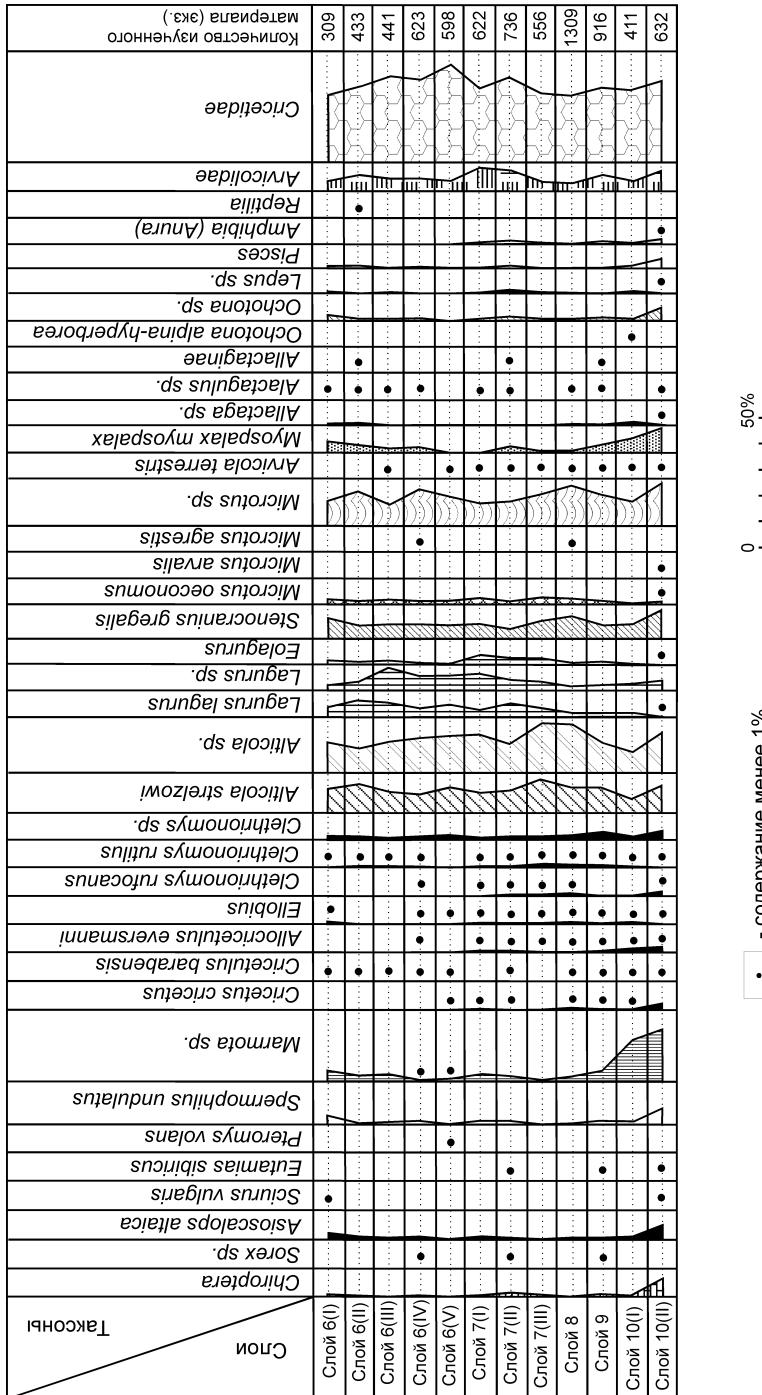

Рис.1. Страшная пещера. Раскоп 2007 г. Общий состав мелких позвоночных.

чимых для палеореконструкций видов, а именно млекопитающих (без учета количества остатков рептилий, амфибий и рыб). По изменению числа костных остатков разных видов можно предположить о нескольких этапах формирования осадков в пещере, каждому из которых соответствует определенная фауна мелких млекопитающих.

Заметно выделяется на графике слои 10(I)-10(II). Для них характерно максимальное количество остатков летучих мышей *Chiroptera*, алтайского крота *Asioscallops altaica*, алтайского цокора *Myospalaax myospalax*, суслика *Spermophilus undulatus*, сурка *Marmota sp.* и пищух *Ochotona*. Количество степных (*Lagurus Lagurus*) и желтых (*Eolagurus sp.*) пеструшек незначительно. В количестве 1 % (или менее) отмечены хомяки (*Cricetus cricetus*, *Cricetulus barabensis*, *Allocricetus eversmanni*), слепушонка *Ellobius sp.*, лесные полевки *Clethrionomys*, полевка-экономка *Microtus oeconomus*, пашенная полевка *Microtus agrestis*, водяная полевка *Arvicola terrestris*, тушканчики (*Allactagulus-Pygeretmus*, *Allactaga*) и заяц (*Lepus sp.*).

Следующую группу составляют слои 9-7(I) с максимально высокой долей остатков скальных полевок *Alticola*. В свою очередь эту группу можно разделить на две подгруппы: слои 9-7(III) и слои 7(II)-7(I). В слоях 9-7(III) падает количество остатков сурка, алтайского цокора, тушканчиковых *Allactaginae*, практически полностью пропадает длиннохвостый суслик; остатков хомячка Эверсманна *Allocricetus eversmanni* больше, чем остатков барабинского хомячка *Cricetulus barabensis*. Не изменяется по сравнению со слоями 10 количество лесных полевок, пеструшек. В слоях 7(I)-7(II) несколько уменьшилась доля скальных полевок. Возрастает количество суслика, сурка, цокора, пищух. Среди остатков пеструшек максимального значения (более 3 %) в этот период достигают остатки желтой пеструшки. Появляются (в количестве менее 1 %) представители *Allactaginae*, остатков барабинского хомячка больше, чем остатков хомячка Эверсманна.

Следующая группа – слои 6(V)-6(III). Для них характерно значительное количество остатков степных пеструшек. Невелика доля суслика, сурка, слепушонки, *Allactagulus-Pygeretmus*, цокора и пищух. Стабильно количество крота, лесных полевок, узкочерепной полевки.

И последняя группа – слои 6(II)-6(I). В этих слоях постепенно падает количество степных и желтых пеструшек, возрастает доля суслика, сурка, и цокора. Также в этих слоях отмечено максимальное количество находок остатков тушканчиковых.

Количество узкочерепной полевки, полевки-экономки, водяной полевки относительно стабильно по всем слоям Страшной пещеры.

Согласно существующим представлениям о стенобионтности мелких млекопитающих, в частности грызунов, палеореконструкция ландшафтов окрестностей Страшной пещеры во времена седиментации нижних слоев предлагается ниже.

Для всех слоев нижние пачки Страшной пещеры характерны следующие особенности. Постоянные и в большом количестве находки скальных полевок свидетельствуют о каменистых участках по склонам хребта во времена осадконакопления. Узкочерепная полевка, тоже фоновый вид в ископаемой фауне пещеры, предпочитает луговые биотопы, как в лесной зоне, так и в полупустыне и зоне горных лесов, что маркирует присутствие подобных ландшафтов. Малое количество бурозубок по всей толще свидетельствует о незначительном участии увлажненных лесных биотопов с сомкнутым травянистым покровом и обильной подстилкой (Строганов, 1957). Кустарничковые ассоциации незначительны, поскольку в отложениях Страшной пещеры не обнаружены типичные обитатели этой ассоциации мышовки *Sicista* и лесные мыши *Apodemus*.

На первом временном этапе, относящемся к периоду отложения слоев 10(I)-10(II), в районе Страшной пещеры преобладали равнинные злаковые и злаково-разнотравные степи с разреженным травостоем, вероятно присутствие лесных колков и рощ по берегу реки, а наличие россыпей камней по склонам обеспечивало существование популяции пищух. Промерзание почвы в осенне-зимний период было незначительным.

На втором этапе (время накопления слоев 9-7(II)) сокращались степи с редкой растительностью, сохранялись и начинали преобладать открытые каменистые участки, появлялись негустые кустарничковые поросли, также увеличивалось количество влажных стаций лугового типа, что повлекло сокращение численности сурка, тушканчиков, крота и привело к повышению количества полевки-экономки и узкочерепной полевки. Биотопы лесного типа стали играть большую роль, чем на предыдущем отрезке времени, о чём свидетельствуют возросшие в количестве находки лесных полевок, бурозубок, барабинского хомячка. В дальнейшем вновь получили распространение злаково-разнотравные степи, частично и полупустыни, в пользу чего говорят максимальное количество находок желтых пеструшек и тушканчиковых, в том числе *Alactagulus-Pygeretmus*, встречающегося в биотопах с плотными глинистыми грунтами, например в пустынях, поросших невысокой травой (Фокин, 1978).

Третий этап – время накопления слоев 6(V)-6(III). Для этого периода также характерны степные биотопы, возможно, и лесостепь. По-прежнему присутствуют полупустынные или пустынные биотопы. Вероятно, произошла аридизация климата, поскольку степные пеструшки, относительно спокойно переживающие опустынивание и сухость пустынных территорий в отличие от других представителей ископаемой фауны Страшной пещеры, достигли на этом этапе своей максимальной численности.

На заключительном этапе (время формирования 6(II)-6(I) слоев) климат стал мягче, появление слепушонки и увеличение количества крота связано с мягкими зимами.

Настоящим исследованием показано, что для времени формирования слоев 6-10 Страшной пещеры в ее окрестностях было характерно преобладание степных биотопов с некоторой долей полупустынных и нивальных; климатическая обстановка незначительно отличалась от современной и была, по всей видимости, более гумидной.

Список литературы

Зенин А.Н., Сердюк Н.В. Фауна мелких млекопитающих из верхней пачки отложений в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 100-104.

Строганов С.У. Звери Сибири. Насекомоядные. М.: АН СССР, 1957. с. 268

Фокин И.М. Тушканчики. Л.: ЛГУ, 1978. 182 с.

К ЛИТОЛОГО-СТРАТИГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НИЖНЕНОПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ КАРАМЫ*

В нижненоплейстоценовых отложениях раннепалеолитической стоянки Карама выявлены наиболее древние уровни залегания археологического материала, известные в настоящее время на территории Северной и Центральной Азии [Стоянка..., 2005]. Стоянка расположена на северо-западе Алтая, по левому борту долины верхнего течения р. Ануй. В районе стоянки долина имеет близкий к тесникообразному асимметричный поперечный профиль. Ее правый борт сложен силурийскими мраморизованными известняками и метаморфизованными песчаниками. Уклоны в среднем варьируют от 25 до 35° с отдельными участками отвесных склонов. Левый борт долины более пологий, с уклонами от 10 до 20°. Профиль склона ступенчатый. На относительных высотах более 100 м над современным урезом Ануй ступенчатость связана с наличием эрозионных останцов – фрагментов придолинных поверхностей выравнивания, соответствующих древним уровням прадолины предположительно эоплейстоценового возраста. В нижней части склона ступенчатый рельеф сформирован делювиально-пролювиальными отложениями разновозрастных конусов выноса логов и ручьев, впадающих в Ануй по левому борту.

Согласно схеме геоморфологического строения верховьев бассейна Ануй [Деревянко, Ульянов, Шуньков, 1999], позиционно стоянка связана с комплексом высоких цокольных террас и террасоувалов долинного яруса форм рельефа, перекрытых мощным чехлом пролювиально-склоновой аккумуляции. Морфологически этот комплекс представлен пологими (10–12°) склонами с вогнутым или ступенчатым поперечным профилем, наиболее хорошо выраженными на расширенных участках долины до отметок 60–70 м над современным урезом реки. Он сложен толщей красноцветных отложений делювиально-пролювиального генезиса [Деревянко, Ульянов, Шуньков, 2002].

Стоянка приурочена к осевой части пологонаклонной поверхности одного из террасоувалов. Последовательность седиментационных событий на этом участке долины представлена серией древних эрозионных уровней, соответствующих формированию террасовых цоколей.

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 07-01-00441.

Цоколь наиболее высокого и, очевидно, самого древнего уровня эрозии вскрыт на отметке около 55 м над современным урезом. Соответствующие формированию этого уровня аллювиальные отложения в разрезах не зафиксированы.

Ниже по склону к первому цоколю прислоняется второй с отметкой 52 м над современным урезом реки. Характер прислонения пока окончательно не ясен. Поскольку на вскрытых участках цоколи сложены различными породами, можно предположить, что гипсометрическое различие имеет литологическую, а не эрозионную обусловленность.

Цоколь третьего, более низкого уровня эрозии пока не вскрыт раскопами. Однако в разрезах зафиксирован уровень аллювиальной аккумуляции, соответствующий формированию пойменной фации на высоте около 43 м над современным урезом Ануя.

Цоколь самого низкого уровня эрозионного вреза вскрыт на отметке около 25 м над современным урезом реки. Пока не удалось однозначно определить его сопряженность с третьим уровнем эрозии. Возможно, этот уровень сформировался позднее на отдельном палеогеографическом этапе.

В настоящее время сводный разрез плейстоценовых отложений Карамы делится на три принципиально различные толщи, характеризующиеся пространственно неоднородным сопряжением полихронных осадков склонового, пролювиального и аллювиального происхождения.

Верхняя толща (слои 1–6) сформирована лессовидными суглинками суббаэрального генезиса с горизонтами погребенных почв. Лессовидные суглинки плащеобразно облекают поверхность террасоувала и в верхней части склона ложатся на коренной цоколь, представленный сильновыветрелой рассланцованный магматической породой. В средней и в нижней частях толщи отмечены следы активной склоновой денудации по дефлюкционно-солифлюкционному типу. Наряду со щебнем и мелкими глыбами известняков, выходы которых наблюдаются выше по склону, отмечены включения сильновыветрелых глыб гранитного состава, которые могли попасть на участок стоянки лишь из водосбора руч. Каменного. Это свидетельствует об участии в строении склонового чехла переотложенных, достаточно древних пролювиальных отложений. Контакт с подстилающими породами имеет денудационный характер и является границей длительного седиментационного перерыва.

Средняя толща (слой 7) сформирована грубоокатанным валунно-глыбовым материалом с суглинисто-песчаным заполнителем красновато-коричневых тонов. В верхней части склона валунно-глыбовая толща залегает непосредственно на шраттированном известняковом цоколе, а в средней – перекрывает пачку аллювиально-пролювиальных осадков. Низкая степень окатанности материала и его плохая сортированность свидетельствуют о пролювиальном генезисе отложений. В составе крупнообломочной фракции представлены породы сравнительно недалекого транзита – гранитоиды и сферолитовые эффузивы. Некоторые обломки испытали интенсивное

выветривание. В межглыбовом заполнителе встречается хорошо окатанный гравий и сильновыветрелая галька.

Нижняя толща (слои 8–14) сформирована отложениями с признаками аллювиального и пролювиального генезиса. Она вскрыта в средней части террасоувального склона на высоте 43 м над современным урезом Ануя. Прикровельная часть толщи сложена супесчано-глинистыми отложениями с прослойями и линзами выветрелого галечно-гравийного материала. В нижней части толщи количество крупнообломочных включений возрастает, а степень сортированности осадка снижается. Возрастает разнообразие петрографического состава и доля экзотических пород (флюидальных эфузивов, туфов и туфолов, песчаников и сланцев), поступивших из верховий бассейна Ануя. Для большей части обломков характерна хорошая (2–3-го класса) окатанность. В генетическом отношении нижняя толща представляет, скорее всего, зону фациального перехода от пролювиальных к аллювиальным осадкам в прибрежной части днища древней долины Ануя.

В целом история осадконакопления на Караме имела следующую последовательность. Формирование первого эрозионного цоколя сопровождалось накоплением синхронных ему аллювиальных отложений неустановленной мощности, к настоящему времени не сохранившихся. Образование второго эрозионного цоколя привело к превращению первого в низкую террасу. С формированием третьего эрозионного цоколя связано наступление этапа аллювиальной аккумуляции в долине и накопление толщи русловой фации (слои 14–12) мощностью, превышающей нормальную, и с окатанностью материала выше современной, что является признаками аллювия констративной динамической фазы. Вероятно, в это же время террасы, расположенные на первом и втором цоколях, оказались в зоне склоновой денудации и потеряли свой аллювиальный плащ. Этап аккумуляции завершился формированием широкой заболоченной поймы (слои 10, 9 и переходный к ним слой 11) с мощными почвенными горизонтами. Днище Ануя в это время напоминало, скорее всего, его современную долину. Поэтому условно данный этап можно отнести к фазе стабилизации эрозии в долине.

Следующий этап активизации пролювиальной аккумуляции отмечен накоплением толщи слоев 8 и 7. Возможно, она имела локальный характер и связана больше с изменением местоположения конуса выноса руч. Каменного, чем с глобальными палеогеографическими событиями. К этому времени, видимо, аллювий со второго и первого эрозионных цоколей был снесен и пролювиальный плащ с частичным размывом перекрыл второй и третий эрозионные уровни с сохранившимися на них отложениями. При этом сильного врезания днища Ануя на данном участке долины в период активизации пролювиальной аккумуляции не произошло. Во-первых, конус выноса, чтобы остаться положительной формой рельефа должен был опираться на местный базис эрозии, расположенный на достаточной высоте. Во-вторых, врезание днища не могло произойти прежде транспорти-

ровки накапливавшегося пролювия вниз по долине, что не происходило в силу рассмотренных выше гидрофизических причин. Поэтому фаза стабилизации эрозии в долине, видимо, была достаточно продолжительной. Во всяком случае, ко времени формирования четвертого эрозионного уровня все более высокие уровни стали ареной обычного склонового сноса с элементами накопления маломощных лессов в верхнем неоплейстоцене.

Интересен факт полного отсутствия обломочного материала известнякового состава в средней и нижней частях разреза (слои 7–14). Это не типично для рыхлых отложений района, где известняки являются широко распространенной горной породой. Щебень и глыбы известняков повсеместно встречаются в склоновых отложениях в окрестностях стоянки. В галечном материале из современного русла Ануя его содержание составляет около 10%. Отсутствие обломков известняков в субаквальной толще может быть связано только с их предельным выветриванием. Известняк – одна из наименее стойких пород, подверженная интенсивному химическому выветриванию в ландшафтных обстановках умеренных климатических поясов. Конечным продуктом их изменения и растворения является т.н. пещерная терра росса, хорошо известная по спелеологическим исследованиям известнякового карста и представляющая собой глину, незначительно обогащенную песчаным материалом наиболее стойких минеральных компонентов, входивших в состав исходных известняков.

В долине Ануя высокая степень выветрелости пород и переход части из них в глинистый заполнитель характерны только для пестроцветных аллювиальных отложений эоплейстоценового и нижненеоплейстоценового возраста [Природная среда..., 2003], которым, скорее всего, и соответствуют отложения нижней и средней толщи разреза стоянки Карама.

Список литературы

Деревянко А.П., Ульянов В.А., Шуньков М.В. Развитие рельефа речных долин северо-запада Горного Алтая в плейстоцене // Докл. РАН – 1999. – Т. 367, № 1. – С. 112–114.

Деревянко А.П., Ульянов В.А., Шуньков М.В. Значение геоморфологических данных для реконструкций ландшафта и климата Северо-Западного Алтая в плейстоцене // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Вып. 1. – С. 140 – 149.

Маккавеев Н.И., Чалов Р.С. Русловые процессы. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 264 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Стоянка раннего палеолита Карама на Алтае / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Н.С. Болиховская, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, Н.А. Кулик, В.А. Ульянов, К.А. Чиркин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 86 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОРЕСУРСОВ ОБИТАТЕЛЯМИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ В ВЕРХНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ И ГОЛОЦЕНЕ*

Долгосрочная программа междисциплинарных исследований палеолита Алтая включает изучение истории развития рельефа, изменения флоры и фауны, динамики природных условий и климата в четвертичное время. Эти исследования позволяют выявить механизмы взаимодействия древнего человека с различными компонентами природной среды. Одной из основных задач этого направления является реконструкция животных сообществ в новейшее геологическое время. Наиболее эффективно эта задача решается на материалах Денисовой пещеры, расположенной на северо-западе Алтая в долине р. Ануя. Анализ количественного соотношения костей различных видов животных позволил подойти к пониманию динамики использования биоресурсов и хозяйственного уклада обитателей пещеры, населявших долину Ануя в верхнем плейстоцене и голоцене.

Костные остатки крупных и средних млекопитающих из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры, по определению Г.Ф. Барышникова, принадлежат 27 видам хищных и копытных животных [Природная среда..., 2003]. Характерной чертой этого териокомплекса является обилие в его составе хищных млекопитающих. Среди них доминировали медведи *Ursus arctos*, *U. rossicus* и гиена *Crocuta spelaea*, часто встречались волк *Canis lupus* и лисица *Vulpes vulpes*, реже – рысь *Lynx lynx* и пещерный лев *Panthera spelaea*. Многие хищники не имели жесткой биотопической приуроченности, только гиена и отчасти медведи были привязаны к скальным полостям в период размножения, нуждаясь в защищенном убежище для выведения потомства. Для них характерна транспортировка объектов охоты на значительное расстояние, особенно в период выкармливания молодняка.

Другая особенность этого фаунистического комплекса состоит в том, что массовое накопление костей копытных животных в пещерной полости было возможно только при участии хищников или человека. Согласно аналитическим данным, первобытные обитатели пещеры оказывали постоянное воздействие на крупных копытных, как на объекты охоты и на крупных

*Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ № 07-01-00441 и РФФИ № 08-04-00483, проекта ООБ РАН “Историческая динамика биоресурсов, как предпосылка их современной охраны и эксплуатации”.

хищников, как на своих конкурентов [Agadjanian, 2008]. Так, в среднеплейстоценовых отложениях пещеры, в которых относительно редко встречаются орудия палеолитического человека, количество костей хищников почти в пять раз больше, чем костей крупных травоядных. На протяжении верхнего плейстоцена количество костей крупных хищников неуклонно сокращалось, а копытных животных – возрастало. Эти процессы шли параллельно с ростом активности первобытного человека, зафиксированным в палеолитических слоях пещеры постоянным увеличением количества каменных орудий вверх по разрезу. Эти данные позволяют предположить, что большая часть костных остатков травоядных животных в эпоху верхнего плейстоцена была принесена в пещеру человеком. Кроме того, они позволяют судить о его охотничьих предпочтениях и составе биоресурсных видов млекопитающих.

Динамика количественного соотношения различных групп крупных млекопитающих в плейстоценовых отложениях пещеры (рис. 1) отражает, прежде всего, изменения биотопической обстановки. Вместе с тем на протяжении всего периода плейстоценового осадконакопления в пещере среди объектов охоты хищников и человека преобладали лошади *Equus ferus* и *E. hydruntinus*, крупные полорогие *Bison priscus* и *Poephagus mutus*, сибирский горный козел *Capra sibirica* и архар *Ovis ammon*. Относительно меньшую, но заметную роль среди добычи играли косуля *Capreolus pygargus* и марал *Cervus elaphus*, а также мелкие антилопы *Procapra gutturosa* и *Saiga tatarica*. Косуля и марал добывались примерно в равных количествах, хотя доля марала в потреблении была несколько выше. Количество добываемых дзерена и сайгака колебалось в противофазе с добычей оленей, увеличиваясь в эпохи расширения площадей открытых биотопов. В небольших количествах, но достаточно стабильное положение среди добычи занимал шерстистый носорог *Coelodonta antiquitatis*. Следует отметить, что в группе лошадей останки плейстоценового осла *Equus hydruntinus* встречаются чаще, чем кабаллоидной лошади *E. ferus*. Это соотношение указывает на локальное распространение в долине Ануя полупустынных биотопов. Об этом свидетельствует также присутствие сайги и дзерена, которые могут существовать только в условиях разреженного травянистого покрова. Мамонт *Mammuthus primigenius*, судя по составу ископаемых костей, не входил в число промысловых животных. Его останки в виде мелких фрагментов бивня и пластин коренных зубов приносились в пещеру издалека, скорее всего, как материал для изготовления украшений.

В целом палеонтологические данные свидетельствуют о крупных изменениях природной обстановки, происходивших в окрестностях пещеры на протяжении верхнего плейстоцена. Площади лесной растительности постепенно сокращались, степные и нивальные сообщества расширялись, увеличивались участки, занятые луговым разнотравьем. Преобразования природных условий отразились и на структуре животных сообществ. В составе биоресурсов неуклонно возрастала доля млекопитающих открытых

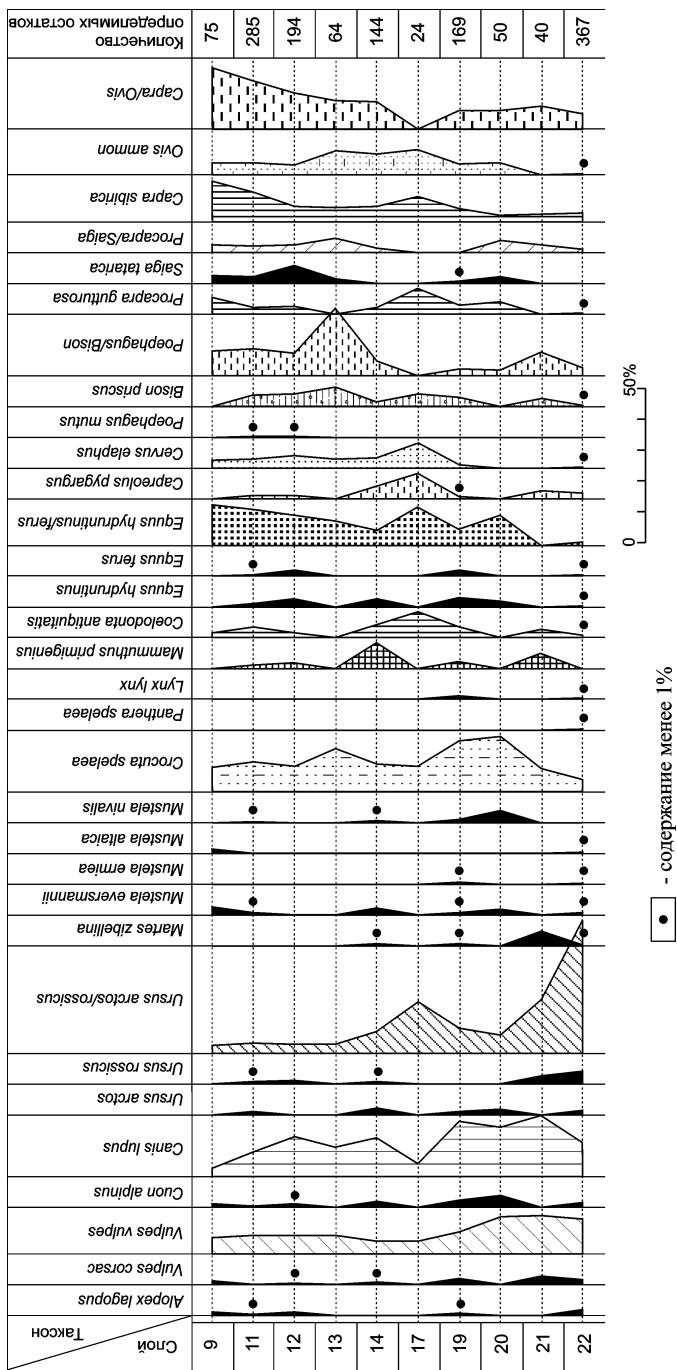

Рис. 1. Диаграмма общего состава крупных млекопитающих из плеистоценовых отложений в центральном зале Денисовой пещеры (сборы 1984, 1993-1995 гг.).

ландшафтов. Изменения ландшафтной обстановки и таксономического разнообразия биоресурсных видов позитивно влияло на повышение общего уровня экологической пластиичности палеолитических обитателей пещеры, на расширение их охотничьей специализации.

Остеологические материалы из других палеолитических объектов Северо-Западного Алтая – стоянки Усть-Каракол [Барышников, 1998], пещера Каминная [Деревянко и др., 1998], Окладникова [Оводов, 1988] и Страшная [Окладников и др., 1973] показывают, что среди них первое место по частоте встречаемости занимают костные остатки лошади. На всех стоянках достаточно многочисленны останки марала и бизона, сибирского козла и архара; регулярно встречаются кости косули. Кости шерстистого носорога представлены везде, кроме Усть-Каракола. Мамонт зафиксирован в пещерах Окладникова и Страшная, а северный олень *Rangifer tarandus* – только в пещере Окладникова, т.е. в районах пограничных с Предалтайской равниной. Судя по имеющимся данным, в горных районах Алтая устойчивых популяций этих животных не существовало.

Иную картину представляют палеонтологические материалы из голоценовых слоев Денисовой пещеры [Васильев, Гребнев, 1994]. Основу хозяйственной деятельности и питания ее обитателей в это время составлял домашний скот (рис. 2). Главным компонентом белковых ресурсов были овцы и козы. Значительно меньшую, но заметную роль в питании человека играл крупный рогатый скот, реже использовалась лошадь. Изредка в состав диеты входила свинина.

В начале голоцена произошла принципиальная смена объектов охоты. Основным промысловым видом стала косуля. Ее доля из отдельных слоев пещеры составляет до 40% костных остатков. При этом максимальный показатель костей этого вида из плейстоценовых отложений – 8,3%. В тоже время, по сравнению с плейстоценом, снизилась интенсивность охоты на марала. В нижних голоценовых слоях пещеры обнаружены кости лося – животного, не характерного для плейстоценовой и современной фауны бассейна Ануя. Увеличение плотности его популяций в начале голоцена связано, скорее всего, с существенным расширением площади лесных биотопов.

Таким образом, материалы по истории развития палеофауны свидетельствуют о том, что в начале голоцена произошли существенные таксономические изменения в составе животных сообществ. В ходе перестройки природных комплексов по современному типу на фоне значительного расширения лесных массивов существенно сократились кустарниковые заросли на нижних уровнях долины и участки степей с разомкнутым травостоем в открытых биотопах. Эти обстоятельства способствовали исчезновению из состава животных сообществ шерстистого носорога, сайги и дзерена.

Сокращение численности популяций диких копытных было связано, также, с хозяйственной деятельностью человека. В первой половине го-

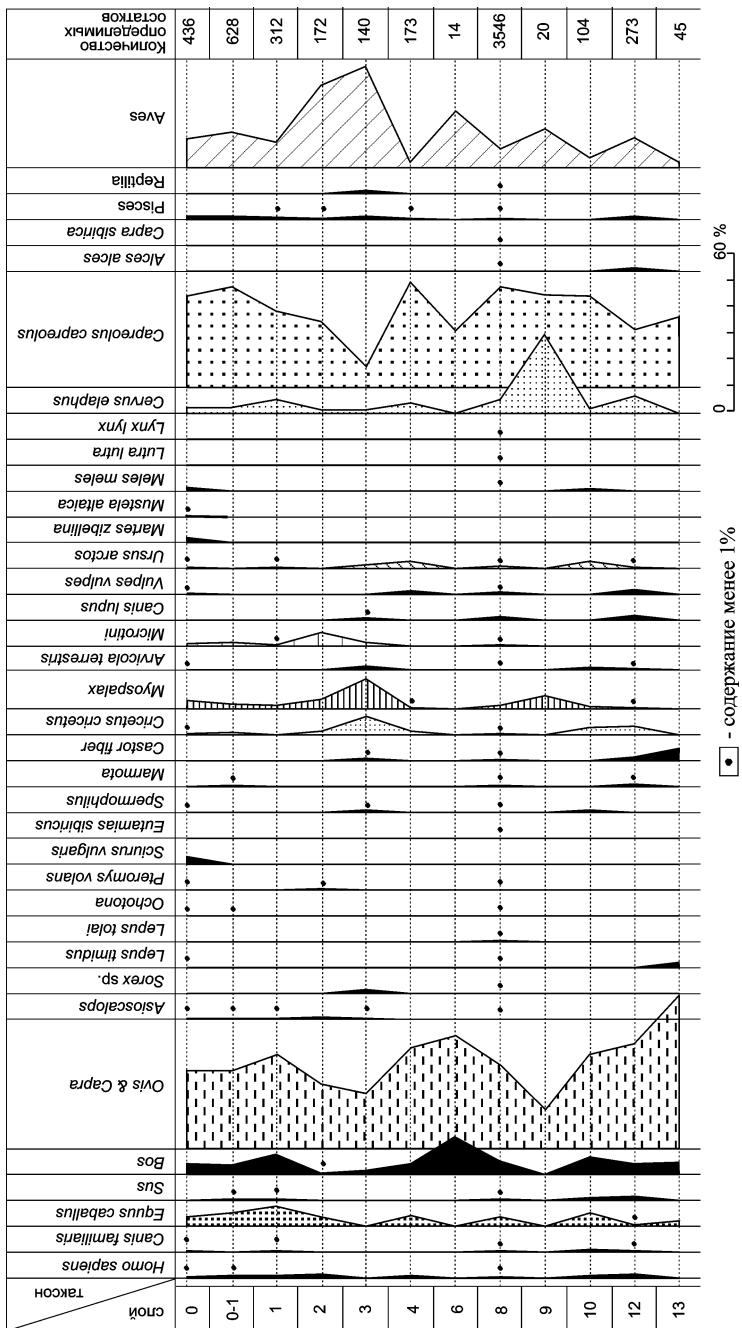

Рис. 2. Диаграмма общего состава позвоночных из голоценовых отложений Денисовой пещеры (по данным [Васильев, Гребнев, 1994]).

лощена были доместицированы овцы, козы, лошади и крупные полорогие, что привело к формированию новой структуры биоресурсов, основу которой составляли домашние животные. Вместо лошади, сибирского козла и архара ведущим объектом мясного питания стали овцы и козы, место бизона занял крупный рогатый скот. Среди промышляемых видов важным компонентом белковых ресурсов являлась косуля, а значение марала существенно снизилось. Изменение таксономического состава животных в начале голоцена, когда разнообразие диких копытных сменили стада домашнего скота, наиболее наглядно демонстрирует прямое воздействие человека на систему природных биоресурсов.

Список литературы

Барышников Г.Ф. Палеоэкология древнейших обитателей Горного Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 42 – 49.

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Фауна млекопитающих голоцена Денисовой пещеры // Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1. – С. 167 – 180.

Деревянко А.П., Форонова И.В., Орлова Л.А., Дупал Т.А., Маркин С.В. Условия формирования и возраст позднеплейстоценовых осадков пещеры Каминная (Северо-Западный Алтай) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 144 – 152.

Оводов Н.Д. Промысловые млекопитающие палеолита Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1988. – С. 31 – 34.

Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О. Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФИФ СО АН СССР, 1973. – Ч. 2. – С. 3 – 54.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Agadjanian A.K. Problems of Reconstruction of Paleoenvironment and Conditions of the Habitability of the Ancient Man by the Example of Northwestern Altai // Biosphere Origin and Evolution. – NY.: Springer, 2008. – P. 383 – 394.

**АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА
И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СРЕТЕНСКОМ РАЙОНЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ*

В полевой сезон 2008 г. Благовещенский археологический отряд ИАЭТ СО РАН совместно с коллегами из Читинского областного краеведческого музея им. А.К. Кузнецова проводил исследования на р. Шилке в Сретенском районе Забайкальского края. Содержанием работ стало продолжение раскопок раннесредневекового городища у с. Усть-Чёрная, инструментальная съемка городища Витчиха и поиск новых археологических объектов.

Поиск местонахождений эпохи палеолита.

В ходе разведочных работ 2006-2007 гг. в районе устья р. Чёрной было выявлено несколько пунктов сбора подъёмного материала палеолитического облика. Артефакты найдены в непосредственной близости от средневековых городищ на Чудейском утёсе и с. Усть-Чёрная. Причём, разведочный шурф в одном из пунктов дал стратифицированный материал [Алкин, Васильев и др., 2006]. Актуальность этих работ определяется тем, что, несмотря на более чем вековую историю изучения каменного века региона, значительная часть территории Амурского бассейна (нижнее течение р. Ингода и среднее течение р. Шилка) оставалась на археологической карте Забайкалья своего рода «белым пятном» из-за отсутствия стратифицированных памятников эпохи палеолита [Окладников, Кириллов, 1980]. Ближайший известный объект палеолита на р. Ингода – Сохатино-4 – расположен в её среднем течении. Таким образом, огромная площадь Восточного Забайкалья, включающая в себя более 250 тыс. кв. километров и расположенная вдоль магистральных рек региона, до настоящего времени не имеет надёжных геохронологических реперов и опорных памятников периода позднего плейстоцена. В то же время в Западном Забайкалье известно значительное число стратифицированных памятников, что способствовало созданию геохронологической шкалы развития древних культур [Константинов, 1994].

Геоморфологическая ситуация в районе устья р. Чёрной требует детального рассмотрения. На данном этапе нами было обращено внимание на террасовый уровень с гипсометрическими отметками 12-13 метров. Тело террасы разбито тремя глубокими (5-6 м) логами, обнажившими рус-

*Исследование проводилось при поддержке РФФИ (№06-06-80468а и 08-06-10016к).

ловой галечник. Подошва галечника расположена на уровне 4 м над урезом реки. В результате общей оценки геоморфологической ситуации было сделано предположение о принадлежности данного террасового уровня р. Шилка. Этому не противоречит геоморфологическая ситуация в приусытьевом участке р. Чёрной. Современный водный режим этих рек создаёт ситуацию «подпора» полноводной Шилкой её крупного притока. В режиме наводнения, по сообщению местных жителей и по нашим собственным наблюдениям, напор шилкинской воды полностью останавливает течение р. Чёрной. Это не могло не сказываться на режиме формирования рыхлых

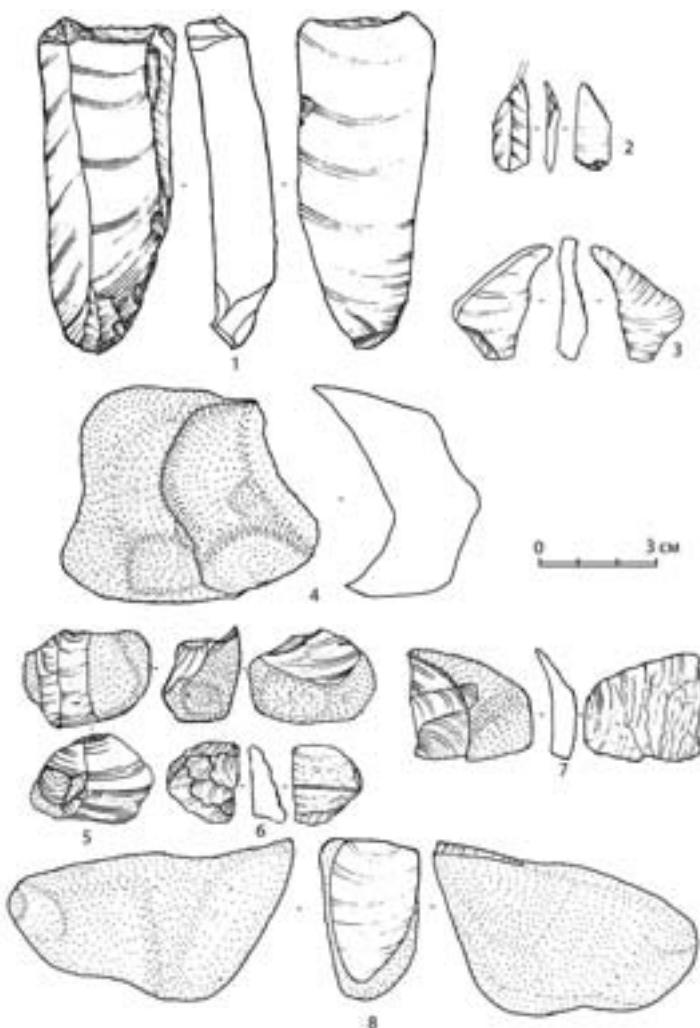

Рис. 1. Местонахождение Усть-Чёрная-1. Каменные артефакты.

отложений террасовых уровней, создавая в приусьевой части благоприятные условия для аккумуляции аллювия.

Шурфовка выявила наличие археологического материала эпохи палеометалла в подпочвенном слое каштановой супеси. Наибольший интерес представляет собой второй культурный горизонт, связанный с литологическим слоем VII (глубина 3,60-3,80 м). Промытый песок аллювиального генезиса содержал индустрию поздней поры верхнего палеолита. Найдены как в толще слоя (0,3 – 0,4 м), так и у его подошвы. Наряду с мелкими фрагментами костного материала были найдены: концевой скребок на пластине из микрокварцита (Рис. 1, 1) и диагональный резец на медиальном фрагменте пластинки из светло-коричневого кремня (Рис. 1, 2). В литологическом слое VIII найден оббитый желвачок кварца (Рис. 1, 4). Для более детальной атрибуции данного культурного горизонта и определения его хронологической позиции потребуются дополнительные исследования в будущем полевом сезоне.

Изучение раннесредневековых городищ.

Памятник на правом берегу р. Шилки на сопке Витчиха напротив с. Верхние Куларки входит в Шилкинскую систему городищ, которые могут быть датированы концом I – началом II тыс. н.э. [Окладников, Ларичев, 1999; Деревянко Е.И., 1972]. Особенности его дислокации (высота над уровнем реки до 107 м), система фортификации и организация жилого пространства в общих чертах аналогичны городищам на Чудейском утёсе и у с. Усть-Чёрная [Алкин, Васильев и др., 2006; Алкин, Несторенко и др., 2007]. Отличием является замкнутая система фортификации (Рис. 2). Площадь городища составляет ок. 4000 кв. м. Зафиксировано 48 западин построек типа полуземлянок. Пять из них – за пределами линии фортификационных сооружений. Оборонительная система представляет собой ров и два параллельных вала.

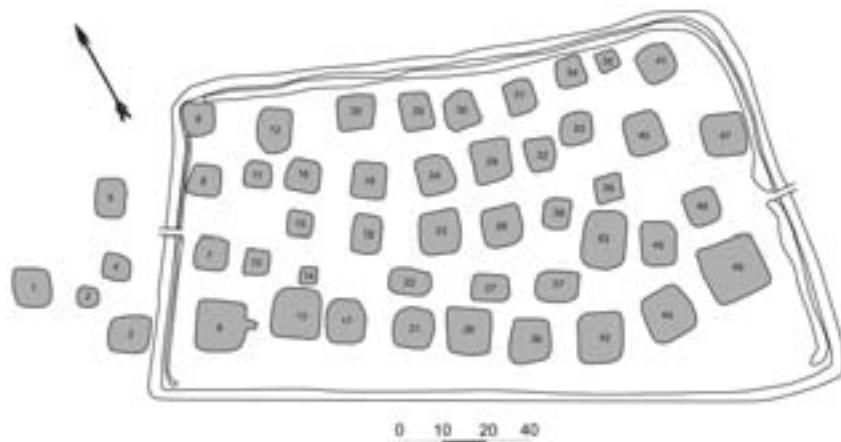

Рис. 2. План городища Витчиха.

Рис. 3. Городище у с. Усть-Чёрная. План жилища №62 на уровне пола.
 1 – береста; 2 – слой глины серого цвета; 3 – кальцинированная кость; 4 – дерево;
 5 – берестяной пакет; 6 – деревянная стойка на поверхности пола; 7 – «алтарь»;
 8 – тайник с альчиками; 9, 11 – каменные плитки; 10 – очаг; 12 – столбовая ямка;
 13, 14 – нарьи; 15 – угловой столб.

Сочленение сторон в виде прямых углов. Городище имеет два входа: в средней части юго-западной и северо-восточной стенок. В настоящее время они выглядят как перемычки (ширина 0,6 – 0,7 м) во рвах на уровне валов. Отмечены следы дренажной системы, аналогичной обнаруженной ранее на городище Усть-Чёрная. Западины жилищ и хозяйственных построек расположены с учётом особенностей рельефа площадки относительно правильными рядами. Несколько из них имеют следы шурфовки, предположительно 1954 г. Сохранность памятника хорошая.

На городище у с. Усть-Чёрная продолжены раскопочные работы. Изучено одно жилище и хозяйственная постройка. Под западиной № 62 зафиксирована полуземлянка с остатками сгоревшей кровли и несущих конструкций (Рис. 3). Угловые столбы вкопаны в землю, а дополнительные стойки были установлены непосредственно на поверхность пола. У северной и восточной стенок котлована сохранились остатки нар. Очаг расположен в центральной части жилища. Находки внутри жилища сконцентрированы в основном у стенок и под нарами. Среди них фрагменты керамики, керамическая льячка, каменные плитки со следами утилизации, орудия труда и украшения из кости и рога, железные и костяные наконечники стрел. Обращает на себя внимание коллекция из 124 игральных альчиков, большая часть из которых обнаружена в специально подготовленном в угло-восточном углу котлована тайнике. Четыре альчика имеют сквозные отверстия и насечки по краю.

Культуроопределяющими являются находки керамики троицкого типа мохэской археологической культуры. В то же время имеются изделия аборигенного облика, включая половину горшка с двумя параллельными линиями налепного валика на горловине, а также фрагментов керамики, находящих аналогии на памятниках сяньбийского времени в юго-восточном Забайкалье и на сопредельной территории Маньчжурии [Хайлар Сеэртала, с. 33-34]. На наш взгляд, эти находки подтверждают высказанное ранее предположение о появлении в конце I – начале II тыс. н.э. на р. Шилке групп троицких мохэ, а также демонстрируют начало процессов культурного обмена с местным населением. Культурная принадлежность последнего нуждается в дополнительной атрибуции. В то же время представляется, что полученные в 2007 и 2008 г. археологические материалы характеризуют этап, когда процесс культурного взаимодействия может быть описан уже как ассимиляционный.

Результаты изучения западины № 63 с остатками каменной конструкции и мощным прокалом в совокупности с многочисленными находками шлака и кусочков железа в межжилищном пространстве и на прилегающем склоне сопки подтвердили предположение о том, что плавка металла происходила в пределах городища.

В непосредственной близости от северо-восточного угла оборонительной системы городища с помощью траншеи (11 на 1,5 м) была изучена структура фортификационных сооружений. На центральном валу находился плетень, остатки которого зафиксированы в виде ямок и остатков вертикальных жердей из стволов молодых лиственниц. С внутренней стороны располагался частокол (тын) из мощных лиственничных плах.

Результаты исследований на р. Шилке, таким образом, позволили получить новые данные по хроностратиграфии региона на широком отрезке времени от позднего плейстоцена до голоцен, что открывает перспективы исследований в археологически малоизученном районе бассейна р. Амур как на этапе его первоначального освоения древним человеком, так и в пе-

риод вовлечённости этой территории в процесс формирования этнических сообществ эпохи раннего средневековья.

Список литературы

Алкин С.В., Васильев С.Г., Колосов В.К., Нестеренко В.В. Результаты полевых исследований на левобережье реки Шилки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 г. – Том XII. – Часть I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С.249-254.

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Васильев С.Г., Колосов В.К. Исследования на городище Усть-Чёрная в Сретенском районе Читинской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2007 г. – Том XIII. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – С.168-172.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья и Забайкалья // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. – Чита: ЧГПИ, 1972. – С. 81-89.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ, Чита: Изд-во БНЦ СО РАН и ЧГПИ, 1994. – 180 с.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 177 с.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура востока Азии. Выпуск второй. – Благовещенск: Издательство АмГУ, 1999. – С 4-29.

Хайлар Сеэртала муди (Могильник Сеэртала в Хайларе). – Пекин, 2006. – 254 с. (на кит. яз.).

ДВЕ ПОДВЕСКИ ИЗ ХУРУМПАУЛЯ

Поселок Хурумпауль расположен в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа–Югры; здесь издавна живут манси. Изучая рядом расположенные святилища, И.Н. Гемуев и А.М. Сагалаев попутно провели археологическую разведку и в самом селении. Они отметили богатый культурный слой, включающий очажные камни, фрагменты керамических сосудов усть-полуйской культуры, следы бронзолитейного производства, костяной наконечник стрелы и пр. [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 168–170]; в соавторстве с В.И. Молодиным исследователи опубликовали коллекцию бронзовых изображений бобров из Хурумпауля [Гемуев, Молодин, Сагалаев, 1984].

Поселок стоит на левом высоком берегу р. Ляпин. В нижней части поселка приблизительно в 100 м от берега находится усадьба манси Р.М., которая включает три жилых дома (один из них принадлежит другой мансийской фамилии – родственникам Р.М.) и несколько хозяйственных построек. Семья Р.М. занимается в основном охотой и рыболовством; часть огорода отведена под картофель. Р.М. в прошлые годы неоднократно рассказывал о находках фрагментов керамики, бус, массива рыбьей чешуи прикопке огорода или ям под столбы домашних построек.

В июле 2008 г. мы вновь оказались в Хурумпауле. У Р.М. гостили его дочь и внуки. Один из них, К. Кондин, буквально перед нашим приездом нашел на огороде интересную бронзовую подвеску. Это побудило нас пропровести поверхностный осмотр территории усадьбы; на вскопанных под картофель участках земли были обнаружены многочисленные фрагменты керамики, относящейся к раннему железному веку (рис. 1), а также каменная подвеска. Описание подвесок приводится ниже.

Подвеска бронзовая (рис. 2). Представляет собой фрагмент тонкой пластины близкой к квадратной форме со срезанными верхними углами – возможно, небольшую часть широкого кольца (по краям сохранились следы концентрических окружностей). Размеры изделия 3 x 2,7 см. Форма подвески с двумя правильными верхними срезами и равномерное заполнение ее площади двумя фигурами позволяет говорить о том, что подвеска была специально вырезана из широкой пластины, а не является случайным фрагментом. В верхней части подвески по центру пробито отверстие для подвешивания.

Рис. 1. Фрагменты керамики.

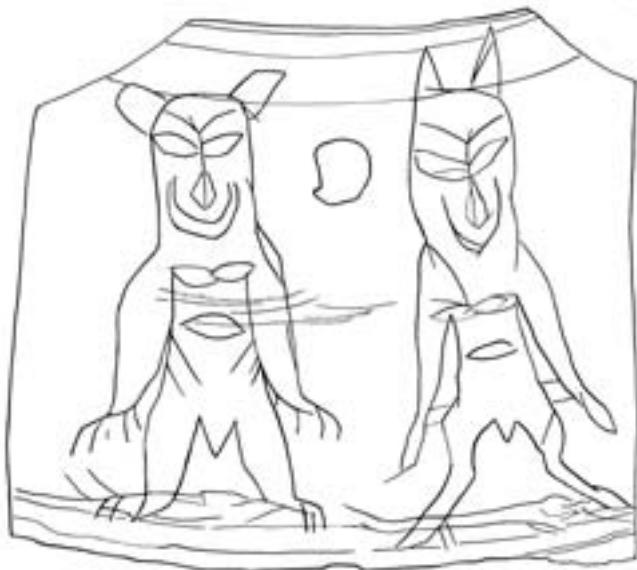

Рис. 2. Бронзовая подвеска с двумя фигурами.

На лицевой стороне подвески процарапаны две прямостоящие фигуры. Левая фигура напоминает медведя, правая – собаку (волка). Верхние лапы в обоих случаях опущены вниз и немножко разведены в стороны, нижние лапы раздвинуты. Широкие уши левого персонажа разведены в стороны, острые уши правого персонажа направлены вверх. Глаза в виде неровных широких овалов, носы в форме сливы, уголки пасти подняты вверх. На концах лап когти. На груди обеих фигур – стилизованные личины в виде двух глаз и рта. Показаны мужские признаки. На груди левой фигуры имеется штриховка.

Рис. 3. Каменная подвеска с антропоморфной личиной.

Ближайшие миниатюрные плоские бронзовые подвески с гравированными изображениями антропоморфных и зооморфных фигур встречены при раскопках Усть-Полуя (одна из усть-полуйских бляшек близка по форме хурумпаульской) [Чернецов, 1953, с. 136, 137, рис. 1; Усть-Полуй, 2003, кат. 21–24, 46], а также в бассейне Северной Сосьвы [Бауло, 2008]. Похожие гравировки выполнены на ряде бронзовых зеркал среднесарматской культуры конца II в. до н.э.–начала II в. из фондов Государственного Музея Природы и Человека в г. Ханты-Мансийске; данная коллекция была сформирована в 1936, 1937, 1944 гг. из разрушенных святилищ хантов и манси в бассейнах рр. Казым, Северная Сосьва, Ляпин [Чернецов, 1953, с. 155, 157; Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002]. На одном из зеркал изображена фигура медведя [Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002, с. 46–47], во многом напоминающая левую фигуру с бронзовой подвески из Хурумпауля.

Личины на груди у антропоморфных и орнитоморфных фигур (как процарапанные, так и отлитые) встречаются в Западной Сибири в раннем железном веке и средневековые [Чернецов, 1953, с. 152–153, 168; Зыков и др., 1994, кат. 56; Усть-Полуй, 2003, кат. 31; и др.]; сохраняется эта традиция и на культовых деревянных изваяниях нового времени, в том числе – у манси [Гемуев, 1990, с. 144; и др.].

Каменная подвеска (рис. 3). Выполнена из сланца, в верхней части с двух сторон просверлено отверстие для подвешивания. Подвеска вырезана в виде лица грушевидной формы с овальными глазами и ртом; нос показан вертикальными полосками. Размеры подвески 2,4 x 2,2 см.

Полагаю, что материалы, собранные И.Н. Гемуевым и А.М. Сагалаевым, а также две уникальные находки 2008 г. ставят неотложную задачу подробной археологической разведки на территории поселка.

Список литературы

Бауло А.В. Сокровища Священной реки // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. - № 4 (в печати).

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н., Молодин В.И., Сагалаев А.М. Древняя бронза в обрядности манси // Проблемы реконструкций в этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1984. – С. 62 – 80.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского ун–та. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.

Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в Бесконечность. Бронзовые зеркала раннего железного века / Отв. ред. Я.А. Яковлев. – Томск: ГалаПресс, 2002. – 88 с.

Усть–Полуй: I в. до н.э. Каталог выставки. – Салехард–Санкт-Петербург: Изд-во МАЭ РАН, 2003. – 76 с.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. – 1953. – № 35. – С. 121 – 178.

*Н.Е. Бердникова, Г.А. Воробьева, И.М. Бердников,
А.С. Пержакова*

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОГО ОСТРОГА

В 2007-2008 гг. продолжены исследования на территории Иркутского острога у здания памятника истории и культуры XVIII века во имя Спаса Нерукотворного образа (Спасская церковь). Первый этап работ в виде рекогносцировочных раскопок небольших участков у здания церкви проходил в октябре 2007 г. [Бердникова, Воробьева, 2007]. По результатам этих работ принято решение о срочном проведении спасательных археологических раскопок по периметру здания церкви для того, чтобы открыть подходы к фундаменту церковного здания.

Спасательные раскопки проводились в декабре 2007 г. – марте 2008 г. [Бердникова, 2008]. Они имели экстраординарный характер, поскольку впервые в истории иркутской археологии раскопки на больших площадях проводились в зимних условиях. Исследованы территории вдоль восточного, южного и северного фасадов основного здания Спасской церкви. Участки вокруг колокольни остались не вскрытыми из-за технологически сложных проблем укрепления фундамента этой части церкви.

Спасская церковь является одним из первых каменных зданий Иркутска, и располагалась на территории Иркутского острога. Последний находился на правом берегу р. Ангары недалеко от места впадения ее правого притока р. Ушаковки и напротив впадения в Ангару ее левого притока р. Иркута. Считается, что первый острог построен в 1661 г., хотя время и место основания Иркутска до сих пор является дискуссионным [Иркутская..., 1911].

После 1661 г. Иркутский острог перестраивался в 1669 г. и 1693 г., изменялись его размеры [Бубис, 2001]. В настоящее время границы территории последнего Иркутского острога маркируются только с южной стороны Спасской церковью, которая была встроена в южную стену острога. Годы ее постройки – 1706-1710 гг. В 1758 г. к западной стене церкви пристроена колокольня.

Первые археологические работы на территории Иркутского острога проведены А.М. Станиловским в 1902 г. [Станиловский, 1912]; следующие раскопки - в 1928 г. С.Н. Лаптевым [Манассеин, 1936; Лаптев, 2001]. В 1967 г. в связи с началом реставрационных работ велись ограниченные раскопки по периметру здания Спасской церкви (А.М. Георгиевский, Н.А. Савельев, В.В. Свинин и др.). Но раскопки были прекращены, а в ходе реставрацион-

ных работ культурные отложения вокруг здания Спасской церкви сняты бульдозером на глубину 1-1,5 м. В 1986 г. В.И.Смотровой собрана археологическая коллекция из траншей под коммуникации, которые прокладывались у здания Спасской церкви [Добрынина, 2008].

В процессе проведения спасательных работ 2007-2008 гг. вдоль здания Спасской церкви вскрыто 330 кв. м. Исследованы захоронения, остатки разнообразных конструкций, как могильных, так и связанных с функционированием церковного здания и острога. Работы носили междисциплинарный характер. Исследования отложений проведены доцентом кафедры почвоведения Иркутского государственного университета к.б.н., Г.А.Воробьевой, дендрохронологические исследования и определение пород деревянных конструкций – зав. лабораторией биоиндикации растений СИФИБР СО РАН, д.б.н. В.И.Ворониным. Изучением антропологической коллекции занимались сотрудники Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН к.и.н. Н.А.Суворова и Н.В.Харламова. Консервацию изделий из органических материалов (кожа, ткани, кружева) и металла проводил с.н.с. Иркутского государственного университета, к.х.н. В.А.Хуторянский.

Строение отложений. В результате изучения строения отложений установлено, что острог и Спасская церковь построены на I надпойменной террасе Ангары. Высота ее во время строительства церкви составляла 6 м над урезом Ангары. В строении террасы вскрываются следующие отложения (снизу): 1) русловая фация аллювия - галечник с крупнопесчаным заполнителем; 2) пойменная фация аллювия - супесчаные слабогумусированные слои (погребенные пойменные почвы) и разделяющие их песчаные прослойки (sr^{3-4}). От кровли пойменного аллювия заложены криогенные клинья предположительно позднедриасового возраста (11 тыс. л.н.); 3) делювиальные суглинки голоценового возраста, проработанные почвообразованием; в их строении выделяются горизонты лугово-черноземной исходной почвы: темно окрашенный гумусовый горизонт А, мощностью около 30 см, и срединная часть почвенного профиля (горизонт В). В позднесартанских отложениях найден призматический микронуклеус и кремневый скол. Из почвенного горизонта В заложена яма, в заполнении которой зафиксирована проксимальная часть призматической пластины.

Конструкции. У юго-западного угла колокольни обнаружена конструкция, связанная с фундаментом колокольни. Она состоит в видимой части из 2 бревен. Одно из них лиственничное, диаметром 70 см, располагалось перпендикулярно зданию колокольни и выступало из-под него на расстоянии 2 м. Под ним виден конец лежни из бревна диаметром 25 см. Большое бревно наклонено в сторону здания. Засыпана эта конструкция битым кирпичом, залитым известковым раствором.

На южной же стороне найдены остатки деревянных столбов галереи 1769 г.; вертикальные кирпичные кладки не ясного функционального назначения. В составе этих кладок находились кирпичи с клеймами. У север-

ного фасада вскрыты остатки фундамента северного придела, построенного в 1777 – 1784 гг.

Несколько неожиданной находкой явились остатки основания каменной стены у восточного фасада. Эта стена располагалась на месте деревянной острожной стены острога постройки 1693 г. По летописным сведениям, в 1716 г. в Иркутске был большой пожар, в результате которого сгорели многие деревянные постройки острога, в том числе и здание более ранней деревянной Спасской церкви, и часть острожной стены с башнями [Акулич и др., 2008]. О том, как восстанавливались острожная стена, в письменных источниках имеется только одно упоминание, что в 1717 г. «начато в Иркутске строительство каменной городской стены» [Леви и др., 2003]. Таким образом, археологическими работами достоверно установлено, что после 1716 г. острожная деревянная стена была заменена на каменную. Часть стены после изучения консервирована.

Погребения. В раскопах вскрыто 356 захоронений. Основой массив погребений располагался вдоль восточной и южной стен церкви. На северной стороне они немногочисленны. Погребения выполнены по православному христианскому обряду: в вытянутом положении на спине. Отмечается разнообразие в положении рук погребенных. Могилы ориентированы по линии запад-восток, погребенные - головой на запад, ногами на восток, в основном, в соответствии с ориентировкой здания церкви.

Ямы грунтовые, в плане проявлялись только в нижней своей части. В двух случаях в засыпке могильной ямы отмечались кости животных. Захоронения производились в дощатых гробах и колодах. Последние более характерны для детских захоронений. Более половины погребенных – новорожденные и недоношенные дети. Погребения, как правило, располагались ярусами.

Каменная стена, вскрытая на восточной стороне, как бы разделила приходское кладбище на две части: одна часть располагалась перед стеной внутри границ острога, вторая часть – за стеной, как бы вне городской черты.

Захоронения, располагавшиеся на восточной стороне перед стеной, образовывали четко обозначенные небольшие группы; глубина залегания могил - до 1,5 м, отмечается вариативность ориентации погребений относительно здания церкви и между собой. Здесь же вскрыто погребение в так называемом «склепе» из кирпича. В нем находились останки мужчины в сохранившемся частично двубортном сюртуке или мундире с позолоченными пуговицами. Особенности погребального сооружения позволяют предположить его достаточно высокий социальный статус, что подтверждается и антропологически. На этом же участке вскрыто коллективное захоронение, в котором кости уложены с нарушенным анатомическим порядком. Встречено и погребение, в котором находилась только крышка гроба и часть его стенок. Дно гроба и костяк, кроме двух фаланг пальцев руки, отсутствовали.

У южной стены и на территории у восточного фасада за стеной плотность погребений увеличивается по сравнению с участком у восточного фасада в пределах острога. Глубина могил, как правило, здесь около 1 м. Отмечаются коллективные захоронения, в основном женщины с детьми. Встречено два погребения, в которых умершие ориентированы по линии север-юг, головой перпендикулярно зданию церкви.

Во многих захоронениях, включая и детские, найдены православные нательные кресты. Общее количество их составило около 230 единиц от простых медных, бронзовых, оловянных до сложнокомпозиционных, серебряных, золотых, покрытых разноцветной эмалью. Встречен и уникальный деревянный крест.

В двух погребениях рядом с умершими найдены фрагменты китайской фарфоровой и стеклянной посуды. Сохранились кожаная обувь, иногда с металлическими пряжками; головные уборы с золотым шитьем, кружевые металлизированные повязки, пояса, тесьма, пуговицы, медные монеты, серьги, подвески, кольца, заколки, булавки. В двух погребениях на крышке гроба металлизированной лентойложен крест.

Приходское кладбище у здания Спасской церкви функционировало не-продолжительное время. Известно, что до 1739 г. Спасская церковь являлась соборной. И лишь после 1739 г. она была определена как приходская [Мартос, 1827]. А в 1762 г. вышел официальный указ о запрете совершать погребения у здания Спасской церкви, хотя до начала XX в. отдельные захоронения осуществлялись. Таким образом, основная часть захоронений совершена в интервале около 25-30 лет. Это подтверждается и сопутствующим инвентарем: монетами чеканки 1735-1748 гг., фарфоровой китайской чашечкой, изготовленной во время правления императора Юн Чжена (1722-1735 гг.).

Выделяется группа более ранних захоронений, которые располагались у восточной алтарной части церкви в переделах территории острога. Они отличаются от остальных ориентацией и глубиной могильных ям. Не исключено, что захоронения принадлежат кладбищу старой деревянной Спасской церкви, здание которой находилось неподалеку. Ориентировочно эти погребения можно датировать концом XVII – первой третью (?) XVIII вв. К этой же группе можно отнести несколько детских захоронений у северного фасада.

В результате проведенных работ накоплен огромный фактический материал по южной части территории острожного Иркутска. Выявлены особенности острожных конструкций на исследованном участке. Раскрыты неизвестные ранее конструкции как существующих, так и утраченных зданий и сооружений Спасской церкви. Получены материалы по сибирскому православному христианскому обряду первой половины XVIII в. Собранная коллекция антропологического материала, сопровождающего погребального инвентаря уникальна и представительна.

Список литературы

- Акулич О.А., Крючкова Т.А., Полунина Н.М.** Во имя Спаса Нерукотворного Образа: Документальное повествование о жизни первого каменного храма города Иркутска. 1706-2006 гг. – Иркутск: ИРООПМ «Иркутский кремль», 2008. – 488 с.
- Бердникова Н.Е.** Новые исследования на территории Иркутского острога // Земля Иркутская. – 2008. - № 1 (34). – С. 71-73.
- Бердникова Н.Е., Воробьев Г.А.** Новый этап исследований на территории Иркутского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т XIII. - Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – С. 202-204.
- Бубис Н.** Иркутск острожного периода // Земля Иркутская. – 2001. - № 17. – С.13-17.
- Иркутская летопись** (Летотописи П.И.Пежемского и В.А.Кротова) // Тр.ВСОРОГО. – 1911. – Т. 5. – 418 с.
- Добринина Е.** К вопросу об археологических раскопках у Спасской церкви в Иркутске // земля Иркутская. – 2008. - № 1 (34). – С. 64-69.
- Лаптев С.** К материалам по истории Иркутска // Земля Иркутская. – 2001. - № 16. – С.13-17.
- Леви К.Г., Задонина Н.В., Бердникова Н.Е., Воронин В.И., Глызин А.В., Язев С.А., Баасанджав Б., Нинжбагдар С., Балжиням Б., Буддо В.Ю.** 500-летняя история аномальных явлений в природе и социуме Сибири и Монголии. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – 383 с.
- Манассеин В.С.** Иркутский острог (историко-археологический очерк) // Изв. Общ-ва изучения Вост.-Сиб. Края. - Иркутск, 1936. - Т.1. - С.6-25.
- Мартос А.** Письма о Восточной Сибири. - М., 1827. - 291 с.
- Станиловский А.М.** О раскопках близ Спасской церкви в Иркутске // Тр./ ВСОРОГО. - 1912. - № 7. - С.178-181.

**ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ В КУРГАНАХ
ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА I - НАЧАЛА II ТЫС. Н. Э.**

Проблема выбора этнодифференцированных признаков для этнической идентификации средневековых археологических культур юга Западной Сибири остается актуальной до сих пор. В археологическом аспекте, на наш взгляд, отбор таких признаков должен сопровождаться изучением каждого из них не только в контексте конкретных закрытых комплексов, но и всей эпохи в целом. Это позволит найти подходы к выбору «сквозных признаков», наблюдаемых в диахронном срезе, которые уже можно рассматривать как непрерывную культурную традицию. В качестве такого «сквозного признака» мы избрали культовые сооружения. Как нам представляется, в их отношении возможен ретроспективный подход в связи с открытием ряда разновременных святилищ, в том числе и на верхнеобском курганном могильнике IX в. Ваганово I из Кузнецкой котловины [Васютин, Онищенко, 2002, с. 269-272, рис. 1].

В западносибирской средневековой археологии проблема выделения и классификации святилищ на курганных кладбищах является составляющей более общей темы, связанной с изучением идеологии и мировоззрения населения этого региона, и, во многом, определяется уровнем разработки этой проблематики. В тоже время, остаются актуальными вопросы, касающиеся их источниковедческого статуса и различного рода интерпретаций, включая и этническую принадлежность.

Рассматривая святилище в качестве археологического объекта, мы понимаем его как культовое сооружение со специфическим набором инвентаря. Жертвенные места представляют собой планиграфически выделенные площадки под курганными насыпями, где совершались жертвоприношения и справлялись тризы. Состав и структура категорий этих вещевых находок достаточно однородны и совпадает с составом и структурой сопроводительного инвентаря погребений.

Подобная ситуация уже была выявлена в отношении групп инвентаря из святилищ релкинской культуры Среднего Приобья. На материалах этой культуры Л.А. Чиндиной впервые четко была обоснована тенденция группового и типологического соответствия инвентаря святилищ, скоплений вещей в насыпях курганов и инвентаря сопроводительных погребений. Такая перекрестная сопоставимость находок послужила фактической основой для чрезвычайно продуктивной в методическом и историческом аспектах версии об использовании территории раннесредневековых могильников при проведе-

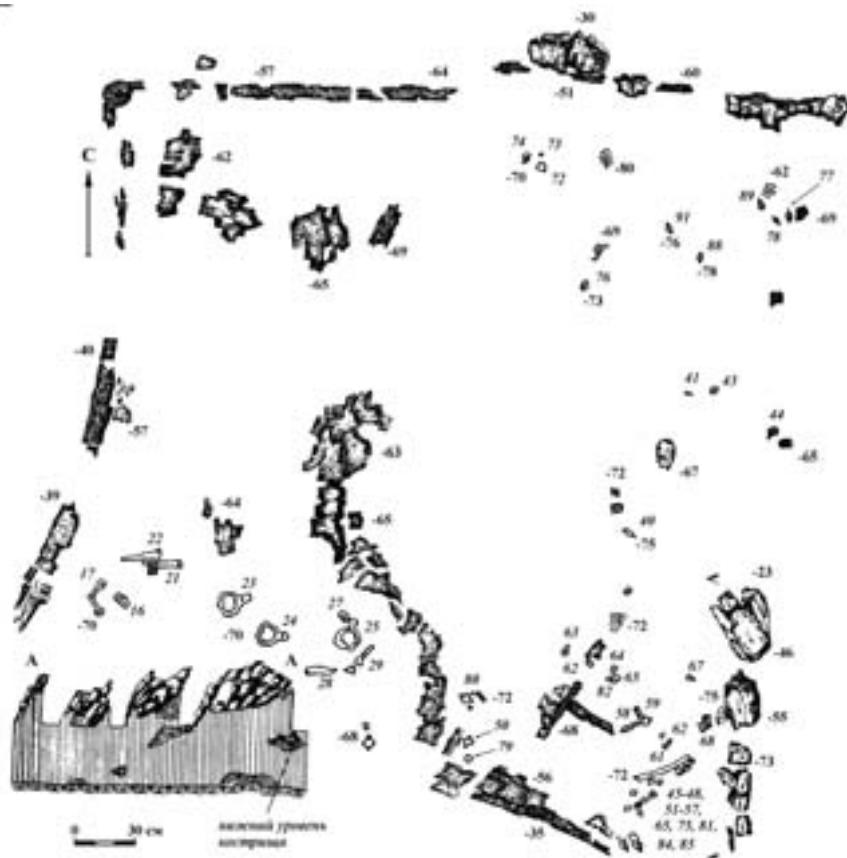

Рис. 1. Ваганово I. План культового сооружения на площади кургана № 2.

Инвентарь жертвенных комплексов: 22; 28 – железные втульчатые наконечники копий; 23; 24; 40; 41; 76-78; 82; 88; 89 – железные наконечники стрел; 57 – железный обломок полосы клинка палаша; 63; 65; 88 – скопления и отдельные экземпляры железных панцирных пластин; 50; 72; 80. – бронзовые налобные бляхи-решмы; 45-47; 52 – бронзовые сердцевидные бляхи; 53; 54; – бронзовые геометрические бляхи с прямоугольной прорезью; 75; 85; – бронзовые полуovalные и сегментовидные бляшки с прямоугольной прорезью; 48; 51; 55 – бронзовые колесовидные тройники; 41; 91 – бронзовые наконечники ремней; 23-25 – железные стремена с пластинчатыми ушками; 16; 21; 27 – роговые подпружные пряжки; 17 – железные удила и кольчатый псалий; 73 - бронзовые бубенчики; 62 – металлические монеты с отверстиями.

нии определенных обрядов в качестве святилищ [Чиндина, 1991, с. 36-37].

В северо-западной Барабе на памятнике Сопка-2 среди разновременных курганов, что принципиально важно для нашей темы, впервые были открыты особые типы археологических комплексов XIII-XIV вв. н. э. Они по внешнему виду до раскопок неотличимы от курганных насыпей из синхронных и однокультурных могильников. Под насыпью нескольких курганов на

древнем горизонте находились перевернутые сосуды и предметы из железа и кости, что аналогично жертвенным комплексам в курганах верхнеобской и релкинской археологических культур на Верхней и Средней Оби [Беликова, Плетнева, 1983, с. 109-110; Чиндина, 1991, с. 34-38; Молодин, Соловьев, 2004 с 16, 20; Троицкая, Новиков, 1998, с. 24, 75-77]. Особую ценность для определения функционального назначения объектов и их этнической атрибуции представляли находки трех деревянных объемных фигурок идолов. Наличие четырехугольных деревянных конструкций и специфический набор предметов позволили рассматривать эти объекты как святилища, сопоставимые с культовыми местами угорских (хантов и манси) народов Западной Сибири [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 178, 180-181, рис. 110-112; Молодин, Новиков, 1998, с. 115-116, рис. 116-118]. Угорская принадлежность барабинских оград-святилищ подтверждается керамическим материалом, представленным круглодонным сосудом с гребенчато-ямочной орнamentацией и воротничком на внешней части венчика [Молодин, Новиков, 1998, рис. 117]. Сочетание жертвенных мест и святилища под курганными насыпями в пределах одного могильника Ваганово I из Кузнецкой котловины не только повторяет планиграфическую ситуацию на Сопке-2, но и сопоставимо как по характеру археологических источников (остатки обгоревшей деревянной рамы и подвергшихся воздействию огня предметов, размещенных на древнем горизонте и под курганной насыпью).

В культурно-генетическом аспекте временную и территориальную лакуны заполняют материалы из сросткинских курганов Новосибирского Приобья. В курганных могильниках Высокий Борок (курганы №№ 12, 13) и Ельцовский 1 (курган № 14) выявлены обугленные остатки подпрямоугольных деревянных конструкций из бревен, жердей, досок и берестяных полотнищ с вещами (наконечники стрел, тесло, нож и керамические сосуды, один из которых перевернут кверху дном) [Адамов, 1995, с.24-26; Адамов, 2000, с. 24-25, рис. 78; 94]. Жертвенно-поминальный характер культовых сооружений как в Новосибирском Приобье, так и в Барабе, очевиден, как и их связь с послепохоронным циклом. Все же автономные культовые сооружения в Барабе использовались в более широком культурном контексте, как святилища, в отличие от приобских оград.

Подведем некоторые итоги в отношении известных культовых сооружений. Все они перекрыты земляными конструкциями, идентичными курганным в синхронных и однокультурных могильниках (Ваганово I, Сопка 2) или сооружены на подкурганных площадках выше уровня погребений (Высокий борок, курган № 13, Сопка 2, погребение № 668), но чаще пристроены к курганам так, что выходят за границы их насыпей (Высокий борок, курган № 12, Ельцовский 1, курган № 14). Совпадает форма и материал таких сооружений – это четырехугольные ограды из бревен или досок, их следы сохранились в обугленном состоянии. Внутреннее пространство оград содержит также обугленные остатки бревен, жердей, обугленных и прокопченных остатков берестяных полотнищ. В частности, вся площадь

вагановской ограды-святилища, включая дно и деревянные стенки, была перекрыта прокопченным берестяным полотнищем.

Все культовые объекты по завершению функционирования поджигались и земляная насыпь над ними возводилась в процессе их горения. В результате культовые сооружения прогорали неравномерно и сохранялась даже береста и предметы из кости. Вопрос о внешнем виде и конструкциях таких культовых объектов остается открытым. Наличие во внутреннем пространстве сооружений остатков вертикальных бревен, жердей и бересты, столбовых сооружений вдоль стенок и в углах свидетельствует, возможно, о первоначальной форме построек с каркасной конструкцией, как в одиночном кургане из Анненского 12 [Костюков, 2000, с. 331-332]. Достоверных данных для такой реконструкции пока нет. В этой связи, постановка вопроса о классификации рассматриваемых культовых сооружений с ориентировкой на этнографические материалы пока преждевременна [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 178]. Использование подкурганных площадок для сооружения и функционирования святилищ, поминальных сооружений и жертвенных мест – это не привнесенная из мира кочевых культур традиция, а широко распространенная в западносибирском регионе практика культового строительства среди местных групп населения, преимущественно угorskого происхождения.

Список литературы

- Адамов А.А.** Поминальные сооружения Новосибирского Приобья // Средневековые древности Западной Сибири. – Омск: изд-во Омск. Ун-та, 1995. – С. 24-31.
- Адамов А.А.** Новосибирское Приобье в X-XIV вв. – Тобольск-Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – 256 с.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М.** Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н. э. – Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1983. – 243 с.
- Костюков В.П.** Средневековые культовые сооружения у с. Анненское // Археология, палеэкология и палеодемография Евразии. – М.: ГООС, 2000. – С. 329-337.
- Васютин А.С., Онищенко С.С.** К вопросу о критериях выделения жертвенных комплексов в структуре погребального обряда населения Верхнеобской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2000 г.) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 269-272.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.** Памятник Сопка 2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. Т. II. – 182 с.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.** Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, Сиб. Отд-ние, 1990. – 262 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В.** Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области – Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 1998. – 140 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. - Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – 152 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (религия и культура). - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. - 184 с

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА УЛУГ-ЧОЛТУХ В 2008 ГОДУ

Памятники культур предтюркского времени на территории Горного Алтая остаются до настоящего времени недостаточно изученными, несмотря на то, что первые опыты их определения были предприняты четыре десятилетия тому назад. В 1965 г. А.А. Гавриловой были выделены памятники этого времени на могильниках Пазырык, Берель и Катанда [Гаврилова, 1965. С. 52, 54]. С.С. Сорокиным было раскопано несколько захоронений «эпохи переселения народов» на могильнике Балыктыюль в Восточном Алтае [Сорокин, 1977. С. 65]. Информативные материалы из раскопок памятников предтюркского времени были получены кемеровскими археологами в 1980-х гг. на могильниках Кок-Паш и Кoo I в окрестностях Телецкого озера [Бобров, Васютин, Васютин, 2003]. А.С. Суразаковым был раскопан могильник Айрыдаш на Средней Катуни. На основании изучения этих материалов он выделил айрыдашский этап и включил его в кудыргинскую культуру. [Суразаков, 1992. С. 96]. В последние годы А.А. Тишким и В.В. Горбунов предложили включить памятники айрыдашского типа в булан-кобинскую культуру [Тишким, Горбунов, 2005. С. 137].

В этой связи, важное значение для изучения памятников, относящихся к предтюркской эпохе в Горном Алтае, представляют раскопки могильника Улуг-Чолтух на площади Среднекатунского археологического микрорайона, которые проводятся силами Южносибирского отряда ИАЭТ СО РАН. Могильник Улуг-Чолтух расположен на горном увале, на правом берегу р. Эдиган, к северу от дороги Чемал-Эдиган, в 0,8 км от с. Эдиган, в Чемальском районе Республики Алтай. Этот памятник был обнаружен Ю.С. Худяковым в 1998 г. В 2001-2007 гг. на этом могильнике было раскопано 40 могил [Худяков, 2002а. С. 472-478; Худяков, 2003. С. 504-509; Худяков, 2005. С. 480 – 484; Худяков, 2007. С. 388-391]. В 2008 г. было раскопано еще 5 могил.

Объект № 41. Пологая, интенсивно задернованная, неправильной овальной формы насыпь, сложенная из скальных обломков. Площадь насыпи – 3 x 2 м, высота – 0,1 м. Насыпь ориентирована длинной осью по линии З-В. После снятия дерна и зачистки выявлены очертания насыпи овальной формы, окаймленной крепидой из массивных скальных обломков. При разборке насыпи обнаружено несколько фрагментов лепной керамики. После зачистки бровки выявлена конструкция сооружения, сло-

женного из крупных и мелких камней в 2-3 слоя. При разборке бровки обнаружен обломок куранта зернотерки. После снятия бровки выявлено перекрытие могилы из крупных и мелких камней. При разборке заполнения могильной ямы было найдено несколько фрагментов лепной керамики. После зачистки на дне ямы, на глубине – 0,8 м, было обнаружено погребение. Вдоль стен ямы были вертикально установлены камни, образующие несомкнутый каменный ящик. На дне могилы находился скелет взрослого человека, вероятно, мужчины. Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, кисти рук на тазовых костях. Погребенный ориентирован головой на восток. Череп повернут лицевой частью на Ю. Часть костей скелета сильно истлела. На ребрах погребенного, вдоль левой руки находились обломки костяных концевых накладок лука. В области пояса лежала роговая и обломок железной пряжки, костяная цурка, на костях правой руки былложен железный нож. Между бедренными костями находились костяные срединные накладки лука. На костях левой ноги и ступни были обнаружены костяные концевые накладки лука. В области правой ступни найден железный наконечник стрелы, обломки железных стрел и бронзовая пронизка. Под нижней челюстью были зачищены обломки каменной бусины.

Объект № 44. Пологая, интенсивно задернованная, неправильной овальной формы насыпь, сложенная из массивных и мелких скальных обломков. Площадь насыпи – 3 х 2 м, высота – 0,1 м. Насыпь ориентирована на длинной осью по линии З–В. После снятия дерна и зачистки выявлены очертания насыпи овальной формы. После зачистки бровки была прослежена конструкция сооружения, сложенного из крупных и мелких камней в 2-3 слоя. После снятия бровки было зафиксировано перекрытие могильной ямы из крупных и мелких камней. При разборке перекрытия было обнаружено несколько фрагментов лепной керамики. После выборки заполнения могильной ямы и зачистки на дне могилы, на глубине – 0,92 м обнаружено погребение. Вдоль западной и восточной стен могильной ямы были установлены вертикально каменные плиты. Отдельные камни были поставлены у северной и южной стенок ямы. На дне могилы находился скелет взрослого человека, судя по инвентарю, женщины. Погребенная была уложена на спине, в вытянутом положении, ориентирована головой на В. Руки согнуты в локтевых суставах и сложены кистями на костях таза. Погребенная была ориентирована головой на В. Скелет погребенной сильно истлел. Кости позвоночника и грудной клетки не сохранились. На черепе обнаружены бронзовые бляшки и пронизка. Рядом с лицевой частью черепа и нижней челюстью была обнаружена железная пластина. За черепом находилось скопление бронзовых обойм. В области правой руки найдены мелкие фрагменты бронзового изделия, а у правой ноги керамическое пряслице. В области пояса найден небольшой обломок железного ножа. В области грудной клетки были обнаружены обломки бронзовых пластинок. Под южной стенкой ямы находилось каменное пряслице.

Объект № 45. Пологая, интенсивно задернованная, неправильной овальной формы насыпь, сложенная из массивных и мелких скальных обломков. Площадь насыпи – 3 х 2 м, высота – 0,1 м. Насыпь ориентирована на длинной осью по линии запад – восток. После снятия дерна и зачистки выявлены очертания насыпи овальной формы. После зачистки бровки выявлена конструкция сооружения, сложенного из крупных и мелких камней в 2-4 слоя. После снятия бровки и зачистки были выявлены очертания перекрытия могильной ямы, сложенного из крупных и мелких камней. При разборке перекрытия в центральной части, среди камней, был найден железный нож. В западной части ямы под перекрытием находился фрагмент лепной керамики. В восточной части ямы, в заполнении был обнаружен фрагмент лепной керамики. После выборки заполнения могилы и зачистке на дне могильной ямы, на глубине 0,82 м от нивелировочной отметки, обнаружено погребение. Вдоль западной и восточной стенок могильной ямы были установлены вертикально каменные плиты. Отдельные камни были помещены на дно могилы рядом с этими плитами. Скелет взрослого человека, судя по сопроводительному инвентарю, мужчины лежит на спине в вытянутом положении. Он ориентирован головой на В. Череп погребенного был раздавлен и сильно истлел. Руки были слегка согнуты в локтевых суставах, кисти рук помещались на тазовых костях. Кости позвоночника, грудной клетки и таза сильно истлели. На костях правой руки найдены костяные концевые накладки лука. В области грудной клетки были обнаружены обломки железных предметов, железного ножа, пластины и пряжки, бронзовые бляшки и фрагмент керамики. Под правой рукой находились фрагменты железных пластин. У левой бедренной кости находились обломки костяных срединных накладок лука и железный наконечник стрелы. Под правым запястьем лежала бронзовая бляшка. В области правой голени погребенного был найден фрагмент лепной керамики.

В ходе раскопок могильника Улуг-Чолтух было раскопано 5 объектов. В исследованных в этом полевом сезоне мужских и женских погребениях был обнаружен стандартный набор сопроводительного инвентаря: оружие, железные ножи, поясные пряжки, украшения. В результате раскопок памятника в минувшем полевом сезоне существенно увеличилась коллекция находок предметов вооружения дистанционного боя, применявшегося кочевыми воинами, жившими на Средней Катуни в «предтюркское» время. В погребениях мужчин были найдены луки с длинными, слабо изогнутыми концевыми, длинными и широкими срединными боковыми и узкой фронтальной накладкой. Подобные луки были очень широко распространены в кочевом мире в хуннское время и продолжали применяться кочевниками, жившими в Южной Сибири и Центральной Азии, вплоть до эпохи раннего средневековья. В хронологическом и культурном отношении не столь показательны найденные в раскопанных могилах наконечники стрел, поскольку многие из них сохранились не полностью. Несомненный интерес для реконструкции женского костюма и прически nomadov Горного Алтая

в «предтюркское» время должны представлять находки бронзовых и железных пластин и обойм из раскопанного женского захоронения в кургане № 44. Исследованные объекты расширяют фонд вещественных источников, которые дают возможность полнее представить особенности погребальной обрядности и предметного комплекса памятников «айрыдашского» типа на Средней Катуни.

Список литературы

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III – VII века). Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., Наука, 1965. 110 с.

Сорокин С.С. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырка // Археологический сборник. Л.: изд-во Аврора, 1977. Вып. 18. С. 57-67.

Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (Кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Материалы всероссийской конференции. Омск: ОмГУ, 1992. С. 92-97.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2005. 200 с.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г. Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002 а. С. 472-478.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. I. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 504-509.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Ч. I. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 480 – 484.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Материалы Годовой сессии института археологии и этнографии СО РАН 2007 года. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 388-391.

АНАТОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДРЕВЕСИНЫ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ГУННО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ АЛТАЯ*

В исследовательской практике анатомическое изучение древесины проводится в основном с целью определения породы (**ксилотомия**) и датирования объектов (**дendрохронология**).

Современные дендрохронологические исследования археологической древесины в основном направлены на абсолютное или относительное датирование памятников. Для достижения данной цели обычно решаются следующие задачи: 1) построение индивидуальных древесно-кольцевых хронологий; 2) перекрестное датирование индивидуальных хронологий для создания дендрохронологических шкал. Решение второй задачи возможно лишь при определенных условиях: перекрытие сравниваемых хронологий должно составлять не менее 50-70 лет [Шиятов и др., 2000, с. 48]. В связи с этим, в поле зрения исследователей, прежде всего, попадают объекты с возможно большим числом годичных колец: бревна, полубревна, плахи, доски, которые использовались для сооружения погребальных и иных конструкций (срубы, могильные перекрытия, колоды, ложа-кровати, и т.п.). Другие же деревянные изделия, такие как предметы инвентаря, часто остаются без внимания. Вместе с тем, дендрохронологическое исследование также и деревянных изделий необходимо по нескольким причинам: 1) отсутствие другого подходящего материала для построения древесно-кольцевых хронологий; 2) возможность датирования предметов; 3) изучение технологических особенностей изготовления деревянных изделий.

Если археологическая древесина скифской эпохи Алтая уже стала объектом целого ряда исследований, то материалы гунно-сарматского времени только начинают вовлекаться в оборот. Так, недавно увидела свет работа, посвященная результатам технико-технологического анализа деревянных предметов из кургана 31 могильника Яломан II, отнесенного к булан-кобинской культуре [Тишкин, Мыльников, 2008]. Данные получены на основе трасологического анализа следов-отпечатков орудий. Посмотрим, какие возможности дает использование анатомического анализа древесины.

В ходе наших исследований был изучен ряд предметов (посуда, оружие, конское снаряжение, инструменты, украшения и др.) из курганов бу-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проекты №№ 06-06-80389а, 07-06-00173а).

Таблица 1. Результаты анатомического исследования древесины изделий из могильника Яломан-II

Курган, могила	Предмет	Порода	Кол-во колец	Анатомические особенности
1	2	3	4	5
31	Сосуд с ручкой	Betula sp. (береза)	33	Вертикальная ось сосуда совпадает с радиальной осью дерева, имевшего диаметр не менее 28 см. Ручка находится с тангенциальной стороны, ее плоскость соответствует поперечному разрезу.
31	Колчан (большая планка)	Betula sp. (береза)	12	Вертикальные оси детали и дерева совпадают. Широкая сторона детали обращена к периферии дерева, узкая - к сердцевине (имеет форму сектора).
31	Колчан (малая планка)	Betula sp. (береза)	8	То же самое
31	Деталь колчана (крючок)	Betula sp. (береза)	6	То же самое
31	Дно колчана	Pinus sibirica (кедр)	18	Вертикальная ось детали совпадает с радиальной осью дерева. Плоская поверхность обращена к периферии дерева, резная – к сердцевине.
31	Крышка колчана	Pinus sibirica (кедр)	18	То же самое
31	Древко стрелы	Betula sp. (береза)	15	Продольная ось древка параллельна вертикальной оси дерева.
33, м. 1	Кружка с ручкой	Populus sp./ Salix sp. (тополь/ ива)	8 (фр-т)	Продольная ось кружки совпадает с радиальной осью дерева. Различимые на сосуде полосы, ложно принимаемые за годичные кольца, являются, скорее, следами обработки дерева.
33, м. 1	Лука седла	Betula sp. (береза)	30	Верхняя часть луки обращена к периферии ствола, а широкие стороны соответствуют радиальной стороне дерева.

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
33, м. 2	Плашка	<i>Pinus</i> sp.: <i>sibirica</i> / <i>sylvestris</i> (кедр/ сосна)	19	Плоская сторона совпадает с радиальным разрезом дерева. Вероятно наличие на образце заболони.
33, м. 2	Плечо лука	<i>Betula</i> sp. (береза)	-	Плоская часть плеча совпадает с радиальной плоскостью ствола. Длинная ось предмета совпадает с вертикальн. осью дерева.
51	Большое блюдо	<i>Betula</i> sp. (береза)	11	Вертикальная ось блюда совпадает с радиальной плоскостью дерева.
51	Малое блюдо	<i>Betula</i> sp. (береза)	-	То же самое
60а	Модель ножа	<i>Populus</i> sp./ <i>Salix</i> sp. (тополь/ ива)	-	Присутствует сердцевина. Ядровая древесина очень узкая: ветка или молодой побег. Продольная ось ножа совпадает с вертикальной осью растения.

лан-кобинской культуры того же могильника Яломан II (Табл. 1). Установлено, что наиболее часто для изготовления деревянных изделий, особенно посуды, применялась береза. Среди других пород встречаются кедр и тополь (или ива). Вертикальные оси посуды (верх-низ) совпадают с радиальными осями деревьев, использованных для ее изготовления. Это касается и глубокой, и мелкой посуды. Вероятно, такая ориентация позволяет избежать повреждений изделия за счет усушки. В большинстве случаев заготовки не включали сердцевины дерева. Однако на сосуде из кургана 31 (Табл. 1) сердцевина находится на боковой поверхности (при той же ориентации дна сосуда к периферии дерева).

Продольные оси вытянутых изделий, у которых величина отношения длина/ширина значительна, совпадают с вертикальной осью использованных деревьев. Плоские части изделий (у крышки, дна и боковых планок колчана, блюд, кружки) чаще всего совпадают с тангенциальным срезом деревьев. Однако это не относится к кибитке лука, у которой плоскость плеча параллельна радиальной плоскости использованного дерева. Боковые планки колчана и крючок изготовлены таким образом, что две боковых плоскости соответствуют радиальному разрезу дерева, а третья - тангенциальному. Такое возможно только в случае, если деталь изготавливается из той части дерева, которая находится близко к сердцевине.

Подсчет годичных колец свидетельствует о том, что для изготовления изделий использовались деревья возрастом более 30 лет. По крайне мере это справедливо в отношении берески, диаметр которой к 35-40 годам достигал 28-30 см. Ранее измеренные лиственницы из перекрытий курганов 23а и 49 имели возраст не менее 37 и 119 лет соответственно [Быков и др., 2004].

Дендрохронологическое датирование предметов затруднено несколькими причинами: 1) большинство хронологий слишком короткие для перекрестной датировки; 2) большая часть хронологий не имеет начального и последнего кольца (года рубки); 3) хронологии получены с разных пород; 4) ряд объектов не имеют радиоуглеродных дат; 5) многие из исследованных курганов значительно разнесены во времени. Логично в данном случае относительное датирование начать с предметов из одного и того же кургана.

В кургане 33, несмотря на то, что ряды перекрываются всего на 6-8 лет, тем не менее, они достаточно надежно стыкуются друг с другом. В результате общая хронология кургана удлиняется до 42 лет. Показательно, что кедровая плашка содержит заболонь. Это свидетельствует о том, что ее последнее сохранившееся кольцо очень близко к году рубки (не более 10 лет).

В кургане 31 общая хронология составила 36 лет. Наилучшая связь обнаружилась между рядами, полученными с сосуда с ручкой и с крышки колчана (коэффициент корреляции составляет 0.7).

Хорошо связаны хронологии в кургане 57 и в кургане 51, несмотря на то, что они получены от разных пород (лиственница и береза).

Наличие радиоуглеродных дат [Тиштин, 2007] позволило выделить пары курганов (23а и 51, 31 и 33, 49 и 57), которые незначительно разнесены во времени, что дает основание провести перекрестное датирование древесно-кольцевых хронологий. Так оказалось, что хронологии из кургана 31 имеют хорошую связь с некоторыми хронологиями из кургана 33. Это позволило получить общую хронологию длительностью 57 лет (Табл. 2). На основании общей хронологии по двум курганам с учетом наличия заболони на кедровой плашке можно предположить, что курган 33 сооружен раньше. Для подтверждения этого предположения необходимо исследование других изделий из данных курганов.

Хронологии, полученные по большому блюду из кургана 51, хорошо согласуются с хронологией из кургана 23а. Однако в данном случае утверждать, что курган 51 сооружен раньше, нельзя, ибо неизвестно из какой части дерева сделано блюдо. Кроме того, оно могло быть изготовлено задолго до сооружения кургана, в то время как дерево для перекрытия в кургане 23а с большей вероятностью срублено ближе к дате сооружения памятника.

Максимальный коэффициент корреляции между хронологиями из курганов 49 и 57 составил лишь 0.52. Степень надежности перекрестного да-

Таблица 2. Относительное датирование древесно-кольцевых хронологий могильника Яломан-II

Курган	Длина ряда, лет	Относительная хронология, гг.	Предмет	Вид древесины
Относительное датирование хронологий курганов 31 и 33				
33	30	1-30	Лука седла	Betula sp.
33	19	24-42	Плашка	Pinus sp.
33	8	25-32	Кружка с ручкой	Populus sp.
31	33	25-57	Сосуд с ручкой	Betula sp.
31	12	30-41	Большая планка колчана	Betula sp.
31	8	27-34	Малая планка колчана	Betula sp.
31	6	31-36	Крючок от колчана	Betula sp.
31	18	22-39	Дно колчана	Pinus sp.
31	18	22-39 или 7-24	Крышка колчана	Pinus sp.
Относительное датирование хронологий курганов 23а и 51				
23а	37	1-37	Перекрытие	Larix sibirica
51	11	9-19	Большое блюдо. Проба 1	Betula sp.
51	18	13-30	Большое блюдо. Проба 2	Betula sp.
Относительное датирование хронологий курганов 49 и 57				
49	119	1-119	Прекрытие	Larix sibirica
57	40	79-118	Жердь	Larix sibirica
57	13	104-116	Жердь	Betula sp.
5 березовых палочек с 3-9 годичными кольцами в интервале 104-116				

тирования между ними можно будет проверить в будущем за счет сравнения их с хронологиями из других курганов.

Однако привлечение деревянных предметов для указанных целей ставит ряд вопросов методического характера. Использование таких объектов предполагает невозможность производить с ними какие-либо разрушающие действия, что бывает необходимо для подготовки рабочей поверхности образца. Напротив, обычно они требуют скорейших действий по консервации. В то же время, желательно проводить анализ древесины до использования химикатов, так как последние обычно воздействуют на анатомическую структуру в той или иной степени [Schoch, 1986, p. 621]. Весьма полезным здесь может оказаться имеющийся опыт подобных исследований, проведенных со старинными музыкальными инструментами [Topham, McCormick, 1998].

Таким образом, на основании проделанной работы можно утверждать, что использование древесно-кольцевых хронологий, полученных с изделий, для целей датирования археологических памятников не только воз-

можно, но и необходимо. Ксилотомический и дендрохронологический анализ позволяют также уточнить породу древесины и технологию изготавления деревянных предметов.

Список литературы

Быков Н.И., Быкова В.А., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Дендрохронологический и анатомический анализ древесины из могильника Яломан-II (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г.). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X, ч. II. — С. 192-194.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 356 с.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревянные изделия из кургана 31 памятника Яломан II на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – №1. – С. 93-102.

Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В.Б., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Хантемиров Р.М. Методы дендрохронологии. Ч. I. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации: Учебно-методическое пособие. – Красноярск: КрасГУ, 2000. – 80 с.

Topham J., McCormick D. A Dendrochronological Investigation of British Stringed Instruments of the Violin Family // Journal of Archaeological Science. – 1998. – V. 25. – № 11. – P. 1149-1157.

Schoch W. Wood and charcoal analysis // Handbook of Holocene Paleoecology and Paleohydrology. – Chichester: John Wiley and Sons Ltd., 1986. – P. 619-626.

**МОГИЛЬНИК К СЕВЕРУ ОТ ГОРОДИЩА ЦЗЯОХЭ (ЯР-ХОТО)
В СИНЬЦЗЯНЕ И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВАНИЯ
ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ***

Городище Цзяохэ (Яр-хото) расположено в 10 км к западу от г. Турфана, центра одноименного уезда в Синьцзян-Уйгурском автономной районе КНР, на плато, окруженном рекой Яр (Ярхол). Китайские письменные источники зафиксировали, что городище Цзяохэ было столицей владения *Цзюйши* (*Гуши*) в эпоху династии Хань. Спорадически археологические работы в районе Цзяохэ (Яр-хото) велись еще с начала прошлого века, однако основную массу находок составляли средневековые древности. В первой половине 90-х годов XX в. на городище Цзяохэ работала совместная китайско-японская археологическая экспедиция под эгидой ЮНЕСКО. Предварительные сообщения о ходе раскопок публиковались в китайской археологической периодике [Ду Гэньчэн, 1998; Ян Июн, 1999], а полностью результаты исследований за 1993-1994 гг. увидели свет в 1998 г. [Городище Цзяохэ, 1998]. Сообщение об этих работах было опубликовано нами на русском языке год спустя [Варенов, Шойдина, 1999]. На самом городище исследовались поселенческие и храмовые комплексы эпохи средневековья, но в числе других объектов экспедицией был изучен и издан могильник к северу от городища, принадлежавший, как считается, знати *Цзюйши* (*Гуши*). В китайской археологической литературе он именуется «могильник Гоубэй» (т.е., буквально: «могильник к северу от оврага» - имеется в виду овраг, отделяющий городище от окружающей местности).

Могильник изучен далеко не целиком. Исследовано три участка: два вокруг больших курганов М16 и М01, расстояние между которыми не менее 40 м по линии запад-восток, а третий раскоп расположен примерно в 100 м к югу от кургана М01. На участке вокруг М01 раскопано 15 могил и 22 жертвенные ямы с лошадьми; вокруг М16 – 9 могил и 23 жертвенных ямы с лошадьми или верблюдами. Китайские археологи называют могилы, расположенные вокруг больших курганов, “сопроводительными”, хотя их стратиграфическая и планиграфическая взаимосвязь с большими курганами отнюдь не очевидна. Напротив, круглые ямы с лошадьми вытянуты в цепочки и содержат от 1 до 4 лошадей.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-00309а).

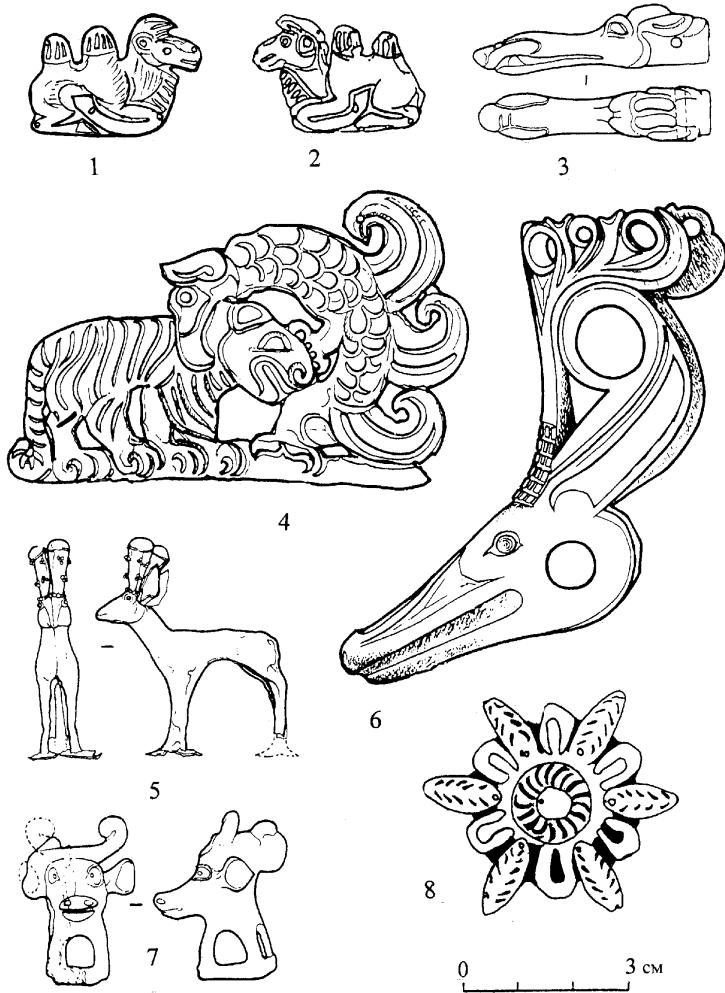

Рис. 1. Изделия из могильника Цзяохэ (Яр-Хото).

1,2 – из погребения M01; 3 – из погребения M23; 4 – из погребения M01mb;
5,7 – из погребения M16(2); 6 – из погребения M28; 8 – из погребения M04.
1,2,4,5,8 – золото; 3 – бронза; 6 – кость; 7 – серебро. Все – один масштаб.

Таким образом, каждый большой курган сопровождало несколько десятков лошадей. Конструктивно большие курганы состоят из трех частей: каменной насыпи с диаметром в основании от 15 м (M01) до 26 м (M16) и высотой 1 – 1,4 м от современной поверхности, расположенной в центре кургана круглой ограды диаметром 10,2 – 10,3 м, сложенной из сырцового кирпича, и находящейся внутри ограды погребальной каме-

ры глубиной от 4,76 м (M01) до 9,16 м (M16). Как крупные курганы, так и большинство рядовых захоронений ограблено, в них мало что сохранилось. Только в некоторых могилах найдены обломки дерева от внутримогильных конструкций и разрозненные вещи. В числе находок присутствуют изделия из кости, бронзы, золота, железа, керамики, остатки деревянных вещей. Из керамики встречаются кувшины, кубки, чаши, миски и т.п. [Варенов, Бауло, 2003]. Изделия из резной кости (рис. 1:6) служили в основном в качестве разного рода застежек и украшений в конской сбруе.

Китайские археологи датируют могильник Цзяохэ путем сопоставления его с другими сходными турфанскими памятниками – могильниками Янхай, Субэйши, Идинху. Могильник Субэйши имеет радиоуглеродную дату 2220 ± 70 лет назад. На могильнике Цзяохэ из разведочных траншей в раскопах вокруг курганов M01 и M16 получено по одной радиоуглеродной дате: для более раннего M16 2154 ± 52 года назад (178 г. до н.э. – 36 г. н.э. после дендрохронологической калибровки) и для более позднего M01 1594 ± 61 года назад (431-602 гг. н.э. после дендрохронологической калибровки). Последнюю дату сами китайские исследователи называют «судя по содержанию находок, слегка омологенной», из чего делают вывод: «не боясь большой ошибки, можно считать, что дата могильника, похоже, должна относиться к ханьской эпохе» [Городище Цзяохэ, 1998, С. 71]. Действительно, в одной из могил близ кургана M01 найдена ханьская монета у-чжсу, отливавшаяся начиная со 118 г. до н.э. Однако эта единичная находка не может определять возраст всех остальных погребений Цзяохэ, а образцы, взятые для радиоуглеродного анализа, судя по китайскому отчету, получены вообще не из могил. Учитывая потревоженность практически всех захоронений Цзяохэ, дата «431-602 гг. н.э.» может относиться не ко времени создания, а ко времени ограбления кургана M01. Китайские археологи считают культуру могильника Цзяохэ местной, но выделяют в ней заимствованные вещи (преимущественно, художественные изделия). Золотую пластину со сценой борьбы тигра и грифа, золотую фигурку оленя (?), бронзовое украшение в виде волчьей головы они относят к «степной культуре ордосского стиля» (принятый в Китае термин для искусства скифо-сибирского круга) [Городище Цзяохэ, 1998, С. 73]. В целом, с такими выводами можно согласиться, но следует отметить, что эта «степная культура» должна датироваться, в основном, не ханьским (т.е., гунно-сарматским), а предшествующим скифо-сакским временем.

Действительно, парные нашивные золотые бляшки из M16(2) в Цзяохэ, изображающие лежащих верблюдов (рис. 1:1,2), находят аналогии в изображениях на деревянной диадеме из кургана 1 пазырыкского могильника Уландрык-I в Горном Алтае (рис. 2:1). Золотая ажурная пластина-застежка со сценой борьбы грифа и тигра, близкая к турфанской (рис. 1:4), есть в Сибирской коллекции Петра I (рис. 2:3). Золотая фигур-

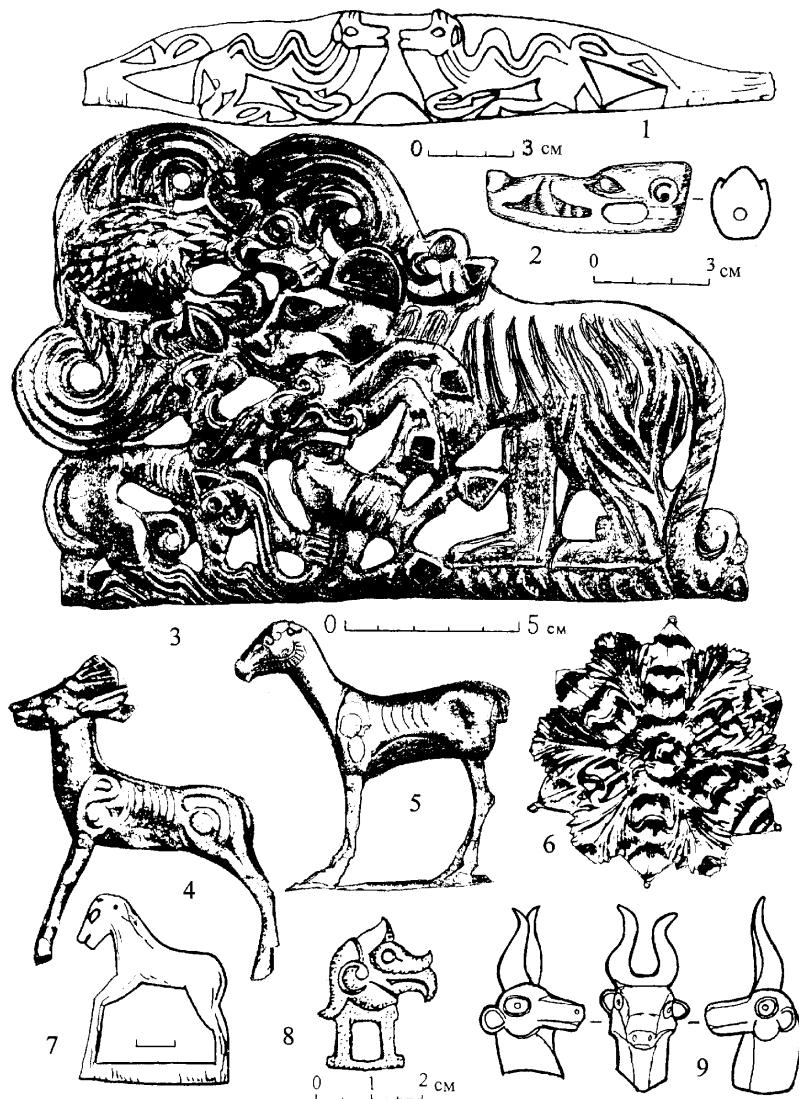

Рис. 2. Аналогии изделиям из могильника Цзяохэ (Яр-Хото).

1,7 – из кургана 1 могильника Уландрык-І (по В.Д. Кубареву), 2 – из кургана 7 могильника Рогозиха-1 (по А.П. Уманскому, А.Б. Шамшину, П.И. Шульге), 3 – из Сибирской коллекции Петра I (по С.И. Руденко), 4,5 – из Амударъинского клада (по М.И. Артамонову), 6 – из погребения № 3 могильника Тилля-Тепе (по В.И. Сарианиди), 8 – из кургана 4 могильника Рогозиха-1 (по А.П. Уманскому, А.Б. Шамшину, П.И. Шульге), 9 – из уезда Гунлю Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. 1,7 – дерево, 2 – кость, 3-6 – золото, 8,9 – бронза. Разный масштаб.

ка оленя (?) из М16(2) в Цзяохэ (рис. 1:5) встречает параллели в материалах Амударьинского клада (рис. 2:4,5). Здесь стоит обратить внимание на своеобразную манеру передачи как бы «вставных» ушей и рогов животного (ср. рис. 1:5 и рис. 2:4). Настоящие вставные уши, сделанные, скорее всего, из кожи, имелись у деревянных пазырыкских скульптурок коней (рис. 2:7). С бараном из Амударьинского клада турфанского оления сближает манера постановки ног и шеи (ср. рис. 1:5 и рис. 2:5). Изображение головы волка на бронзовой поясной подвеске из М23 в Цзяохэ (рис. 1:3) сходно с изображением кабана на аналогичном костяном изделии из кургана 7 могильника Рогозиха-1 в степной части Алтая. Несмотря на различия материалов, близка манера передачи глаза и оскаленной пасти с торчащим клыком (ср. рис. 1:3 и рис. 2:2). Серебряный распределитель из кургана М16(2), увенчанный головкой быка (рис. 1:7), имеет бронзовые аналогии в виде грифоноголовых распределителей на Алтае (встречены в кургане 4 могильника Рогозиха-1 (рис. 2:8)) и далее на запад, вплоть до Филипповки и Келермеса (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, С. 45, 182), а в Китае – в Наньшаньхунгоушаньгу близ г. Шихэцзы Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР [Большой обзор, 1999, С. 324]. Не следует сбрасывать со счетов и четыре бронзовых головки быков (рис. 2:9) из уезда Гунлю в верховьях р.Или [Большой обзор, 1999, С. 374]. Шестилепестковая золотая розетка из Цзяохэ (рис. 1:8) имеет отдаленные аналогии в могильнике Тиля-Тепе на севере Афганистана (рис. 2:6), благодаря наличию в обоих случаях числовой знаковой записи [Ларичев, Варенов, 2001а,б].

Что касается проблемы хуннуского присутствия в Цзяохэ (об этом есть прямые свидетельства письменные источников), то хуннуские погребения могут быть где-то рядом. В частности, материалы могильника к западу от городища Цзяохэ (могильника Гоуси) демонстрируют гораздо большее количество монет у-чжсу и украшения гунно-сарматского времени [К западу, 2001], хотя отдельные вещи скифо-сакского облика там тоже присутствуют [Молодин, Кан Ин Ук, 2000, С. 91].

Список литературы

Большой обзор памятников археологии Синьцзяна [Синьцзин вэнъу гуцзи да-гуань]. – Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин, 1999. – 440 с. (на кит. яз.).

Варенов А.В., Бауло И.А. Керамика могильника Цзяохэ (Яр-Хото) в Турфанско-й впадине в Восточном Туркестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т.IX. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С.294-298.

Варенов А.В., Шойдина О.С. Археологические памятники городища Цзяохэ (Яр-Хото) в Турфанско-й впадине (по результатам раскопок 1993-1994 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т.V. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С.312-316.

Городище Цзяохэ - отчет об археологических раскопках за 1993-1994 годы. [Цзяохэ гучэн - 1993,1994 няньду каогу фацзюе баогао]. – Пекин: Дунфан, 1998. – 12, 206 с., X, XXXVIII л. илл. (на кит. яз.).

Ду Гэнъчэн. Новые археологические открытия на “Шелковом пути” // Гугун боуюань юанькан. – 1998. – № 3. – С.14-19. (на кит. яз.).

К западу от Цзяохэ - отчет об археологических раскопках за 1994-1996 годы. [Цзяохэ гуоси – 1994-1996 няньду каогу фацзюе баогао]. – Урумчи: Синьцзян жэньминь, 2001. – 10, 20, 114 с., XIV, XXXII л. илл. (на кит. яз.).

Ларичев В.Е., Варенов А.В. Золотые календари и космограммы Запада Центральной Азии // Традиционная культура Востока Азии. – Вып. 3. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001а. – С. 91-115.

Ларичев В.Е., Варенов А.В. Древняя Бактрия: золотое время // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т.VII. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001б. – С. 361-367.

Молодин В.И., Кан Ин Ук. Памятник Ярхото в контексте гуннской проблемы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 89-99.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. 204 с.

Ян Июн. Краткое сообщение о раскопках могильника на первой террасе за оврагом к северу от городища Цзяохэ в Турфане // Вэньу. – 1999. – № 6. – С.18-25. (на кит. яз.).

САНЬСИНДУЙ – НОВАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ЮЖНОГО КИТАЯ

Долгое время информация «Исторических записок» Сыма Цяня о существовании во II тысячелетии до н.э. на территории Сычуаньской впадины древнего государства Шу [Сыма Цянь, 1972, С. 185] не подтверждалась археологическими находками. Впрочем, многочисленные летописные сведения о Шу чжоуского, циньского и ханьского времени всегда считались достоверными. Поэтому, когда весной 1929 г. в Сычуани, на территории, где существовало древнее Шу, было обнаружено скопление нефритовых предметов, достоверность преданий о Шу шанского времени вроде бы начала подтверждаться. В это же время, в 1928 г., начались научные раскопки на Иньском городище в Аньяне. Они принесли многочисленные находки бронзовых сосудов, оружия, гадательных костей с надписями и остатков дворцовых (или храмовых) построек, что полностью подтвердило историческую достоверность существования Шан. Ничего похожего, особенно крупных бронзовых изделий, в Сычуани долгое время не встречалось.

Лишь в июле 1986 года в районе Саньсиндуй уезда Гуанхань провинции Сычуань была обнаружена большая прямоугольная яма, где найдены 13 слоновых бивней, кости других животных, отлитые из бронзы головы с угловатыми чертами лица [Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань, 1987, С. 1-15]. Во второй, вскрытой рядом яме, найдены ветвистое бронзовое дерево, бронзовые сосуды, 41 бронзовая голова различных размеров, более шестидесяти обуглившихся бивней слонов, стоящая на высоком пьедестале фигура человека, отлитая из бронзы [Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань, 1989, С. 1-20]. Всего в первой яме найдено порядка 300 различных изделий, во второй – около 600. Обнаруженные артефакты сделаны из бронзы, слоновой кости, камня, золота, нефрита, керамики [Саньсиндуй, 1999, С. 23]. Предметы укладывались в ямы в особом порядке. Самый нижний слой в яме номер один составляли изделия из нефрита. Вторым слоем размещались бронзовые и золотые предметы. Третий слой составляли кости животных. И, наконец, в четвертом слое выкладывались бронзовые клевцы *гэ* и керамика. Кости животных были перед погребением предварительно обожжены. То же самое можно сказать и о многих бронзовых предметах. Таким образом, совершился ритуал очищения огнем. Подобный ритуал отражен в надписях на шанских гадательных костях из Аньяна [Yan Ge, Katheryn Linduff,

р. 506-507]. Это привело исследователей к заключению, что ямы были связаны с церемонией жертвоприношения. Обе ямы обнаружены в пределах укрепленного городища, занимавшего площадь в 10 км² [Дебен-Франкфор, 2002, С. 67].

Бронзовые изделия Саньсиндуа включают большое изваяние стоящего человека, бронзовое «священное дерево», статуэтки коленопреклоненных людей, бронзовые антропоморфные головы и маски разных размеров, бронзовую колонну с изваянием взобравшегося на нее дракона, бронзовые урны лэй и чарки цзунь, блюда, крышки, колокольчики, предметы в форме мотыги, украшения в виде феников, птиц, змей, разнообразные бронзовые пластины, клевцы гэ, предметы в виде клевцов гэ, секиры юэ, долота, наконечники стрел и т.д. Голова крупного изваяния стоящего человека увенчана узорчатым головным убором, длинная одежда, также украшенная узорами, запахнута на левую сторону, ноги изваяния босые, на них видны браслеты (рис. 1:1). Руки изображены так, словно они что-то держат, вполне возможно, что в руках у статуи находился съемный предмет, который не сохранился. Статуя возвышается на двух воздвигнутых один на другом постаментах. Один представляет собой резной табурет, на котором и стоит человек, второй постамент лишен орнамента и служит основой для всего изваяния. Общая высота изделия составляет 2,6 м, высота самой статуи – 1,8 м, что близко к размерам реального человека. Статуэтка коленопреклоненного человека небольшая, высотой всего 15 см. Этот человек одет в запахнутый на правую сторону халат и короткие штаны (рис. 1:8). Другие статуэтки людей в высоту достигают также лишь 15-20 см (рис. 1:7).

Бронзовые маски в сечении полукруглые, некоторые из них имеют зрачки в виде выступающих наружу из орбит цилиндров (рис. 1:2). Все находки снабжены гигантскими ушами и большим ртом (рис. 1:3). Бронзовые головы бывают разных видов: без головных уборов, с головными уборами (рис. 1:5), куполообразным украшением на головных уборах (рис. 1:4), с волосами, собранными в косу, с головными уборами, имеющими два выступа по бокам (рис. 1:7) и т.д. Из-за того, что головы полые внутри и имеют форму, похожую на трубу, а шея их книзу заострена, было высказано предположение, что данные изделия надевались на деревянные столбы (бревна) и также образовывали статуи, смонтированные из различных материалов. Колонна с изображением взобравшегося на нее дракона в сечении круглая, в верхней части плоская, слегка наклонная, дракон передней частью туловища располагается на ее вершине, его нижняя часть вытянулась вдоль колонны, что придает фантастическому существу вид только взирающегося на нее животного (рис. 1:6).

Бронзовые сосуды имеют очевидную связь с вещами иньской культуры. Узоры с изображением таотэ в большом количестве встречаются на венчиках и плечиках урн лэй и чарок цзунь, часто звериные изображения располагаются парно, с двух противоположных сторон. Лезвия клевцов гладкие, также как и у подобных изделий с Центральной равнины. Предметы,

Рис. 1. Бронзовые изделия из Саньсиндуя.
 1 – статуя на двойном постаменте; 2, 3 – большие бронзовые маски;
 4,5 – бронзовые головы; 6 – дракон, взирающийся на колонну;
 7,8 – статuetки коленопреклоненных людей.

напоминающие по форме клевцы *гэ*, имеют два зазубренных прямых лезвия. В 1988 году в одной из ям Саньсиндуя были обнаружены две бронзовые пластиинки трапециевидной формы, в сечении слегка изогнутые, напоминающие тем самым черепицу. Одна пластиинка имела узор в виде

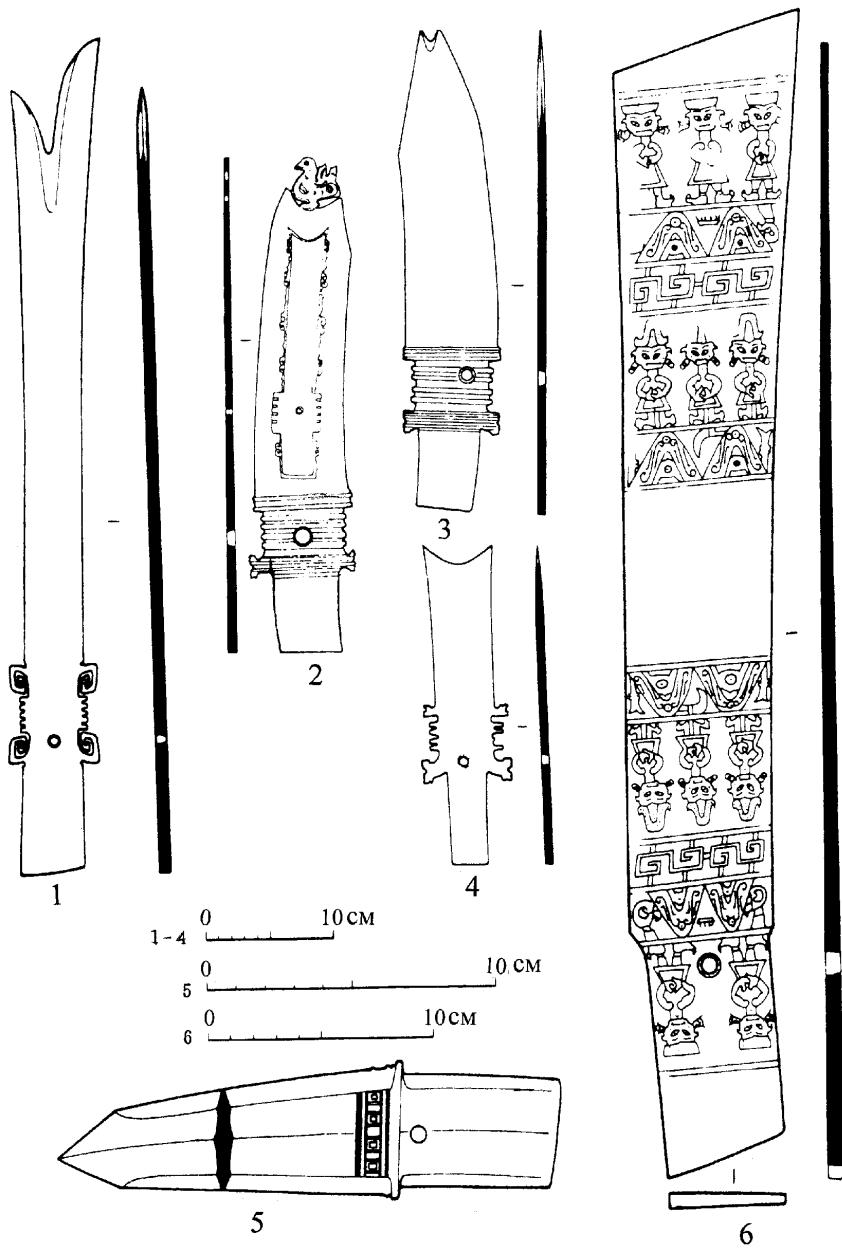

Рис. 2. Нефритовые изделия из Саньсиндуя.
1-4,6 – скипетры чжан; 5 – нефритовый клевец гэ.

повторяющихся букв «S», другая была украшена рельефным узором, инкрустированным бирюзой. Подобные инкрустированные бирюзой предметы встречались и в Эрлитоу [Варенов, 1990, С. 59], что подтверждает достаточно раннюю дату Саньсиндуя.

Среди нефритовых предметов встречаются нефритовые скрепы с заостренными концами *чжсан* (рис. 2:1-4,6), клевцы *гэ* (рис. 2:5), квадратные регалии с круглым отверстием посередине *цзунь*, круглые плоские диски *би*, плоские кольца *юань*, кольца *хуань*, топорики *ци* (в виде круглой яшмы), топоры, долота, тесла, ножи, трубочки, бусы. Большинство нефритовых предметов было найдено внутри бронзовых сосудов *лэй* и *цзунь*. В количественном отношении преобладали нефритовые клевцы. В обеих ямах их обнаружено 39 экз., каменных клевцов – 10 экз. По форме и нефритовые, и каменные клевцы похожи на бронзовые. Керамика Саньсиндуя в основном делалась из песчанистого теста, глинистых изделий очень мало. Бурая по цвету керамика преобладает, серая встречается реже. Керамика некрашеная, что касается орнаментации, то в основном, это веревочный орнамент, также встречается орнаментация в виде прямых линий и наколок острыми предметами. На ранних этапах культуры вся керамика лепилась вручную, позднее гончарный круг заменил ручную лепку. В обеих жертвенных ямах в Саньсиндуе было обнаружено более 4700 морских раковин *каури*, часть их находилась в самом низу ям, часть – в бронзовых сосудах *цзунь*, *лэй* и в бронзовых головах.

Бронзовые изделия Саньсиндуя демонстрируют высокий уровень литьевого производства, ни в чем не уступая шанским того же времени. Глина, найденная внутри полых бронзовых голов, является местной, таким образом, можно смело утверждать, что многие бронзы Саньсиндуя изготавливались на месте, а не завозились извне. Основными металлами были медь, олово, свинец. Использовались сплавы меди и олова, меди и свинца или всех трех металлов, а значит, древние шусцы достаточно хорошо владели техникой плавки, что позволяло им сочетать несколько металлов сразу. При этом состав бронзы зависел от назначения предмета, например, в ритуальных предметах древнего Шу содержание олова было достаточно низким, а свинца высоким, в предметах быта – наоборот. Соотношения примесей имели свои устойчивые пропорции, которые не совпадали с пропорциями, используемыми в шанском Китае. Кроме того, в бронзовых изделиях Шу не встречаются примеси цинка, а в шанских бронзах небольшие примеси цинка довольно распространены. В шуских бронзах с использованием олова или олова и свинца часто можно встретить добавления фосфора, что является особенностью металлургии этой культуры. Фосфор позволяет увеличивать пластичность бронзы, повышает прочность и твердость металла. Это говорит о том, что шусцы уже владели техникой раскисления (обескислороживания).

Считается, что в Саньсиндуе бронзу стали производить начиная с 1500 г. до н.э. Имеющиеся датировки позволяют утверждать, что в эпоху заселе-

ния Аньяна, служившего последней столицей Шан с 1300 по 1050 г. до н.э., в Сычуани уже существовала самобытная и развитая цивилизация эпохи бронзы, которая и получила название культуры Саньсиндуй. На данный момент наиболее полно исследованы пять памятников культуры Саньсиндуй в уезде Гуанхань провинции Сычуань: Пилусы, Яньдуйцзы, Шифо, Цзиньхуа, Даянь, и три в уезде Шэнъфан провинции Сычуань: Жэнъминьсиньань, Саньбао, Шуйняньхэ. Китайские ученые полагают, исходя из имеющихся данных по распространению культуры Саньсиндуй, направлению ее развития, эволюции стиля и наличию контактов между Шу и Шан, что культура Сычуаньской котловины автохтонна. Но в Саньсиндуе она предстает уже в готовом виде, проследить процесс ее становления сложно. Возможно, это не культура одного народа или государства, а сочетание компонентов разных традиций соседствующих народов или государств Сычуаньской котловины.

Список литературы

- Варенов А.В.** Реконструкция иньского защитного вооружения и тактики армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности. Новосибирск: Наука, 1990. С. 56-72.
- Дебен-Франкфор К.** Древний Китай. М.: Астрель – АСТ, 2002. – 159 с.
- Саньсиндуй** цзисы кэн. [Жертвенные ямы Саньсиндуя]. – Пекин: Вэньу, 1999 – 628 с. (на кит. яз.).
- Сыма Цянь.** Исторические записки. – Т. I. – М.: Наука, 1972. – 440 с.
- Чэнь Даань, Чэнь Сянъдань.** Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы № 1 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань // Вэньу. – 1987 № 10. – С. 1-15. (на кит. яз.).
- Чэнь Даань, Чэнь Сянъдань.** Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы № 2 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань // Вэньу. – 1989 № 5. – С. 1-20. (на кит. яз.).
- Yan Ge, Linduff K.M.** Sanxingdui: a new Bronze Age site in southwest China // Antiquity. – vol. 64. – No 244. – September, 1990. – p. 505-513.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЖИЛИЩ
НАЙФЕЛЬДСКОЙ ГРУППЫ МОХЭ
НА ОЗЕРЕ БЕЛОБЕРЕЗОВОМ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ**

В полевой сезон 2008 года археологическим отрядом «Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области» были начаты исследования раннесредневекового поселенческого комплекса найфельдской группы мохэской археологической культуры на оз. Белоберезовом в Константиновском районе Амурской области. Данный памятник на сегодняшний день является самым западным поселением найфельдской группы мохэ, с выраженными на поверхности в виде западин.

Поселение на оз. Белоберезовом, получившее в ходе паспортизации археологических объектов области наименование Войково, селище-2 (по ближайшему населенному пункту), выявлено в 1990 г. жителем с. Константиновки А.Н. Коробко. В этом же году памятник был обследован отрядом Благовещенского государственного педагогического института под руководством Б.С. Сапунова. Полученные в ходе исследования данные позволили датировать объект периодом раннего средневековья и отнести его к мохэской археологической культуре [Сапунов, 1990]. Здесь же в 2002 г. на береговой полосе был обнаружен развал сосуда редкой формы – с косым устьем [Кудрич, Наумченко, 2003].

Поселение расположено в 5 км к северо-западу от с. Войково, на южном берегу оз. Белоберезового. Высота берега над современным урезом воды в озере около 5 м. Берег полого поднимается в юго-восточном направлении от озера. На поверхности выявлено более 40 западин размерами 6×6м, 8×8м, 6×8м, глубиной от 0,4 до 1 м. Размеры селища определены по распространению западин и особенностям рельефа местности и составляют по оси северо-запад – юго-восток – 50 м, по оси северо-восток – юго-запад – 150 м.

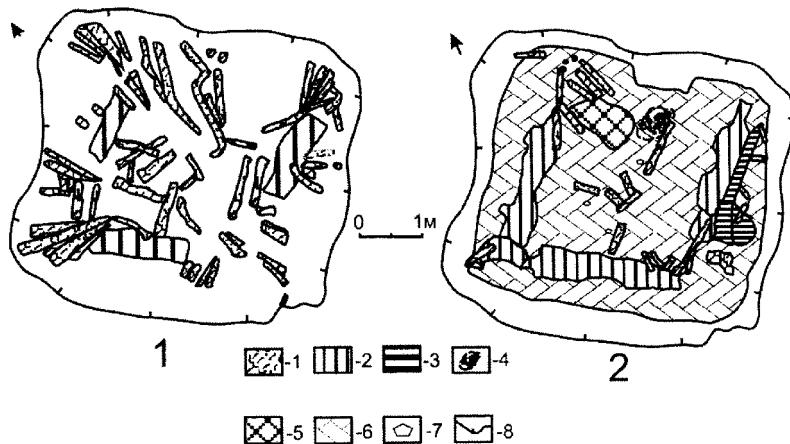
Над двумя жилищными западинами размерами 5×5 и 5,5×5,5 м, глубиной 0,7 и 1 м, был заложен раскоп общей площадью 135 кв.м. Для осуществления контроля оставлены 3 бровки, одна из которых прошла одновременно через оба жилища.

При выборке грунта из раскопа археологический материал стал появляться сразу в дерновом слое. Контуры жилища четко проявились после снятия 4-го условного горизонта на глубине 40 см относительно современной дневной поверхности. При выборке заполнения жилища были определены более точные размеры жилища, которые составили: по верхней границе – 5,1×4,3 м, на уровне пола – 4,2×4 м, при глубине котлована 0,6 - 0,7 м. Контуры жи-

лица имели округлые очертания. Обгоревшая кровельная конструкция внешним краем опиралась на края котлована. Рама-основа отсутствовала. От условных углов котлована к центру жилища устанавливались несущие балки, имеющие, по всей видимости, большую мощность по отношению к остальным, что и определило их лучшую сохранность. В процессе разборки конструкции следы несущих опорных столбов под стропила не обнаружены (рис. 1, 1). Однако во избежание проседания кровли и обрушения конструкции изнутри по «углам» жилища она подпиралась подпорными балками, заглубленными в грунт на 0,1 - 0,15 м и установленными наклонно к верхней границе котлована. В жилище II у стен, за исключением северо-восточной, сохранились фрагменты нар в виде параллельно уложенных жердей-досок (рис. 1, 2). Отсутствие нар с северо-восточной стороны и наличие земляной ступени у стены (в обоих жилищах) позволяет предположить о расположении в этой части конструкции входа в жилище. Пол жилища обмазан коричневой глиной и утрамбован. Очаг располагался в центре и не имел обкладки.

Основная масса находок в жилищах сконцентрирована под нарами и у их краев. Коллекция представлена: развалами сосудов разных размеров, донышками сосудов, каменной мотыжкой, мелкими фрагментами сосудов.

Сосуды представлены горшками. Три из них имеют две орнаментальные зоны. Первая представлена выпуклым орнаментом в виде налепных валиков (одного или двух), рассеченный косой насечкой, вторая – врезным орнаментом в виде волнистой прочерченной линии (рис. 2, 1 - 2).

Rис. 1. Планы жилища II:

1 – на уровне рухнувшей кровли, 2 – на уровне пола.

Условные обозначения: 1 – несущие жерди кровельной конструкции;

2 – горизонтально лежащие плахи нар; 3 – вертикально стоящие плахи нар;

4 – развал сосуда; 5 – участки прокаленного грунта; 6 – глиняная обмазка пола;

7 – донышко сосуда; 8 – границы котлована.

Rис. 2. Керамические сосуды с поселения

У двух горшков плечики слабо выделены, имеется налепной валик по венчику, рассеченный косой насечкой. Тулово сосудов, в одном случае, украсено налепными валиком, в другом орнаментация отсутствует (рис. 2, 3). Последние сосуды характерны для сосудов троицкой группы мохэ. Ранее они были отмечены при раскопках найфельдских памятников в регионе (в могильнике у с. Новопетровки, располагавшемся в устье р. Дунайки, вытекающей из оз. Белоберезового [Деревянко, 1975], в могильнике Шапка, находящегося в 32 км к востоку от данного поселения [Нестеров, 1998]). Наличие подобной керамики в найфельдских памятниках свидетельствует о взаимовлиянии двух соседствующих на одной территории групп населения мохэ [Там же, 1998].

Проведенные исследования на поселении Белоберезовом, расширяют источниковую базу найфельдских традиций мохэской культуры на территории Западного Приамурья, позволяют более детально судить о домостроительных особенностях группы, подтверждают факт влияния троицкой группы бохайских мохэ на найфельдскую (хэйшуй мохэ).

Список литературы

Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 249 с.

Кудрич О.С., Наумченко Б.В. Сосуд редкой формы с озера Белоберезового // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С.389—391.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 184 с.

Сапунов Б.С. Полевой дневник археологической разведки в 1990 году (рукопись).

**И.Д. Зольников, Я.В. Кузьмин, М.А. Чемякина,
О.И. Новикова**

**ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ БАРАБИНСКОЙ РАВНИНЫ
ЛЕТОМ 2008 ГОДА**

Активные геоархеологические исследования памятников эпох камня и палеометалла на юге Западной Сибири ведутся в последние годы [Молодин и др., 2003; Кривоногов и др., 2004, 2005; Казанский и др., 2005, 2007] с целью корреляции данных, получаемых различными науками для реконструкции процессов взаимодействия древнего человека и природной среды. В настоящем сообщении приводятся результаты геолого-геоморфологического обследования в августе 2008 г. в районе двух исследуемых археологически ключевых памятников эпохи палеометалла центральной части Барабинской лесостепи – Преображенка-6 и Тартас-1.

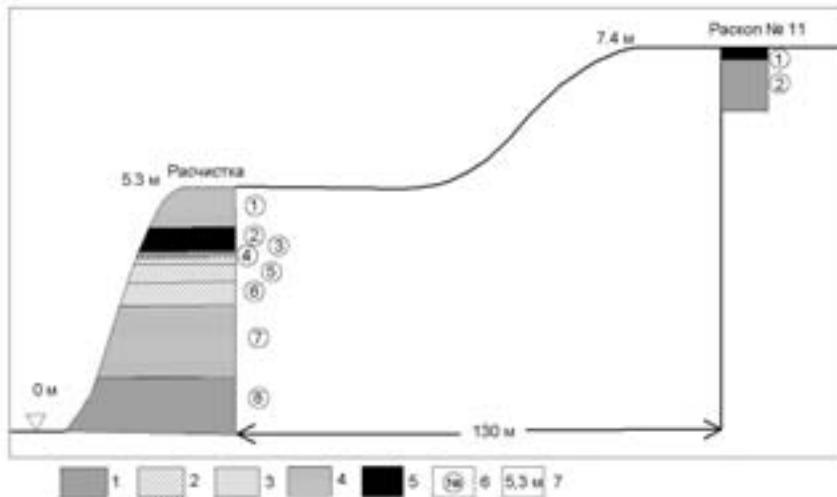
Памятник Преображенка-6 расположен на краю надпойменной террасы правого берега р. Омь в 5 км к западу от с. Старая Преображенка в Чановском районе Новосибирской области. Памятник Тартас-1 находится на правом берегу р. Тартас (Венгеровский район Новосибирской области), на первой надпойменной террасе, в непосредственной близости (1,2 км) от одного из крупнейших могильников Западной Сибири Сопка-2.

Эти археологические объекты объединяет не только близкое по геоморфологическим условиям местоположение, но и характер отражения в современном рельфе. Названные грунтовые могильники не имеют рельефных признаков на дневной поверхности.

Археологическим работам предшествовал геофизический мониторинг. Самым результативным методом геофизических исследований на данных объектах стала магнитометрия. Полученные на основе контраста магнитных параметров вмещающего грунта (суглинки и супеси) и заполняющего (гумус) были построены магнитограммы, которые позволили выявить под слоем пашни археологические объекты [Дядьков, Молодин и др., 2005, с. 304–309].

Памятники расположены на выровненной поверхности, сложенной, по всей видимости, субаэральными отложениями, близ тылового шва первой надпойменной террасы, но не вплотную к нему. На рисунке показан геолого-геоморфологический контекст памятника Преображенка-6. Здесь в раскопе № 11 сверху вниз вскрыты:

0.0–0.3 м. Слой 1. Современная почва, представленная гумусированным горизонтом толщиной от 0.2 до 0.25 м, и карбонатным горизонтом толщиной до 0.1 м. Карбонатный горизонт по песку, плотный, сцементированный. Мощность слоя 1 – 0.3 м.

Rис. 1. Преображенка – 6, строение 1-й надпойменной террасы.

Условные обозначения: 1 – песок; 2 – супесь; 3 – суглинок; 4 – переслаивание суглинка и песка; 5 – палеопочва; 6 – номера слоев; 7 – высота над урезом воды.

0.3–1.3 м. Слой 2. Тонко-мелкозернистый песок слабоалевритистый, светло-серый, с буровато-желтоватым оттенком. В стенке раскопа отмечается неявно выраженная тонкая субпараллельная слоистость за счет более сероватых оттенков тяжелой фракции. По всему слою рассеяны обломки раковин пресноводных моллюсков (пелиципод). На глубине 1.3 м обнаружены белесые карбонатные стяжения. Видимая мощность слоя 2 – 1.0 м.

Близ памятника в расчистке (см. рисунок) вскрыто строение первой надпойменной террасы. Здесь сверху вниз обнажены:

0.0–0.85 м. Слой 1. Параллельное субгоризонтальное переслаивание светло-серого мелкозернистого песка и темно-серого с бурым оттенком суглинка, нередко гумусированного. К кровле увеличивается зернистость и толщина (до 10 см) песчаных прослоев, а толщина гумусированных суглинистых прослоев уменьшается (до 1 см). Проявляется линзовидно-косая слоистость флювиального типа. К подошве песчаные слои редуцируются до слойков толщиной 1–3 мм, а бурые суглинистые прослои толщиной 3–4 см перемежаются с гумусированными прослойками толщиной 3–5 мм. Нижний контакт резкий четкий. Мощность слоя – 0.85 м.

0.85–1.37 м. Слой 2. Темно-серый до черного гумусовый горизонт палеопочвы (A1), к подошве опесчанивается. Мощность слоя – 0.52 м.

1.37–1.45 м. Слой 3. Светло-серый тонкозернистый песок пылевато-глинистый. Возможно, элювиальный горизонт палеопочвы (A2). Мощность слоя – до 0.1 м.

1.45–1.63 м. Слой 4. Бурая супесь пятнами ожелезненная, с включениями гумуса; нижний контакт нечеткий. Возможно, иллювиальный горизонт палеопочвы (В). Мощность слоя – 0.18 м.

1.63–2.06 м. Слой 5. Серый с буроватым оттенком тяжелый суглинок, карбонатизированный. Карбонат проявляется при высыхании отложений белыми пятнами 0.5–1 см в поперечнике. Возможно, карбонатный горизонт палеопочвы (В). Мощность слоя – 0.43 м.

2.06–2.61 м. Слой 6. Серый с буроватым оттенком тяжелый суглинок, аналогичный слою 5, но без карбонатных включений. Мощность слоя – 0.55 м.

2.61–4.27 м. Слой 7. Параллельное субгоризонтальное переслаивание светло-серого песка, иногда ожелезненного (толщина слойков 10–20 см), и темно серого тяжелого и среднего суглинка (толщина слойков 2–3 см). Мощность слоя – 1.66 м.

4.27–5.36 м. Слой 8. Светло-серый средне- и крупнозернистый песок, слюдистый, с линзовидными прослойками серого песка. Подошва слоя 8 уходит под урез воды. Видимая мощность слоя – 1.09 м.

Памятник Тартас-1 находится в аналогичных с Преображенкой-6 геолого-геоморфологических условиях. На обоих объектах погребения расположены в верхнем полуметре песчаной толщи: они находятся в карбонатном горизонте (Вк) современного почвенного профиля, который в высохшем состоянии является сцепментированным (“каменным”). Оба памятника расположены на поверхности, сложенной отложениями, сформировавшимися за счет перевевания более древнего аллювия. Вероятно, погребения на Преображенке-6 и Тартасе-1 осуществлялись до того, как площадка террасы вышла из пойменного режима в субазральный и покрылась почвой. Таким образом, палеоландшафтное положение древних могил – на водораздельном возвышении в нескольких метрах над террасой и в 20–30 м от бровки уступа по отношению к затапляемой пойме.

Геохронологически данный вывод можно будет верифицировать только после получения радиоуглеродных дат. Однако, предварительное заключение допустимо с учетом данных И.А. Волкова по разрезу отложений озеровидного расширения у поселка Малинино [Волков и др., 1988]. В данном обнажении аллювиально-озерный комплекс мощностью около 4 м, залегающий непосредственно на лессах гривной толщи, также завершается палеопочвой мощностью 80 см, которая в свою очередь перекрыта пойменными наилками мощностью 45 см. Из почвы получена серия радиоуглеродных дат от 570 ± 100 л.н. (СОАН-1969) в верхней части до 2240 ± 50 л.н. (СОАН-167) в нижней части. Внутри субаквальных отложений имеется прослой гумусированного песка мощностью 10 см, датированный 4240 ± 160 л.н. (СОАН-1967).

Датирование пойменных почв для исследуемого региона чрезвычайно важно, т.к. формирование почвенных горизонтов в поймах рек Барабы на прямую связано с климатическими изменениями в эпоху голоцен. Кроме того, такая информация может реально повлиять на исследования палео-

экономических аспектов жизнедеятельности древнего населения. Для определенных, достаточно продолжительных отрезков времени, совпадающих с периодом формирования почв в пойме, характерно расположение поселений на более низких элементах рельефа. В такой ситуации наиболее предпочтительной для жилья территорией оказывались примыкающие к речным руслам участки высокой поймы. Результаты датирования почв в совокупности с данными ГИС по расположению известных археологических памятников в микрорайоне, помогут вывести на новый уровень наши представления о геоморфологических особенностях расселения человека в различные периоды голоценов в зависимости от изменений природной среды, а также облегчить поиск поселенческих памятников в поймах рек.

Список литературы

Волков И.А., Орлова Л.А., Панычев В.А. Некоторые особенности геологического строения долины Оми и Барабинская водохозяйственная система. – Новосибирск: Институт геологии и геофизики СО АН СССР, 1988. – 47 с.

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. Ч. I. С. 304–309.

Казанский А.Ю., Безрукова Е.В., Кривоногов С.К., Молодин В.И., Матасова Г.Г., Чемякина М.А., Абзаева А.А., Летунова П.П., Кулагина Н.В. Реконструкция среды обитания древнего человека для комплекса археологических памятников у озера Большая Ложка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 249-254.

Казанский А.Ю., Кривоногов С.К., Матасова Г.Г., Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А. Оценка влияния хозяйственной деятельности древнего человека на природную среду по изменению естественных магнитных свойств грунта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 313-317.

Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А. Особенности геологической расшифровки стратиграфии памятников Автодром-2 и Ложка-5 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 291-295.

Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Молодин В.И., Чемякина М.А. Геологогеоморфологические особенности района впадения р. Тартас в р. Омь, как места расселения человека // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 359-363.

Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А., Жаронкин В.Н., Кривоногов С.К. Поселение Автодром-2 – к вопросу о стратиграфии и культурной принадлежности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. IX, ч. I. – С. 423-427.

*Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, А.С. Федорук, Д.В. Поздняков,
О.А. Позднякова, А.Б. Шамшин*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА РУБЛЕВО VIII*

До последнего времени погребальный обряд населения степной половины юга Западной Сибири эпохи бронзы оставался практически не изученным. Ситуация стала кардинально меняться с момента открытия в 1999 году могильника Рублево VIII, расположенного на юге Кулундинской степи [Папин, 2001а, б], на границе Михайловского и Угловского районов Алтайского края. Памятник находится в древней котловине озера Рублево, на оステпненном участке ленточного бора, в 300 м. к северо-северо-западу от поселения эпохи бронзы Рублево VI.

Могильник грунтовый, визуально на его площади каких-либо искусственных сооружений не зафиксировано, но наличие их в древности не исключается. На данный момент вскрытая площадь составляет более 3500 кв.м. Памятник разновременный, из 119 исследованных на сегодняшний день захоронений 97 принадлежат андроновской культуре, 20 – эпохе поздней бронзы, по одному – раннескифской и скифской эпохам. Планиграфический анализ показал, что погребальное пространство, имеет форму вытянутого овала по линии ЮВ-СЗ. Погребения образуют ряды, вытянутые по линии юго-запад – северо-восток, могилы расположены по одной, либо сгруппированы по две-три. В то же время выделяются места концентрации погребений, на двух участках площадью 8 х 8 метров было сосредоточено более шести детских и взрослых погребения.

Помимо могил, на площади памятника, особенно в его центральной части, было обнаружено большое количество отдельно стоящих андроновских сосудов. Большинство из них связано непосредственно с погребениями. Какой-либо устойчивой закономерности в расположении их относительно могил не прослеживается. Чаще всего горшки стоят одинично, иногда по два-три. В одном случае рядом с могилой № 37 обнаружено семь таких сосудов. Также в межмогильном пространстве зафиксирован участок, на котором было найдено 17 отдельно стоящих сосудов [Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004, с. 73].

Планиграфический анализ памятника относительно расположения детских и взрослых погребений показал, что никакой устойчивой закономер-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ № 06-01-00378а, 08-01-60700е/Т и гранта Президента России (5400.2008.6).

ности здесь не наблюдалось. Большинство детских могил находятся рядом со взрослыми, либо расположены отдельными группами. Могильные ямы, как правило, имеют прямоугольную, подпрямоугольную форму с ориентировкой: ЗЮЗ-ВСВ, ЮЗЗ-СВВ, ЮЗ-СВ, З-В. Фиксируются остатки деревянных конструкций, установленных на дне ям, а так же остатки обкладки, рамы и фрагменты перекрытия в виде тлена [Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004. с.63, 68]

Деревянные конструкции в виде обкладки, рамы или перекрытия встречаются в могилах в 34,4 % случаев. Больше всего внутримогильных конструкций в процентном соотношении приходится на погребения группы молодых – 50 % от количества погребенных в этой группе. Далее следует группа старших – 22,2 %. Почти в стольких же случаях конструкции встречаются в детских погребениях – 20 %. Распределение конструкций по половому признаку примерно одинаково: 33,3 % у мужчин и 36,4% у женщин.

Редко на могильнике встречаются парные и коллективные погребения. Парных могил три (3,4 %), причем в двух случаях, судя по размерам и расположению скоплений кальцинированных костей – это парные взрослые кремации. В одном случае (мог. № 51) удалось определить возраст одного из погребенных и их пол – мужчина *matus* и женщина. Третья парная могила – биритуальное детское захоронение. Коллективное погребение одно (1,1 %). Здесь были захоронены ребенок, мужчина и женщина, относящиеся к группе старших. Положение погребенных на правом боку на могильнике встречено всего в двух случаях – 2,2 %. В то же время, следует заметить, что в 70 % случаев, определить положение погребенного не представляется возможным, поскольку анатомический порядок костей скелета был нарушен (как правило, это детские захоронения с плохой сохранностью костей).

По сравнению с другими могильниками Алтая отмечено довольно большое количество погребений с кремациями. В двух случаях кремации были парные. Все погребения, в которых находились кремированные останки, имеют целый ряд сходных черт. Отсутствие в могилах следов огня позволяет предположить, что действия, связанные с обрядом кремации, совершились на стороне, возможно, в специально отведенном месте. В целом, погребения с кремацией по размерам, формам, внутримогильным сооружениям мало чем отличаются от остальных могил. Выделяются погребения, где парные скопления кремированных останков находились в пределах одной деревянной конструкции и разделенные продольной деревянной плахой. В большинстве случаев кальцинированные кости лежали компактно в центре, либо у стенки ямы. В могилу, как и при ингумации, помещался сосуд (один или несколько) в «головах» т.е. ближе к юго-западному краю. Планграфически данные могилы никак не выделяются, располагаясь в рядах вместе с ингумацией.

Пол или возраст кремированных погребенных на Рублево VIII удалось определить в шести случаях: трое кремированных были женщинами, один

мужчина, в одной из парных кремаций находились останки мужчины из группы старших (*maturus*) и женщины. В двух случаях кремированные погребенные принадлежали к группе молодых. В биритуальном погребении, судя по всему, был кремирован ребенок. Четыре кремации содержали золотые и бронзовые украшения. В одном случае это было погребением мужчины (мог. №93), в остальных пол определен не был. В одном случае это был молодой индивид.

В большинстве случаев в погребениях находился лишь один сосуд (66,3 %). Несколько сосудов было установлено в 16,9 % случаев. В 10,1 % сосуды отсутствуют. Чаще всего несколько сосудов находилось в погребениях группы старших – 33,3 % (здесь и далее учитывались только одиночные захоронения). Значительно реже несколько сосудов встречаются в захоронениях группы молодых (8,3 %) и детей (6,9 %). В женских могилах несколько сосудов встречено в 36,4 % случаев, тогда как в мужских всего лишь в 16,6 %. Наибольшее число безинвентарных погребений было мужскими (33,3 %). Кроме того, единственное на могильнике погребение с четырьмя сосудами принадлежало женщине из группы старших.

Инвентарь, представленный в могилах, находит широкие аналогии в синхронных памятниках Западной Сибири, Казахстана: серьги трубчатые и с растробом, браслеты, пронизи, желобчатые подвески в полтора оборота, кольца и т.д. Особый интерес вызывает обнаруженное в одной из могил биметаллическое нагрудное украшение вместе с головным убором [Кирюшин, Позднякова, Папин, Шамшин, 2006].

Среди керамических форм андроновского комплекса могильника Рублево-VIII выделяется ряд сосудов, для которых характерна высокая, почти прямая шейка и наличие слабо выраженного уступа при переходе от венчика к тулову, в орнаменте в этой зоне расположена специальная неорнаментированная полоса. Подобная керамика находит аналогии в комплексах, которые исследователи включают в ареал памятников смешанного алакульско-федоровского типа [Корочкова, 2002, с 196, рис. 1, 2; Кузьмина, 1994; Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004].

Сохранность костного материала из андроновских погребений не позволяла провести антропометрические исследований каждого скелета по полной программе. Тем не менее, изученный крааниологический материал позволяет заключить, что население Кулунды, относящееся к андроновской культуре, заметно отличалось от групп андроновского населения Верхнего Приобья, Восточного Казахстана, Барабинской лесостепи и Минусинской котловины. Для этих районов, в основном, характерны черепа с брахиморфными пропорциями, относимые к так называемому андроновскому вариантуprotoевропейского типа. Исследованные нами материалы сближаются с алакульскими популяциями Казахстана. Для них характерна долихокranия в сочетании с узким и резко профилированным лицом.

Наиболее распространенными заболеваниями, отмеченными в данной серии, можно считать болезни суставов. Артрозы и артриты, в неко-

торых случаях, в достаточно резкой форме. Подобного рода изменения зафиксированы, в основном, у мужчин. Причем пораженным оказывалась чаще всего позвоночник. Данные изменения, как правило, сопровождаются значительным развитием мышц плечевого пояса. Помимо этого в серии отмечено несколько случаев периостита неясной этимологии. В исследованной выборке, на нескольких детских скелетах, отмечены последствия ракита (?) в виде поротического гиперостоза, локализованного на верхних стенках орбит (*Cribra orbitalis*) и деформации длинных костей нижних конечностей.

Погребения, датируемые эпохой поздней бронзы, локализовались преимущественно в южной и западной частях раскопа, хотя отдельно стоящие сосуды встречены практически на всей его площади. В двух случаях зафиксированы факты перекрывания андроновских могил позднебронзовыми. Обращает на себя внимание разряженность в расположении позднебронзовых захоронений, расстояние между которыми варьирует в пределах от 5 до 15 м. Погребения совершены в одиночных могилах и по обряду трупоположения. Все погребения на 0,2-0,5 м углублены в материк. Форма могильных пятен прямоугольная, либо подovalная, причем последняя более характерна для погребений взрослых. Могильные ямы ориентированы длинной осью по линии С-Ю, либо ЮЗ-СВ. Как правило, положение погребенных устанавливается как скоченное на правом (чаще) или левом боку, головой на Ю или ЮЗ, в зависимости от ориентировки могильных ям. Инвентарь в основном представлен керамикой и бронзовыми серьгами. Целый комплекс бронзовых предметов был обнаружен в могиле 55: головные украшения, принадлежности одежды, украшения для рук, зеркало [Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004]. В западном секторе были обнаружены два погребения, где умершие были уложены вытянуто на спине головой на Ю, но сопровождаемые традиционными позднебронзовыми сосудами.

Материалы переходного времени от бронзы к железу представлены одним погребением, совершенным на уровне древнего горизонта. Скорее всего, «приклад» найденный в первый год исследования связан с этой могилой. Не исключено, что ряд одиночных «позднебронзовых» погребений, также возможно рассматривать в рамках переходного периода [Папин, 2000]. Скифское погребение было совершено в глубокой яме и ограблено еще в древности: *in situ* сохранилась только нижняя часть скелета, под левой большой берцовой костью лежали нож и оселок [Фролов, Папин, 2004].

Таким образом, на грунтовом могильнике Рублево VIII выделено четыре культурно-хронологических горизонта: период развитой бронзы, эпоха поздней бронзы, раннескифское и скифское время. Основой некрополя является андроновская планировочная сетка. По всей видимости, в эпоху поздней бронзы какие-то сооружения еще являлись ориентиром при совершении погребального обряда нового населения. По фрагментам дере-

вянных внутримогильных андроновских конструкций были продатированы четыре погребения в промежутке $1635\pm65 - 1330\pm75$ гг. до н.э. (СОАН 6775-6780) [Кирюшин, Грушин, Папин, 2007]. Несмотря на немногочисленность позднебронзовых материалов, они впервые позволили реконструировать погребальный обряд эпохи поздней бронзы для степной полосы юга Западной Сибири. Важным является тот факт, что погребальные комплексы имеют четкие керамические параллели в конкретных поселениях Рублевского археологического микрорайона [Папин, 2006].

Список литературы

- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б.** Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы. // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: изд-во АГУ, 2004. - с. 62-85
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б.** Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево-VIII» // Алтай в системе Евразийской металлургической провинции бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 33-44
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В.** Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. Вып. 3. С.84-89
- Корочкива О.Н.** Алакульско-федоровские комплексы Зауралья // Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н.Я. Мерперта. - М., 2002. - С. 189-197.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? - М., 1994. - 464 с.
- Папин Д.В.** Исследования в Алтайском Приобье и Кулунде // Археологические открытия 1999 года. - М.: «Наука», 2001а. - С. 274–275.
- Папин Д.В.** Исследования на юге Кулунды // Археологические открытия 2000 года. - М.: «Наука», 2001б. - С. 246–247.
- Папин Д.В.** Материалы финальной бронзы и раннескифского времени Кулунды // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. 1. С. 147–148.
- Папин Д.В.** Степная полоса юга Западной Сибири в эпоху поздней бронзы // Современные проблемы археологии России (Материалы Всероссийского археологического съезда. 23-28 октября 2006 г. Новосибирск) Т. I. Новосибирск, Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 442-444
- Фролов Я.В., Папин Д.В.** О трансформации культурных традиций населения кулундинской равнины в VIII-VI вв. до н.э. // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. с. 31-42

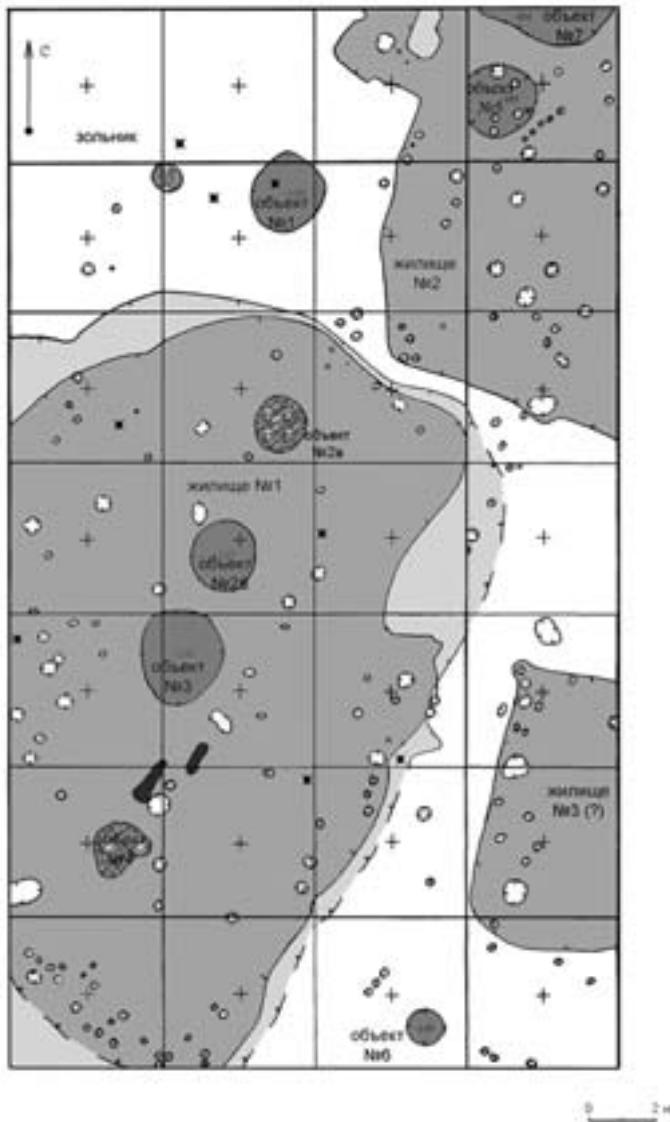
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЖАРКОВО-III В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КУЛУНДЕ*

В полевые сезоны 2006–2008 гг. Центральнокулундинским отрядом Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН совместно с сотрудниками Алтайского государственного университета при финансовой поддержке грантов РГНФ и средств Президиума СО РАН проводились работы по изучению комплекса археологических памятников, расположенных в Центральной Кулунде. Основное внимание было сосредоточено на исследовании крупного поселения эпохи поздней бронзы – Жарково-III [Федорук, Шамшин, Иванов, и др., 2005; Кирюшин, Папин, Федорук, 2006; Федорук, 2006; Кирюшин, Папин, Федорук, 2007]. Поселение расположено в Баевском районе Алтайского края, в 2,3 км к СЗ от с. Покровка, на второй надпойменной террасе р. Кулунды. Целью данной работы является введение в научный оборот предварительных результатов полевого изучения данного памятника.

На поверхности зафиксировано семь жилищных западин округлой или овальной в плане формы, размерами 100-300 кв. м, расположенных двумя рядами вдоль старицы р. Кулунды. Полевые исследования показали, что структура памятника намного сложнее: территория Жарково III застраивалась на протяжении периода развитой и поздней бронзы, а визуально фиксируемые западины относятся только к самому финальному этапу. Благодаря местным географическим особенностям, в толще зольника, заполняющего межжилищное пространство, прекрасно сохранились несколько горизонтов погребенных палеопочв, что позволяет делать стратиграфические наблюдения более точными.

Общая вскрытая площадь на сегодняшний день составляет 448 кв. м, раскопом частично исследованы: зольник, три конструкции и несколько объектов разного предназначения (рис. 1). Зольник мощностью 0,4–1 м, представляет собой рыхлую супесь различного рыжеватого оттенка, обильно насыщенную костями животных, фрагментами керамических сосудов и глиняных кирпичиков. Наибольший интерес представляет обнаруженное здесь скопление глиняных кирпичиков, возможно, отходов гончарного производства [Кирюшин, Папин, Федорук, 2006]. Здесь же

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 06-01-00510а, 06-01-00378а.

	- контур находящегося в плане		- бронза
	- предположительный контур находящегося в плане		- грабительский ящик МРС
	- развал керамического горшка		- находки стеклянных изделий
	- следы пира		- находки с керамическими заполнениями
	- очаг		- остатки с керамическими заполнениями (отделочный слой (?)

Рис. 1. План раскопа поселения Жарково-III.

исследован объект № 1 – яма окружной в плане формы, диаметром до 2 м и глубиной до 1,8 м. Заполнение объекта – супесь темного цвета с прослойками материкового песка, расположенными под углом от верхних краев к центральной части дна и образовавшимися, видимо, вследствие обрушения краев ямы.

Жилище № 1 визуально фиксировалось на современной поверхности западиной овальной формы размерами 16x11 м и глубиной до 0,5 м. В настоящее время изучено около 200 кв. м данной конструкции. Котлован, прорезающий зольник и погребенную почву, представляет собой слабонасыщенную находками твердую темную супесь мощностью до 1,2 м. В центральной его части по дну фиксируется песчаная подсыпка из белого материкового песка мощностью до 0,15 м. В северной и южной частях исследованы два объекта, предположительно, служившие очагами (объекты №№ 2а, 4) (рис. 1). Северный очаг (объект № 2а) по дну был выложен глиняными кирпичиками. К СВ от южного очага (объект № 4) изучено две канавки с сажистым заполнением линзовидного сечения, направленные от очага к центральной части котлована, возможно, это отопительные каналы. Исследовано более 80 столбовых ямок, расположенных рядами в центре и по периметру котлована, из них 19 располагались двумя рядами по линии СЗ – ЮВ в крайнем юго-западном квадрате раскопа. Вероятно, здесь находился край жилища, поскольку выявленные ямки являлись остатками стены. Остальные, очевидно – остатки каркасно-столбовой конструкции жилища. В пределах котлована исследованы также объекты №№ 2б, 3 (рис. 1). Объект № 2б расположен в центральной части жилища. Имеет окружную в плане форму диаметром до 1,8 м и глубину до 2,17 м. Объект № 3 – подovalной формы, диаметром 2,1x3 м, достигает глубины 2,57 м. Заполнение объектов аналогично заполнению объекта № 1. Интересным фактом стало обнаружение в заполнении объекта № 3 нескольких деревянных плах. Вероятнее всего, данное сооружение являлось колодцем.

Жилище № 2 зафиксировано в северо-восточных квадратах раскопа. Визуально не фиксировалось на поверхности. Изучен край конструкции площадью около 65 кв. м, она прорезает погребенную почву и материк. В пределах котлована исследовано 28 столбовых ямок, а также два объекта (№№ 5, 7) (рис. 1). Объект № 5 представлял собой яму окружной в плане формы, диаметром до 2 м и глубиной до 1,85 м, по ее периметру фиксировались пять столбовых ямок. Объект № 7 изучен нами только наполовину. Он также представлял яму окружной формы, диаметром до 2,8 м и глубиной до 2,61 м. Заполнение насыщено мелкими фрагментами дерева и бересты. В восточном секторе дно объекта было выложено берестой, вероятно, данный объект использовался как колодец.

В юго-восточной части раскопа исследован небольшой участок (около 20 кв. м) конструкции № 3. По ее периметру изучено 16 столбовых ямок. Заполнение котлована (золистая супесь) прорезает погребенную почву.

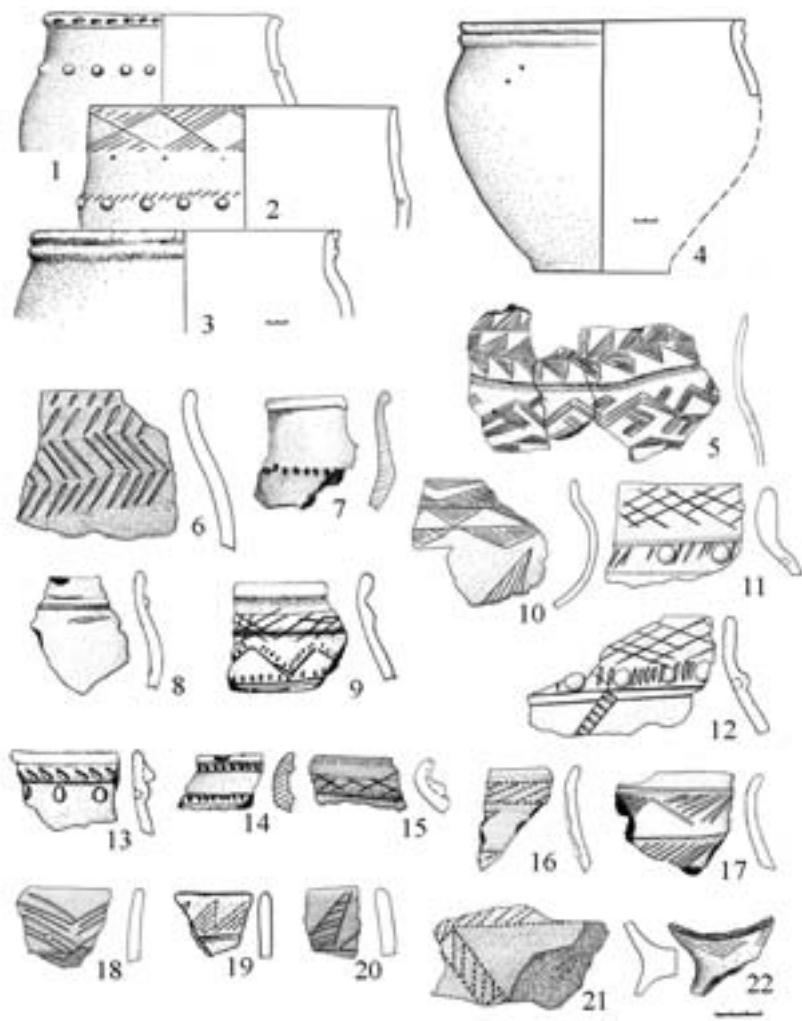

Рис. 2. Керамика с поселения Жарково-III.

Материалы памятника представлены большим количеством костных останков животных, фрагментами и развалами керамических сосудов, камнями, а также немногочисленными изделиями из глины, кости, камня и бронзы.

Керамика, обнаруженная на поселении, неоднородна и представлена материалами андроновской (рис. 2 – 5, 18–20), бегазы-даньбыаевской (рис. 2 – 16, 17, 21, 22), саргаринско-алексеевской (рис. 2 – 3, 4, 6–9), ирменской (рис. 2 – 2, 10–12) и донгальской (рис. 2 – 1, 13–15) традиций.

В целом, орнаментальные композиции соответствуют культурным стереотипам для каждого комплекса, но декор ирменской посуды демонстрирует взаимодействие со степным саргаринско-алексеевским населением. Основную массу обнаруженных в зольнике и жилище № 1 фрагментов сосудов составляют саргаринско-алексеевские. В материалах, происходящих из заполнения котлована жилища № 2, преобладают фрагменты андроновских керамических сосудов, что позволяет предположить, что под позднебронзовым слоем зольника погребено жилище предшествующего андроновского периода.

Особый интерес представляют стратиграфические наблюдения и данные радиоуглеродного датирования, позволяющие проследить внутреннюю хронологию изученного участка памятника. Наиболее ранними объектом является конструкция № 3, после завершения ее функционирования на поселении сформировался новый почвенный горизонт, который прорезал котлован № 2. Появление жилища № 1, в свою очередь, связано с более поздним временем, когда зольник на этом участке памятника уже не использовался, и конструкция № 2 была полностью заполнена золистыми отложениями. Радиоуглеродный возраст погребенных почв, взятых с разных глубин зольника, показал – 3855 ± 120 лет и 4025 ± 120 лет. Даты хорошо согласуются между собой и указывают на сохранение стратиграфической последовательности. Если первое жилище надежно связано с материалами саргаринско-алексеевской культуры и отдельными донгальскими находками, то идентификация двух других, в силу фрагментарности их изученности, пока затруднительна. Не исключено, что происхождение одного из них связано с ирменской культурой [Кирюшин, Папин, Федорук, 2006; Кирюшин, Папин, Федорук, 2007].

Таким образом, по керамическим материалам памятника, период функционирования поселения Жарково III определяется эпохой развитой – финальной бронзы (XIV–VIII вв. до н.э.). Важное научное значение имеет тот факт, что впервые для памятников «степной бронзы» Алтая зафиксировано четкое стратиграфическое разделение культурных напластований эпохи поздней бронзы. Проведение дальнейших полевых исследований на этом объекте позволит уточнить хронологические позиции и характер взаимоотношения для ирменской, саргаринско-алексеевской и бегазы-даньбыаевской археологических культур. При определении места поселения в кругу единовременных ему памятников Кулунды важнейшее значение имеют следующие факторы: наличие планиграфической организации площади поселения (жилища сгруппированы двумя рядами), мощного и насыщенного находками зольника, а также длительное время функционирования поселения. Совокупность этих фактов ставит поселение Жарково-III в один ряд с крупными хозяйствственно-культурными центрами Кулунды, такими, как поселение Рублево-VI [Папин, 2003; Кирюшин, Папин, Федорук, 2006].

Список литературы

Кириюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, Ч. I. С. 358–360.

Кириюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования поселения Жарково III в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII., С. 264–267.

Папин Д.В. Хозяйственно-культурный центр как отражение определенного уровня развития древнего общества // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 34–38.

Федорук А.С. Результаты археологических исследований в Баевском, Михайловском и Усть-Пристанском районах Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Вып. 3. Барнаул, 2007. С. 40–43.

Федорук А.С. Результаты археологического обследования районов центральной и южной Кулунды в 2005 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2005 г. Вып. 2. Барнаул, 2006. С. 80–84.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Иванов Г.Е., Цивцина О.А., Райткин С.С. Памятники эпохи поздней бронзы Кулунды (по материалам разведки 2004 года) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г. Вып. 1. Барнаул, 2005. С. 113–116.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ОГРАДОК В МЕСТНОСТИ АК-КООБЫ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ)

Изучение древнетюркских оградок центрально-азиатского региона продолжает оставаться одной из наиболее актуальных исследовательских задач. Древнетюркские поминальные сооружения отличаются большой вариативностью в конструктивных особенностях, отсутствием оснований для их чёткого датирования и хронологии, а также, во многом, гипотетичностью в их интерпретации. Именно поэтому важно исследование разнотипных поминальных сооружений.

В полевом сезоне 2008 года Чуйский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН продолжил планомерные археологические раскопки древнетюркских оградок в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Объектом исследования была выбрана цепочка из смежных или расположенных в непосредственной близости друг от друга оградок в местности Ак-Кообы. Она устроена на второй надпойменной террасе, на левом берегу р. Барбургазы, в её нижнем течении. Ряд из поминальных сооружений ориентирован строго по линии С-Ю. Нумерация объектов была начата с севера. Цепочка состоит из 14 оградок, часть из которых смежные (т.е. имеющие единые стенки), другие отделены друг от друга небольшим расстоянием (40-150 см). Лишь сооружение № 13 устроено не на одной линии с основной цепочкой (с отклонением к востоку) и на значительном удалении от неё (26 м).

Для раскопок было выбрано шесть объектов (№ 4-9). В ходе раскопок защищена ещё одна небольшая оградка, неразличимая первоначально на поверхности и получившая порядковый номер ЗА. Для исследования выбранных объектов был разбит единый раскоп, размер которого составил 14,7 x 6,4 м. Целью такой методики раскопок было исследование пространства между и вокруг поминальных сооружений и выявление возможных дополнительных конструктивных элементов. Приведём краткое описание некоторых раскопанных объектов.

Ак-Кообы. Оградка № 4.

Размеры поминальной оградки составили 3,3 x 3,9 м, при высоте 0,25-0,3 м. Она ориентирована сторонами по странам света, а её стены сложены массивными сланцевыми плитами длиной 80-110 см, вкопанными на ребро и тщательно подогнанными друг к другу. Внутри сооружение было заполнено массивными плитами и валунами в три-четыре слоя.

У восточной стенки оградки снаружи зафиксированы две плиты, одна из которых сохранила своё первоначальное вертикальное положение, другая - наклонена. От стелы изваяния отходил ряд из 5 сохранившихся балбалов на расстояние 68 м. Балбалы были повалены либо обломаны в древности.

Как показала зачистка сооружения, его основание выложено из сланцевых плит и плиток, уложенных горизонтально в два-три слоя. Сверху на них были помещены крупные валуны. Плиты северной стенки сохранили относительно вертикальное положение, плиты всех остальных стенок завалились под тяжестью заполнения оградки. Эта оградка оказалась наиболее разрушенной по сравнению с остальными. Так, с восточной стороны от неё был зафиксирован выброс из плит и валунов. Нахождение этих плит и валунов на уровне древней поверхности и их задернованность говорят о разрушении оградки в древности.

В центре поминального сооружения зафиксирована каменная конструкция из массивных, уходящих наклонно в центр сланцевых плит (рис. 1). Одна из этих плит, в самом центре, отличалась наибольшими размерами. Здесь же большое число крупных валунов, часть из которых обожжена. После разборки заполнения оградки на уровне древней поверхности было обнаружено множество расколотых и обожженных в огне каменных осколков. Наибольшая их концентрация приходилась на центр поминального сооружения – основание каменной конструкции из наклонно установленных плит.

Rис. 1. Вид на оградку № 4 с выбранным заполнением и зачищенным плитовым настилом и каменной конструкцией в центре. Урочище Ак-Кообы.

Рис. 2. Вид на зачищенные смежные оградки № 6-9. Урочище Ак-Кообы.

После снятия наиболее массивной, установленной в центре, плиты и углублении до 22 см от уровня древней поверхности была зачищена небольшая каменная конструкция. Она представляла собой небольшую яму диаметром 25 см, изнутри выложенную маленькими сланцевыми плитками. Внутри этой конструкции на глубине 35 см зафиксирован тлен от лиственничного ствола. Максимальная глубина ямки составила 45 см.

Ак-Кообы. Оградки № 6-9.

Объекты, получившие порядковые номера 6,8,9, являются т.н. смежными. Они устроены в ряд, по линии С-Ю и имеют смежные стенки (рис. 2). Размеры оградок в среднем составляли: 150 x 160 см. Они сложены массивными вертикально вкопанными плитами. Каждая стенка состояла из одной или двух плит. Сверху оградки были заполнены крупными валунами, под которыми по периметру зачищены массивные горизонтально уложенные плиты. В центре исследованных объектов имелись ямки глубиной 40-45 см, стенки которых были выложены сланцевыми плитками. Внутри них фиксировался уголь и пережженные кости.

Оградка № 7 была устроена в 38 см к западу от объекта № 6. В отличие от уже описанных оградок её заполнение составляли преимущественно мелкие камни, плитовой настил отсутствовал. Не имела эта оградка и ряда балбалов.

В заполнении поминального сооружения № 12 в выклиде из норы был обнаружен фрагмент деревянного сосуда с бронзовой накладкой.

Несмотря на почти полное отсутствие находок, раскопки подобных объектов имеют определённую научную значимость. В результате их изучения сплошным раскопом и исследованием сразу нескольких объектов удалось установить закономерности в конструктивных особенностях и следах обрядовой деятельности. Так, например, исследованные крупные сооружения (№ 4,5) объединяет наличие плитового настила на уровне древней поверхности, заполнение из уложенных плашмя сланцевых плит, наличие в центре каменной конструкции из наклонно поставленных плит. Смежные и, вероятно, «детские» оградки (№ 3А, 6-9), так же как и крупные имеют в центре небольшую ямку (15-35 см в диаметре и в глубину до 40—45 см), стенки которой выложены тонкими сланцевыми плитками. Внутри этих ямок зафиксированы угли, пережженные кости, а в крупных поминальных сооружениях прослежен тлен от лиственничных стволов. Одной из наиболее интересных особенностей всех исследованных объектов является наличие углей и пережженных костей не только внутри них, но и за их пределами. Причем речь идёт о мощных прокалах и слое углей и пережженных костей за пределами западной стенки оградок. За пределами всех исследованных сооружений была зафиксирована кладка из валунов и плит. Именно под плитами и фиксировались прокалы и слой угля. Между оградками также были зафиксированы зольные пятна, тогда как перед ними — за восточной стенкой они не встречены ни разу.

У многих оградок, особенно крупных, имеются символические изваяния-стелы без каких-либо следов выбивки, а также ряд балбалов, отходящих на восток. Интересно отметить, что «детские» оградки имели небольшие или даже миниатюрные балбалы. При этом, у одной из «детских» оградок (№ 8) двум ямкам, обложенным изнутри сланцевыми плитками, соответствовали два ряда балбалов.

Исследованные сооружения принадлежат к т.н. кудыргинским оградкам, которые называют ещё коллективными или смежными [Гаврилова, 1965, с. 14-17]. При этом, также как и в урочище Кудыргэ, малые по размерам оградки из Ак-Кообы имели смежные стенки. Сближают исследованные объекты в Ак-Кообы с кудыргинскими ориентация стенок по странам света, наличие в центре ямки глубиной 45-50 см, стенки которой обложены каменными плитками, отсутствие изваяний. И хотя у кудыргинских оградок не были зафиксированы ряды балбалов, у других сооружений такого типа они известны [Гаврилова, 1965, с. 17]. Исследователи датируют подобные оградки VI-VII вв. [Гаврилова, 1965, с. 17; Кубарев В.Д., 1979, с. 156; Кубарев В.Д., 1984, с. 50].

Известны поминальные сооружения такого типа и на территории Тянь-Шаня [Табалдиев, 1996, с. 71-72] и Семиречья [Досымбаева, 2006, с. 28-29; Маргулан, 2003, рис. 40, 41, 62, 96, 99; Ермоленко, 2004, с. 30, рис. 8]. Особенностями поминальных сооружений с Тянь-Шаня и Семиречья является установка изваяний с западной стороны, вкопанной стелы в центре оградки, отсутствие балбалов. Раннюю датировку подобных поминальных

сооружений подтверждают находки в них предметов поясной или уздечной гарнитуры в геральдическом стиле, а также сопровождение их лицевыми изваяниями [Табалдиев, 1996, рис. 31,32; Досымбаева, 2006, с. 97, рис. 8,9,26].

Как правило, оградки кудыргинского типа объединяет также их расположение в ряд и ориентация цепочки по линии С-Ю. Именно такое взаимо-расположение, а также наличие мужских и женских изваяний [Табалдиев, 1996, с. 72-73; Досымбаева, 2006, с. 29] наводит на мысль о том, что подобные памятники имеют семейный характер.

Редко встречаемой или не всегда фиксируемой археологами особенностью исследованных оградок является наличие больших зольных пятен с углами и пережженными костями животных за пределами западной стены. Подобное было зафиксировано только у некоторых поминальных сооружений в Казахстане [Ермоленко, 2004, с. 30, рис. 8].

Несмотря на почти полное отсутствие находок, исследованные поминальные сооружения в урочище Ак-Кообы следуют отнести к раннему периоду истории древних тюрок – VI-VII вв. В пользу этого свидетельствуют находки в коллективных или смежных оградках Алтая, Тянь-Шаня и Семиречья. Проведение радиоуглеродного анализа угля и костей животных из ак-кообинских поминальных оградок, вероятно, подтвердит эту датировку. Дальнейшее исследование разнотипных поминальных сооружений на территории Алтая позволит в будущем более обоснованно судить об их хронологии и назначении.

Список литературы

- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М.-Л.: Наука, 1965. - 144 с.
- Досымбаева А.М.** Западный тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы: Тюркское наследие, 2006. – 168 с.
- Ермоленко Л.Н.** Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). - Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 132 с.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. - 230 с.
- Кубарев В.Д.** Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. - С. 135-161.
- Маргулан А.Х.** Каменные изваяния Улытау. Сочинения. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – т. 3-4. - С. 21-46.
- Табалдиев К. Ш.** Курганы средневековых кочевых племён Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ

В 2008 г. начаты исследования по новому международному проекту: «Иконография образов наскального искусства и проблема происхождения сибирского шаманства». Он разработан учеными университета им. Адама Мицкевича (г. Познань, Польша) совместно с археологами ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск, Россия) в результате публикации новых материалов на избранную тему [Kubarev V.D., 2002] и проведения предварительных полевых работ [Kubarev G.V., Rozwadowski, Kubarev V.D., 2004].

Основной целью научно-исследовательских работ полевого сезона 2008 года являлось изучение наскальных изображений на открытых ранее местонахождениях петроглифов Алтая. В частности обследовались основные и самые крупные местонахождения наскальных изображений Калбак-Таш I, Калбак-Таш II, Туру-Алты, Жалгыз-Тобе, Курман-Тау, Кургак, Мешельдык, Чаганка, Елангаш и т. д.

Первым пунктом нашего маршрута был выбран уникальный древний комплекс, расположенный в долине р. Барбургазы. Эта небольшая горная река, – восточный исток р. Чуи, берет свое начало в отрогах Сайлюгемского хребта, по которому проходит граница между Алтаем, Монголией и Тувой. Петроглифы сконцентрированы вокруг самой высокой и скалистой вершины, с которой открывается панорама высочайших заснеженных гор. Эта местность носит название Туру-Алты. В ней и сосредоточены самые разнообразные памятники всех исторических эпох: палеолитические стоянки, керексыры и курганы эпохи бронзы, раннего железа и средневековья; культовые выкладки, стелы с тамгами и руническими надписями, курганы древних кочевников; разновременные наскальные рисунки, ламаистские обо, каменные изваяния и погребения этнографического времени, некоторые объекты были исследованы и опубликованы в прошлые годы [Кубарев В.Д., 1979; 1984; 1992; Кубарев Г.В., 2005, табл. 70-96 и т.д.]. Значительная часть рисунков Барбургазы датируется эпохой бронзы, раннескифским и скифским временем. Почти отсутствуют, за редким исключением, древнетюркские граффити и этнографические рисунки. Отдельные рисунки и композиции опубликованы [Кубарев В.Д., 1979, табл. XI; Кубарев В.Д., Маточкин, 1992, с. 54; Кубарев В.Д., Якобсон, Цэвэндорж, 2000; Шер, Франкфор, Кубарев В.Д., 1995; и т.д.], но основная часть петроглифического комплекса остается неизданной и требует проведения более тщательных исследований.

Рис. 1. Петроглифы Шын-Оозы (раннескифский период). Алтай.

Вершину хребта Туру-Алты венчает невысокая скала, на южной стороне которой нанесено около ста различных изображений. Среди них выделяются размерами (более 1м) две крупные фигуры оленей, датируемых по аналогии с оленными камнями раннескифским периодом (VIII-VI вв. до н.э.). Это своеобразный “оленний алтарь”, у основания которого сланцевыми плитами выложена обширная платформа.

Второй памятник наскального искусства обследован сотрудниками отряда в бассейне р. Чаган, в 10–15 км вверх по течению от с. Бельтыр. Ранновременный комплекс петроглифов (координаты: 88°04' в.д., 49°54' с.ш., высота 2049 м над ур. моря) открыт в 1981 году Е.А. Окладниковой [1988]. В настоящее время изучение этого малоизвестного памятника и других местонахождений продолжает Д.В. Черемисин [2003; 2004; 2006]. К сожалению, отсутствие полевых отчетов о проведенных работах, а также отсутствие планов расположения петроглифов в опубликованных статьях, затрудняют поиск рисунков и обесценивают результаты работ выше указанных авторов. Тем не менее, отдельные рисунки на скалах Шын-Оозы (Шын-Оозы) нам удалось разыскать и зафиксировать (рис. 2). Найдены и новые петроглифы, выполненные в декоративном стиле и, возможно, датируемые раннескифским временем (рис. 1)

Третий изобразительный памятник находится в юго-западной части Чуйской котловины, в верховьях реки Елангаш (лев. приток р. Чуи). Его координаты: 88°05' в.д. и 49°51' с.ш. Высота над ур. моря 2515 м. Долину Елангаша можно считать археологической заповедной зоной. Комплекс сформировался на протяжении многих веков, испытывая воздействие самых различных культур. Хотя в Елангаше нет таких древних петроглифов, как те, что были найдены в Калбак-Таше, но зато этот памятник отличается от других чрезвычайно большой плотностью рисунков. Петроглифы скон-

Рис. 2. Петроглифы Шын-Оозы (древнетюркская эпоха). Алтай.

центрированы на огромных каменных возвышениях, над которыми нависают еще более массивные хребты, лишенные леса.

Обследование показало, что до сих пор, алтайские петроглифы остаются малоизученными, а изобразительные материалы многих памятников не опубликованы. Назрела необходимость и в создании более полной археологической карты памятников наскального искусства Алтая. Поэтому актуальной задачей сегодня остается повсеместное изучение и копирование сохранившихся петроглифов, интенсивно разрушающихся на наших глазах.

Список литературы

- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992 – 123 с.
- Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвээндорж Д. Алтай – Заповедная Зона // Международная конференция по первобытному искусству. – Труды. – Кемерово: Кем. ГУ, 2000. – Том II. – С. 64–77.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сб. МАЭ. – Л.: Наука, 1988. – Вып. XLII. – С. 140–158.

Черемисин Д.В. Наскальная композиция с изображением колесницы и «танцоров» из Чаганки (Кара-Оюк), Алтай // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 57–63.

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 39–50.

Черемисин Д.В. К дискуссии об информативности петроглифов и методах их изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3. – С. 89–100.

Шер Я.А., Франкфор А.П., Кубарев В.Д. Обследование петроглифов Алтая // АО 1994 года. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 315.

Kubarev V.D. Traces of shamanic motives in the petroglyphs and burial paintings of the Gorno-Altai // Spirits and Stones: Shamanism and Rock Art in Central Asia and Siberia. – Poznan: Instytut Wschodni UAM. – 2002. – С. 99 – 119.

Kubarev G.V., Rozwadowski A., Kubarev V.D. Recent rock art research in the Altai mountains (Russia) // International newsletter on rock art. Paris, 2004. – С. 6 – 12.

*В.Е. Ларичев, Е.Г. Гиенко, С.А. Паршиков,
С.А. Прокопьева*

**ПЕРВЫЙ СУНДУК – МИРОВАЯ ГОРА,
ДОСТИГАЮЩАЯ ВЫСОТЫ СОЛНЦА (К МЕТОДИКЕ
ВЫЯВЛЕНИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАЗМЕЩЕНИЯ
В КУЛЬТУРНО ОБУСТРОЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ
САКРАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ)**

При изучении святилища с наскальными изображениями возникает задача выяснения причин, которые предопределяли выбор места для его устроения. Мы ставим перед собой своеобразную цель – отыскать принципы выбора местоположений храмовых комплексов, а также иных, сакрального статуса объектов (могильных полей, менгиров, «жертвенных площадок», «поминальных плит» и т. п.). За три десятилетия изучения такого рода памятников в местности Сундуки, год от года все более усиливалось впечатление о заранее строго продуманном рассредоточении их в предгорьях Кузнецкого Алатау. Подтвердим это «впечатление» взаимосвязью двух объектов, отдаленных друг от друга на несколько километров – Первого Сундука (рис. 1) и Солбона (гора Венеры; рис. 2), а также связанных с ними астроархеологического характера памятниках: астросвятилищ Сундука и плиты с изображением астрального божества эпохи палеометалла (рис. 3).

Методические установки изыскания. При открытии археологом плиты с выбитой на ее обращенной в сторону юго-востока плоскости антровер-

Рис. 1. Первый Сундук. Вид с востока. Фото С.А. Паршикова.

Рис. 2. Гора Солбон (Венеры). Над скальной вершиной ее установлена плита с антропоморфным изображением. Вид с северо-востока. Фото С.А. Паршикова.

Рис. 3. Плита на горе Солбон – указатель местоположения наблюдателя юго-восточной части горизонта и вершины Первого Сундука.

поморфной фигурой (окунево или тагар?), было обращено внимание на то, что примерно в той же части горизонта располагается Первый Сундук с кубовидной скальной вершиной, как бы указующей на некую точку самой дальней кромки гор – линии совмещения купола небосвода и поверхности Земли. Интриговало также точное совпадение по высоте верхней кромки скальной вершины Сундука и кромки дальнего горизонта (т. н. нулевой уровень). Возникла идея взаимосвязи плиты с выбитым изображением, как преднамеренно выбранном месте должного размещения наблюдателя юго-восточного сектора горизонта и вершины Первого Сундука, как природного визира, определяющего направление взгляда этого наблюдателя на особо значимую точку, где, допустим, следовало ожидать некое астрономическое явление, например, восход зимнего Солнца, или летней полной Луны (рис. 4).

Гипотеза археолога требовала соответствующей строгости проверки специалистов по геодезии и астрономии, что и было исполнено.

Источники – плита с зоантропоморфным изображением и Первый Сундук. Их археолого-мифологическая, геодезическая и астрономическая значимость. Крупную, не очень массивную, но тяжеловесную, трапецивидных очертаний плиту установили на относительно ровной площадке, размещенной над скальным обрывом и перед началом крутого склона, расположенного выше (рис. 3). Ее, видимо, отделили от одного из скальных останцов той же площадки и глубоко (для прочной устойчивости) врыли в землю, ориентируя плоскости строго вертикально к поверхности земли. Покатые концы плиты ориентированы на горизонт под углом 17° к западу от направления на астрономический север, отчего в полдень начала лета вся лицевая плоскость с рисунком погружалась в тень, чет-

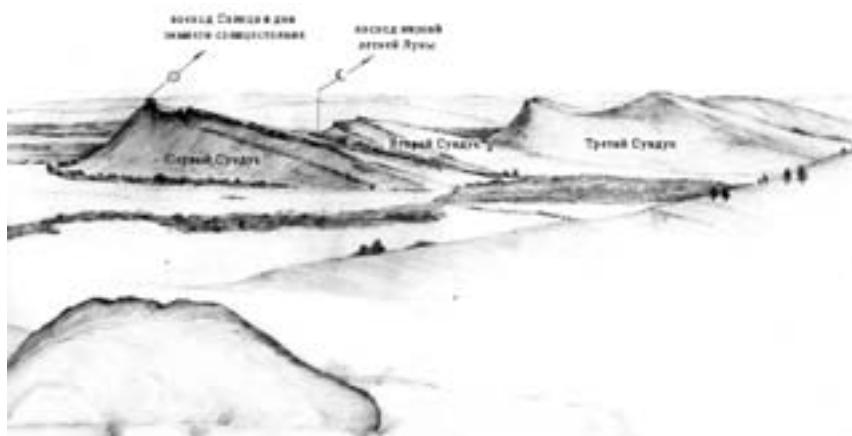

Рис. 4. Панорама юго-восточной части горизонта в районе Сундуков. Вид с северо-запада, от горы Солбон. Рисунок С.Н. Кривокорытовой.

ко определяя тем самым наступление столь знаменательного момента суток (зимой погружение в тень наступало до полудня из-за низкого прохождения Солнца над горизонтом). Зоантропоморфный, странного обличья персонаж изображен *шагающим в направлении юга*, а плоскость плиты с этой фигурой развернута в ту сторону, где на юго – юго-востоке возвышаются Сундуки и куда смещается Солнце после осеннего равноденствия и где ближе всего к югу наблюдаются восходы полной Луны в летние месяцы (рис.4). Плоскость плиты обращена в направление 253° , а азимут на Первый Сундук составляет 303° (ориентировка начального направления плоскости плиты на дальний горизонт определена с точностью около 1° из-за малого размера ее и геометрически неправильных очертаний).

Первый Сундук – самая выдающаяся по значимости гора всей гряды Сундуков (рис. 1). Определяется это тремя, по меньшей мере, обстоятельствами:

1 – характерными деталями рельефа и специфическими особенностями окружающей местности (она, на удивление, точно соответствует признакам Мировой горы индоарийского жречества) [Ларичев, 2004].

2 – гора видима от каждого высоко значимого памятника Июсской котловины, стержневая ось которой, как и гряда Сундуков, ориентирована меридионально – север → юг;

3 – западный склон Первого Сундука, оконтуренный валом из плит, плотно насыщен памятниками, структуры которых предназначались в эпоху палеометалла для *отслеживания восходов и заходов Солнца и Луны, а также первого весеннего восхода Арктура* (созвездие Волопас), «Сириуса северных стран» (сведения об этом опубликованы).

Согласно космогоническому мифу, один из главных признаков этой горы – *необычная высота ее, достигающая эклиптики, дороги Солнца в небесном пространстве*. Подтвердим, что и этому признаку в полной мере соответствует Первый Сундук при наблюдениях восходов Солнца в дни начала астрономической зимы, при наблюдениях от плиты, установленной на горе Солбон.

Календарно-астрономическое обоснование идеи археолога. Она подтверждается результатами должной направленности геодезических и астрономических исследований. На участке установки плиты был сначала произведен комплекс необходимых изысканий: с помощью навигационного спутникового приемника определены географические координаты объекта; установлена ориентировка плиты по астрономическим азимутам с точностью около 1° ; осуществлена теодолитная съемка прилегающей к плите местности и, наконец, главное – вычислены склонения суточных параллелей, проходящих через характерные точки северо-восточной части горизонта.

Астрономический контекст плиты свелся к следующему:

1 – примечательные, с астрономической точки зрения, детали рельефа и связанные с преднамеренной деятельностью человека сооружения, терри-

ториально близкие плиты, не замечены. Грядя же Сундуков располагается очень далеко – в нескольких километрах от точки наблюдения юго-востока, определяемого плитой. В частности, прямоугольная вершина Первого Сундука удалена от нее на 3,2 км, а лицевой плоскостью она ориентирована в сторону р. Черной, притока Белого Июса. То и другое, кажется, делало бессмысленной затею увязать в единое целое оба объекта – плиту и Первый Сундук;

2 – но место установки плиты сразу же окажется не случайным, когда заметишь факт чрезвычайно примечательный – она, плита эта, находится *на нулевом уровне*, т. е. *на одной высоте с верхней кромкой вершины Первого Сундука и дальнего горизонта* (см. рис. 4);

3 – большое расстояние и расположение объекта наблюдения, верхней кромки вершины, прямо на линии горизонта затрудняют решение весьма сложной, сугубо астрономической проблемы – необходимости учета рефракции, если в том месте, допустим, ожидался восход Солнца. Ведь формальный подход в этом вопросе может привести к погрешности в определении направлений и, следовательно, в результатах вычисляемых склонений (ошибка может достигать нескольких градусов, что недопустимо при стремлении получить безусловно достоверные результаты). Именно по этой причине при осуществлении расчетов рефракции вблизи дальнего горизонта астрономы использовали специальные таблицы.

Основной результат астрономических вычислений оказался вдохновляющим – при наблюдениях от плиты с зоантропоморфом склонения суточных параллелей, проходящих через две крайние, левую и правую, точки верхней кромки вершины Первого Сундука и рассчитанных для верхнего края диска Солнца, равны $23^{\circ} 43'$ и $23^{\circ} 56'$. А это означало вот что: *в день зимнего солнцестояния наблюдатель времени 2000 – 500 гг. до н. э. мог видеть явление поразительное – Солнце в начале последней декады декабря восходило прямо над вершиной Первого Сундука. Видел он также и не менее существенное и вызывающее подлинное изумление – ширина вершины, составляющая 16 угловых минут, соответствовала, с разницей в секунды, видимому радиусу восходящего Солнца!*

Это означает следующее:

1 – выбор места размещения плиты на горе Солбон определялся не только стремлением, чтобы верхняя кромка вершины Первого Сундука находилась на одной высоте с кромкой дальнего горизонта, но также *желанием, чтобы угловая ширина этой вершины была равна радиусу дневного светила* (удачное совпадение). Согласно расчетам, плита могла размещаться на площадке в пределах 15 м, примерно 7,5 м влево и вправо от центра реального ее размещения. Сама же площадка на горе Солбон выбиралась так, чтобы она была одной высоты с Первым Сундуком. Оба эти условия древние астрономы выполнили;

2 – замеченное совпадение позволяло древним астрономам *точно фиксировать момент, когда трехдневное солнцестояние оканчивалось и Солн-*

*нце «произвело зимний солнцеворот», т. е. чуть-чуть смешалось во время восхода к северу от вершины Первого Сундука. Нужно отдать должное разработчикам уникальной программы наблюдения – *остроумнее решить такой тонкости задачу, не имея телескопа, невозможно.**

Мифологический контекст восхода Солнца в дни зимнего солнцестояния над скальной вершиной Первого Сундука. Реконструкция такого плана, сакральной по своей сути информации включает следующие моменты:

1 – Солнце в течение трех дней солнцестояния, т. е. восхода примерно, на глазок, в одной и той же точке горизонта, связанной с кубовидной вершиной Первого Сундука, как бы находилось внутри нее ночью, а затем «исходило» наружу, «порождалось» ею утром при восходе. Там «потерявшее силы» дневное светило (оно проходило в декабре над югом на наименьшей в течение года высоте) как бы «набиралось сил», необходимых для «возрождения», т. е. для свершения солнцеворота, обретения вновь способности к движению, на сей раз – в обратную сторону, на север, к точке восхода на небесном экваторе в день весеннего равноденствия и начала возрождения всей земной природы;

2 – выход Солнца из вершины Первого Сундука есть факт исключительной важности, ибо он свидетельствует о том, что эта гора в самом деле достигала высоты Неба на юге, когда дневное светило зимой в наибольшей мере сближалось с поверхностью Земли. Это чисто мифологического разряда соображение следует воспринимать *сильным аргументом оправданности восприятия Первого Сундука Мировой горой*, «Первозданной землей», местом обитания величайших богов, первых людей, животных и растений.

Краткие итоги поиска. Астроархеологического характера сюжет, который увязал воедино два далеко отстоящих друг от друга природных и культурных объекта, призван наглядно продемонстрировать, что могло определять выбор мест размещения сакральных памятников. Изложенное призывает археологов-искусствоведов не ограничивать свой труд лишь копированием рисунков, а рассматривать местоположение их с учетом памятников, отстоящих от святилищ на многие километры. Опыт изучения наскальных изображений астроархеологами заслуживает освоения, особенно в части использования неординарной методики, определяемой сотрудничеством с геодезистами и астрономами.

Список литературы

Ларичев В.Е. Миф о Мировой горе в мировоззрении жречества эпохи палеометалла юга Сибири (Первый Сундук – астрономическая обсерватория и астросвятилище времен окуневской культуры Хакасии) // Материалы пленарного заседания международной научно-практической конференции «История цивилизации и духовной культуры кочевников». – Павлодар: Изд-во Павл. пед. ун-та, 2004. – С. 36 – 39.

**ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ
ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА
В ХАКАСИИ И НА ЮГЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
В 2008 ГОДУ**

В полевой сезон 2008 г. автором были продолжены работы по документированию памятников наскального искусства на территории Республики Хакасия и юге Красноярского края. В зависимости от степени изученности каждого памятника в задачи работ входили: разведки и определение границ местонахождений, замеры координат, составление ситуационных планов, индексация, фотофиксация, составление фотопанорам, описание, копирование различными способами, удаление лишайников, документирование повреждений.

Работа экспедиции началась с памятников, расположенных у оз. Сульфатное (Орджоникидзевский р-н Республики Хакасия). С северо-западной стороны озера протянулась грязда Сульфатных (Сульфатских) гор, в юго-западной части которой находится знаменитая Сулекская писаница, а также писаницы на горах Соляная и Озерная. На горе в нескольких километрах к северо-востоку имеется еще одно скопление петроглифов, более крупное, но пока в литературе никак не отмеченное. Информацией о нем мы обязаны Н.В. Леонтьеву, за что выражаем ему глубокую благодарность. Исследования на памятнике Сульфатные горы нами были начаты в 2006 г., продолжены в 2007 и 2008 гг. Всего здесь зафиксировано 70 плоскостей, многие из которых представляют собой разновременные многофигурные композиции. Техника выполнения рисунков: выбивка, гравировка, прошлифовка. Наибольший интерес представляют окуневские гравированные изображения и фигуры оленей в аркано-майэмирском стиле (рис. 1, I). Представлены также карасуские изображения лошадей и всадников, тагарские олени с подогнутыми ногами, разновременные антропоморфные фигуры, в том числе уникальный «человек-птица», таштыкские воины и охотники, фигуры различных животных, многочисленные хакасские тамги. Некоторые рисунки настолько своеобразны, что не находят аналогий в известных материалах и атрибуция их пока остается под вопросом.

Другой памятник наскального искусства Хакасии, на котором проводились исследования, – сопка Юнзырах в логу Хабалыг-Хол к западу от дер. Нижняя Тёя (Аскизский р-н). Местонахождение петроглифов здесь было впервые обнаружено в 2006 г. этнографом Хакасского Республиканского краеведческого музея А. Бурнаковым. Документирование было нами начато в 2007 г., а в 2008 г. завершено. Всего здесь зафиксировано

1

2

3

Рис. 1. Петроглифы Сульфатных гор (1, 2) и Суханихи (3).
2 – микалентная копия.

18 плоскостей, изображения на которых выполнены выбивкой и гравировкой; обнаружены также едва заметные рисунки, выполненные в технике т. н. «протира», или прошлифовки, хорошо известной по рисункам Шишкинской писаницы на р. Лена. «Техника выполнения курыканских писаниц в Шишкино обычно всегда одна и та же, для этого брали камень или другой какой-либо твердый предмет и терли им по гладкой поверхности песчаника, потемневшей от времени. В результате на темной плоскости скалы появлялось резко выделяющееся пятно» [Окладников, Запорожская, 1959, с. 109]. Подобные изображения на скалах в Минусинской котловине почти неизвестны, однако связано это, видимо с тем, что такие рисунки, потемневшие со временем и слившись со скальным фоном, практически не фиксируются исследователями. Не были они замечены и нами при первом осмотре памятника у Нижней Тei. Но позднее, при удачном закатном косом освещении проявились контуры прошлифованной фигуры лошади на плоскости № 6. После этого прошлифованные рисунки были выявлены еще на нескольких плоскостях. Документирование подобных изображений – очень трудная задача; мы прибегли к помощи искусственного косого освещения (ночная фотосъемка), но даже это не всегда помогает восстановить контуры рисунков, выполненных в технике «протира». Зато для документирования гравировок методочной фотосъемки при искусственном косом освещении оказался очень эффективным. Так была зафиксирована интереснейшая таштыкская композиция, состоящая из нескольких резных фигур животных и людей (фрагмент см. на рис. 2, 1), практически неразличимых при дневном освещении. Петроглифы Нижней Тei относятся большей частью к тесинскому времени, но есть и отдельные изображения тагарской и таштыкской культур, эпохи раннего средневековья, этнографической современности. Характерны изображения крупных стилизованных тамгообразных человеческих фигур и знаков, птиц, всадников, бегущих лосей, схематичные фигуры оленей. Одно из изображений «оленя» представляет большой интерес (рис. 2, 2). Это крупная фигура на длинных ногах, с очень маленькой головой и большими ветвистыми рогами. Туловище заполнено орнаментом в виде ячеек. Изображение перекрыто двумя неопределенными фигурами, выполненными более крупной выбивкой. Практически все плоскости этого памятника существенно повреждены лишайниками, поэтому их расчистка с целью выявления точных контуров рисунков являлась одной из важных задач работы этого сезона.

В Минусинском р-не Красноярского края было продолжено исследование петроглифов горы Суханиха на правом берегу Енисея в 12 км выше устья р. Тубы. Основным направлением работ и здесь стало удаление лишайников и выявление скрытых под ними изображений, что позволило уточнить некоторые давно известные композиции и зафиксировать новые. При документировании петроглифов в гроте на береговом склоне была применена ночной фотосъемка. Искусственное косое освещение позво-

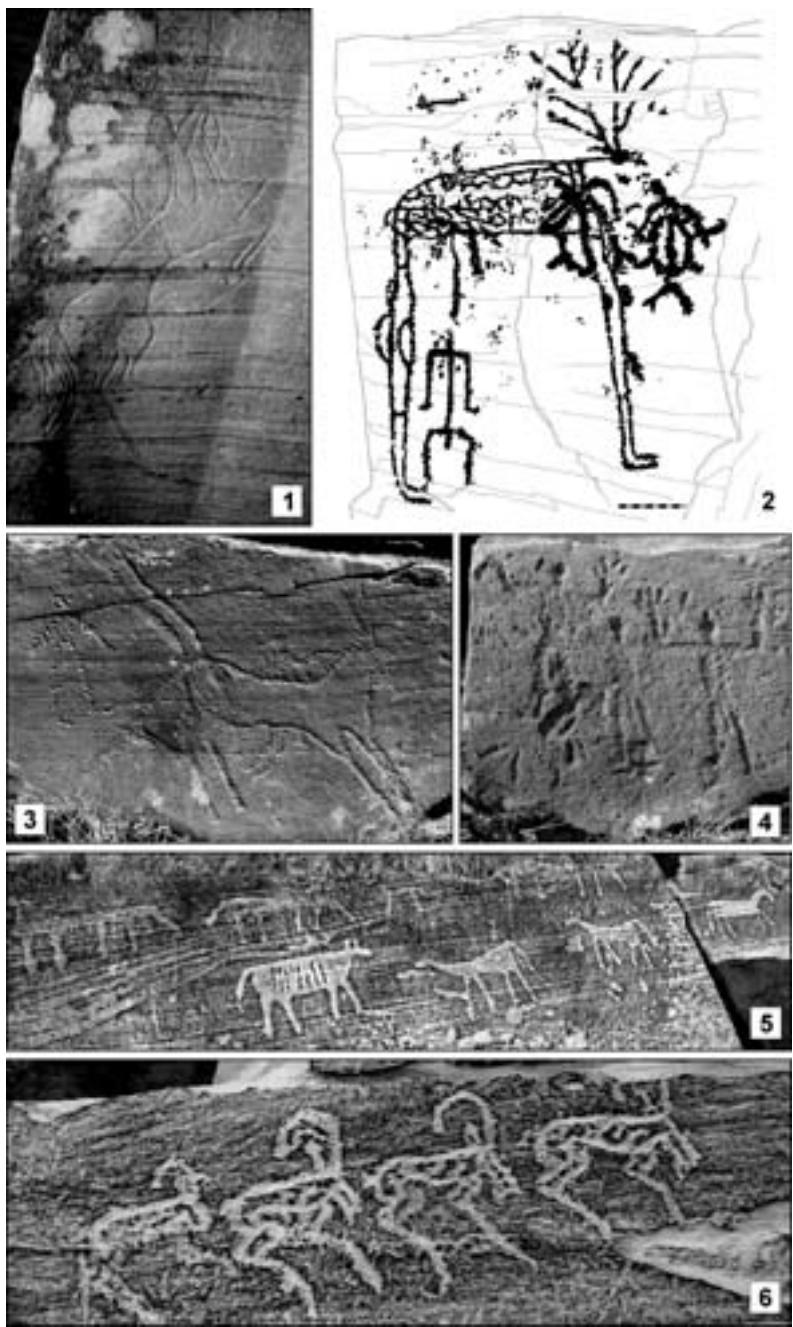

Рис. 2. Петроглифы у с. Нижняя Тея (1, 2), на горах Сосниха (3) и Бычиха (4-6).
5, 6 – микалентные копии.

лило выявить многие семантически значимые детали изображений выбитой на стенке грота многофигурной разновременной композиции. Одной из интереснейших находок стало обнаружение еще одной фигуры бегущей лошади (рис. 1, 3) на т. н. «Большом Фризе» Суханихи. Эта большая (12 м в длину) наскальная композиция известна изображениями бегущих животных, выбитых в разные эпохи, среди которых ранее было зафиксировано три бегущих лошадки, предположительно окуневского времени, и предположительно, диких [Дэвлет, 1982, с. 59; Миклашевич, 2006, с. 194]. Новое изображение находится на скальном блоке, расположенному немного ниже основной плоскости, и скрыто под слоем отложений, накопившихся у подножия фриза. В 2008 г. часть изображения оказалась над поверхностью грунта (возможно, кем-то ранее проводилась расчистка отложений под фризом), что и побудило нас расчистить от земли этот фрагмент скального блока. Изображение одиночное (слева и справа от него на плоскости других фигур нет), выполнено в том же стиле, что и ранее известные фигуры бегущих лошадей и лосей, с перекрещивающимися в размашистом беге ногами, однако отличается более изящным исполнением головы животного и, главное, манерой изображения гривы отдельными линиями (у других суханихинских лошадей грива вообще не изображена). Эта иконографическая деталь ставит обнаруженное изображение в ряд других окуневских лошадей с моделированной гривой: одна на горе Тюря, две – на плитах могильника Лебяжье [Миклашевич, 2006, рис. 1, 2, 5]. К ним же можно теперь отнести и изображение лошади, зафиксированное нами на Сульфатных горах (рис. 1, 2). Способы показа гривы у всех этих изображений разные, что заставляет задуматься, изображены ли здесь дикие лошади, чьи развевающиеся гривы показаны отдельными полосками-прядями, или же это одомашненные (прирученные?) животные с заплетенными или каким-то иным способом обработанными гривами?

На горе Сосниха, последней в цепи Подсуханихских гор, протянувшихся на северо-восток от Суханихи вдоль берега Енисея, документирование петроглифов было завершено ранее, а в 2008 г. проводилось уточнение документации. Здесь выявлено 16 плоскостей с выбитыми и гравированными изображениями, относящимися к карасукской, тагарской, таштыкской культурам, а также фигура быка более раннего времени и хакасские тамги. Была расчищена плоскость № 16, где контуры рисунков лишь слегка прослеживались сквозь плотный слой лишайников, в результате чего выявлено чрезвычайно интересное изображение всадника (рис. 2, 3), вероятно, относящееся к эпохе раннего средневековья. Туловище коня выполнено контурно, остальные детали изображения – силуэтно. За спиной всадника показана верхняя часть изогнутого сложного лука, на голове его – «султанчик», в руках – раздаивающиеся «поводья» (?). Под брюхом коня показана одна нога всадника, а также две параллельные дугообразные линии, вероятно передающие какие-то свисающие вниз и развевающиеся при беге детали украшения. Точно такие же линии на аналогичном изображении всад-

ника на коне ранее были встречены на той же Соснихе (плоскость № 13), но в других наскальных рисунках нам неизвестны.

Наиболее впечатляющие результаты по расчистке петроглифов от лишайников были достигнуты на памятнике Бычиха, расположенным на правом берегу р. Сыда, правого притока Енисея (Краснотуранский р-н Красноярского края). Документирование памятника, начатое уже довольно давно [Пяткин, Черняева, 1986], было в целом завершено несколько лет назад [Советова, Миклашевич, 1999, с. 52; Miklashevich, 2008, р. 149], тем не менее, оказалось, что многие скальные поверхности, сплошь затянутые лишайниками, таят еще множество интереснейших рисунков. Расчистка плоскостей, целенаправленно предпринятая нами в 2008 г., позволила не просто уточнить детали многих изображений, но и выявить новые, ранее совершенно неизвестные композиции, увеличив практически на треть источниковый фонд петроглифов Бычихи (рис. 2, 4-6).

Список литературы

- Дэвлет М.А.** Бегущие звери на скалах горы Суханиха на Среднем Енисее // Краткие сообщения института археологии. – 1982. – Вып. 169. – С. 53-60.
- Миклашевич Е.А.** Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. – Санкт-Петербург: «Элексис Принт», 2006. – С. 191-211.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. – М–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 144 с. Табл.
- Пяткин Б.Н., Черняева О.С.** Новые петроглифы горы Бычихи (р. Сыда) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1986. – С. 85-88.
- Советова О.С., Миклашевич Е.А.** Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петрографического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово, 1999. – С. 47-73.
- Miklashevich E.A.** Rock Art Research in Siberia and Central Asia, 2000-2004 // Rock Art Studies: News of the World III. – Oxford: Oxbow Books, 2008. – P. 138-178.

ТЕРИОФАУНА ПОЗДНЕГО ГОЛОЦЕНА ЦЕНТРАЛЬНОГО АЛТАЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РИТУАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА КУЧЕРЛА-1 (КУЙЛЮ)*

Памятник Кучерла-1 (Куйлю) является уникальным комплексом, сочетающим в себе наскальные изображения и частично перекрывающие их разновозрастные культурные слои, содержащие специфический набор культурных остатков, огромное количество костей животных, а также каменные выкладки и остатки кострищ [Деревянко, Молодин, 1991]. В результате ритуально-культовой деятельности человека здесь происходило непрерывное накопление культурных слоёв, начиная с афанасьевского времени – с конца IV – середины II тыс. до н.э. и до этнографической современности – вплоть до 40-45 гг. XX века [Деревянко, Молодин, 1991]. Наиболее насыщенными фаунистическими остатками оказались слой 2, относящийся к средневековью, и слой 3 – скифо-сарматский (VII-VI вв.до н.э. – I-II вв. н.э.). Охватывающий этнографическое время слой 1 и афанасьевские слои 4-6 содержат чуть более 1800 костных остатков каждый (табл. 1).

Подавляющее большинство остеологических остатков, попавших в слои памятника, представляют собой, без сомнения, кухонные отбросы, в связи с чем фрагментарность материала довольно высока: к числу определимых относится чуть более 10 тыс. (19,1%) костных остатков. Из крупных трубчатых костей целиком сохранились лишь несколько экземпляров: это целые пястные кости коровы и овцы, пястная и две лучевые кости марала. Все они происходят из наиболее насыщенного слоя 3. Большая часть первых и вторых фаланг лошадей, коров и маралов, которые весьма часто сохраняются целиком в слоях поселений, здесь также оказалась разбита для извлечения костного мозга. Неповреждёнными остались, как правило, наиболее прочные и компактные элементы скелета: астрагалы, пятончные, центральнокубовидные, кости запястья и заплюсны. Часть видов, чьи остатки зафиксированы в тафоценозе – таких как крот, пищуха, суслик, водяная полёвка, бурундук, и, возможно, какая-то часть костей птиц, попала в культурные слои без участия человека, скорее всего с погадками хищных птиц – филинов и сов.

На некоторых костях (преимущественно это дистальные отделы метаподий и астрагалы крупных копытных) встречаются характерные следы

*Исследование проводилось при поддержке грантов: «Интеграция» СО РАН № 2; РФФИ № 06-04-49232.

утилизации, в виде их затёртости до субовальной формы, что наблюдается и в голоценовых слоях других памятников, таких как Денисова и Каминная пещеры [Васильев, Гребнев, 1994]. Присутствуют все элементы скелета крупных млекопитающих, включая обломки черепа, нижних челюстей, костей конечностей и многочисленные изолированные зубы. Остатки осевого посткраниального скелета – позвонки и тазовые кости гораздо менее представлены в тафоценозе. Объясняется это, вероятно, тем, что к месту прирастания охотниками доставлялись, прежде всего, наиболее ценные в пищевом отношении части туш таких крупных копытных, как маралы. Другое объяснение может заключаться в том, что менее габаритные и компактные позвонки и тазовые кости в силу их конфигурации и размеров, имели гораздо меньше шансов попасть («втотяться») в культурный слой, и так или иначе выпадали из слоя – растаскивались хищниками, отбрасывались за пределы площадки самим человеком. Следов многочисленных погрызов костей собаками, что нередко наблюдается в слоях поселенческих комплексов, почти не зафиксировано: встречаются лишь единичные экземпляры с подобными повреждениями. Вероятно, что состав мясной пищи от определённых частей туш был обусловлен спецификой ритуальных действий, или правилами самих мистерий.

Соотношение видов диких (охотничьи-промышленных) и домашних животных по числу костных остатков по слоям 1-3 изменяется сравнительно мало. Так, в слое 1 количество костей домашних животных составляет 48,8%, слое 2 – 53,1%, слое 3 - 56,5%. В афанасьевских слоях 4-6 доля костей домашних животных заметно сокращается – до 34,5%. В целом по слоям остатки домашних животных незначительно преобладают (54%) над охотничьими-промышленными видами.

Лошадь. Доля её костей от числа остатков домашних животных составляет для 1 слоя 20,4%, существенно возрастает – до 34,5% - в средневековом слое 2, вновь заметно уменьшается в слое 3 – 22,9%, и несколько увеличивается в афанасьевских 4-6 слоях – до 24,9%.

Корова. Удельный вес остатков крупного рогатого скота возрастает от 1 слоя к 3-му (5,8; 7,8; 12,8%), сокращаясь в афанасьевское время до 8,2%.

Овцы-козы. Остатки мелкого рогатого скота составляют соответственно 73,2; 56,6; 61,9; 62,3% в слоях памятника, заметно преобладая лишь в слое 1.

Верблюд. Фрагмент нижней челюсти с M_3 , обнаружен в слое 1, изолированный зуб нижней челюсти – в слое 2. Указанные остатки, без сомнения, принадлежат домашней форме, и могут указывать на существование связей со Средней или Центральной Азией в этнографическое время и средневековье.

Собака. Остатки этого вида немногочисленны. Два изолированных зуба найдены в слое 2. В слое 3 обнаружено 12 костей (0,4% от числа домашних животных), в том числе целый осевой череп, 3 ветви нижней челюсти, 5 фрагментов костей посткраниального скелета минимум от 2 особей.

Свинья. Дикая и домашняя форма хорошо различаются по особенностям строения черепа. Разделение кабана и домашней свиньи на основе костей посткраниального скелета возможно лишь исходя из их размеров [Громова, 1948]. Все костные остатки из Кучерлы, принадлежащие взрослым животным по своим размерам оказались сходными с домашней формой. Представлены фрагменты всех частей краниального и посткраниального скелета. Доля остатков свиньи постепенно возрастает (0,3; 0,9; 2,0; 4,6%) к слоям афанасьевского времени.

Человек. Обломок плюсневой кости отмечен в слое 3.

Бобр. Фрагмент верхнего отдела берцовой кости найден в слое 3. В верхнем плейстоцене-голоцене бобр на Алтае был распространён практически повсеместно. Его остатки, в частности отмечены в голоценовых слоях Денисовой пещеры [Васильев, Гребнев, 1994]. Бобр был окончательно истреблён на Алтае в течении XIX века [Собанский, 1988].

Остатки волка встречаются вдвое чаще, чем собаки. Представлены ветви нижней челюсти, обломки черепа и костей посткраниального скелета, изолированные зубы.

Предположительно красному волку принадлежит изолированный клык из слоя 3.

Кости лисицы обнаружены в слоях 1 (астрагал с просверленным отверстием) и 2-м – правая и левая ветви нижней челюсти, обломок верхней челюсти, лопатки, 2 грудных и 1 шейный позвонки.

Обломки верхней челюсти и метаподии рыси отмечены в слое 2. В 3 слое обнаружено 13 костей, включая обломки верхней, нижней челюсти и посткраниального скелета.

Остатки соболя отмечены во всех слоях памятника. Из 45 зарегистрированных костей 20 составляют ветви нижней челюсти, принадлежащие как минимум 12 особям.

Кости росомахи (слои 3 и 4) включают по 2 обломка черепа, верхней челюсти, 4 ветви нижней челюсти, изолированные зубы, кости посткраниального скелета, большинство из которых сохранилось целиком.

От барсука найден дистальный отдел плечевой кости (слой 2), неполные нижняя челюсть и плечевая кость (слой 3).

Выдра представлена единственной лучевой костью из афанасьевских слоёв 4-6.

Кости бурого медведя присутствуют во всех слоях памятника. Среди остатков охотничьё-промышленных видов медведь занимает 4 место после марала, косули и сибирского горного козла. Отмечены все элементы скелета – обломки черепа, нижних челюстей, изолированные зубы, фрагменты посткраниума от взрослых и молодых особей.

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков из ритуального памятника Кучерла-1

Таксоны	сл. 1	сл. 2	сл.3	сл. 4-6	б/сл.	всего
Человек	-	-	1/1*	-	-	1/1
Собака	-	2/1	12/2	-	-	14/3
Свинья	1/1	14/2	60/7	13/2	-	88/12
Лошадь	77/3	560/8	690/13	70/3	35/2	1432/29
Корова	22/2	127/7	384/22	23/2	17/1	573/34
Овца-коза	276/34	917/62	1861/198	175/11	6/1	3236/305
Верблюд	1/1	1/1	-	-	-	2/2
Крот	-	3/2	3/1	1/1	-	7/4
Заяц-беляк	7/1	7/3	15/4	2/1	-	31/9
Пищуха	-	-	7/7	3/2	-	10/9
Белка-летяга	-	-	1/1	-	-	1/1
Белка	-	7/2	-	2/1	-	9/3
Бурундук	-	-	-	2/1	-	2/1
Суслик	-	-	2/1	-	-	2/1
Сурок	1/1	6/2	21/3	2/1	-	30/7
Бобр	-	-	1/1	-	-	1/1
Полёвки	-	3/3	1/1	2/2	-	6/6
Водяная полёвка	-	15/6	37/17	9/6	9/2	70/31
Волк	-	6/1	23/2	5/1	1/1	35/4
Лисица	1/1	8/1	-	-	-	9/2
Красный волк	-	-	1/1	-	-	1/1
Медведь	5/1	22/1	66/6	11/1	1/1	105/9
Соболь	1/1	11/4	26/5	5/2	2/1	45/12
Росомаха	-	-	15/2	4/2	2/1	21/4
Барсук	-	1/1	2/1	-	-	3/2
Выдра	-	-	-	1/1	-	1/1
Рысь	-	1/1	13/2	-	-	14/3
Кабарга	7/1	28/2	34/6	16/4	2/1	87/13
Марал	300/14	915/32	1511/30	171/5	90/3	2987/84
Косуля	61/4	386/22	444/32	48/4	12/1	951/46
Горный козёл	12/2	26/3	139/11	30/3	-	207/19
Архар	1/1	8/2	8/1	-	-	17/4
Рыбы	-	2	-	1	-	3
Птицы	-	14	18	5	-	37
Неопределенные обломки	1030	15354	24821	1234	199	42638
Всего костных остатков	1803	18444	30217	1835	376	52675

* В числителе – количество костных остатков, в знаменателе – минимальное число особей.

Остатки кабарги – этого типичного горно-таёжного вида, обнаружены во всех слоях, составляя в среднем около 2% от числа зверей охотничьепромысловой группы.

Среди диких млекопитающих по численности остатков косуля уступает только маралу, составляя 23,6%. Промеры нижней челюсти и костей посткраниального скелета косули из Кучерлы уже приводились в одной из статей [Васильев, Гребнев, 1994]. Размеры костей (и тела соответственно) позднеголоценовых и современных косуль, как показало сравнение, практически не изменились.

Марал. Его остатки составляют абсолютное большинство (67,2%) среди охотничьей добычи древнего населения края. Промеры костей скелета *Cervus elaphus sibiricus* из Кучерлы также уже были опубликованы ранее (Васильев, Гребнев, 1994; Васильев, 2005). Как показали материалы Кучерлы, в течение позднего голоцена происходило направленное сокращение размеров тела марала, достигшее своего минимума у его современного (паркового) потомка.

По числу остатков сибирский горный козёл более чем в 10 раз превосходит архара. Подобное соотношение объясняется, очевидно, преобладанием в окрестностях памятника скальных биотопов, наиболее подходящих для обитания *Capra sibirica*. Судя по набору костных остатков, туши горных козлов и архаров доставлялись целиком, однако массивные черепа с рогами почти не имели шансов попасть в культурный слой; от них сохранились лишь более-менее крупные фрагменты роговых стержней, обломки верхней, нижней челюсти и изолированные зубы.

Видовой состав и относительное обилие остатков диких млекопитающих показывают, что на протяжении последних 3-4 тыс. лет состав териофауны центральной части Горного Алтая изменился сравнительно мало. Отмечено присутствие тех же видов горно-таёжных млекопитающих, что и в современную эпоху, за исключением некоторых, исчезнувших здесь под воздействием антропогенного фактора (бобр, архар). Труднее объяснить полное отсутствие остатков лося, нередко встречаемого ныне в районе Кучерлы. Единичные остатки лося зафиксированы также и в голоценовых отложениях Денисовой пещеры [Васильев, Гребнев, 1994]. Между тем, по мнению Г.Г. Собанского [1988], 200-250 лет назад лоси в изобилии водились практически по всей территории Алтая. Возможно, отсутствие лося в Центральном Алтае в конце среднего-позднем голоцене связано с некоторой аридизацией климата и оstepнением ландшафтов, либо с конкурентным вытеснением другими массовыми видами крупных копытных – прежде всего благородным оленем.

Выявленный на памятнике фаунистический набор в значительной степени совпадает с видовым составом изображений животных, зафиксированном на памятнике [Молодин, Ефремова, 2008]. Вместе с тем, отмеченное по костным остаткам таксономическое разнообразие свидетельствует о более широком спектре животных, остатки которых использовались че-

ловеком в обрядовой практике, чем это представлено на скальных изображениях, что следует учитывать при попытке реконструкций ритуальных действий. Кроме того, обилие обломков черепов, рогов и зубов животных, равно как и орнаментированных астрагалов [Молодин, Ефремова, 1998], лишний раз подчёркивает не поселенческий характер памятника, где подобные остатки встречаются, в процентном отношении, в значительно меньшем количестве по отношению ко всему комплексу представленных в культурном слое костей.

Список литературы

- Васильев С.К.** Олени (рода Megaloceros, Cervus, Alces) позднего плейстоцена Новосибирского Приобья. // Faуны Урала и Западной Сибири в плейстоцене и голоцене. - Челябинск: Изд-во «Рифей», 2005. С. 89-112.
- Васильев С.К., Гребнев И.Е.** Faуна млекопитающих голоцена Денисовой пещеры. // Деревянко А.П., Молодин В.И., Денисова пещера. Часть I. – Новосибирск: ВО «Наука», 1994. С. 167-180.
- Громова В.И.** Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1948, № 8. С. 113-123.
- Деревянко А.П., Молодин В.И.** Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла-1 (Горный Алтай). // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. - Барнаул, 1991. С. 3-7.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С.** Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 300-309.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С.** «Молитва в камне». К вопросу об интерпретации наскальных изображений памятника Кучерла-1 (Куйлю) в Горном Алтае. // Тропою тысячелетий: к юбилею М.А. Дэвлет. - Кемерово: Кузбассвязиздат, 2008. С. 35-39.
- Собанский Г.Г.** Промысловые звери Горного Алтая. - Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1988. 160 с.

*В.И. Молодин, Г. Парцингер, Л.Н. Мыльникова,
О.И. Новикова, А.И. Соловьев, А. Наглер,
И.А. Дураков, Л.С.Кобелева*

ТАРТАС-1. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В 2008 г. Западносибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции были продолжены исследования грунтового могильника Тартас-1. Отдельные сюжеты предыдущих раскопок некрополя представлены в целом ряде публикаций [Молодин, Софейков, Дейч и др., 2003; Молодин, Парцингер, Гришин и др., 2005, 2007; Молодин, Чемякина, Дядьков, и др., 2004; Молодин, Новикова, Гришин и др., 2006]. Каждый год полевые исследования этого объекта приносят новые интересные наблюдения, как и новые находки, скорейшее введение которых в научный оборот в высшей степени актуально.

В этом году была вскрыта довольно существенная площадь памятника, составляющая 1350 кв.м., на которой обнаружено и исследовано 55 погребальных и 22 ритуальных комплекса, относящихся к различным культурным группам.

Прежде всего, на раскопанной площади был выявлен могильник одновеской культуры, представленный 7 захоронениям, причем несколько погребений были зафиксированы в одном ряду. Конструкция могил (с оставлением высокой земляной подушки в изголовье), ярусность погребений, поза умершего, наличие вторичных захоронений, наконец, архаичный инвентарь и расположение некрополя в глубине террасы, позволяют сопоставлять данный некрополь с одновременными и однокультурными могильниками Сопка-2, Преображенка-6 [Молодин, 2008]. Планиграфия памятника позволяет ставить вопрос о семантической связи данного некрополя с одновескими конструкциями, обнаруженными в непосредственной близости от могильника [Молодин, Новикова, Гришин и др., 2006, с.425].

Вдоль северного склона террасы продолжается могильник кротовской культуры, сопровождаемый системой ритуальных ям с посудой и остатками пищи. В одной из ям впервые на памятнике обнаружены части скелета грудного ребенка. К числу необычных для данной эпохи находок следует отнести два длинных бронзовых усеченных конуса, обнаруженных в погребении № 254, вставленными один в другой. Оба они свернуты (наподобие кулька) из тонкого раскованного листа бронзы и близки по размерам. Основное различие между этими изделиями прослеживается в оформлении верхней приостренной части. У обоих конусов края листов, образующие вершину, не смыкаются между собой, оставляя здесь сквозное отвер-

тие. В одном случае края листа, образующие его кромку, отогнуты наружу и формируют небольшой валик вокруг отверстия. Последнее имеет правильную округлую форму и напоминает устье плюмажной втулки (рис. 1 б). Вершина второго конуса смята и деформирована. Следы на ней больше всего напоминают те, которые остаются от сильного удара или нажима на твердую поверхность (рис. 1 а). Известной нам аналогией этим изделиям является бронзовый конический предмет, обнаруженный среди мате-

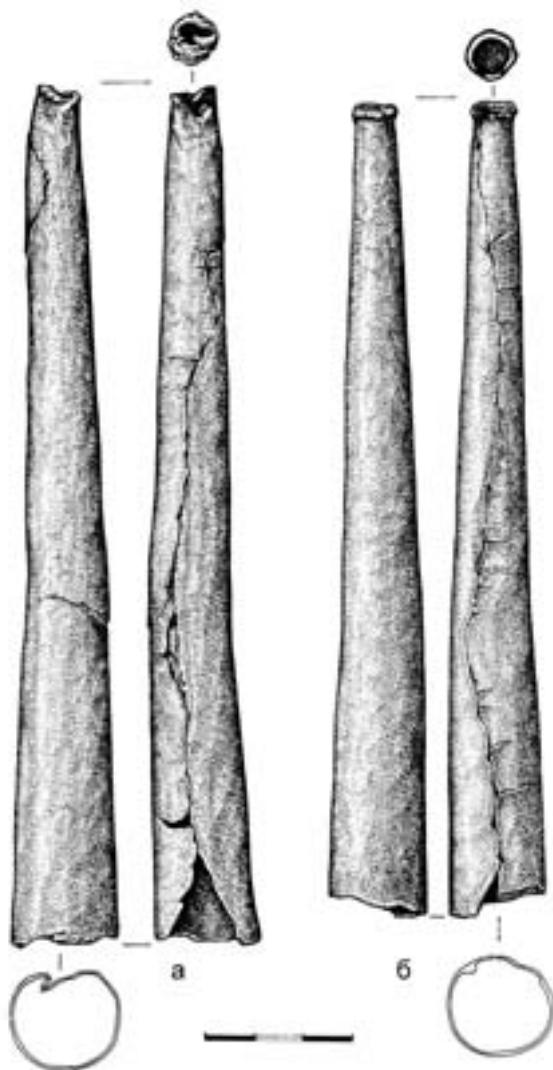

Рис. 1. Могильник Тартас 1. Бронзовые конусы из погребения №254

риалов Джантухского могильника Ингури-Рионской колхидской культуры эпохи бронзы [Скаков, Джопуа, 2008, с. 70, рис. 1 - 16].

Значительную часть исследованных в 2008 г. погребальных комплексов представляют захоронения андроновской (федоровской) культуры с присутствием ощущимой доли местных автохтонных традиций – 30 захоронений. Многие из них продолжают ряды погребений, зафиксированных на некрополе в предшествующие годы. Детские захоронения расположены в одних рядах со взрослыми. Как правило, могилы одиночные, хотя встречаются и коллективные усыпальницы. Погребения совершались как по обряду ингумации, так и кремации. Посуда, преимущественно, баночная.

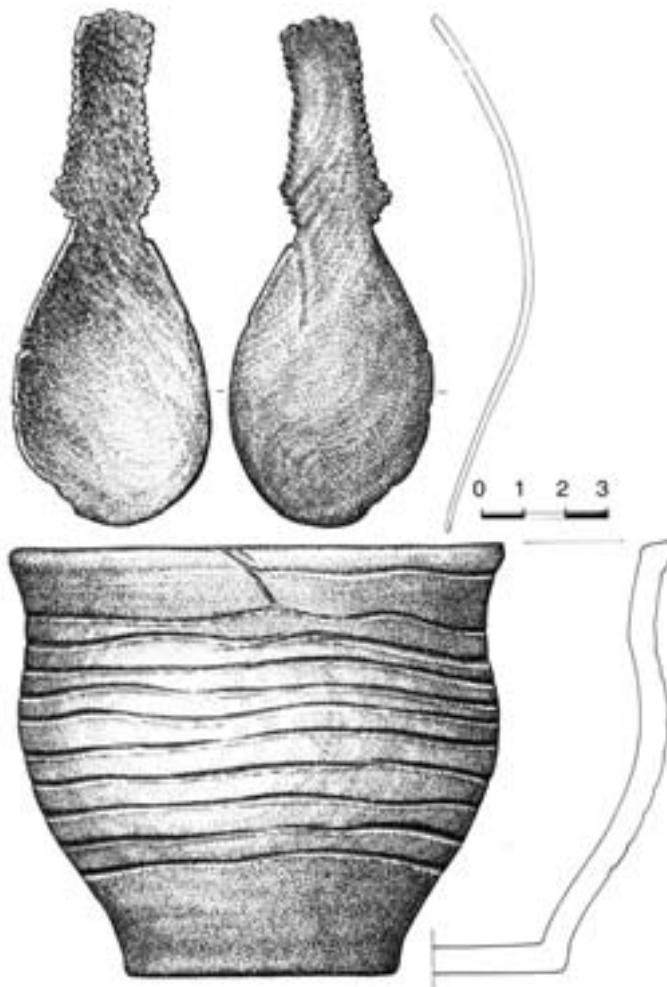
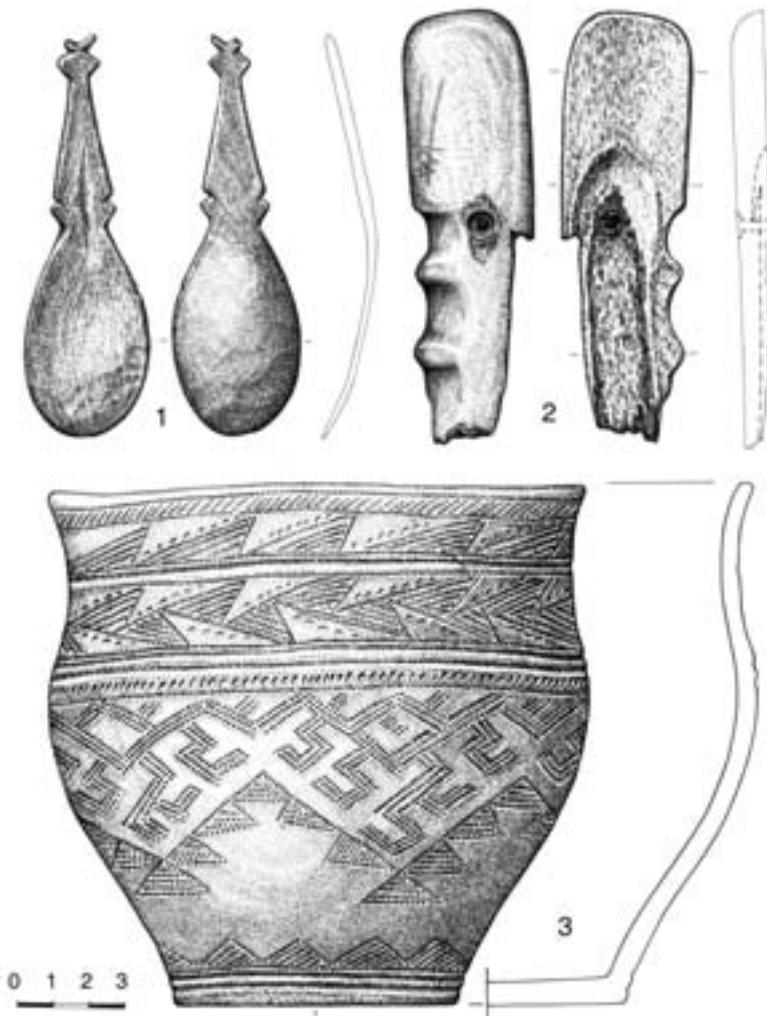

Рис. 2. Могильник Тартас 1. Роговая ложка и сосуд из погребения №288.

Нарядные сосуды, украшенные меандром, встречаются достаточно редко. Отмечены интересные новации погребальной практики, не вполне характерные для классической андроновской (федоровской) культуры. Так, в юго-западной части некрополя прослеживаются обширные зольники, наполненные жжеными, рублеными костями животных и фрагментами барочной андроновской посуды. В ряде случаев отмечены специальные ямы, вырываемые в кровле погребений и заполненные золой с костями и керамикой. В захоронении № 282 над могилой с сожжением, в зольнике, лежа-

*Рис. 3. Могильник Тартас 1. Роговая ложка (1) и сосуд (3) из погребения №297.
Створка роговой рукояти (2) из погребения № 261.*

ла нижняя часть человеческого трупа, положенного на боку в скорченном положении. Замечательными находками в погребениях № 288 и № 297 явились положенные в сосуды ложки из рога, рукояти которых оформлены в виде изображений рыбок (рис. 2, 3–1,3). Это первые предметы декоративно-прикладного искусства, найденные *in situ* в андроновских (федоровских) комплексах. Помещение в могилу рыбной пищи в виде самих рыб или ухи (что было не раз отмечено на материалах памятника [см. напр.: Молодин. Парцингер, Гришин и др., 2007, с.330]), несомненно, связано с местным колоритом обрядовой практики этого, пришедшего в Барабу населения. Любопытным нюансом в погребальной практике населения андроновского круга является установка в коллективном захоронении № 293 рядом с сосудами окрашенных бабок крупного рогатого скота.

Отмеченные новации в погребальной практике являются дополнительным свидетельством смешения пришлого населения с аборигенами, проявившегося, скорее всего, не только на культурном, но и на этническом уровне.

Особое место среди исследованных погребальных комплексов на памятнике Тартас-1 занимают четыре захоронения, судя по планиграфии, представляющие особый грунтовый могильник середины – третьей четверти I тыс. н.э. Несмотря на то, что все они были сильно потревожены еще в древности, можно уверенно говорить, что тела усопших в ямах располагались на спине в вытянутом положении. В могиле № 261 погребенного сопровождала лошадь. В этом случае наиболее вероятным было ярусное устройство захоронения. В исследованных комплексах обнаружен ряд предметов, среди которых особое место занимает створка рукояти длинного клинкового оружия (скорее всего палаша), выполненная из рога с рельефными зубчатыми вырезами (под пальцы) на брюшке, и заклепкой в центральной части. Последняя некогда прикрывалась декоративной накладкой, обернутой в золотую фольгу. На поверхности изделия заметны граффити, скорее всего представляющие собой тамгу (рис. 3–2). Бесспорные аналоги данному предмету можно отыскать среди реалий каменных изваяний Саяно-Алтая. Определенные параллели данному могильнику можно усмотреть в материалах захоронений позднегуннского времени (№ 688), расположенного неподалеку комплекса памятников Сопка-2 [Molodin, 1995].

Что касается ритуальных ям, то наибольшая их часть принадлежит кротовскому могильнику. Выявлены так же ямы, планиграфически тяготеющие к андроновской части некрополя и, судя по наличию в них андроновской (федоровской) посуды, к ней относящиеся. Наконец, несколько ям принадлежат одиновскому и средневековому некрополям.

Список литературы

Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт

национального развития: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УРО РАН. – Екатеринбург, 2008. – С.8-13.

Молодин В.И., Софейков О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Майнштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г. Новый памятник эпохи бронзы в Барбинской лесостепи (Могильник Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – ч.1.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков, Гришин А.Е., Позднякова О.А., Михеев О.А. Археолого-геодезические исследования могильника Тартас-1 в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т.Х. – ч.1.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пицонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г. Исследования могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН 2005. – Т.XI. – ч.1.

Молодин В.И., Новикова О.И., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Рыбина Е.В., Пилипенко А.С., Лабецкий В.П. Изучение памятника эпохи развитой бронзы Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН 2006. – Т.XII. – ч.1.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Новикова О.И., Соловьев А.И., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Пицонка Х., Казакова Е.А. Результаты полевых исследований памятника Тартас-1 в 2007 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН – Т.XIII. – С.329-333.

Molodin V/ Sopka-2, Grab 688 – eun reiches hunno-sarmatisches Männergrab in der West-Sibirischen Waldsteppe // Transeuropean Beiträge zur Bronze und Eisenzeit Sibirischen Waldsteppe zwischen Atlantik und Altai: Festschrift für M.Primas: Abhandlungen zur Frühgeschichte, zur klassischen und provinziell-rolischen Archäologie und zur Geschichte des Altertums. – Bonn, 1995. Bd.34., s.277-285.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И. Джантухский могильник в контексте древней истории Колхиды: новые исследования // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 69-72.

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ ПОЗДНЕСАРГАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ПРЕОБРАЖЕНКА 6)*

Памятник Преображенка-6 расположен на краю надпойменной террасы правого берега р. Омь в 5 км к западу от с. Старая Преображенка. Рельеф памятника уничтожен распашкой. Геофизические исследования 2005 г. позволили выявить на северной оконечности магнитограммы остатки распаханного кургана с ровиком и погребением в центре [Дядьков, Молодин и др., 2005, рис. 2].

Раскопом № 10 в 2006г. были подтверждены данные геофизики, под слоем пашни были вскрыты остатки кургана. В процессе исследований установлено, что курган саргатской культуры сооружен на месте комплекса ям эпохи ранней бронзы. Неглубокий ров, окружавший курган, имел проходы с северной и южной сторон. Четыре одиночных захоронения сгруппированы вокруг центрального погребения. Умершие захоронены в ямах овальной, либо подчетырехугольной формы на спине, вытянуто, головой на СВ, ЗСЗ и ССЗ. Центральное парное захоронение было разграблено, при этом кости и инвентарь одного из умерших были выброшены из могильной ямы, а второго располагаются *in situ*. Сопроводительный инвентарь саргатских захоронений представлен керамическими сосудами, предметами из кости (трех, либо четырехгранные черешковые наконечники стрел, накладки на лук); рога («гвоздевидное» острие); бронзы (трехлопастной втульчатый наконечник стрелы); железа (трехлопастные черешковые наконечники стрел, крюк, ножи, в том числе с кольцевидным навершием, круглые поясные пряжки с язычком, выпукло-вогнутые пуговицы со шпеньком, кинжал с прямым брусковидным перекрестьем и волютообразным навершием), а также керамическим пряслицем и стеклянной орнаментированной бусиной [Молодин, Чемякина, Позднякова, 2007, с.339-344]. Материалы позволяют датировать курган II – IV вв. Полученный комплекс относится к заключительному этапу саргатской культуры, который в Барабинской лесостепи был известен крайне слабо [Полосьмак, 1987, с. 35]. В связи с этим керамическая коллекция исследованного кургана представляет несомненный интерес и заслуживает отдельного рассмотрения.

*Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 06-06-80295 а, «Интеграция» СО РАН №109.

Таблица 1. Распределение указателей сосудов по категориям размеров

	Очень малый	Малый	Средний	Большой	Очень большой
ФА	До 0,40	0,41 – 0,80	0,81 – 1,20	1,21 – 1,60	Свыше 1,60
№			1,2,3,4,5,6,7		
ФБ	До 0,50	0,51 – 1,50	1,51 – 3,0	3,01 – 5,00	Свыше 5,00
№			1,3,4,5,6,7	2	
ФВ	До 0,32	0,33 – 0,50	0,51 – 0,65	0,66 – 1,00	Свыше 1,00
№		1	2,3,4,6,7	5	
ФГ	До 0,0	0,01 – 0,26	0,27 – 0,57	0,58 – 1,0	Свыше 1,00
№	3	1,2,3,4,5,6,7			
ФД	До 0,50	0,51 – 0,85	0,86 – 1,15	1,16 – 1,50	Свыше 1,51
№		1,2,3,4,6,7	5		
ФЕ	Свыше 2,00	1,01 – 2,00	0,51 – 1,00	0,26 – 0,50	До 0,25
№			1,2,3,5,6,7	4	
ФЖ	До 0,25	0,26 – 0,56	0,57 – 1,00	1,01 – 1,50	Свыше 1,51
№		4,5	1,2,3,6,7,8		
ФИ	Свыше 1,50	1,01 – 1,50	0,57 – 1,00	0,25 – 0,57	До 0,25
№		1,2,3,5,6,7		4	

Керамическая коллекция кургана насчитывает 8 сосудов. Семь происходят из погребений и еще один зафиксирован в северной части рва. Для полноценного анализа оказались пригодными все керамические сосуды из погребений, сосуд же из рва был раздроблен на мелкие фрагменты и надежно реконструировать его форму пока не удалось. В каждой могиле присутствовал, как правило, один сосуд в головах погребенного. Лишь в грабительском выкиде из центрального погребения зафиксированы фрагменты двух сосудов, при этом с погребенным, оставшимся нетронутым, один сосуд располагается традиционно. В периферийном погребении 26 сосуд был зафиксирован у костей левой ноги, возможно, первоначально он располагался на слое просевшего деревянного перекрытия могильной ямы.

Все сосуды были обработаны с использованием программы статистической обработки Генинга В.Ф. [1973, с. 114 – 135; 1992] На основании этого составлена табл. 1. По форме организации дна все сосуды круглодонные, плоскодонный только сосуд № 4 из погребения 26 (рис. 2). Согласно табл. 1 рассмотренные сосуды по каждому из признаков, за небольшим исключением, попадают в одну группу, следовательно, несомненно, представляют единый комплекс. Необходимо отметить полное совпадение общих пропорций сосудов (табл. 1, ФА) и профилировки горловины (табл. 1, ФГ).

Рис. 1. График вариаций профилей целых форм сосудов могильника Преображенка 6

Это круглодонные сосуды средних пропорций, со слабопрофицированной горловиной (рис.2). Общая конфигурация туло́ва (табл. 1, ФЕ) у всех представленных образцов одинакова (сосуды со средним плечиком), исключением является сосуд №4 из погребения № 26 (рис. 2) (плечико высокое). Ширина горловины (табл. 1, ФБ) – средняя, плечики – слабо или средне-выпуклые. Конфигурация придонной части сосудов (табл. 1, ФИ), также совпадают.

Основополагающим признаком, характеризующим весь комплекс является приплюснутое туло́во (табл. 1, ФД). Исключение составляет сосуд №5 из погребения № 20 с более вытянутым, округлым туло́вом (рис. 2).

Из графика вариаций профилей целых форм сосудов (рис. 1) и табл. 1 стоит отдельно отметить сосуды №6 (погребение №21) и №7 (погребение №23) с круто изогнутыми плечиками и дугообразно отогнутой высокой шейкой. Подобная посуда находит аналогии в материалах могильника Сидоровка в Прииртышье (курган 2, могила 4; курган 5, могила 2) [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 38, 3; 76, 4], а также встречается на территории Зауралья [Корякова, 1988, с. 94, рис. 26, 9, 10]. Уже отмечалось, что в подобных чертах прослеживается среднеазиатское влияние [Молодин, Кобелева, 2006, с. 420], выраженное присутствием на многих саргатских памятниках непосредственно импортной среднеазиатской посуды [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 42]. Подобное влияние в материалах могильника Преображенка 6 также прослеживается в сильной отогнутости края венчика и приплюснутом туло́ве сосудов.

Из 7 сосудов комплекса орнаментированы только 4. В 3-х случаях орнамент располагался в зоне плечиков, в единичном случае орнаментирована

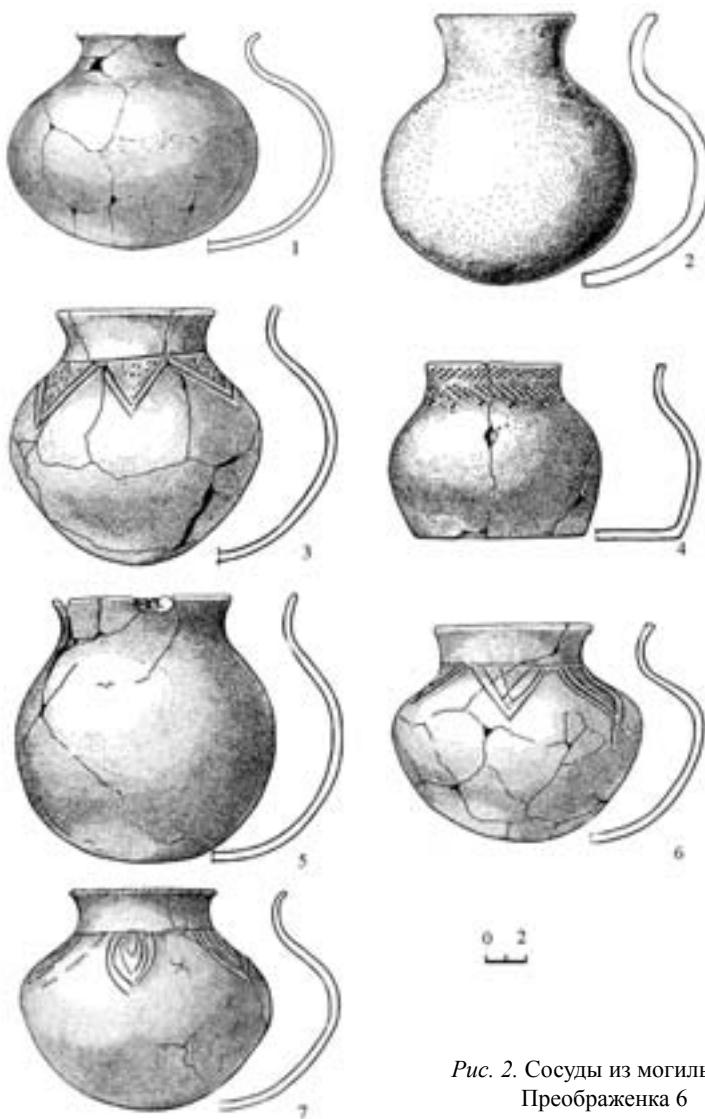

Рис. 2. Сосуды из могильника
Преображенка 6

горловина и срез венчика. Выделено 5 орнаментальных мотивов (рис. 1). Это характерные для саргатской культуры [Полосьмак Н.В., 1987, с.45]: «елочка» (в данном случае нанесенная штампованной «гребенкой»), прочерченные треугольники, прочерченные линии (отделяют венчик от плечика). Не смотря на конечное количество орнаментальных мотивов, все сосуды орнаментированы по-разному (рис. 1). Наблюдаются вариации декоративных элементов и техники нанесения выделенных мотивов.

Состав формовочных масс определялся с использованием метода бинокулярной микроскопии. Рецепт практически везде одинаков: глина+песок+шамот+органика. Песок в тесте мелкий, представлен небольшим количеством и является естественной примесью, шамот достаточно больших размеров (0,1-0,6 см). Органику, скорее всего, использовали жидкую.

Формовка сосудов осуществлялась комбинированным ленточно-лоскунным способом. В отдельных случаях верхняя часть сосуда лепилась с использованием лент, нижняя – лоскутов. Затем обе части соединялись. Такой способ формовки может быть очень удобен, если у сосуда достаточно сильно «раздуть» тулово (сосуд №1). Иногда придонная часть изготавливалась из одного куска глины, в виде чашечки или лепешки (сосуды № 3, №6).

Сосуд №4 (рис. 2) изготовлен достаточно оригинальным способом. Верхняя половина вылеплена по классическому канону, что касается технологии изготовления и пропорций, а там где обычно присоединялась нижняя круглодонная часть, сформовано плоское дно.

После формовки поверхность заглаживалась, в некоторых случаях заметны следы инструмента (деревянная лопатка, сосуды №3, №7). Затем наносился орнамент. Потом, уже по подсушеннной поверхности проводилось лощение. Об этом свидетельствуют следы затертости на орнаменте (сосуды № 4, №7)

Технологический анализ сосудов могильника Преображенка 6 позволил выделить отличительные черты керамического комплекса позднего этапа саргатской культуры в Барабинской лесостепи. Наиболее близкие аналогии происходят из погребальных памятников лесостепного Прииртышья и могильника Гришкина Заимка. Подобные материалы, относящиеся к позднесаргатскому времени, позволяют заполнить временную лакуну существования саргатской культуры на этой территории.

Список литературы

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок// СА. 1973. – №1, – С. 115 – 135.

Генинг В.Ф. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. – Киев: Наукова думка, 1992. – 187 с.

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. Ч. I. С. 304–309.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. - Новосибирск: «Наука», 1997. – 198 с.

Молодин В.И., Кобелева Л.С. К вопросу о морфологии керамики позднесаргатских памятников. – Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С.418-421.

Полосьмак Н.В Бараба в эпоху раннего железа. - Новосибирск: «Наука», 1987, с. 144.

*В.И. Молодин, М.А. Чемякина, О.А. Позднякова,
Д.В. Степаненко*

**НОВЫЙ МОГИЛЬНИК
УСТЬТАРТАССКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАРАБЕ
(РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ)***

В 2008 г. были продолжены археолого-геофизические исследования археологического памятника Преображенка-б в Чановском районе Новосибирской области. Изыскания предыдущих лет на памятнике, не имеющем рельефных признаков, позволили еще до начала раскопок выявить под слоем пашни магнитные аномалии, связанные с археологическими объектами. Данные геофизики, подтвержденные раскопками, свидетельствовали о несомненной перспективности памятника [Дядьков, Молодин и др., 2005, рис. 2; Молодин, Чемякина и др., 2004, с. 378–383; Молодин, Чемякина и др., 2005, с. 418–423; Молодин, Чемякина, Гришин, 2007, с. 494]. Археологические работы 2005 - 2007 гг. позволили выявить в местах концентрации магнитных аномалий разновременные грунтовые погребальные комплексы (устыартасской культуры, доандроновской и андроновской бронзы, саргатской культуры, тюркского времени). На краю террасы также были обнаружены ямы эпохи ранней бронзы и андроновского времени, которые предварительно можно связать с ритуальными, либо поселенческими комплексами [Молодин, Чемякина, Позднякова, 2007, с.339-344].

В 2008 г. были продолжены археологические исследования по проверке магнитного картирования на погребальных и культовых комплексах эпохи бронзы. Наибольший интерес представляет вскрытое в раскопе 12 погребение 57, которое относится к устыартасской культуре эпохи ранней бронзы. В 2006 г. здесь уже были обнаружены два захоронения этой культуры. Раскоп 12 изначально был нацелен на диагностику магнитных аномалий в зоне концентрации уникальных бронзовых изделий в пашне [Молодин, Чемякина и др., 2004, с.379, рис.1, 1 –3; Молодин, Чемякина и др., 2005, с. 422, рис. 2]. Связать напрямую эти изделия с исследованными в раскопе археологическими объектами пока не удалось. Обнаруженные в 2006 г. устыартасские погребения слабо проявились на магнитограмме в виде зон, близких к фоновым параметрам, с магнитными значениями до 2 нТл. Причиной этому послужила низкая магнитная контрастность заполняющего и вмещающего грунта. Пятна могильных ям, заполненные светлой желто-серой супесью, также слабо выделялись при зачистке в цвете. Решено было

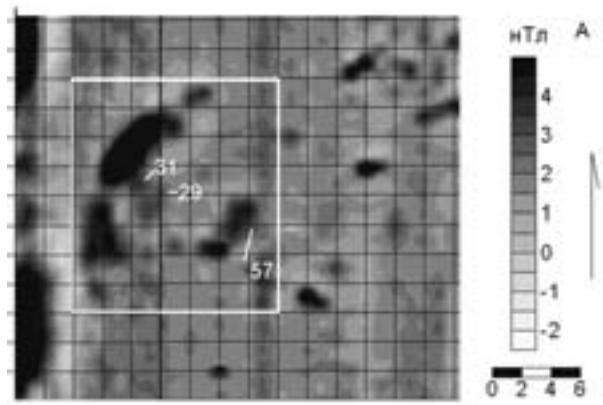
*Работа выполнена при поддержке грантов: РФФИ № 06-06-80295 а, № 08-06-10013-к; «Интеграция» СО РАН № 2, 109.

продолжить археологические исследования на прилегающей к югу территории еще и с целью поиска возможно не выявленных магнитометрически захоронений устьтартасского некрополя.

Погребение 29 представляет собой коллективное захоронение индивидов разного возраста [Молодин, Чемякина, Позднякова, 2007, с.339, 340]. Кости мужчины (40 – 45 лет), были размещены разрозненно, у северо-восточного края ямы. Остальные пять обезглавленных погребенных в анатомическом порядке уложены друг на друга, «головой» на СВ компактным узким скоплением и покрыты яркой охристой засыпкой. Нижний скелет (№ 5) принадлежал мужчине (Maturus), остальные детям: 7 - 9 (?) лет (№ 2); 9 - 11 лет (№3); 7 – 9 лет (№ 4); 2 – 4 года (№ 6). Руки отдельных детских особей, были отделены от тел и помещены вплотную к основному массиву (здесь и далее антропологические определения к.и.н. Д.В. Позднякова). Такое расположение было обусловлено, по-видимому, наличием жесткого органического вместилища. Предметов сопроводительного инвентаря в погребении не обнаружено. Однако по характерной ориентации погребенных и укладке костяков можно отнести данное погребение к устьтартасской культуре.

В погребении 31 захоронен ребенок, вытянуто на спине, головой на ВСВ. Рядом с кистью правой руки обнаружены две подвески из зубов мараба и небольшое изделие из кости. В заполнении фиксировались мелкие осколки раковин, целая створка была обнаружена под ребрами, с правой стороны.

Погребение 57 на магнитной карте проявилось вместе с ямой 105 в виде аномалии овальной формы с магнитными значениями от 3 до 5 нТл. При зачистке было выявлено два частично перекрывающих друг друга объекта, совпадающих по очертаниям с формой исследуемой аномалии (рис. 1А). Очертание могильной ямы, заполненное чёрной и серо-желтой супесью, хорошо прослеживалось на материковой поверхности и на фоне заполнении более ранней ямы. На контакте с пашней фиксировались кости человека. Могильная яма подквадратной формы, размером 2,2 × 1,8 м, ориентирована длинной осью по линии ЮЗ – СВ. Глубина ямы 0,10 – 0,15 м. В заполнении отмечены редкие вкрапления охры. На дне обнаружены кости шести человек. Все погребенные были обезглавлены. Пять посткраниальных скелетов располагались в один ряд по линии СЗ – ЮВ, «головой» на СВ. Удалось частично проследить последовательность укладки погребенных в могилу по расположению костей рук: с ЮВ на СЗ, сначала скелет № 3, затем № 2 и наконец - № 1. Еще один скелет был размещен перпендикулярно, к СВ от основной группы, «головой» на СЗ (рис. 1Б). Сохранность костяков различна: №№1 – 3, 6 сильно потревожены распашкой; кости скелетов №№ 5, 6 оказались практически нетронутыми. По расположению костей можно с уверенностью сказать, что все погребенные (за исключением детского скелета № 5, уложенного вытянуто на правом боку) были помещены в могилу в вытянутом положении на спине (рис. 1). Антропо-

Б

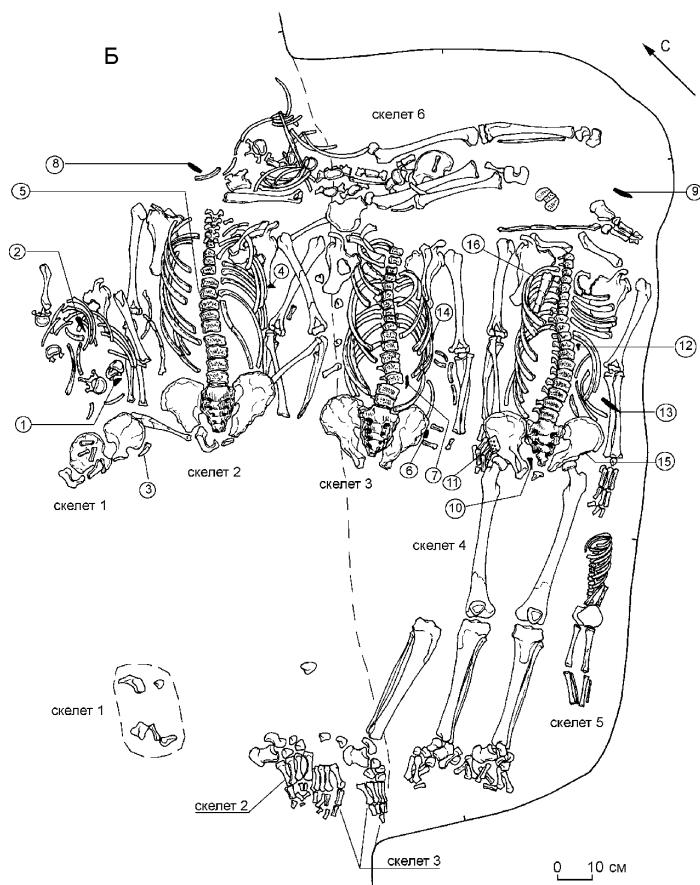

Рис. 1. Преображенка-6, раскоп 12. А – магнитограмма раскопа; Б – план погребения 57 :1, 6, 12 – каменные отщепы; 3 – клык животного; 2, 4, 5, 7 – 10, 13 – 16 каменные наконечники стел; 11 – фрагмент керамики.

логический анализ позволил определить там, где это оказалось возможным, пол и возраст погребенных. Скелеты №№ 2, 4 принадлежат мужским osobям (Maturus); скелет № 3 мужской особи 15 – 18 лет; скелет № 1 – подростку 12 – 15 лет (?); скелеты №№ 5, 6 – детям (Infant II и 9 – 10 лет соответственно).

Инвентарь погребения представлен каменными наконечниками стел, отщепами (рис. 2) и клыком животного. Все наконечники стел обнаружены в контуре предполагаемых тел умерших. Необходимо отметить, что нами зафиксированы случаи проникновения наконечников и в кости погребенных.

У скелета № 2 наконечник № 4 попал в левую лопатку, а наконечником № 5 оказался пробит 9-ый грудной позвонок. Среди левых ребер скелета № 3 был найден концевой фрагмент наконечника №14. У погребенного № 4 наконечник №16 пробил пятое ребро, в котором остался обломанный острый конец. Все каменные наконечники стел за исключением одного фрагмента (рис. 2, 14) относятся к одной группе – иволистные, с прямым, либо слабо закругленным основанием. Иногда основание оформлено в виде слабо выраженной выемки. Изделия изящно обработаны двухсторонней стеклющейся пластинчатой встречной ретушью. Эти образцы демонстрируют доведенную до филигранной угтонченности технику обработки камня, сложившуюся еще в неолите и доживающую в Западной Сибири до эпохи бронзы. Некоторые различия в размерах компенсируются едиными пропорциями. Особо отметим, что именно эта группа наконечников является преобладающей для самого большого некрополя устьтаргасской культуры Сопка-2/3, 2/3А [Молодин, 2001, с. 93 – 96, рис. 25, 1 – 26; 47, 1 -13, 17].

Выше уровня таза скелета №4 был найден фрагмент керамики, еще один был обнаружен под скелетом № 6 в заполнении более ранней ямы 57, пerekрытой исследуемым погребением. Керамика орнаментирована ямками, вертикальными прямыми и волнистыми линиями, напоминающими «гребенку», но выполненными концом палочки в отступающей-накольчатой технике. Подобная керамика представлена в комплексах позднего неолита – ранней бронзы лесостепного Обь-Иртышья [см. например: Матюшенко, Полеводов, 1994, с. 51-52, рис., 5, 3; 22, 2]. Надежно связать данные фрагменты с погребальным комплексом сложно.

Таким образом, три погребения, вскрытые на Преображенке-6 можно отнести к устьтаргасской культуре. Для них присуща ориентация на ВСВ, СВ. Планиграфически они образуют один ряд, вытянутый с СЗ на ЮВ. Большая вариабельность погребального обряда,нского данного культуры, наглядно проявилась даже на сравнительно небольшом количестве исследованных нами погребений. Для базового могильника этой культуры Сопка-2/3, 2/3А также характерны: расположение могил рядами; близкая ориентация; наличие охры в заполнении могил; помещение в одну могилу взрослых, подростков и детей, факты расчленения трупов [Молодин, 2001, с. 105 – 112; Молодин, 2005, с. 180 – 184]. Однако, отсутствие черепов, наряду с другими частями скелетов было отмечено здесь лишь для

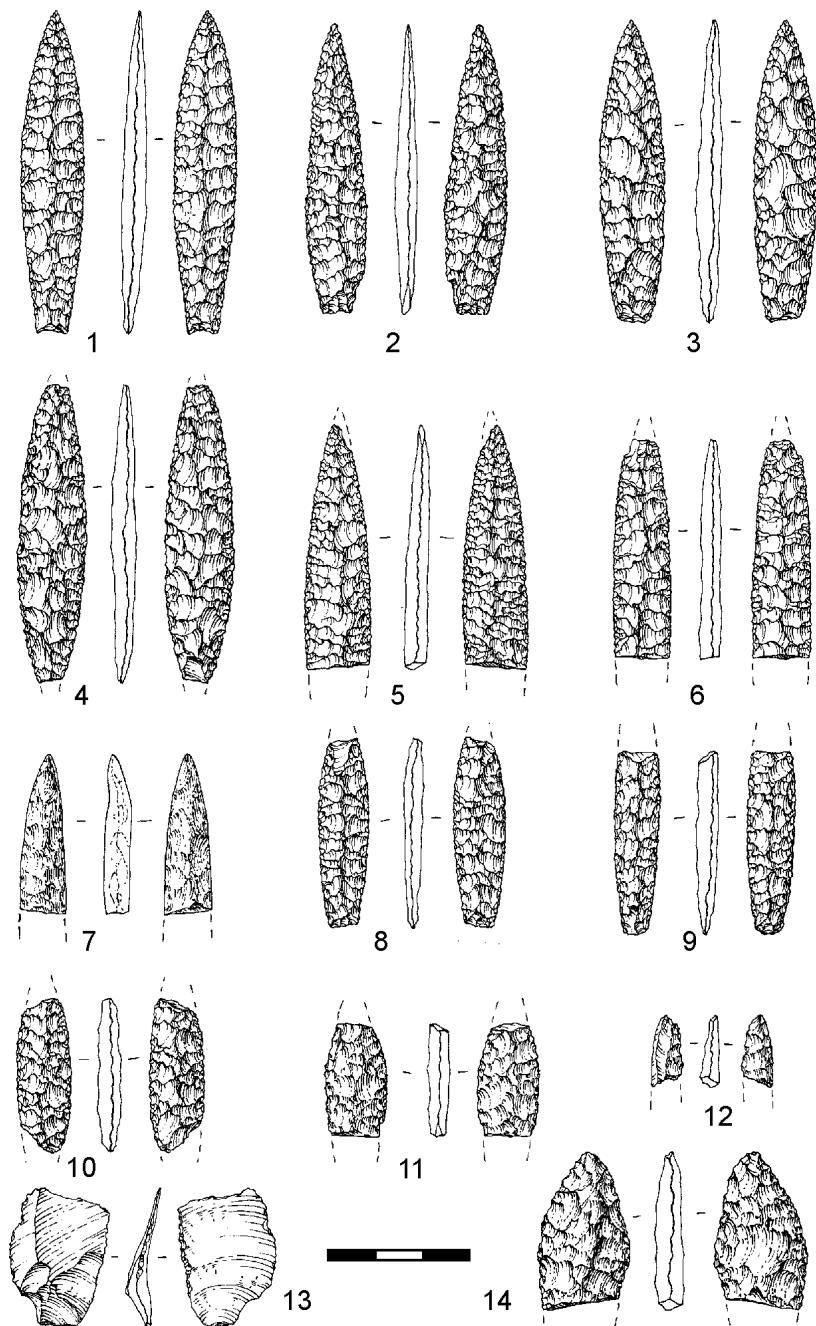

Рис. 2. Преображенка-6, раскоп 12., погребение 57. Каменный инвентарь.

вторичных захоронений [Молодин, 2001, с. 45–46; 59–60; 83]. На Преображенке-6 зафиксирована ситуация, когда в коллективных погребениях помещены преднамеренно обезглавленные тела мужчин и детей, в одном из случаев уже убитых из лука. Пока сложно интерпретировать этот факт как результат военных либо ритуальных действий. Мы планируем продолжить археологическую проверку магнитных аномалий в этом районе памятника. Не исключено также исследование ряда участков сплошной площадью. Материалы данных погребений позволят получить новую информацию по палеогенетике и датированию этого комплекса.

Список литературы

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. Ч. I. С. 304–309.

Матюшенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. - Новосибирск: Наука, 1994. – 223 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И. Устьтартасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 180–184.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Гришин А.Е. Работы на грунтовых могильниках в Барабинской лесостепи // Археологические открытия 2005 г. - М.: Наука, 2007. С. 493–494.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Софейков О.В., Михеев О. А., Позднякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. Ч I. С. 378–383.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А., Гаркуша Ю.Н. Результаты археологических исследований памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. Ч I. С. 418–423.

ТРАДИЦИИ ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА В ТРУДАХ АНТИЧНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Традиции деревообработки – определенный набор последовательно повторяющихся действий (стереотипов), связанных с производством продукта, которые передаются из поколения в поколение и сохраняются в течение длительного времени. Они прослеживаются в применении конкретных видов орудий для проведения определенной операции, а также в приемах и способах выполнения различных элементов и узлов скрепления отдельных частей в единое целое. Различия, заключенные в приемах и способах изготовления одного вида предметов или их деталей и фиксируемые при сравнительном или технико-технологическом анализе, являются свидетельством формирования новых традиций или проявлением инноваций. Первые сведения о различных сторонах деревообработки в древности нашли свое отражение в трудах античных естествоиспытателей, историков, поэтов, философов. Судя по множеству приведенных в письменных источниках подробностей и деталей, обработка дерева в раннем железном веке в античных государствах достигла значительных высот в своем развитии.

Легендарный древнегреческий эпический поэт *Гомер*, повествуя о жизни Древней Греции XIII-XIX вв. до н. э., запечатлев в своих бессмертных произведениях особенности плотницких и столярных работ древнегреческих ремесленников, указал виды производства деревянных предметов, подробно и красочно описал, из какой породы дерева, какими инструментами и с применением каких приемов и способов изготовлен каждый из них. На основе анализа текстов «Илиады» и «Одиссеи» можно выделить следующие виды производства изделий из дерева: строительное дело (жилища, хозяйствственно-бытовые постройки, военные укрепления), вооружение (луки, стрелы, копья), средства передвижения (гражданские и военные суда, боевые и парадные колесницы), хозяйственно-бытовые предметы. Кроме того, поэтом был упомянут следующий инструментарий: медные и железные топоры, тесла, скобели, буравы (лучковые сверла), долота, разметочные шнуры, токарные станки.

Об особенностях строительства жилищ в Древней Греции из специально отобранного материала с применением определенного набора инструментов можно узнать, прочитав отрывок о возведении для одного из храбрейших греческих героев Ахиллеса «великой кущи». Она была крепко построена из еловых бревен и искусно покрыта мшистым, густым ка-

мышом, набранным по влажному лугу. Около куши был устроен «двор властелину широкий, весь оградя частоколом; ворота его запирались толстым засовом еловым; трое ахеян вдвигали, трое с трудом отымали огромный замок сей воротный» [Гомер, 1987, с. 509]. «Палаты» легендарного царя Итаки Одиссея были построены из гладко отесанных брусьев, стены, матицы, перекрытия потолков и опоры-колонны - все было изготовлено из сосны [Он же, 1988, с. 302]. Из дуба сработаны порог и притолоки дощатых «двусторонних дверей», которые тщательно «выскобили острою скобелью плотник искусный, гладко ее наперед топором по снуру обтесавши» [Там же, с. 278]. Столы же тщательно были изготовлены стены с сосновыми средними брусьями, потолки с перекладинами, двери с гладкими дубовыми порогами, рамы из гладких брусьев и в хозяйствен но-бытовых постройках [Там же, с. 302, 335, 370]. Такие постройки располагались обычно на широком дворе, окруженном зубчатой стеной или тыном из «дубовых, обтесанных, близко один от другого в землю вколо ченных кольев», среди которой находились «двойные ворота с крепким замком» [Там же, с. 219, 276].

Из дуба строили оборонительные свайные укрепления с бревенчатыми стенами и башнями, окруженные рвом, по обеим сторонам которого шли ряды частоколов из бревен [Там же, с. 243, 249]. Для боевых медных топоров вырезали из оливы длинные, «блестательно гладкие» топорища [Там же, с. 275].

«Блистательный кубок двудонный», который поднес «олимпийский художник», божественный кузнец Гефест матери, волоокой богине Гере [Гомер, 1987, с. 24], свидетельствует о наличии в это время токарно-давильного станка и мастеров по производству сложных двустенных (наподобие колбы современного термоса) сосудов [Тавсадзе, Баркая, 1954].

Из ровной и чистой древесины тополя с помощью железного топора и операции гнутья изготавливали круглые ободья для колесниц [Гомер, 1987, с. 88]. Зримо, во всех деталях описана процедура подготовки материала для изготовления инкрустированной серебром и золотом колесницы царицы богов Геры [Там же, с. 112-113].

Постройка любого, даже самого простого средства передвижения по воде требовала тщательной подготовки и отбора материала и инструментария. Например, когда «нимфа Каллипсо богиня богинь» помогала строить плот Одиссею, она «выбрала прежде топор по руке ему сделанный, крепкий, медный, с обеих сторон изощренный, насаженный плотно, с ловкой, красиво из твердой оливы сработанной ручкой; острую скобель потом принесла» и бурав. Затем они пошли вглубь острова и выбрали «тополей черных и ольх, и высоких, дооблачных сосен, старых, иссохших на солнечном зное, для плавания легких». Одиссей срубил двадцать деревьев, «их очистил, их острою медью выскобил гладко, потом уровнял, по снуру обтесавши». Далее «начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплотил их, длинными болтами сшив и большими просунув шипами; дно ж на плоту

он такое широкое сделал, какое муж, в корабельном художестве опытный, строит на прочном судне», «плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок в гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски, мачту поставил, на ней утвердил поперечную райну, сделал кормило, дабы управлять поворотами судна. Плот окружил для защиты от моря плетнем из ракитных сучьев...» [Гомер, 1988, с. 82-83].

Многовесельные суда для героя Париса Ферекл, Гармонов сын, любимец богини Паллады, «зодчего муж, которого руки во всяком искусстве опытны были», строил из крепкого дуба, серебрянолистного тополя и огромных сосен [Он же, 1987, с. 92, 269, 338]. Перед постройкой судна проводилась тщательная разметка «корабельного дерева» по «правильному снуру» «зодчего умного, в дланях которого художества мудрость всю хорошо разумеет, воспитанник мудрой Афины» [Там же, с. 312]. Из описания мы узнаем, как приводились в действие некоторые виды инструментария. «Корабельный строитель» в толстых досках для судна просверливает железным буравом отверстия, «другие ж ему помогают, ремнями острый бурав обрашая» [Гомер, 1988, с. 144].

Показательна сцена тщательного осмотра своего лука Одиссеем: «...целы ль роги и не было что ль без него в них попорчено червем» [Там же, с. 347]. Видимо, речь здесь идет о деревянной основе сложного лука. Костяные накладки червь или древоточец вряд ли мог испортить. Тому пример - найденные в серовских погребениях Прибайкалья хорошо сохранившиеся полные наборы костяных обкладок луков, которые пролежали в земле с неолитического времени [Окладников, 1950, с. 205, 220, 221]. Гости, домогавшиеся руки прекрасной Пенелопы, бурно обсуждают действия Одиссея: «Видно знаток он и с луком привык обходиться; быть может, луки работает сам и, имея лук, начатой им дома, намерен его по образчику этого сделать» [Гомер, 1988, с. 347]. Поэт показывает, что предметы вооружения изготавливали очень тщательно большие мастера, используя при этом шаблон-пару. Оружие хранили бережно [Там же, с. 336].

Необыкновенно подробно, со знанием технических тонкостей выписана Гомером тайна устройства супружеской кровати, которую со многими секретами изготовил сам Одиссей из огромного ствола вековой маслины, «с большую колонну в объеме». Одиссей отсек у дерева ветви «...и поблизости к корню ствол отрубил топором, а отрубок у корня отовсюду острою медью его по снуру обтесав, основаньем сделал кровати, его пробуравил, и скобелью брусья выгладил, в раму связал и к отрубку приладил, богато золотом их, серебром и слоновою костью украсив; раму же ремнями из кожи воловьей, обшив их, пурпурной тканью стянул» [Там же, с. 370]. Выбор материала, способы его обработки и принципы изготовления предмета в плане технологии до деталей совпадают с особенностями устройства ложковратей из археологических памятников возле пос. Ташанта и на плоскогорье Укок в Горном Алтае.

Большое место было отведено дереву в погребальном обряде. Например, для погребального костра героя Патрокла, павшего на поле битвы, по приказу Агамемнона заготовили огромное количество дерева и сложили его в виде сруба «в ширину и длину стоступенный» [Там же, с. 468-470].

Геродот (490-425 гг. до н. э.) - древнегреческий исследователь, «отец истории» - при изложении исторических событий и судеб народов освещал в своих трудах многие вопросы деревообработки. Описывая процедуру бальзамирования древних египтян или погребальный обряд скифов, давал подробную характеристику возведения погребального сооружения и погребального ложа [Геродот, 1972, с. 31, 105, 204-205, 235, 512]. Приводя географию расселения кочевых племен, рассказывал об устройстве и функционировании их жилищ [Там же, с. 192-193, 199, 214, 217]. Процесс обработки дерева показан им во многом: в описании предметов вооружения, строительства мостов через реки и морские перешейки, возведения военных укреплений, резьбы статуй богов и царей, и даже - протезов для ног [Там же, с. 137, 208-211, 216, 221-228, 261, 262, 330-333, 342, 346, 377, 420, 428, 429, 437, 451].

Феофраст (Теофраст, Тиртам) (372-287 гг. до н. э.) - древнегреческий естествоиспытатель и философ, один из первых ботаников древности, ученик и друг Аристотеля, автор более 200 трудов по естествознанию, философии и психологии тоже не оставил без внимания проблемы обработки дерева в древности. В пятой книге своего известного труда «Исследования о растениях», состоящего из восьми книг, он «...попытался рассказать о лесном материале: о том, какова природа каждого дерева, когда полагается его рубить, для каких поделок оно годится, какое дерево трудно и какое легко для обработки» [Феофраст, 1951, с. 167]. Дав подробную характеристику структуры материала, физических и механических свойств каждой породы дерева, он затронул и некоторые аспекты технико-технологического цикла деревообработки - заготовка материала, сушка, гнутье, точение, соединение отдельных частей, склеивание [Там же, 83, 93-98, 104-105, 119-126, 167-172, 180-182, 184, 449]. Феофраст выделил виды деревообрабатывающего производства: строительство жилищ, производство средств передвижения по суше и по воде, художественную резьбу [Там же, с. 95, 182-184, 187], впервые обозначил начавшееся разделение деревообработки на плотницкие и столярные работы [Там же, с. 174, 180-184, 454], подробно описал изготовление музыкальных инструментов [Там же, с. 148-149].

Древнеримский поэт *Вергилий* (Марон Публий) (70-19 гг. до н. э.) в своем известном произведении «Георгики» показал «хлебопашцев суровых орудий», изготовленные задолго до сельскохозяйственных работ из разных пород дерева: телегу «с медленным ходом колес элевсинской богини», молотильный каток, волокушки, «тяжкие грабли», деревянные решета, «простые плетеные изделия Келея». Детально и последовательно описал процесс создания «могучего гнутого плуга» и всех его частей из разных пород

дерева. Первым делом мастера изготавливали сошник. Затем, «...для рукояти в лесу присмотрев молодую вязину, изо всех сил ее гнут, кривизну придавая ей плуга. В восемь от корня ступеней протянув деревянное дышло, приспособляют хватки, а с тылу - рассоху с развилкой. Валят и липу в лесу для ярма, и бук легковесный для рукояти берут, чтобы плуг поворачивать сзади. Дерево над очагом подлежит испытанию дымом» [Вергилий, 1971, с. 69]. Досконально подробно описывая свойства «полезного леса», поэт привел данные по отбору и заготовке различного материала для плотницких и столярных работ, сплава его молем по реке, операциям гнутья и долбления, тонкости изготовления посуды из дерева. «Для мореходов -сосну, для постройки - кедр с кипарисом, рубят из тех же дерев кузова кораблей круглобоких... Древки [стрел] мирта дает и кизил, с оружием дружный. Тисы гнут, чтобы их превращать в итурейские луки; легкая липа и бук, на станке обработаны, форму могут любую принять - их острым долбят железом...» [Там же, с. 71, 88-89].

Список литературы

- Вергилий Публий Марон.** Буколики. Георгики. Энеида. - М: Художественная литература, 1971. -417 с.
- Геродот.** История в девяти книгах. - Л.: Наука, 1972. - 600 с.
- Гомер.** Одиссея. [Пер. с др. греческого В.А. Жуковского]. - Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1987.-432 с.
- Гомер.** Илиада. [Пер. с др. греческого Н. Гнедича]. - Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1988.-568 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Ист.-археол. исслед. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - Ч. 1/2. - 412 с.
- Тавсадзе Ф.Н., Баркая В.Ф.** Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии // СА. - 1954. - № 20. - С. 357-381.
- Феофраст.** Исследование о растениях / Пер. с древнегреческого. - Л.: Изд-во АН СССР, 1951.-548 с.

*Л.Н. Мыльникова, Е.И. Деревянко, С.В. Алкин,
С.П. Нестеров*

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КЕРАМИКИ ТРОИЦКОГО МОГИЛЬНИКА*

Троицкая группа памятников (VII–XII вв.) была выделена в мохэской археологической культуре по характерной лепной керамике по материалам раскопок Троицкого могильника. Находится он у с. Троицкого Ивановского района Амурской области, на высоком левом берегу р. Белой, в 10 км вверх от ее устья. Троицкий могильник был открыт А.П. Деревянко в 1967 г. Исследовался в 1969 – 1972, 1974 гг. - Е.И. Деревянко [1977], с 2004 г. и по настоящее время – С.В. Алкиным [Алкин, Фэн Эньсюэ, 2006; Деревянко А.П., Ким Бонгон, Алкин и др., 2007].

За время работы на памятнике получена очень представительная коллекция керамики, насчитывающая в настоящее время 75 полных или археологически целых сосудов.

Исследователи уже обращали внимание на важную роль керамических сосудов в погребальной обрядности мохэцев [Деревянко Е.И., 1977; Дьякова, 1993]. Мы не знаем, как троицкие мохэ символически осмысливали использование сосудов в ритуальной практике. Однако очевидно, что, как и многие другие народы древности, они могли воспринимать сосуд как живой организм, что в свою очередь определяло его значение в культуре и роль в погребальном обряде.

Обрядовая практика населения, оставившего Троицкий могильник, представляет определенный спектр приемов ритуального использования посуды:

1) сосуды располагаются в северной части могильных ям вверх дном (в одном из углов или у продольной стенки в средней её части). Касается это как погребений, выполненных по обряду трупоположения (преимущественное направление ориентации тела погребенного головой на север), так и выполненных по вторичному обряду (при нахождении целого черепа или его фрагментов сосуды также располагаются в северной части могильной ямы);

2) в ряде случаев отмечено нарушение целостности сосудов: дно их пробито в центре острым инструментом. Предполагается, что это была часть ритуальных действий, связанных с обычаем умерщвления вещей.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты №№ 06-06-80468, 07-06-10019к).

Отметим, что основная часть находок сосудов с пробитым дном тяготеет к западной части могильного поля;

3) фиксируются случаи участия керамической посуды в поминальной тризне.

Керамика Троицкого могильника была подвергнута бинокулярной микроскопии. Для получения объективной информации и для наличия возможности сравнивать комплексы разных памятников и регионов, материалы прошли обработку статистическими и методами естественных наук.

Петрографическое исследование шлифов керамики Троицкого могильника (рис. 1, 1-8) показало, что в качестве исходного материала использовалось два сорта сырья: суглинок монтмориллонит гидрослюдистого состава с примесью пылеватого обломочного материала полевошпатово-кварцевого состава и суглинок с гидрослюдистой глинистой частью часто с примесью хлорита. Оба вида сырья обладают хорошей формируемостью и требуют отощения.

Ведущим рецептом формовочных масс является *глина + песок*, то есть в качестве минерального отощителя гончары использовали песок. Его доля в образцах колеблется от 20 до 35%, хотя преобладающим можно считать показатель 30%. Примеси представлены обломками угловатой формы, размером от 0,05 – 3,0 мм, преобладающий размер 0,4 - 0,5 мм. Как угасающий отмечен рецепт формовочных масс: *глина + песок + шамот*, где доля шамота составляет не более 1 %. Представляется, что это достаточно важный результат, который был получен благодаря изучению корректной выборки (30 экз.). Фиксация в формовочных массах шамота, хотя и в единичных долях, позволяет на уровне составления формовочных масс видеть в нем отголоски ранней традиции, характерной для гончарства неолита – раннего железного века Приамурья.

Рентгенофазовый анализ (рис.1, 9) подтвердил однородность образцов по составу минеральных включений и уточнил состав полевых шпатов – альбит-анортитовый, а также использование в качестве примесей к формовочным массам песка кварц-полевошпатового состава в виде довольно крупных включений.

Однородность полевых шпатов отмечена и электронным микрозондовым анализом [Такеучи др., 2008]. Замечено также, что в составе формовочных масс в основном использовались средние и кислые породы, или пески, образовавшиеся за счет их размытия.

Результаты термического анализа позволяют говорить о минимум двух группах керамики: с черепком хорошего и среднего качества (рис. 1, 10). Это может быть результатом как технологии обжига, так и временного (хронологического) разрыва между образцами.

Стенки изделий конструировались из толстых жгутов с последующим раздавливанием. Образование заданной формы осуществлялось в последовательности: кольцевое укладывание жгутов в цилиндр по принципу зональ-

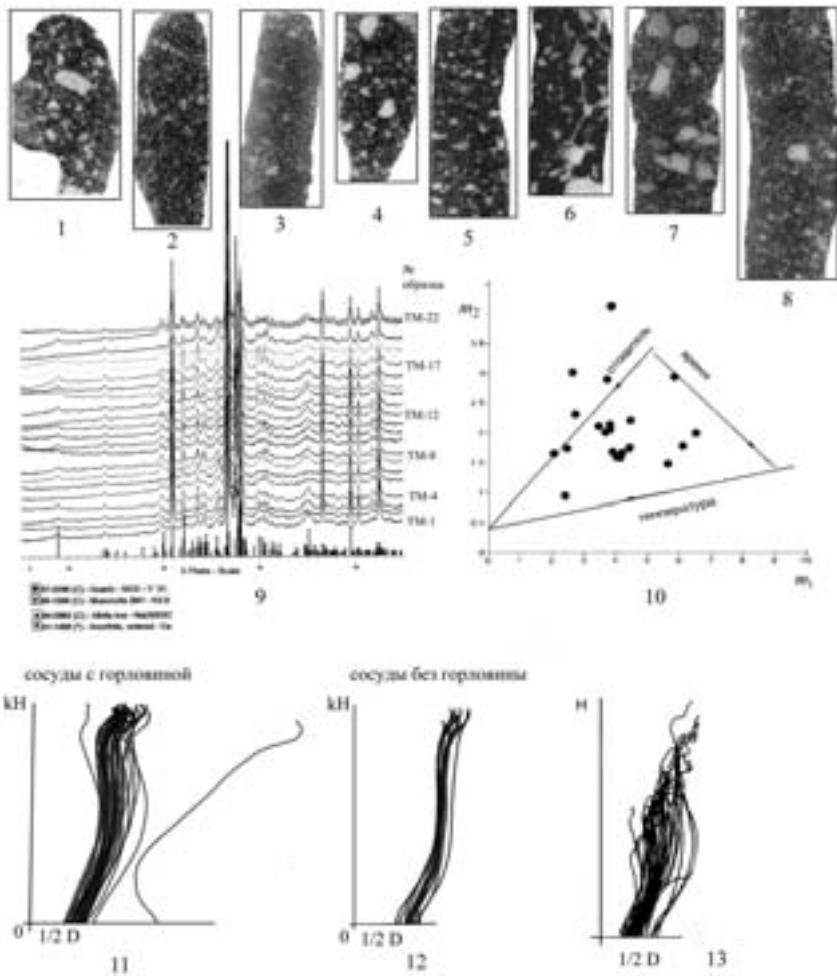

Рис. 1. Физико-химическое и морфологическое исследование керамики Троицкого могильника: 1 - 8 - фото петрографических шлифов образцов керамики Троицкого могильника; 9 - кривые РФА; 10 - диаграмма сохранности глинистого компонента; 11 - 12 - профили сосудов Троицкого могильника, построенные с использованием одной высоты и сохранением пропорций; 13 - профили сосудов Троицкого могильника, построенные с сохранением масштаба.

ной сборки → деформация и промин жгутов пальцами → соединение цилиндров → выколачивание стенок. Начин – донный и донно-емкостный.

Достаточно интересные сведения получены по изучению форм сосудов, проведенному с использованием метода статистической обработки керамики, предложенного В.Ф. Генингом [1973; 1992]. Типичный сосуд

Троицкого могильника - это высокий или очень высокий широкодонный с очень низкой, широкой- или очень широкой слabo- или среднепрофицированной горловиной, с плечиком средней высоты и очень слabo выпуклым. Единообразие и выдержанность параметров сосудов Троицкого могильника показывают графы профилей сосудов, выполненные по двум позициям: 1) с единой высотой с сохранением пропорций (рис. 1,II-12) (методика, предложенная: [Nordström, 1972]) и 2) с сохранением масштабов изделий (рис. 1,13).

Разработанная в 1980 - 1990-е годы типология керамики не претерпела серьезных изменений и сегодня [Деревянко Е.И., 1977, с. 110 – 115; Дьякова, 1984, с. 60 - 76]. Выделенные четыре морфологических типа сосудов – горшки, вазы (сосуды с горловиной), банки и чаши (сосуды без горловины) с явным преобладанием горшков и банок - несмотря на появление новых материалов с р. Буреи, с могильника Липовый Бугор, поселения Шапочка, с самого Троицкого могильника, остаются основными в составе посуды троицкой группы.

В целом, основа керамического комплекса Троицкого могильника представляется выдержанной, монолитной. Отличие некоторых характеристик отдельных сосудов от общей массы могут служить основанием для дальнейшей работы. В этом плане могут быть рассмотрены несколько перспективных для изучения направлений.

Во-первых, это сравнение керамического комплекса Троицкого могильника не только с комплексами с одновременных и однокультурных памятников на территории Западного Приамурья, но и на сопредельных территориях, прежде всего, в Маньчжурии.

Во-вторых, следует отметить, что троицкий тип керамики был выделен в основном на материалах одного могильника. В то же время, за границами рассмотрения остаются комплексы с поселенческих памятников. Таким образом, предстоит работа по расширению источников базы данных, что потребует широкомасштабных раскопок на поселениях. В связи с этим обращает на себя внимание факт наличия в окрестностях Троицкого могильника четырех раннесредневековых поселений с материалами троицкого типа [Деревянко, 1975, с. 130]. Как известно, могильник расположен широкой полосой на поверхности рельефа у р. Белой. Выявлены относительно чёткая линейная организация погребений с двумя участками захоронений, разделённых пространством с более редким расположением западин, которое делит могильное поле примерно пополам. Кроме того, отмечены участки с повышенной концентрацией западин: в юго-западной и центральной части могильника. Особый участок захоронений в виде узкой полосы располагается на самом краю речной террасы в северо-западной части могильного поля. В настоящее время нет достоверного объяснения наличия отдельных участков захоронений. Представляется весьма вероятным, что на начальном этапе функционирования могильника жители окрестных поселений могли использовать для погребений отдельные

участки рёлки, которые в последствии составили общий некрополь. Пока не удалось выявить конкретные особенности керамического комплекса на разных участках могильника. Но их дальнейшее изучение должно помочь ответить на вопрос: с чем связаны особенности отдельных сосудов и насколько они существенны для характеристики типичной троицкой посуды. А сопоставление с материалами поселенческих памятников должно показать сходство или различие бытовой и погребальной посуды.

Список литературы

- Алкин С.В., Фэн Эньсюэ.** Совместные российско-китайские исследования Троицкого могильника в Амурской области в 2004 г. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Том 5, выпуск 4: Востоковедение. – Новосибирск, 2006. – С. 132 - 134.
- Деревянко Е.И.** Троицкий могильник. - Новосибирск: Наука, 1977. - 224 с.
- Дьякова О.В.** Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства).- Владивосток: «Дальнаука», 1993. - Ч. 3. - 409 с.
- Генинг В.Ф.** Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок //Советская археология, 1973. - № 1. - С.114 – 135.
- Генинг В.Ф.** Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. - Киев: Наук. Думка, 1992. - 188 с.
- Деревянко А.П., Ким Бонгон, Алкин С.В., Нестеров С.П., Субботина А.Л., Хон Хёну, Ю. Ынсик.** Совместные российско-корейские исследования Троицкого могильника в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 37 – 42.
- Такеучи Т., Мыльникова Л.Н., Нестеров С.П., Кулик Н.А., Деревянко Е.И., Алкин С.В., Накамура Х.** Микроэлементный анализ песка формовочных масс керамики памятников Приамурья //Археология, этнография и антропология Евразии (в печати).
- Nordström H.A.** Cultural Ecology auf ceramic technology. Stockholm, 1972. – 200 p.

**С.П. Нестеров, Хон Хён У, Бён Ён Хван, Пак Джон Сэн,
Н.Н. Зайцев, Д.П. Волков, Я.Ю. Хабибуллина,
О.А. Шеломихин**

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ОЗЕРО ДОЛГОЕ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2008 ГОДУ

Юго-западная часть Архаринского района Амурской области представляет собой ровную заболоченную пойму р. Амур с возвышающимися небольшими рёлками. Археологические памятники в окрестностях с. Иннокентьевка расположены на вершинах рёлок и мысах первой надпойменной террасы, активно используемых в настоящее время для сельскохозяйственных нужд. Здесь же расположены водно-болотные угодья Хинганского государственного заповедника (с 1963 г.).

Памятник Озеро Долгое (Иннокентьевка, селище 13 - по археологическому паспорту) выявлен в 2005 отрядом «Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области» под руководством Н.Н. Зайцева. В 2006 г. сотрудниками этого же центра Д.П. Волковым и И.Л. Лисиным был снят его план. Поселение расположено в 10,4 км северо-западнее с. Иннокентьевки и примерно в 10 км северо-восточнее от устья р. Буреи, на северном берегу древнего водного потока, ныне озеро Долгое. Высота террасы над современным урезом воды в озере составляет 3 - 4 м. Берег озера полого спускается к озеру. Поверхность его покрыта травяной растительностью, занята монгольским дубом, черной и белоствольной бересой.

На склоне берега выявлено 57 западин подпрямоугольной и округлой в плане формы – остатки древних жилищ - размерами в среднем 3×4, 4×4, 4×4,5, 7×7 м, глубиной от 20 до 40 см. Западины группируются в пять рядов по линии северо-запад—юго-восток длиной 120 м, шириной (с северо-востока на юго-запад) 20 м (рис. 1). Координаты памятника по GPS-12: 1) $N\ 49^{\circ}\ 23.572'\ E\ 129^{\circ}\ 40.120'$; 2) $N\ 49^{\circ}\ 23.560'\ E\ 129^{\circ}\ 40.113'$; 3) $N\ 49^{\circ}\ 23.488'\ E\ 129^{\circ}\ 40.212'$; 4) $N\ 49^{\circ}\ 23.519'\ E\ 129^{\circ}\ 40.267'$. Предварительно памятник Озеро Долгое был определен как раннесредневековый.

В 2008 г. на поселении работала международная российско-корейская экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН и Государственного исследовательского Института культурного наследия Республики Корея. Для раскопок были выбраны две западины в прибрежной части озера: № 31 и 32. Над западинами был разбит раскоп 15×9 м (135 кв.м). В нем исследованы 2 жилища и одна небольшая деревянная конструкция № 31а (рис. 2).

Изучение 10 стратиграфических разрезов (четырех стенок раскопа и трех бровок) позволило реконструировать стратиграфическую ситуацию

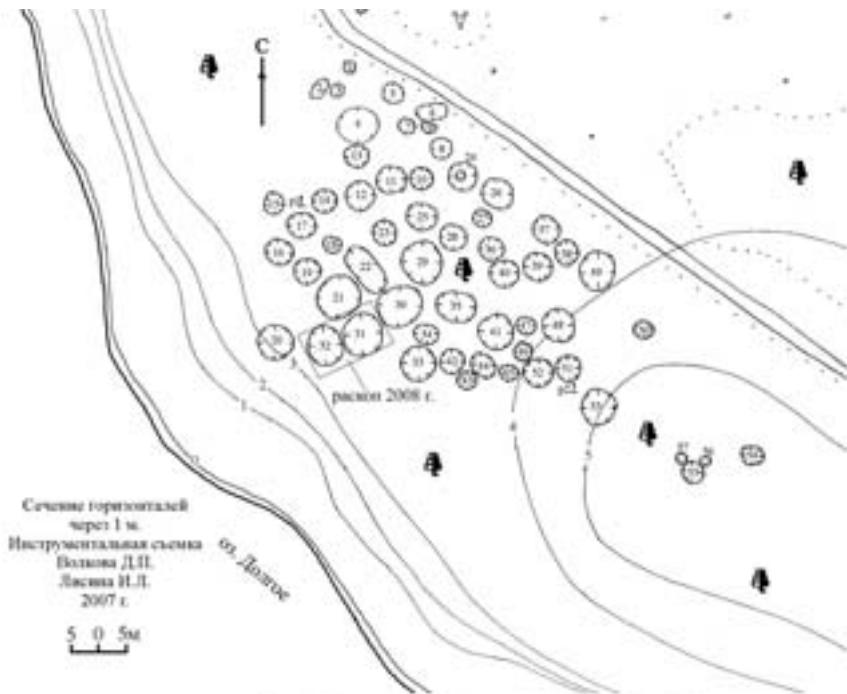

Рис. 1. Топографический план поселения Озеро Долгое (Иннокентьевка, селище 13).

на данной площадке. Основу террасы составляют аллювиальные пески различного цветового оттенка: от жёлтых до рыжих. Над ними залегает слой комковатой коричневой глины, который перекрыт слоем серого суглинка. До прихода в данное место человека последний слой был задернован. В древнем дерне встречены артефакты, часть из них располагалась в верхнем уровне слоя серого суглинка (были «втоптаны», «просели» под влиянием антропогенного и природного фактора). Над погребенным дёром залегает слой светло-жёлтого (белёсого) суглинка, представляющий собой мешаний выкид из котлованов жилищ. В нем встречены артефакты эпохи неолита, раннего железного века и раннего средневековья. Планиграфический анализ показал, что предметы более ранних эпох переотложены. В более или менее ненарушенном состоянии находились вещи раннего средневековья.

Жилище 31 представляло собой остатки постройки в неглубоком котловане (размеры сторон $4,2 \times 3,4 \times 3,45 \times 3,7$ м), ориентированной сторонами по странам света. От деревянных частей жилища ничего не сохранилось. Судя по следам, стени жилища располагались вплотную к стенкам котлована. В середине интерьера находился очаг, заглубленный в пол примерно

Ruc. 2. Планы жилищ 31, 32 и постройки 31а.

на 10 см (его размеры 100×90×96×85 см). Дно очажной ямы выстлано тремя листами бересты (площадь покрытия 50×35 см), а верхняя часть имела деревянную раму-обкладку. В юго-восточном углу жилища на полу обнаружена нижняя челюсть свиньи. Около очага найден донный начин сосуда с отпечатком листа дерева на донышке. Аналогичный донный начин с отпечатком листа известен с сезонной стоянки Усть-Талакан на р. Бурея. Он был обнаружен у жилища 1, которое по форме в плане, по устройству очага, незначительному присутствию деревянных деталей конструкции, находки в углу челюсти свиньи похоже на жилище 31 [Древности Бурея, 2000, с. 107—108, 268, рис.40, 1]. Судя по найденным фрагментам керамики, жилище 31 предварительно может быть отнесено к талаканской культуре раннего железного века.

Жилище 32 располагалось в двух метрах южнее жилища 31. Оно квадратной в плане формы (5,34×5,34 м), заглублено в котлован. Постройка ориентирована углами по сторонам света. С юго-восточной стороны находился вход в виде коридора. Стропила в пределах жилого пространства поддерживали 4 столба (сохранились столбовые ямы). Жилище сильно горело, поэтому деревянных деталей конструкции сохранилось мало. В углах находились небольшие фрагменты дерева, которые можно отнести к стропилам. Стропило из восточного угла, возможно, опиралось в ямку на дне котлована, следы опоры других трех стропил на полу не зафиксированы. Вероятно, они упирались в углы верхнего края котлована. Рама-основа отсутствует. Очаг не заглублен в пол, а наоборот, располагался на специальной платформе, которая была оставлена в середине интерьера жилого пространства при копке котлована. Дно очага было выстлано берестой. Форму очага установить не удалось: в этом месте, скорее всего, был эпицентр пожара, уничтожившего жилище. Недалеко от входа-коридора обнаружена стопка фрагментов венчиковой зоны керамических сосудов и каменный скребок. Венчики сломанных сосудов, без сомнения, были приготовлены для дальнейшего использования в качестве скребков в кожевенном производстве. Такого рода инструменты были очень удобны и эффективны при снятии со шкур мездры и пушении бахрамы, поскольку крупнозернистый керамический черепок является превосходным абразивом [Там же, с. 159]. Судя по обнаруженным фрагментам керамики на полу и конструктивным деталям, жилище 32 может быть отнесено к михайловской культуре раннего средневековья. Из конструктивных особенностей жилища 32, в отличие от известных построек михайловской культуры, можно отметить отсутствие деревянной рамы-основы и наличие специальной платформы для очага. Другие элементы конструкции: наклонные в центр плахи перекрытия скатов крыши, наличие подпорных столбов под стропила, вход-коридор, сооружение в очаге берестяного экрана соответствуют элементам конструкции жилищ данной культуры [Деревянко, 1975, с. 56 — 57, рис. 28, 29]. Предварительное изучение керамической коллекции показало, что керамика между собой отличается качеством состава теста и формов-

ки, а также разнообразием ячеек вафельного орнамента на стенках. Среди обнаруженных донышек сосудов имеется одно, поверхность которого также покрыта вафельным орнаментом. Это – единственный случай орнаментации дна сосуда михайловской культуры.

Постройка 31а располагалась в заброшенном котловане жилища 31 у его северной стенки, ближе к северо-западному углу. Ее размеры примерно 200×97 см. Конструкция состоит из трех вертикальных столбиков (четвертый не сохранился), на которые была положена деревянная рама. Боковые стороны перекрыты листами бересты. На полу постройки располагалась решетка из поперечных плах. Верхняя часть могла быть перекрыта широкими плахами или досками. Внутри находок не обнаружено. Судя по стратиграфии, постройка сооружена позже жилища 31 и, возможно, относится к михайловской культуре. Ее назначение - погреб для хранения пищевых припасов.

Таким образом, исследованная часть поселения показала, что оно не является однокультурным, а принадлежит минимум двум культурам, одна из которых – талаканская – более ранняя, другая – михайловская – более поздняя. Котлован жилища 31 население михайловской культуры использовало не только для сооружения в его границах погреба, но и для выброса бытового мусора. Особенно большое скопление фрагментов керамики и каменных артефактов отмечено в его юго-западной части. В заполнении же котлована жилища 31 найдена железная швейная игла. В слоях, окружающих котлованы данных жилищ, и в выбросе из котлованов встречаются каменные артефакты ранненеолитической новопетровской культуры, найдены отдельные фрагменты керамики урильской и польцевской культуры.

Список литературы

Деревянко Е.И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.

Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщикова, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табарев, А.В. Чёрнюк; отв. Ред. Е.И. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ МОГИЛЬНИКОВ V–VII ВВ. Н. Э. ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ОБИ (ЮЖНОТАЕЖНАЯ ЗОНА)

Левобережная пойма р. Оби имела исключительное значение в формировании хозяйственно-культурных типов древнего населения региона в голоцене [Троицкая, Новиков, 1998. С. 6–9; Сумин, 2003. С. 173–175; 2004. С. 78–80; 2006]. Именно с ней связана основная концентрация археологических памятников и микрорайонов в лесостепной и южнотаежной зонах Новосибирского Приобья [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980. С. 50–70; Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996]. Картографирование памятников верхнеобской культуры в Приобье показывает, что подавляющее большинство из них расположено на левом берегу Оби. В частности, именно на левом берегу Оби находятся все исследованные до этого могильники верхнеобской культуры [Троицкая, Новиков, 1998. С. 16–22]. Исключения составляют лишь правобережные могильник Чингис-2, относящийся к VIII–IX вв. н.э., расположенный на юге Новосибирской области, в лесостепном Приобье [Троицкая, Новиков, 1995. С. 138–153], и погребение по обряду кремации IX–X вв. Турист-1, расположенный в черте г. Новосибирска [Молодин, Новиков, Рогликов и др., 1993. С. 6, рис. 17, 18]. Однако, культурная принадлежность этих памятников явно связана с сильным влиянием, а возможно и с непосредственным проникновением в регион носителей тюркских культурных традиций.

Погребальные комплексы верхнеобской культуры V–VII вв. на правом берегу Оби, позволяющие в наиболее чистом виде зафиксировать погребальную обрядность автохтонного населения южнотаежного Приобья до начала проникновения в регион инокультурных групп, впервые планомерно исследовались автором в 1999–2003 гг. Были проведены раскопки на 5-ти могильниках Старобибеево (далее СБ)-1, 6, 7, 9 и Шумиха-4. Синхронность, единокультурность, близость расположения между собой и в одной ландшафтной зоне позволяет рассматривать их в рамках одной работы.

Всего на этих памятниках автором было исследовано 83 насыпи (62 погребения). Это увеличивает корпус источников по погребальной обрядности населения южнотаежного Приобья V–VII вв. н.э. приблизительно в 2 раза. Четыре из пяти памятников (СБ-1, 6, 7, 9) относятся к Ояшинскому археологическому микрорайону [Новиков, 2001; Новиков, Нешатаев, 2001], могильник Шумиха-4 расположен незначительно выше по течению Оби. Курганный могильник СБ-1 расположен на северной окраине кладбища с. Старобибеево (левая терраса р. Ояш), на расстоянии приблизительно

1,5 км по прямой линии к ЮЗ от могильников СБ-6, 7, 9. Памятники СБ-6, 7, 9 расположены в 13 км к С от с. Новобибеево, в 100-150 м от края террасы правого берега р. Обь, в густом сосновом бору, на небольших дюнах, расположенных недалеко друг от друга.

Могильники СБ-1, 6, 7, 9 обнаружены А.А. Адамовым в 1979 г. В начале 1990-х гг. часть их насыпей несанкционированно раскапывалась местными жителями - школьниками с. Болотное под руководством учителя - краеведа. Найдки из раскопок СБ-6, полученные ранее, опубликованы [Троицкая, Елагин, 1995; Троицкая, Савин, 2005; Троицкая, Савин, 2007; Троицкая, Шишкян, 2000]. Однако документация этих раскопок отсутствует, что делает практически невозможным анализ погребальной обрядности этих памятников, поэтому в данной работе учтены материалы только наших исследований. Курганный могильник Шумиха-4 был обнаружен А.П. Бородовским и автором в 2002 г. (отчет С.В. Колонцова), он расположен в 1,5 км к ЮЗ от с. Шумиха, также в южнотаежной зоне Приобья. Полностью исследован автором в 2004 г. Основные характеристики погребальной обрядности исследованных автором могильников представлены в таблицах №1 и 2.

Погребальная обрядность исследованных памятников, в целом, не противоречит особенностям I периода погребально-поминальных традиций

Таблица 1. Характеристика погребальной обрядности исследованных курганов

Могильник	Кол-во исследов. насыпей	Кол-во исследов. погребений	Погребения на материке или выше	Погребения углубл. в материк	Ингумация	Кремация
СБ-1	2	2	1	1	2	Нет
СБ-6	10	7	4	3	7	Нет
СБ-7	22	25	15	10	21	4
СБ-9	6	4	1	3	3	1
Шумиха-4	43	24	14	10	23	1
Всего	83	62	35	27	56	6

Таблица 2. Ориентация головы в погребениях по обряду ингумации

Могильник	св	ссв	с	сз	вюв	юв	в	Оrient. не установлена
СБ-1	1	-	-	-	-	-	-	1
СБ-6	1	-	-	-	1	-	2	3
СБ-7	5	1	2	2	-	-	-	11
СБ-9	-	-	-	-	-	-	-	3
Шумиха-4	-	-	-	-	5	10	2	6
Всего	7	1	2	2	6	10	4	24

верхнеобской культуры [Троицкая, Новиков, 1998. С. 22-24], однако, полученные данные внесли уточнения в ее характеристики:

1. Ранее отмечалось, что для погребений верхнеобцев V–I пол. VIII вв. преимущественной (84 %) была ориентация головы на СВ (с отклонениями) и лишь в отдельных случаях (16 %) погребенные ориентированы на ЮВ (с отклонениями) [Троицкая, Новиков, 1998. С. 2]. Новые данные это соотношение представляют иначе – СВ ориентация (с отклонениями) – 37,5 %, ЮВ ориентация (с отклонениями на В) – 50% и В ориентация – 12,5 % от установленных. Причем, ЮВ (с отклонениями) ориентация погребенных явно локализуется в одном могильнике – Шумиха-4. Интерпретация этого факта может быть различной. Не исключено что подобная устойчивая ориентация погребенных (отличающаяся от наиболее распространенной в это время) связана с какой-то локальной микрогруппой населения южнотаежного Приобья в VI–VII вв.

2. При раскопках сплошной площадью могильника Шумиха-4 (единственный памятник Приобья V–VII вв. полностью исследованный подобным образом) выяснилось, что часть насыпей не имела погребений, и наоборот – отдельные погребения расположены вне каких-либо насыпей. Несоответствие насыпей и погребений зафиксировано и на других верхнеобских могильниках (СБ-6, 7, 9). Обнаруженные на площади могильников насыпи без погребений («кенотафы»), тем более при наличии в них каких-либо находок, традиционно интерпретируются как поминальные комплексы. Ранее уже было отмечено 3 случая обнаружения «кенотафов» в памятниках I этапа верхнеобской культуры Красный Яр-1 и Умна-3 [Троицкая, 1990, с.-256-258]. Однако, сейчас очевидно, что «кенотафы» не были редким фактом. Можно говорить также о выделении нового типа погребений верхнеобцев V–VII вв. – безкурганных захоронениях.

3. Исследования могильников позволили увеличить количество погребений V–VII вв. по обряду кремации в южнотаежном Приобье (ранее было известно лишь одно – Каменный Мыс, курган 1). Обнаружение еще 6-ти подобных погребений позволяет поставить вопрос о присутствии в погребальной обрядности населения южнотаежного Приобья дотюркского времени кремации и не связывать ее исключительно с влиянием тюркоязычного населения в более позднее время.

4. Сравнение ассортимента и количества находок в погребениях и насыпях исследованных могильников, показывает, что верхнеобские могильники V–VII вв. н.э. демонстрируют равную степень или даже явное преобладание именно курганных насыпей по степени распространения находок. Любой погребальный комплекс делит пространство на «тот» и «этот» мир, а погребально-поминальная обрядность, в целом, предполагает действия «до», «во время» и «после» погребения умершего [см., например, Смирнов, 1997. С. 23-30]. В связи с этим, находки, обнаруженные в погребениях связываются нами с тафологическими действиями, а находки, обнаруженные в насыпях – с мнемологическими действиями. Это дает основания предполагать, что система мнемологических представлений и обрядовых действий верхнеобцев на местах

погребений, отразившаяся в количестве и ассортименте находок, прокалах, в V-VII вв. н.э. была достаточно развитой и, вероятно, продолжительной.

Список литературы

- Молодин В.И., Новиков А.В., Росляков С.Г., Новикова О.И., Колонцов С.В.** Археологические памятники г. Новосибирска. – Новосибирск: Наука, 1993 – 33 с.
- Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н.** Археологические памятники Кольыванского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 2. – Новосибирск: Наука, 1996 – 192 с.
- Новиков А.В.** Исследования в Ояшинском археологическом микрорайоне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 426-427.
- Новиков А.В., Нешатаев А.М.** Новый археологический микрорайон в северной части лесостепного Приобья // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 64-65.
- Смирнов Ю.А.** Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1997. – 279 с.
- Сумин В.А.** Реконструкция окружающей среды, ее особенности и влияние на формирование археологических микрорайонов на территории Кудряшевского бора в древности // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. – Тюмень, изд. ИПОС СО РАН, 2003. – С. 173-175.
- Сумин В.А.** Опыт комплексного исследования Кудряшевского археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск, ОмГУ, 2004 – С. 78-80.
- Сумин В.А.** Крохалевский археологический микрорайон как источник комплексного изучения жизни древнего населения Верхнего Приобья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2006 – 24 с.
- Троицкая Т.Н.** Новый тип «поминальных» памятников в Западной Сибири // СА, 1990, №2 – С. 256-258.
- Троицкая Т.Н., Елагин В.С.** Старобибеево-6 – могильник VII в. н.э. // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: АОЗТ Кузбасс-вузиздат, 1995. – С. 225-242.
- Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И.** Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 184 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Средневековый могильник у с. Чингис // Средневековые древности Западной Сибири. – Омск, ОмГУ, 1995. – С. 138-153.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998 – 150 с.
- Троицкая Т.Н., Савин А.Н.** Изготовление гарнитуры наборного пояса из могильника Старобибеево-6 // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 143-157.
- Троицкая Т.Н., Савин А.Н.** Полые изображения животных (по материалам верхнеобской культуры Новосибирского Приобья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, №4 (32) 2007. – С. 67-76.
- Троицкая Т.Н., Шишкин А.С.** Изображения бобров из Старобибеево-6 // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Известия ОмГУ. – Омск: ОмГУ, 2000. – С. 205-207.

КЛАССИФИКАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ ЛЕСОСТЕПНОЙ И ЮЖНОТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Височные кольца – украшения, входившие в состав, как правило, женского головного убора (крепились на ремешках, продевались друг в друга и подвешивались на венчике), однако они могли быть вплетенными в волосы или вдетьми в уши, как серьги.

Нами была произведена классификация височных колец лесостепной и южнотаежной зоны Западной Сибири, в ходе которой было учтено 70 опубликованных экземпляров. Категория («височные кольца»), определяется по назначению предмета и делится на группы по материалу изготовления. Поскольку специальные металлографические анализы височных колец не проводились, то истинный состав металла нам не известен. Авторы называют их «бронзовыми», «медными» или «серебряными» строго говоря, не имея для этого оснований. Поэтому в данной работе мы будем определять группы, обозначая группы «желтый металл» и «белый металл». Отделы классификации определяются по форме, типы - по форме подвески и кольца, подтипы по дополнительным деталям оформления.

Все височные кольца лесостепной и южнотаежной зоны Западной Сибири имеют форму несомкнутого кольца, иногда с подвесками. Такая форма напоминает один из типов кольчатых серег. К сожалению, авторы публикаций не объясняют, что они понимают под височными кольцами и серьгами, а в связи с внешним сходством этих категорий нередко возникает трудность в их идентификации. Зачастую эти предметы не разделяются или разделяются без каких-либо на то оснований, в результате чего предметы одинакового типа относятся то к серьгам, то к височным кольцам.

Основной отличительной особенностью височных колец является больший (по сравнению с серьгами) диаметр, а соответственно вес изделия и способ ношения в составе головного убора (если способ ношения не реконструируется, то не имеет смысла причислять рассматриваемый предмет к височным кольцам). Руководствуясь этим отличием, считаем целесообразным категории украшений, названные в работах височными кольцами, но не обладающими признаками таковых, относить к серьгам и не учитывать такие типы в классификации.

Группа 1. Желтый металл. В первой группе учтено 57 экз.

Отдел 1. Округлые.

Rис. 1. Височные кольца (1-10), кольт (11).

- 1 - Басандайка к. 54, п. 1; 2 - Астраханцевский могильник к. 29, п., к. 2;
 3 - Заречно-Убинский могильник; 4 — БЕ III, п. 3; 5 — БЕ XVI, п. 6;
 6 - Санаторный к. 5, п. 3; 7 - Осинкинский, п. 74; 8, 9 - Басандайка к. 25, п. 3;
 10 - Санаторный-1 к. 10, п. 8; 11 - Усть-Ишимский могильник к. 13.

Тип 1. (Рис. 1, 1) В форме несомкнутого кольца без дополнительных элементов. Всего 31 экз.: курганный могильник (далее - КМ) Басандайка к. 7, п. 1 (2 экз.). к. 66 (диаметр ок. 4 см) (2 экз.) [Плетнева, 1997. С. 246, рис. 84, 2, 3; Басандайка, 1948. С. 21. табл. 64. №№ 101, 108], могильник Осинкинский, п. 45 (1 экз.), 46 (2 экз.), 54 (2 экз.) [Савинов, Новиков, Рос-

ляков, 2008. С. 45 табл. XVI, 10. С. 46 табл. XVIII, 4, 10]. КМ Санаторный-1 к. 1, п. 7 (3 экз.), 8 (2 экз.), к. 2, п. 6 (2 экз.), 13 (1 экз.). к. 3, п. 2 (1 экз.). к. 5. п. 5 (2 экз.), к. 10, п. 8 (2 экз.), к. 12, п. 5 (1 экз.), к. 21, п. 2 (2 экз.), к. 27, п. 3 (2 экз.) [Гам же, С. 166, рис. 10, 1-3. С. 167, рис. 12, 5, 6. С. 171, рис. 20, 2, 3. С. 176, рис. 30, 12. С. 186, рис. 45, 4, 46, 2. С. 188, рис. 50, 6, 7. С. 202, рис. 77, 2, 3. С. 208, рис. 85, 6. С. 259. рис. 165. 2, 3. С. 274, рис. 193, 3, 4], КМ Усть-Ишимский к. 1, п. 1, к. 2, п. 3, к. 12 (3 экз.) [Коников. 1983, рис. 1, 4; 2, 13. 4, 12] КМ Ильчибага I к. 14 (1 экз.) [Коников, 2007. С. 369, рис. 125, 15].

Тип 2. (Рис. 1, 2) Один конец дужки образует петельку в виде 8-ки. 1 экз. из КМ Астраханцевского, к. 29, п., костяк №2 [Плетнева, 1997. С. 184, рис. 20, 6].

Тип 3. (Рис. 1, 3) Одна половина дужки витая. Конец одной из дужек закручен в плотную спираль. 1 экз. КМ Заречно-Убинское [Басова, Малиновский, 2006. С. 256, рис. 1. 11].

Отдел 2. Спиралевидные.

Тип 1. Состоят из одного спиралевидного кружка. 5 экз.: КМ Релка (1 экз.) [Чиндина, 1991. С. 172, рис. 32, 1], КМ Березовый Остров к. 1, п. 3 (1 экз.) [Адамов. 2000. С. 181, рис. 34, 10], КМ Саратовка к. 19, п. 2 (1 экз.) [Илюшин, 1999. С. 145, рис. 62. 49]. КМ Усть-Ишим I к. И (1 экз.) [Коников, 2007. С. 459, рис. 300], пос. Кипо-Кулары (1 экз.) [Коников, 1984. С. 86, рис. 6, 9].

Тип 2. (Рис. 1, 4) Состоят из двух спиралевидных кружков (в форме 8-ки). От меньшего (верхнего) кружка отходит стерженек для подвешивания. 3 экз. КМ Катанда I к. 5 (2 экз.) [Гаврилова, 1965, рис. 4, 1], Ближние Елбаны III (далее БЕ), п. 3 (1 экз.) [Грязнов. 1956. С. 118, табл. XLV, № 5].

Отдел 3. Округлые с подвеской.

Тип 1. (Рис. 1, 5) В форме двух несомкнутых колец, продетых друг в друга, одно из которых большего диаметра (3 см). 1 экз. из могильника БЕ XVI, п. 6 [Абдулганеев. Горбунов, Казаков, 1995. С. 251, рис. 2, 15].

Тип 2. С подвеской в форме диска. 13 экз.

Подтип 1. (Рис. 1, 6). Со стеклянной подвеской. КМ Санаторный-1 к. 1, п. 8 (2 экз.). к. 5, п. 3 (2 экз.), к. 20, п. 4 (2 экз.) [Савинов, Новиков, Росляков, 2008. С. 167, рис. 12, 7, 8].

С. 186, рис. 46, 1. С. 250, рис. 149, 5, 6], КМ Басандайка к. 97, п. 2 (1 экз.) [Плетнева, 1997. С. 252, рис. 90, 4], городище ОАМ - 32 (Ояшинский археологический микрорайон) (1 экз.).

Подтип 2. Подвеска из ляпис-лазури (лазурита). 1 экз. КМ Басандайка к. 25, п. 2 [Басандайка, 1948. С. 37, табл. 44, 36], 4 экз. КМ Ташара-Карьер-2 к. 2, п. 1, к. 10. п. 2 [Савинов, Новиков, Росляков, 2008. С. 295, рис. 12, 1. С. 321, рис. 75, 11, 12].

Тип 3. (Рис. 1, 7). С подвеской бусиной. 2 экз.

Подтип 1. С полой металлической бусиной, нанизанной на дужку. 2 экз. из Осинкинского могильника, п. 74 [Там же. С. 50, табл. XXV, 3-5].

Тип 4. Подвесками к височным кольцам служили китайские монеты. 2 экз. КМ Басандайка к. 8, п. 1 [Плетнева, 1997].

Группа 2. 1. Составные украшения, включающие височные кольца (из желтого металла). 4 экз.

Отдел 1. Округлые.

Тип 1. С дисковидной подвеской. 1 экз. КМ Басандайка к. 25, п. 3 [Басандайка, 1948. С. 38, табл. 49, 90].

Тип 2. С подвесками из лазурита и бронзовыми подвесками в форме полых шариков. 3 экз.

Подтип 1. (Рис. 1, 8) С дисковидными подвесками. 2 экз. КМ Басандайка к. 25. п. 3 [Басандайка, 1948. С. 38, табл. 49, 88, 93].

Подтип 2. (Рис. 1, 9) С подвеской в форме треугольника. 1 экз. КМ Басандайка к. 25, п. 3 [Басандайка, 1948. С. 38, табл. 49, 91].

Все экземпляры этой группы входили в состав головного убора, от которого сохранились четыре ленты, расшитые бисером и украшенные бронзовыми бляшками, к концам лент крепились вышеперечисленные типы височных колец [Там же. С. 38. табл. 49, 88, 90, 91, 93].

Группа 2. 2. Биметаллические (желтый металл, белый металл). 2 экз.

Отдел 1. Округлые.

Тип 1. В форме несомкнутого кольца из желтого металла диаметром 5 см, на которое нанизано такое же кольцо, только меньшего размера и изготовленное из белого металла. 2 экз. КМ Басандайка к. 54, п. 1 [Басандайка, 1948. С. 24, табл. 59, 65, 66].

Возможно, такое составное украшение являлось частью головного убора, о чем свидетельствует кожаный ремешок, находившийся внутри одного из височных колец, а также остатки кожи от головного убора, обнаруженные под черепом погребенного [Там же. С. 24].

Группа 3. Белый металл. 7 экз.

Отдел 1. С окружной дужкой и съемной подвеской.

Тип 1. С подвеской из лазурита. Всего 3 экз.

Подтип 1. (Рис. 1, 10) С плоской эллипсовидной подвеской. 1 экз. к. 10, п. 8 КМ Санаторный-1 [Савинов, Новиков, Росляков, 2008. С. 203, рис. 77, 9].

Подтип 2. С плоской ромбовидной подвеской. 2 экз. КМ Басандайка к. 77. и. 5 [Басандайка, 1948, табл. 86, 89, 90].

Тип 2. Два височных кольца продетые друг в друга, на одно из которых могла быть нанизана бусина. 4 экз. КМ у р. Малая Киргизка к. 52 а, п. 1 (2 экз.), п. 2 (2 экз.) [Плетнева, 1997. С. 305, рис. 143, 4, 5. С. 306, рис. 144, 7, 8].

Отдел 2. Колт. (Рис. 1, 11) Основа изделия - полое объемное несомкнутое кольцо, к верхней части которого прикреплена проволочная дужка. Колт украшен полосами скани и треугольниками зерни. Всего 1 экз. КМ Усть-Ишимский к. 13 [Коников, 1984. С. 94. рис. 4, 8].

Височные кольца разных типов получают широкое распространение с начала II тыс. н. э. на обширных пространствах Евразии и бытуют вплоть до этнографической современности [Жилина, 2002; Арсланова, 1995; Седова, 1981 и др.]. Сравнивая западносибирские образцы височных колец с европейскими, следует отметить более изящное исполнение последних и

разнообразие материалов изготовления. В целом, можно отметить значительно меньшую популярность височных колец в начале II тыс. н.э. в Сибири по сравнению с европейской частью России.

Список литературы

- Абдулганиев М.Т., Горбунов В.В., Казаков А.А.** Новые могильники второй половины I тысячелетия н.э. в урочище Ближние Елбаны // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. - Кемерово, 1995. - С. 243-252.
- Адамов А.А.** Новосибирское Приобье в X-XIV вв. Тобольск - Омск: ОмГПУ, 2000.-256 с.
- Арсланова Ф.Х.** Погребение под «сводом» у села Избрижье // Плесский сборник. Вып. II - Плес., 1995 - С. 26-39.
- Басандайка.** - Томск, 1948.-218 с.
- Басова Н.В., Малиновский В.Б.** Серги из Заречно-Убинского могильника эпохи средневековья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. - Т. XII, ч. I.- С. 255-260.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. -М.; Л.: Наука, 1965.- 144 с.
- Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. - 161 с. - (МИА; № 48).
- Жилина Н.В.** Эволюция древнерусского металлического убора в IX-XI вв. // ИКРЗ. 2001 -2002.-С. 38-49.
- Илюшин А.М.** Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. - 160 с.
- Коников Б.А.** Курганская группа Х-ХП вв. н.э. у с. Усть-Ишим Омской области (к вопросу об усть-ишимской культуре) // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири: Сборник научных трудов. - Новосибирск: НГПИ, МП РСФСР, 1983. -С. 96-111.
- Коников Б.А.** Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Прииртышья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. - Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1984 а. - С. 88-98.
- Конников Б.А.** Вопросы раннесредневековой археологии таежного Прииртышья (в связи с исследованиями поселения и курганной группы у д. Кипо-Кулары Омской области) // Проблемы этнической истории тюрksких народов Сибири и сопредельных территорий. - Омск: Изд-во ОмГУ, 1984 б. - С. 77-95.
- Конников Б.А.** Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. - Омск: Изд-во ОмГПУ; Изд. Дом «Наука», 2007. - 466 с.
- Плетнева Л.М.** Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). - Томск: Изд-во Томского, ун-та, 1997. - 350 с.
- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г.** Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. - 424 с.
- Седова М.В.** Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). - Москва: Изд-во «Наука», 1981.- 196 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. - 181 с.

НОВОЕ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ УСТЬ-КЕУЛЬ I В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

Геоархеологическое местонахождение Усть-Кеуль располагается на левобережном приустьевом участке р. Кеуль в северной оконечности среднего течения р. Ангары, в 2.5 км на юг от новой деревни Кеуль на левом ангарском берегу. Принадлежит Усть-Илимскому району Иркутской области. Усть-Кеуль I означает геоархеологическое местонахождение, официально зарегистрированное как объект археологического наследия первым в списке таковых объектов в приустьевой местности р. Кеуль (рис. 1). До строительства Ангарского каскада ГЭС устья рек Тушамы, Кеуля, Едармы относились к району Северной оконечности Среднего течения р. Ангары. Теперь местонахождение Усть-Кеуль географически принадлежит участку Ангары субмеридионального простирания, который является частью Северного Приангарья занимает среднюю часть Среднесибирского плоскогорья, на востоке выходит к Ангаро-Ленскому водоразделу, на западе примыкает к Западно-Сибирской равнине.

Геоархеологическое местонахождение Усть-Кеуль I было обнаружено в 1998 г. Е.О.Роговским (Нижне-Ангарский отряд Ангаро-Байкальской комплексной археологической экспедиции ИГУ) во время проведения работ по межведомственной программе выявления, картирования и мониторинга археологических объектов на территории Иркутской области. В 2007 г. при выполнении мероприятий по инвентаризации объектов археологического наследия Усть-Илимского района, расположенных в границах затопления будущего ложа Богучанской ГЭС на территории Иркутской области, осмотр был повторен и археологический материал был обнаружен в осыпях берегового обнажения (3-5 м), а также в почвенно-растительном горизонте и в отложениях ниже по геологическому разрезу.

Экспонированный материал, включал изделия из камня и фрагменты керамики.

Рекогносцировочные работы в 2008 г. имели задачей исследовать на объекте геостратиграфическую и техносedиментационную последовательность формирования рыхлой толщи Усть-Кеуль I и распределение палеотехнологических остатков в разрезе толщи ископаемых геологических ситуаций. На местонахождение были заложены две врезки и три шурфа.

Рис. 1. Георхеологическое местонахождение Усть-Кеуль в
Северном Приангарье

Врезка № 1 располагалась на левом приустьевом мысу с относительным превышением над ангарской меженой 9 м. Площадь врезки на уровне закладки составила 2 м^2 , в нижней части на дне врезки – увеличилась до 8 м^2 . Мощность вскрытых отложений составила 4.8 м. Геологическое строение разреза образовано и представлено супесями, подразделенными на две пачки.

Отложения	Мощность в м
1. Почвенно-дерновый горизонт	0.15 – 0.20
2. Пачка супесчаных пылеватых отложений серого, темно-серого, буровато-серого цвета, представленная интенсивно- и слабогумусированными прослойями с нечеткими границами, мощностью до 0,3 – 0,5 м. В кровле прослои имеют относительно горизонтальное залегание, в средней части и в подошве читается падение прослоев по склону к береговой линии р. Ангара. По всей толще отмечаются валуны до 1,0 м. – Голоцен (Нl) горизонт «А».	1, 70 – 1,80
3. Пачка слоистых слабогумусированных супесчаных, суглинистых в подошве, палево-коричневых, белесовато-коричневых, рыжевато-коричневых прослоев, имеющих согласное горизонтальное залегание. Мощность прослоев до 0, 10 – 0,25. По всей толще вскрытых отложений отмечаются валуны до 1,0 – 1,5 м., концентрация которых возрастает в подошве. Голоцен (Нl) горизонт – «В». Мощность до	1,80 - 2,00
4. Валунник с галечно-гравийно-песчаным заполнением. Видимая мощность до	1,50

Подошва разреза рыхлых образований покоятся на постели валунника с заполнением нижней части последнего сырой галечно-гравийно-песчаной несортированной массой. Валуны, размеры которых в поперечнике достигают двух и более метров, и крупная галька фиксируются и на дневной поверхности, и по всему разрезу.

Во врезке № 1 зафиксировано 11 культуросодержащих уровней. В первом уровне встречены находки раннего железного века и «русской» археологии, что обусловлено деятельностью деревни Кеуль, которая находилась на этом месте. Второй уровень, в котором на площади 2 м² было зафиксировано 243 находки, в массе содержит крицу – 104 экз., керамику – 117 фрагментов, а также 4 отщепа и 12 фрагментов кости. Особый интерес представляют две находки, предположительно – формы для металлоизделия. Внешне, они напоминают эпифиз трубчатой кости с цилиндрической полостью внутри. Одна из форм рассечена. Целая форма имеет следующие размеры: высота 3,4 см, max ширина 2,5 см, min 1,4 см. Отверстие глубиной 2,9 см, диаметр отверстия – 0,8 см. Третий горизонт представлен фрагментами гладкостенной керамики и сосудов с налепными валиками, а также наконечником с прямой базой. В четвертом уровне зафиксирована керамика – гладкостенная и с налепными валиками, фрагменты костей и одно бронзовое изделие – фрагмент тонкой пластины, предположительно – носок ножа. Пятый, шестой и седьмой уровни представлены многочисленными фрагментами штриховой керамики, мелкими фрагментами костей, наконечниками с прямой базой, отщепами, 3 микропластинками. В восьмом уровне на площади 4 м² зафик-

сировано 205 находок: фрагменты сетчатой керамики, многочисленные чешуйки, отщепы, фрагменты пластин, множество мелких фрагментов костей, в том числе жженые, и костей ихтиофауны. Уровень девятый фиксировался по всей площади врезки и содержал 220 единиц находок: многочисленные сколы, отщепы, чешуйки, пластинки и микропластинки и их фрагменты. В десятом уровне было зафиксировано только 3 скола и 1 пластинка в северо-западном углу врезки. Ниже был обнаружен один артефакт-заготовка плоскофронтального нуклеуса из гальки. В уровнях (2-8) основным субстратом служил кремень и халцедон, изделия из трапповых пород единичны. В отложениях уровней 9 – 11, все артефакты изготовлены из эфузивов.

Предварительно, культурная хроностратиграфия в зачистке выглядит следующей: 1-4 уровни отнесены к раннему железному веку; 5-7 – к эпохе бронзы. Уровни с 8 по 11 отнесены к различным этапам неолитического времени. Возможно, при будущих полевых исследованиях временная граница существования ископаемых культур уровней 10-11 может опуститься до финала плеистоценена. Общее количество учтенных единиц находок по всем уровням врезки № 1 более 1000 экз.

Врезка № 2 была заложена ниже по течению р. Ангары, в 100 метрах от врезки № 1. Она должна была фиксировать показатель распространения выявленных во врезки № 1 культуросодержащих уровней. Во врезке № 2 вскрыто 5 уровней залегания археологического материала в сходных с врезкой № 1 стратиграфических ситуациях. Во врезке было зафиксировано всего 55 артефактов, в том числе керамика: «русская» в 1 уровне, фрагменты гладкостенной керамики, с налепными валиками и штриховой керамики в 5 уровне. В первом уровне зафиксирована крица. В уровнях 2-5 зафиксированы сколы, отщепы и фрагменты пластин и микропластин. Полный профиль геологических отложений не пройден. Врезка № 2 пройдена до глубины 1.2 м от дневной поверхности и законсервирована для будущих спасательных площадных работ. В 50-ти метрах западнее врезки № 2, на поверхности террасовидного уступа с абсолютными отметками 204-205 м, заложен шурф (2x2 м). Шурф пройден до глубины 4.5 м. Верхний гумусированный слой в шурфе содержит в смешанном виде разновременные археологические материалы: «русскую» керамику, фрагменты керамики раннего железного века, единичные каменные артефакты и грузило, предположительно «русского» времени из песчаника цилиндрической формы. В слое фиксировались многочисленные техногенные нарушения. Ниже фиксировалась толща рыхлых отложений, соложенная супесями красновато-коричневого, белесовато-коричневого, светло- и темно-коричневых оттенков, в толще археологический материал не зафиксирован.

На склоне южной экспозиции, в 300 м от приусьевого мыса вверх по течению р. Кеуль, в зоне придolinного выполаживания заложено два шурфа (2x2 м). Абсолютная отметка территории закладки шурfov

207 м, относительные 14-15 м от меженного уровня р. Ангары. Шурфы пройдены до глубины 6 м. Стратиграфическая ситуация выработок со-поставима со стратиграфией означенного выше шурфа. В этих шурфах геологические отложения пройдены до косослоистого крупного песка с дресвой и мелкой галькой. Археологический материал в шурфах не зафиксирован.

Таким образом, по результатам рекогносцировочных работ 2008 г. геоархеологическое местонахождение Усть-Кеуль являет собой многослойный геоархеологический объект времени от финального плейстоцена? до позднего средневековья («русская» археология).

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПТИЦ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ
СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ
ОБЬ-ИРТЫШСКОГО ПРЕДТАЕЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ
МОГИЛЬНИКА УСТЬ-ИЗЕС-1)***

Птицы – пожалуй, один из наиболее распространенных, значимых и представительных образов в верованиях архаичных и традиционных обществ Евразии, уходящий корнями в глубокую древность. Птицы – демиурги – творцы окружающего мира, спутники божеств, ипостаси самих этих божеств, посланцы эпических героев, посредники между мирами, орнитоморфные предки, души человека и проводники этих душ в иные миры. Это и христоматийный орел Зевса, и угорское божество Мир-сусне-хум в образе лебедя, и крылатые персонажи обско-угорского и самодийского пантеонов – птицы Пюне, Таукси, Карс, и духи-предки-покровители мансиjsких селений Ворсик, Йибы. Халев-ойка – старики-трясогузка, филин, чайка и т.д. Разнообразие такого рода персонажей и представлений, с ними связанных, настолько велико, что даже самое общее их освещение требует усилий целого авторского коллектива. Но это дело будущего. А пока коснемся одного сюжета из обрядовой практики средневекового населения Обь-Иртышского предтаежья, в котором отразились мифоритуальные представления, связанные с птицами.

В ходе исследования курганныго могильника южнотаежного угорского населения XIII – XIV вв. Усть-Изес-1 на берегу р. Тартас (территория нынешнего Бенгеровского района Новосибирской области) [Соловьев, 1997, 2005] в нескольких захоронениях, наиболее представительных по инвентарю и сценарию погребального акта, обнаружены костные останки птиц. Они располагались в заполнении могильных ям над берестяными чехлами. К сожалению, именно эти части комплексов оказывались наиболее подверженны разрушительной деятельности грызунов и поэтому судить о том, насколько полно в первоначальном виде были представлены интересующие нас объекты, затруднительно. Однако, наличие костей крыльев ног, грудины, фрагментов черепа, позволяет говорить о том, скорее всего, речь должна идти о целых тушках птиц, некогда положенных сверху.

В этих находках легко усмотреть следы заупокойных тризн, которые, как принято считать, неизбежно сопровождают погребальные действия.

*Работа выполнена по гранту РГНФ 08-01-00281.

Но возможна и иная трактовка этих находок. В представлениях обско-угорского и самодийского населения Среднего и Нижнего Приобья птицам отводится видное место. Их роль особенно актуализируется в переломные моменты жизни человека, когда традиционное сознание сталкивается с необходимостью соприкосновения с сакральным миром [Сагалаев, 1991, с.86]. Одним из таких моментов является переход человека в иные миры. Согласно данным В.Н.Чернецова, одна из душ человека представляется в виде птицы [Чернецов, 1959, с.126, 128]. Именно этой душе покойный обязан возможностью своего дальнейшего перевоплощения и последующего возвращения на землю в человеческом обличии. По справедливому замечанию А.М.Сагалаева, «идея круговорота жизни оказывается чрезвычайно значимой для урало-алтайского мира», основные блоки мироощущения которого «просты и понятны: нельзя допустить бесследного исхода живого существа, ибо общество постоянно озабочено поддержанием своего наличного бытия» [1991, с.139-140]. И вполне естественно, что весь круг действий, обеспечивающий возможность такого круговорота, а следовательно, и души становились объектом особых забот соплеменников.

Для достижения этой цели использовался весь спектр доступных обрядовых и магических методов – имитативных и контагиозных. У аборигенов западносибирской тайги существовал обычай наносить птицевидные татуировки, которые делались, чтобы удержать душу человека в теле при жизни и после смерти помочь достичнуть загробного мира [Чернецов, 1959, с.128,129,131]. Очень близким по своему сакральному смыслу оказывается и традиция делать рисунки на поверхности погребальных сооружений. Это могли быть штриховые наброски, сделанные углем, ножом или даже фигурки, вырезанные из бересты и закрепленные снаружи [Чернецов 1959, с.144; Кулемзин, 1984, с137, Соколова, 1980]. Такие обычаи зафиксированы на Казыме, Северной Сосьве, Югане и, вообще, достаточно широко – на Средней и Нижней Оби. Сюжетами рисунков были небесные светила и птички. Планеты должны были обеспечить ориентацию в полутемном ином мире, а птичка доставить сюда душу. Впрочем, справедливости ради отметим, что по другой версии (С.И.Руденко) птичка должна была привязать покойного (могильную душу) к месту погребения и ограничить её возможности бродить вокруг [Кулемзин, 1984, с.138; Чернецов, 1959, с.144].

Традиция нанесения птицевидных изображений на поверхности бересстяных погребальных чехлов у угорского населения Обь-Иртышского предстаёт достаточно стара. Во всяком случае, среди материалов некрополя XIII – XIV вв. комплекса памятников Сопка-2 на р.Тартас (погр.№670) есть стилизованные граффити, которые могут быть соотнесены со стилизованным изображением “плишки” [Молодин, Соловьев, 2004, с. 102-104. Рис.XIII] – некой собирательной птицы, “птички”, “пичужки” [Симченко, 1965, с.106, табл.42,45,48], знак которой (“плишка”), по мнению Ю.Б.Симченко имел культовое значение и часто ставился родственниками [1965, С.106-107]. Изображения птички-плишки известны и среди упо-

минавшихся уже татуировок [Там же, с.107], цель которых была удержать душу, сторожить её при жизни и сопровождать после смерти в загробный мир [Чернецов, 1959, с.128-9].

Практика нанесения подобных изображений известна и у самодийцев Западной Сибири, которые рисовали на “крыше” – верхней доске надмогильных домиков, а так же на отдельных досках, которые клались поверх могилы [Гемуев, Пелих, 1993, с.291 – 292; Бауло, 1980, рис.4].

Обратим внимание на то, что кроме птичек на поверхности гроба ханты иногда рисовали и какое-то животное похожее на лося, которое, как считалось, перевозит покойника в Нижний мир [Полевые материалы А.В.Бауло]. Суммируя сказанное, отметим, что в этих случаях представители животного и крылатого мира оказываются связанными с заупокойной транспортировкой какой-то нематериальной части покойного. Думается, не требует особых доказательств тот факт, что данные изображения являются смысловым аналогом реальных живых существ. Так «лоссевидные» животные явно алломорф оленей, использовавшихся в погребальной практике угорского и самодийского населения Приобья, которые в свою очередь сами являются алломорфом лошади – основного транспортного животного в обрядовой практике средневековых популяций Северной и Центральной Азии). Аналогично дело обстоит и с птицами. Меж культовых действий церемоний угорского населения Приобья сохранился ритуал «проводов души» (высвобождения некой жизненной сущности связанной с конкретным усопшим человеком и пребывавшей в его изображении Опт-акан – обские угры, «Кедол-куллага» – самодийцы), описание которого для разных групп обских угров сделаны В.Н.Чернцовым и А.В.Бауло [Чернецов, 1959, с.151; Бауло, 2002, с.62-63], а для селькупов Г.И.Пелих [1980, с.60]. По сути, этот обряд можно назвать «вторыми похоронами», с которыми он во многом совпадает структурно и, очевидно, связан происхождением [Молодин, Соловьев, 2007]. Особо отметим, что в этих случаях используются тушки птиц (в данном случае уток), которые мыслятся провожатыми улетающей души, и то обстоятельство, что на памятнике Усть-Изес-1 есть подкурганные объекты, скорее, всего связанные с такими обрядовыми действиями.

Использование реальных представителей териофауны в ритуальной практике древнего населения Евразии феномен самой широкой культурной, территориальной и культурной принадлежности. Не являются исключением и сакрализуемые обрядами пернатые создания. С учетом того места, что отводится им в мифоритуальных воззрениях лесного населения Западной Сибири, складывается впечатление, что птицы, остатки которых были обнаружены над берестяными чехлами усть-изесских погребений, являлись важными участниками, погребальных мистерий, в которых им отводилась роль доставлять некое жизненное начало усопшего человека «в ту область мифического пространства, откуда его вновь получают люди» [Сагалаев, 1991, с.125].

Не исключено, что и те разрозненные кости пернатых, что были встречены в других погребениях некрополя, да и, вообще, порой попадаются в надмогильных сооружениях и заполнениях ям, так же связаны совсем не с тризами, а с порциальным употреблением в обрядовой практике тушки птицы. В этих случаях использована только кожа (снятая вместе с перьями, крыльями и лапами), которая имела самостоятельное значение, аналогично шкурам животных. В частности, лошадей, их которых делались макеты-чучела. Кстати, погребения со шкурой или чучелом лошади известны среди материалов могильника Усть-Изес-1. Отметим, что практика, помещения шкурок крылатых созданий, снятых вместе с перьями, крыльями и лапами, хорошо известна на культовых местах обских угров [Гемуев, 1990, с.142]. Здесь же после совершения цикла необходимых церемоний сохраняются и шкуры других животных. Т.е. можно сказать, что в данном случае налицо явления одного типологического ряда. Рисунки же на погребальных конструкциях оказываются, на наш взгляд, продолжением архаичной традиции сакрального использования террио- и орнитофауны и фактически являются дематериализацией живых существ.

Смыслоное значение этих феноменов в погребальной практике угорского, да, пожалуй, и самодийского населения за многие сотни лет мало изменилось, что позволяет говорить о глубоких многовековых корнях мировоззренческих идей, пульс которых ощущается как минимум за 600 лет до наших дней.

Список литературы

- Бауло А.В.** Надмогильные сооружения у Тазовских селькупов // Этнография Северной Азии. - Новосибирск: Наука, 1980. - С. 185-190.
- Бауло А.В.** Культовая атрибутика березовских хантов. - Новосибирск: ИАЭТ, 2002. - 92 с.
- Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: дом и космос. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 199 с.
- Гемуев И.Н., Пелих Г.И.** О погребальной обрядности селькупов // Akta Etnographika.- 1993. - 338 (1-3). - С. 287 - 308.
- Кулемзин В.М.** Человек и природа в верованиях хантов. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. - 191 с.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми- Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. - Т.2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. - 184 с.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.** Типология культовых комплексов эпохи средневековья Обь-Иртышской лесостепи и некоторые аспекты их семантики // Археология, этнография и антропология Евразии. № (3) 2007. – С. 144-152.
- Пелих Г.И.** Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. - Новосибирск: Наука, 1980. - С. 5 - 70.
- Симченко Ю.Б.** Тамги народов Сибири XVII в. - М.:Наука,1965. - 227 с.
- Соколова З.П.** Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири. - М.: Наука, 1980. - С. 125 - 143.

Соловьев А.И. Некоторые итоги исследования курганных насыпей у села Усть-Изес // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. - С. 281-288.

Соловьев А.И. К вопросу об особенностях погребальной обрядности средневекового населения Обь-Иртышского предтаежья (по материалам могильников Усть-Изес 1,2) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т.XI, ч. I. – С. 450-454.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Тр ИЭ, Нов. Сер., 1959. - Т.51. - С 114 - 156.

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

Характерной чертой, определяющей культурно-исторический колорит археологических памятников Японских островов, является обилие разнообразных антропоморфных изображений. Наиболее известными являются глиняные фигурки *dogu*, распространение которых связано с культурой Дзёмон, существовавшей здесь с VIII тыс. до н.э. по III в. до н.э. Следует отметить, что *dogu* – далеко не первые и не единственные предметы антропоморфной пластики, известные в Японии. К наиболее ранним изделиям такого рода японские учёные относят предметы, называемые *кокэси*, представляющие собой небольшие каменные жезлы с утолщением на одном конце и относящиеся к докерамическому периоду. Некоторые исследователи находят даже детали, напоминающие черты лица, хотя данный вопрос на сегодняшний день остаётся дискуссионным [Эсака Т., Оно М., 1983; Ёнэда, 1984]. С возникновением керамического производства непосредственно связаны глиняные фигурки *dogu*, включающие как антропоморфные, так и зооморфные фигурки. Среди них наиболее известны изображения собаки из раковинной кучи Оигогэндай, Кинки, относящиеся к позднему Дзёмону; фигурки молодых кабанчиков из раковинной кучи Хинохама, Хоккайдо, из Токосинай, Аомори, относящаяся к заключительному периоду Дзёмон. Известны также изображения птицы, лошади, богомола, черепахи, водяного насекомого, раковин, рыб. Одно из самых знаменитых зооморфных изображений – это «крыбка» из раковинной кучи Нэда, Канто. Помимо изображений животных встречаются статуэтки синкетичного облика, т. е. антропозооморфные изображения – *dogu*-кошка, *dogu*-обезьяна. В целом следует отметить, что в духовной культуре эпохи Дзёмон животные обладали, по-видимому, меньшей значимостью, чем в культурах европейских, хотя к некоторым представителям животного мира сформировалось устойчивое почтительное отношение [Мещеряков, 2003]. Например, в простонародной Японии кошек считали существами необычайными, умеющими общаться с потусторонними силами. Лошадей древнейшие японцы использовали крайне мало, активное знакомство с ними произошло сравнительно поздно – в эпоху Кофун (IV-VI вв. н. э.). Возможно, статуэтка, интерпретируемая как лошадь, изображает оленя, так как олень – традиционный объект охоты и почитаемое в японской традиционной культуре животное, упоминаемое в мифологических сводах. Собаки

были одомашнены, по всей видимости, уже в эпоху Дзёмон, о чём свидетельствуют изображения собак, а также научные исследования в этой области. Среди важных для всего Дальнего Востока представителей животного мира следует выделить черепаху, которая символизировала мудрость, долголетие и была связана с обрядами гаданием. [Мещеряков, 2003].

Антропоморфные глиняные изображения представляют собой наиболее многочисленную и разнообразную группу статуэток, различающихся по размеру, форме, орнаменту, которая обнаруживается в ряде случаев в сопровождении специальных сопроводительных конструкций и предметов. За долгое время своего существования догу претерпели значительные изменения – от ранних статуэток 3-5 см длины, до поздних, достигающих уже 45-50 см. От плоских до объёмных, среди которых встречаются и полые, и цельные, и орнаментированные, и лишённые орнамента [Соловьёва, 2005].

В эпоху Дзёмон существовали каменные антропоморфные фигуры, костяные изображения, раковины-маски, глиняные маски и глиняные пластины *doban*, сходные с *dogu* по характеру орнаментации. Примечательно, что глиняные маски в начале эпохи Дзёмон обязательно изготавливались в соответствии с размерами человеческого лица, с отверстиями для глаз, рта, и крепежных приспособлений. В более позднее время маски становятся меньше, а отверстия в них теряют функциональную обусловленность и приобретают характер элемента дизайна. [Egami, 1973].

На смену культуре Дзёмон пришла материковая культура Яёй, генетически не связанная с автохтонным населением Японских островов. Носители культуры Дзёмон были оттеснены к северо-востоку, многие традиции, в том числе керамического производства, были практически утрачены. Что касается антропоморфных изображений, то в эпоху Яёй также известны глиняные статуэтки, простые в изготовлении и лишённые орнамента [Egami, 1973].

И всё же традиция массового изготовления глиняных изделий сохранилась и, постепенно трансформируясь, оказывала воздействие на другую культуру, пока, столетия спустя, уже в другую историческую эпоху – Кофун – не произошел сильнейший выплеск творческой энергии, реализованный в глиняной пластике *ханива* – масштабном историческом и культурном явлении по яркости и самобытности вполне сопоставимом с феноменом *dogu* [Кодай-но Мэн, 1982]. Интересно, что наряду с сложнейшими в техническом отношении, крупным по размерам, достигшими широкого распространения *ханива* в то же время продолжает существовать и совершенно иная глиняная пластика, весьма напоминающая предметы встречающиеся в археологических материалов с поселений Северной Азии. Об этом свидетельствует находка серии глиняных статуэток поселенческого комплекса Танихата, Тоттори [Shinto, 2001]. Если *ханива*, как известно, являлись элементом погребального обряда, то простые фигурки вероятнее всего, служили отправлению общирных культов рядово-

го населения, которое и было (как и во всех традиционных обществах) носителем и хранителем «патриархального» традиционного мировоззрения, которое бережно сохранялось из поколения в поколения, приобретая в период Кофун форму, которая, будучи близка философии синто, фактически продолжает существовать и сегодня.

Нам уже доводилось обращать внимание на типологическое сходство пластики Дземон с материальными комплексами эпохи неолита и бронзы [Молодин, Соловьёва, 1997], и использовать данные северо-азиатских, в том числе западносибирских источников при интерпретации материалов с японских островов и реконструкции ряда возможных обрядовых аспектов использования антропоморфной пластики [Соловьева, 2005].

Таким образом, к кругу уже известных параллелей между мировоззренческими посылами традиционного общества японских островов и сферой сакральных представлений аборигенного населения Северной Азии (в том числе и Западносибирского Севера), прибавляется еще один важный факт, который подтверждает правомерность поиска параллелей в этом регионе для объяснения смыслового содержания некоторых категорий глиняной пластики. Значительное сходство комплексов глиняной пластики бесспорно местного происхождения, а также обстоятельство близости археологического контекста обнаружения находок, предполагает сходство и в мировоззренческих установках, обусловивших особенности проведения ритуалов и последующего формирования археологического облика оставленных ими следов.

Список литературы

- Мещеряков А. Н.** Книга японских символов. Книга японских обыкновений. – Москва: Наталис, 2003. –556 с.
- Молодин В.И. Соловьева Е.А.** Феномен догу в контексте культур Евразии и Америки (к постановке проблемы) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1997. - С.239-246.
- Соловьева Е.А.** Догу: классификация и интерпретация: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 20 с.
- Egami N.** The Beginnings of Japanese Art. - New York – Tokyo, 1973. - 180 p.
- Shinto: The Sacred Art of Ancient Japan.** Ed. by V. Harris. The British Museum Press, 2001. – 933 p.
- Ёнэда К.** Догу. - Токио, 1984. - 110 с.
- Кодай-но мэн.** (Лики древности). - Фукуока, 1982. - 64 с.
- Эсака Т., Оно М.** Догу-но тисики. (Знание о догу). - Токио, 1983. - 144 с.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА МУЖСКИХ, ЖЕНСКИХ И ДЕТСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

В настоящее время в Горном Алтае известно 230 объектов афанасьевской культуры. Кроме того, еще более 20 сооружений числятся среди афанасьевских, хотя выделяются среди них по ряду признаков. Определение их культурной принадлежности затруднительно, т.к. они не составляют единой группы, а некоторые захоронения, например, по положению умершего (Ело-1,ogr.1 и др.) имеют сходство с афанасьевскими. Имеют необычные черты и некоторые из афанасьевских объектов. Попытки объяснить наличие необычных черт погребального обряда и инвентаря афанасьевской культуры Горного Алтая предпринимались неоднократно, однако вопрос о том, что часть различий могут быть связаны с особенностями обряда погребения мужчин, женщин и детей практически не рассматривался. В данной работе приведены первые итоги анализа признаков погребального обряда и инвентаря погребений мужчин, женщин, детей и подростков. Пол и возраст погребенных учтены и при изучении типов и размеров надмогильных конструкций. Проведен анализ совмещения редких черт на одном объекте. В результате получены данные, которые показывают, что одни необычные признаки погребального обряда характерны только для захоронений женщин и детей, другие - мужчин.

Из 230 объектов погребения содержались в 208. Информация о поло-возрастных данных имеется по 175 захоронениям [Степанова, 2006]. В них похоронено 211 человек, в т.ч. 57 детей, 21 подросток, 133 взрослых человека. Дети и подростки составляют 37% от общего числа погребенных, мужчины 57%, женщины 43% от количества взрослых, у которых определен пол. Для афанасьевской культуры Горного Алтая характерны одиночные захоронения. Детей и подростков хоронили обычно в индивидуальных могилах по тому же обряду, что и взрослых, в оградах, пристроенных к сооружениям с могилами взрослых и подростков или находившимися в общей цепочке – могильники Сальдар-1, Кара-Коба-1, Нижний Тюмечин-1 и др. [Ларин, 2005; Посредников, Цыб, 1992; 1994].

Раскопанные афанасьевские надмогильные сооружения имели размеры от 0,8 м до 16 м. Размеры конструкций над погребениями мужчин - 2-15 м (большинство от 3 до 8 м), женщин - 2,5-11 м (чаще от 4 до 7 м), детей - 0,8-3 м. Крупные ограды (диаметром 8-11 м) встречаются как над мужскими, так и женскими захоронениями. Три объекта диаметром 13-15 м сооруже-

ны для мужчин, но в целом по размерам надмогильных конструкций над женскими и мужскими могилами существенных различий нет. В небольших сооружениях погребались не только дети, но и взрослые. К сожалению, по некоторым объектам, выделяющимся размерами, нет половозрастных определений.

В Горном Алтае при большом разнообразии надмогильных конструкций большинство составляют ограды из вертикально поставленных плит. Выяснилось, что 71% женских захоронений, 73% подростков, 87% детей совершено в оградах из вертикально поставленных плит, а мужских только 51%, т.е. мужчин чаще, чем женщин, подростков и детей хоронили в оградах из рваного камня, под насыпями.

Для афанасьевцев характерно положение на спине с согнутыми в коленях ногами. На правом боку погребено около 10% от числа погребенных, положение которых удалось определить. Более половины похороненных на правом боку составляют дети и подростки (7 детей, 4 женщины, 2 подростка, 1 мужчина и предположительно еще 2 женщины).

Для афанасьевской культуры характерна ориентация погребенных головой на ЮЗ, ЮЗЗ и З, но известны и другие варианты. Удалось выявить, что для мужчин характерна ориентация головой на ЮЗ, ЮЗЗ и из необычных вариантов чаще встречается ориентация на СВ. Для женщин преобладает ориентация головой на ЮЗ, остальные варианты отмечены как единичные случаи, для подростков и детей – З, ЮЗЗ, ЮЗ, СЗ, ВСВ и в меньшей степени СВ. В двойных и тройных захоронениях наиболее часто встречается ориентация головой на В, З, ЮЗ и ЮЗЗ. Оказалось, что наиболее неустойчив этот признак в погребениях детей и подростков.

Афанасьевские сосуды подразделяют на остро-, кругло- и плоскодонные, а по форме и пропорциям тулов на вытянутые (яйцевидные) и приземистые шаровидные или сферические. Сосуды с шаровидным туловом найдены менее чем в 15% могил. В основном, они были в могилах женщин, детей и подростков, лишь дважды в мужских и одном предположительно мужском захоронении (в семи случаях определений нет). В женских и детских захоронениях найдены и такие редкие предметы, как курильницы.

Представляет интерес размещение керамики в могилах. Сосуды ставили справа и слева от погребенного, возле головы и в ногах, у плеча и руки, в одной могиле в разных местах, т.е. для керамики нет четко определенного места в могиле. Однако при рассмотрении этого признака в соответствии с полом и возрастом погребенного удалось обнаружить несколько тенденций. В женских погребениях сосуды размещали справа, исключение составляет погребение из Куроты-II, где сосуды были слева и справа от погребенной. В захоронениях мужчин, детей и подростков глиняная посуда может быть справа и слева, но чаще справа. Размещение керамики у головы, ног, рук или плеча встречается приблизительно одинаково. Однако для мужских захоронений более характерно размещение у ног и плеча, женских - у руки, детей и подростков - у головы, ног и рук реже – плеча.

По частоте встречаемости выделяются погребения с пестами и жезлами (удлиненные гальки длиной 30-35 см) (Курота-2, к.2,3, Первый Межелик-1,ogr.9, 10, Н.Тюмечин-1,ogr.3, 9, Кор-Кобы-1,ogr.6, 9, Бертек-33, к.1 и др.). Оказалось, что большинство жезлов найдены в могилах мужчин, располагались они возле головы рядом с сосудом, у ног (параллельно или перпендикулярно скелету) и т.д.

Известно около 40 находок в могилах изделий из металла (меди, мышьяковистой бронзы, метеоритного железа, золота) или окислов меди. Чаще изделия из металла встречаются в погребениях мужчин, реже в детских и захоронениях женщин с ребенком. Заметно реже изделия из металла встречаются в одиночных погребениях женщин и всего в одном захоронении подростка найдены остатки изделия из металла. Предметы из металла предназначались детям с 3 лет и старше. Известно о 6 находках из железа: трижды в погребениях мужчин, дважды женщины и ребенок, и одном в погребении ребенка 6-7 лет. Золотые спиралевидные серьги найдены в погребениях мужчины и женщины с ребенком (Урусгин Лог-1, к.2, П.Межелик 1, о.12). Серьги чаще встречаются в захоронениях мужчин, браслеты - в погребениях женщин с ребенком. Только в мужских погребениях пока найдены ножи. Остальные предметы единичны, поэтому говорить о тенденциях невозможно.

Подводя итог, отметим, что по ряду признаков погребального обряда и инвентарю наблюдаются не только различия между погребениями мужчин, женщин и детей, но выделяется группа захоронений женщин и детей, совершенных на правом боку с сосудами шаровидной формы. Ранее проведен анализ встречаемости сосудов с шаровидным туловом с положением погребенных на правом боку и отмечено их совмещение - Первый Межелик-1, о.1, Кара-Коба-1, о.8, Сальдяр-1, к.8,9 и др. [Степанова, 2005]. В погребениях женщин и детей найдены курильницы, которые, как и положение на правом боку, традиционно относят к хронологически поздним признакам. По-видимому, совмещение таких редких признаков как положение на правом боку, сосудов с раздутым туловом с захоронениями женщин, детей и подростков свидетельствует об этнографических различиях у афанасьевцев. Их появление может быть связано и с новым населением, и с контактами населения, т.к. большинство афанасьевских женщин, детей и подростков похоронены по традиционному обряду - на спине с согнутыми в коленях ногами, с сосудами вытянутых форм с острым дном.

Выше отмечалось, что имеются и другие признаки, которые более характерны для захоронений мужчин или женщин и детей. Однако устойчивого совмещения этих черт не прослежено. По-видимому, отмеченные особенности имеют разное объяснение, одни из них могут быть связаны с половозрастными различиями (над детскими захоронениями нет крупных сооружений), другие с хронологическими или этнографическими. Разница в размерах надмогильных сооружений может быть связана с положением человека в обществе, но заметных различий для мужских и женских пог-

ребений не отмечено. Пока трудно объяснить факт, почему женщины, детей и подростков чаще хоронили в оградах из вертикально поставленных плит, чем мужчин. Крайне важным представляется и наблюдение, что хотя изделия из металла немного чаще находят с мужчинами, но их находят не только в погребения взрослых, но и маленьких детей. Изделий из железа и золота найдено немного, они принадлежали как мужчинам, женщинам, так и детям. Учитывая, что в афанасьевских могилах найдено немного инвентаря, факт, что предметы из металла найдены в погребениях детей свидетельствует о большой роли металла в жизни афанасьевского общества. Дальнейшие исследования особенностей погребального обряда и инвентаря мужских, женских и детских захоронений перспективны и помогут ответить на ряд вопросов, связанных с этой культурой.

Список литературы

- Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф.** Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик I в Онгудайском районе // Древности Алтая. Вып. 4. - Горно-Алтайск. 1999. - С.31-41.
- Деревянко А.П., Молодин В.И.** Денисова пещера. Ч.1. - Новосибирск, 1994. - 261 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. - М., 1951. - 642 с.
- Ларин О.В.** Афанасьевские памятники среднего течения Катуни // Проблемы изучения древней и средневековой истории горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1990. - С.3-30.
- Ларин О.В.** Материалы эпохи раннего металла из Горного Алтая // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1993. - С.19-25, 6 илл.
- Ларин О.В.** Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. - Барнаул, 2005. - 208 с.
- Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С.** Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч.1. - Барнаул, 2006. - 233 с.
- Посредников В.А., Цыб С.В.** Афанасьевский могильник Нижний Тюмечин I // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпох металла. - Барнаул, 1992. - С.4-10, 156-160.
- Посредников В.А., Цыб С.В.** Афанасьевский могильник у села Кара-Коба // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. - Горно-Алтайск, 1994. - С.26-30, 202-205.
- Степанова Н.Ф.** Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. - Барнаул, 2005. - С.121-125.
- Степанова Н.Ф.** К вопросу о демографической ситуации у населения афанасьевской культуры Горного Алтая // Современные проблемы археологии России. - Новосибирск, 2006. - Т.1. - С.471-474.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ И НА АЛТАЕ

В полевом сезоне 2008 г. сотрудники Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН и АлтГУ работали в составе нескольких экспедиций в Западной Монголии, в предгорьях и горах Алтая. Обширные исследования за рубежом осуществлялись при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проекты №08-01-92073e/G и №08-01-92004a/G). В данной публикации будут кратко представлены полученные результаты. Стоит отметить, что реализованные мероприятия являлись продолжением ранее намеченных целенаправленных изысканий [Тишкин, 2007].

В Западной Монголии Буянтская российско-монгольская археологическая экспедиция проводила исследования в долине р. Буянт к западу и юго-западу от г. Ховда. В ее работе, кроме руководителей, приняли участие преподаватели, сотрудники, аспиранты, магистранты и студенты Алтайского (г. Барнаул, Россия) и Ховдского (г. Ховд, Монголия) университетов. Помимо запланированных раскопок были организованы разведочные обследования на левом и на правом берегу одной из главных водных артерий Ховдского аймака. Выявлены новые и зафиксированы ранее обнаруженные объекты [Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007; Тишкин, 2007 и др.].

В прошедшем полевом сезоне основное внимание уделялось памятникам, расположенным в обширном урочище Бугатын уззур, в 6 км западу от моста через р. Буянт в г. Ховде. В результате получены инструментально снятые планы пяти археологических комплексов, на двух из которых проведены раскопки оградок, а на одном собрана коллекция каменных артефактов. Несмотря на осуществленные обследования и фиксации, имеется перспектива выявления еще нескольких памятников в названном месте.

В урочище Улаан худаг, где в прошлом году уже проводились раскопки, аналогичные работы были продолжены. На памятнике Улаан худаг-I полностью исследован курган №12 эпохи бронзы с крупным ящиком из плит в центре. При зачистке каменной наброски и в ходе исследования заполнения ящика найдены фрагменты небольшого каменного сосуда, орнаментированного по венчику прочерченной линией, от которой «свисают» треугольники. В ящике обнаружены остатки потревоженных захоронений людей и почти целый керамический сосуд. В проведении этих работ непосредственное участие приняли студенты-практиканты Ховдского универ-

ситета под руководством Ч. Мунхбаяра. Вместе с ними начаты раскопки крупного херексура (курган №10). К востоку от него лежал частично засыпанный «оленный» камень. Это изваяние раннескифского времени было тщательно изучено, зарисовано и сфотографировано.

Археологические исследования осуществлялись и на памятнике Улаан худаг-П, который находится в пойме Буюнта, к юго-востоку от предыдущего комплекса, расположенного на высокой террасе. Там была проведена инструментальная съемка всех зафиксированных объектов. Кроме двух исследованных выкладок из камня (объекты №1 и 2), раскопан курган №3, имевший в центре хорошо выделявшийся ящик крупных размеров (длина 2,05 м, ширина 1,5 м, высота 1,35 м). В южной части каменной ограды при зачистке обнаружена стенка орнаментированного сосуда закрытой бочончной формы и несколько альчиков. В заполнении ящика встречены кости погребенных людей, среди которых зафиксированы костяные изделия, а также остатки двух свинцовых серег. С восточной стороны к кургану №3 примыкала небольшая и частично разрушенная выкладка прямоугольной формы. Исследованный комплекс (географические координаты N - 47° 56.388'; E — 091° 30.703') также относится к эпохе бронзы и находит аналогии среди исследованных объектов так называемой чемурческой культуры [Ковалев, 2005].

По костям, найденным при исследовании кургана №1 памятника Улаан худаг-І в 2007 г., получена радиоуглеродная датировка (Le-7952, 3430+130 л.т.н.). Еще один памятник с выделяющимися крупными каменными ящиками обнаружен в урочище Халзан узуур (географические координаты N - 47° 55.398'; E - 091° 27.560').

Кроме кратко представленных результатов, следует отметить значительный объем проведенных обследований. В ходе данной работы особое внимание уделялось выявлению «оленных» камней и средневековых изваяний. Такие объекты зафиксировались на фотоаппараты и графически. Обследования правобережной части долины Буюнта осуществлялось от урочища Хужиртын ам до г. Ховда. Обнаружено большое количество археологических памятников разных эпох. Например, в местности Хошоотий зааг объекты находятся на террасе вокруг своеобразной горной гряды и представляют собой традиционные для осмотренной территории сооружения: отдельно стоящие стелы, стелы в оградках, выкладки-жертвенные, херексуры и др. Отметим хорошо сохранившееся средневековое изваяние, стоящее в центре одиночной каменной оградки. Эта скульптура уже зафиксирована монгольскими исследователями, и сведения о ней кратко опубликованы [Батмөнх, 2008]. Памятник имеет следующие географические координаты: N - 47° 53.682'; E - 91° 27.132'. Неподалеку от этого комплекса обнаружена цепочка из крупных херексуров. На кургане №1 лежит «оленный» камень с характерными для таких изваяний чертами. Между отмеченными комплексами, у полевой дороги, было обнаружено разбитое средневековое изваяние плохой сохранности. Несколько «оленных» кам-

ней и тюркских скульптур зафиксировано и изучено в урочище Баян бумаг, а также в других местах. Поиск, фиксация и комплексное изучение характерных для Западной Монголии объектов будут и дальше планомерно реализовываться. Обнаруженные при раскопках и обследованиях находки переданы в музей Ховдского государственного университета. После завершения необходимых археологических исследований и фиксаций была осуществлена частичная музеефикация всех изученных объектов.

В предгорьях Алтая экспедиции АлтГУ и Государственного Эрмитажа продолжили раскопки курганов №1 и 4 на памятнике Бугры у одноименного села в Рубцовском районе Алтайского края. На первом объекте удалось получить несколько разрезов рва и земляной насыпи, а также приступить к исследованию выявленной могилы. Важной особенностью данного комплекса, изучаемого под руководством К.В. Чугунова, стали зафиксированные каменные стелы с восточной стороны. При раскопках кургана №4 основное внимание было уделено снятию земляной насыпи. Кроме этого осуществлялся отбор проб для проведения дополнительного палеокарнологического и каппаметрического анализа. Данное обстоятельство вызвано обозначившейся проблемой реконструкции процесса сооружения кургана. После снятия в юго-западном секторе насыпи исследовалась могила 5, которая оказалась сильно разграбленной. На дне глубокой могильной ямы удалось зафиксировать остатки деревянного сруба прямоугольной формы, сделанного из нескольких венцов. На сохранившихся деталях погребальной камеры выявлены следы деревообработки. Образцы древесины от внутримогильного сооружения взяты на дендрохронологический и радиоуглеродный анализ. Проведенные предварительные ксилотомические определения (исполнитель Н.И. Быков) позволили установить, что для строительства сруба использовалась сосна. Среди обнаруженных в могиле 5 немногочисленных предметов отметим золотые нашивки и обрывки фольги от украшений одежды, а также фрагмент железного кинжала. В юго-восточном секторе кургана №4 исследовалась законсервированная часть дромоса, в котором в прошлом году были обнаружены мумифицированные останки погребенной женщины и части одежды, украшенной бляхами-нашивками. В ходе работ найдено несколько фрагментов железа и лака, а также зафиксирован довольно хорошо сохранившийся подземный ход, ведущий в центральную могилу. Следует указать, что полученные ранее результаты геофизического изучения курганов [Чемякина и др., 2007] были подтверждены осуществленными раскопками. Все обнаруженные находки переданы на хранение в Государственный Эрмитаж.

По образцам древесины в лаборатории ИИМК получены результаты радиоуглеродного анализа (Ле-8207-8210), которые в определенной мере свидетельствуют о сооружении ранее раскопанных могил 3 и 4 в хуннское время, скорее всего, в конце II—I вв. до н.э.

Яломанская археологическая экспедиция АлтГУ проводила завершающие работы на памятнике Яломан-П. В результате были исследованы че-

тыре объекта. Судя по погребальному обряду и обнаруженному комплексу вещей, курганы №29 и 30 относятся к поздней группе, датируемой 2-й половиной IV - 1-й половиной V вв. н.э. Получен значительный по объему материал, среди которого наиболее значимой находкой стало обнаружение железного панциря. Монолит доставлен в Музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ и в настоящее время тщательно изучается. Две раскопанные кольцевые выкладки (№67 и 68), располагавшиеся к юго-востоку от скопления курганов поздней группы, никаких находок не дали. После окончания работ конструкции каменных сооружений восстановлены. Исследованным объектам был придан первоначальный внешний вид.

В заключение необходимо отметить, что во всех экспедициях проводился отбор проб и образцов для осуществления различных анализов естественно-научными методами.

Список литературы

Батмөнх Б. Монгол Алтай нурууны төв хэсгийн археологийн дурсгалууд. - Улаанбаатар: БИТПРЕСС, 2008. - 141 т. (на монг. языке).

Ковалев А. А. Чемурческий культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005.-С. 178-184.

Тишкун А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007.-Т. XIII.-С. 382-387

Тишкун А.А., Эрдэнэбаатар Д. Первые результаты Буйантской археологической экспедиции // Алтас-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. -С. 165-168.

Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Позднякова О.А. Предварительные итоги геофизических исследований курганного могильника Бугры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007.-Т. XIII.-С. 392-397

РИСУНОК ВСАДНИКА НА ПЕТРОГЛИФЕ У Д. КРИВОЙ

Важным, информативным источником для реконструкции комплексов вооружения и внешнего облика воинов средневековыхnomадов Южной Сибири являются гравированные наскальные изображения вооруженных людей.

Изучение наскальных рисунков в долине Среднего Енисея началось еще в начале XVIII в. Одним из первых обратил внимание на изображения всадников, лошадей и оружия Д.Г. Мессершмидт, совершивший экспедиционную поездку по Енисею в 1721 – 1722 г. Среди рисунков, скопированных им на петроглифе Городовая Стена, есть изображение позднесредневекового колчана со стрелами [Messerschmidt, 1962, abb. 8]. В конце XIX в. в Минусе работала экспедиция ученых из Финляндии. Ее участники обнаружили и скопировали Сулекскую и Ошкольскую писаницы и рисунки на плитах на могильнике Подкамень и Ташебинском чаа-тасе [Appelgren-Kivalo, 1931. abb. 76-89, 92-93, 96-98, 312]. В XX в. все гравированные рисунки в Минусинской котловине датировались эпохой раннего средневековья и относились к енисейским кыргызам [Евтухова, 1948. рис. 187-193]. Лишь отдельные рисунки на Ташебинском чаа-тасе и Ошкольской писанице были отнесены к таштыкской культуре [Левашева, 1939. рис. 18; Кызылсов, 1960. рис. 32, 1]. В 1960 – начале 1970-х гг. археологами были обследованы многие петроглифические памятники на Енисее и выявлены рисунки, относящиеся к хунно-сяньбийскому времени и эпохе средневековья [Шер, 1980. с. 140, 142, 148]. Для выделения среди гравированных рисунков таштыкских изображений, решающее значение имели находки деревянных планок с многофигурными композициями на могильнике Тепсей [Грязнов, 1971. рис. 3, 4]. Это позволило отнести к таштыкской культуре рисунки с Ошкольской писаницы и памятника Подкамень. В последующие годы подобные резные изображения на деревянных планках и берестяных изделиях были обнаружены и в других таштыкских склепах Минусинской котловины. По стилистическим особенностям и реалиям таштыкские рисунки были выделены среди петроглифов, выполненных точечной выбивкой. По мнению Я.А. Шера, на рисунках хуннского времени наблюдается своего рода «вырождение» орнаментального скифо-сибирского стиля, которое выразилось в том, что отдельные орнаментальные детали не соглашаются с общим контуром изображения, что привело к общей деградации

Рис. 1. Изображение всадника на камне у д. Кривой.

образа. Он отметил схематичность изображений всадников по сравнению с лошадьми и наличие не только тюркских, но и более ранних элементов [Шер, 1980. с. 252-254]. В дальнейшем Н.В. Леонтьевым и В.Ф. Капелько было обнаружено в Минусе несколько не известных ранее средневековых петроглифов.

Среди известных к настоящему времени наскальных рисунков конных воинов, выполненных резной техникой, определенный интерес представляет рисунок всадника, изображенного на камне у дер. Кривой в Минусинской котловине. Этот памятник был обнаружен исследователем петроглифов Среднего Енисея В.Ф. Капелько в 1979 г. Копия этого рисунка была им позднее передана автору данной статьи для публикации. Несколько можно судить по публикациям, ни сам В.Ф. Капелько, ни другие исследователи, в распоряжение которых он передавал копии снятых им наскальных рисунков, не опубликовали этот рисунок. Памятник у дер. Кривая не упоминается в наиболее полных сводках петрографических памятников Минусинской котловины [Вадецкая, 1986. с. 159-166; Шер, 1980. с. 139-169]. Судя по данной копии, рисунок нанесен на скальной поверхности, верхняя часть которой повреждена. При этом оказалась сколота часть изображения верхнего плеча кибити и натянутой тетивы лука в руках у всадника. Рисунок всадника, скачущего верхом на мчащемся во весь опор коне и стреляющего из лука, выполнен техни-

кой граффити острым, режущим, вероятно, металлическим инструментом. Изображение конного лучника можно считать единичным на данной скальной поверхности, хотя вокруг него имеются отдельные царапины, часть которых может быть незаконченными изображениями. Всадник изображен верхом на скачущем во весь опор справа налево. Левой, вытянутой вперед рукой он держит кибит лука, правой рукой, согнутой в локте, натягивает тетиву. На голове у стрелка невысокая, слегка сужающаяся к уплощенному верху, шапочка. С головы всадника ниспадают на спину длинные распущенные волосы. У всадника показана крупная, округлая голова, но лицо никак не выделено. Он одет в длиннополый халат с длинными, узкими рукавами, перетянутый поясом на талии. Подол халата длинный, нижний край подола доходит до середины голени. На левом рукаве халата показаны двойная полоска оторочки, одинарная полоса оторочки изображена вдоль нижнего края подола халата. На корпухе всадника изображена вертикальная полоса и две ромбические фигуры. Вероятно, они передают орнаментацию халата. Пояс изображен одной линией. За пояс заткнуто две стрелы с овальным оперением на концах древков. На ногах у всадника изображены мягкие сапоги с опущенным вниз носком и складками на щиколотке. Кибит лука изображена с выгнутыми в направлении стрельбы плечами и круто загнутым нижним концом. Тетива лука показана натянутой. В средней части кибиты лука изображен выступающий вперед наконечник настороженной стрелы. Форма наконечника не вполне ясна. Вероятно, показан наконечник с ромбическим пером, от острия которого вперед, по направлению стрельбы прочерчены три линии. Лошадь выгравирована скачущей быстрым аллюром. У нее выделена маленькая голова с вытянутой вперед мордой и вертикально стоящими ушами, показана короткая, плотная шея с коротко постриженной гривой, на которой оставлено три острых зубца. У лошади подчеркнута крупная грудь и круп. Ноги ниже коленных суставов выгравированы тонкой полоской, или одной линией. На задней ноге воспроизведено крупное копыто. Хотя узда и седло не показаны, можно полагать, что лошадь должна быть взнужданной и заседланной. Под нижней челюстью лошади показана кисточка и опущенные поводья. На груди и на крупе лошади намечен нагрудный и подфейный ремни. За крупом обозначен раззывающийся хвост. По отношению к фигуре всадника лошадь показана сравнительно небольшой. Вероятно, таким образом подчеркнута порода лошадей. Такие небольшие кони относятся к монгольской породе лошадей. Чуть выше головы всадника, перед его головным убором процарапан зигзагообразный знак. Вероятно, это тамга (рис. 1).

По технике исполнения, стилистическим особенностям, сюжету и реалиям, воспроизводящим оружие, прическу, костюм всадника и постриженную гриву лошади, наскальный рисунок с памятника Кривая входит в круг петроглифов эпохи раннего средневековья, обнаруженных на территории Южной и Восточной Сибири и Центральной Азии. К числу хро-

нологически и культурно показательных реалий на рисунке всадника с памятника Кривая можно отнести манеру стрельбы из лука, при которой одна рука лучника вытянута и удерживает кибитъ, а другая согнута в локтевом суставе и натягивает тетиву; манеру держать несколько стрел, вынутых из колчана, заткнутыми за пояс. Подобным образом нарисованы стреляющие из луков воины и охотники на петроглифах и гравированных рисунках на костяных и роговых изделиях, относящихся к культурам древних тюрок, байырку и курыкан [Худяков, 1986. рис. 72, 3, 4; Худяков, 1991. рис. 22, 2;]. Выделенные у всадника длинные, до середины спины, распущенные волосы считаются характерной прической и этнографической особенностью древних тюрок. В китайском источнике по этому поводу сказано: «Обычай тюкоесцев, распускают волосы, левую полу наверху носят» [Бичурин, 1950. с. 229]. В подтверждение обычая носить длинные распущенные волосы, или волосы заплетенные в длинные мелкие косички служат рисунки и барельефы таких причесок у древних тюрок на каменных изваяниях, рисунках на скалах, костяных вещах и фресках [Волков, 1965. рис. 1, 2; Гаврилова, 1965. табл. XV, 12; Могильников, 1981. рис. 22, 1-8; Худяков, 1986. рис. 72, 3-6; Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997. рис. 2, 1]. Важным в хронологическом и культурном отношении можно считать и выстриженную тремя зубцами гриву у лошади, выгравированной на скале у д. Кривой. Хотя подобная манера выстригать гривы лошадей существовала у многих древних и средневековыхnomadov, в наскальном искусстве Минусинской котловины она фиксируется только на рисунках эпохи раннего средневековья [Худяков, 1980. табл. XLIX, 1-3,5-6; табл. LI].

Отмеченные стилистические особенности и реалии рисунка всадника дают основание интерпретировать его как изображение древнего тюрка. Вероятно, этот рисунок относится ко времени завоевания Минусы восточными тюрками.

Список литературы

- Бичурин Н.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - Ч. I. - 381 с.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. - Л.: Наука, 1986. - 179 с.
- Волков В.В.** Гобийский всадник // Новое в советской археологии. - М.: Наука, 1965. - С. 286-288.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М.; Л.: Наука, 1965. - 143 с.
- Грязнов М.П.** Миниатюры таштыкской культуры (из работ Красноярской экспедиции 1968 г.) // Археологический сборник. - Л.: Изд-во «Аврора», 1971. - Вып. 13. - С. 94-106.
- Евгюхова Л.А.** Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). - Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. - 110 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. - 197 с.

Левашева В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. - Красноярск: Краснояргиз, 1939. - 69 с.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. - М.: Наука, 1981. - С. 29-43.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. - Новосибирск: Наука, 1980. - 175 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск: Наука, 1986. - 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. - Новосибирск: Наука, 1991. - 189 с.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрок на Тянь-Шане // Российская археология. -1997. - № 3. - С. 142-147.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. - М.: Наука, 1980. - 328 с.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunstdenkmäler: Briefe und Bildermaterial von I.R. Aspelins Reise in Sibirien und Mongolei (1887 - 1889). - Helsingfors, 1931. - 71 s.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720 – 1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen 1721 – 1722. – Berlin: Akademie-Verlag, 1962. Teil. 1. – 379 s.

К ИЗУЧЕНИЮ НОВЕЙШИХ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ГОРНОГО АЛТАЯ

Петроглифы Алтая, относящиеся к новому времени и эпохе этнографической современности, известны всем специалистам, изучающим наскальные изображения региона. Они отличаются от петроглифов иных эпох по стилю, технике нанесения, воспроизведенным реалиям. Зачастую они перекрывают древние рисунки, выбитые и выгравированные на скальных поверхностях и по сравнению с последними практически лишены патины – пустынного загара, для образования которого требовались тысячулетия. Большая часть новейших рисунков прошлифована или воспроизведена в технике тонкой гравировки; как правило, они либо вырезаны, либо процарпаны на патинированных скальных плоскостях и отличаются по цвету и от “фона” скалы, и от патинированных древних изображений. Гораздо меньше выбитых новейших изображений, но и они хорошо известны, как и древние рисунки, подновленные недавно.

Среди сюжетов – традиционные для наскального искусства темы: охота, изображения диких животных – маралов, архаров, горных козлов-теке, хищников – волков, барсов; батальные сцены с использованием огнестрельного оружия (сожниковых ружей); выпас скота, перекочевки; жилища – юрты и айлы; загоны для скота, возможно, войлочные ковры, а также зимние транспортные средства – сани с запряженной лошадью. В композициях воспроизведены мужчины и женщины в традиционной одежде, чаще всего это всадники на лошадях, верблюдах и яках (рис. 1, рис. 2). Также часто изображали тягловых животных (лошадей, яков, верблюдов, нередко отмеченных различными тамгами – знаками собственности), мелкий и крупный рогатый скот, собак и т.п.

Чрезвычайно интересная и важная тема новейших петроглифов – сюжеты, содержание которых связано с шаманизмом, и в которых, по-видимому, зафиксированы определенные моменты культовой практики. Это воспроизведение людей с бубнами в руках, а также представление атрибутов шаманизма (прежде всего бубнов, а также специфических шаманских костюмов). Возможно, на скальных выходах в долине р. Чаган отражен сюжет камлания божеству (?) (рис. 3). Очевидно, эти петроглифы относятся к так наз. “палеоэтнографическому пласту”, который можно связать с теленгитами данного района Кош-Агачского района.

Рис. 1. Петроглифы долины р. Чаган.

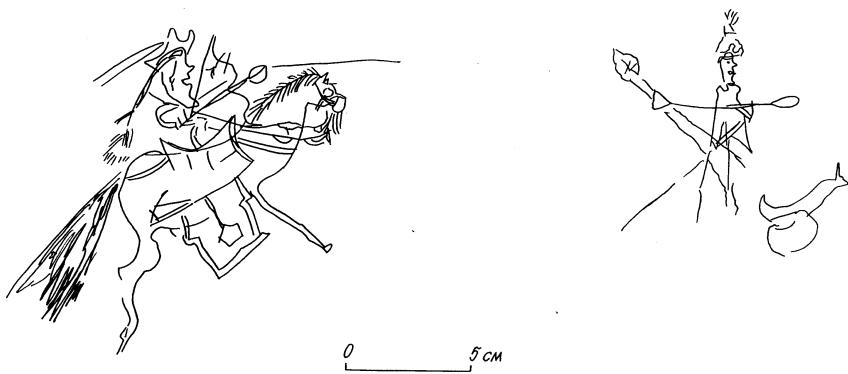

Рис. 2. Петроглифы долины р. Чаган.

Среди наиболее “свежих”, современных петроглифов – многочисленные автографы, стихотворные послания, в том числе пассаж В. Маяковского о партии, цитаты из классиков марксизма, “портреты” Ленина, зубцы и звезды кремлевских стен, различные морализаторские сентенции; “пейзажи” – схематично воспроизведенные горные пики, иногда с животными на вершинах и надписью “Алтай”; многочисленные объяснения в любви, человеческие профили, возможно, портретные; математические задачи

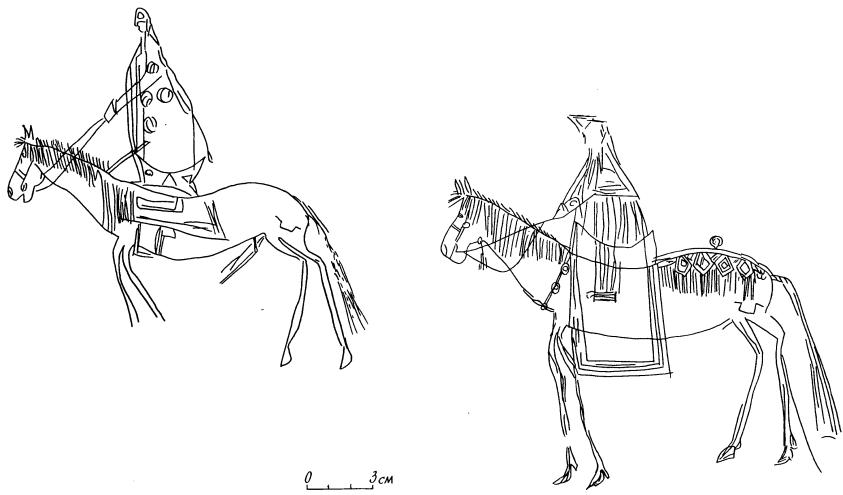

Рис. 3. Петроглифы долины р. Чаган.

и формулы их решения, автомобили, самолеты, оружие, бинокли и другие реалии современной жизни. Среди последних “новаций”, которые мне раньше не встречались – туристическая тема, призывы к гостям Алтая, повествования о землетрясении и т.п. К огромному сожалению, совсем недавно появились и порнографические композиции, и нецензурные надписи на скалах.

Среди редких сюжетов – изображение динозавра (Джурамал) или воспроизведение на г. Джалгыз-Тобе “глобуса Алтая” с нанесенными Кош-Агачем, Тобелером, Жана-Аулом, Ташантой и горой Джалгыз-Тобе (Cheremisin, 2002, p. 105, fig. 1, p. 107, fig.5). На скале по левому берегу р. Аргут мне довелось скопировать процарапанные изображения символики Национальной баскетбольной лиги США и надписи на английском языке, в том числе с грамматическими ошибками (Cheremisin, 2002, p. 108). Любопытно, что эти граффити связаны вовсе не с почтительным отношением к баскетболу у алтайских чабанов и охотников, а воспроизводят дизайн бейсболок, футбольок и прочей недорогой одежды, импортированной на Алтай из соседних Китая и Монголии. Не исключено, что механизмы трансляции популярных, “модных” изобразительных сюжетов и образов современного наскального творчества мало отличаются от существовавших в древности. В том же ключе можно интерпретировать наскальные изображения русалок на р. Чаган – они идентичны татуировкам на плечах отслуживших в морском флоте алтайских чабанов.

Большого интереса у исследователей петроглифы данного хронологического пласта не вызывали, очевидно, в силу того, что археологов прежде всего интересуют древние изобразительные материалы, а этнографы

не владеют методикой археологического исследования. Тем не менее, на этнографические петроглифы обращали внимание многие археологи – Е.А. Окладникова, А.И. Мартынов, В.Д. Кубарев, Ю.В. Гричан, В.Н. Елин и другие. Опубликованы гравировки на камнях и скалах в долине р. Елангаш (Окладников и др., 1980, с. 80-81, табл. 42, 2, 5, 7, табл. 43, табл. 45, 7, табл. 65.), на скалах в долине р. Чаган (Окладникова, 1988, с. 154-158, рис. 5-6), петроглифы в урочищах Шалкобы, Джалгыз-Тобе, Каракол, Бичикту-Бом, Курман-Тау и других (Окладникова, 1982; Мартынов, 1985; Окладникова, 1987, с. 175, рис. 2, 1-15 ; Окладникова, 1990; Кубарев, 1999, с. 190, с. 199, рис. 9; Кубарев, 2001, с. 95-96, с. 105-106, рис. 9-10). Опубликована монография, посвященная петроглифам долины р. Каракол, значительную часть которых составляют наскальные рисунки новейшей эпохи (Мартынов, Елин, Еркинова 2006); многие сюжеты “турецких средневековых наскальных изображений” интерпретированы на основе алтайской мифологии (Мартынов, 2008). Ю.В. Гричан опубликовал и проинтерпретировал изображения, процарапанные на каменных плитках из Горного Алтая (коллекция включает 41 экземпляр) (Гричан, 1978; 1987).

Д.В. Черемисин собрал большую коллекцию современных наскальных рисунков в долинах рек Чуя, Ак-Алаха, Аргут, Карагем, Чаган, Чаган-Узун и др. Некоторые результаты опубликованы (Черемисин, 1993; Черемисин, Октябрьская, 1996; Октябрьская, Черемисин, 1997, 1999; Черемисин, 2001, 2002, 2004, 2007; Cheremisin, 2002). Были зафиксированы случаи включения древних петроглифов в современные композиции. Достаточно условно были разделены изображения, связанные с традиционной культурой алтайцев и сюжеты, отражающие реалии современной жизни. Ряд сюжетов в петроглифах р. Чаган (многофигурные батальные сцены с использованием луков, копий, а также сошниковых ружей) я предложил датировать эпохой джунгарских войн (Черемисин, 2001, с. 15-16; 2002, с. 496). Содержание данных сюжетов наскального творчества исторично и возможно, соответствует сюжетам фольклора, исторических преданий и т.п.

Петроглифы как часть этнической культуры исследовались в Туве (М.А. Дэвлет), Хакасии (Л.Р. Кызласов, Н.В. Леонтьев, И.К. Кидиекова), Казахстане (А.Г. Медоев, З.С. Самашев). Содержание изображений новейшей эпохи представляет интерес (возможность изучения феномена наскального творчества в этнографическом приближении, методами археологии и этнографии). Возможность обратиться к автору, оставившему автограф рядом с изображением на скале, существует лишь для новейших рисунков; археолог, изучающий древности столетней или тысячелетней давности, лишен такой возможности.

В дальнейшем предполагается накопление материалов, классификация новейших петроглифов по сюжетам, определение датировки и этнокультурной (этнической) принадлежности, например, по идентификации тамг или особенностям костюма и т.п., уточнение хронологии новейших наскальных рисунков.

Важной частью своей работы автор видит в возможности прямого обращения к современным любителям и творцам наскального искусства, которых можно найти по оставленным автографам, разъяснение недопустимости разрушения древних петроглифов, воспитание уважения к поколениям предшественников, т.е. возможность реальных мероприятий по охране культурного наследия Алтая.

Список литературы

- Гричан Ю.В.** Камень с р. Дъелангаш (горный Алтай) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. –Новосибирск, 1978, с. 170-178.
- Гричан Ю.В.** Новые материалы по изобразительному искусству Горного Алтая // Традиционные верования и быт народов Сибири. –Новосибирск, 1987, с. 178-201.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982. -128с.
- Елин В.И.** Хронология граффити // Материалы по истории и культуре республики Алтай. –Горно-Алтайск, 1994, с. 55-57.
- Кубарев В.Д.** О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 4 –Горно-Алтайск, 1999, с. 186-201.
- Кубарев В.Д.** Шаманистские сюжеты в петроглифах и погребальных росписях Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 6. –Горно-Алтайск, 2001, с. 89-107.
- Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В.** Народные рисунки хакасов. –М., 1980. -176с.
- Мартынов А.И.** О древних изображениях Каракола // Археология южной Сибири. –Кемерово, 1985, с. 80-86.
- Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М.** .Бичикту-Бом – святилище горного Алтая. –Горно-Алтайск, РИО Горно-Алтайского госуниверситета, 2006.
- Мартынов А.И.** О возможностях интерпретации тюрksких средневековых наскальных изображений // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. –Том III. –М., ИА РАН, 2008. –С. 55-58.
- Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А.** Петроглифы Горного Алтая. –Новосибирск, 1980. -140с.
- Окладникова Е.А.** Петроглифы горы Жалгыз-Тепе // Полевые исследования Института этнографии. М., 1982, с. 183-190.
- Окладникова Е.А.** Образ человека в наскальном искусстве Центрального Алтая // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения. –Новосибирск, 1987, с. 170-180.
- Окладникова Е.А.** Тропою Когульдея. Л., 1990. -190с.
- Октябрьская И.В., Черемисин Д.В.** Охота среди скал (древние и современные петроглифы Джурамала) // Гуманитарные науки в Сибири, 1997, № 3, с. 63-71.
- Октябрьская И.В., Черемисин Д.В.** Оружие, достойное мужчин (по материалам петроглифики Алтая и сопредельных территорий) // Гуманитарные науки в Сибири, 1999, № 3, с. 51-56.
- Черемисин Д.В.** К изучению поздних петроглифов Горного Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов. –Кемерово, 1993, с. 122-133.
- Черемисин Д.В.** Исследование наскальных изображений реки Чаганка (Алтай) в 2001 г. // Вестник САИПИ, вып. 4, Кемерово, 2001, с. 12-16.

Черемисин Д.В. Петроглифы бассейна р. Чаган: результаты исследований 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. -Новосибирск, 2002, с. 491-496.

Черемисин Д.В., Октябрьская И.В. Современные наскальные рисунки на стыке традиций // Интеграция археологических и этнографических исследований –Новосибирск-Омск, 1996, Ч. 2, с. 44-47.

Черемисин Д.В. К изучению петроглифов Алтая нового и новейшего времени // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. – С-Пб., Исторический факультет СпбГУ, 2004. – С. 346-349.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов юго-восточного Алтая в 2007 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2007 года. -Новосибирск, ИАЭТ СО РАН, 2007, с. 398-402.

Cheremisin D.V. Renovation of ancient compositions by modern indigenous visitors in Altai, southern Siberia: vandalism or creation? // Rock Art Research. Vol. 19, № 2, Melbourn, 2002, p. 105- 108.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКОГО И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ*

Целью данной статьи является обоснование результатами проведённого нами исследования перспектив выявления генетических связей между археологическими культурами на основе синтеза данных двух направлений изучения биологического полиморфизма у человека – антропологического и палеогенетического.

Интерпретация археологических феноменов (отдельных комплексов или культур в целом) и антропологической дифференциации древнего населения на основе координации данных археологии и антропологии является традиционной в культурогенетических и этногенетических исследованиях. В 1990-х годах в арсенале биологической науки появились методы, представляющие возможность изучать генетическую историю популяций непосредственно путем анализа структуры их генофонда, частично сохраненного в палеоантропологическом материале. Из древних образцов костной ткани наиболее успешно выделяется митохондриальная ДНК.

В основу работы положен палеоантропологический материал, представляющий древнее население Горного Алтая в хронологическом диапазоне от эпохи неолита до рубежа новой эры, морфологические особенности которого были охарактеризованы в ряде публикаций [Чикишева, 1994, 2000а, 2003а, 2003б]. Митохондриальная ДНК была получена для 18 индивидов из погребений разной культурной принадлежности, расположенных друг от друга на расстоянии от нескольких десятков до нескольких сотен километров в Республике Алтай.

Прежде чем перейти к изложению полученных результатов, охарактеризуем особенности mt-ДНК как генетического маркера. В 1981 г. учеными Кембриджского университета [Anderson et al., 1981] была расшифрована полная нуклеотидная последовательность митохондриальной ДНК одного индивида европейского происхождения. Она представляет собой кольцевую молекулу из 16 569 нуклеотидов, которая была принята за эталонную последовательность (*Cambridge Reference Sequence, CRS*), относительно которой ведется сравнительный анализ всех митохондриальных геномов. Отклонения от нее – выпадения (делеции), замены (транзиции и трансверсии) или добавления одиночных нуклеотидов (инсерции) обозначают ком-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект: № 06-01-00321 а.

бинацией числа (номера нуклеотида) и буквы (названия нуклеотида, на который был заменен нуклеотид стандартной последовательности). При изучении популяционно-генетических процессов сравниваются некодирующие области митохондриального генома (гипервариабельные сегменты – ГВС 1 и ГВС 2), характеризующиеся высокой скоростью мутирования – в ГВС 1 она составляет одну мутацию в 1000 лет. Кодирующая часть представлена 37 участками и устойчива к мутированию - происходит одна мутация в 100 поколений (2500 лет). Наблюдаемые в митохондриальной ДНК мутации, используются для реконструкции генетических связей. Индивидуальные гаплотипы (последовательности нуклеотидов) объединяются в группы (гаплогруппы), являющиеся генетическими характеристиками определённых общностей людей, связанных родством по материнской линии. Гаплогруппы обозначаются буквами латинского алфавита.

Данные секвенирования гипервариабельных участков ГВС I и ГВС II и рестрикционного анализа всего митохондриального генома показали, что основные антропологические подразделения евразийских популяций – европеоидное и монголоидное - характеризуются разными комплексами гаплогрупп [Wallace D.C., 1995; Richards M.B. et al., 1998]. Мт-ДНК европеоидных популяций образует гаплогруппы H, V, J, T, U, K, I, W, X, монголоидных -A, B, E, F, Y, M,C, D, G, Z. К настоящему времени создан банк данных мт-ДНК современных популяций, составлено генеалогическое древо гаплогрупп, очерчены их ареалы и рассчитано время выделения основных кластеров и подкластеров (вариантов гаплогрупп). Эти разработки дают возможность реконструировать генетическую родословную любого индивида.

Для палеоантропологического материала принцип анализа мт-ДНК является таким же, как и для современных образцов. Однако при исследовании современных популяций для анализа мтДНК берутся индивиды не связанные родством по материнской линии, по крайней мере до 3-го поколения, чтобы исключить возможность завышения частоты редких гаплотипов. Но имеются обстоятельства, существенно осложняющие работу с ним и редуцирующие информационные возможности древней мт-ДНК. Прежде всего, это разная степень сохранности молекул ДНК в останках (фрагментарность, низкая концентрация), далеко не всегда позволяющая получить относительно полную нуклеотидную последовательность. Матричный синтез ДНК может быть ингибиран наличием в древних биологических образцах органических и неорганических примесей. Большую опасность для достоверности результата представляет загрязнение анализируемых образцов современной ДНК.

Чтобы максимально нивелировать погрешности, связанные с процессом выделения и полимеризации фрагментов контрольного района молекул мт-ДНК древних образцов, используемых для сравнительного анализа нуклеотидных последовательностей, процедуру выделения ДНК из костной ткани повторяли неоднократно в нескольких лабораториях: в ЛА-

боратории популяционной генетики человека (ИЦИГ СО РАН г. Новосибирск), Лаборатории геномного анализа и технологий клеточного ядра (Аризонский университет, г.Тусон, США), Лаборатории генетики человека (Цзилиньский университет, г.Чаньчунь, КНР). Все исследователи, которые имели непосредственный контакт с палеоантропологическим материалом, были просеквенированы на наличие мутаций в их митохондриальном геноме.

По ряду образцов mt-ДНК результаты анализа опубликованы: 3 образца из мягких тканей и 7 образцов из костных останков пазырыкской культуры III-IV вв. до н.э. (локально-территориальная группа плато Укок) (Воевода и др., 2003); 6 новых образцов пазырыкской культуры (два исследованы повторно) из погребений на плато Укок, 1 образец пазырыкской культуры из локально-территориальной группы долины р. Уландрык, 1 образец эпохи неолита IV тыс. до н.э., 3 образца середины II тыс. до н.э. [Чикишева, Губина и др., 2007]. Данное сообщение посвящено обсуждению повторно исследованных образцов из предыдущей публикации и 8 новых образцов (пазырыкской культуры из локально-территориальной группы долины р. Юстыд, каракольской культуры середины II тыс. до н.э. и афанасьевской культуры III тыс. до н.э.).

По ряду краниологических признаков высокой расо-дифференцирующей значимости индивиды, составляющие данную выборку, характеризуются чертами своеобразной промежуточности своих фенотипических параметров по сравнению с представителями европеоидной и монголоидной общностей (основных рас).

Исследование структуры последовательностей нуклеотидов ГВС I контрольного района mtДНК 18 образцов древней ДНК выявило в их составе 14 вариантов гаплотипов (табл. 1), которые в соответствии с общепринятой классификацией относятся к 7 гаплогруппам: трем восточноевразийским – А, С, Д и четырем западноевразийским – U5, Н, К, И. Для двух образцов ДНК из Каминной пещеры и Ак-Алаха-5, курган. 4 необходимы дополнительные исследования для уточнения гаплогрупп. Большая часть анализируемых образцов mtДНК имеет западноевразийские гаплогруппы (72.2%).

Только в случае образцов № 5, 10 и 11 мы наблюдаем прямую корреляцию между расоспецифичностью краниологических признаков и принадлежностью гаплотипов их mtДНК к западно- или восточноевразийским гаплогруппам соответственно. Погребенный в кург. 5 Ак-Алаха-5 (№ 5) с генотипом mtДНК восточноевразийской гаплогруппы А характеризуется типичным монголоидным морфотипом; двое других (№ 10, 11) с гаплотипом CRS европеоидной гаплогруппы Н имели европейские черты. В случае образца № 6 (женщина), несмотря на европеоидность морфотипа по краниологическим параметрам, генотип mtДНК относится к гаплогруппе С, входящей в состав супергаплогруппы М, варианты которой распространены среди типичных монголоидов. Все остальные останки имеют проме-

Таблица 1. Культурно-хронологическая характеристика образцов

№ п/п	Пов- торы	Гапло- группа	Погребение	Культурно-хронологи- ческая характеристика
1	8	H	Каминная пещера ¹	неолит (IV тыс. до н.э.)
2	2	H	Каракол, кург.3, погр.2 ²	каракольская культура
3	3	H	Каракол, кург.2, погр.4 ²	каракольская культура
4	3	H	Каракол, кург.2, погр.3 ²	каракольская культура
5	2	D	Каракол, кург.82 ³	каракольская культура
6	3	U5	Урускин Лог-1, кург.3, центр. яма ⁴	афанасьевская культура
7	4	K	Урускин Лог-1, кург.3 ⁴	афанасьевская культура
8	2	H	Бертек-33, погр.2 ⁵	афанасьевская культура
9	3	H	Бертек-56, скелет 2 ⁶	середина II тыс. до н.э.
10	3	I	Бертек-56, скелет 1 ⁶	середина II тыс. до н.э.
11	3	A	Ак-Алаха-5, кург.5 ⁷	пазырыкская культура
12	3	D	Ак-Алаха-5, кург.5, погр.1 ⁷	пазырыкская культура
13	2	U5/J	Ак-Алаха-5, кург.4, погр.1 ⁷	пазырыкская культура
14	3	C	Ак-Алаха-1, кург.1, погр. 2 ⁸	пазырыкская культура
15	3	D	Мойнак-2, кург.2, погр.1 ⁹	пазырыкская культура
16	4	H	Кутургунтас, кург.1 ¹⁰	пазырыкская культура
17	3	H	Уландрый-1, кург.14, погр.2 ¹¹	пазырыкская культура
18	3	H	Юстыд-12, кург.1, погр.2 ¹²	пазырыкская культура

1. Раскопки С.В. Маркина, 1994 г. 2. Раскопки В.Д.Кубарева 1985 г. 3. Раскопки В.Д.Кубарева 1985 г.

4. Раскопки А.П.Погожевой 1982 г. 5. Раскопки В.И.Молодина 1995 г. 6. Раскопки В.И.Молодина 1992 г.

7. Раскопки Н.В.Полосьмак 1995 г. 8. Раскопки Н.В.Полосьмак 1990 г.

9. Раскопки В.И.Молодина 1995 г.10. Раскопки Н.В.Полосьмак 1992 г.

11. Раскопки В.Д.Кубарева 1972-1975 гг.12. Раскопки В.Д.Кубарева 1976-1984 гг.

жуточные между монголоидами и европеоидами антропометрические показатели независимо от расоспецифичности гаплогрупп мтДНК.

Нами был проведен сравнительный анализ частоты встречаемости европеоидных и монголоидных гаплогрупп, обнаруженных у древних жителей Горного Алтая и среди некоторых этнических групп Евразийского региона (табл. 2). Древнее население Горного Алтая оказалось наиболее близко к части финно-угорских и самодийских популяций Западной Сибири.

Самой распространенной у современного населения западно-евразийской гаплогруппой является гаплогруппа H, и частота ее в выборке древней ДНК Горного Алтая составила 50%. Последовательности гаплогруппы H представляют собой производные Кембриджской последовательнос-

Таблица 2. Процентное соотношение монголоидных и европеоидных гаплогрупп у современного и древнего населения Евразии

Популяции	N	Монголоидные гаплогруппы (%)	Европеоидные гаплогруппы (%)
Финно-угорские			
Ханты	252	21,8	78,2
Манси	38	31,6	68,4
Коми	78	14,1	85,9
Центральноазиатские			
Алтайцы	208	10,1	29,9
Тувинцы	371	73,0	27,0
Шорцы	171	72,0	28,0
Хакасы	181	82,4	17,6
Казахи	159	55,1	44,9
Самодийские			
Селькупы	122	38,4	61,6
Кеты	66	33,3	66,7
Ненцы	79	59,5	40,5
Нганасаны	107	80,4	19,6
Древнее население Алтая	18	27,8	72,2

ти (CRS). Среди выявленных гаплотипов, относящихся к гаплогруппе Н, гаплотип CRS встречается с частотой 27,8%

По литературным данным, максимальная частота распространения гаплогруппы Н характерна для популяций Западной и Северной Европы (40-50%), промежуточная - для Северной Африки, Восточной Европы, Турции (20-40%) и низкая - для Ближнего Востока, Индии и Центральной Сибири (менее 20%) [Lahermo P., et al., 1999]. Предполагают, что гаплогруппа Н возникла на Алтае примерно 51 000 лет назад, а затем распространилась в Европу и по территории Азии. Варианты этой гаплогруппы широко представлены в Европе, начиная с голоценена [Loogvali et al., 2004].

Из восточно-евразийских гаплогрупп в выборке представлены только А, С и D, обнаруженные среди образцов mtДНК пазырыкской культуры и в одном из образцов каракольской культуры. Частота гаплогруппы А в исследованных нами образцах составила 5,6%. Эта величина близка к таковой для популяций Центральной Азии. Гаплогруппа D представлена в популяциях Северной Азии и Алтае-Саянского нагорья. По частоте встречаемости этой гаплогруппы исследованная нами выборка древней ДНК Горного Алтая ближе к популяциям Алтае-Саянского нагорья.

Данные по mtДНК современного населения показывают, что градиент частот гаплогруппы С очень сильно варьирует в популяциях Северной Азии - от 50% у эвенков и юкагиров до 10% и менее у береговых чукчей,

эскимосов, ительменов. В популяциях Алтае-Саянского региона частота этой гаплогруппы достигает 35% у хакасов и 40% у тувинцев. В популяциях Европы, включая финно-угорские и балтские этносы, гаплогруппа С либо отсутствует, либо ее частота составляет не более 1%. В нашем исследовании данная гаплогруппа выявлена с частотой 5%, достаточно низкой по сравнению с современными популяциями Азиатского региона.

По результатам молекулярно-генетического анализа mtДНК исследованных нами образцов, относящихся к эпохам неолита и развитой бронзы, наблюдается присутствие лишь западно-евразийских гаплотипов. Однородность структуры генофонда mtДНК на территории Горного Алтая на протяжении трех тысячелетий может указывать на отсутствие значимого дрейфа генетического материала в популяциях региона (предварительные данные). Смешение западных и восточных генных потоков на территории Горного Алтая “ледописью” mtДНК с очевидностью зафиксировано нами только в эпоху железа у носителей пазырыкской культуры. Однако, принимая во внимание, что один из образцов каракольской культуры относится к восточно-евразийской гаплогруппе **D**, можно предполагать, что начало инфильтрации восточно-евразийских генотипов mt-ДНК относится ко второй половине II тыс. до н.э. С учетом данных по современным популяциям следует предполагать, что уже с эпохи раннего железа имелась сопряженность процессов формирования генофондов в этно-территориальных подразделениях Алтае-Саянского региона, обусловленная либо импульсами, либо инфильтрациями генотипов с северо-азиатской спецификой.

Близость генетических данных, полученных для различных археологических комплексов Горного Алтая, может говорить о длительной (на протяжении как минимум трех тысячелетий) преемственности населения на этой территории. Проведённый ранее сравнительный анализ данных палеоантропологического исследования свидетельствовал о существовании в Горном Алтае особого антропологического пласта, сформировавшегося независимо от метисации европеоидных и монголоидных морфологических комплексов [Чикишева, 2000а, 2000б, 2003а, 2003б]. При независимой интерпретации палеоантропологических и палеогенетических фактов выделение этого пласта населения, классифицированного одним из авторов данной статьи как южная евразийская антропологическая формация, имело бы зыбкий фундамент: генетическую «европеоидность» и антропологическую «промежуточность» с большей вероятностью следовало бы объяснить исходя из метисационной концепции генезиса антропологического состава данной территории.

Интегрирование результатов палеогенетического анализа и антропологического обследования (извлекающего генетическую информацию хотя и косвенно, но из несопоставимо большего массива древних образцов) анализов, позволяет сделать вывод, что южная евразийская антропологическая формация, по всей видимости, является реликтом древней пропопуляции. Эти данные не противоречат высказанной ранее гипотезе о

формировании антропологического состава современного населения Евразии на основе исходной протопопуляции, заселявшей предположительно территорию Средней и Центральной Азии в более раннюю эпоху [Воевода и др., 2003].

Список литературы

- Воевода М.И., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губина М.А., Кобзев В.Ф., Ромашенко А.Г.** Палеогенетические исследования носителей культуры раннего железного века Горного Алтая. // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 121-147.
- Чикишева Т.А.** Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины. // Древние культуры Бертекской долины – Новосибирск: Наука, 1994. – С.167-175.
- Чикишева Т.А.** Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000а. - №4 (4). – С. 107-121.
- Чикишева Т.А.** К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000а. - №4 (4). – С. 131-147.
- Чикишева Т.А.** К вопросу об антропологическом составе населения Южных районов Западной Сибири в эпохи неолита-бронзы // Горизонты антропологии. – М.: Наука, 2003 а. – С. 430-437.
- Чикишева Т.А.** Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003б. – С.63-120.
- Чикишева Т.А., Губина М.А., Куликов И.В., Карапет Т.М., Воевода М.И., Ромашенко А.Г.** Палеогенетическое исследование древнего населения Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000а. - № 4 (32). – С.130-142.
- Anderson S., Bankier A.T., Barell B.G., de Brujin M.N., Coulson A.R., Drouin J., Eperon I. C., Nierlich D.P., Roe B.A., Sanger F., Schreier P.H., Smith A.I., Stadler R., Young I.G.** Sequence and organization of the Human genome. – Nature, 1981. – Apr. 9, 290 (5806): 457-465.
- Lahermo P., Sajantila A., Sistonen P., Lukka M., Aula P., Peltonen L., Savontaus M.L.** The genetic relationship between the Finns and Finnish Saami: analysis of nuclear DNA and mtDNA // Am. J. Hum. Genet. – 1999. – Vol. 64. – P. 232-249.
- Loogvali E.L., Roostalu U., Malyarchuk B.A., Derenko M.V., Kivisild T., Metspalu E., Tambets K., Reidla M., Tolk H.-V., Parik J., Pennarun E., Laos S., and al.** Disuniting uniformity: a pied cladistic canvas of mtDNA haplogroup H in Eurasia // Mol. Biol. Evol. – 2004. – Vol. 21. – P. 2012-2021.

**МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКА ЦЗЯОХЭ
И ПРОБЛЕМА СИНХРОНИЗАЦИИ
ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
НА САЯНО-АЛТАЕ И В КИТАЕ***

В последние десятилетия количество материалов по скифскому времени на Саяно-Алтае и прилегающей территории Китая существенно увеличилось. Между тем, принципиально важные вопросы датирования памятников и взаимодействия народов между указанными областями решаются крайне медленно. Используемые абсолютные даты пока слишком условны, в том числе полученные по радиоуглероду и дендрохронологии. На Алтае, в Туве и других регионах, они, зачастую, не соотносятся с археологическим материалом, а расхождения в оценках исследователей в ряде случаев достигают 200 лет. Не менее сложна ситуация с хронологией памятников кочевников VIII-III вв. до н. э. на территории Китая. Соответственно, имеющиеся попытки соотнести этнокультурные процессы в кочевой среде с историческими событиями в Древнем Китае, остаются на уровне предположений. Одна из причин тому – существующая информационная изоляция из-за языкового барьера и затруднённого доступа к необходимой литературе. Решение проблемы видится в совместной работе российских и китайских учёных по сбору, систематизации и синхронизации наиболее представительных погребальных комплексов на приграничных территориях Китая и Саяно-Алтая. Перспективными в этом отношении являются материалы из находящегося в 700 км к югу от плоскогорья Укок (Горный Алтай) могильника Цзяохэ около г. Турфана [Городище Цзяохэ, 1998; Варёнов, Шойдина, 2000]. Опубликованные находки позволяют достаточно уверенно выделить комплексы, синхронные найденным на Алтае V-III вв. до н. э. Наиболее ранним для скифского времени в Цзяохэ является представительный комплекс из могилы M16 (2) (рис. 1. - 1-6). Он соотносится с первым этапом пазырыкской культуры и предварительно датируется первой половиной V в. до н. э., т. е. непосредственно предшествует Башадару-2 [Кубарев, Шульга, 2007, с. 24-28]. На это указывает присутствие распределителей в конском снаряжении из Цзяохэ (рис. 1. – 1,2), уже отсутствующих в Башадаре-2 и Түэкте-1 [Руденко, 1960]. Застёжки подбородного ремня уздечки в виде головки птицы и другие подобные изображения на Саяно-Алтае, как правило, датируются VI-V вв. до н. э. (рис. 1. – 5,6,11). В M16 (2) подпруга затягивалась при помощи пряжки и

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 08-01-00309а).

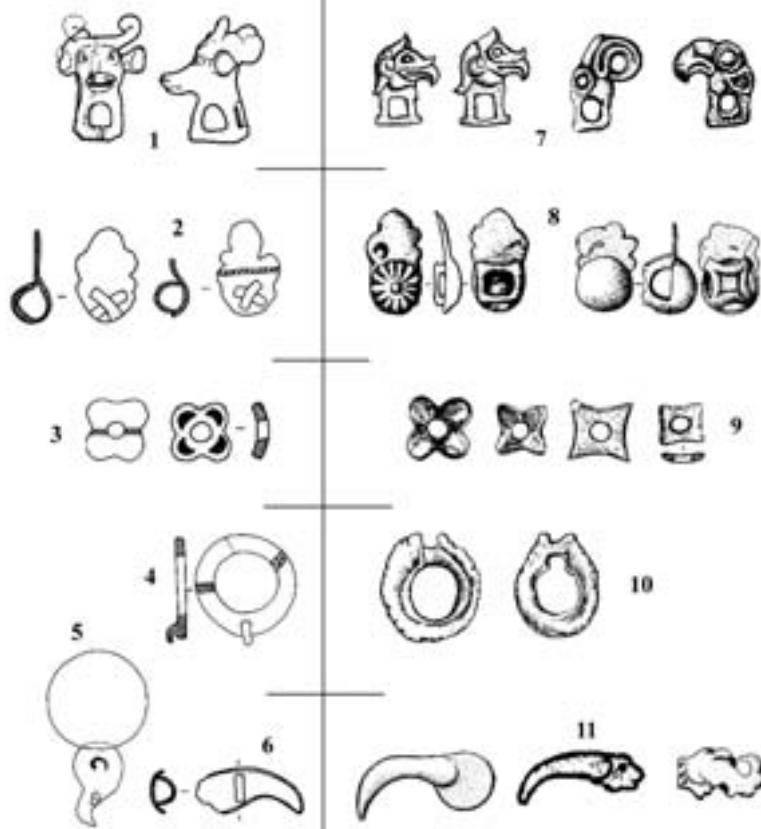

Рис. 1. Ранние материалы первой половины V в. до н. э. из могильника Цзяохэ и аналогии им на Алтае.

блока (рис. 1. - 4). На Алтае такой способ затягивания подпружи был основным примерно до конца V в. до н. э. (Туэкта-2), после чего повсеместно стали использовать только одну застёжку без блока [Кубарев, Шульга, 2007, с. 118]. В V в. до н. э. на Саяно-Алтае бытовали представленные на двух (?) распределителях в Цзяохэ стилизованные фигуры в виде асимметричного листка, получившего наибольшее распространение во времена сооружения Башадара-2 и Туэкты-1 (рис. 1. - 2). Ранние аналогии имеют зеркало с клювовидной ручкой, на которой имеется характерный шпенёк-застёжка (рис. 1. - 5). Вполне укладывается в это время и четырёхлепестковые пронизки (рис. 1. - 3). По всем этим данным комплекс из М16 (2) сложился в первой половине – середине V в. до н. э. – чуть раньше Башадара-2. На Верхней Оби он близок во времени ранним курганам Рогозихи-1,

Цзяохэ

Алтай

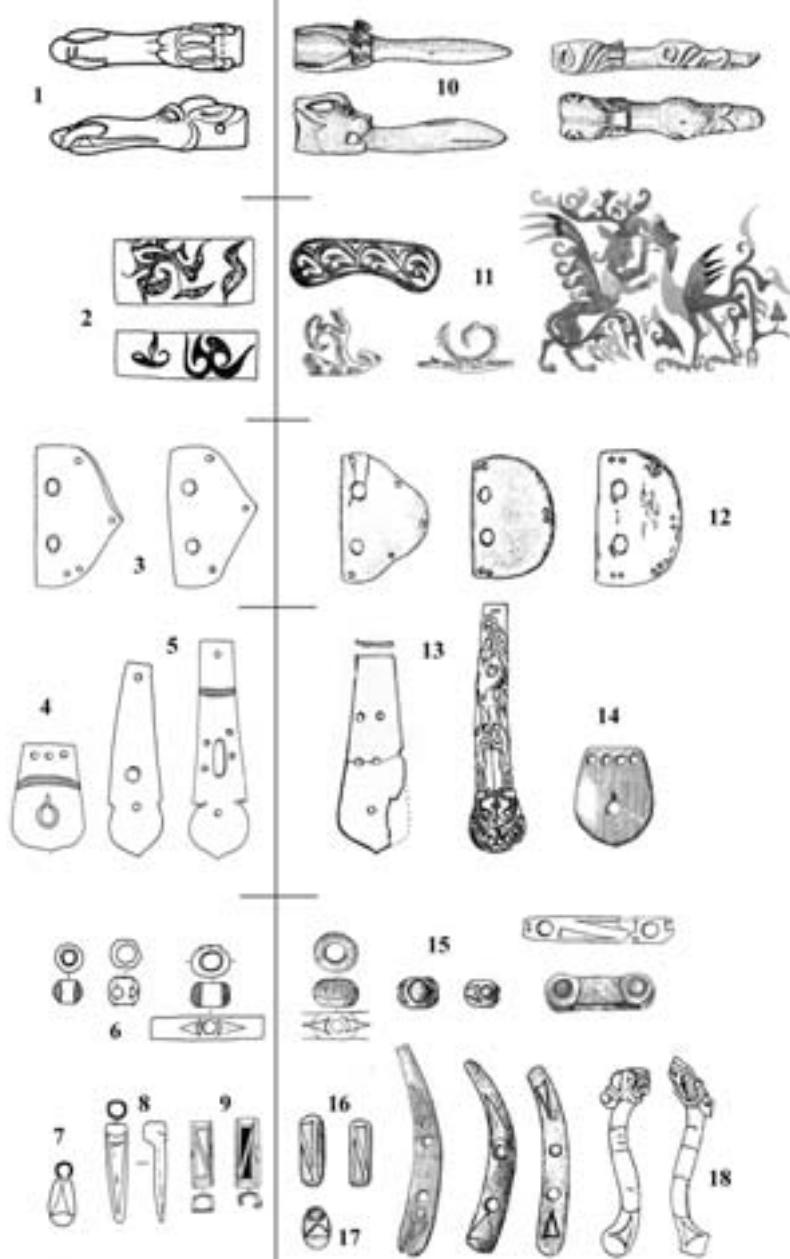

Рис. 2. Материалы из Цзяохэ второй половины IV в. до н. э. (2-9) и аналогии им на Алтае.

в которых также имеются украшенные головками грифонов распределители (рис. 1. – 7), застёжка подбородника и кольцевидные подпружные пряжки (рис. 1. – 10,11) [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005]. Круг ранних аналогий расширяется за счёт поясной подвески (костылька) из могилы М23 (рис. 2. - 1). Аналогичное по устройству и конфигурации бронзовое изделие происходит из Новотроицкого-2, только вместо головы волка там голова львиного грифона с рогами (рис. 2. – 10). Не совсем вписываются в эту картину три железных трёхлопастных наконечника. Ещё недавно считалось, что железные наконечники появляются на Саяно-Алтае примерно с III в. до н. э., однако в Туве они зафиксированы уже в раннескифское время [Чугунов, 2004], а на равнине Алтайского края в могильнике Новотроицкое-2 черешковые трёхлопастные найдены уже в комплексах, датирующихся не позже середины V в. до н. э. [Шульга, 2007].

Большинство остальных опубликованных комплексов из Цзяохэ (М28, М27 и, отчасти, М01) синхронизируются по роговым сбруйным наборам с найденными в Горном Алтае [Руденко, 1953; Киреев, Шульга, 2006, Кубарев, Шульга, 2007], а также на равнине Алтайского края [Бородовский, Телегин 2007]. Одной из отличительных особенностей этих наборов является своеобразный орнамент в виде остроугольных треугольников с вогнутыми основаниями, в том числе используемых для оформления «глаз» на пронизках и псалиях (рис. 2. – 6-9,15-18). В раннепазырыкских наборах он не встречается. Из 17 роговых наборов скифского времени в Горном Алтае такой орнамент имеется в Пазырыках-3,4 и в Чендеке-ба (курган 5), а на равнине – в Объездном-1. Нет его и в более позднем Пазырыке-5. На этом основании можно сделать предварительное заключение об изготовлении указанных сбруйных наборов на Алтае и, вероятно, в Синьцзяне в одно время – примерно во второй половине IV в. до н. э. На этот же период указывают и конструктивные особенности сбруйных деталей (рис. 2. – 3-5). Обнаруженный на деревянной коробочке (могила М15) орнамент в виде предельно стилизованных грифонов (рис. 2. - 2), также характерен для памятников IV в. до н. э. в горах и на равнине Алтая (рис. 2. – 11) [Руденко, 1953; Шульга, 2003]. Определённое сходство прослеживается в погребальном обряде с пазырыкской культурой Горного Алтая. Например, М27 была ориентирована длинной осью в широтном направлении, погребённый в ней человек, по-видимому, ориентировался головой на восток, а к северу от могилы находились подхоронения лошадей в двух ямах.

Сравнительно недавно рассмотренные погребальные комплексы типа М16 (2) и М01 могли бы достаточно уверенно датироваться по материалам пазырыкской культуры. Однако с появлением новых радиоуглеродных дат, расхождения в оценках российских исследователей достигают 150-200 лет. При сопоставлении же комплексов из России и Китая они увеличиваются вдвое. Так, вскрытые в Цзяохэ захоронения, в том числе могила у кургана М01 с монетой у-чжу и накладкой на лук, отнесены китайскими учёными к ханьской эпохе (с 207 г до н. э. по 220 г. н.э., т.е. с III в. до н. э. по

III в. н. э.), а приведённые ими радиоуглеродные даты и вовсе указывают на раннее средневековые [Городище Цзяохэ, 1998, с. 71]. Предложенный временной интервал явно велик и не соответствует реалиям, ведь даже несомненно «поздние» накладки на лук появляются в Китае раньше - уже с V-IV вв. до н. э. [Ковалёв, 2002, с. 121]. Важно подчеркнуть, что могила с монетой и накладкой на лук вовсе не датирует более ранние погребения типа М16 (2) и М01. Между тем, имеются все основания полагать, что рассмотренные материалы из могильника Цзяохэ, а также из некоторых других могильников в Синьцзяне сосуществовали и синхронно менялись, несмотря на значительность разделявшего их расстояния. Предварительная датировка этих памятников в рамках V-IV вв. до н. э. приведена выше, но достаточно обоснованное заключение может быть сделано только по завершении начатой авторами систематизации и анализа материалов из кочевнических могильников на территории Китая.

Список литературы

Бородовский А.П., Телегин А.Н. Роговые украшения седла скифского времени с Приобского плато // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2007. №2(30). С. 52-62.

Варёнов А.В., Шойдина О.С. Могильник к северу от городаща Цзяохэ (Яр-Хото) – памятник гуннского времени в Турфанской впадине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Т. VI. С. 257-262.

Городище Цзяохэ – отчёт об археологических раскопках за 1993-1994 годы. (Цзяохэ гучэн – 1993, 1994 няньду каогу фацюе баогао). Пекин: Дунфан, 1998. – 12, 206 с., X, XXXVIII л. илл. (на кит. яз.).

Киреев С.М., Шульга П.И. Сбруйные наборы из Уймонской долины // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. С. 90-107.

Ковалёв А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ – Чита: Изд-во Бурятского госуниверситета. 2002. С. 103-131.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с., ил.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 350 с., ил.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с., ил.

Чугунов К.В. Аркан – источник // Аркан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: АО Славия. 2004. С. 10-39.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с., ил.

Шульга П.И. Вооружение на Алтае в VI-III вв. до н. э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 142-156.

ЭТНОГРАФИЯ

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СИБИРИ

В современных общественных науках человеческий потенциал признается главной составляющей национального развития. Он отражает социальное качество населения. Общемировая практика оценки уровня развития в постиндустриальную эпоху осуществляется по основным параметрам развития человеческого потенциала: ожидаемая продолжительность жизни; уровень образованности населения и реальный душевой валовой внутренний продукт. Интегральным показателем, который используется ООН, является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Начиная с 1995 г., ИРЧП рассчитывается по всем странам мира, в том числе по Российской Федерации (РФ) в целом и по ее отдельным регионам. Основные параметры развития человеческого потенциала в течение многих лет являются предметом исследований ИЭиОПП СО РАН и других институтов СО РАН, включая ИАЭТ СО РАН.

Этнический фактор чрезвычайно актуален для Сибири, где изначально активно развивались миграционные процессы. К концу XIX в. во многих областях региона сложилось значительное преобладание русских. В настоящее время в Сибирском федеральном округе (СФО), при наличии ряда этнополитических образований, в целом русские составляют абсолютное большинство. Однако состав наиболее значительных по численности этносов существенно меняется. Облик каждого из них имеет как специфические, так и общие черты, что является показателем исторически сложившейся мозаичности и одновременно отражает общую тенденцию модернизации общества.

Исследование диаспоральных аспектов народонаселения позволяет выявить общее и особенное в этносоциальных параметрах сложившегося к настоящему времени человеческого потенциала СФО. Реализации этой цели служит анализ характеристик лидирующих по численности этносов: русских, украинцев, немцев, татар и казахов.

Этнокультурный и этносоциальный потенциал русского этноса в Сибири определил многовековой опыт адаптации и межэтнических взаимодействий. Численность русских в СФО на момент переписи 2002 г. составила 17,5 млн. человек – 87,3% всего населения, из них в городе проживало 73,1%. Русские сформировали основу населения всех субъектов СФО, кроме Республики Тыва, где их доля составила немногим более 20%.

Украинцы, занимающие сегодня второе по численности место в этнической структуре СФО, традиционно взаимодействуют со славянскими этносами по широкому этносоциальному спектру. Сибирь остается одним из самых «украинских» регионов РФ. На СФО приходилось 373,1 тыс. представителей этого народа – 1,9% населения СФО. Более 70% украинского населения округа проживает в городах.

Немцы в настоящее время представлены практически во всех регионах РФ. При этом около 50% немцев находится на территории СФО, составляя 1,5% населения. Распределение немецкого населения в регионе вплоть до рубежа ХХ-ХХI вв. отражало преимущественно реалии размещения ссыльного и трудармейского контингента по территориям Западной Сибири. Перемещение немецкого населения в город было «отсроченным» по причине неполной реабилитации до 1960-х гг. Превышение численности «городских» немцев впервые произошло только в 2002 г. – 339 тыс. человек против 258 тыс. на селе.

Татары являются одним из многочисленных этносов современной России и обладают собственной государственностью на уровне субъекта РФ – Республики Татарстан. Татары занимали в 2002 г. второе место по численности среди народов РФ; в СФО – четвертое (252,6 тыс. чел. или 1,3%). Татарский этнос традиционно обладает значительным социальным и образовательным цензом. Это определяет его высокие адаптивные возможности и высокую степень интегрированности в полигэтнические сообщества страны и регионов. По данным переписи 2002 г. численность проживающих в городах СФО татар в 2,2 раза превышает число татар в сельской местности и составляет 3795,3 тыс. чел. против 1759,3 тыс..

Казахи – один из тюркоязычных этносов, широко представленных в полигэтническом сообществе РФ, прежде всего в ее пограничных регионах. По данным переписи населения в 2002 г. в стране постоянно проживало 654 тыс. казахов, что составляло около 0,45% населения», в СФО – 0,6% (123,9 тыс. чел.). Значительная часть казахов (61,7%) проживала в сельской местности. Традиционно казахи ориентировались на аграрные сферы экономики с преобладанием животноводства, хотя с 1960-х гг. неуклонно росла численность тех, кто был задействован в индустриальной сфере.

Численность всех этнических сообществ в регионе, кроме украинцев, начиная с 1930-х гг., планомерно росла до начала 1990-х гг. С 1991 г. РФ, в том числе СФО, «захлестнули» широкомасштабные миграционные процессы. Начался отток русскоязычного населения из стран СНГ в Россию. Одновременно в 1990-е гг. в СФО, как и в РФ в целом, стал очевиден «западный дрейф» миграции. Страны СНГ, Россию и Сибирь покидали представители европейских диаспор, прежде всего немцы и евреи. Выезд немцев из РФ в Германию был наиболее интенсивным в середине 1990-х гг. Если в 1979 г. доля немецкого населения составила 0,78% населения РФ, то в 1989 – 0,57%, а в 1994 – 0,54%.

Обретение статуса независимых государств бывшими республиками СССР, а также обретение суверенности республиками в составе РФ, активизировало выезд из страны представителей титульных этносов на историческую родину. В результате в СФО значительно сократилась число украинцев, белорусов, татар, чувашей. Помимо социально-политических факторов изменение структуры народонаселения СФО было вызвано смешной идентичности с указанием принадлежности к доминирующему русскому этносу.

За 1989-2002 гг. при снижении численности населения страны на 1,3% в СФО убыль населения составила около 5%. При этом численность русских, несмотря на значительный их прирост за счет мигрантов, уменьшилась на 3,4%. Численность украинцев сократилась на 38%, немцев – на 32%, татар – на 12,5%. Несущественно сократилось лишь численность казахов. Одновременно нарастающими темпами в СФО шло увеличение численности народов, проживающих в основном за пределами РФ – таких, как азербайджанцы – в 50 раз и армяне – в 20 раз (за период 1939 – 2002 гг.) и тд. Однако их прирост не смог компенсировать убыль населения СФО.

При изменении количественных параметров этнодемографической структуры СФО изменились и ее качественные характеристики, включая уровень образования и профессиональной подготовки. По итогам переписи 2002 г. профессиональное образование по СФО имели 58,2% (по РФ - 59%) народонаселения. В том числе: специалисты с высшим образованием занимали в образовательной структуре СФО 13,8% (РФ 15,7%), а со средним профессиональным образованием - 27,3% (РФ 27,1%).

Славянские этносы СФО, прежде всего русские и украинцы, составляющие в общей численности населения округа 93,5%, характеризуются наиболее высоким образовательным уровнем. При этом украинцы занимают основные позиции по профессиональному, в том числе высшему и среднему профессиональному образованию. В целом образовательный потенциал украинского населения округа выше среднего уровня. Русское население СФО также обладает высоким образовательным статусом, ему принадлежит второе место по общему показателю по среднему (58,2%) и высшему образованию (13,9%).

В 2002 г. более половины татар СФО (53,8%) имело профессиональное образование, что ниже средних по округу показателей. Наибольшую долю имели прошедшие среднюю профессиональную подготовку (26.1%), затем начальную профессиональную подготовку (14,6%). Специалисты с законченным и неполным высшим образованием составляют среди татар, проживающих в городской и сельской местности, 12,9%, а среди сельского населения только 5,5%, что является низким показателем.

В структуре народонаселения СФО относительно низким уровнем образования выделяются немцы, что объясняется долгим периодом сохранения репрессивных социальных стандартов по отношению к этому этносу, отсутствием полноценной образовательной вертикали на родном языке и

широкого информационного (языкового) пространства. Специалисты с за-конченным и неполным высшим образованием составляют среди немцев, проживающих в городской и сельской местности только 10,6%, а среди сельского населения - 5,3%, что существенно ниже удельного веса всех жителей с аналогичным уровнем образования по округу.

Самый низкий уровень образования отмечен для казахов. Согласно переписи 2002 г. всего около 45% казахов СФО имело профессиональное образование, из них специалисты со средней профессиональной подготовкой составляли 22,7%, с начальной профессиональной подготовкой 14,2%. Очень низок у казахов процент специалистов с высшим образованием: в городской местности, он составляет всего 6,5%, а среди сельского населения 4%.

Современные этносоциальные процессы Сибири соединяют в своем развитии тенденции культурного и политического самоопределения этносов с одной стороны, а также модернизации и интеграции - с другой. Происходит нивелирование социально-демографических характеристик диаспор относительно средних показателей при сохранении определенных различий. В целом, современная ситуация характеризуется ухудшением качественных характеристик народонаселения СФО

Результаты исследований ИЭиОПП СО РАН последнего десятилетия показывают, что уровень развития человеческого потенциала в Сибири, как и в России в целом, остается достаточно низким. Если в 1980-х гг. Россия входила в тридцатку стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала, то в 2002 г. она отодвинулась на 57 место. ИРЧП в России сейчас ниже уровня 1980 г. В Сибири только Тюменская область имеет ИРЧП, соответствующий уровню 55 развитых стран, а 4 региона (республики Бурятия, Алтай, Тыва и Читинская область) имеют ИРЧП ниже среднемирового. Нарастает естественная убыль и абсолютное сокращение численности населения в результате ухудшения здоровья, повышения смертности и уменьшения рождаемости при резком снижении качества воспроизводства населения. Происходит неэквивалентный миграционный обмен, в том числе рабочей силы; наблюдается нивелирование толерантных моделей поведения в рамках региональных сообществ. Сегодня народонаселение СФО описывает совокупность, в том числе кризисных, показателей, которые формируют проблемные перспективы в развитии человеческого потенциала региона.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ И ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КАЗАХОВ ЮГА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Летом 2008 г. Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН и Центром археолого-этнографических исследований Павлодарского государственного педагогического института на юге Омской обл. было проведено комплексное этнографо-археологическое исследование поселенческих и мемориальных комплексов казахов. В ходе работ осуществлялось изучение характера и специфики формирования казахских некрополей в условиях степи и лесостепи юга Западной Сибири, эволюции и типов погребальных сооружений. Отдельным направлением стало исследование поселенческих комплексов, выявление взаимосвязей между селением и кладбищем, природно-географической обусловленности их расположения.

К югу от аула Бузан (Русско-Полянский р-н Омской обл.) и соленого озера Алабота находится довольно большой массив березовых колков, со средоточенными вдоль высохшего русла небольшой речки. Эти места местное население называет «Бузанские леса». Они представляют собой своего рода оазис в степи. Данная территория была, несомненно, весьма привлекательна для кочевого населения: в высохшем русле с весны стояла вода, а потом до нее легко было добраться при помощи неглубоких колодцев, березовые колки защищали от ветра и служили источником дров. В центральной части «Бузанских лесов», которая у местного населения носит название урочище Карагатал, удалось обнаружить следы более 10 казахских зимовок. Четко прослеживаются остатки саманных и дерновых жилищ, загонов для скота разного размера, колодцев. Это удобное место издавна использовалось казахским населением для зимовок, а позднее здесь был основан аул Карагатал. В ходе осмотра территории поселения обнаружены различные изделия из кости, металла (в том числе кованые), фрагменты фаянса Кузнецкого завода, точильный камень из гранита (кайрак), большое количество костей животных.

Зимовки одной семейной общине у казахов традиционно занимали одни и те же места и довольно большую территорию. В урочище Карагатал естественным укрытием от западных и северо-западных ветров были березовые колки, с восточной стороны которых ставили юрты и загоны для скота (кора). Расселение носило выраженный дисперсный характер. К примеру, у одного колка могла стоять юрта или дом родителей с младшим сыном,

у второго – юрта семьи второго сына, у третьего колка жил третий сын с семьей. Обычно возле леса, в более защищенном от ветра месте, жили богатые хозяева. Работавшие на них бедные родственники (жатаки) селились на открытом пространстве - ближе к дороге и кладбищу. К сожалению, пока по планиграфии зимовок в урочище Карагатал выяснить такие особенности расселения не удалось по причине сильного изменения поверхности во время функционирования на этой территории стационарного аула.

В целом, в ходе обследования Бузанских лесов экспедицией обнаружено более 60 зимовок с четкими следами остатков жилищ, загонов для скота, ограниченных валами и ровиками, круглых неглубоких колодцев. Интересная информация была получена в ауле Караман Нововаршавского района Омской области, расположенным на берегу р Иртыш (в 70 км от Бузана). Информаторы рассказали, что их предки (зимовавшие у Иртыша) в Бузанские леса традиционно уходили на летовки. Таким образом, рассматриваемая территория в разные периоды использовалась казахским населением для зимовок, летовок и стационарного обитания. Решение вопроса о том, как функционировала и эволюционировала система природопользования в этой экосистеме актуально не только для изучения этого локального района расселения казахов. Исследования в этом направлении позволяют приблизиться к решению проблем этапов и характера расселения казахов по югу Западной Сибири. В данном аспекте не менее значимо изучение погребальных комплексов. Многочисленные казахские кладбища, разбросанные по лесостепи и степи Омской области, к сожалению, изучены крайне слабо, особенно в плане специфики расположения и эволюции типов надмогильных сооружений.

Урочище Карагатал, в непосредственной близости от зимовок и бывшего аула, расположено старое казахское кладбище сагал-кипчаков. Проведенное исследование показало, что этот мемориальный комплекс формировался в несколько этапов. На нем представлены как разнообразные типы саманных мазаров различной степени сохранности, вплоть до полностью археологизированных, так и современные захоронения. Вероятно, начало существования этого некрополя можно отнести к появлению здесь первых казахских зимовок.

На кладбище, в указанном информаторами из аула Бузан месте, была обследована сильно разрушенная постройка из самана. Местные жители считают ее развалинами мечети XIX в. В ходе обследования остатков этого строения выяснилось, что оно состоит из двух частей. Одна из них представляет собой сильно оплавившее сооружение вытянутой подпрямоугольной формы, длинными сторонами ориентированное в направлении запад-северо-запад - восток-юго-восток. Стены в некоторых местах сохранились на высоту до 1,8 м. Их прорезали узкие высокие окна. Торцовая стена с западной стороны в центральной части имеет выступ в виде михраба. Кладка выполнена из сырцового кирпича двух видов, отличающихся по цвету и составу. Возможно, строительство этого сооружения происходило с не-

которыми перерывами, а кирпичи делали разные мастера. Такой подход был не характерен при строительстве мазаров. Подтверждением служит тот факт, что пока нам не удалось обнаружить ни одного мазара, сложенного из разных кирпичей.

Окраска кирпича первого вида в рассматриваемом сооружении варьирует от коричневого до черного. По всей видимости, при его изготовлении основным компонентом была земля. Второй вид кирпича - светло-коричневого, желтого и сероватого цвета. В его составе присутствуют глина и песок.

Кирпичи второго вида разрушены в большей степени, чем первого. Однако возраст, расположение в кладке и интенсивность воздействия окружающей среды у и тех и других не имеют существенных различий. Основываясь на этом можно сделать вывод, что кирпичи из земли были прочнее. В составе изделий обоих видов обнаружена примесь конского навоза, а также высохшие стебли травы. В кладке был использован одинаковый связующий раствор, по составу и цвету очень похожий на тесто кирпичей второго вида.

Кирпичи обоих видов изготавливали в одинаковых формах. В результате получались стандартные прямоугольные блоки размерами 35x16x16 см.

Описанную постройку с восточной стороны продолжает сооружение прямоугольной формы, с разделенное на 2 секции. Стены сохранились на высоту до 1,45 м. Они сложены из кирпича только черного цвета. По размеру он меньше того, что использовался в первом сооружении - 28x10x15-17 см. В первой секции обнаружена западина (следы захоронения?). Можно предположить, что к мечети позднее были пристроены мазары. Общая длина обеих построек составляет 29 м. Для данного кладбища такое своеобразное расположение мазаров, когда к стене одного пристраивали другой и т.д. – чаще по 4-5 в ряд, является отличительной чертой. Иногда, ввиду недостатка места, следующий мазар сооружали даже не со стороны глухой стены, а с той, где находилась дверь.

Со стороны предполагаемой мечети и пристроенных к ней мазаров остатки жилых сооружений расположены к кладбищу ближе всего – на расстоянии менее 10 м.

Наиболее старые могилы находятся в центральной части некрополя. Некоторые из них полностью археологизированы – от стен остались только оплывшие валы. Здесь также были прослежены комплексы из нескольких мазаров, пристроенных друг к другу. Вероятно, эта традиция оформилась еще на самых ранних этапах существования кладбища и основной причиной ее возникновения было не отсутствие места. Судя по надписям на более поздних мазарах, состыкованных таким образом, главным объединяющим фактором являлись родственные связи.

Кладбище в урочище Карагатл имеет еще одну специфическую особенность - многие старые и новые мазары повторяют архитектурные формы старой мечети. Они выстроены с михрабом и узкими высокими окнами.

Подобные формы мазаров нами были зафиксированы практически на всех кладбищах в окрестностях Бузанских лесов, а также на тех, которые расположены в Нововаршавском р-не неподалеку от границы с Русско-Полянским р-м. Возможно, выявленные особенности являются характерной чертой погребальной обрядности одного из родовых подразделений казахов, однако это предположение требует более глубокой проработки, в первую очередь на этнографическом материале.

В нескольких километрах от аула Каразюк Нововаршавского р-на расположено старое (ныне не действующее) кладбище Баимбет, информация о котором была получена от местных жителей. Оказалось, что могильник состоит из целого ряда разнообразных погребальных сооружений. Среди них выделяется курган диаметром около 17 м и высотой 1 м, с грабительской ямой в центре (диаметр около 3 м, глубина - около 0,2 м). Он может быть датирован в широком хронологическом диапазоне - от раннего железного века до средневековья. Вероятно, именно этот курган стал причиной выбора данного места для могильника в более позднее время.

Среди погребальных сооружений некрополя выделяются небольшие курганы диаметром 8-10 м и высотой от 0,2-0,3 до 1 м. У некоторых из них зафиксированы ровики. Подобного рода насыпи нередко встречаются на старых казахских некрополях в разных местах Омской области. Несколько наиболее высоких курганов кладбища Баимбет оказались сильно изрезаны большими норами, в осыпях которых хорошо прослеживалась конструкция кургана. Было выявлено, что такие насыпи изначально представляли собой купольные саманные мазары. На данный момент они полностью археологизированы и выглядят как обычные курганы. Таким образом, вопрос конструкции и формирования современного внешнего вида этих сооружений удалось решить. Архитектурные особенности и другие детали более детально можно изучить только в ходе раскопочных работ. Однако не выясненным остается время бытования такого типа надмогильных сооружений на юге Западной Сибири и то, было ли их возведение связано с социальным статусом погребенного.

Перспективность проведения археолого-этнографических исследований по изучению памятников казахского населения очевидна. История освоения этим народом юга Западной Сибири (в том числе лесостепных и степных территорий Омской обл.) насчитывает уже несколько столетий. Самые ранние ее этапы представлены уже археологизированными комплексами. Объективное представление о них может быть получено только в ходе осуществления комплексных исследований.

О НОВАЦИЯХ В НАРОДНОЙ ОДЕЖДЕ СЕЛЕНГИНСКИХ БУРЯТ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

История народной одежды бурят XIX в. была отмечена трансформационными процессами, которые в разной степени видоизменили локальные комплексы одежды. На фоне развития общей тенденции, заключавшейся в постепенной смене пошивочного материала и включении инокультурных элементов в одежду, в культурах отдельных этнических групп бурят возникали инновации, вызванные к жизни модой. Для выяснения причин появления этих новшеств остановимся на данных по селенгинским бурятам середины XIX в.

Крайне любопытен для изучения поднимаемого вопроса документ, обнаруженный нами в фондах Национального архива Республики Бурятия. Он озаглавлен как “Донесение Селенгинской степной думы Верхнеудинскому окружному начальнику” и датируется 9 октября 1837 года [НАРБ, Ф. 2, Оп. 1, Д. 381]. В преамбуле этого исторического источника бурятские родоначальники акцентируют внимание вышестоящего руководства на “политическое и нравственное состояние” своих подопечных, которое, по их мнению, подвержено серьезной эрозии. Признаками такой эрозии, которая, как утверждают составители письма, может в перспективе “ослабить постепенно долг подчиненности и уважения к старшинам и начальникам” и привести к экономическому разорению, являются изменения в одежде и в проведении свадеб. Так, что же так обеспокоило правящую элиту селенгинских бурят и заставило их обратиться за поддержкой к окружной власти?

Как следует из донесения, селенгинские буряты, ясачные и казаки, включая женщин, буддийских монахов и их учеников-послушников – хувраков, стали носить ту же одежду, что и представители управляющей прослойки – тайши, атаманы и начальники родов. Чтобы понять, почему столь трепетно относились к внешним атрибутам власти бурятская элита - сайты, стоит обратиться к истории первой половины XVIII в. Еще Г.Ф. Миллер сообщал, что “звание тайшей и зайсанов в употреблении только у мунгалов Селенгинского Подгорного дистрикта и у брацких хорынцев <...> пожалованы по их заслугам по приличности заграничных мунгал, дабы равное с ними честью пользоваться” [РГАДА, Ф. 199, Оп. 1, Д. 347-12, Л. 2]. Если быть точным, то официально признанным институтом тайшей и зайсанов у забайкальских бурят стал в 1729 г. [Бурятские летописи, 1995, с. 32]. Эта инициатива русской администрации, поднявшая в глазах бурят

авторитет их родовой аристократии и сделавшая ее представителей более лояльными к власти, по сути на долгое время превратила в наследственные должности тайшей и зайсанов. В XIX в. эти должности постепенно перестают быть наследуемыми, и становятся выборными. Между тем по Уставу об управлении инородцев 1822 г. звания зайсана, а также засула и шуленги были фактически отменены, вместо них появились т.н. заседатели степной думы [Полн. собр., 1830].

Принадлежность к высшему сословию подчеркивалась регламентацией одежды. В рассматриваемом нами документе об этом также указывается: “... в отличие от простого народа сообразно степени, званию и должности, ими отправляемой, имели на шапках красные, синие и белые шарики из коралла, лазурика, горного хрусталя и стекла состоящие, как знаки одним только чиновникам присвоенные и известные у заграничных монголов под именем джинсэ. Верхнее же платье состояло у них из китайских материй, вышитых шелками и называемых магнук; шапки были собольи, а сапоги верверетовые*.” [НАРБ, Ф. 2, Оп. 1. Д. 381, Л. 1 Об.]. Очевидно, что на размывание сословных различий в одежде повлияла, с одной стороны, приграничная русско-китайская торговля, активно развивавшаяся в XVIII – XIX вв., благодаря которой такой острой нехватки как в предыдущем XVII столетии в тканях, промышленных и продуктовых товарах буряты не испытывали. Среди импортируемых из Китая товаров значились драгоценные камни, разные сорта чая, бадьян, лекарства, деревянные и металлические изделия и т.д. В документах середины XVIII в. обнаруживаем, например, такой перечень различных видов китайских тканей: голеи; полуголеи; канфа; атлас; флер; фанза; шелк (сырой и сущенный); китайка; тунхай; камый и др. [РГАДА, Ф. 24, Оп. 1, Д. 9-1, Л. 26 - 28 Об.]. Правда, не обходилось и без курьезов. Порой оказывалось, что под видом дорогого сорта ткани бурятам продавали перекрашенную дешевую – так, на поверхку выяснилось, что китайский материал далемба ничто иное, как продукт английской мануфактуры дриллинг [Залкинд, 1970, с. 96]. Развитие ярма-рочной и мелочной торговли в XIX в. способствовало тому, что китайские ткани стали широко использоваться в одежде разных социальных групп селенгинских бурят.

С другой стороны, определенную роль сыграла мода. В доказательство этому можно привести выдержку из сочинения ссыльного декабриста Н.А. Бестужева, который, в частности, сообщает: “Загустайцы (загустайские буряты – А.Б.), будучи богаче других, первые начали украшать своих жен и дочерей дорогими моржанами, т.е. нитками коралловых кольков, перемешанных с малахитом. Другие, хотя и беднее, но, повинуясь моде, разоряются на покупку этих драгоценностей по настоянию своей женской половины. <...> с увеличением бедности, как будто нарочно, мода на моржаны распространяется все более и более” [Бестужев, 1991,

*По В.И. Далю, это - бумажная ткань, мохнатый бархат [Даль, 2004].

с. 84 - 85]. Как видим, механизм распространения модных вещей строился на обычном человеческом желании быть не хуже других, если даже такое стремление и вело к неизбежному разорению, тяжелым долговым обязательствам. Заметим, что в 1830-1840-е гг. в Забайкалье были часты массовые падежи скота из-за бескорьи, потери нередко составляли до половины стада. В свете этого послание бурятских родонаучальников Верхнеудинскому окружному начальнику не выглядит только как проявление сословного эгоизма, но и выражает обеспокоенность общества в целом состоянием бурятской экономики.

Приготовления к свадьбе у селенгинских бурят, как можно понять из литературных и архивных источников середины XIX в., были отягощены опять-таки господствующей модой. Чтобы соответствовать новым запросам времени отец невесты, помимо традиционного включения в приданное определенного числа голов скота разных видов, войлочной юрты, мебели и утвари, должен был также покупать коралловые и серебряные украшения, дорогие сорта китайского шелка для пошива одежды невесты. Вот как об этом пишет Н.А. Бестужев: “Прежде все бурятское племя довольствовалось стеклянными бусами или китайскими будумулами, сделанными из какой-то эластичной материи в подражание кораллам, но ныне нельзя выдать девки замуж без того, чтобы у неё не было несколько ниток корольков, по крайней мере, руб. на 250 – 300. От этого калмы, т.е. выкупы за невест, очень дороги, потому что идут на покупку этих украшений.” [Бестужев, 1991, с. 84 - 85]. Само собой разумеющимся было то, что вследствие удешевления приданного калым тоже существенно вырос, а это самым негативным образом сказалось на семейно-брачных отношениях – увеличивалось число холостых мужчин, углублялась социальная дифференциация в брачной области (богатые женились на богатых, бедные – на бедных).

Вообще же описанную выше ситуацию с одеждой можно оценивать как свидетельство развития культуры селенгинских (шире забайкальских) бурят, происходившего в русле опосредованного восприятия некоторых элементов центрально-азиатской культурной модели, в том числе и одежды. Ничего нет удивительного в том, что в качестве образца для народного подражания была взята именно “чиновничья” одежда - та социальная грань в ношении одежды, которой, скажем, строго следовали в феодальном монгольском обществе, в условиях российской действительности, когда складывался новый этнос и сформировался экономически крепкий страт состоятельных людей, легко преодолевалась. Мода в бурятской одежде развивалась в рамках традиционного общества, черпая для своего эстетического роста внутриэтнические резервы, и влияние на нее европейской (русской) культуры в первой половине XIX в. было мало ощутимо.

Понятно, что первыми, кто посягнул на привилегии родовой аристократии в одежде, были богатые буряты, от которых процесс распространился на остальных бурят и даже на духовных лиц. По-видимому, узкая гендерная принадлежность новации в одежде была безболезненно преодолена и

она вошла в женскую одежду. Из светских слоев бурятского общества мода перекочевала в среду буддийских служителей, ряды которых в изучаемое время быстро увеличивались за счет неофитов, существенная часть которых после обучения при монастырях жила почти светской жизнью и могла быть восприимчива к новшествам в народной одежде. Думается, что в дацанах, где действовали строгие требования устава, отход от установленных канонов в монашеском одеянии все же не допускался. Попав в бурятский народный костюм серебряные навершия со вставленными камнями украшали головные уборы мужчин и женщин вплоть до начала XX в., причем это было типично не только для селенгинских бурят, но и присаянских бурят и хори-бурят. Здесь необходимо заметить, что в зависимости от благосостояния вместо серебряного навершия с дорогим камнем люди носили его имитацию из меди со вставкой из стекла или дешевого камня. Китайский узорчатый шелк магнук (также известный как магнал, магнул), на котором имелись изображения драконов, был также популярен и использовался на пошив праздничных халатов и шуб. Единственное, обувь из верверета не выдержала испытание временем и в конце XIX в. сапоги эрмэг гутал имели голенища уже из другого материала (кожного и тканного). Таким образом, инновация по прошествии полувека окончательно превратилась в традицию и воспринималась как бурятами, так и приезжими в качестве традиционной одежды. Широкий охват рассмотренного явления позволяет предположить, что в XIX в. селенгинские буряты, а вместе с ними и другие выше перечисленные группы бурят интуитивно искали и вырабатывали общие черты культуры, в том числе и в одежде.

Список литературы и источников

- Бестужев Н. А.** Гусиное озеро: статьи, очерк / Б. Дугаров. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. – 112 с.
- Бурятские летописи** / Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Ц.П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995. – 198 с.
- Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: на CD-диске. - Люблия: Юнитехнопласт, 2004.
- Залкинд Е.М.** Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1970. – 400 с.
- Полное собрание** законов Российской империи. Т. 38. – СПб., 1830. - № 29126.
- Национальный архив Республики Бурятия**, Ф. 2, Оп. 1. Д. 381 // Дело об учреждении при степной думе временной комиссии для составления положения об обычаях. – 5 л.
- Российский государственный архив древних актов**, Ф. 24, Оп. 1, Д. 9-1 // Ведомость коликое число при Сибирском приказе имеется привозной из Сибири в нынешнем 1744 году ясашного збору товарной казны. – 29 л.
- Российский государственный архив древних актов**, Ф. 199, Оп. 1, Д. 347-12 // Историческое описание Братских калмыков. – 6 л.

РУССКИЕ СТАРОЖИЛЫ В ЗАБАЙКАЛЬЕ. ИСТОРИЯ СЕЛА КУЙТУН В 1740–1760-е ГОДЫ

Русская деревня Куйтун в XVIII в. была одной из самых крупных в Западном Забайкалье, она сохранила бурятское название, что в переводе с бурятского означает «холодный». На территории Предбайкалья и Забайкалья это довольно распространенный топоним. Словом хунтэй буряты называли приподнятые предгорные равнины, издавна обжитые и используемые как пастбищные и земледельческие угодья [Мельхеев, 1969, с. 136-137].

Некоторые природно-климатические особенности окрестностей Куйтуна подробно описал П.С.Паллас. Он писал: «...По Куйтуну осенью очень рано великие случаются туманы и ини, а весною земля в долинах растаевается очень поздно; и так все, кроме ярового и зимового по низким местам померзает, а только что некоторые места повыше, на тех и урожай бывает, если при том довольно часто случающаяся сушь не лишиит земледельца последния надежды» [Паллас, 1788, с. 225-226]. При таком климате земледелие развивалось в экстремальных условиях.

О возникновении села Куйтун точных документальных данных не имеется. По рассказам жителей, Куйтунская деревня была основана более 200 лет тому назад, а именно в 1689 г. Население ее состояло «частюю из инородцев-бурят, оттого буряты и дали название месту Куйтун по-братьски «Куйтун-байна», значит холод, и казаков, частюю из переселенцев из других мест Европейской России...» [Забайкальские, 1901, с.19].

Как видно из этого сообщения, названное село возникло в конце 1780-х или в 1740 г. по архивным данным, найденным Е.М.Залкиндом, в Куйтунской деревне, под присудом Удинского пригорода, насчитывалось 14 дворов; в следующей по заселенности деревне было всего 7 дворов, а всего в названном присуде состояло 17 деревень [Залкинд, 1962, с. 74].

В «Ведомости Селенгинского дистрикта о земельных делах», составленной, как полагают исследователи, в 1730-е гг. сообщается: «Удинского пригорода присудствующие деревни вверх по Уде реке по Уюровской паде до Тарбагатайской деревни по посторонним речкам, которые течение имеют в Селенгу реку, ... а в оных уроцищах мелких деревень разных чинов обыватели при Куйтуне и при Кунале и Тарбагатае речкам 21 двор». Если в Куйтуне в 1740-м г. было 14 дворов, то в деревнях по Кунале и Тарбагатаю речкам было всего 7 дворов. Следовательно, деревни только строились, со временем превращаясь в большие русские селения.

Примечателен состав «*обывателей разных чинов, ... которые имеют пахотные земли, служилых 9, ясашных 3, крестьян 3, посацких 3, итого 18 человек, разночинцев, которых пахотных земель не имеют 3 человека, всего 21 человек*» [Залкинд, 1962, с.160-161]. Как видим, больше половины жителей составляли казаки (9 человек) и 3 человека разночинцев, в разряд которых обычно записывали отставных казаков, как людей неподатного сословия.

Можно сказать, что русское земледелие в этом районе только зарождалось. Крестьян-земледельцев всего три человека, хлебопашеством занимались и казаки, и ясашные; посадские – это торговые люди, ремесленники, они могли быть кузнецами, ковали серпы, правили сошники, плотничали, занимались ямщицой...

Историю села Куйтун можно проследить по архивам Иркутска и Улан-Удэ. Часть этих материалов опубликованы автором. Среди них - первые списки «новопоселенных ис поляков с их семейством» [Болонев, 1985, 1994, 2004]. Особо ценный материал содержат росписи Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви прихожанам разных селений, и в них приведены списки прихожан с 1746 г. по 1779 г. В этих перечнях указан сословный состав прихожан, их семьи, возраст всех лиц, но не указано, в каких селениях они проживают.

В 2007 г. были найдены документы, дающие возможность назвать первопоселенцев и основателей селений Куналея и Куйтуна. Документы относятся к передислокации шестой роты Селенгинского полка из компамента (возможно, летних лагерей) на зимние квартиры в Куналейскую и Куйтунскую деревни.

12 сентября 1767 г. подпоручик Швеенков рапортует в Удинскую комендантскую канцелярию о том, что «*ему велено по выступлении из компамента Селенгинского пехотного полку с шестою мушкетерскою ротою в назначенные его превосходительством Варфоломеем Валентиновичем Якобием на зимние квартиры в Куналейскую и Куйтунскую деревни. Куда сего месяца 9-го числа и прибыл по онym деревням с показанною ротою расположился и у кого и кто именно ныне постоем находится для подлежащего сведения список при сем представляю*» [НАРБ, л. 55].

Именной список Селенгинского пехотного полку шестой роты, состоящих в Куйтунской деревне ротным чинам... кто он имены и у кого на квартирах расположены значит под сим.

№	Чьи дома В Куйтунской деревне	Число покоев	Кто имены на квартирах состоят
1.	Казака Алексея Красноярова	1	Подпоручик Василий Винклер
2.	Пашенного Ивана Сапунова	1	Сержант Павел Замятнин
3.	Пашенного Мосея Малых	1	Капрал Иван Андреев

4. Пашенного Федора Торгошина	1	Мушкатиры Семен Зайцев, Иван Толкачев
5. Пашенного Максима Торгошина	1	Алексей Антонников, Степан Солодилов
6. Казака Василья Плескова	1	Денис Иванов, Михайло Алексеев
7. Посацкого Максима Кубышкина	1	Василий Лукьянов, Мирон Анисимов
8. Пашенного Матвея Шангина	1	Сергей Голиков, Козма Киселев
9. Разночинца Егора Мясникова	1	Родион Иванов, Алексей Васильев
10. Пашенного Федора Кубышкина	1	Василий Федотов, Максим Шерлетьев
11. Казака Михаила Красноярова	1	Демид Алексеев, Александр Белых
12. Пашенного Петра Сапунова	1	Савелий Назаров, Максим Тумарев
13. Разночинца Гаврилы Надеина	1	Пантелеий Почекутов, Иван Квашенцов
14. Разночинца Ивана Красноярова	1	Иван Новоселов, Антон Страфоев
15. Пашенного Никифора Волкова	1	Еким Скакунов, Иван Ваганов
16. Пашенного Михаилы Шангина	1	Тит Камкин, Еким Миронов
17. Казака Алексея Красноярова	1	Иван Шолков, Григорий Гаврилов
18. Пашенного Василья Торгошина	1	Мосей Молчанов, Осип Козлов
19. Казака Степана Цынкова	1	Сергей Чирков, Алексей Козмин
20. Пашенного Михаилы Клюева	1	Филипп Вологженин, Яков Хохлов
21. Пашенного Парамона Сапунова	1	Исай Тумаков, Софрон Дроздов
22. Посацкого Семена Завьялова	1	Василий Николаев
23. Разночинца Михаилы Мясникова	1	Оставлена под приезд господина майора Налабордина
24. Казака Ивана Лучанинова	1	Оставлена на ротной двор для перекличек

Из приведенного выше именного списка узнаем, что в Куйтунской деревне в сентябре 1767 г. в 24 домах старожилов размещены в покоях на зимние квартиры 40 человек.

Список жителей села представляет особую ценность, т.к. в нем - имена 24 старожилов деревни Куйтун, с обозначением их сословной принадлежности. Фактически перечислены все семьи старожилов. П.С.Паллас в 1772 г. зафиксировал в Куйтуне «дворов с 30 старожилов и 44 польских колонистов» [Паллас, 1788, с. 226]. Но военные расположились только в старожильческих домах.

«Польские колонисты» или выселенные из Польши русские беглые люди – старообрядцы, вероятно, еще не могли или не хотели принять на посторонний мушкетеров, которые расположились в 6 домах казаков, в 12 домах пашенных крестьян, в 4 – разночинцев и в 2 домах – посадских. Указаны только их имена и фамилии.

Теперь для сравнения обратимся к «росписям прихожан Тарбагатайской Зосимо-Савватиевской церкви» за 1766 г. Роспись за 1767 г. отсутствует. В результате тщательного сопоставления списков находим, что все эти лица, перечисленные в списке Е. Швеенкова, показаны в числе прихожан в названных росписях и, следовательно, являются жителями Куйтунского селения. Для примера приведу имена казаков, записанных в числе прихожан Зосимо-Савватиевской церкви.

1. Семья казака Алексея Красноярова в росписях представлена в следующем виде: Алексей Гурьев сын Краснояров, 65 лет, жена ево Мария Фомина, умре. Дети их: Данил, 33 г., Никита, 29 л., Власий, 22 л. Ксения, 23 л. Данилова жена Доминка Васильева, 32 л., у них четверо детей, все девочки. Власова жена Парлекева Иванова, 45 л., у них сын Дмитрий, 3 л.

2. Семья казака Степана Цынкова: Степан Яковлев сын Цынков, 42 л., мать ево вдова Настасья Фомина, 66 л., дочь её девица Феодосия 33 л., сын ево новокрещеный брацкой породы Василий, 13 л. Следовательно, казак усыновил мальчика из бурят.

3. Казак Василий Фомин сын Плесков, 39 л., жена ево Екатерина Степанова, 39 л. Дети их: Иван, 8 л. Васса, 12 л. Мать ево вдова Варвара Иванова, умре.

4. Оставной казак Иван Калинин сын Лучанинов, вдов, 58 л., ево дети: Иван, 26 л., Никифор, 24 л., Леонтий, 16 л. Иванова жена Евдокия Титова, 29 л. Марья Федорова, 28 л. У них две девочки.

Среди разночинцев оказались отставные казаки с их домашними: Егор Иванов сын Мясников, Гаврил Степанов сын Надеин, Иван Яковлев сын Краснояров, есть еще один Иван Гурьев сын Краснояров. Нет в списке отставных казаков разночинца Михаила Мясникова, зато он записан в числе государственных (пашенных) крестьян. Из посадских в росписях имеется Семен Гаврилов сын Завьялов, но не обнаружен нами Максим Кубышкин. Хотя эта фамилия в последующих списках за поздние годы имеется.

Почти все пашенные крестьяне, поименованные в списке Е.Швеенкова, имеются в реестре государственных крестьян. Сравнение и сверка приведены по документу росписей за 1766 г. [НАРБ. Ф. 207, оп.1, д.1616 лл.216-230]. Важно отметить, что многие из названных казаков, разночинцев, посадских и крестьян в количестве 16 домохозяев проживали в Куйтуне в 1746 г. Вспомним, что в 1740 г. в Куйтуне было 14 дворов. Таковы новые материалы о ранних поселениях селения Куйтун, представленные в самом сжатом виде.

Список литературы

- Болонев Ф.Ф.** Семейские. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1985.
Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. – Новосибирск: Февраль, 1994.

Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. – М.: ИПЦ ДИК, 2004.

Болонев Ф.Ф. Декабристы о семейских // Ссыльные декабристы в Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985.

Забайкальские епархиальные ведомости, 1901, № 5

Залкинд Е.М. Ведомость Селенгинского дистрикта о земельных делах // Труды БКНИИ СО АН СССР, Улан-Удэ, 1962, вып.10.

Залкинд Е.М. Из истории крестьянской колонизации Забайкалья в XVIII-нач.XIX в. Труды БКНИИ СО АН СССР, Улан-Удэ, 1962, вып.10.

Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. – Улан-Удэ, 1969.

НАРБ. Ф.88, оп. 1, д.16, л. 55

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть 3, половина первая. – СПб., 1788.

ОБРАЗ КУКУШКИ В МИФО-ПОЭТИЧЕСКОЙ И РИТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ ХАКАСОВ*

В традиционной картине мира хакасов важное место отводилось образу птицы. Среди многочисленных птичьих персонажей в мифах существенное место занимала кукушка. Не случайно один из известных фольклорных персонажей, за свои подвиги верховными божествами – «Чити Худай» был удостоен чести носить имя «Алтын кёёк» – Золотая кукушка [Катанов, 1907, с. 227-232; Орфеев, 1888, с. 94-101].

В верованиях хакасов кукушка относилась к категории «ызых хус» – священных птиц. В фольклоре она изображается следующим образом:

«На вершине [скалы] Ax-Xайа возвышается
Священная береза с золотыми листьями,
На вершине священной березы
Золотая кукушка с конскую голову
Когда отвернется и закукует,
Кажется, голос ее [на расстояние] шесть дней пути несется,
Звучащий чистый голос ее
Будто [на расстояние] семи дней пути слышится»

[Хакасский..., 1997, с. 197].

В традиционном сознании хакасов образ кукушки был амбивалентен. Она воспринималась в качестве сакральной фигуры, определяющей природные ритмы, которые в свою очередь способствовали зарождению новой жизни. С началом ее кукования связывали наступление Нового года – «Чыл пазы». Как отмечается в фольклоре:

Кукушки-птенцы когда запоют,
На ветвистом дереве листва растет;
Кукушка-мать когда запоет,
На кривом дереве листва растет

[Хакасские..., 1980, с. 31].

Подобные взгляды были присущи и другим тюркским народам Южной Сибири. Так, например, по представлениям тувинцев, кукушка являлась вестником проснувшейся природы, ее первое кукование означало приход лета. При проведении *оваа магыр* (моление *оваа*) ее изображение кладут внутрь *оваа* (сооружение из камней и хвороста), считая ее представителем живой природы [Дьяконова, 1976, с. 289]. Схожие сюжеты быто-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00281а.

вали и у телеутов. Весной, при получении нового бубна, шаман в своей молитве обращался к духам со следующими словами:

В новолунье,
При сиянии солнечных лучей,
Когда голова года повертыивается,
Когда змея сбрасывает кожу,
Когда плодовые деревья покрываются листьями,
Когда закукует кукушка,
Когда расщепится земля и показывается зелень,
Когда расщепляются деревья и вырастают листья

[Дыренкова, 1949, с. 172. Выделено мной – Б.В.]

Образ кукушки – вестницы новой поры, олицетворяющий пробужденную природу и наступление тепла, находит свое отражение в названиях весенних месяцев. В хакасском языке одним из названий марта был – «*Арган кёёк айы*» (букв. *месяц ненастоящей кукушки*). Апрель же назывался «*Сын кёёк айы*» (букв. *месяц истинной кукушки*) [Бутанаев, 1999, с. 51]. Верили, что благодаря волшебству кукушки хвойные деревья круглый год стоят зелеными [Попов, 1885, с. 36].

Другим сакральным «свойством» кукушки была ее связь с потусторонним миром. В архаических воззрениях она нередко выступает в качестве вестника смерти [Катанов, 1897, с. 51]. Подобные представления сохраняются и в наши дни. Со слов информаторов: «Если кукушка залетает в деревню, располагается близко к дому и кукует, то это обязательно к несчастью, смерти» (ПМА-2008, Бурнакова Л.А., с. Отты). В мифopoэтической традиции хакасов кукушка не только извещает о смерти, но и отмечает место будущего захоронения. Так, например, эта птица указывает эпической героине *Ай-Хуучин* местонахождение ее родовой усыпальницы.

На [хребет] *Ханым-сын* с высоким гребнем
Поднимайтесь и вслушайтесь,
Там, где куковать станет
Чистоголосая птица кукушка,
В том месте, где будет куковать птица кукушка,
Тело мое скрохоните

[Хакасский..., 1997, с. 189].

В анимистических представлениях хакасов кукушка могла олицетворять душу человека. Так, душа вышеупомянутой героини *Ай-хуучин* изображалась в виде двуглавой кукушки (*iki пастыг кёёк хус*). Магический голос этой птицы способствовал тому, что «в небо вздымается горная бело-сизая вершина (*агыл-кёгэл тигэй*), открывая белый каменный гроб. После захоронения горная бело-сизая вершина от кукования кукушки вновь опускается с неба и, закрыв собою гроб, уходит в землю. На месте бело-сизой вершины вырастают белые и синие цветы» [Хакасский..., 1997, с. 467]. Вполне возможно, что кукушка имеет отношение и к тотемистическим представлениям.

Представление о душе в образе птицы семантически связано со словом «улетел» в значении «умер» и отражает целый комплекс религиозных представлений. Согласно древнетюркским воззрениям, представители царской династии после своей смерти «отправлялись» на небо. Как пишет Л.П. Потапов: «Слово “улетел” (или “отлетел”) подразумевало отлет на небо, где умершему предстояло продолжить свое существование» [Потапов, 1991, с. 151]. Стоит отметить, что анималистическое изображение души человека (в образе птицы) в верованиях хакасов является весьма распространенным. Особенно ярко это проявляется в героическом сказании «*Алтын Арыг*»:

Приплясывает, распевая,
В руках – кукушка золотая.
Хохочет, выдирая перья:
Ох, и потешусь, мол, теперь я!
А пух-то, пух над высотой
Так и кружится, золотой.
Ногой она девицу пнула,
Кукушку ей на грудь швырнула,
И у *Алтын Арыг* все тело
В одно мгновенье онемело.
«Ну, – молвила *Пора Нинжи*, –
Где кости мальчика, скажи?»
Чуть слышно молвила Алтын:
«Смолчу, скажу ли – толк один.
Мне все равно не жить на свете,
И ты за смерть мою в ответе».
Нинжи схватила птицу в злобе,
Да как ей скрутит шеи обе!
Перекрутились в тот же миг
Все жилы у *Алтын Арыг*.
Рванулся конь, подняться силясь, –
Все вены вмиг перекрутились.
Ох, это ржанье, этот крик!
Терпи, скакун, терпи, *Арыг*!
А ты, *Нинжи*, пытай девицу:
Души истерзанную птицу!

[*Алтын-Арыг*, 1987, с. 105].

Посредством магических манипуляций с кукушкой причиняются страдания богатырюше *Алтын Арыг*. Данный сюжет выявляет прямую магическую связь кукушки с жизненными силами эпического героя. В другом же героическом сказании – «*Алтын Чюс*» идея взаимосвязи кукушки – олицетворения жизненной субстанции и самого человека получает новое развитие. Главный герой с помощью кукушки оживляет растерзанного младенца.

Принялся *Алтын Чюс* за самого младенца.
Собрал он все младенческие косточки,
Набралось их всего-то горсточка,

Потом твердя заклинания разные,
Достал кукушку он из-за пазухи,
Не ту кукушку, что кукует весной,
Но с лошадиную голову величиной.
Из хвоста коня он три волоса выдернул,
У себя из головы он три волоса выдернул,
И кукушку, которую из-за пазухи достал,
Три раза волосьями обмотал,
Положил он кукушку на ребячей скелет,
Пролежавший в земле уже много лет.
Травами целебными он скелет обкурил,
Заклинанья необходимые проговорил.
Кровь, что когда-то по земле расплеснулась,
Назад в младенца до капли вернулась.
Душа, которая когда-то вверх улетела,
В младенческое вернулось тело.
Младенец ожил, дышать он стал,
Потом потянулся и на ноги встал

[Алтын Чюс, 1987, с. 176. Выделено мной – Б.В.]

Стоит добавить, что в мифологических представлениях хакасов кукушка обладала волшебным голосом, который мог оживить человека [Хакасский..., 1997, с. 441]. Верили, что кукование этой птицы порождает снежные массы [Кастрен, 1999, с. 215]. *«Если кукушка после кукования очень сильно захохочет, то будет ненастье»* [Катанов, 1897, с. 59, 75]. Очевидно, что кукушка соотносилась с Верхним миром.

Важное место отводилось кукушке в шаманских практиках, в том числе при переходах шамана в Верхний мир. Считалось, что хакасские шаманы могли «подняться» в Верхний мир в том случае, если среди их духовных помощников была эта птица. «Кукушка якобы вторила шаману во время камлания, когда он описывал горы и воды, которые преодолевал в верхнем мире. Этим, по их понятиям, она “усиливала” его волшебный дар. Если на бубне не была нарисована кукушка, это означало, что владелец не может совершать моление, посвященное божествам верхнего мира» [Алексеев, 1984, с. 217-218].

Было распространенным явлением, когда в процессе камлания шаман своими телодвижениями, мимикой и голосом имитировал кукушку [Бутанаев, 2006, с. 144]. В связи с этим, образ кукушки широко использовался в культовой атрибутике хакасских шаманов. На шаманских костюмах в области плеч прикреплялись изображения кукушки «кёёк углузі», вырезанные из дерева или листовой меди. Кроме того, отдельными шаманами использовался головной убор, «хус пёrik» – птичья шапка. Для его изготовления нередко использовали очищенное от внутренностей и высушенное в виде шапки чучело кукушки (кёёк пёrik – букв. *шапка из кукушки*). Внутренность обшивали матерью или войлочной подкладкой. Голова и крылья птицы оставались нетронутыми [Бутанаев, 2006, с. 78, 85].

Подведя итоги, можно констатировать, что в мифо-ритуальной системе хакасов образ кукушки занимает важное место. Он имел полисемантический характер. Кукушка мыслилась одновременно в качестве подательницы жизни и вестника смерти. Столь же очевидна ее значительная роль в магии и шаманизме. Верили, что она имеет непосредственное отношение к жизненным силам и душе человека.

Список литературы

- Алексеев Н.А.** Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – 233 с.
- Алтын-Арыг** // Алтын-Арыг: Богатырские сказания, записанные от С.П. Кадышева. – Абакан: Хак. издат., 1987, с. 3-132.
- Алтын Чюс** // Алтын-Арыг: Богатырские сказания, записанные от С.П. Кадышева. – Абакан: Хак. издат., 1987, с. 133-229.
- Бутанаев**, Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: УПП “Хакасия”, 1999. – 240 с.
- Бутанаев В.Я.** Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. – 254 с.
- Дыренкова Н.П.** Материалы по шаманству у телеутов // Сб. МАЭ, т. X. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 108-190.
- Дьяконова В.П.** Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Человек и природа в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (2-я пол. XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976, с. 268-291.
- Кастрен М.А.** Путешествие в Сибирь (1845-1849). Т. II. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 342 с.
- Катанов Н.Ф.** Образцы народной литературы тюркских племен. Т. IX. – СПб., 1907. – 640 с.
- Катанов Н.Ф.** Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань: Типо-Литография Имп. Казанского Ун-та, 1897. – 104 с.
- Орфеев Н.** О религиозном мироизмерении минусинских инородцев, ч. 2 // Енисейские епархиальные ведомости, 1888, № 8-9, с. 94-101.
- Попов Н.** Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Изв. ИРГО, т. XX, 1885, с. 34-48.
- Потапов Л.П.** Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
- Хакасские** народные тахпахи. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1980. – 132 с.
- Хакасский** героический эпос: Ай-Хуучин. – Новосибирск: Наука, 1997. – 479 с.

ХРАМ ПОД ЕЛОВЫМИ ВЕТВЯМИ*

С 1990-х гг. в различных уголках России начинают происходить процессы, связанные с возрождением утраченных в советское время традиций. Но некоторые из возобновленных обычаяев представляют собой совершенно новые ритуалы. Однако мифоритуальные инициативы, как правило, не выходят за рамки традиционных стереотипов. Очевидно, поэтому новации легко приживаются, обретая статус возрожденных «древних» традиций.

Традиционно в народном мировоззрении особое место занимает почитание природных святынь: водных источников, камней, священных рощ или отдельно растущих деревьев. Одним из примеров современного почитания природных объектов у коми-зырян являются *святые места* села Ыб (Сыктывдинского р-на Республики Коми) и его окрестностей.

Село Ыб впервые было упомянуто в документах 1586 г. «*Погост Иб большой, а на погосте – церковь Николая Чудотворца, клецки (деревянный сруб), да церковь другая, теплая, Пророка Ильи, клецки же*» [Наследство, 2005, с. 55]. К началу XIX в. селе были две каменные церкви и десять часовен [Там же, с. 55]. С коми языка слово *ыб* переводится как «возвышенность», а точнее – открытое пространство на возвышенности. Село, состоящее из семи примыкающих деревень (большая протяженность сел, сросшихся из нескольких деревень, типична для селений Коми края), расположилось на семи холмах.

Сакральные числа 7 и 12 фигурируют в топонимике села Ыб. Местность над высоким берегом холмистая, но возвышеностей с «названиями» именно семь (как и семь деревень, семь погostов при них). В селе было построено двенадцать храмов. Некоторые из них – ныне действующие, в том числе, монастырь. Это три церкви: Святого Стефана Пермского, Вознесения Господня, Святой Параскевы Пятницы. Восемь часовен: Спаса Нерукотворенного, Апостолов Петра и Павла, Богоматери «Всех скорбящих Радость», Святого Духа, Святого Николая Чудотворца, Великомученика Георгия Победоносца, Воскресения Христова и Благовещения Богородицы. На возвышенности расположен женский монастырь преподобного Серафима Саровского.

*работа поддержана Фондом содействия отечественной науки (программа «Кандидаты и доктора наук РАН»)

В селе и его ближайших окрестностях возведено двенадцать деревянных крестов – рядом с почитаемыми объектами паломничества. В этой местности находится более пятнадцати источников – родников и ключей, но только двенадцать из них считаются святыми: Двенадцати Апостолов, Благовещения Богородицы, Богоматери “Всех скорбящих Радость”, Преображения Господня, Святого Николая Чудотворца, Великомученика Георгия Победоносца, Архистратига Михаила, Преподобной Параскевы Пятницы, Святого Феодосия Черниговского (по другой версии – Феодосия Тотемского), Монастырский источник, Храмовый колодец и “Железный” источник.

Каждый из источников имеет свою историю, свои целительные свойства. Источник Архистратига Михаила исцеляет от хромоты, остеохондроза и прочих костных заболеваний; источник Феодосия – от болезней глаз и от проказы.

По легенде, в 1941 г. жительнице деревни Кулига Евдокии Ивановне Муравьевой приснился (по другой версии – предстал наяву) Феодосий Черниговский, чтобы помочь в недуге. Когда мужа забрали на фронт, женщина осталась с четырьмя детьми, в ожидании пятого, и от нервного расстройства заболела кожной болезнью. Феодосий указал ей место, где из земли бьет ключ. После умывания женщина исцелилась. Она ежедневно умывалась и пила воду из этого источника и прожила девяносто три года, до 2001 г. (ПМА, 2006).

Местные жители рассказывают также легенду о чудесном исцелении в источнике Двенадцати апостолов в 1990-е гг. (ПМА, 2008).

С 1996 г. установилась традиция: ежегодно ко дню кончины «крестиеля и просветителя зырян» Стефана Пермского (9 мая) из Сыктывкара в Ыб выходит крестный ход с иконой святителя. По преданию, Стефан на камне приплыл в Ыб по реке Сысоле и по подводному ручью Конгыр-шор против течения добрался до холма Кубри-мылык. С этой горы святитель начал свою проповедь Христа, но местные жители-язычники ее не приняли: закидали проповедника камнями и не пустили на ночлег. В свою очередь, Стефан назвал недружелюбно встретивший его народ худым, а деревня именуется Худой-грэзд. Через 500 лет в знак покаяния местные жители принесли крестным ходом из села Вотча икону святителя Стефана и отслужили на холме молебен. Собравшись всем миром, жители села в один день поставили здесь часовню, названную его именем – как символ искупления грехов предков, не принявших первого зырянского православного проповедника. С тех пор деревня стала именоваться в честь Стефана Пермского – Степановкой. Крестные ходы стали ежегодными, а икона считается чудотворной (ПМА, 2008).

Каждую первую пятницу Петровского поста в Свято-Вознесенском храме служится литургия, после которой идет крестный ход в деревню Чулиб, где на источнике святой великомученицы Параскевы совершается всенощный молебен. По рассказам, в начале 1980-х гг. одной парализованной старушке явилась во сне святая Параскева и показала этот колодец.

Вода в нем считалась целебной. Однако в последние несколько лет неверующие люди стали использовать святую воду не для лечения или питья, а в хозяйственных нуждах. Святая Параскева обиделась и отвернулась от своего колодца. *Теперь вода здесь уже не та. Как болотная стала, лягушки прыгают. Святую воду нельзя для стирки брать. Еще вот баню рядом построили, грех это* (ПМА, 2006).

В районе существует предание о Николае Мирликийском, есть и источник, освященный его именем. Якобы, около ста лет назад святой Чудотворец, облаченный в длиннополые одежды, явился мельнику Бусову, беседовал с ним и сказал: “А построй-ка мне здесь дом”, и указал место. На вопрос мельника – “Кто ты ?” – ответил: «Завтрашний день», и исчез. На следующий день был праздник святителя Николая [Наследство, 2005, с. 57].

Возле деревни Серд была часовня во имя Иконы Казанской Божьей Матери. В 1921 г. часовню разрушили; от нее осталось лишь четыре угловых камня в лесочке. По рассказам, из бревен часовни построили конюшню, но вскоре она сгорела, а человек (Симо Осин), забравший себе для строительства бревна, ослеп. Две старушки – жительницы деревни Чулиб М.Н. Сямтомова и А.И. Конюхова – по праздникам ходили к краевольным камням часовни читать акафист [Там же, с. 57-58].

В деревне Чулиб до революции стояла белокаменная церковь во имя великомученицы Параскевы Пятницы. На престольный праздник съезжалось много народа со всех окрестных мест – от Вятки до северных районов Коми края. Во время службы люди стояли вокруг церкви, поскольку храм всех не вмещал. После службы вокруг ограды была большая ярмарка. После закрытия храма в начале 1920-х гг. верующие женщины стали тайно собираться на празднике в одном из домов села. А в здании церкви «коммунисты в канун советских праздников варили самогон» (ПМА, 2008).

Жительница деревни Чулиб Марии Никифоровне Сямтомовой (1904-2000 г.р.) несколько раз в 1990-е гг. снился сон. Снилось ей, будто она еще девочка (в то время, когда храм святой Параскевы еще не был разрушен) ночью возвращалась с девичьих посиделок и увидела свет в окнах церкви. Она залезала на каменную ограду и смотрела в окно: в храме горели все лампады и там же находились люди в черных монашеских одеяниях. Ее мама (на момент сна уже покойная) предположила, что ночью в храме служат ссыльные монахи. Но днем их никто не видел. В другом видении этой же женщины – накануне праздника – являлась сама святая Параскева в ситцевом платочек, и Мария Никифоровна расспрашивала ее, не замерзла ли она, приглашала к себе в дом. Святая Параскева говорила, что жила она здесь в своем доме, но ее оттуда выгнали и дом разрушили. Периодически являясь во сне М.Н. Сямтомовой, Параскева Пятница рассказывала, что она не хочет возвращаться в храм, потому что большевики «опоганили» это место: курили, пили, матерились, устраивали гулянки в дни советских праздников. Теперь ее домом стала ель. Этот сон старуш-

ка рассказала местному священнику, отцу Георгию, после чего в первую пятницу Петровского поста на месте церкви был отслужен молебен с акафистом. Но и после этого, в ночь на Рождество Марии Никифоровне приснился сон, что ей опять двенадцать лет и она, девочка, находится возле чулибской церкви и удивляется, что храм снова стоит, ограда цела, в храме снова праздник, а вокруг – ярмарка.

Рассказы старушки о ее чудесных снах подействовали на местного священника таким образом, что он, созвав крестный ход, освятил вековую ель (фигурировавшую в видениях), растущую поблизости от места, где стоял храм святой Параскевы. Рядом с елкой был установлен крест, а на ствол дерева повешена икона Параскевы Пятницы (ПМА, 2006, 2008).

В 2006 и 2008 гг. (в момент экспедиционных исследований) эта ель представляла собой импровизированный храм. На стволе дерева прикреплена икона святой Параскевы Пятницы. Заходя под лапы елки, жители села (преимущественно женщины и дети) совершают ритуальные действия: молятся, зажигают свечи, читают акафист. При этом местные жители убеждены, что они не отклоняются от канонов православной веры. Здесь чище место, чем в церкви. Все здесь намоленное. Церковь коммунисты испоганили, а дерево – святое (ПМА: 2006). Все места у нас святые, наверное, земля такая. Елка священная, под ней святая Пятница живет, за нас, грехиных, молится (ПМА: 2008). Елка-то сама покажется, если человек с чистым сердцем, с добром к ней идет. А недоброго к себе не подпустит. Там как в церкви – святое место (ПМА: 2008).

Образ Параскевы Пятницы, нашедшей приют под елью, вероятно, может являться антропоморфной проекцией самого дерева, воспринимаемого в качестве живой, одушевленной субстанции. Очевидно, жители села Йыб (скорее всего неосознанно) вернулись к традиционным для жителей лесной зоны представлениям об априорной святости дерева, под которым «чище, чем в поруганном храме». Сместился акцент почитания культового объекта: «богослужения» под елью стали проводиться под знаком креста и освященные православной церковью. Возможно, «личные» или «поселковые» священные деревья могли восприниматься как объекты, связанные с предками – родовыми покровителями, что гипотетически может соотноситься с представлениями о возможности перерождения души в древесном образе. Таким образом, на примере современного мифотворчества жителей села Йыб, проявляются архетипические моменты, связанные с традиционными верованиями о чудодейственной силе деревьев у коми-зырян.

Список литературы и источников

Наследство. Альманах Коми отделения Общероссийского общественного движения “Православная Россия”. -Сыктывкар: Эском, 2005. -№ 1. -144 с.

ПМА – Полевые материалы автора: с. Йыб Сыктывдинского р-на Республики Коми, 2006, 2008 гг.

ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ ХХI ВЕКА

Изучение вопросов, связанных с идентичностью (самоопределением, самоназванием, установлением личного тождества), относится к числу наиболее актуальных в современной науке. Но, несмотря на существенный научный задел, эта область исследований до сих пор является одной из наиболее дискуссионных.

В последние годы активизировались исследования, связанные с различными типами идентичности, что позволяет говорить о формировании нового научного направления – идентологии [Губогло М.Н., 2003]. Среди различных типов идентичностей важнейшей является этническая, которая в последние годы привлекает все большее внимание исследователей [Винер Б.Е., 1998]. Кроме трудностей теоретико-методологического порядка, изучение современной этнической идентичности русских усложняет их большая численность и высокая гетерогенность, обусловленная социально-экономическими, природно-географическими, этнокультурными и другими факторами.

Изучение различных аспектов этнического самосознания русских было начато автором еще в середине 1980-х гг. Этносоциологические исследования проводились на территории Омской, Кемеровской, Новосибирской, Томской и Тюменской областей, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, Алтайского края, Хакасии и Северного Казахстана. Отдельные результаты исследований автора по данной тематике были опубликованы ранее [Жигунова М.А., 2007, 2008].

В 1986-1989 гг. примерно 98 % опрошенных называли себя, прежде всего, русскими. При панельных исследованиях 1994 г. возросла вариативность ответов; а при опросах 2000 – 2008 гг. значительная часть респондентов затруднились четко определить свою этническую принадлежность: «не знаю», «никакой», «космополит», «землянин», «метис», «многонациональная/полиэтничная», «русский, наверное», «я не знаю, кто я, по паспорту - русская», «русский, но по паспорту - немец», «русский, но по крови - белорус», «смешанная русско-украинская», «русско-немецко-белорусско-финская», «русская с немецкой помесью» и др.

Среди вариантов этнической самоидентификации встречались также: «русская хохлушка/украинка», «русская полячка», «русский татарин», «русский немец», «русский казах», «русская француженка», «русский мультикультурный».

сульманин, и даже - «обыкновенный русский», «исконный русский», «чисто русский», «просто русский», «великоросс». Несколько молодых людей на вопрос о своей национальности ответили: «Russian». На протяжении всего периода исследования встречаются единичные случаи, когда на вопрос об этнической принадлежности отвечают: «славянин».

Приведенные материалы хорошо иллюстрируют исторические основания сложившейся ситуации. «Оказавшись в Сибири, великороссы принесли сюда евразийское этногенетическое и субстратное наследие, которое на ментальном уровне (или в этническом подсознании) не противопоставляло их этносам Северной Азии, не предполагало «национального высокомерия» по отношению к ним. К тому же постоянное расширение территории обитания, за которым не поспевал естественный рост численности русской этнопопуляции, и включение в себя все новых неславянских этнических компонентов препятствовали прочной внутренней консолидации собственно русского этноса как такового, постоянно размывая его, не позволяя «замкнуться на себе и в себе». Следствием этого стали нечеткие этнографические признаки и довольно аморфное этническое самосознание» [Шерстова Л.И., 2005].

Среди основных критериев этнической идентичности чаще всего указываются родители и родственники («этнические корни»), язык и культура, территория проживания, а также – личные ощущения («чувствую, что я русский по духу», «потому что душа у меня русская»). Иногда принадлежность к русскому народу определяется следующим образом: «Я родилась и живу в России, говорю на русском языке, - значит, я тоже русская». Иногда встречаются варианты этнической идентификации, противоречащие происхождению. Так, в одной из экспедиций мы познакомились с молодым человеком, определяющим себя французом: «Я француз, чувствую себя французом, люблю по-французски, люблю все французское» (хотя все родственники – русские и во Франции он никогда не был). Там же нам встретился «татарин» русского происхождения, который определил себя так в связи с тем, что любит татарские песни, «как услышу их, так плачу».

Место проживания в качестве значимого фактора указывают немногие, хотя нам встретились русские девушки, определившие себя «казашками, т.к. родились и проживают в Казахстане». Считают себя русскими многие потомки белорусов, проживающие в Западной Сибири, а также - дети из национально-смешанных (украинско-немецких, белорусско-казахских и др.) семей. Иногда в одной национально-смешанной семье родившихся детей записывают по-разному. Как правило, сына записывают по отцу, а девочку - русской, поясняя это тем, что «она все равно выйдет замуж и поменяет фамилию».

Сибирский регион относится к зонам активных межэтнических контактов. В вариантах этнической самоидентификации в последние годы здесь появилась следующая - «метис» (так обычно называют себя люди, рожденные в национально-смешанном браке. В 1950-1970-е гг. в отдельных

регионах Западной Сибири межэтнические браки составляли от 38 до 73 % от всех заключенных браков [Жигунова М.А. , 2004]. В 1970 - 1980-е гг. количество таких браков стало сокращаться и к началу XXI в. составляло около 20 %.

Согласно данным наших этносоциологических исследований, в семьях 70 % опрошенных русских имеются близкие родственники – представители других народов. Чаще всего – это зятья и снохи.

В 2000-е гг. среди вариантов этнической самоидентификации появились такие как «сибиряк» и «русский сибиряк». Это свидетельствует о росте регионального самосознания, постепенном превращении топонима «сибиряк» в этноним. Следует отметить существующую многозначность самой дефиниции «сибиряки». Мы выделяем 5 основных типов: *сибиряки – это все люди, живущие на территории Сибири; сибиряки – это люди, родившиеся и долго живущие в Сибири; сибиряки – это коренные, местные жители Сибири (аборигены); сибиряки – это особый тип живущих в Сибири людей с характерными чертами (крепкие, здоровые, стойкие, выносливые, с хорошими адаптационными способностями, любящие мороз и зиму и др.); сибиряки – это «смешанный этнос», «винегрет народов», сложившийся на основе русских с вкраплениями казахских, татарских, украинских и многих других черт.*

Около 3 % опрошенных определяют себя как «чалдоны/ челдоны» - «вечные, исконные, коренные сибиряки», «русские коренные жители Сибири», «здеиние уроженцы», «испокон веку здесь живущие». Встречается этот термин при определении личной этнической принадлежности и этнической принадлежности родителей, а чаще – бабушек и дедушек. Народная его интерпретация сводится к нескольким вариантам, из которых наиболее часто встречается мнение, что «это люди, пришедшие /ссыльные с Чала и Дона». Также считается, что чалдоны - это «первые русские, проплывшие в Сибирь на челнах», «потомки донских казаков». Подобное толкование термина «чалдон» фиксируется исследователями на всей территории Сибири.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в перечне, встретившихся в переписных листах вариантах самоопределения населения, на вопрос: «Ваша национальная принадлежность», более 140 тыс. человек назвали себя «казаками». Интересно, что подобные варианты самоопределения встретились во всех административно-территориальных структурах Западной Сибири (от 4 до 266 человек). Фиксируются такие варианты и среди наших респондентов.

Еще в начале ХХ в. сибирские казаки являлись этносословной группой в составе русского этноса, формирование которой в народе связывают с походами атамана Ермака. Сибирское казачество было неоднородным по своему этническому и социальному составу, но ядро его составляли представители восточнославянских народов, среди которых доминировали русские.

Среди представителей современного казачества в регионе встречаются потомки забайкальских, кубанских, донских, запорожских, уральских, оренбургских и других казаков, а также – люди, вступившие в казачество.

Начиная с 2000 г, в опросных листах, при определении этнической принадлежности, начали встречаться единичные самоопределения, связанные с религиозной идентичностью: «православный/православная», «христианин», «Божий человек». Это свидетельствует о росте религиозного самосознания, о возвращении к традициям, согласно которым понятия «русский» и «православный» были практически равнозначны.

В заключении хотелось бы отметить, что значительная часть современного русского населения Западной Сибири испытывает определенные трудности при четком определении своей этнической принадлежности. Среди основных критериев этнической идентичности чаще всего указываются родители и родственники, язык и культура, территория проживания, а также – личные ощущения. Несмотря на то, что в современных паспортах граждан России отсутствует графа «национальность», отдельные респонденты определяли себя русскими, «т.к. в паспорте записано».

Этническая идентичность современного русского населения Сибири может быть характеризована как кризисная, поскольку отличается сложностью и противоречивостью, множественностью и многомерностью определений и некоторой аморфностью. Зачастую не совпадает реальная и декларируемая этническая самоидентификация; собственно этническая идентичность подменяется региональной, конфессиональной, гражданской, сословно-групповой и др.

Список литературы

Винер Б.Е. Этничность: В происках парадигмы изучения //Этнографическое обозрение. - 1998. - № 4.

Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. - М.: Наука, 2003. – С. 23.

Жигунова М.А. Вопросы современной идентичности русского населения Западной Сибири // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. – Томск: Томский государственный университет, 2008. – Вып. 2.

Жигунова М.А. Этническая, региональная и религиозная идентичность современных русских жителей Западной Сибири // Этническая идентичность и конфликт идентичностей. – Владивосток: Дальнаука, 2007.

Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века. – Омск: Издательский дом «Наука», 2004.

Шерстова Л.И. Проблема русской идентичности в контексте евразийской концепции // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Наука, 1996.

ЯСАК И РИТУАЛ ДАРООБМЕНА: К ИСТОРИИ РУССКО-ЧУКОТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVIII ВЕКЕ

Длительное время, вплоть до начала XIX в., стержнем русско-аборигенных отношений в Сибири был ясак. Ясачное обложение являлось главным атрибутом превращения сибирских «иноземцев» из «нemирных» в подданных «белого царя». Их объясачивание, а, соответственно, включение в состав России на разных территориях имели существенные отличия.

Одни народы относительно быстро и мирно признали новую власть, другие оказали ей упорное и длительное сопротивление. К числу последних принадлежали чукчи (а также азиатские эскимосы, которых до начала XX в. русские не отделяли от чукчей). Попытки их подчинения военным путем, предпринимавшиеся русскими с середины XVII в. до середины XVIII в., потерпели фиаско. Даже после того, как с ними были установлены мирные отношения, и они в 1779 г. указом Екатерины II были причислены к разряду подданных, их статус в составе империи остался неопределенным. «Уставом об управлении инородцев Сибири» 1822 г. чукчи были признаны «инородцами, несовершенно зависящими от правительства», которые «платят дань по собственному их произволу, как в количестве, так и в качестве», «управляются и судятся по своим обычаям и обрядам» [Устав... 1822. С. 4, 11–12, 20–21].

Категорическое неприятие чукчами русской власти и ясачного обложения во многом объясняется тем, что существовавшие у них социальные и потестарно-политические отношения не предполагали восприятие новаций. Народ, живший эгалитарным строем, не мог быстро понять и принять систему социально-политических отношений, построенную на господстве-подчинении. Наиболее явно непонимание чукчами новой действительности проявилось в их отношении к ясаку и данническим обязанностям, которых они, в отличие от многих других сибирских народов, не знали.

В ответ на требование ясака чукотские вожди, или по терминологии русских документов того времени – *тойоны*, отвечали: «*они де того не знают какой ясак и как государю давать*» в (1642 г.) [Открытия... 1951. С. 143], «*мы де ясаку не знаем и не платим и не промышляем... какой де с нас ясак просите, я де у родников и сам большой и ими владею, какой де вам ясак?*» (1732 г.) [Ефимов, 1948. С. 239]. Русские власти, в свою очередь, имея богатый опыт общения с «иноземцами», в целях смягчения процесса подчинения рекомендовали местным администраторам, ясачным

сборщикам и служилым людям «имать» на первых порах ясак в умеренном размере, «по скольку будет мочно», «чтоб им (иноzemцам. – А. З.) было не в тягость и не в озлобление», а также раздавать «иноzemцам», прежде всего их «лучшим людям», подарки – бисер, одекуй, ткани, металлические изделия и т. д. [Зуев, 2002. С. 57–58.]

В исследовательской литературе давно бытует мнение, что обмен ясака на подарки представлял собой меновую торговлю. Данная трактовка, однако, отражает лишь внешнюю сторону дела, модернизируя уровень социально-экономического развития и менталитет ряда сибирских народов, в том числе чукчей. Мы полагаем, что речь нужно вести не о меновой торговле, а о дарообмене.

До середины XVIII в. чукчи, настроенные весьма враждебно к русским, ясак почти не давали. Случай выдачи ясака были единичными, и есть основания полагать, что в качестве такового местная (анадырская) администрация представляла военные трофеи. С середины XVIII в., с установлением мирных русско-чукотских контактов, чукчи стали давать ясак, но исключительно на добровольной основе. Да, и русская сторона с 1756 г. перестала настаивать на обязательной сдаче ясака. Важно отметить, что внося ясак, чукчи неизменно требовали подарков и без таковых его не давали. Практика обмена ясака на подарки была закреплена в ходе неоднократных переговоров представителей русской власти с чукотскими тойонами во второй половине XVIII в. В результате чукчи в отличие от почти всех сибирских народов (исключая, видимо, тундровых самоедов – ненцев) так и не восприняли ясак в его принудительном варианте. Причем русская власть с этим согласилась.

В 1779 г. чукчи были освобождены от ясачного обложения сроком на 10 лет. Когда эта льгота истекла, никаких правительственные указаний по поводу того, каким образом брать с чукчей ясак, не последовало. Власти все же поощряли их к внесению ясака, но на сугубо добровольной основе. С 1791 г. из средств Кабинета Е. И. В. ежегодно выделялась определенная сумма для приобретения товаров на подарки чукчам. Таким образом, обмен ясака на подарки в русско-чукотских отношениях был официально узаконен [Богораз, 1939. С. 55]. Такое положение сохранялось вплоть до начала XX в.

Однако чукчи, будучи освобождены от ясачного обложения, ясак, тем не менее, давали. Правда, увязывали эту процедуру с началом торговли с русскими. Эта торговля стала развиваться с середины XVIII в. на р. Анадырь, затем на рр. Гижига, Пенжина и Анюй. Возникла, казалось бы, парадоксальная ситуация: обитатели Чукотки, стоя упорно сопротивляясь ясачному обложению, начали вносить ясак без всякого принуждения.

Объяснить данный феномен можно, если рассмотреть ясака, учитывая существовавшую в архаичных обществах практику дарообмена, которая играла огромную роль в межличностных и межгрупповых связях [Мосс, 1996]. Пока русская сторона силой навязывала чукчам систему данничес-

ких отношений, они воспринимали русских как врагов. С прекращением силового давления бывший противник стал превращаться в партнера, прежде всего торгового. Заинтересованность в торговле с русскими у чукчей появилась в связи со становлением кочевого оленеводства.

Выстраивать и поддерживать мирные контакты с партнером чукчи стали в соответствии со своими представлениями о договорных отношениях, ключевую роль в которых играл дарообмен. Именно поэтому чукотские *тойоны* давали ясак, который с их точки зрения являлся *даром*; более того они были уверены, что это был дар лично правителю русских – *тырк-эрэму* – «солнечному начальнику». От имени последнего, кстати, местная администрация выдавала чукчам подарки. Таким образом, по чукотским понятиям, происходил дарообмен между двумя «начальниками» – чукотским *тойоном* и российским монархом.

В источниках встречаются указания на то, что чукчи рассматривали русские подарки как демонстрацию уважительного к ним отношения, показатель мирных намерений русских и их правителей. Так, в 1798 г. чукотские *тойоны*, прибывшие в Гижигинскую крепость, выразили удовлетворение тем, что государь (т. е. император Павел I) прислал им подарки – значит «он их помнит и любит» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 638. Л. 45 об.]. Конечно, в дарообмене для чукчей была важна и «меркантильная» сторона. В 1792 г. чукотские тойоны Мучигинского и Улючинского селений в своем прошении о восстановлении Анадырского острога (ликвидированного русскими в 1771 г.) указали на то, что раньше при посредстве чукчей, плачивших ясак в острог, все прочие «*получали через мену разные нужные нам вещи: котлы, топоры, корольки, бисер и прочее, чем были довольны*» [История Якутской АССР, 1957. С. 222–223].

Важно отметить, что обмен дарами чукчи производили, как правило, перед началом русско-чукотской торговли. При этом чукчи сначала получали подарки, а потом уже давали ясак. Такой порядок, скорее всего, был связан с тем, что русские для чукчей являлись гостями на их земле, а гость должен был первым преподнести свой дар. В свою очередь, и чукчи считали себя обязанными одарить русских, что соответствовало принятому у них этикету [Вдовин, 1976. С. 242].

Нередко русская сторона одаривала *тойонов* вторично – после получения ясака. Лишь проведя такой дарообмен, чукчи приступали к торгу. Но, если дары «солнечного начальника» их не удовлетворяли, они явно проявляли свое недовольство и торг не начинался. Можно предположить, что на дарообмен чукчи смотрели так же, как представители многих других народов: получивший дар обязан был отдарить дающего, а нарушившие это правило рассматривались как люди, с которыми не стоит иметь отношений [Мосс, 1996. С. 79; Ерискина. 2003. С. 84–88].

В чукотском языке ясак обозначается словом *taeqænæj*, которое имеет также значение «поклон», «подать» [Богораз, 1937. С. 143]. Это слово было зафиксировано В. Г. Богоразом, т. е. существовало у чукчей еще в

конце XIX в. Присутствовало ли оно в данных значениях в лексике чукчей ранее, неизвестно. Но в любом случае, во второй половине XVIII в., да и в XIX в. чукчи не могли считать ясак выражением своего подданства и зависимости, поскольку этого реально не было. В то время ясак для них был формой ответного одаривания русских и их правителей, демонстрацией желания установить и поддерживать с ними мирные отношения. По сути, обмен ясака на подарки в глазах чукчей являлся особым ритуалом, предваряющим открытие торга и, кроме того, способом заключения мирного договора.

Список литературы

- Богораз В. Г.** Луоравтланко-русский (чукотско-русский словарь). М.; Л.: Учпедгосизд., 1937. XLVI+165 с.
- Богораз В. Г.** Чукчи. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1939. Ч. 2: Религия. XI+195 с.
- Вдовин И. С.** Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 217–253.
- Ерискина Н. В.** Подарок, дар в системе культуры (на примере культуры коренных народов Камчатки) // Вест. Камчатск. регион. ассоциации «Учеб.-науч. центр». Серия: Гум. науки. Петропавловск-Камчатский, 2003. № 2. С. 84–88.
- Ефимов А. В.** Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века. М.: Воениздат, 1948. 341 с.
- Зуев А. С.** Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. 330 с.
- История Якутской АССР:** В 3 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2: Якутия от 1630-х годов до 1917 г. 419 с.
- Крадин Н. Н.** Политическая антропология: Учеб. пособие. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2001. 213 с.
- Мосс М.** Очерк о даре // Мосс М. Общество. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Вост. литература, 1996. С. 83–222.
- Открытия** русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии (Сб. док.). М.: Геогр. лит-ра, 1951. 618 с.
- Устав** об управлении инородцев в Сибири // Учреждение для управления Сибирских губерний. СПб., 1822. С. 1–48.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СИБИРСКИХ ПРОТЕСТАНТСКИХ ЦЕРКВЕЙ-ТЫСЯЧНИКОВ*

Интересным феноменом конфессиональной жизни городов Российской Федерации 2000-х гг. стало появление протестантских церквей-тысячников, то есть таких церквей, стабильная численность прихожан которых достигает и превышает 1000 человек. В сложный для страны период начала 1990-х гг. бурный рост числа прихожан протестантских церквей был обусловлен поиском выхода из духовного кризиса, интересом к новым формам религиозной веры и практики, приносимыми зарубежными миссионерами. С 2005 г. ситуация постепенно стабилизировалась: прекратилось беспрецедентное увеличение церковных организаций; сократилось количество зарубежных миссионеров; уменьшилась помощь зарубежных церквей; оформленся основной состав общин большинства протестантских церквей.

Время акций евангелизации на стадионах, собиравших многотысячные аудитории и приводивших в протестантские церкви людей на эмоциональном заряде, ушло в прошлое. Численный состав протестантских церквей стабилизировался, составив в среднем по регионам до 50-150 человек в каждой. Однако среди множества средних и малых протестантских церквей в ряде городов России возникли и продолжают свой рост крупные церкви, именно они играют наиболее заметную роль в духовной и социо-культурной жизни регионов.

Количественный рост данных церквей не является последствием формированной евангелизации; это результат продуманной политики данных церквей в проповеднической деятельности, образовательных программах, социальных проектах. Большинство церквей-тысячников структурно принадлежит к Российскому объединенному Союзу христиан веры евангельской (пятидесятникам) – союзу С. Ряховского и к Союзу христиан веры евангельской – союзу П. Окара. Сегодня церкви-тысячники это: краснодарская церковь «Вифания» (пастор С. Накул) – 3500 человек, московские церкви «Благая весть» (Р. Реннер) и «Слово Жизни» (Маттс-ола Исхоел), ярославская церковь «Церковь Божия» (пастор А. Дириенко), волгоградская церковь «Благодать Иисуса Христа» (пастор А. Руденький), ижевс-

*Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации молодым кандидатам наук и их научным руководителям МК -1031.2008.06.

кая церковь «Дело Веры» (пастор Ю. Дегтярь), пермская церковь «Новый Завет» (пастор Э. Грабовенко), екатеринбургская церковь «Новая жизнь» (пастор В. Судаков), челябинская церковь «Новая жизнь» (пастор О. Попов), асбестовская церковь «Любовь Христа» (пастор В. Боцян).

В Сибири церквями-тысячниками являются: тюменская церковь «Свет Жизни» (пастор С. Лавренов) – 1000 чел., нижневартовская церковь (ХМАО) «Слово Жизни» (пастор В. Витюк), новосибирская церковь «Церковь Завета» (пастор В. Максимюк), красноярская церковь «Христианская жизнь» (пастор В. Ашаев).

Многие пасторы-руководители церквей-тысячников вышли из пятидесятнических церквей Украины и с детства воспитывались в христианской среде, однако можно констатировать, что их христианское мировоззрение трансформировалось в сторону либеральных идей как под влиянием западного харизматического движения, так и в силу их собственного жизненного опыта служения в меняющихся условиях существования церкви и государства. Так пастор Новосибирской «Церкви Завета» В. Максимюк следующим образом комментирует ситуацию: *«Сегодня отцы не способны к конструктивному современному диалогу, взаимодействию между собой и с государственными властями. Современные лидеры церквей готовы к диалогу, во многом благодаря тому, что могут получить образование; образованный человек будет иметь диалог, несмотря на богословские отличия»* (ПМА, 2008).

Предлагаемые протестантскими церквями возможности обучения в библейских школах в крупных городах России (порой с предоставлением стипендии и места проживания) для молодежи из отдаленных регионов (например – Тувы, Хакасии и др.), чей социальный и материальный уровень не позволяет иметь доступ к платным светским ресурсам, становилось единственной возможностью получить образование. Эта часть молодежи активно обучается в протестантских школах и продолжает затем служение в церквях.

Результатом развития образовательных проектов в протестантских церквях и семинариях стало появление библиотек, чьими ресурсами пользуются не только прихожане и семинаристы, но и заинтересованные представители светской аудитории. На полках протестантских библиотек, помимо богословской и религиоведческой литературы, представлены энциклопедические и периодические издания, философская, юридическая литература, мировая художественная классика.

Образование занимает ключевое место в политике большинства церквей-тысячников, которая подразумевает наличие: 1) внутренних христианских образовательных проектов, 2) обучение в светских институтах с целью приобретения религиоведческого светского образования, 3) обучение в библейских школах и семинариях для получения теологического богословского образования, 5) обучение на христианских семинарах о ведении бизнеса и прочим дисциплинам.

Формирование личных активных социальных стратегий влияет на стремление повышать свой уровень благосостояния, получать высшее, дополнительное образование. Общим образовательным ресурсом для большинства протестантских церквей стало проведения обучающих конференций «Альфа-курса», цель которых дать основы знаний о христианстве и Библии.

Рассмотрим образовательную политику церквей-тысячников на примере тюменской церкви «Свет Миру» (С.Э. Лавренов) и новосибирской церкви «Церковь Завета» (В.В. Максимюк).

Руководство тюменской церкви евангельских христиан «Свет миру» уделяет большое внимание образованию и просвещению и видит в этом залог успеха и развития церкви. Просвещение видится руководством церкви как наиболее эффективный способ для нормализации межконфессионального диалога. Также, по мнению пастора, повышение образовательного уровня должно вывести людей за предел ценностей потребительского общества и поставить перед ними духовные ориентиры. В церкви реализуются внутренние образовательные проекты, такие как конференция «Альфа-курс», дающие базисные основы христианского учения. По инициативе церкви была организована начальная школа для детей «Пилигрим».

Говоря об образовании, руководство ведет речь не только о религиозном, богословском образовании, но и о получении светского религиоведческого образования. По инициативе С.Э. Лавренова в здании церкви был основан филиал Российской христианской государственной академии, где на данный момент обучаются 2 группы по специальности «психология» и 3 группы по специальности «религиоведение». Церковь ориентируется на постройку отдельного образовательного корпуса. По словам пастора, выход в светское образовательное пространство необходим для ведения адекватного диалога со светским сообществом, поскольку богословское образование, полученное пасторами в большинстве протестантских семинарий и библейских школах, не позволяет протестантам быть понятыми и донести слово до светской аудитории. Пастор говорит, что около 100 служителей и прихожан церкви уже получили или получают высшее религиоведческое светское образование. Важно, что ориентация на продуктивный диалог со светским сообществом напрямую влияет на приток в церковь новых прихожан (ПМА, 2008).

Присутствие в церкви светского религиоведческого образовательного учреждения также благоприятно влияет на развитие межконфессионального диалога в регионе, поскольку преподавателями и слушателями академии являются не только протестанты, но и представители других конфессий.

Руководство Новосибирской «Церкви Завета» также ставит во главу угла развития своей церкви образовательный аспект. В течение многих лет церковь проводила 9-месячные курсы «Школа служения» для прихожан, по окончанию которых подразумевалось написание дипломной работы. Это был внутренний проект церкви по обучению навыкам изучения Би-

лии, в котором, по словам пастора, приняло участие около 60-70 % прихожан. Образовательная программа претерпела изменения в связи с развитием церкви и видением руководства (ПМА, 2008).

По инициативе руководства в 2008 г. церковь переориентировалась на трех уровневое образование. Задачей первого начального уровня является утверждение человека в своем выборе христианской жизни. Начальный уровень состоит из 14 уроков и выездного семинара. Важное психологическое значение имеет 3-х суточный выездной семинар «Встреча с Богом», на котором ведется психологическая работа с обидами, виной, пристрастиями, зависимостями, болью прошлого; после освобождения от которых неофиту предлагается начать христианскую жизнь с белого листа. Второй уровень нацелен на смену ценностных ориентаций и на формирование нового образа себя неофита как христианина, что подразумевает работу по переоценке ценностей по 5 направлениям: «Человек и Бог», «Человек и супруг(а)», «Человек и дети», «Человек и работа», «Человек и служение». Основные приоритетные сферы жизнедеятельности человека теперь рассматриваются с точки зрения религиозного христианского мировоззрения. Третий уровень обучения в церкви - это курс подготовки лидеров и служителей. По задумке и видению руководства три уровня обучения составляют базовое образование для каждого прихожанина. В будущем предполагается наличие и четвертого уровня – уровня пастырского и миссионерского служения. Однако он нацелен на получение богословского образования в Киеве, Москве Санкт-Петербурге и потому не может считаться церковным ресурсом, тем не менее, его целью является подготовка миссионеров для миссионерского расширения церкви в других регионах. Данная программа вырабатывалась руководством церкви в течение двух лет на основе передового христианского опыта и уже прошла апробацию в церкви (ПМА, 2008).

Подводя итоги необходимо подчеркнуть, что особое внимание образованию в церкви и развитию активных стратегий на повышение уровня образования у прихожан является общим моментом в политике церквей-тысячников. Кроме развития и роста церкви повышение уровня образования благоприятно влияет на развитие межконфессионального диалога в регионах, формированию и развитию проектов социального партнерства с государством.

ПРЕДАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СВЯТЫХ ИСТОЧНИКОВ: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ*

Изучение религиозно-обрядовых практик, связанных с почитанием святых мест, повсеместное возрождение которых в настоящее время проходит при непосредственном участии Русской Православной Церкви, выявило абсолютное преобладание в сибирской народно-православной традиции таких «сакральных объектов природы», как водные источники (ключи, родники) [Любимова, 2006, с. 33-49].

Обретение статуса сакрального места, как показало проведенное исследование, соотносится при этом с православным пониманием категории чуда, заключающемся в непременном явлении «божественной силы». Сохранение истории совершившегося чуда, является, как установлено, основной целью повествовательного репертуара, формирование которого представляет одну из закономерностей в жизни каждой природной святыни [Фадеева, 2002, с. 124-135].

Особую группу текстов составляют предания *о начале* почитаемого места, раскрывающие «мифологическое происхождение» той или иной сакральной точки [Виноградов, 2004, с. 232-248]. Привлекая материалы по другим регионам, рассмотрим способы явления «божественной силы», которые излагаются в сибирских преданиях о происхождении источников со святой водой.

Судя по имеющимся материалам, сама «божественная сила» может быть явлена либо через сакральные предметы - чаще всего, иконы бого-родичного типа, либо через священные персонажи - образы Богородицы, христианских святых и пр.

Буквальное истолкование метафоры о Богородице как источнике жизни можно обнаружить в легендах о возникновении водного источника от бого-родичной иконы или от самой Божьей Матери. Так, согласно тексту, изложенному в рукописном «Сказании о Курской иконе Богородицы», святой родник пробился прямо из-под найденной иконы - ср.: «*Один из жителей Рыльска, охотясь на берегу реки Тускарь, увидел икону, лежащую возле корней дерева лицом к земле. Когда он поднял ее, из земли забил источник*» [Чистяков, 2006, с. 38-48]. Происхождение так называемого Явленного родника близ Дивеева также связано с обретением иконописного образа

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №08-01-00333а.

Богородицы - ср.: «*И в отпирало подняли плиту, а на одной-то стороне - отец Серафим, а на другой-то стороне - (образ) "Умиление" Божьей Матери... И стал родник, целительный...*» [Тульцева, 2005, с. 419-423].

Как правило, появление сакрального предмета в подобных текстах предшествует возникновению водного источника. Однако в ряде случаев приданье сакрального статуса уже известному элементу ландшафта происходит после явления в воде «божественных лиц». Такова история почитаемого места, расположенного возле с. Жуланиха Заринского р-на Алтайского края, самое раннее упоминание о котором относится к 1898 г. Именно тогда, как рассказывают, деревенский пастух, захотевший напиться воды, впервые «увидел в роднике лик, икону Божьей Матери, всю в цветах». Позже родник был освящен батюшкой из деревенской церкви (ПМА, 2001).

Аналогичные предания о всплывающих время от времени из родника «божественных лицах» были зафиксированы в с. Усть-Серта Чебулинского р-на Кемеровской обл. (ПМА, 2002). Сама символика приплывания/уплыивания, как пишет в этой связи А.А. Панченко, состоит в подчеркивании потустороннего, в том числе, сакрального, статуса приплывающего/уплывающего предмета. Следовательно, явление или приплывание иконы, по мысли автора, также можно рассматривать как знак, посредством которого потусторонний (сакральный) мир отмечает выделенность того или иного места из окружающего пространства, сообщая ему статус священного локуса [Панченко, 1998].

Отдельную группу текстов, как уже отмечалось, составляют предания о водных источниках, забивших от следа, оставленного на камне Богородицей или иным священным персонажем. К примеру, главной святыней Пochaевского монастыря является песчаный камень, на котором, по преданию, «остался след стопы вдавленный, правой ножки Божьей Матери... И потек источник воды» [Тарабукина, 2000].

Вместе с тем, встречаются свидетельства о происхождении источников от святых мощей (так, один из расположенных в Дивеево источников вытекает, согласно преданию, «из мощей матушки Александры» - основательницы знаменитой православной обители) [Там же] и даже непосредственно от живых людей, облаченных священным статусом. Пример последнего рода можно обнаружить в рассказе священноинока Евагрия (1982 г.р.), по словам которого, енисейские старообрядцы-пустынники всегда лечились исключительно родниковой водой: «*Если когда заболеем, воды напьемся из ключа. Ключ этот из-под ноги у матушки Надежды забил, он целебный был*» [Мурашова, 2003].

Наконец, к особому типу текстов о возникновении источников со святой водой относятся предания, сложившиеся на основе народной исторической памяти о поворотных событиях местной истории XX в. К примеру, начало одного из наиболее почитаемых мест Алтайского края - святого ключа возле с. Сорочий Лог Первомайского р-на - возводится к событиям

периода гражданской войны. Сам родник, согласно бытующим вплоть до настоящего времени представлениям, появляется на месте гибели «контрреволюционных повстанцев», превратившихся в народном сознании в «мучеников за веру», а в сознании старообрядцев - еще и в единоверцев («истинно верующих православных христиан»), о чем недвусмысленно сказано в старообрядческом сочинении «Повесть о святом ключе», в качестве составной части вошедшем в так называемый Урало-Сибирский Патерик. Принадлежность погибших к сфере сакрального подтверждается в Повести таким признаком, как нетленность их тел. Более того, именно вырезанный из спины одного из убитых ремень становится тем «каналом», по которому сакральные свойства потустороннего мира получают возможность «перетекать» к месту гибели «предреченных страдальцев», сообщая ему статус священного локуса [Любимова, 2008, с. 33-49].

Характерной чертой преданий о «божественных лицах» в данном случае можно считать насыщенность их мужскими персонажами, когда наряду с явленными в воде образами Богородицы с младенцем упоминаются образы Иоанна Богослова, святителя Николая и других божьих угодников, а также тщательно выписанные образы самих погибших. Все это не исключает актуализации традиционных представлений о соотнесенности водных источников с женским божеством, проявлением которых могут служить зафиксированные случаи обетных приношений, предназначенных «непосредственно Богородице» (ПМА, 2004).

Аналогичный характер носит почитание святого ключа в п. Ложок Искитимского р-на Новосибирской обл. Считается, что подземный ключ пробился здесь на месте массовой гибели заключенных, с 1929 по 1956 гг. отбывавших наказание в особом лагерном пункте, входившем в систему СИБЛАГА. На установленном возле источника стенде с информацией об историческом прошлом поселка так и говорится, что «*там, где когда-то царили страдания, и проливалась кровь человеческая, начинают бить родники*» (ПМА, 2005).

В целом, приведенные материалы о тесной связи почитаемых комплексов с божеством, преимущественно, женским, по всей видимости, отражают народные взгляды о святых местах как особой разновидности объектов, отмеченных символикой женского исцеляющего и плодородящего начала - ср.: *родник, родище* - место, рождающее воду; *почора, печера* - пещера, печь как символ женской утробы и т.п. [Щепанская, 1999]. Не случайно большой популярностью в Ложке пользуются рассказы о случаях исцеления приезжающих паломниц от бесплодия. Таким образом, в рассмотренных преданиях происходит актуализация традиционных представлений об источниках как символе божественной благодати и богородичной помощи. Само же понятие «источник» употребляется при этом в расширенном смысле, значение которого относится и к почитаемому объекту природы, и к Богоматери как источнику жизни.

Список литературы

- Бернштам Т.А.** Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб: МАЭ РАН, 1995.
- Виноградов В.В.** Механизмы трансляции сакральной информации (на примере почитаемых мест Северо-Запада России) // Механизмы передачи фольклорной традиции. СПб: РИИИ, 2004.
- Любимова Г.В.** Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX - XX вв. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2006.
- Любимова Г.В.** Способы сакрализации пространства в современных религиозно-обрядовых практиках (на материалах сибирского региона) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008 (в печати).
- Мурашова Н.С.** Повествования священноинока Евагрия // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII - XX вв. - Новосибирск, 2003.
- Панченко А.А.** Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. - СПб, 1998.
- Тарабукина А.В.** Фольклор и культура прицерковного круга. Дис. ... канд. филол. наук. - СПб., 2000 // Режим электронного доступа: www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/books/Tarabukina/arina_tarabukina.html
- Тульцева Л.А.** Народное почитание старца Серафима в Нижегородской и Рязанской областях в ХХ в. // Наследие Серафима Саровского и судьбы России. - Нижний Новгород, 2005.
- Фадеева Л.В.** «Память пространства»: устные рассказы о святых местах в полевых записях // Славянская традиционная культура и современный мир. - Вып.4. - М.: ГРЦРФ, 2002.
- Чистяков П.Г.** Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в курской коренной пустыни в 1940-1950 гг. // Религиоведение. - 2006, - №1.
- Щепанская Т.Б.** Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. - Сб. МАЭ, Т.LVII, - СПб, 1999.

СТЕРЕОТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ОТНОШЕНИЯХ С АБОРИГЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ СИБИРИ. XVII–НАЧАЛО XVIII ВЕКА. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В истории межэтнических контактов народов Сибири качественно новый этап начался в конце XVI – первой половине XVII в. В этот отрезок времени все основные коренные этносы Сибири вошли в соприкосновение с колонистами из европейской части России. Взаимодействие между пришельцами и аборигенами края являлось определяющим фактором в развитии сибирского региона и происходящих там этнических процессов. Межэтнические отношения развивались в сложной обстановке приобщения коренного населения к русской государственной системе. Основная проблема состояла в том, что русские и сибирские аборигены находились на принципиально различных уровнях общественного развития и придерживались разных ценностных ориентиров. Причем, это была встреча двух систем миропонимания, двух идеологий: православной и традиционной, замешанной на древней мифологии и магических культурах.

У каждого сибирского этноса складывались свои собственные религиозные верования, которые накладывали отпечаток на все сферы жизнедеятельности. В этих условиях установление элементарного взаимопонимания зависело от поведения всех участников общения. Коллективные и индивидуальные стереотипы поведения формировались длительное время под воздействием социальных и идеологически обусловленных факторов. Стереотип поведения можно рассматривать как систему поведенческих навыков, передаваемых из поколения в поколение посредством сигнальной наследственности, специфичной для каждой этнической системы. Стереотип поведения складывается в процессе адаптации общности людей к окружающей среде. В динамично развивающемся этносе стереотипы поведения эволюционируют, сохраняя преемственность традиции. Культура аборигенов Сибири была стагнантна и лаконична по природе; выработанные ими стереотипы поведения с трудом поддавались изменениям и адаптации к новым условиям.

Поведенческие навыки проявлялись в обоюдном взаимодействии, которое неизбежно происходило между колонистами и аборигенами. У первых колонистов, преимущественно служилых людей, стандарты поведения задавались правительственной политикой. По сути, вся политика сводилась к тому, чтобы «не жесточать» аборигенов, подвести их «под государеву руку». На практике во время острых конфликтных ситуаций подобное не

удавалось. В постконфликтный период такая линия поведения себя оправдывала, но при этом происходила ломка стереотипов поведения.

В период первоначальной колонизации территории Сибири вооруженных столкновений с местным коренным населением практически избежать не удавалось. Длительность и интенсивность конфликтов зависела от уровня социального развития аборигенных сообществ и уровня заинтересованности в стабильных связях с русской государственностью, от угрозы со стороны третьей силы и т.п. Несправедливым было бы сравнивать поведение общности людей в обыденной обстановке с поведением в обстановке близкой к экстремальной.

В 1635 г. красноярские служилые люди, испытывая нужду в продовольственном обеспечении, жаловались, что «в Красноярском остроге хлебных запасов в житницах нет». Власти вынуждены были прекратить обеспечивать пищей заложников-аборигенов. Заложниками или аманатами в Красноярске были преимущественно местные воинственные кыргызы, своими набегами постоянно досаждавшими жителям уезда. Среди семей красноярцев мало кто избежал последствий кровопролития с кыргызами. Однако, в голодный период времени власти приняли решение отпускать на время заложников из тюремного помещения «аманатской избы» «и те де аманаты кормятся, ходя по них же, служилых людей» [Бахрушин, 1959, с. 47-48]. Кыргызы беспрепятственно передвигались по городу, просили милостыню и, судя по всему, получали ее. В это время острых столкновений с родоплеменными объединениями кыргызов не было и красноярским казакам достаточно легко было менять привычный негативный стереотип к потенциальным врагам. Однако, в 1679 г., во время нападения кыргызов и тубинцев на Красноярский острог служилые люди избили аманатов из «немирных» волостей [Там же, с. 47-48]. Устойчивый стереотипа поведения не мог сложиться в конфликтных зонах пространства Сибири.

В коммуникативной культуре значимая роль отводится личности. Нестандартный поступок отдельного индивида может тиражироваться, если это касается людей, авторитетных в своей среде. К таким личностям в полном праве можно отнести известного в XVII в. политика и военачальника Якова Тухачевского. Человек богатого опыта и гибкого ума, он вел переговоры со многими правителями родоплеменных объединений. Тухачевский реализовал свой стереотип восприятия чужой этнической культуры, частично приближаясь к идентификации себя с носителями этой культуры для достижения положительного контакта. Во время похода Тухачевского против «изменников» на северном Алтае в бою погиб мурза Тарлав. Дальнейшие действия Тухачевского не были поняты большинством казаков. Военачальник приказал похоронить Тарлава в соответствии с традиционными для его культуры обрядами и «над его могилою лошадь резать и поминать, а служилым людям около могилы велел стоять с ружьем» [Курилов, Люцидарская, 1985, с. 36-37]. Этот поступок повлек за собой с одной стороны - положительные политические последствия в

регионе, а с другой - целый ряд обвинений со стороны служилого люда. Действия предводителя похода ломали все стереотипы восприятия «языческих» врагов. Однако это был наглядный пример для немногих единомышленников Тухачевского и повод к изменению настроений в обществе, во всяком случае, к «брожению умов».

Царское правительство давало возможность аборигенам принимать православие и вступать в ряды служилых. В этом случае изменять стереотипы поведения приходилось с обеих сторон. В целом, русский менталитет был толерантным. Достаточно привычным было приятие в ряды крещеных служилых людей представителей иной культуры. Среди казаков в Сибири было немало татар из различных регионов, коми-зырян, бывших пленных «литвинов» и т.п. Наработанный стереотип восприятия иноземцев, распространялся и на коренные этносы Сибири.

Действовал принцип – православный, значит свой, «государев». Для сибирских аборигенов переход в новый социальный уровень отношений происходил сложно. Далеко не всегда адаптация к новым условиям была успешной. В душе многие коренные народы сохраняли традиционное мировоззрение, основанное на единении с природой. Известны случаи, когда все материальные и социальные преимущества служилого человека не могли удержать аборигена в новых для него правильных «православных» рамках. Особенно часто подобные примеры встречались среди сибирского угorskого населения. Крещенные служилые vogулы (манси) нередко оставляли Пельмские и Верхотурские гарнизоны, убегая туда, где «их род и племя» [Гемуев, Люцидарская, 1994, с. 67].

В глазах местной администрации и рядовых казаков такие беглецы выглядели изменниками, тогда как «новокрещена», соблюдающего общепринятые нормы поведения, считали своим «сотоварищем».

В Сибири XVII в. людей ценили исходя из позиций pragmatизма. Каждый ясачный являл собой реальное поступление в казну «мягкого золота», поэтому убийство ясачного аборигена было равносильно изъятию из казны денег. Таким образом, аборигены, входившие в систему русской государственности, имели определенную ценность для государства и находились под его потенциальной защитой, тогда как «немирные» этносы такой ценности не составляли. Внутриполитические установки влияли, а подчас и диктовали, условия для смены стереотипов поведения в отношении аборигенов.

Представляет интерес применение в текстах XVI - начала XVIII в. понятия «иноземец» и пришедшего ему на смену, в отношении коренных сибирских этносов, понятию «инородец». Чужеземцев, людей из другой земли, иного культурного пространства, в среде служилого сословия было немало. Все они именовались в официальных документах и в обыденной жизни иноземцами. Вторая половина XVII в. стала переломным периодом в связи с развитием торговли, внешней политикой и прочими нуждами русского государства. Иностранцы состояли на военной и гражданской

службе у правительства. Кроме того было значительное количество переселенцев из отвоеванных восточнославянских земель, среди которых насчитывалось немало православных, но в силу иного образа жизни и воспитания их также считали «иноземцами» [Кантор, 1999, с. 41].

На первых порах такое же определение получили и сибирские аборигены. Однако положение менялось. Происходило неизбежное обрушение ссыльных служилых «иноземцев», как выходцев из западных территорий, так и представителей коренных сибирских этносов, добившихся изменения своего социального статуса. В результате все более ощущалась дистанция между русскими и аборигенами в социальном плане, особенно это касалось ясачного населения. Увеличение такого расслоения, в конечном счете, привело к понятию «инородец». Аборигенов уже не рассматривали как жителей иной земли, но они продолжали оставаться неким чужеродным элементом на территории российской государственности. Между тем, «чужие» оставались необходимыми налогоплательщиками, и их нужды необходимо было учитывать. В подобной обстановке складывалось неустойчивая, противоречивая, порой двусмысленная политика государства по отношению к коренным этносам Сибири, в которой выработать однозначный стереотип поведения сибирского служилого казачества к аборигенам края было едва ли возможно. Стереотипы поведения казаков в отношении сибирских этносов в отдельных регионах в разный период времени значительно разнились. Локальные варианты наработанных стереотипов нуждаются в дальнейшем исследовании.

Список литературы

- Бахрушин С.В.** Научные труды. М.: Изд-во АН ССС. 1959. Т. 4.
- Гемуев И.Н., Люцидарская А.А.** Служилые угры (один из аспектов русско-угорских отношений в XVI-XVII вв.) // Гуманитарные науки в Сибири//. 1994. № 3.
- Кантор А.М.** Духовный мир русского горожанина. Вторая половина XVII века. Очерки. Москва. Изд-во РГГУ, 1999.
- Курилов В.Н., Люцидарская А.А.** К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1985.

ЖЕНСКИЕ КУЛЬТЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (НАЧАЛО ХХ ВЕКА)

Религиозные воззрения русских сибиряков исторически связаны с православием. С начала освоения сибирских территорий организация жизненного пространства и его духовная освоенность были во многом обусловлены созданием сети православных храмов и учреждением престолов. Среди почитаемых культов определенное место занимали женские, что известно как из сообщений информаторов, так и по наименованиям церквей и престолов.

Обращение к гендерным аспектам православия в Сибири связано с необходимостью определения особенностей женских стратегий освоения новых территорий, что оказывает существенное влияние на формы адаптационных процессов. В настоящее время данный аспект не получил пока должного освещения в науке, хотя имеющиеся источники, например, епархиальные справочные книги, позволяют выполнить поставленную задачу. Они содержат разнообразную информацию, благодаря которой можно подойти к освещению вопроса об особенностях формирования духовной основы освоения русскими территории своего проживания, а также рассмотреть материалы о женской составляющей православных культов.

В этой статье предпринята попытка проанализировать данные о существовавших к началу XX в. престолах церквей Тобольской епархии, которая охватывала обширные территории Тобол-Тюменского региона Западной Сибири. Для этой цели привлечена Справочная книга Тобольской епархии, изданная в 1913 г., где собраны сведения о храмах на 1 сентября 1913 г. [Справочная книга, 1913]. На основании помещенных в ней сведений выявлены наименования и подсчитаны часовни и престолы церквей, установлены престольные праздники и особо почитаемые иконы.

К началу XX в. в Тобольской епархии зафиксировано 97 наименований престолов, а их общее количество составило 625, причем только для 28 престолов не указано время постройки церкви (около 4% от общего числа, что позволяет пренебречь ими в дальнейшем анализе). Пять наименований престолов связаны с именем Богородицы, 8 – с Богородичными иконами, 10 – со св. женами и мученицами. Количество престолов, посвященных женским культу, составило 147, из них наибольшее количество учреждено во имя Покрова Пресвятой Богородицы - 34, Казанской иконы Божией Матери - 17, Успения Божией Матери - 14, Знамения Божией Матери - 12, Введения во храм Пресвятой Богородицы, Рождества Богородицы – по 11,

Таблица 1. Престолы во имя женских культов Тобольской епархии, учрежденные в XVII-XX вв.

Наименование престола	Кол-во престолов в храмах, построенных в					Всего престолов
	XVII в.	XVIII в.	XIX в.	XX в.	Не указано	
Благовещения Божией Матери*	-	2	3	-	-	5
Введения во храм Пресвятой Богородицы*	-	2	6	-	3	11
Владимирской иконы Божьей Матери	1	-	-	-	-	1
Знамения Божией Матери иконы Богородицы «Всех скорбящих радость»	-	1	10	1	-	12
иконы Богородицы «Утоли моя печали»	-	-	6	-	-	6
иконы Богородицы «Утоли моя печали»	-	-	-	1	-	1
иконы Божией Матери Скоропослушницы	-	-	2	-	-	2
иконы Пресвятой Богородицы Смоленской	-	2	1	-	-	3
иконы Тихвинской Божией Матери	-	1	2	-	-	3
Казанской иконы Божией Матери	-	2	12	3	-	17
Покрова Пресвятой Богородицы***	-	6	26	2	-	34
Положения ризы Божией Матери (2 июля ст. ст.)	-	-	-	-	1	1
прп. Параскевы	-	-	1	-	-	1
прпмч. Анастасии Римлянки	-	-	-	2	-	2
Рождества Богородицы*	-	6	4	1	-	11
св. вмч. Варвары	1	-	-	-	-	1
св. вмч. Екатерины	-	-	8	-	-	8
св. вмч. Параскевы	-	2	5	-	-	7
св. Кирика и Иулиты	-	-	-	1	-	1
св. мч. царицы Александры	-	-	1	-	-	1
св. равноап. Константина и Елены	-	-	2	-	-	2
св. равноап. Марии Магдалины	-	-	1	-	-	1
свт. Николая Чудотворца и вмч. Екатерины	-	-	1	-	-	1
Успения Божией Матери*	-	2	10	1	1	14
Успения Божией Матери и Софии Премудрости Божией	1	-	-	-	-	1
Итого	3	26	101	11	5	147

св. вмч. Екатерины – 8, св. вмч. Параскевы – 7, иконы Богородицы «Всех скорбящих радость» - 6, Благовещения Божией Матери – 5, остальные наименования престолов встречаются каждый менее 5 раз (см. Табл. 1).

Из материалов Справочной книги следует, что самый ранний период учреждения престолов относится к XVII в., когда на территории епархии существовали церкви с престолами во имя Владимирской иконы Божией Матери, св. вмч. Варвары, Софии Премудрости Божией (в дальнейшем названным во имя Успения Божией Матери). Обращает на себя внимание, что престолы Тобольской епархии, основанные во имя женских культов в тот период, позднее более не учреждались. В течение XVIII-XIX вв. основываются престолы во имя Богородичных икон, праздников, святых жен и великомучениц.

В XIX в. появились ранее не встречавшиеся посвящения престолов, как правило, во имя святых и св. Богородичных икон. Только в XIX в. появляются престолы во имя иконы Богородицы «Всех скорбящих радость» (6), иконы Божией Матери Скоропослушницы (2), по одному престолу преп. Параскевы, св. муч. царицы Александры, св. равноап. Марии Магдалины. В XX в. тенденция расширения списка наименований престолов сохраняется, но о количественных показателях говорить сложно, поскольку представлены данные лишь за первое десятилетие: учреждены престолы во имя иконы Богородицы «Утоли моя печали» и прпмуч. Анастасии Римлянки.

Количественное соотношение престолов во имя женских культов к общему их числу составляло 2/3 в XVII в., ¼ в XVIII-XIX вв., 3/25 (0,12) в XX в., а к XX в. приблизительно 1/5 (0, 21). Вероятно, данные на XVIII-XIX вв. отражают существовавшее правило, поскольку данные XVII в. показывают ситуацию на начало освоения новой территории, а список XX в. страдает неполнотой, о чем уже говорилось.

В православии особое значение придается календарному годичному циклу и привязке всей духовной жизни к событиям священной истории, поэтому кроме степени распространенности православных женских культов в количественном выражении, необходимо обратиться к распределению престольных праздников в течение года, даты которых могут показать насыщенность духовного влияния. В списке престольных праздников отмечен единственный Великий праздник русской православной церкви во имя женского культа – Покрова Пресвятой Богородицы, четыре из девяти двунадесятых непереходящих праздников – Введения во храм Пресвятой Богородицы, Благовещения Божией Матери, Успения Божией Матери, Рождества Богородицы.

Престольные праздники распределялись в течение года (даты по новому стилю) так: на декабрь приходится 6 праздников, на январь – 0, февраль – 1, март – 0, апрель – 3, май – 1, июнь – 1, июль – 5, август – 3, сентябрь – 0, октябрь – 2, ноябрь – 4 (см. Табл. 2). Наибольший перерыв зимой приходится на период с 17 декабря по 7 февраля (частично во время святочной недели), весной-летом с 7 февраля по 1 апреля (частично во время Вели-

Таблица 2. Престольные праздники церквей Тобольской епархии во имя женских культов (по данным на 13 сентября 1913 г.)

Наименование престола	Дата празднования (по новому стилю)
<i>Введение во храм Пресвятой Богородицы</i>	4 декабря <i>Двунадесятый непереходящий праздник</i>
св. вмч. Екатерины	7 декабря
свт. Николая Чудотворца и вмч. Екатерины	19 декабря
	3 мая
	7 декабря
Знамения Божией Матери (Абалацкой)	10 декабря
св. вмч. Варвары	17 декабря
иконы Богородицы «Утоли моя печали»	7 февраля
иконы Пресвятой Богородицы Смоленской	1 апреля
<i>Благовещения Божией Матери</i>	7 апреля <i>Двунадесятый непереходящий праздник</i>
прпмч. Анастасии Римлянки	28 апреля
св. мч. царицы Александры	6 мая
св. равноап. Константина и Елены	3 июня
Владимирской иконы Божьей Матери	6 июля
иконы Тихвинской Божией Матери	9 июля
Положения ризы Божией Матери (2 июля)	15 июля
Казанской иконы Божией Матери (Тобольской)	21 июля
св. Кирика и Иулиты	28 июля
св. равноап. Марии Магдалины	4 августа
преп. Параскевы	8 августа
<i>Успения Божией Матери</i>	28 августа <i>Двунадесятый непереходящий праздник</i>
Успения Божией Матери и Софии Премудрости Божией	28 августа
<i>Покрова Пресвятой Богородицы</i>	14 октября <i>Великий праздник</i>
<i>Рождества Богородицы</i>	21 октября <i>Двунадесятый непереходящий праздник</i>
Казанской иконы Божией Матери	4 ноября
иконы Богородицы «Всех скорбящих радость»	6 ноября
св. вмч. Параскевы	10 ноября
иконы Божией Матери Скоропослушницы	22 ноября

кого поста), 3 июня – 6 июля, осенью – с 28 августа по 14 октября. Можно заключить, что к началу XX в. размещение престольных праздников было установлено с тенденцией к равномерности, причем их число увеличивается зимой (7) и летом (9), а весной (4) и осенью (6) уменьшается, вместе с тем, сохраняется их равное количество в осенне-зимний и весенне-летний периоды (по 13).

Как следует из данных справочника, в приходах Тобольской епархии отмечались чтимые и чудотворные иконы, в том числе появившиеся чудесным образом, пожертвованные или выписанные из Афона и Москвы. В дни празднования икон совершались крестные ходы и молебны; иконы обносились по домам жителей. Особые истории связаны с некоторыми иконами.

В местном ряду иконостаса Богородице-Рождественской церкви (1771 г.) Березова находилась икона Божьей Матери Скоропослушницы (22 ноября), чествовавшаяся с самого основания храма [Там же, с. 33]. В Троицкой церкви с. Бутыринского (1844–1849 гг.) находилась икона Абалакской Божией Матери, которая была принесена из г. Тобольска 29 июня 1888 г. В этот день ежегодно установлен крестный ход к кресту, поставленному на месте встречи иконы [Там же, с. 59–60]. В 1910 г. в Екатерининской церкви с. Истошинского возвели южный придел во имя иконы Божией Матери «Утоли моя печали», которая была написана в Москве и принесена в село 8 июня (21 июня н. ст.) того же года. В память установлено ежегодное празднование 8 и 9 июня (21 и 22 июня н. ст.).

В приходе церкви с. Шмаковского, расположенного на р. Суере, особо почитается икона Божией Матери «Достойно есть», выписанная по желанию прихожан с горы Афон с вложением в нее святых мощей св. вмч. Пантелеймона и Иоанна Кукузеля, о чем в 1892 г. было разрешение епископа Иустина. 24 июля установлен крестный ход, в честь этого события [с. 91]. За д. Шестаковой на месте встречи иконы Божией Матери Иверской был водружен деревянный крест, здесь же была встречена Сузрская икона Божией Матери. В церкви во имя свт. Николая Чудотворца с. Каштакского (1856 г.) находились чтимые иконы Божией Матери «Целительница» (празднование 1 октября н. ст.) и «Утоли моя печали» [Там же, с. 11].

Таким образом, к началу второго десятилетия XX в. в церквях Тобольской епархии размещались престолы во имя основных праздников православного календарного цикла, связанных с Богородицей, и в память некоторых святых жен и св. Богородичных икон. Наибольшее распространение получил ряд культов, среди которых значительное место занимало почитание Покрова Пресвятой Богородицы, Казанской иконы Божией Матери, Успения Божией Матери.

Список литературы

Справочная книга Тобольской Епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск: Изд-е Тобольского Епархиального Братства св. великомуч. Димитрия Солунского, 1913.

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ С. СИКАЧИ-АЛЯН: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ В 2008 ГОДУ*

В условиях процесса глобализации изучение и сохранение историко-культурной среды обитания народов России приобретает особенную актуальность.

В 2002 г. вступил в силу новый федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В соответствие с принятым решением возникла необходимость рассмотрения всех аспектов управления историко-культурным наследием.

Особый статус в числе охранных мест, содержащих огромный до сих пор неисследованный историко-культурный потенциал, занимает село Сикачи-Алян, расположенное в 75 км от г. Хабаровска. Существует несколько трактовок названия села. Раньше оно называлось Сакачи-Алян, более старое название *Сакачиори* («место, где узнают») (ПМА, 2008). Нивхи это место называли *Сахачиаллан* («Ты питьевая вода рта *Лана*») [Меркушев, 1999, с.16]. По статистике начала XX в. в селе проживало коренное нанайское население численностью 115 человек (54 муж., 61 жен.) [Лопатин, 1922, с. 352]. По современным данным в Сикачи-Аляне насчитывается 334 человека - 316 нанайцев, имеющих статус КМНС Хабаровского края (данные администрации).

Уже в конце XIX в. нанайское селение Сикачи-Алян приобрело известность благодаря обнаруженным около него древним изображениям. Выполненные на базальтовых валунах и скалистом выступе, они были со средоточены на береговой полосе протяженностью до 6 км. В 1895 г. был опубликован первый материал о Сикачи-Алянских петроглифах. Позже, в 1899 г. появились фотографии древних рисунков на камнях и были записаны легенды «О трех солнцах», связанные с петроглифами.

В начале XX в. легенды нанайского этноса и амурские петроглифы привлекли внимание исследователей - дальневосточников В.К. Арсеньева и Л.Я. Штернберга [Штернберг, 1933] В течение 1930 – 1970-х гг. большую планомерную работу по изучению и систематизации изображений на камнях провели участники Нижнеамурской археологической экспедиции – А.П. Окладников и А.П. Деревянко [Окладников, 1971]. Ученых порази-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00333а.

ло многообразие стилей и техник исполнения петроглифов – от реалистичных изображений до схематических, выполненных в «рентгеновском стиле», глубокой желобчатой выбивкой или резьбой в широком временном диапозоне. Аналоги спиральной и криволинейной орнаментики, встречающиеся в Сикачи-Алянских петроглифах, на неолитической керамике Нижнего Приамурья и среди наскальных изображениях в Австралии и Тихоокеанского побережья, позволили исследователям сделать вывод о взаимовлиянии культур тихоокеанского региона в глубокой древности [Окладников, 1971, с. 112-113; Окладников, 2003, с. 479-495].

На южные корни Сикачи-Алянской «галереи» в свое время указывал П.П. Шимкевич. В записанной им легенде «О трех солнцах» земля представлена в полурасплавленном состоянии, поскольку на небе три солнца [Шимкевич, 1896, с. 9-10]. Амурские нанайцы и ульчи так объясняли происхождение рисунков: *отважный охотник Хадо убил два светила, но прежде, когда вода в Амуре кипела и камни были мягкими, Мямелди (жена Хадо) пальцем на камнях выдавила «письмо», повествующее о былых временах* [История и культура нанайцев, 2003, с. 146-147; Чаадаева, 1990, с. 5- 7].

По данным Л.Я. Штернберга, хранителями мифа о *Хадо* были представители нанайского рода Заксор. В его сложном социальном составе обнаружены элементы, указывающие на древние контакты амурского населения с аустронезийскими племенами юго-восточной Азии [Штернберг, 1933, с. 492-495].

А.В. Смоляк, анализируя родовой состав Нижнего Приамурья, отмечала, что многие нанайские роды свои легенды вплетают в космологический сюжет о трех солнцах, что является подтверждением генетической связи нанайских групп с родом Заксор [Смоляк, 1976, с. 129-160]. Ареал распространения мифа о первотворении охватывает весь нижнеамурский регион. Легенда отмечена у нивхов (проживающих в северных районах Приамурья), удэгейцев (в южной части Нижнего Приамурья), но наиболее детально эта легенда представлена в ареале амурских нанайцев.

Одним из этнокультурных центров, где впервые был записан текст о множественности солнц, по праву является с. Сикачи-Алян. Вокруг него расположено множество культовые места. Согласно фольклорной традиции нанайцев, выше утеса Гаси находится *Дёлома мама* (*Дело-мама*) – «каменная старуха». Это сакральное место представлено скоплением базальтовых валунов. «Старуха-шаманка» связана с персонажами Сикачи-Алянского мифа о первопредках. Женский образ ассоциируется с Хозяйкой – покровительницей рыбных богатств, Северного ветра, загробного мира *буни*. Между селениями Малышево и Сикачи-Алян существуют табуированные места – *Джоанко*, *Джека-кряж*, *Суссу*, *Суйгу*, *Боккоа*, *Чиндак*. В них когда-то были селения, но в результате оспы и наводнения люди покинули их, с тех пор считается, что это *чертовы места*. Недалеко от Сикачи-Аляна, на берегу Петропавловского озера находится *Ка-*

мень-Лось, связанный с культом природы [Бельды, 2000, с.84-85; Соболевская, 1996, с. 55-62].

Петроглифические образы на базальтовых валунах вблизи с. Сикачи-Алян стали визитной картой Нижнеамурского региона. В современном нанайском декоративно-прикладном искусстве – в вышивке, аппликации, рисунки личин или лося являются главными элементами композиции. В селах с компактным проживанием нанайского населения среди учащихся начальных классов общеобразовательных школ был проведен тест-опрос на тему любимого уголка природы. На многих пейзажных рисунках (в селах Сикачи-Алян, Синда, Найхин) присутствовали образы размещенных на берегу валунов, покрытых петроглифами. В фестивальной практике коренных народов Приамурья поклонение культовому месту на берегу Амура около с. Сикачи-Алян является частью праздничной программы.

Популяризация памятника и внимание к нему СМИ как к уникальному наследию не только России, но и всего мира, создает немало проблем по его сохранению. Сегодня с. Сикачи-Алян – активно посещаемый туристический объект, а также один из источников доходов в Хабаровском крае. С целью привлечения и увеличения потоков туристов используются дотации из края, а также грантовые средства. Под влиянием туристического бума облик села значительно изменился. Так на деньги грантов по 3-м программам Агентства США по международному развитию в селе были асфальтированы дороги и построено здание администрации, оснащенное коммуникациями. В нем разместились школа и музей. Для создания национального колорита коробки многих домов украшены амурской орнаментикой - стилизованными образами драконов, птиц, рыб. Размещенные на автобусной остановке большие деревянные фигуры повторяют образы нанайской культовой скульптуры.

В 2001 г. при содействии Минэконом развития в окрестностях Сикачи-Алян был создан эколого-туристический комплекс «Вэлком», предлагающий туристам обустроенные домики, экскурсии по петроглифам, блюда из национальной кухни, концертную программу по нанайскому фольклору. Помимо комплекса «Вэлком» в селе находится филиал Хабаровского музея им. Гродеково, для которого администрация края выделила помещение под музей в административном здании села. Имея культурно-просветительский статус, обе организации взимают экскурсионную плату с туристов, не прикладывая усилий к сохранению памятника. Специалисты из краевого НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры констатируют, что разрушение археологического памятника ускоряется под влиянием антропогенных факторов.

Коммерциализация историко-культурного объекта создала конфликтную ситуацию между представителями краевых властей и местным населением. Местные старожилы провели акцию с требованием прекратить массовое посещение территории туристами. Они сетуют на уготованную им роль «уборщиков» за каждым из посетителей памятной территории.

Встал вопрос об активном вовлечения жителей Сикачи-Аляна в миссию по охране местного историко-культурного наследия. На сегодня в селе высок уровень безработицы. Это провоцирует появление неорганизованных форм туризма. Многие из опрошенных считают, что ситуация может кардинально измениться, когда власти увидят сопричастность местного населения к этнокультурному памятнику. Это может решить экономические проблемы села и изменить микроклимат.

На сегодня культурно и научно-просветительскую миссию на себя готова взять школа. В программу обучения школьников с. Сикачи-Алян включено обязательное знание нанайского языка и овладение видами национальных ремесел, что служит базой воспитания нового поколения, сопричастного к истории и культуре родного края. Создание же в селе научно-исследовательского центра из привлеченных специалистов в области археологии, этнографии, экологии, фольклористики, истории может способствовать развитию культурно-познавательного туризма.

Список литературы

- Бельды Р.А.** Памятные места и этнокультурные памятники нанайцев // Записки Гродековского музея. – Хабаровск: Изд-во ХККМ, 2000. – Вып. 1.
- История и культура нанайцев.** – СПб: Наука, 2003. – 328 с.
- Лопатин И.А.** Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. – Владивосток: б.и., 1922. – 371 с.
- Меркушев И.** Путешествие в грозное царство Котлана и трех Кенгов. – Хабаровск: Изд-во «Риотип», 1999. – 144 с.
- Окладников А.П.** Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 2003. – 664с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 334 с.
- Смоляк А.В.** Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976.
- Соболевская Н.И.** Миры и памятники культурного пространства среднеамурской равнины // Проблемы изучения и популяризации традиционной культуры коренных народов Дальнего Востока России. – Хабаровск: Изд-во ХККМ, 1996.
- Чаадаева А.Я.** Древний свет. Сказки, легенды, предания народов Хабаровского края. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1990. – 240 с.
- Шимкевич П.П.** Материалы для изучения шаманства у гольдов. – Хабаровск, 1896. – Т.1, вып.2
- Штернберг Л.Я.** Гиляки, орохи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)

На протяжении всего периода этнографического изучения коренного населения предгорий Северного Алтая исследователями ставился вопрос о природе их родовой структуры. Длительное время считалось, что перед глазами исследователей XIX в. предстал первобытный род (*сеок – алт. кость*) таежных охотников и рыболовов. Однако уже в середине XX в. М.О. Косвеном [1963] была высказана мысль о патронимии как универсальной форме социальной организации. Алтайские *сеоки* рассматривались им как патронимии, аналогичные подобным организациям кавказских народов. В последние годы исследователями [Славин В.Д., Шерстова Л.И., 2008, С. 5 – 124] выдвигается идея вторичности алтайских родов, их консервации в результате административного устройства региона. Вопрос о природе родовой структуры кумандинцев, тубаларов и челканцев до сих пор остается открытым.

В настоящей работе нами предпринята попытка обобщения и анализа накопленного материала по проблеме. Источниковой базой для написания данной статьи стали полевые материалы автора, полученные в ходе этнографической поездки в с. Красногорское Алтайского края и с. Турочак Республики Алтай.

Перед тем как непосредственно перейти к рассмотрению вопроса о характере родовой структуры коренного населения предгорий Северного Алтая необходимо остановиться на понятиях: патронимия, род, вторичный род. Под патронимией М.О. Косвен [1963] понимал родственную группу, состоящую из больших и малых семей, сохраняющую в некоторых отношениях и формах хозяйственное, общественное и идеологическое единство и ведущую свое происхождение от одного общего реального предка. Исследователем отмечалось, что патронимия и род являются разными стадиями развития общества. В противоположность патронимии для рода как социального института характерно общественно-экономическое единство, коллективизм, тотемическое происхождение названия рода. Позднее появились иные трактовки патронимии: генеалогическое подразделение рода, община и т.д. [Батыянова Е.П., 2007].

В академической традиции род – это коллектив, принадлежность к которому определяется однолинейно (по отцовской линии) и внутри которого нормами экзогамии запрещены брачные связи [Свод..., 1986].

Формализованного определения вторичного рода в отечественной этнографии так и не было предложено. Но, из исследований Л.Ш.Шерстовой следует, что вторичный род – это искусственный конструкт, возникновение которого обусловлено длительным совместным проживанием представителей нескольких родов в рамках одной административно-территориальной единицы, что способствует формированию общего экзотонима и единой общности, на которую переносится часть признаков рода.

Основными характеристиками патронимии, как в принципе и рода, является общее название, совместные собрания, расселение и хозяйство, экзогамия, фиксируемые в той или иной степени до середины XX в. Интересно, что в с. Красногорском сохраняется отголосок давней традиции расселения. Одна из улиц села заселена сородичами, исчезнувшего уже с. Егона (улица расположена в той же стороне). При этом одна сторона заселена Сатлаевыми, а вторая Кухтуевыми (ПМА, 2008). В XX в. сохранились только отдельные элементы хозяйственного единства: помощь сородичей при сборе калыма, хозяйственная взаимопомощь. Несмотря на коллективизацию в 1930 – 1940-е гг. продолжали соблюдаться границы родовых угодий. По воспоминаниям информаторов, родовая гора рода кузен – Пастуг-эзен (Танжаковы), Салоп (Танжераковы, Трапеевы), Пежене-унде – родовая гора Сумачаковых (ПМА, 2008).

Важным признаком рода является его наименование. Этимология наименований многих *сеоков* северных алтайцев остается спорной. Проще обстоят дела с названиями челканских *кезеков* (*кезек* - порода, часть, отрезок), совокупность которых и образовывала *сеок*. Большая часть из них имеют характер прозвищ. Так, Кандараковы - «ак паши» (рано голова белела, белая голова), «колтач» (кол – руки, чач - драка), «кожсо» (песенники), Санжанаковы – «тельвеш» (молчуны), Сумачаковы – «нён-докой» (кривой заяц), Пустогачевы – «кызыл кос» (красные глаза) (ПМА, 2008). Во многом аналогично смысловое содержание имеют наименования подразделений *сеоков* у тубаларов и кумандинцев [Бельгибаев Е.А., 2003, С. 198-201; Потапов Л.П., 1972, с. 52-66.; Сатлаев Ф.А., 1974].

Возникновение названий *сеоков* уходит в глубину веков, а наименования *кезеков* и легенды, связанные с ними, сохраняются в памяти этнофоров старшего поколения до сих пор. Исследователи полагают, что *кезеки* формируются к XIX в. в результате роста численности или принятия пришлых групп в состав *сеоков*. На это указывает и то, что айльная или сельская община у кумандинцев складывалась во второй половине XIX в. При этом население аиля Ф.А. Сатлаев рассматривал как патронимию (ук).

У кумандинцев, тубаларов и челканцев, так и не появилось слова со значением «малая семья». Предлагавшиеся информаторами термины в той или иной степени синонимичны патронимии: «айыл», «чурт» («тюрт» или «дъурт» - поселение родственников, очаг), «кардышитыр» (челк.яз.: родня), «тип уде дъатен кижслер» (челк.яз.: в одной избе живут), «тилелю кижси» (туб.яз.: много людей) и др.

В современной кумандинской литературе также используется слово «чурт» [Тукмачев Л.М., 2005]. Это косвенным образом указывает на сохранение патронимий, а значит и больших семей, до второй половины XX в., когда процесс утраты родного языка достигает значительных масштабов.

Позднее естественный прирост населения способствовал выделению дочерних патронимий, сопровождавшийся созданием нового *кезека*, или сохранением целостности старого в условиях образования нового аила. Так, в с. Красногорском живет представительница «*сaldыт кезек*» (дослово: *солдатская порода*) образованного на рубеже XIX – XX вв. Родонаучальником его стал дедушка информатора Софронов Варлаам Кустаевич. Происхождение названия *кезека* информатор связывает с особенностями характера: дисциплинированные, суровые (ПМА, 2008). Реально за этим явлением стоит военное прошлое предков информатора, что отражено в метрической книге Макарьевского отделения Алтайской духовной миссии: в 1904 г. 6 ноября в возрасте 87 лет скончался отставной солдат-охотник из инородцев Шелканской волости с. Макарьевского Анфиноген Иванов Лоскутов (ЦХАФ АК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 649. Л. 70об.).

По материалам переписи 1917 г. можно проследить основателей некоторых аилов, живших на момент учета населения: Александр (возраст 100 лет) – Санькин аил, Филат (возраст 65 лет) – аил Пилат (ЦХАФ АК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 254, 389. Л. 6, 5).

По мнению Л.И. Шерстовой: *кезек* - основа организации традиционного комплекса жизнеобеспечения кумандинцев. Д.А. Функ прямо соотносит челканский *кезек* с патронимией. Представляется, что кумандинский и челканский *кезек* или подрод у тубаларов можно рассматривать как совокупность близкородственных патронимий.

Вхождение предгорий Северного Алтая в состав Российской империи положило начало складыванию экзотонимов и вторичных родов на основе административно-территориальных единиц. У кумандинцев сложилось два подобных социальных института на основе Нижне- и Верхне-Кумандинской волости: *орё-* и *алтына-куманды*, практически полностью заменивших структуру *сеоков*.

Несколько сложнее происходили аналогичные процессы в среде тубаларов и челканцев, у которых была заложена только основа вторичных родов (*тиргеш, комдоши, кузен, юс*). Административные преобразования 1912 – 1915 гг. затормозили данный процесс [Славнин В.Д., Шерстова Л.И., 2008, с. 5 – 124].

Последующие годы стали временем разрушения социальной структуры коренного населения предгорий Северного Алтая, подвергшейся консервации в предшествующий период со стороны государства. Втягивание в региональные миграционные процессы коренных жителей и приток переселенцев способствовали трансформации аильной общины в соседскую уже с конца XIX в. Перепись 1917 г. зафиксировала ситуацию, когда на в регионе не осталось практически не одногоmonoэтнического населенного

пункттай. Аильная община (например, а. Пилат Озеро-Куреевой волости) сохранилась только в черне.

Земельная реформа начала ХХ в. и коллективизация 1930-х гг. подорвали хозяйственную основу социальной организации коренного населения, способствуя в дальнейшем утрате или трансформации идеологических, брачных и иных связей. Ликвидация неперспективных сел в 1970-е гг. привела к миграции коренного населения за пределы традиционных территорий проживания.

Таким образом, социальная организация коренного населения предгорий Северного Алтая, «семейно-родственная» по характеру, представляла собой: вторичный род – *сеок* – *кезек* (несколько патронимий) – *айыл* (аильная община - патронимия). Род как таковой в XIX в., утратил свое социальное значение, став, наряду с другими структурами, основой формирования вторичных родов. Нивелирование роли вторичных родов к середине ХХ в. и патронимий к 1970-м гг. окончательно разрушило социальную организацию аборигенов. Создание в конце ХХ в. национальных стала попыткой замены утраченных социальных институтов с целью возрождения коренных этносов предгорий Северного Алтая.

Список литературы

Батьянова Е.П. Род и община у телеутов в XIX – начале XXI века. – М., 2007. – 395 с.

Бельгибаев Е.А. Структура рода туба // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово, 2003.

Косвен М.О. Семейная община и патронимия. – М., 1963. – 219 с.

Потапов Л.П. Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. М., 1972.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти ХХ в.). – Горно-Алтайск, 1974. – 199 с.

Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. – М., 1986. – 239 с.

Славин В.Д., Шерстова Л.И. Народы Северного Алтая: некоторые проблемы этногенеза и этнической истории // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. – СПб., 2008.

Тукмачев Л.М. Азбука кумандан: Учебное пособие для 1 класса начальной школы. – Барнаул, 2005. – 100 с.

Функ Д.А. Трансформация этнических идентификаций тюрков (аборигенов) юга Западной Сибири // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII - начала ХХ века. - Новосибирск, 2005. - 312 с.

ОБРАЗ ШИМЕЛДЕЙ В ФОЛЬКЛОРЕ ШОРЦЕВ*

Изучение шорской мифологии давно и плодотворно ведется отечественными исследователями. Но при всей разработанности этой тематики, традиционная демонология шорцев не получила должного освещения.

К числу популярных демонических персонажей шорского фольклора принадлежит образ Шимелдей – это своеобразная версия Бабы-яги, людоедки, обитающей среди душ мертвых. В героических сказаниях и сказках *Шимелдей/Шимельдайка/Шмелдей/Шебелдей* – существо подземного мира, живущая за пределами восьмидесяти (шестидесяти) слоев земли, и выбирающаяся в средний мир с целью нанесения вреда герою богатырю - *алыпу*.

Создавая образ Шимелдей, сказители (кайчи) часто наделяют ее гипертрофированными чертами. В записи сказания «Казыр Тoo» Шимелдей предстает огромной как черная тайга (заросшая черневым лесом гора) с рогами на голове: *До самой золотой двери растянувшись,/С рогами на лбу черная Шимелдей /Подобно черной горе стоит, оказывается.*

Сравнение с горами подчеркивает рост, величину и силу персонажа. Глобальные размеры в сочетании с коварством создают для богатырей зрителю опасность. Эпический образ Шимелдей, уподобленный огромным горам, корреспондирует с образами одушевленных гор-богатырей, действующих в легендах космогонического содержания. В них горы (неразрывно связанные с представлениями о предках) не только сражаются, они страдают, радуются, хитрят.

В этом контексте образ демонической героини сопоставим с архаичными образами героев-творцов мифической эпохи первотворения, участниками космогенеза. Шимелдей вооружена огромным девяностигранным посохом, который способен пронизывать миры. В рассказах шорцев «О появлении насекомых и пресмыкающихся» многочисленные насекомые, змеи и лягушки появляются из-под земли в том месте, где стоял этот посох.

Изображение Шимелдей имеет и антропоморфные и орнитоморфные черты. Интересно ее описание в сказании «Кан Мерген, имеющий старшую сестру Кан Арго» – *Черная Шебельдай, имеющая черный гребень.* Ее внешность, по версии сказителей (кайчи), напоминает птиц с хохолком.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00281а.

Характерная черта Шимелдей – рога, которые одновременно позволяют говорить о ее зооморфной природе и заставляют вспомнить о связи рогатых копытных животных с горными высями и водной стихией иного мира.

Шимелдей устрашающе воздействует на богатырей. Грозная и уродливая она является воплощением преисподней: *Из-под девяти слоев жезлного пола имеющая нос в девять саженей Железная Шибелдей вышла.* («Картыга Перген»); *Черная Шимелдей с рогами на лбу, живущая за пределами восьмидесяти слоев земли...* («Казыр Тoo»).

В сказании «Кан Перген» (в записи А.И. Чудоякова) *Кара Шмелдей* – Черная Шмельдей предстает в образе вооруженного подземного богатыря: *Свинцовоглазая Кара Шмелдей Силу тридцати богатырей имеет. Девятиранный посох [ее] Силу сорока богатырей заключает. Еще есть у нее дочь. Имеющая черного коня с шерстью, против шерсти расстущей...*

Обычно в эпосе Шимелдей изображается пешей. В более поздних сказаниях во время борьбы она перевоплощается в богатыря - всадника, конь которого обладает качествами, обратными реальным: *Имеющая черного коня с шерстью, против шерсти расстущей....*

Фантазия сказителей (кайчи) гиперболизирует силу и могущество Шимелдей с тем, чтобы ярче подчеркнуть бесстрашие *алыпов*, ведущих борьбу со злом. Основная цель Шимелдей состоит в уничтожении богатыря при помощи своего длинного носа, подобного штыку, или клюву, а также при помощи иглы или других подручных средств. Ее коварство заключалось в том, чтобы убить спящего героя: *Этот Картыга-Перген в великом сне (находится). Воспользовавшись [этим] его сном, Картыга-Пергена убью-ка я! ...Сколько было силы, сердце клюнула. Потом, клюв (свой) в сердце его погрузила и кровь сосала...* («Картыга Перген»)

В сказании «Кан Мерген, имеющий старшую сестру Кан Арго» *Кара Шебелдей* - Черная Шебелдей поднимается в средний мир для того, чтобы выйти замуж за земного богатыря – *Кан Мергена*. *Кара Шебелдей* вооружена медной иглой и действует больше хитростью, нежели силой. Она втыкает в плечо *алыту* иглу, от которой он теряет память и разум. Ей на какое-то время удается увести героя в свое подземелье и даже прижить с ним «подземного» («ненастоящего», по объяснению сказителя/кайчи) ребенка, который впоследствии гибнет от руки земного (истинного) сына *Кан Мергена*. *Кан Мергена* спасает богатырь из солнечного мира – *Кара Кылыши* - *Кара Кылыши* медную иглу вытащил, изломал и белую степь выбросил.

Демоническая природа Шимелдей усиливается ее оценочной характеристикой: *имя (честь и совесть) потерявшая*. В сказании «Казыр Тoo» герю не просто уничтожить *имя потерявшую, рогатую Кара Шимелдей*, т.к. она обладает колдовскими способностями и даже из-под земли угрожает ему. Во время схватки с Шимелдей богатырь *Казыр Тoo* совершает роковую ошибку. Оказывается, чтобы уничтожить ее, нужно бить не правой рукой (как это сделал *Казыр Тoo*), а левой. Сестра узнав о том, что *Казыр Тoo* ударил правой рукой очень огорчилась: *Имя потерявшую с рогами на*

лбу/Кара Шемелдейку за грудки /Левой рукой схватив, не стал бить, /Теперь, когда пойдешь по этой дороге/Больше назад не вернешься.

Отрицающая ценности среднего мира и имеющая неопределенный облик, Шимелдей живет в системе координат противоположной реальным - по отношению к ней правое заменяется левым. Левая сторона универсально связывается с подземным, чужим и опасным миром.

На хтоническую природу Шимельдей указывают и другие ее характеристики - желтый и черный цвета, железная или медная фактура, железный посох: *Имеющая нос в девять саженей Железная Шибелдей; Свинцово-глазая Кара Шмелдей; Старшая и младшая медные Шемельдеи*, и тд..

Если золото и серебро в тюркской мифологии универсально олицетворяют небесную сферу, то железо выступает как символ нижнего, подземного мира. Важнейшей семиотической функцией меди является ее связь с землей. Медь и медные вещи (например, игла) являются распространенными атрибутами хозяев земли и духов-предков. Простые и понятные образы, утилитарные и универсальные по своему семиотическому содержанию символы в рамках мифологической традиции воплощают представления о потусторонних силах.

Описывая Шимелдей, сказители (кайчи) выражают свое отношение к непознанному злу, приносящему беды и страдания, через актуализацию признаков безобразного и низменного. Изображение демонического существа используется в эпических сказаниях и героических сказках как олицетворение враждебного миру начала. Образ врага, кодифицированный фольклором, воспроизводится в мифологизированной, демонически-утрированной форме. Страшные, рогатые, коварные, злые, вооруженные посохом, уничтожающие земных алытов, Шимелдей подвергаются осуждению и уничижению.

В поздних версиях эпических сказаний («Чабал Кан Мерген») образ злодейки из нижнего мира приобретает курьезный характер и становится темой для насмешек: *Шимелдей, имеющая губы-ключ крохаля*. В богатырской сказке «Кара Меке» сказительница от имени богатыря изображает ее в самом неприглядном виде: *медно-желтую Чес Шимелдей какой-то алып головой вниз закопал. Две ноги болтаются. Между двумя ногами алыпы ходят, оказывается*.

В текстах современных сказителей Шимелдей изображается комический и часто высмеивается, но по-прежнему наделяется хитростью и уличается в связи с нижним миром: *Большая-малая медные Шемельдеи, В белой степи подобно белым камням сидят, но их поступки коварны, так как они хитростью связали и беспомощного бросили Чеппе Салгына в железную бочку, а затем столкнули ее в море, сказав: Когда доплыешь до места, где девять морей в одну соединяются, куда денешься, утонешь! («Чеппе сар аттыг Чеппе Салгын»).*

Чеппе Салгына освобождает одна из сестер - *глупая Кара Шимелдей, которую в девять обхватов не объять*, поверившая в его обещание же-

ниться на ней. Чудом спасшийся *алыт*, расправляетя со всеми обитательницами подземного мира: *К сорока небесам приподнял,/потом развернул и как опустил,/Хребет в девяти местах переломал.*

В поздних сказаниях исчезает непреодолимая грань между полюсами нижнего и среднего мира, между добром и злом: положительные герои превращаются в Шимелдей для того, чтобы совершать героические поступки. Так в сказании «Чабал Кан Мерген» *Чабал кан Мерген* и его невеста под личинами безобразных чудовищ совершают благие дела; а после свадьбы обретают свой прежний вид - *Чабал Кан Мерген* становится прекрасным богатырем – *Тогус чаштыг Кан Мерген*, а его жена *Шуш тунчыктыг Кара Шимелдей* – затмевающей солнце красавицей *Свидарыг*. В произведении «Чылан Точий» конь, чтобы спасти новорожденного мальши (наследника алыпов) превращается в *Сарыг Шимелдей*.

Поздние версии фольклорных текстов – сказания, сказки, легенды, былички - отличаются не только большой свободой авторских импровизаций, но и известной долей pragматичной рационализации – зло становится средством уничтожения зла, подобное уничтожается подобным. Однако новационные трактовки не могут затмить древних смыслов.

Образ Шимелдей, имеющий широкие аналогии в мифологических традициях тюрко-монгольских народов Центральной Азии, в своих истоках восходит к классу архаичных персонажей-кreatorов времен первотворения - амбивалентных по своим характеристикам. Они соразмерны миру и изначально соединяют в своем облике антропоморфные и зоо-орнитоморфные черты, женское и мужское начала, созидательные и разрушительные функции. Природу этих персонажей описывает принцип универсального космизма, продолжающийся в образах хозяев-гор и верховных богинь, которые являются верящим в них то свое низменное – хтоническое, то светлое – благодатное естество.

Список источников

«Чаш Салын» (аудиозап., расшифровка перевод Л.Н. Арбачаковой, кайчи Таннагашев В.Е.)

«Чылан Точий» (аудиозап., расшифровка перевод Л.Н. Арбачаковой, кайчи Таннагашев В.Е.)

«Казыр Тоо» (аудиозап., расшифровка перевод Л.Н. Арбачаковой, кайчи Таннагашев В.Е.)

«Чабал Кан Мерген» (аудиозап., расшифровка перевод Л.Н. Арбачаковой, кайчи Таннагашев В.Е.)

«Чеппе сар аттыг Чеппе Салын» (аудиозап., расшифровка перевод Л.Н. Арбачаковой, кайчи Таннагашев В.Е.)

ПОВОЛЖСКИЕ НЕМЦЫ В КУЛУНДЕ: ПРАКТИКА ДОМОСТРОЕНИЯ (1940-1960-е ГОДЫ)

Культура поволжских немцев начала ХХ в. представляла собой этнографический парадокс, поскольку модернизация традиционных технологий жизнедеятельности и жизнеобеспечения была обусловлена традицией. В 1941 г. с началом Великой отечественной войны перспективы развития этой культуры были поставлены под сомнение в связи с насильственным переселением немцев из Поволжья в азиатские регионы Советского Союза, в том числе в Кулундинские степи Новосибирской области и Алтайского края.

Прибывшие в сентябре-октябре 1941 г. в села Кулунды немцы накануне депортации проживали в заволжских, «луговых» колониях, возникших в результате вторичной аграрной миграции 1870-1890х гг. [Герман. 1994. С. 361, 365]. Хозяйственная деятельность поволжских немцев основывалась на высокотоварном земледелии, с наличием развитого ремесленного производства и промышленной переработки сельскохозяйственного сырья.

Сёла поволжских немцев были крупными, с населением не менее тысячи человек. Планировка поселений в большинстве случаев была уличной, в крупных населённых пунктах, например, Мариентале (5385 человек) преобладала квартальная застройка [Герман. 1994. С. 249].

Дома, в которых до депортации проживали поволжские немцы, делятся на два типа. Это деревянные: «дом из двух связей» («саксонский») и «крестовый», реже – «пятистенок» («франконский»), а также их саманные варианты, преобладавшие в Заволжье. «Застройка “дочерних” поселений в волжском Левобережье примечательна собственными строительными шаблонами, сооружением сырцовых (саманных) жилых домов. Поздний (1850-е – 1860-е гг.) возврат к этой технологии был вынужденным: в глубине заволжских степей каждая доска была привозной, поэтому колонисты покупали на волжских пристанях лишь необходимый минимум материалов... Глина же добывалась непосредственно в сёлах, по берегам малых рек...» [Терехин. 1999. С.167]

Кулундинская степь – район Западной Сибири, ставший в ХХ в. центром аграрной колонизации национального масштаба. Население Кулундинской степи первой трети ХХ в. было занято в товарном земледелии и мясо-молочном скотоводстве, носившим подсобный характер. Деревянными домами в условиях Северной Кулунды обладали, по преимуществу, старожилы-«чалдоны». Высокая стоимость привозного леса обусловила

обращение аграрных переселенцев к изготавлению строительного материала из грунтового сырья (производство саманного кирпича, использование пластов дёрна), к актуализации (украинские и немецкие колонисты), либо заимствованию (поселенцы-великороссы) технологий литья и плетения при постройке жилых и хозяйственных сооружений.

Каждый кулундинский район осенью 1941 г. принял по 500-540 семей немцев Поволжья (2300 – 2500 человек). [Герман. 1994. С. 366-367] Расселение вынужденных мигрантов производилось дисперсным образом (от 2 до 12 семей на населённый пункт). Один-два поволжских колхоза распределяли на 40-50 колхозов района вселения.

Депортированные поволжские немцы стали объектом советских аграрных экспериментов и насильственной трансформации различных сфер сельской жизни в той же степени, что и остальное российское крестьянство. Они были несвободны, как и местные колхозники. И те, и другие почти ничего не получали на трудодни, принудительно подписывались на займы, выполняли план при отсутствии основных работников, мобилизованных государством, и не могли покинуть район проживания без санкции начальства. Однако жизнь поволжских немцев была отягощена последствиями депортации и антинемецкой пропаганды, а также призывом осенью 1942 г. женщин трудоспособных возрастов.

Поволжские немцы, принадлежа к лучшим крестьянам России начала XX в., были обречены на презрение, нищету и сиротство в местах ссылки, либо на изнурительную работу в трудармии. Следствием этих и ряда других факторов становилась архаизация их изначально высоко технологичной модернизированной аграрной культуры, частью которой являлись практики домостроения.

В Сибири депортированных немцев ожидало ветхое жильё, оставленное хозяевами (местные жители не понимали, почему новосёлы должны жить лучше старожилов), а чаще – подселение в домик - *пластянку* (полуземлянку со стенами из пластов дерна) или саманную избушку, в семье многодетных местных крестьян. Хуже всего было тем, кого селили в Дома культуры – как правило, ветхие саманные сараи, зачастую без печки.

Первым отдельным жильём ссыльного поволжского немца на кулундинской земле стала *пластянка* - полуземлянка из пластов дёрна, крытая камышом и обмазанная местной глиной-«беляком». Как правило, площадь такого жилища составляла не более 18 кв. метров; возводилась *пластянка* «помочью» (коллективной помощью) за день работы.

Для поволжско-немецких семей в 1942-1944 гг. серьёзным достижением являлось вступление в местный колхоз: т.к. колхозная администрация предоставляла жильё, землю под огород и тягло для её обработки. «Добрые председатели», согласно устной традиции, не дали «пропасть с голода» основной массе ссыльного, депортированного и эвакуированного населения кулундинской деревни – семьям, лишенным кормильцев и находящихся до 1944 г. под фрагментарной опекой государства.

Более обстоятельному обоснованию поволжского немца на сибирской земле вплоть до середины 1950-х гг. препятствовала нищета. Для большинства информантов процесс обеспечение домохозяйства картофелем, появление личного скота и индивидуальной зимней одежды начался в 1948-1949 гг., когда из трудармии начали возвращаться мужчины, а поволжские немцы начала 1930-х гг. рождения достигли возраста работников.

«Целинные» инициативы Советского государства 1950-х гг. и отмена спецпоселения дали возможность проявить себя и заработать специалистам – агрономам, трактористам, зоотехникам из числа депортированных, занятых ранее на «разных работах». Однако, первые «немецкие дома» и усадебные комплексы, ставшие символом поволжско-немецкого присутствия в северокулундинских деревнях, появляются лишь в начале 1960-х гг.

Протяженность периода становления «немецкого» домостроения в Кулунде была обусловлена рядом причин, в том числе неполной реабилитацией поволжско-немецкого населения СССР. Информанты 1920-1930-х гг. рождения упоминают о нежелании родителей оставаться в Сибири. Зрелым и пожилым людям языковая адаптация в русскоязычных сёлах давалась тяжело, публичное общение на немецком осуждалось, унижения от переносились болезненно. Поколение сорока-пятидесятилетних, прошедших депортацию, боялись быть немцами, а другими быть не могли. Кроме того, хорошо знакомые с конфискационными практиками, люди страшились прослыть зажиточными. Жилищем немцев в кулундинских сёлах долгое время оставались ветхие саманные избушки на низинных участках, за бесценок отданые местным населением.

Создание поволжско-немецких усадеб на территории Северной Кулунды в начале 1960-х гг. оказалось возможным силами 30-летних людей, интегрированных в культуру предков, и в культуру сибирского села (при постройке домов «помочь» им оказывали и немецкие родственники, и русские соседи). Строители «немецких домов» были профессионально и социально состоявшимися людьми. Это поколение поволжских немцев твердо помнило, что настоящий дом – четырехкамерная постройка: Kichstub, Saale, SchloffstStub, Kinderstub.

Итогом этнокультурной адаптации поволжских немцев в условиях Западной Сибири стало оформление специфического хозяйственно-культурного комплекса в пределах домохозяйства-усадьбы – «немецкого дома». На территории Кулундинской степи жилище поволжского немца 1960-х гг. представляло собой «крестовый» дом из местного строительного материала – «камышита» с четырёхскатной крышей – результат заимствования, синтеза и рационализации строительных технологий славянского населения. Традиционной (разомкнутое на улицу каре) осталась планировка надворных построек с обязательной летней кухней. Во всём остальном «немецкий дом» повторял хозяйственный опыт групп коренного земледельческого населения. Дом немца превосходил жилище славянина-соседа

размерами (в среднем – 80 кв.м. против 50-60 кв.м.), качеством благоустройства и текущим обслуживанием.

В эстетическом отношении фасад «немецкого дома» уступал убранству славянского жилища. Наружные дощатые стены и палисадник покрывали синей, либо зелёной краской, наличники украшал простой геометрический орнамент. Декор «немецкого дома» традиционно дополняли «фасадные дощечки», извещавшие о несении домохозяином каких-либо обязанностей перед сельским обществом. Подобные дощечки когда-то вывешивались на домах в Поволжье. В отличие от прототипа, фасадные доски в сибирских селах содержали одну и ту же надпись: «Дом образцового порядка».

В определенном смысле образцовый «немецкий дом», можно рассматривать как знак немецкого этнокультурного присутствия на территории Западной Сибири, один из способов преодолеть последствия принудительной миграции, сказать государству и соседям «Я есть».

Бывшие спецпоселенцами, поволжские немцы ориентировались на существование в рамках переселенческих сообществ. В реальных условиях кулундинского полигэтнического села модернизированные элементы традиционной поволжско-немецкой культуры постепенно утрачивали роль этнических маркеров, превращаясь в элементы маргинализованного сельского быта. Сыграли свою роль и темпы советской модернизации сельской жизни: кулундинскому крестьянину в 1970-е гг. стало выгоднее и проще «получить» готовый «колхозный» дом, чем возводить нечто самобытное. Но вместе с тем, во второй половине XX в. локальные культуры российских немцев, лишенных доступа к образовательной вертикале, публичного использования языка и представительских институтов, всё меньше помогали адаптироваться в возрастающем информационном потоке урбанизированного советского общества 1960-1970-х гг. Немецкое сообщество Западной Сибири, оставаясь преимущественно сельским, сохраняло многие поведенческие и бытовые стандарты, в том числе и в сфере обустройства дома.

Список литературы

Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918-1941. – Ч.2. Автономная республика 1924-1941. – Саратов, 1994.

Терёхин С.О. Поселения немцев в России: Архитектурный феномен. – Саратов: Кадр, 1999.

Хозяйство и быт немцев Поволжья. Каталог. – М., 1997.

**СТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ**

Термин «кустарные промыслы» используется для определения мелкого производства изделий на продажу. Существенным признаком кустарного производства считается соединение его с земледелием. Механизм развития кустарных промыслов сводится к эволюции от домашнего производства для нужд семьи, через ремесло по заказу, к кустарному промыслу. [Колкотин, 1905; Андреев, 1882; Исаев, 1896].

Полагают, что факторами, повлиявшими на повсеместное формирование на основе ремесленных и культурных традиций регионов кустарных промыслов, являлись урбанизация, наличие сырьевых ресурсов, условия рискованного земледелия, избыток рабочих рук в аграрном секторе, малоземелье, расширяющийся потребительский спрос (сельский, городской, правительственные заказы), воздействие системы крупнопромышленного производства [Тарновский, 1995]. Мощным стимулом в развитии кустарной промышленности в России стала реформа по отмене крепостного права, изменившая социально-экономический и культурный облик русской деревни.

С середины XIX в. Министерство государственных имуществ России проводило политику активной поддержки кустарных промыслов. Были созданы Кустарный комитет, Торгово-промышленный музей кустарных изделий. В конце XIX – начале XX вв. появляется понятие «художественная промышленность» в отношении отраслей кустарных промыслов, развитие которых обуславливалось наличиями народных художественных традиций, изменениями социально-бытового уклада общества, его культурных потребностей, растущим влиянием городской среды.

С конца XIX в. синкретизм и традиционность русского крестьянского искусства с его обязательным утилитарным характером, привязанностью к хозяйственной практике и природным условиям, с навыками коллективного творчества постепенно уступали место новым явлениям. В социально-экономических условиях пореформенной России крестьянское искусство развивалось в рамках кустарных художественных промыслов. На конец XIX в. приходится время их становления и расцвета.

Изделия промыслов, утверждая художественные идеалы русского народа, формировали новый облик народного искусства. Развитие кустарных

промышленов в России сопровождался общими реформационными процессами в политической и художественной жизни. Сложилась ситуация, особенностью которой стала актуализация поиска национального своеобразия и внимание к традициям, в том числе и художественным, народов России.

В рамках общероссийских процессов социально-экономическое и культурное развитие Сибири во многом определяли те же тенденции. К началу ХХ в. хозяйство Сибири имело преимущественно аграрную ориентацию. С XIX в. в Сибири расцветает ярмарочная торговля. Однако трудности экономического роста региона были связаны с низкой плотностью населения, отсутствием широкого внутрисибирского рынка, в условиях конкуренции с товарами из европейской части и Урала, со слабой транспортной и административной инфраструктурой, с отставанием промышленного производства в Сибири от сельскохозяйственного. В контексте общероссийской экономической политики Сибирь рассматривалась преимущественно в качестве сырьевой базы [Винокуров, 1996].

Появление Транссибирской магистрали способствовало разложению натурального хозяйства, росту товарности земледелия и животноводства. Значительное влияние на развитие региона оказал рост народонаселения, особенно в конце XIX в. в Томской губернии. В Сибирь прибывали переселенцы, нуждающиеся в орудиях труда, транспорте, домашней утвари, обуви, одежде. Кроме того, это были люди с определенным производственным опытом, трудовыми навыками, этнокультурными традициями и запросами.

Увеличение производства сельскохозяйственного сырья, появление очагов промышленности, рост городов, развитие товарно-денежных отношений влияли на крестьянские промыслы Сибири. Массовое их возникновение отмечается исследователями в 1880-е гг. особенно вокруг городов, которые тянулись вдоль сибирского Московского тракта: Тобольск, Тюмень, Ишим, Томск, Енисейск, Красноярск Иркутск, Омск, Петропавловск, Барнаул.

Самым крупным в Сибири был тюменский кустарный район. Богатые природные ресурсы, речные и трактовые торговые пути связывали Тюмень с европейской Россией, южными и восточными округами Сибири. Недостаток плодородных почв, суровые климатические условия способствовали обращению населения к промыслам: кожевенному, ковровому, деревообрабатывающему, к изготовлению деревянной посуды, гончарных изделий и др. [Соловьева, 1981].

Многие села превращались в торгово-промышленные поселения, специализировались на производстве одной и той же продукции. В XIX в. тюменские ворсовые и гладкие ковры из овечьей и коровьей шерсти изготавливались на продажу и имели большую известность не только по Сибири, но и в Европейской части. Придавая большое значение искусству тюменского ковроткачества, проявлению в нем традиций народного мастерства, председатель Русского географического общества П. Семенов, руководив-

ший выбором экспонатов по окраинам России для Всемирной парижской выставки 1900 г., просил прислать из Тобольской губернии не менее 20 тюменских ковров. Один из них, получил на выставке Большую Золотую медаль [Соловьева, 1981; Витовтова, 1998].

В Тобольском, Туринском, Тарском округах базой для развития промыслов служили потребности Тобольска, Московского тракта, близость Ирбитской ярмарки, уральских заводов. Основной отраслью крестьянской промышленности в этих районах была деревообработка, а также выделка оленевых мехов, кожи, шитье рукавиц.

Растущие потребности городского населения стали условиями, которые позволили традиции резьбы по мамонтовой кости у коренных народов Севера (ханты, манси, ненцы) стать основой для развития промысла резьбы по кости в Тобольске. Благодаря усилиям художника М.С. Знаменского и И.Е. Овешкова в Тобольске в 1860-1870-е гг. появляются частные мастерские, работающие на рынок. Для участия в Нижегородской выставке 1896 г. ими было подготовлено более 300 изделий [Давыдов, 1954].

Значительный центр кустарной промышленности сложился также к 1880-м гг. вокруг г. Томска [Соловьева, 1981].

С конца XIX в. экономический подъем Сибири вызвал просветительское движение за преобразование некогда окраин России. Идея региональной специфики, в том числе и в области искусства, возникла в конце XIX в. и продолжала волновать сибиряков вплоть до 1930-х гг.

В русле общероссийских тенденций культура и искусство Сибири стали предметом специальных исследований широкого круга чиновников, промышленников, краеведов, художников, ученых. В стенах сибирских музеев стали формироваться коллекции предметов культуры сибирских народов. Художники и ученые края пытались использовать наследие коренного населения для прикладных разработок с целью преобразования глухой провинции в один из культурных центров огромного государства.

В России конца XIX – начала XX в. предпринимались огромные усилия по организации кустарной промышленности, ориентированной на художественные традиции народов страны. Министерство имуществ России поощряло экспедиции, исследования, сборы материалов, направленные на развитие народных художественных прикладных центров. Итоги работы в этом направлении были подведены на I Всероссийской кустарной выставке 1902 г.

В конце 1902 г. в целях развития кустарных промыслов в Томской губернии были открыты учебно-показательные мастерские по ткацкому, тележному, столярно-мебельному производству, а также по сельскохозяйственному машиностроению. А затем в 1911 г. постановлением Главного управления 1911 в Томске был учрежден Губернский кустарный Комитет. По Положению о Томском Губернском кустарном Комитете в его задачи помимо прочего входило также: сортирование и разработка статистико-экономических сведений, относящихся к местным кустарным промыслам для

выяснения условий их существования и их нужд; осуществление мероприятий по развитию существующих и насаждению новых кустарных промыслов; принятие всякого рода мер к развитию местных кустарных промыслов в техническом, художественном и экономическом отношениях [ГАТО].

В 1913 г. состоялась II Всероссийская кустарная выставка. В ходе ее работы была отчетливо обозначена перспектива развития народных промыслов в различных регионах России, в том числе и в Сибири. Но в силу особенностей края, процессы трансформации художественных традиций и формирования художественных промыслов здесь шли медленнее и имели специфические особенности. Крестьянская промышленность Сибири, сохранив традиции коллективного творчества и ремесла, продолжала удовлетворять утилитарным потребностям повседневной жизни. Развитой специализации по производству художественных изделий для широких слоев населения в Сибири (за исключением Тюменского ковроделия и Тобольского косторезного промысла) в начале XX в. не было. Причинами были: отсутствие устойчивого массового спроса на художественные декоративные вещи, сохранение нерасчлененности искусства русского крестьянского и аборигенного населения с сакральной и утилитарной сферами; узость и социальная ограниченность поисков национального (регионального) своеобразия.

Список литературы и источников

- Андреев Е.Н.** Кустарная промышленность в России. СПб., 1882. С. 162.
- Винокуров М.А.** Сибирь в первой четверти ХХ в. Освоение территории, население, промышленность, торговля, финансы. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1996. 188 с.
- Витовтова Г.И.** Сибирские ковры и ковроткачество в XIX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Барнаульского педуниверситета, 1998.
- Давыдов И.** Тобольские косторезы. Тюмень, 1954. 72 с.
- Исаев А.А.** О кустарном комитете по содействию кустарной промышленности. СПб., 1896.
- Колкотин А.** Кустарный вопрос в России. Опыт объективного исследования. СПб, 1905.
- Попова О.С., Каплан Н.И.** Русские художественные промыслы. М.: Легкая и пищевая пром-сть, 1984. 192 с.
- Соловьева Е.И.** Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск: Наука, 1981. 327 с.
- Тарновский К.Н.** Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М: Наука, 1995. 269 с.
- ГАТО** ф. 102, оп. 1, д. 519, С. 1-5.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ И РЕСПУБЛИКИ ТЫВА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВ

В результате реформ 1990-х гг. субъекты РФ, в том числе и республики Южной Сибири, обрели право на собственную конституцию, государственную символику и другие атрибуты государственности. В создании проектов гербов и флагов активное участие принимала творческая и научная интеллигенция нового поколения.

В Республике Алтай особое внимание в этой связи было уделено героическому прошлому алтайцев – традиции современной государственности удревнялись. История Алтая в своих истоках связывалась в местной прессе и публицистике с носителями пазырыкской археологической культуры [Адаров А., 2000, с. 5].

Согласно постановлению Президиума Республиканского совета народных депутатов, была создана конкурсная комиссия по рассмотрению эскизов атрибутов государственности Республики Алтай (РА) [Какой быть..., 1992, с. 1]. Граждане Алтая проявили высокую активность в ходе обсуждения новых символов. Наиболее часто встречались образы горы Белухи – Уч Сумер, изображения марала, образы растительного мира Алтая (ветви кедра, золотой корень, кандык), образы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле (грифон, олень). Во многих проектах использованы идеи Н.К. Периха и Г.И. Чорос-Гуркина [Там же, с. 2]. Авторы разработок государственной символики рассматривали Алтай как особое место, являющееся прародиной тюркоязычных народов. Из множества поступивших проектов комиссия выбрала к рассмотрению три варианта герба с изображением грифона, держащего в клове голову марала, грифона, летящего над горами, и голубого волка [Там же].

В результате конкурсного отбора в октябре 1993 г. Верховным Советом РА были приняты «Концепция герба Республики Алтай» и «Положение о государственном гербе Республики Алтай». По мысли разработчиков герба, он должен был выражать «суверенитет республики, исторические традиции, особенности территории» [Адаров А., Бедюров Б., Ортанулов И.].

В трактовке А. Адарова, Б. Бедюрова, И. Ортанулова предлагаемый вариант герба олицетворяет собой «образ, характерный для наиболее совершенной по своим художественно-стилистическим формам культуры – общей для всех народов Евразии, как кочевого, так и земледельческого круга Древней Скифии».

Центральный образ герба – грифон. По замыслу его авторов, изображение Кан-Кереде (грифона), отражает самобытную культуру края, подчеркивает связь с носителями скифской культуры, поскольку еще в трудах Геродота грифон описан как птица, стерегущая Алтай и его богатства [Там же]. Согласно интерпретации создателей, грифон несет благородную миссию: он является ипостасью священной солнечной птицы жизни, оберегающей мир и счастье народов родной земли, а также покровительствующей природе.

Символизация на основе мифологизации неизбежно сопровождается архаизацией и иррационализацией массового, в том числе и политического, сознания. Так, например, на уровне государственного собрания – Эл Курултая РА обсуждалась «виновность» грифона, изображенного на гербе республики, в социальных и экономических проблемах. Грифон, по мнению некоторых депутатов собрания, является представителем потустороннего мира, поэтому он навлекает на Алтай беды и несчастья [Алтай ..., 1999, с. 3]. Подобные примеры, демонстрируя отсутствие понимания различий между символом и реальностью, которую он обозначает, переводили политический дискурс в мифологическую плоскость.

Не менее остро на Алтае обсуждались проблемы флага республики. Основными символами, представленными разработчиками эскизов, являлись элементы природного ландшафта Республики Алтай – изображения рек, гор, Телецкого озера, призванные олицетворять красоту, первозданную чистоту этой земли [ГАРА. Ф. Р-690. Оп. 4. Д. 4. Л. 3]. Рассматривались в роли государственных символов и элементы традиционной культуры алтайцев, образы, принадлежащие духовной культуре.

В 1993 г. в качестве государственного флага Республики Алтай утвердили вариант, который представлял собой прямоугольное полотнище из четырех горизонтальных полос белого и голубого цветов. Тема единства народов, дружбы в государственном флаге Республики Алтай является главной. Одновременно разработчики заложили в концепцию проблему возрождения традиционной культуры алтайцев, обращения к древней истории края.

Анализ проектов государственных символов и официальной версии толкования образов показывает, что при помощи государственной символики формируется символический текст современной политической мифологии.

Попытка оценить компетентность молодежи, выявить собственную трактовку государственных символов РА определили содержание авторского опроса, проведенного в 2007 г. в столице республики. Опрос показал, что учащиеся Республиканской национальной гимназии им. В.К. Плакаса разбираются в символах, выбранных для государственного герба и государственного флага Республики Алтай, и высоко оценивают их значение – «герб Республики Алтая самый красивый и оригинальный».

При этом, изображая государственную символику, школьники имеют собственную трактовку основных образов. Герб и флаг Республики Ал-

тай, по мысли учеников, олицетворяют свободу и независимость алтайского народа, его мощь, силу и величие; геральдические символы обозначают союз двух легендарных народов – алтайцев и русских. Центральный образ – грифон является, по версии учеников, оберегом Алтая: мифический зверь охраняет сакральный Алтай от бед и нападок врагов. Также грифон символизирует ум, смекалку и могущество своего народа. Согласно мнению опрашиваемых, в современных геральдических символах выражена идея процветания Алтая в будущем. Цветовое решение государственных символов, по оценке респондентов, выбрано не случайно. Цвета обозначают свободу, чистоту и спокойствие республики, напоминают о ее уникальной природе и о необходимости ее защиты.

Будучи новациями, символы Республики Алтай, например грифон, органично вписываются творческими кругами в мифологические построения на тему древности происхожденияaborигенных этносов Южной Сибири, а также в сюжеты по поводу особенного вклада их предков в общемировую культуру.

Образ героического прошлого, сакральность территории проживания, особая этническая культура, вера, общность происхождении и родство современных тюркских народов мира определяют парадигмы современного символического творчества в РА, которое развивается в контексте создания национальной государственности.

Разработки в области гербоведства в Республике Тыва (РТ) также являются частью процесса государственного строительства. В качестве центральных образов, использованных для государственного герба РТ, выбраны символы, присутствовавшие на гербе и флаге Тану-Тувинской Народной Республики 1933–1944 гг.

Главный символ Государственного герба РТ – скачащий на лошади всадник. Всадник представлен в национальном костюме – шубе «тон» и в традиционном головном уборе. Согласно официальной версии, зафиксированной в Конституции РТ, этот образ отражает самобытный характер тувинского этноса, традиционный уклад жизни местного населения, а также хозяйствственный уклад тувинцев, присущий им на протяжении многих веков [Государственный герб РТ]. Изображение всадника, скачащего навстречу золотым лучам солнца, символизирует движение к светлой и счастливой жизни, миру, высоким идеалам.

Еще один символ, выбранный для государственного герба РТ, – лента «кадаак» – церемониальный шарф – выражает гостеприимство и дружелюбие тувинцев. Пятилепестковое обрамление герба – это стилизованный буддийский знак вечности [Там же]. Не случайным является, по замыслу герботовцев и цветовое решение государственного герба и государственного флага. Для государственных символов РТ выбрано три цвета: белый, голубой и золотой. Золотой цвет обозначает богатство, верховенство, величие; голубой – чистое небо, возвышенность целей, взаимоуважение и согласие в обществе; белый – чистоту и благородство общественной морали. Последний также

символизирует традиционный напиток тувинцев — чай с молоком, который преподносят гостю, когда он входит в дом [Там же].

Тувинская молодежь, согласно опросу, проведенному в Тувинском государственном университете в 2006 г., проявляет знание государственных символов РТ: 90 % опрошенных изображают герб и флаг республики, предлагая свою трактовку геральдических образов. Всадник на коне в национальной одежде обозначает, по мнению респондентов, традиционную культуру тувинцев, кочевое прошлое тувинского народа, его свободу. Всадник — это символ вольности, мужества, мудрости местных жителей. То, что он мчится к солнцу, обозначает устремление тувинцев в будущее, к прогрессу. Герб РТ, по оценкам молодежи, также показывает то, что это страна Востока. Цвета, выбранные для герба, обозначают, в представлении молодежи, веру тувинцев (желтый), гармоничную природу, воды Енисея и небо (голубой).

Освоение символов населением РТ с позиций традиционной культуры подчеркивает их этнодифференциирующую и консолидирующую функции. Государственные символы акцентируют религиозную идентичность коренного населения региона. При сохранении сильных позиций шаманизма, государственная элита постулирует приоритеты буддизма. В геральдическом творчестве республики также видно стремление ее разработчиков подчеркнуть ценности традиционной культуры тувинцев, факт наличия государственности в прошлом, а также причастность к азиатскому сообществу.

В современных условиях процесс создания государственной символики Республики Алтай, Республики Тыва является отражением поиска культурных и политических приоритетов для формирующихся государственных образований. Геральдическое творчество переходит из плоскости символической в плоскость политическую; и символическая элита республик с успехом выполняет свою задачу по распространению и систематизации этнонациональных символов и мифов.

Список литературы и источников

Адаров А. К возвращению укокской принцессы // Звезда Алтая. 2000. № 118.

Адаров А., Бедюров Б., Ортонулов И. Концепция Герба Республики Алтай // Архив Республиканского национального музея им. А. В. Анохина. Ф. № 10578.

Алтай предо мною. // Хакасия. 1999. № 151.

Государственный герб Республики Тыва. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geraldika.ru/symbols/389>. (24.04.07).

Какой быть государственной символике? Конкурс продолжается // Звезда Алтая. 1992. № 149.

Положение о государственном гербе Республики Алтай // Архив Республиканского национального музея им. А.В. Анохина. Ф. № 10578.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.Г. САФЬЯНОВА

Рубеж XIX – XX веков - это особенный период в истории Тувы, когда происходят крупные изменения в политической, экономической, культурной жизни народа. Наблюдается слом традиционных культурных ценностей и им на смену приходят новые, обусловленные тесным взаимоотношением с русским населением. Происходит адаптация как тувинцев, так и русских к новым условиям жизни. Особую роль в сближении двух народов сыграл Иннокентий Георгиевич Сафьянов.

И. Г. Сафьянов был заметной фигурой в общественной, политической и культурной жизни Тувы. Он родился в Минусинске в семье известного купца и золотопромышленника. Отец И.Г.Сафьянова отличался либеральными взглядами, проявлял живой и деятельный интерес к культурной жизни края. Его дом был клубом для ссыльной интеллигенции. Он оказывал всяческое содействие в открытии музея в Минусинске, материально поддержал экспедиции по изучению Тувы.

В становлении молодого Иннокентия Сафьянова большую роль играло демократическое крыло сообщества политических ссыльных Енисейского края. Отправленный в Красноярскую гимназию, уже в 5 классе он попал в число политически неблагонадежных учеников; в 15 лет был исключен из учебного заведения и выслан с вольным билетом под надзор родителей. Отец, напуганный таким оборотом дела, решил отправить его в Туву, в одну из своих факторий. С тех пор его судьба оказалась связанной с Тувой. По мысли отца, живя с его консервативными приказчиками, Иннокентий должен был избавиться от «крамольной заразы», но вместо этого И. Сафьянов развернул среди них активную пропагандистскую деятельность.

В Туве И. Сафьянов жил подолгу. Изъездил её вдоль и поперек, овладел тувинским и монгольским языками, хорошо знал жизнь и быт местного населения. Находясь среди тувинского народа, он постепенно стал одним из лидеров национально-освободительного движения в крае. Отец пытался приобщать его к торговым делам, но безуспешно. Иннокентий не считался с торговыми интересами своей семьи. Известны случаи, когда он бесплатно раздавал тувинцам муку и уничтожал долговые расписки.

В 1911 г. И. Сафьянов покинул Туву, и некоторое время служил contadorщиком в г. Томске, но уже в следующем году вернулся обратно. В 1913 г.

умер его отец Георгий Сафьянов, оставив большой долг, на уплату которого ушли золотые прииски, принадлежавшие семье.

Далее начался период активной общественно-политической деятельности И. Сафьянова. Нужно сказать, что и ранее он не оставался в стороне от нее. Еще в 1905 г. он, вместе с ссылыми, организовал в Минусинске первую демонстрацию, разогнанную жандармами. В 1906-1907 гг. активно работал в подполье. В 1914 г. краевой съезд русской колонии в Туве избрал его председателем краевого земства. В это же время на его личные средства минусинская ссылка издавала газету «Минусинский листок» и он являлся одним из её редакторов.

Помимо политических статей, И. Сафьянов печатал художественные и публицистические материалы о Туве, желая привлечь внимание общественности к тяжкой доле аратов. Часто организовывал «тувинские» вечера, на которых выступал вместе с самодеятельными артистами из Тувы, исполнявшими песни в сопровождении наигрышней на национальных музыкальных инструментах. В 1916 г. за критику действий царских чиновников в Туве он был выслан из пределов Тувы в Енисейскую губернию, а в декабре 1916 г. его заключили в одиночную камеру минусинской тюрьмы, из которой он был освобожден уже после событий Февральской революции 1917 г.

Некоторое время И.Г. Сафьянов работал в Туве в качестве комиссара Временного правительства. Он сыграл большую роль в революционных преобразованиях в крае. Позже уже как член Минусинского уездного комитета большевиков, член исполкома Совета, а позже – представитель Сибревкома и Енисейского губисполкома в Туве он участвовал в подавлении контрреволюционных мятежей, в решении вопроса о национальном самоопределении тувинцев, регулировании взаимоотношений тувинского и русского населения.

Итогом его деятельности стало провозглашение независимой республики Тану – Тува с первой в ее истории конституцией. Республика была провозглашена в августе 1921 г. на съезде тувинского народа, собранном и подготовленном И. Сафьяновым.

Помимо своей общественно-политической работы, он внес существенный вклад в изучение Тувы. Большое влияние на него оказала встреча с Ф. Я. Коном (1864-1941) - общественным и политическим деятелем, историком, этнографом, публицистом. Их встреча состоялась в Минусинске. Под влиянием этого выдающегося исследователя Сибири И. Сафьянов стал пробовать свои силы в краеведении. Его рукописный труд «Тува в прошлом и настоящем: художественное творчество тувинского народа» был посвящен различным аспектам жизни тувинцев.

В начале XX в. он собрал и пересказал многочисленные легенды и предания тувинцев, в виде кратких очерков представил их жизнь. В целом, можно сказать, что его работа это значительный этап в научном освоении Тувы. Осваивая культуру и фольклор тувинского народа, И.Г. Сафьянов ак-

тивно занимался публицистикой. Рукопись «Тува в прошлом и настоящем: художественное творчество тувинского народа» стала своеобразным итогом его краеведческой деятельности.

Наряду с записью тувинских народных былин, сказок («Улу-тюнэ», «Анджи и Бакиши», «Ыдык-тайга»), легенд («Хаяр-хан», «Хунь-курбес», «Узун-хулак-хан», «Шидар-ван»), песен, поговорок, преданий («Тимир-сал», «Урзун-хан»), автор поместил в своей рукописи несколько очерков о праздниках тувинского народа. В них он старался придерживаться тех же образных выражений, какие тувинские рассказчики употребляли в своих повествованиях.

Отдельные сюжеты легенд отвечали убеждениям И.Г. Сафьянова. Особый интерес вызывала у него тема «Золотого века».

«Золотому веку» посвящены различные предания тувинцев. Наиболее полно тема отражена в предание Темир-сал, где говорилось:

Было время в те ушедшие давно годы, когда наши народ не имел таких черных, жестких, как конский хвост, волос. Не сгибал своей спины и не надевал своих шапок перед сильными людьми¹. Все были равны перед великой матерью всего живущего – природой и поклонялись только ей, только Джер-ээзи (духу земли, хозяину) ее хозяину. Не было обмана, воровства. Общественный скот, общая охота и артельное земледелие давали все необходимое для жизни в изобилии. Наши женщины были красивее звезд на небе, белее лебедей, что купались ранним утром в голубых волнах Улу-Хема.

Полные разного имущества стояли белые войлочные юрты (жилища) свободных сынов нашей счастливой родины по берегам великого озера.

Тучные луга покрывали многочисленные стада лошадей, скота и овец. Двугорбые верблюды сотнями бродили по каменистым скатам гор, а лохматые сарлыки (яки) быстро лазали по выступам береговых скал. Пищи было вдоволь, а одежду и обувь шили наши женщины из бритых шкур диких коз и теплых овчин с заколотых баранов. На обувь выделявали кожки маралов (благородный олень) и буланов (сохатый лось), а бары (кожаные мешки для перевозки имущества) делали из коровьих и бычьих кож, из них же выделявали ременные арканы (веревки), которыми наши парни ловили любого жеребца из своих полутих табунов. Овечья шерсть, конский и козий волос или также в дело – из белой шерсти катали белые, как снег, войлока, а из волоса крутили арканы и вязали рыболовные сети.

Знал наш народ и медь, и железо, добывая их из окружающих горных кряжей. Искусные тарганы (кузнецы) ковали ножи, топоры, стремена и таганы ((треножники для котла на огне), последние делались с разными украшениями и считались основою каждой юрты, за работу их платили по нескольку кобыл). Из меди делали ковши, пуговицы и разные украшения [Сафьянов].

Общество, в котором жили тувинцы, согласно преданию Темир-сал, пересказанному им, было идеальным временем, когда царствовала сво-

бода и равенство, когда было всё общее, не было личной собственности, а значит, не было воровства. Тувинцы жили в достатке, было обилие скота и природных ресурсов, на высоком уровне находилось развитие ремесел.

Будучи человеком, который исповедовал социалистические идеалы, И. Г. Сафьянов пытался угадать в настоящем черты будущего. «Золотой век», описанный в его работе – это, в каком-то смысле, та цель, которую он хотел достигнуть. Это то, к чему должен был прийти тувинский народ в результате революционных преобразований и, учитывая то, что такой период уже был в истории народа, то вернуться к нему было бы легче [Сафьянов].

Тема «Золотого века» не случайно была акцентирована И.Г. Сафьяновым. Всякая культура в тяжелые периоды, по мнению исследователя, обращается к своему прошлому. Миф создает некий эталон, некое исходное состояние общества, которое было утеряно. Конец XIX – начало XX в. в Туве как раз и является этим временем, когда происходят значительные изменения во всех сферах жизни, и И.Г.Сафьянов был их активным участником.

Список источников

Сафьянов И.Г. Тува в прошлом и настоящем: художественное творчество тувинского народа. Тувинский институт гуманитарных исследований. Рукописный фонд.

**ТЮРМИТЯКСКАЯ АСТАНА
(К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТА СВЯТЫХ В СИБИРСКОМ ИСЛАМЕ)**

В 2004 – 2008 гг. Среднеиртышская этнографическая экспедиция Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (руководитель – А.Г. Селезнев) проводила систематическое обследование мусульманских культовых комплексов – *астана*, расположенных в северных районах Омской области.

По верованиям мусульман Сибири, святилища *астана* – места захоронений первых исламских миссионеров. Эти комплексы представляют собой главные памятники религиозной культуры тоболо-иртышских татар, стержневой элемент культа святых в сибирском исламе. Сохраняются более или менее полные легенды, содержащие информацию об имени, действиях, чудесах святых подвижников. К святилищам совершились периодические или оккasionальные паломничества (*таван*), подношения, в том числе, и с целью получения от захороненных святых исцеления. Существовал особый штат людей, смотрителей за гробницей (*астана-караулче/караулце*), которые регулярно организовывали паломничества, поминовения и ритуальные трапезы *астана-ош* в память о погребенном святом.

В ходе экспедиционных работ, в числе прочих, была обследована Тюрмитякская астана. Памятник расположен в 1,7 км. к северу от деревни *Тюрмитяки* (*Оллы-бурень*) Усть-Ишимского района Омской области на берегу живописного озера с примечательным именем *Астана-бурень..* Это озеро известно также как Оллы-бурень, отсюда происходит неофициальное наименование деревни. На озере имеется полуостров, называемый местными жителями *Астана-утрау*, куда и совершаются паломничества. Жители окрестных русских деревень называют озеро *Святым*. Озеро свято, по некоторым данным в нем запрещено брать воду и рыбачить.

Астана расположена в пределах одного из двух деревенских кладбищ вдоль берега озера. В настоящее время сооружение представляет собой четырехугольную ограду из штакетника. По имеющейся информации, здесь похоронен шейх Бигач-Ата.

Несколько слов о личности Джамия, к которому, согласно татарским письменным источникам, восходит духовная родословная похороненного на Тюрмитякской астане шейха Бигач-Ата. В примечании к своему переводу Н.Ф. Катанов совершенно справедливо отметил, что Джамий – это Нур-эд-дин ‘Абд-р-Рахман Джами (1414-1492) – великий персидский поэт

и философ-мистик. Современные научные источники по исламскому мистицизму добавляют, что Джами был близок к суфийскому ордену *накибандия* и его наставником был Мухаммад Кашгари – ближайший ученик и преемник Баха ад-дина Накшбанда, заложившего духовные основы ордена. Джами – автор ряда романов и поэтических сборников, его перу при надлежат работы по истории и философии суфизма [Кныш, 2004, с. 184 – 187; Тримингэм, 2002, с. 121 – 122]. Разумеется, Джами никак не может быть отождествлен с Джалаал ад-дином Руми – основателем ордена Мевлевия (Маулавийя), как это указано в поздних сибирско-татарских источниках (Грамота хранителя Юрумской Астаны). Ко времени Джами орден существовал уже добрых две сотни лет. Впрочем в том, что в источниках имело место смешение разных людей, живших в различную эпоху нет ничего удивительного, ведь эти сочинения – не исторические труды и не философские трактаты. По сути, эпизод с Джами добавляет еще один штрих на холст синкретического религиозного мировоззрения, столь характерного даже для духовной элиты исламского сообщества Сибири.

Шейх Бигач-Ата прибыл в Сибирь из Средней Азии для распространения среди местных язычников ислама. Миссионерам приписывалась культуртрегерская функция: они научили местных жителей сеять хлеб, выращивать картофель и т.д.

Информаторы сообщают также, что на берегу озера лежал большой камень, который был способен перемещаться. Говорят, что в 1960-1970-е гг. властями было решено камень, как объект религиозного поклонения, вывезти, однако накануне он исчез.

До 1990-х гг. в деревне хранился и передавался из поколения в поколение орнаментированный деревянный жезл, который называют *сэцэра* (букв. «родословная», на такие жезлы действительно наматывали свитки с рукописными текстами) или *укляв* (скалка). Считалось, что жезл первоначально принадлежал Бигач-Ате и хранил на себе его дуновение. Информаторы вспоминали, что долгое время хранителем жезла и одновременно *астана-караулце* была бабушка Айни. После ее смерти в 1964 г. жезл перешел к мулле Вагапу Назырову. Когда он умер в середине 1990-х гг., в соответствии с решением родственников, жезл был положен с ним в могилу.

Оба кладбища деревни Тюрмитяки четко различаются по *түгумам* – родственным группам. Умерших из *түгума* с названиями *йохшилар* или *астаналар* хоронят на кладбище рядом с которым находится *астана*. Эти места овеяны интересными преданиями. Одно из них зафиксировала фольклорная экспедиция Омского государственного педагогического университета:

«Жил когда-то здесь хозяин всех рек и ветров. Он всем повелевал. Когда он был зол, реки выходили из берегов, деревья к земле пригибались. Он жил и властновал в этой местности. Но пришел храбрый Ир. И в сражении победил хозяина ветров. Куда отлетела его голова – образовалось озеро (Святое озеро/Астана-бурень. – авт.), куда упала изогнутая рука – там земля прогнулась и образовалась река (р. Вертенис). А из самого тела –

холм (городище близ татарского с. Тюрмитяки). Потому и местность здесь такая необычна» [Козлова, 2006].

Отметим, что вблизи от кладбища и *астаны* располагается несколько археологических памятников разных эпох. Особенно заметно городище Вертенис I (Тюрмитяки VII). Оно расположено в 1,8 км к северу от д. Тюрмитяки на останце первой надпойменной террасы левого берега Ишима. Этот останец и есть тот самый «холм», который упомянут в приведенном выше предании.

В 1970-е гг. на городище были произведены археологические раскопки и зафиксирована система укреплений. В состав находок, обнаруженных в жилом помещении или мастерской, входили фрагменты глиняной почетвашкой посуды, куски шлака, железные ножи, стрелы и украшения [Коников, 2007, с. 31, 46, рис. 50, 274]. Участник раскопок 1977 г. Е.М. Данченко [2008, с. 223] записал местную легенду, по которой холм был местом захоронения татарского богатыря, павшего в единоборстве с соперником.

Есть основания полагать, что *астана* у д. Тюрмитяки относится к числу наиболее ранних памятников сибирских татар. По-видимому, первое её упоминание содержится в *Хорографической чертежной книге*, созданной в 1697 – 1711 гг. С.У. Ремезовым. На листе 107 атласа изображено течение р. Ишим вблизи впадения в Иртыш. На левом берегу неподалеку от Ишимского острога показан приток – река Урманка; рядом - стариное озеро Баженково, а также имеются надписи «курганы» и «кладбище Она царя»; и здесь же видно слово «*астана*» под условным знаком, обозначающем кладбище [The Atlas..., 1958, sh. 107].

Весьма вероятно, что речке Урманке на карте С.У. Ремезова на современных картах соответствует левый приток Ишима – Вертенис. Близко к действительности у С.У. Ремезова расположение правого притока Ишима – реки Тавы (Большой Тавы). Если эти отождествления верны, то озеро Баженково на карте есть не что иное, как озеро Оллы-бурень (*Астана-Бурень, Святое*), давшее татарское название деревни Тюрмитяки. Как видим, Тюрмитякская астана действительно расположена на кладбище и в ее окрестностях имеются археологические объекты («курганы», по терминологии С.У. Ремезова).

Упоминавшийся информаторами свиток *сэцэра*, видимо, представлял собой рукопись, содержащую обстоятельства исламизации Сибири и списки святых мест. Такие сочинения были широко распространены в сибирско-татарской среде. В этих источниках содержатся сведения и о Тюрмитякской астане. Так, согласно рукописи, опубликованной в начале XX в. Н.Ф. Катановым: «У устья Ишима, именно в селении Большой Буран (Оллы-Бурень – Авт.), мавзолей шейха Бигеч-ата, Бигеч-ата был внук Джамия <...>, спутники его с 3 камнями лежат на берегу озера» [Катанов, 1904, с. 24 – 25].

В открытой в ходе экспедиции Омского филиала ИАЭТ СО РАН в 2004 г. (руководитель А.Г. Селезнев) и переведенной профессором Ф.З. Яхиным так называемой Карагайской рукописи, содержится следующая ин-

формация: «На Устье-Ишин (Ишин-Тамак) – Бигач-Ата учитель, из потомков Мавлави Джами, со спутниками (женами) вместе, с над головными (надгробными) камнями, лежат на берегу озера». Зафиксированная в том же году тюменскими исследователями «Грамота хранителя Юрумской Астаны» повествует, что: «... В местности Приишина (Приишими. – Авт.) Улуг Буран (Оллы-бурень. – Авт.) могила Бигач ата шейха газиза, он был из потомков Мавляна Джасалитдина (т.е. Джасалад ад-дина Руми. – авт.)» [Рахимов, 2006, с. 14].

Не является чем-то особыенным и обряд захоронения в могилу священных религиозных текстов. Такая практика сибирских мусульман была зафиксирована еще в середине XVIII в. деяниями Тобольской духовной консистории. Так в одном из архивных дел описывается «... на грудях книжка четвертная в бурой коже подерганская <...> и <...> пять цидулок приkleенных с приложением при них малинового цвету лоскутка положена оная в могилке...» [ГУТюм. обл «Государственный архив г. Тобольска». Ф. 156. Оп. 1. Д. 2001. Л. 113 об.]. Информаторы также неоднократно сообщали нам, что в могилу необходимо класть листы с арабографическими текстами, причем именно в область груди погребенного. Помимо других мест, такие сведения были собраны нами в д. Тюрмитяки и в соседней д. Ашеваны.

Как видим, этнографические и рукописные материалы содержат практически аналогичную информацию, включая имя похороненного святого, данные о священном озере и священном камне. Это делает максимально достоверными выводы по истории распространения ислама в Сибири.

Список литературы

Данченко Е.М. К изучению Кызыл-Туры // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск; Омск: Изд. дом «Наука», 2008. – С. 221–224.

Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (по рукописям Тобольского губернского музея). – Казань: [Типо-лит. Имп. ун-та], 1904. – 28 с.

Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. – М.; СПб: Диля, 2004. – 464 с.

Козлова Н.К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты. Омск: Изд. дом «Наука», 2006. – 460 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore>.

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. – Омск: Изд. дом «Наука», 2007. – 466 с.

Рахимов Р.Х. Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. – Тюмень: Печатник, 2006. – 76 с.

Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. - М.: София, 2002. - 480 с.

The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov: Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. – S-Gravenhage: Mouton & Co., 1958. – 17 p., 173 sh. – (Imago Mundi; Suppl. 1).

**ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ ПИЩИ
КАРГАТСКО-УБИНСКОЙ ГРУППЫ ТАТАР БАРАБЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
2000-х ГОДОВ)***

В ходе полевых работ 2008 г. в Каргатском районе Новосибирской области нами было продолжено изучение волго-уральского пласта в питании татар Западной Сибири. Ранее эти исследования проводились в местах компактного проживания потомков мигрантов из Волго-Уральского региона в Омской, Тюменской областях. В 2006 г. в Убинском районе Новосибирской области нами были обследованы д. Заречноубинская, поселки Новая Качомка, Шушковка. Исследование 2008 г. ставило задачу закрыть лакуны в изучении питания татар каргатско-убинской группы.

Необходимо отметить, что данная этнографическая группа в отличие от других подразделений татар Барабинской лесостепи выделяется большим процентом пришлых волго-уральских татар [Корусенко, Кулешова, 1999, с. 46-56; Кулешова, 2005, с. 80], что не могло не сказаться на облике народной культуры.

В настоящее время у этой группы существует общий пласт блюд, характерный для всего татарского населения Западной Сибири и шире татарской этнической общности, однако некоторые из них обладают вариативностью, которая, как известно, является характерной чертой любой народной культуры. Рассмотрению локальных черт в традиционной пище каргатско-убинской группы татар будет посвящена данная работа. Хронологически охватывается период со второй половины XX в. и по настоящее время. Мы рассмотрим локальные черты на примере повседневной пищи татар данной группы.

У татар Каргатского и Убинского района до настоящего времени сохранилась традиция изготовления кисломолочного продукта, называемого *кызыл эремчик* – «красный творог». Данное блюдо довольно широко было распространено у татар Омской, Новосибирской области еще в послевоенные годы. Сейчас его рецептура сообщается только в общих чертах. В Каргатском районе в с. Мусы мы не только видели и пробовали *кызыл эремчик*, но и нам рассказали несколько вариантов подробного рецепта. Правда, в настоящее время его делают в основном пожилые женщины. Вероятно, одна из причин этого в том, что технологический процесс приготовления

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект №08-01-18104e.

блюда сложен и длителен, а пожилые женщины нередко выполняют работы, связанные с ведением домашнего хозяйства, в том числе занимаются приготовлением пищи.

Свежее молоко доводят до кипения, в него вливают кисломолочный продукт *катьк*. В результате взаимодействия молока и *катька* получаются творожистая масса и сыворотка; сыворотку частично убирают. Если полуфабрикат начинает подгорать, то сыворотку добавляют. Полуфабрикат варят на медленном огне. В процессе приготовления очень важно его не мешать, чтобы не образовывались комки. Как только продукт начинает желтеть, в него кладут сахар по вкусу, 250 гр. масла (растительного или топленого). Некоторые добавляют яйцо, а другие считают, что этого делать не надо, иначе *кызыл эремчик* испортиться. Как мы уже писали выше, этот продукт готовится длительное время: по словам информаторов, - около 9 часов (например, с 9 утра до 18 часов).

В итоге получается продукт коричневого цвета, по консистенции – плотный сгусток, по внешнему виду - он напоминает резиновую губку (на поверхности пористый), но хорошо режется. Продукт хранится в прохладном месте, но можно обойтись без холодильника.

У татар, проживающих в Убинском районе, нами была зафиксирована специфика в приготовлении конской колбасы. Технологический процесс изготовления этого продукта у большинства татар Западной Сибири во многом унифицирован, так как за многовековую историю его существования сложился наиболее оптимальный способ приготовления [Тихомирова, 2006, с. 43-44, 100]. Однако у татар д. Заречноубинской, пос. Н. Качомка заключительный этап приготовления такой колбасы – это не вяление батонов на солнце, а проваривание и сушка в настопленной бане.

Но больше всего локальной специфики у данной группы было в приготавляемых изделиях из теста. Прежде всего, нужно сказать, что татарки в этих местах умеют делать домашние дрожжи - *чупря*, чего не наблюдалось нами в других местах Новосибирской, Омской, Тюменской областях. Есть довольно сложные варианты их приготовления. Например, жительница пос. Н. Качомка М.Х. Гезитдинова, 1942 г.р. зачитала один из таких рецептов по своим записям: одну горсть хмеля кипятили в одном литре воды, затем его отбрасывали, воду перемешивали с мукой, и таким образом заводили опару, после того, как она остынет, добавляли дрожжи, для того чтобы полуфабрикат скис и терпкий картофель (1 шт.). Масса скисала 2 дня, потом добавляли пшеничные отруби – *бодай кирпе*. Тесто высушивали в виде лепешек, которые потом использовались хозяйствами, когда ставилось тесто. В с. Мусы тоже умели готовили домашние дрожжи, но нам рассказали более простой рецепт их изготовления. В настоящее время из-за распространенности дрожжей фабричного производства татарки практически перестали готовить домашние, хотя рецепты в записях еще сохраняются.

В с. Мусы у хозяек очень популярно изделие *кыстыбый*; его также готовят и в Убинском районе, но оно не настолько распространено, как в упо-

мнянтом населенном пункте. Это блюдо казанских татар [Воробьев, 1953, с. 333]. Коренное сибирско-татарское население Омской, Новосибирской областей даже в настоящее время его не умеет готовить. Хотя с точки зрения технологии оно простое в исполнении, его удобно делать на скорую руку. Тонко раскатанные сочни пресного теста выпекают на сковороде практически без масла. На еще горячие лепешки кладется толченый картофель, перемешанный с мелко порезанным сырым луком, и сочень сворачивается. *Кыстыбый* употребляется теплым, смазанным топленымсливочным маслом.

В пос. Н. Качомка популярен пирог с брусникой – *бэлеш*, выпекаемый в печи. В Убинском районе его готовят только в этом населенном пункте, поэтому жители пос. Шушковка называют его еще *качомский бэлеш*. Это местная особенность, связана с тем, что рядом с населенным пунктом расположен *рэм* – «моховое болото с порослью», где местные жители собирают ягоду.

Пирог с брусникой традиционно делается из пресного теста. Раскатывается тесто прямоугольной формы, выкладывается начинка из брусники, перемешанной с сахаром и мукой или крахмалом. Поверх начинки кладется еще один такой же формы пласт теста. Выпекается пирог в печи.

Еще в последней трети XX в. во всех перечисленных населенных пунктах каргатско-убинской группы в питании использовались семена конопли – *киндраш/ орлык*. Таких объемов употребления этого растения, как в Каргатском и Убинском районах, нам не известно ни в одном из других поселений татар Новосибирской, а также Омской областях. Но в настоящее время только немногие женщины в исследуемых районах собирают коноплю для питания.

Перед употреблением или для дальнейшей переработки семена часто поджаривали. Их употребляли как лакомство наподобие семечек или толкли в металлической ступе. Получалась жидкая кашеобразная масса, потому что семена содержат масло. Далее эту кашеобразную массу вместе с маслом употребляли в пищу (в нее обмакивали картофель, изделия из теста) или применяли в изготовлении различных блюд: перемешивали с картофельным пюре и использовали в качестве начинки для пирожков. Еще из этой массы делали колобки для чая. В таком случае массу смешивали с сахаром.

С семенами конопли делали начинку изделия, называемого *кырык кат* – «сорок раз» или в сокращенном варианте - *кыркат*. Массу перемешивали с сахаром и разбавляли небольшим количеством молока. Этой начинкой намазывали тонко раскатанный круглый сочень пресного теста, затем его сворачивали в рулет и нарезали небольшими рулетами. Их выпекали в печи.

Еще одно традиционное изделие, которое и в настоящее время готовится татарками этой группы, называется *кагыт* или *как*. В большинстве мест проживания Западной Сибири оно известно под вторым названием

и в настоящее время редко изготавливается татарками. В д. Заречноубинская, пос. Н. Качомка мы не раз наблюдали, как пожилые женщины сушат его на солнце. Его чаще всего готовят из смородины, реже из черемухи, брусники. Ягоды нагревают, для того чтобы их удобнее было пропаривать через сито, причем они специально изготавливаются местным населением. Затем процесс изготовления *кагыта/ кака* стандартизирован, как и в других местах. Жидкость намазывается тонким слоем на доску, предварительно смазанную маслом, высушивается. Кожура ягод также высушивалась в виде лепешек.

В заключении необходимо отметить, что значительный пласт лексики, связанный с пищей и питанием в этих районах отличается от других групп татар Новосибирской области. Многие слова, их произношение связано с диалектами волго-уральских татар, например: *жейме* - лепешка, *или* - хлеб, *корлыган* - смородина, *салма* и *токмаш/ токмач* – разновидности лапши, *чупря* – закваска, дрожжи, *шай* - чай, *оиш пошмак* – изделие из теста с мясом и др.

Таким образом, мы рассмотрели специфические черты в повседневной пище татар каргатско-убинской группы. Их формирование связано с местной природной спецификой, особенностями формирования данной группы. Дальнейшее исследование традиционной пищи каргатско-убинской группы будет продолжено в контексте изучения влияния волго-уральского пласта в питании татар Западной Сибири.

Список литературы

Воробьев Н.И. Казанские татары (Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). – Казань, 1953. – 382

Корусенко С.Н., Кулешова Н.В. Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. - Новосибирск, 1999. - 312 с. - (Культура народов России. - Т. 5).

Кулешова Н.В. Генеалогия и этническая самоидентификация татар Барабы (на примере каргатско-убинской) группы // Народы и культуры Сибири: изучение, музеефикация, преподавание. - Омск, 2005.

Тихомирова М.Н. Культура питания татар Среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей. – Омск. 2006. – 232 с.

ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ БЕЛОРУСОВ В СИБИРИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Носителями реликтовых славянских традиций предстали белорусские переселенцы перед взором сибиряков-старожилов в периоды массовых миграций: в начале ХХ в., в период столыпинской аграрной реформы 1906-1914 гг. Сибиряки смотрели на приехавших с нескрываемым интересом: белорусы были одеты в белые домотканые рубахи и свиты, плетеные лапти с онучами. Однако уже за два десятилетия пребывания в Сибири переселенцы из Могилёвской, Витебской, Минской и пр. губерний изменили свой традиционный облик. Данные интервьюирования и материалы музеиных фондов позволяют высказать определенные соображения относительно вектора трансформаций, обусловленных влиянием сибирских этнографических реалий, климата и процессов модернизации (моды).

По описанию и внешнему осмотру образцы нательной белорусской одежды относились к рубахам общеславянского типа с вставками-поликами (по утку основных полотен), которые, как известно, отличают славян от соседних финских и тюркских народов. Те могилевские переселенцы, кто считал себя и своих предков русскими, называли вставки *програмками* (А.Ф. Динисенко, Е.Е.Жукова), урожденные Гомельской губернии - *поляками*. Белорусские крестьянки хорошо помнят термины, связанные с названиями частей женской рубахи: верх – *стан*, низ – *подставка*, манжета – *ковнерец*, стоячий или отложной воротник – *ковнер*. Верхнюю часть женских рубах традиционно старались украсить ткаными или вышитыми узорами – по поликам, оплечью, рукавам.

В д. Колбаса Кыштовской вол. Каинского у. в случае болезни какого-либо селянина женщины белорусской деревни, желая помочь семье, брали обет сделать рубаху-*обыденку* в течение одного светового дня (по-местному - обрекались). «Собирается народ, обрекаются *обыденную* рубаху делать. Все женщины собирались, чтоб в один день... Обрекаются, молятся в церкви. Вначале рвут (если зимой, то брали из запасов – Е.Ф.), потом треплют, а тада чешут, кудело делают и тут же прядут и ткут» (П.И. Бондарева). По окончанию работ эту *обыденку* несли и жертвовали в церковь. Пожертвованием в православный храм белорусы отличались от

*Работа поддержанна грантом РГНФ № 90404 а/Б.

сибиряков, которые, как известно, надевали рубаху на больного [Фурсова, 1992, с. 49 – 54].

В комплексе с поликовой рубахой носили полотняную или шерстяную юбку - *паневу, андрак*. В среде гомельских переселенцев нам встречались тканые полотняные юбки в мелкую черно-белую клетку и *паневы* в крупную красно-сине-белую клетку, которые считались праздничной одеждой (рис. 1). Могилевские использовали для юбок ткани и в клетку, и в полоску, причем сшитые вне зависимости от волокнистого состава - из льняного полотна или шерсти - виды набедренной одежды они называли юбками.

Кроме юбок, могилевские крестьянки могли надевать поверх рубахи *сарахван* или *кабат*. *Сарахван* в виде длинной на узких лямках одежды шили из раскошенных полотен; по груди он немного собирался в *борки*. Верхнюю нагрудную часть могли делать как цельной, так и отрезной. Кормящие матери пользовались для кормления детей небольшим разрезом-застежкой. Основным материалом для изготовления сарафана являлась полусуконная ткань («*Ленным снуешь, а с овечек шерстью подтыкаешь*») (Ф.И. Мархутова), которая была одноцветной либо тканой в клетку, полоску.

По описаниям *кабат*, представлял собой сшитые вместе безрукавку и юбку («Как саarahван одеётся») (Е.Е. Жукова). Как и на прежней прародине *кабат* шили из домотканины, приготовленной из шерстяных волокон, в основном черного или коричневого цветов («Шерсть выткуть и сошьют этот *кабат*»). По рассказам некоторых других информаторов *кабат* могли ткать также в клетку. Описанные выше виды горничной и повседневной одежды носили и зимой, и летом.

В отличие от православных соседей белорусы-католики д. Тынгыза Кыштовской волости не расшивали свои рубахи вышивкой или узорным тканьем. Поверх рубахи минские и витебские женщины надевали *юбку-саян* (вар. *сыян*) и *кохту* из шерсти домашнего изготовления. По волокнистому составу эта домотканина была смешенного происхождения: основа – *портняная*, уток – шерстяной («подтыкают шерстью»). *Саяны* могли быть узорноткаными – в клетку или полоску. Такой тип женского костюма бытовал не только у матерей современных пожилых людей, но и поколения второй половины XIX в.: «И баба так носила, и мамка». По талии поверх горничной или повседневной одежды женщины подпоясывались тканым поясом.

По древней славянской традиции прически девушек и женщин различались количеством кос – у девушек одна, у женщин две, окрученные вокруг головы в форме венка. Еще в 1990-х гг. многие женщины помнили, что их бабушки и мамы покрывали голову чапцами, каптурями, как называли мягкие шапочки («Мать к смерти сшила из марлечки чапец»). Поверх чепца повязывали под подбородком платок - *хустку* или *хвайшонку*. Женщины хорошо помнили, что многослойные покровы носили из-за боязни, что кто-то увидит волосы. Платок считался важнейшим атрибутом внешнего вида женщины, был желанным подарком от отца, потом при свадьбе – от жениха, впоследствии – от мужа. После 1940-х гг. большинство пожилых женщин стали носить один платок. Не употребляется также терминология: забылось старое название и сам убор *чапец*, а сибирское обозначение шапочки *шашмуря* не прижилось.

Мужской повседневный костюм включал холщовую рубаху и штаны (*штаны* у православных, *бручи* у католиков) из черного или коричневого полусукна (основа *портняная*, уток *шерстяной*). В отличие от сибиряков, в белорусских рубахах разрез-застежку делали по центру, а низ рукавов собирали на сборки и манжету. Стоячий воротник и манишку по груди могли расшивать вышивкой, обычно представлявшей собой растительный орнамент, выполненный красными и черными нитками в технике крест. Надетую навыпуск рубаху подпоясывали поясом. Пояс считался традиционным подарком жениху со стороны невесты. Рабочие мужские штаны шили из пестрядинной льняной ткани «в клетку», впоследствии они перешли в категорию нижнего белья.

В качестве верхней одежды носили *зипуны*, *шубы*, *полушубки* и *тулуны*. Межсезонной одеждой считались *зипуны* – в виде халата с запахом на

левую сторону. Нами отмечен тот факт, что потомки белорусских переселенцев уже во 2-м поколении не имеют представления о *свитах* или *коужухах*. Сибирская меховая одежда сменила древнюю славянскую, хотя по внешнему виду и покрою не отличалась – длиной чуть ниже бедер, с высоким, закрывающим голову, воротником. Мужские и женские виды верхней одежды по покрою также почти неразличимы.

До недавнего времени повседневной обувью были *лапти*, которые умели плести, по крайней мере, три поколения прибывших в Сибирь белорусов (деды, родители и их дети). С лаптями и онучами зимой традиционно надевали шерстяные носки, от чего вскоре отказались из-за непригодности в новом климате. Такой вид обуви носили только летом, когда приходилось бродить по болотам, например, на покос или по ягоды. Коров пасли, сено косили «у лаптёх». Франц Петрович и Банета Антоновна Ермоловичи хорошо помнили технологию прямого плетения (хотя нам встречались и косого плетения), когда лыко переплеталось под прямым углом: «*Лыза из тальника хорошая росла. Нарубиши, обрежеши ровненько и пока сидишь пары две можно сплести. Закладаешь сюды, потом длинную лозину и пошел. Сюда крутынок на быках подплетеши, обору сделаешь, обуваешь и усё*». В межсезонье и зимой носили *сапоги*, *валенки*. К зиме также готовили плетеные из шерсти *лунты*, которые могли носить с *лаптями* (например, управляясь в усадьбе, во дворе).

Выводы. На этапе эволюционного развития традиционной белорусской одежды до 1920-х гг. изменения происходили внутри традиционного женского комплекса и касались только деталей, терминологии. Не употреблялись традиционные для крестьян Центральной Белоруссии виды короткой безрукавной одежды, так как переселенцы были в основном носителями восточнобелорусских традиций [Белорусы, 1998]. Исследователь сталкивается с переносом названий видов одежды и ее отдельных частей: например, *ковнерец* стал обозначать не воротник, а манжеты, название безрукавки *кабат* перенесли на горничную одежду типа *сарафана*. Сохранялись в памяти селян обряды и, следовательно, поверья в целиительные свойства обыденных рубах, уходящих своими корнями в славянские представления о связи спряденной нити и судьбы человека, о ритуальной чистоте сделанной за один день нательной рубахи, обладавшей в таком случае апотропейными свойствами. Выходцам из восточной Белоруссии известны близкие к русским рубахи, сарафаны и юбки, что служит косвенным подтверждением их этнической самоидентификации – «русские». Нельзя не видеть непосредственное или опосредствованное влияние белорусских и других российских переселенцев на сибирские костюмы, в результате чего появились новые «модные» элементы: отложные воротники, манжеты и т.д.

С 1920-х гг. начался период кардинальных трансформаций одежды, связанный со сменой традиционных комплексов на юбку с кофтой и *парочку*. В отличие от сибирячек, у которых традиционные способы орнаментации

костюма заменялись нашитыми полосками ситца, лент, кружев и пр., белорусские женщины продолжали вышивать «новомодные», европейского покроя, блузки, кофты, располагая узоры на традиционно сакральных местах – по груди, оплечью и рукавам.

Список литературы и источников

- Белорусы.** М.: Наука, 1998. – 507 с.
- Фурсова, Е.Ф.** «Целительные» свойства рубах русских крестьян//Изв. СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. – 1992. – № 1.
- Полевые материалы** - список информаторов
- Бондарева Прасковья Ивановна**, 1923 г.р., д. Колбаса Кыштовского р-на НСО, деды из Могилевской губернии.
- Динисенко (в девичестве Макарова) Анна Филипповна**, 1904 г.р., родители приехали из Могилевской губернии. Родилась и проживала в д. Колбаса Кыштовского р-на Новосибирской области.
- Ермолович Франц Петрович**, 1915 г.р., привезен в детстве из Полоцкого уезда Минской губернии в д. Тынгызы. Считает себя белорусом.
- Ермолович Банета Антоновна**, 1916 г.р., привезена в детстве из Полоцкого уезда Минской губернии. Нет уверенности в этнической принадлежности, возможно, «полька».
- Жукова (в девичестве Макарова) Елена Епифановна**, 1921 г.р., ее мать привезли в Сибирь 12-ти лет от роду из д. Ельна Могилевской губернии. Родилась в д. Колбаса, проживала в д. Тынгызы Кыштовского р-на Новосибирской области.
- Мархутова (в девичестве Кондюкова) Федора Ивановна**, 1911 г.р., род. в д. Козлинка Мошковского р-на НСО, родители приехали до 1 й Мировой войны из Могилевской губернии.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НАЧАЛЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ВОЗМОЖНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ*

История присоединения Сибири к России и последствия этого процесса для этнокультурного и демографического развития коренного населения вызывают серьезные научные споры. В последние годы вновь возникли забытые к концу советского периода утверждения, что в ходе присоединения к России народы Сибири были обречены на потерю собственной этнокультурной идентичности, постепенную ассимиляцию и вымирание, когда «как чудовищный каток, империя, подминая под себя десятки сибирских племен и народов... неотвратимо докатилась до побережья Тихого океана» [Кызласов, 1996, с. 55].

В трудах некоторых исследователей проводится мысль о печальной судьбе народов Сибири. Говорится и о возможности альтернативного развития коренного населения, которое могло протекать в двух направлениях – самостоятельно или под властью какой-либо иной державы. Поэтому необходимы такие исследования, в которых бы излагались основные процессы развития культуры и изменения численности коренного населения, рассматривались возможные альтернативы. Необходим сравнительный анализ в изменениях численности коренного населения Сибири и других регионов мира в эпохи позднего Средневековья и Новое время.

Наиболее показательными были бы сравнения для тех районов Сибири, где население значительно сократилось в период присоединения к России, например, Приенисейского края, где с 1608 г. по начало XVIII в. происходили почти непрерывные военные столкновения с енисейскими кыргызами и подвластными им племенами кыштымов, повлекшие самые крупные потери демографического характера. В ходе этой войны коренным населением региона было потеряно около 3–3,5 тыс. чел. Именно здесь имел место факт самой массовой в истории Сибири единовременной гибели коренных жителей (в 1692 г. в бою погибло около 650 мужчин, в плен попали почти все женщины и дети, а также 40 мужчин) [Бахрушин, 1955, с. 221].

В целом же по Сибири в ходе военных столкновений с русскими людьми, кроме кыргызов, погибло не более 1 тыс. сибирских татар, около 1 тыс. бурят, тунгусов и якутов и 0,5 тыс. чел. из других народов и этнических

*Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 07-01-00434а и № 08-01-00332а.

групп. Предполагая, что гибели, главным образом, мужчины, число которых в Сибири на начало XVII в. было не меньшим, чем женщины (около 80 тыс. чел.), можно сказать, что в ходе боевых действий погибло около 7,5 % мужского населения, при чем не менее половины потерь пришлось на долю енисейских кыргызов; для остального населения Сибири совокупное число потерь мужчин колебалось, вероятно, в пределах 3–4 % [Москаленко, Скобелев, 2001].

Каковы могли быть альтернативы этим негативным демографическим последствиям русского завоевания региона? Так в XIII в., в ходе подчинения кыргызов и подвластного им населения власти Монгольской империи, их численность упала как минимум с 400 тыс. чел. в первой половине XI в. до 45–50 тыс. чел. к 1270-м гг. [Кызласов, 1992, с. 119–124] (хотя, вероятно, с определенного времени для Л.Р. Кызласова последствия монгольского завоевания стали не актуальными). После падения империи Юань население региона было вовлечено в войны монгольских феодалов. В результате его численность продолжала снижаться – в XVII в. самих кыргызов было «не более 1500... и свыше 10 тыс. кыштымов» [Кызласов, Копкоев, 1993, с. 140].

Проводя сравнения потерь для населения соседних территорий, например, последовавших в ходе захвата земель джунгар (по границе с Южной Сибирью) войсками империи Цин в середине XVIII в., можно видеть, что в последнем случае коренные жители были почти поголовно истреблены: джунгар в «...один год погибло до миллиона народа и на пространстве лучших их кочевьев от Тэмиртунора (Иссык-Куля) до Тарбагатая не было ни одной кибитки» [Валиханов, 1958, с. 321].

По Черепановской летописи, в Джунгарии «люди и скот весь вырублены без остатку, так что и в плен их не брали, только те спаслись, которые убежали в Российские границы» [Цит. по: Златкин, 1964, с. 455]. В жернова этой войны попали, например и теленгиты, остатки которых спасались затем за русской границей. Если в конце XVII в. численность теленгитского отока Джунгарии составляла 4 тыс. семей (около 20 тыс. чел.), то их число в конце XVIII в. определено, приблизительно, не более чем в 500 чел. [Екеев, 1999, с. 226].

Таким образом, налицо важное отличие: если присоединение Южной Сибири привело к сокращению коренного населения не более чем на 4 %, то завоевание монголами этого региона, как и позднее завоевание Цинами Джунгарии, было намного тяжелее (на примере с теленгитами – более 97 % потерь).

В пределах других колониальных территорий ойкумены Нового времени, этнокультурная и демографическая ситуации также были очень тяжелыми. Так полностью исчезло коренное население Канарских островов, Карибского бассейна, Тасмании. Два века спустя после открытия Колумбом Америки общая численность ее коренного населения сократилось на 90 % [Баумgartен, 2008].

В 1641 г. в Ирландии проживало более 1,5 млн. человек, а в 1652 г., после завоевания войсками Кромвеля, осталось лишь 850 тыс., из которых 150 тыс. были английскими и шотландскими новопоселенцами; в 1845–1849 гг. здесь разразился голод, погубивший более 1 млн. чел. и усиливший миграцию (выехали 1,5 млн. чел.) – в итоге, в 1841–1851 гг. население Ирландии сократилось на 30 % и стремительно уменьшалось в дальнейшем: с 8 млн. 178 тыс. в 1841 г. до 4 млн. 459 тыс. чел. в 1901 г. [Мортон, 1950, с. 222; Тарасов, 2008].

В Сибири же за четыре столетия под властью Российского государства численность коренного населения увеличилась с 160–200 тыс. чел. [Долгих, 1960] до 1 202 861 чел. в 2002 г. (включая всех ненцев, манси и эвенков, частично проживавших за пределами границ Сибири, но исключая тувинцев, лишь с 1944 г. ставших гражданами СССР, а также эвенов, в основном проживавших за пределами границ Сибири), т. е. минимум на 600 % [Всероссийская..., 2008].

Что же касается этнокультурного развития небольших по численности коренных народов Южной Сибири, имевших своими соседями монголов и маньчжуров, то оно было существенно осложнено. Уже с XIII в. население Саяно-Алтая находилось под властью монголов. Последствия этого были весьма негативными (потеря пашенного земледелия, ряда видов ремесел, письменности и т. д.).

Однако после 1703 г. на данной территории, как и в остальной Сибири, установился мир и понесенные демографические потери были восстановлены уже к началу XIX в. За это же время население региона освоило производящие формы хозяйственной деятельности, такие как пашенное земледелие, стойловое животноводство и проч., а также новые формы жизнеобеспечения, в том числе домостроительство русского типа.

В целом, баланс положительных и отрицательных последствий вхождения данного региона Сибири в состав России определился к середине XIX в., когда произошел существенный рост численности коренного населения, подготовленный всем ходом предшествующего социо-культурного развития. И в дальнейшем здесь фиксировался непрерывный рост численности коренного населения, прерванный лишь годами Великой Отечественной войны.

Таким образом, несмотря на определенные демографические потери утрату отдельных элементов традиционной культуры народами Сибири, ситуация с положением коренного населения в составе Российского государства, была значительно лучше, чем на соседних территориях Центральной Азии, а также на абсолютном большинстве иных колонизируемых территорий планеты.

Список литературы и источников

- Баумгартен А.** Американский Геноцид. Ч. 1. Эпоха Колумба. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://www.left.ru/2002/22/baumgarten72.html#5/> – 04.05.2008/
- Бахрушин С.В.** Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. – Т. III. – Ч. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Валиханов Ч.Ч.** Избранные произведения / Под ред. А. Х. Маргулана. – Алматы: Худож. лит., 1958. – 643 с.
- Всероссийская перепись** населения 2002 года. Национальный состав населения. [Электронный ресурс]. Режим доступа. www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_04_01.htm/ – 31.10.2008/
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.
- Екеев Н.В.** Об алтайских этнотERRиториальных группах XIX – начала XX вв. (алтай-кижи, чуй-кижи, баят-кижи) // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. – Горно-Алтайск, 1999.
- Златкин И.Я.** История Джунгарского ханства (1635–1758). – М.: Наука, 1964. – 470 с.
- Кызласов Л.Р.** Численность населения Древнекакасского государства // Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992.
- Кызласов Л.Р., Копкоев К.Г.** Хакасские княжества и их население в XVII в. // История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. – М.: Наука. Изд. фирма «Восточная лит-ра», 1993. – 525 с.
- Кызласов Л.Р.** О присоединении Хакасии к России. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1996. – 64 с.
- Мортон А.** История Англии. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1950. – 462 с.
- Москаленко С.В., Скobelев С.Г.** Потери коренного населения Сибири в ходе боевых действий в конце XVI–XX вв. // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск, 2001.
- Тарасов А.** Империя и ее «благодеяния». [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/rise-and-demise/empire/> – 29.10.2008/

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ АГИНСКИХ БУРЯТ*

В мифологических и религиозных системах многих народов присутствуют сюжеты о конечности всего живого на земле. Полагают, что причины их возникновения кроются в обыденном стремлении человека познать себя и окружающий мир, что, в свою очередь, влечет за собой осознание конечности не только своего бытия, но и конечности всего окружающего мира.

Эсхатологические воззрения в традиционной культуре агинских бурят пронизаны представлениями о цикличности времени. Их определяют сюжеты о гибели и возрождении мира. Эти воззрения можно разделить на два вида: представления о конечности человеческой жизни и представления о конечности всего живого на земле, о «конце света».

Суть воззрений о конечности человеческой жизни заключалась в том, что душа человека после окончания земного существования не исчезала; мифологическое религиозное сознание допускало альтернативы. Душа человека после физической смерти могла «продолжить» свое существование: например, она могла скитаться по месту своего земного обитания, или превратиться в злого духа, или же стать покровителем рода. В буддийских воззрениях, любая душа, в том числе и человеческая, находит свое следующее перерождение согласно закону *кармы*** в одном из миров *сансары****.

В фольклоре агинских бурят встречаются сведения о грядущем «конце света», о светопреставлении (*галаб/кальпа*****, *эрьелгэ*). Этот тер-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-01-00333а.

**Карма – закон воздаяния за все совершенные действия. По этому закону последствия поступков всякого существа предопределяют характер и условия его нового рождения и в целом дальнейшего существования. Перерождение в мире животных, в мире людей и богов объясняется воздаянием за поступки в предыдущих перерождениях.

***Сансара (от санскр. бхавачакра – колесо бытия, круг сансары, колесо перерождений) – одна из ведущих концепций буддийской модели мироздания. Любое живое существо с его чувствами, желаниями и продиктованными ими поступками, замкнуто внутри «колеса жизни», где его ожидает бесконечная цепь перерождений [Мялль, 1992, с.222].

****Кальпа - («закон, порядок») бур. *галаб*. 1) в индуизме – обширный период времени. Сравнивается со временем, за которое алмаз величиной с гору Меру

мин, обозначающий конец света, имеет индуистские, буддийские корни.

Приведем рассказы информаторов: «*Во время хаоса и тьмы, до «зарождения» вселенной, встретились боги Майтрея и Манчжушири. Между ними завязался спор о том, кто будет «ведать» этой кальпой (Вселенной и ее обитателями). Поставили друг перед другом чаши с водой и решили медитировать, в чьей чаше из воды зародится цветок – тому и достанется кальпа. Долго ли сидели, неизвестно, глаза должны были быть закрытыми. Через какое-то время Манчжушири раскрыл глаза, и увидел, что в чаше его соперника взошел цветок. Он поменял чаши местами. Когда настало время подведения итогов, Майтрея сказал Манчжушири: “Так и быть, пусть галаб будет твоим тебе, но учти, люди твой кальпы будут жить недолго и будут склонны к воровству”* »[ПМА, Балдангулагров Ц.-Д.].

В следующей легенде говорится, что настанут смутные времена, когда люди ради своего материального благополучия начнут истреблять все живое, и будут воевать друг против друга. Моральные и физические качества людей будут ухудшаться, они обмельчают в росте (станут низкими с локоть) и будут ездить на зайцах. Придет войско Шамбалы и уничтожит этот мир. После чего, мир возродится заново и воцарится царство Майтреи, в котором воцарится мир и спокойствие. Любое живое существо, уничтоженное воинами Шамбалы, будет иметь лучшее перерождение в царстве Майтреи [ПМА, Дымбрылова М., Батожаргаглов Д., Ламожапов Ц.-Д.].

Другой информатор поведал, что слышал от своего деда миф о том, наступит день, когда на земле, кроме человека никого не будет. Людская природа такова, что человек стремится овладевать всем и бороться со всем. Он начнет все истреблять. Все будет опалено огнем. Однажды, человек поймет, что кроме него никого не осталось [ПМА, Дугаржапов Ц.].

Согласно буддийским взглядам, все действия любого живого существа влекут за собой обязательные последствия, которые могут наступить не

согреться от протирания его слабой женщины единожды в 100 лет мягкой тряпочкой. 2) В космологии буддизма — период существования Вселенной, или один “поворот колеса времени” Вселенной. Термин заимствован поздними буддистами из индуизма и переистолкован. По мнению буддистов, каждая кальпа включает в себя этапы разрушения мира огнем, водой и ветром, стабильности, возрождения и разворачивания мира. В конце каждой кальпы Вселенная разрушается, и все начинается сначала. Причина мирового цикла — грехи живых существ. Каждый из четырех этапов делится на 20 последовательных моментов, или ступеней. Кроме того, кальпы состоят из четырех эр (юг) — Крита-юги, Трета-юги, Двапара-юги и Кали-юги (современная эпоха), различающихся длительностью и количеством наличного в мире счастья. К. также делятся неодинаково; они будут сменять друг друга, пока все живые существа не встанут на путь спасения. Тогда мир (в нынешнем его виде) окончательно перестанет существовать [<http://slovari.yandex.ru/dict/esoteris/article/eso/eso-0434.htm>].

сразу, а постепенно. Например, от совершения таких греховных действий как убийство и воровство земля утратит плодородие, наступить засуха и наводнения, пища и питье будут малопитательны и плохо перевариваемы, что повлечет за собой болезни и преждевременную смерть [Кенце, 1998, с.36-44; Пупышев, 1992, с.80-81, Аюшева, 2003, с. 69]. Настоящее время, как полагают в буддизме, является веком упадка, деградации (*кали юга*), которое в буддизме рассматривается как проявление пяти скверн и выражается в пяти видах упадка: упадок индивидуальной жизни, упадок возраста мира – «излет века», упадок чувств, убеждений и живых существ как таковых: скверна жизни – уменьшение продолжительности жизни, скверна взгляда – широкое распространение ложных взглядов, скверна *клеш** – увеличение числа и силы *клеш*, скверна живого существа – физическая деградация людей (уменьшение роста), скверна *кальпы* – жизнь в период упадка (деградации) мира – землетрясения, ураганы, засухи, заморозки (т.е. неблагоприятность внешних условий, которая наступает на определенном этапе существования мира).

Две характеристики деградации – упадок сроков индивидуальной жизни и упадок «возраста мира» - катастрофичны относительно жизнеспособности человека и общества, средств существования. А деградация чувств и убеждений приводят к разнуданности, чувственным излишествам и бессмысленному самоизнурению [Введение в буддизм, 1999, с. 132, Аюшева, 2003, с.73].

Возвращаясь к причинам появления и активизации эсхатологических настроений в традиционном мировоззрении этноса, можно согласиться с утверждением якутского этнографа Р.И. Бравиной, полагающей, что они активизируются в переломные периоды истории и в периоды кризисов [Бравина, 2005, с. 231].

По рассказам информаторов, в начале XX в., среди бурят стало распространяться «письмо» о тяжелых и смутных временах «шулунай лундээн», происхождение которого им неизвестно. «Послание» люди переписывали и передавали друг другу. Как считают старики, в нем в точности описывается современное время, называемое «эпохой хаоса», в котором верх над миром одерживают злые силы, и влиянию этих сил станут «подвергаться» все от мала до велика, вне зависимости от происхождения и рода занятий.

По «посланию», знаками такого времени являются: утрата традиции уважения старших младшими; непочтительное отношение к влас-

*Клеша - (в переводе с санскрита «бедствие, страдание») – одно из фундаментальных понятий в буддизме. Клеша обуславливает омрачение сознания, его загрязнение, аффект. Этим понятием обозначают эмоциональную окрашенность восприятия мира «эгоцентризованным» сознанием, мешающую ощущать мир таким, какой он есть в действительности. Традиционно, к клешам относят так называемые «Пять мешающих чувств» : страсть, агрессия, невежество, гордость, зависть [<http://ru.wikipedia.org>].

тям, когда начальниками становятся безродные люди. Согласно устной традиции, перестанут почитать честных и умных людей, а глупцов и нечестных «посадят на почетные места». Будут сбои природных ритмов (подразумеваются климатические изменения), исчезнут многие птицы, животные и растения из-за разрушающего воздействия человека на окружающую среду. В письме также указывается, что настанут тяжелые времена, когда «умершие начнут вскармливать живых» (по мнению стариков, под этим подразумевались современные способы социального признания сирот после смерти родителей). Человеческая жизнь укоротится, человек не станет доживать до сорока лет, вследствие того, что матери будут убивать зарождающихся в чреве детей (распространение абортов). Женщины будут наравне с мужчинами, начнут носить мужские штаны, красить лицо и подрезать волосы (что ранее было немыслимо, вследствие представлений о сакральности всего мужского и о связи волос с витальнойностью человека). Еда, вода и воздух станут ядовитыми, кроме того, люди сознательно будут «питаться отравой» (скоро все, здесь подразумевается употребление алкоголя и табака). Распространятся разные неизлечимые болезни [ПМА, Балдангуаров Ц.-Д., Дымбрылова М.].

К новшествам, являющимся «предвестниками» конца мира традиционное мировоззрение относит нетрадиционные ранее для бурят занятия, например, интенсивную торговую деятельность, что ранее считалось предосудительным и греховным. По мнению верующих, тех, кто, торгуя, обманывает покупателей, на посмертном суде слуги Эрлика будут проверять, взвешивая на весах. Чаша тех, кто обманывал людей, всегда бывает тяжелой. Пожилые люди говорят, что в старину о торговле говорили: «у нее восемь ног» (может повернуть и в лучшую сторону и в худшую). Также к таковым относят и активную деятельность женщин, которые постепенно отходят от основной своей роли – материнства [ПМА, Батожаргалов Д. Ж.].

Эсхатологические мотивы в традиционной культуре агинских бурят перекликаются с универсальными представлениями о конце света, о разрушительном влиянии человека на природу, о несовершенстве мира и людей и представляют собой попытку осмысления не только человеческого бытия, но и всей человеческой истории. Весьма интересными в этой связи являются трактовки причин наступления «последних времен». Главными предпосылками этого, как предполагает народная традиция, являются негативные результаты человеческой деятельности: повышение уровня потребления и последующее за ним возвышение материальных ценностей над духовными, потеря людьми нравственности, войны и конфликты, рост научно-технического прогресса и последующий за ним экологический кризис.

Список литературы и источников

Аюшева Д.В. Современный тибетский буддизм на Западе. – Улан-Удэ, 2003 – 122с.

Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре Саха. – Новосибирск: Наука, 2005. – 307 с.

Кенце – Досточтимый Джамьян Кенце. Наставления по практике Ло Чжонг с разъяснениями практики Белой Тары. – Москва, 1998. – 129с.

Клеша // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>.

Кальпа// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/esoteris/article/eso-0434.htm>.

Мялль Л.Э. Сансара // Буддизм. – М.: Республика, 1992. – С. 222 - 223.

Пупышев В.Н. Основы мировоззрения и мироощущения буддийских народов в Центральной Азии // Экологические традиции в культуре народов центральной Азии. – Новосибирск, 1992. – С.77-84.

Полевые материалы - список информаторов

Балдантугаров Цырендондог – 1920 г. р., род улаалзай хубдууд, с. Цокто - Хангил Агинского района Агинского Бурятского автономного округа, 27.07.2004 г.

Батожаргалов Дамба Жамсаанович – 1925 г.р., род улаалзай хубдууд, пос. Агинское Агинского района Агинского Бурятского автономного округа, 13.07.2008 г.

Дугаржапов Цыден Жапхандаевич – 1953 г.р., род бодонгууд, с. Алханай Дульдургинского района Агинского района Агинского Бурятского автономного округа, 04.08.2008 г.

Дымбрывова Манда – 1911 г.р., род боохой хуасай, с. Судунтуй Агинского района Агинского Бурятского автономного округа, 06.08. 2004 г.

Ламожапов Цыбен-Доржи (Владимир) – 1953 г.р., род боохой хуасай, с. Судунтуй Агинского района Читинской области, 26.08.2004 г.

**ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ
И ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Л.П. Кундо, М.В. Мороз, В.Г. Симонов,
О.Л. Швец, Е.В. Шумакова*

**РЕСТАВРАЦИЯ ХАНЬСКИХ ЛАКОВЫХ ЧАШЕК,
ФРАГМЕНТОВ ОДЕЖДЫ ИЗ ШЕЛКА, ШЕРСТЯНОГО КОВРА
НА ВОЙЛОЧНОЙ ОСНОВЕ ИЗ ХУИНСКОГО КУРГАНА
ПАМЯТНИКА НОИН - УЛА (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)***

В 2006 году Южно-Алтайский отряд Института археологии и этнографии СО РАН под руководством дин Н.В. Полосымац совместно с Институтом археологии Монгольской Академии наук проводили исследования 20 кургана могильника Ноин-Ула в Северной Монголии. Могильник принадлежит хунну и датируется 1 в. н. э [Полосымац, Богданов, Цэвэндорж, 2008].

Основная часть находок (изделия из металла, шелка, шерсти, войлока и дерева) была обнаружена в могильной яме на глубине более 18 м. Условия нахождения предметов в погребении Ноинулинского кургана были жесткими. «Под давлением грунта и вследствие нарушения камеры грабежом, конструкция погребальной камеры «сложилась» и перекрытие оказалось лежащим уже фактически на полу. Вода размыла и затянула внутрь погребального сооружения глину, специально уложенную между стенками могильной ямы и погребальной камеры. И все, что было когда-то положено в погребение, оказалось затянуто слоем мокрой глины» [там же].

К настоящему времени весь материал прошел консервацию и реставрацию в ИАЭТ СО РАН и отправлен в Монголию.

РЕСТАВРАЦИЯ ХАНЬСКИХ ЛАКОВЫХ ЧАШЕК

В погребении были найдены три лаковые чашки. Каждая из них была в большей или меньшей степени фрагментирована, имела нарушения целостности лакового слоя, деревянная основа чашек частично обнажена и максимально насыщена водой.

Полевая консервация лаковых чашек проводилась в конце октября. Дневная температура воздуха колебалась около нуля, ночная была еще ниже. Поэтому угроза отслоения лака в результате быстрого высыхания мокрой деревянной основы в условиях поля практически отсутствовала. Чашки осторожно отмывали в воде. Затем древесину через разломы лака пропитывали водным раствором консерванта - полиэтиленгликоля с молекуллярной массой 400.

Лабораторная консервация. Для более глубокой консервации древесины использовали полиэтиленгликоль с большей молекуллярной массой - 4000 [Ревуцкая, Кундо, 2000]. Процесс пропитки вели при температуре 45-50°С. Продолжительность консервации составила 3-4 месяца.

*Финансовая поддержка РФФИ № 06-06-80069-а.

Сушка чашек. Для удаления влаги с наименьшими изменениями внешнего вида предмета было решено использовать сорбент. В нашем случае это был силикагель марки КСКГ. Для того чтобы при высыхании древесины лак не скручивался, необходимо зафиксировать его на основе с самого начала сушки. Для фиксации уже отслоившегося лака на сложных поверхностях было сконструировано и выполнено в материале специальное устройство. Чтобы при высыхании объекта лак не поднимался и не коробился, под лак подводили раствор рыбьего клея. Затем слои лака прижимали с помощью фиксаторов. Клей, подвешенный под слой лака, высыпал одновременно с объектом и таким образом сохранял лак на поверхности чашек.

По окончании сушки проводили *укрепление лакового слоя* на высохших чашках и их фрагментах. В данном случае были использованы разработанные ранее, утвержденные Ученым советом Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И.Э.Грабаря (ВХ-НРЦ) и ставшие уже традиционными методы, применяющиеся при работе с музейными экспонатами [Симонов, 2000].

Одним из сложных моментов в работе оказался процесс *восстановления формы предметов* путем склейки фрагментов подобно тому, как склеивается разбитая чашка. За тем исключением, что в нашем случае на фрагментах не было четких краев и не было возможности зафиксировать их для склейки. Склейку приходилось проводить моментально, на руках. После апробации нескольких kleев наиболее предпочтительным оказался клей БМК-5. Швы заделывались и укреплялись kleem БМК-5 с наполнителем.

В результате применения *комплекса методов и материалов*, хорошо известных в отечественной реставрации, удалось сохранить ханьские лаковые чашки, имеющие большое научное, историческое и культурное значение. Доклад, посвященный этой работе, получил положительную оценку на VI Международной научно-практической конференции реставраторов в Киеве [Кундо, Симонов, 2008].

РЕСТАВРАЦИЯ ФРАГМЕНТОВ ОДЕЖДЫ ИЗ ШЕЛКА И МЕХА

Цель реставрационных работ с текстилем - сохранить его в неизменном, а по возможности и улучшенном состоянии как можно на более длительный срок. При реставрации археологического текстиля, в первую очередь, следует оценить саму возможность ее проведения, т.к. некоторые образцы могут просто не поддаваться никакому механическому воздействию. Если же эластичность текстильного волокна позволяет производить над собой манипуляции, то, в любом случае, начинать приходится с механической очистки поверхности ткани с одновременным возможным ее распрямлением или выравниванием, учитывая наличие швов, слоев и деталей.

После механической обработки необходимо оценить возможность влажной чистки или мытья изделия, а так же способа проведения этой операции. В случае более хорошей сохранности изделия, можно промыть его, погружая в воду и даже использовать нейтральное моющее средство.

После промывания и “прополаскивания” (смена воды до отсутствия осадка или пены) текстилю необходимо придать его изначальную форму, если это изделие. Просто разгладить, если мы имеем дело с фрагментом. Эту операцию можно проводить на стекле или специальной пленке. Еще влажную ткань поместить на гладкую поверхность и аккуратно расправить в направлении нитей основы и утка, растягивая ткань до ее реальных размеров и формы. Затем поверхность ткани покрыть стекляшками, оставляя между ними небольшие промежутки. Этого бывает достаточно, чтобы при высыхании складки и заломы, образовавшиеся в результате длительного нахождения ткани в погребении, не стянули ее в прежнее положение.

По данной методике были проведены реставрационные работы с фрагментом полы верхней одежды. До проведения реставрационных работ, фрагмент выглядел как сильно загрязненный кусок плотной ткани, отороченной мехом, ворс которого так же почти насквозь был забит грунтом, и окантованный, вслед за меховой оторочкой, полосой более тонкой ткани, так же сильно загрязненной. Все изделие было словно покрыто коркой высохшего «илистого» (мелкодисперсного) грунта. Сохранность изделия позволила провести осторожную, но достаточно тщательную, его обработку.

Механическая чистка. Для предварительной очистки ткани и меха, использовались кисти различной толщины и качества ворса, а так же толстая игла с кончиком, отшлифованным до шарообразной формы. Шариком на конце иглы приходилось аккуратно раздвигать нити ткани, разрушая за сохшую пленку грунта на ее поверхности. После чего грунт удалялся кисточкой и пылесосом. Проведя очистку окантовки изделия, стало возможным разглядеть на ней сложнотканый рисунок. Меховая часть так же была подвергнута механической чистке с помощью иглы, кисточек различной толщины способом «выбивания». Ворс поднимался кисточкой и иглой, изделие переворачивалось мехом на сетку или фильтровальную бумагу и аккуратными ударами кисточек из него выбивались фрагменты грунта. После этого мех тщательно «причесывался» кистью. Верхняя часть полы данного изделия была покрыта стежками вышивки, поэтому раздвигать нити иглой не было возможности, чистка была проведена простым «выметанием» грунта кистью и пылесосом.

Мытье. После механической очистки данная вещь уже выглядела вполне презентабельно, проявился рисунок на шелковом канте, мех стал более блестящим и ярким, четко прослеживался рисунок вышивки. Тем не менее, сохранность данной вещи позволяла применить и чистку водой. Для этого весь фрагмент был зашип между двумя слоями мелкочешуйчатой сетки и помещен в дистиллиированную воду с небольшим количеством моющего средства (Hostapoon). Пользуясь мягкой губкой как тампоном, были обработаны обе стороны изделия. Затем многократной сменой воды оно было прополоскано от остатков грунта и пены моющего средства.

Сушка. После удаления сетки изделие было высушено на стеклянной поверхности. Все детали фрагмента одежды расправлены, растянуты до

их реальных размеров и прижаты стеклянными грузиками (исключая мешковую оторочку).

РЕСТАВРАЦИЯ ШЕРСТЯНОГО КОВРА НА ВОЙЛОЧНОЙ ОСНОВЕ

На реставрацию поступили 18 крупных и средних фрагментов и множество мелких обрывков и жгутов от ковра, представлявшего собой прямоугольное шерстяное полотно красного цвета, орнаментированное параллельными рядами кругов, выложенных шерстяными жгутами. Полотно было закреплено на двух слоях войлока черного и светло-коричневого цвета. По краям полотна шерстяной нитью пришит войлочный бордюр, орнаментированный аппликациями.

Большая часть фрагментов была насквозь пропитана глиной, которая высохла плотной коркой и практически лишила ткань пластичности. На фрагментах шерстяного полотна много прорех и утрат, ткань сильно смята, большая часть шерстяных жгутов отделилась от основы. Фрагменты войлока также сильно загрязнены, аппликации нарушены.

Для очистки и промывки фрагментов ковра была использована методика работы по реставрации древнего текстиля Реставрационного центра Abegg-Stiftung (Швейцария). Эта методика многие годы успешно применяется нами для реставрации тканей и войлоков из замерзших курганов пазырыкского времени. [Мороз, Шумакова, 2000]

Для фрагментов Ноинулинского ковра, прежде всего была необходима тщательная *механическая сухая очистка*, которая в дальнейшем позволила применить промывку водой. Глиняная корка на поверхности изделий разбивалась деревянными палочками или толстой тупой иглой, грязь удалялась пылесосом с тонкими насадками на малой мощности. Таким образом, фрагменты ковра были очищены с обеих сторон. Путем частичного увлажнения из пульверизатора ткань была распрямлена в местах заломов, орнаментальные жгуты уложены по сохранившимся следам на шерстяной основе. Для предотвращения потерь и деформации ткани при промывке все фрагменты были с двух сторон по периметру защиты в капроновую сетку.

Промывка изделий производилась в специальном промывочном столе (фирма Museum Services Corporation, США) дистиллированной водой с применением нейтрального моющего средства Hostapoop. Порошок вспенивался с помощью губки в небольшом количестве теплой воды. Текстиль покрывали пеной и оставляли в таком виде на 30 минут. С помощью губки поверхность ткани слегка отжималась, сильно загрязненные места промывались мягкой кистью. Затем воду спускали, изделия переворачивали, снова покрывали пеной, и процесс повторялся. После этого ткань тщательно выполаскивали путем многократной смены воды до полного удаления грязи и моющего средства.

Сушка фрагментов производилась на стеклянной поверхности, избытки влаги удалялись с помощью фильтровальной бумаги. Во влажном состоянии ткань распрямлялась, в местах прорех нити были уложены по направления утка и основы, разложены по своим местам детали орнамента.

Для контроля степени очистки использовался стереомикроскоп Stemi SV 6 (ZEIZZ, Германия).

Высушенные фрагменты текстиля частично или полностью дублировались на натуральный шелковый газ, с напылением тонкого слоя акрилового сополимера А-45К, окрашенного в коричневый цвет. Сополимер, нанесенный на дублировочную ткань, позволяет укрепить разрушенные ткани без проникновения клея в их структуру и оставляет возможность провести раздублирование, если возникает необходимость повторной реставрации. При нагревании дублировочной основы электрошпателем, сополимер расплывается и дублировочный газ фиксирует фрагменты ковра (выражаем глубокую благодарность Н. П. Синицыной, познакомившей нас со своей методикой и предоставившей материалы для работы) [Синицына, 2008]. Орнаментальные шнуры на фрагментах шерстяного полотна подклеены на клей Laskaux. Фрагменты войлочного бордюра также продублированы на основу.

В результате сборки - реконструкции удалось собрать оригинальную часть ковра с апплицированным войлочным бордюром. Слабые места шерстяного полотна и вся полоса бордюра покрыты напыленным газом. Часть фрагментов центральной части по аналогии рисунка закреплены на общей газовой основе. Обе части зафиксированы на льняной основе при помощи хлопчатобумажных нитей иглой.

Список литературы

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д., Эрдене-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. - № 2 (34). - С. 77 – 87.

Ревуцкая Г.К., Кундо Л.П. Хранение, консервация и реставрация археологической древесины // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Гл.7. – С.270-273.

Симонов В.Г. Особенности, проблематика и перспективы реставрации восточноазиатских лаковых изделий // Восточноазиатские лаки. – М.: Изд-во ВХНРЦ, 2000. – С. 4-7.

Кундо Л.П., Симонов В.Г. Опыт сохранения восточноазиатских лаковых чашек из могильника Ноин-Ула в Северной Монголии // Консервация, реставрация и экспертиза музеиных памятников. VI Международная научно-практическая конференция. – Киев, 2008. – С. 268-271.

Мороз М.В., Шумакова Е.В. Реставрация тканей и войлоков // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Гл.7. – С.274-277.

Синицына Н.П., Шерышева С.А. Некоторые проблемы исследования и реставрации средневекового шитья из захоронения Арсения Элассонского // Консервация, реставрация и экспертиза музеиных памятников. VI Международная научно-практическая конференция. – Киев, 2008. Ч. 2. – С. 218-225.

ФОТОФИКСАЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ПСЕВДО-3D МОДЕЛИРОВАНИЯ

В историко-архитектурных и этнографических исследованиях фотофиксация фасадов зданий и деталей конструкций играет подсобную роль, уступая главенствующее место крокам с обмерами и зарисовкам. Документальная и художественная фотофиксация дает в работах по обмерам зданий и в дальнейшей камеральной обработке материала возможность более глубокого анализа объекта и помогает в дешифровке кроки. В полевых условиях работы по обмерам трудоемки и часто страдают неполнотой и неточностью. Появление цифровых фотоаппаратов высокого разрешения, в том числе и профессионального класса, позволяет выполненные fotosнимки использовать для псевдо-3D моделирования, которое дает не истинные модели, а их имитацию, что является более простым и доступным способом получения объемных изображений. Вместе с тем, псевдо-3D моделирование выгодно отличается от простых стереоизображений, полученных, например, фотограмметрическим методом, и видеосъемки возможностью приближения моделей к зрителю для уточнения деталей, вращения и установления размеров по масштабу.

В настоящее время существует несколько программных продуктов для псевдо-3D моделирования. Актуальность разработок программ для псевдо-3D моделирования подчеркивает тот факт, что одним из последних продуктов компании Майкрософт является Photosynth, выпущенный в свободный тестовый доступ в августе 2008 г. Он обладает как достоинствами, так и недостатками, пока еще слабо разработаны способы навигации, доступности файлов и пр. Областью применения подобных программ, как правило, являются презентации, популяризация каких-либо объектов, развлечения. Однако они открывают и новые возможности в проведении научных исследований, в частности, в обследованиях памятников архитектуры. Данная статья посвящена обсуждению результатов применения разработанной авторами новой методики фотофиксации архитектурных объектов.

В полевой сезон 2008 г. отряд под руководством В.С. Мыглана (Сибирский федеральный университет, г. Красноярск) выполнял обследования и дендрохронологический анализ объектов Архитектурно-этнографического музея «Талыцы» (Иркутская область). По предложенной авторами методике сотрудниками его отряда были выполнены фотографии построек Илимского острога, церкви Казанской Божией Матери, волостного прав-

ления, дома псаломщика, церковно-приходской школы, каскада мельниц, усадеб Московского, Зарубина, Непомилуева, Прокопьева, Серышева, Сотая. Всего было сделано около 1000 фотографий. Полученный фотоматериал был апробирован для получения псевдо-3D моделей с помощью программы Photosynth.

Разработанная методика предусматривает комплексное использование документальной и художественной фотосъемки, причем в реальных полевых условиях необходимо выполнить ряд требований, чтобы выйти за рамки обычных видовых съемок, а полученный материал стал научной фотофиксацией. Фотографирование ведется с разрешением не менее 5 Мpx.

Начинать съемку нужно с общих видов сооружения. Они дают более полное представление о сооружении и показывают его в контексте городского или природного ландшафта. При фотографировании ансамблей и комплексов фиксируются все объекты, входящие в их состав. Художественная фотосъемка показывает достоинства архитектурного объекта как произведения искусства, выявляет особенности его архитектурного облика и образные характеристики. При этом съемка может производиться с самых разных точек при использовании эффектов освещения в любое время суток.

При документальной фиксации недопустимо фотографирование в сильном ракурсе, искажающем сооружение. Необходимо также избегать резких контрастов света и тени, чтобы были лучше видны детали. Затем снимают фасады, фрагменты и интерьеры. Далее последовательно фиксируют все неповторяющиеся архитектурные детали и элементы декоративного убранства здания, произведения монументальной живописи и скульптуры, связанные с ним.

Изображение деталей, фрагментов и фасадов нужно давать максимально приближенным к ортогональной проекции. Для четкого выражения масштабности снимаемого следует применять рейку с делением на дециметры и сантиметры в зависимости от размера элемента или детали. Использование двух соединенных под прямым углом реек с делениями делает возможным более точное воспроизведение детали при камеральной обработке. При фотографировании здания не следует ограничиваться съемкой только внешних и внутренних видов здания и его деталей. Надо фиксировать все старые части здания и остатки его декоративной обработки, которые сохранились на чердаках, в подвалах и т.д., а также те места, где заметны переделки, искажения и разрушения.

Фотограф обходит объект по воображаемой дуге, делая снимки через каждые 5-7 градусов. Нужно принять во внимание, что методы построения трехмерной модели, заложенные в существующие программы, оказываются эффективными при условии, что фотографии делаются при движении по дуге с остановками не более, чем через 15 градусов. При больших значениях восстановление изображения из промежуточных углов требует дополнительного оборудования (напр., лазерной подсветки) и больших вычислительных мощностей.

При фотофиксации интерьеров, фотограф делает снимки, поворачиваясь вокруг своей оси также на 5-7 градусов. Снимки сохраняются на любом накопителе достаточного объема. В составе оборудования в полевых условиях необходим ноутбук с выносным жестким диском 400 Гб. Для объекта выполняется не менее 30 снимков, которые затем могут быть использованы как в программе Photosynth, в основу которой положено восстановление узловых точек объемной модели на основе анализа контуров, подобия цвета и градиента освещенности, так и другой аналогичной программе. Привязка изображения в отличие от аналогичных панорамных моделей делается не к шару, а к тору, что позволяет показать не окружение объекта, а сам объект в пространстве со всех сторон.

Методика позволяет создать изобразительную основу для дальнейшей обработки. Благодаря выполненным фотографиям не представляет труда восстановление технологических приемов создания конструктивных элементов. Результатом работы является не только наглядность, но и возможность производить измерения, приближать объект для уточнения деталей, вращать его и производить другие действия. В отличие от стереоизображений предложенная технология способна убирать геометрические искажения изображения путем пересчета параллаксов. Снимки успешно заменяют чертежи, позволяют получить детальное представление не только о самом объекте, но и о природном окружении, а также при необходимости наносить размеры.

**ИТОГИ ВТОРОГО ЦИКЛА РАБОТ
СОВМЕСТНОГО РОССИЙСКО – ГЕРМАНСКОГО ПРОЕКТА
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
И ГЕРМАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
(2004–2008 ГОДЫ)**

Активное научное взаимодействие между Институтом археологии и этнографии СО РАН и Германского археологического института началось в 1999 г., когда между нашими учреждениями был заключен договор о сотрудничестве, подписанный директором ИАЭТ СО РАН академиком А.П. Деревянко и Президентом DAI профессором Г. Парцингером. Руководителями проекта были утверждены авторы данной статьи. В основу соглашения изначально заложено несколько основополагающих принципов, которыми мы руководствовались все эти годы. Главные из них заключаются в совместном полевом исследовании высоконформативных археологических объектов на территории Северной и Центральной Азии; в подготовке и осуществлении научных публикаций; в организации стажировки специалистов, включая молодых ученых и аспирантов в Германии и России; участие в полевых исследованиях ученых из России и Германии, в том числе молодых сотрудников, аспирантов и студентов; паритетное финансирование проекта; мультидисциплинарный подход к анализу и синтезу источников.

Первый этап работ (1999-2003 гг.) показал несомненную эффективность нашего сотрудничества. Избранный для раскопок уникальный памятник Чича-1 в Барабинской лесостепи оказался в высшей степени содержательным. Были получены чрезвычайно значимые научные материалы, отличающиеся высокой степенью информативности. Кроме того, нам удалось подготовить и опубликовать несколько десятков обобщающих работ в том числе, в высокорейтинговых изданиях [см. например: Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2001, с. 104-127; Molodin, Parzinger, Schneeweß und and. 2002, с. 185-236], где были изданы, и в первом чтении оценены, полученные участниками проекта результаты. Весьма оперативно были подготовлены и изданы две коллективные монографии [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др. 2001; 2004], в которых аккумулирован основной полевой материал, кроме того выполнено и его определенное аналитическое осмысление.

С завершением пятилетнего срока проекта было очевидно, что коллективом осуществлен лишь первый этап работ и исследования нуждаются в

активном продолжении. В связи с этим наш договор был пролонгирован еще на пятилетие. Теперь наступила пора подведения некоторых итогов.

Одной из главных задач стоящих перед исполнителями было проведение аналитических исследований корпуса источников, полученного при раскопках Чичи с привлечением специалистов-естественников как из России, так и из Германии. В результате, подготовлен к изданию третий том, куда вошли новейшие результаты изучения этого памятника. Специалистами различных научно-исследовательских учреждений и университетов наших стран, а также Франции и Великобритании, произведено радиоуглеродное датирование, что позволило разработать периодизацию памятника, выполнен качественный анализ бронзовых предметов, осуществлена реконструкция бронзолитейного, керамического и косторезного производства, определены остеологические и ихтиологические коллекции, выполнены антропологический и палеогенетический анализы, а также и иного рода реконструкции. Предварительная концепция тома была также опубликована [Молодин, Парцингер, Мыльникова и др. 2006, с. 132-145].

Издание третьего, целиком аналитического тома, позволит на принципиально новом уровне подойти к подготовке четвертого, заключительного тома серии, планируемого руководителями проекта. Если три вышеупомянутых тома были изданы на русском языке и сопровождались расширенным резюме на немецком языке, то четвертый том планируется издать на немецком языке с расширенным резюме на русском языке. Все это в немалой степени будет способствовать преодолению языкового барьера, который, к сожалению, имеет место у профессионалов разных стран. К тому же разносторонняя аналитика материалов Чичи, является, по нашему мнению, примером блестящего сотрудничества специалистов различных специальностей и стран.

Второй цикл реализации нашего проекта позволил выйти на новый виток полевых исследований. Здесь, прежде всего, следует сказать о работах в Монголии. В рамках нашего проекта было заключено трехстороннее соглашение с Институтом археологии Монгольской Академии наук, направленное на поиски и исследование погребальных комплексов пазырыкской культуры с мерзлотой. В результате, в 2004 г. была проведена целенаправленная разведка, направленная на поиски таких памятников в северо-западной части Монголии, увенчавшаяся успехом [Молодин, Цэвэндорж, Мыльников и др. 2004, с. 365-371]. В 2005 г. благодаря сотрудничеству с Институтом нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН под руководством его директора академика М.И. Эпова был произведен геофизический мониторинг открытых в 2004 г. объектов с целью обнаружения мерзлотных аномалий [Эпов, Молодин, Манштейн и др. 2005, с. 503-506]. Наконец, в 2006 г. Была организована и успешно проведена совместная Российско-Германско-Монгольская экспедиция, которая дала блестящие результаты. Особенно яркий комплекс был раскопан на памятнике Олон-Курин-Гол-10, содержащий непотревоженное захоронение пазырыкской культуры с мерзлотой, благодаря чему до

нас дошли великолепные высокохудожественные материалы из дерева, тканей, войлока и т.д. [См.напр.: Молодин, Парцингер, Цэвэндорж и др. 2006 с. 428-433; Молодин, Парцингер 2007, с. 58-71].

Следующим направлением полевых исследований явилось проведение совместных раскопок на могильнике эпохи развитой бронзы Тартас-1, расположенному в лесостепном Обь-Иртышском междуречье. Памятник представляет собой грунтовый могильник. Его геофизический мониторинг показал, что некрополь занимает весьма значительную площадь и насчитывает не менее тысячи объектов [Молодин, Чемякина, Дядьков и др. 2004, см. 372-377]. Основной массив захоронений связан с кротовской культурой, ее классическими и поздними этапами. Здесь же отмечены захоронения андроновской (федоровской) культуры, а также погребения, оставленные популяциями, образовавшимися в результате взаимодействия выше отмеченных культурных образований. Данное обстоятельство представляется чрезвычайный научный интерес как с точки зрения культурных, так и этнических процессов, происходивших в регионе в период развитой бронзы. Кроме того, на памятнике обнаружены захоронения и других хронологических периодов, а также остатки ритуальных комплексов.

В результате, за означененный период на памятнике исследовано около 300 погребальных и ритуальный комплекс, состоящий из двух крупных построек и серии культурных ям [см., напр.: Молодин, Парцингер, Гришин и др. 2004, с. 365-371; 2007, с. 329-333].

Говоря о совместных исследованиях, следует отметить, что сотрудники ИАЭТ принимали участие в работах по другим сибирским проектам Германского археологического института, в частности в исследованиях на памятнике Аржан-2 в Туве и Барсучий лог в Хакасии.

Полевые исследования всегда сопровождались аналитической работой, которая сводилась к составлению полевых отчетов, написанию статей, подготовке совместных монографий. Так, в настоящее время ведется работа над коллективным трудом по памятнику Олон-Курин-Гол-10, издание монографии планируется выполнить в Германии.

Второй этап совместных работ был ознаменован проведением крупной международной выставки в Германии «Под знаком золотого грифона». Участники проекта, с обеих сторон, внесли весомый вклад в его реализацию. В экспозиции материалам пазырыкской культуры был отведен особый зал, в котором, наряду с уникальными экспонатами была выставлена мужская мумия с плато Укок. Сотрудники Института приняли участие в работе одноименного конгресса, приуроченного к открытию выставки, с заказными докладами, опубликованными в специальных изданиях [Molodin, Parzinger, 2007. S. 23-24; Polosmak; Molodin 2007 s. 140-147; Molodin, Parzinger, Ceveendorz 2007, s. 148-155]

Кроме того, руководители проекта приняли участие в семинаре по организации фонда для финансирования российско-германских проектов по археологии в Германии, на котором выступили с заказными докладами.

В рамках проекта была проведена существенная работа по подготовке научных кадров. На материалах, полученных в результате совместных исследований, были подготовлены и успешно защищены две диссертации. Работа Й. Шнеевайса опубликована монографически [Schneeweiß, 2007]. Кандидатская диссертация А.О. Пронина защищена в этом году [Пронин, 2008].

Большое значение в формировании личности молодого ученого оказывали специальные стажировки в DAI, проводимые на средства Германской стороны. Свыше десяти молодых ученых, преимущественно непосредственных участников проекта, имели возможность поработать в прекрасных библиотеках DAI, познакомиться с обширными археологическими и этнографическими коллекциями германских музеев и университетов.

Вместе с тем, в полевых исследованиях совместной экспедиции регулярно принимали участие молодые ученые из Германии, аспиранты и студенты немецких университетов. Это не только обогащало обе стороны в области совершенствования полевой методики, но и способствовало установлению дружеских рабочих контактов, которые так полезны в будущем не только молодежи, но и уже сформировавшимся ученым.

Следует отметить и стажировки германских реставраторов в ИАЭТ, где работают первоклассные специалисты по реставрации дерева, тканей и войлока.

Таким образом, налицо существенные научные результаты, полученные благодаря реализации второго этапа нашего совместного проекта. Очевидны и перспективы, которые необходимо реализовывать совместными усилиями уже после завершения формальных сроков действия проекта. Речь идет о подготовке как минимум двух фундаментальных томов, посвященных совместно исследованным памятникам Чича-1 и Олон-Курин-Гол-10.

В заключение статьи мы бы хотели назвать основных участников проекта, внесших наиболье существенный вклад в его реализацию. Всем им, пользуясь случаем, мы приносим свою искреннюю признательность. С германской стороны это доктора А. Наглер, Й. Шнеевайсс, а также Р. Виеланд, А. Гасс, Х. Пиеценка, реставратор Ф. Тиме; с российской стороны доктора исторических наук В.П. Мыльников и А.И. Соловьев, кандидаты исторических наук А.Е. Гришин, И.А. Дураков, Л.Н. Мыльникова, О.И. Новикова, Д.В. Поздняков, М.А. Чемякина, Т.А. Чикишева, А.Н. Чистякова, А.Г. Шатов, научные сотрудники: Ю.Н. Гаркуша, Н.С. Ефремова, Л.С. Кобелева, Ж.В. Марченко, А. П. Овчаренко, А.С. Пилипенко, И.Ю. Слюсаренко, инженер-программист Е.В. Рыбина, водители А.И. Глотов, В.В. Климов, О.Ф. Сентябов, художники-реставраторы Н.В. Ермакова, Е.В. Карпеева, М.В. Мороз и О.Л. Швец. Мы благодарим также наших монгольских и казахских коллег, принимавших участие в реализации проекта, руководителей Сибирского Отделения РАН и Монгольской Академии наук, работников Германского и Российского посольства в Монголии.

Список литературы

Молодин В.И., Парцингер Г. Ледяной воин Алтая // National Geographic. Июнь 2007 с. 58-71.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Беккер Г., Фасблиндер Й., Чемякина М.А., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В. Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи. Первые результаты Российско-Германской экспедиции. // Археология, этнография им антропология Евразии. 3(7) 2001, с. 104-127.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фасблиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Материалы по археологии Сибири. Вып.1. Новосибирск 2001, с. 240.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Том 2. Материалы по археологии Сибири. Вып. 1. Новосибирск – Берлин 2004, с. 333.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Новикова О.И., Соловьев А.И., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Пицонка Х., Казакова Е.А. Результаты полевых исследований памятника Тартас-1 в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск 2007, с. 329-333.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пицонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г. Исследование могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Ч. 1, Новосибирск 2004, с. 358-364;

Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Гришин А.Е., Васильев С.К., Чемякина М.А., Васильевский А.Н., Воевода М.И., Губина М.А., Дамба Л.ЛД., Дребущак В.А., Дребушак Т.Н., Зубова А.В., Казанский А.Ю., Кобзева В.Ф., Кривоногов С.К., Куликов И.В., Нефедова М.В., Овчаренко А.П., Поздняков Д.В., Пронин А.О., Ромашенко А.Г., Чикишева Т.А. Шульгина Е.О. Этнокультурные процессы в переходное от бронзы к железу время в лесостепной зоне Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Книга 1. М «Наука» 2006, с. 132-145.

Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П., Наглер А., Баярсайхан М., Батлеу Д., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Дураков И.А., Марченко Ж.В., Мороз М.В., Овчаренко А.П., Пицонка Х., Пилипенко А.С., Слагода Е.А., Слюсаренко И.Ю., Субботина А.Л., Чистякова А.Н., Шатов А.Г. Мультидисциплинарные исследования российско-германско-монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII. Ч. I. Новосибирск 2006, с. 428-433.

Молодин В.И., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П., Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й., Баярсайхан М., Овчаренко А.П. В поисках пазырык-

ких комплексов на северо-западе Монголии. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Ч. I. Новосибирск 2004, с. 365-371.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Гришин А.В., Позднякова О.А., Михеев О.А. Археолого-геофизические исследования могильника Тартас-1 в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Ч. I. Новосибирск 2004, с. 372-377.

Пронин А.О. Бронзолитейное производство в переходное от бронзы к железу время на юге Западной Сибири (по материалам памятников лесостепного Обь-Иртышья). Автореферат кандидатской диссертации. Новосибирск 2008, с. 38.

Эпов М.И., Молодин В.И., Манштейн А.К., Балков Е.В., Чемякина М.А., Шурнина Э.П., Ковбасов К.В. Геофизические исследования археологических памятников в северо-западной Монголии в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. I. Новосибирск 2005, с. 503-506.

Molodin V., Parzinger H., Ceveendorž D. Das Krigergrab Olon-Kurin-Gol // Im Leichen des Goldenen Greifen, Königsgräber der Skythen. München. Berlin. London. New York 2007 s. 148-155.

Molodin V., Parzinger H., Ceveendorž D. Das Skythenzeitliche Krigergrab von Olon-Kurin-Gol // Der Skythenkongress. Reiternomadische Eliten der Eurasischen Steppe. Berlin 2007 s. 23-24.

Molodin V. I., Parzinger H., Schneeweiß J., Garkuša J.N., Grišin A.E., Novokova O.I., Efremova N.S., Maršenko Z.V., Šemiakina M.A., Mylnikova L.N., Becker H., Faßbinder J. Šiša – eine befestigte Ansiedlung der Übergangsperiode von der Spätbronze – zur Früheisenzeit in der Barabinsker Waldsteppe. Vorbericht der Kampagnen 1999-2001 // Eurasia AntiQua. Band 8. Berlin 2002 s. 185-236.

Polosmak N., Molodin V. Die Denkmäler an dem Ukok Plateau // Im Zeichen des Goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. München. Berlin. London. New-York 2007. s. 140-147.

Schneeweiß J. Die Siedlung Šiša in der westsibirischen Waldsteppe. Untersuchungen zur spätbronze – früheisenzeitlichen Keramik, Chronologie und kulturellen Stellung. Archäologie in Eurasien 22. – Mainz 2007.

**РЕЗУЛЬТАТЫ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИАЭТ СО РАН И НГУ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ВЫПОЛНЕНИЯ
АНАЛИТИЧЕСКОЙ ВЕДОМСТВЕННОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ
ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ОБРАЗОВАНИЮ
«РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»**

Институт археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ) и Новосибирский государственный университет (НГУ), начиная с 2006 г., приняли активное участие в выполнении Аналитической ведомственной целевой программы Федерального агентства по образованию (Рособразование) «Развитие научного потенциала высшей школы». На первом этапе программы (2006–2008 гг.) реализуется совместный проект «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности в рамках учебно-научного центра НГУ и ИАЭТ по специальностям «Археология», «Этнография» и «Востоковедение» (рук. – акад. В. И. Молодин). Цель проекта – развитие процессов взаимодействия фундаментальной науки и высшего образования как важнейшего фактора сохранения и совершенствования в новых экономических условиях системы подготовки научно-педагогических кадров в сфере гуманитарного знания.

Учебно-научный центр (УНЦ), отметивший в 2008 г. 10-летний юбилей, накопил большой опыт внедрения достижений фундаментальной науки в образовательный процесс в области подготовки специалистов-археологов, этнографов и востоковедов, который успешно применен в ходе выполнения названной программы Рособразования, при этом со значительным расширением главных направлений исследований за счет включения с 2006 г. востоковедческой тематики.

Главными из результатов 2006–2008 гг. следует считать достижения в сфере фундаментальной науки. В области археологии ими стали новые материалы по изучению истории первоначального заселения человеком Евро-Азиатского субконтинента, хроностратиграфии и корреляции палеолитических культур в аридных зонах Евразии, выявление условий и форм адаптаций ранних коллективов людей на территории Сибири, а также частично Центральной и Восточной Азии; установление закономерностей и региональных особенностей в процессе формирования древнейших культур Сибири и Центральной Азии в эпохи неолита и палеометалла; реконструкция процессов миграций и формирования расовых типов, специфики палеодемографических процессов на территории

Северной Евразии в эпоху бронзы; характеристика кочевого мира как культурного феномена, уточнение единой хронологической шкалы для культур раннего и развитого железа; анализ миграционных процессов, развития военного дела населения Центральной Азии и Южной Сибири в средние века, культурных контактов монгольского, русского и местного населения Сибири в позднем средневековье; ставрографии; поиск, изучение и содействие в организации охраны и сохранения археологических памятников Сибири как национального достояния России и т. д. В области этнографии – изучение исторической демографии коренных народов Сибири, живой культуры народов Южной Сибири, особенностей адаптации русских и иных переселенцев в Сибирь. В области востоковедения работы велись по археологическому и этнографическому изучению населения соседних с Сибирью территорий Центральной и Восточной Азии – это анализ древнейших культурных контактов в регионе, корреляция культур эпохи бронзы Северного Китая и Сибири, изучение феномена яркой культуры хунну, средневековой археологии Кореи, военного дела и оружия монголов с XIII по XVIII в., современной игровой культуры китайцев и японцев и т. д. Названные научные результаты нашли свое отражение в ряде изданных монографий [Алкин, 2007; Богданов, 2006; Деревянко, 2006; Дребущак и др., 2006; Лбова и др., 2007; Молодин, 2006; 2007; 2008; Полосымаак и др., 2006; Худяков, 2006; 2007а; 2007б], 95 статьях в ведущих научных изданиях (по состоянию на конец 2007 г.), 2 докторских и 14 кандидатских диссертациях.

Результаты фундаментальных исследований использовались в учебном процессе (при чтении основных курсов и спецкурсов, подготовке дипломных и диссертационных работ, совершенствовании учебных программ). Практические учебные работы студентов осуществлялись в виде их непосредственного участия в выполнении совместно с ведущими учеными задач конкретных НИР. Темы курсовых, дипломных и диссертационных сочинений формировались в соответствии с планами фундаментальных исследований центра. Высокий уровень создания образовательных моделей с последующей их апробацией в учебно-научном процессе достигался за счет максимального привлечения ведущих ученых (включая двух академиков РАН) и активного вовлечения в разработку и анализ этих моделей молодых исследователей, студентов и аспирантов.

Коллектив УНЦ и его отдельные участники выполняли также научные и научно-образовательные проекты в рамках ряда научных фондов и программ, сотрудничали с ведущими российскими и зарубежными научными и образовательными центрами – Национальным центром научных исследований Франции (CNRS), Центром археологических исследований Черногории, Департаментом антропологии Университета Вайоминг, Институтом антропологии и археологии им. Дж. Фризона (США), Japan Foundation, Центром Северо-Восточных Азиатских исследований (Япония), Korea Foundation и иными.

Благодаря деятельности Сибирской археологической полевой школы НГУ и ИАЭТ, УНЦ стал центром по повышению научной квалификации студентов старших курсов и магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей из других вузов Сибири и из-за рубежа. Работа школы, проходившая в течение 3-х полевых сезонов на материалах разновременных археологических памятников на Енисее, Байкале и Алтае, была обеспечена комплектом из 18 учебно-методических пособий, подготовленных ведущими специалистами в своих областях знания, из них ряд пособий написан членами коллектива УНЦ [см. напр: Археологические..., 2008; Бородовский, 2008; Волков, 2006, 2007, 2008; Кобелева, Мыльникова, 2008; Лбова, Скляревский, 2007; Мыльников, 2008; Мыльникова, 2007; Постнов, Вергунов, 2006; Скobelев, 2006].

В научно-прикладной сфере одним из важных направлений в деятельности УНЦ стало осуществление натурных реконструкций инструментария палеолитического человека, комплексов литейного оборудования мастеров-плавильщиков эпохи поздней бронзы – раннего железа, вооружения народов Южной Сибири, Восточной и Центральной Азии от поздней древности до начала Нового времени.

Важной особенностью данного периода, особенно, в 2007 г., был процесс серьезного укрепления материальной базы проекта, что стало возможным в результате активного участия коллектива УНЦ в выполнении задач Инновационного проекта НГУ. Приобретены приборы, материалы и оборудование для полевых и лабораторных исследований. В 2008 г. студентам и молодым ученым в разных формах обеспечена финансовая поддержка на общую сумму более 400 тыс. руб.

Следует отметить заинтересованное отношение к работе УНЦ абсолютного большинства преподавателей и научных сотрудников НГУ и ИАЭТ, их активное участие в проекте. Благодаря этому обстоятельству, а также постоянным вниманию и помощи со стороны дирекции ИАЭТ, стала возможной успешная реализация его задач, осуществляемая в соответствии с требованиями выданного Рособразованием задания.

В количественном отношении все программные и дополнительные индикаторы по проекту оказались перевыполненными, в результате чего со стороны Рособразования поступило предложение взять на себя с 2008 г. дополнительно выполнение НИР по тематическому плану фундаментальных исследований (в настоящее время уже реализуется). Выполнен значительный объем работы по всем направлениям. Получен богатый опыт в координации совместной деятельности института РАН и вуза, а УНЦ превратился в крупный современный интегрированный комплекс с прочной материальной базой, способный решать масштабные и актуальные задачи фундаментальной науки, эффективно внедрять ее достижения в учебный процесс. Успешный многолетний опыт его работы уже привел к заметному повышению качества подготовки специалистов-гуманитариев в НГУ, что и является главным смыслом существования УНЦ. Заметные сдвиги в ук-

реплении приборной базы в 2007–2008 гг. позволяют надеяться и на решение в ближайшем будущем проблемы, связанной с имеющимся серьезным недостатком рабочих площадей для центра.

Список литературы

- Алкин С.В.** Древние культуры Северо-Восточного Китая: неолит Южной Маньчжурии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 168 с.
- Археологические** экскурсии по памятникам Горного Алтая: Путеводитель / Новосиб. гос. ун-т, Ин-т археол. и этногр. СО РАН. – Новосибирск, 2008. – 112 с.
- Богданов Е.С.** Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 2006. – 240 с.
- Бородовский А.П.** Методика исследования древнего косторезного производства: Учеб.-метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т, Новосиб. гос. пед. ун-т, Ин-т археол. и этногр. СО РАН. – Новосибирск, 2008. – 104 с.
- Волков П.В.** Экспериментальная археология: Учеб.-метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т, Ин-т археол. и этногр. СО РАН. – Новосибирск, 2006. – 68 с.
- Волков П.В.** Экспериментальная археология при планиграфических исследованиях: Учеб.-метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т, Ин-т археол. и этногр. СО РАН. – Новосибирск, 2007. – 82 с.
- Волков П.В.** Экспериментальная археология в палеоэкономических исследованиях: Учеб.-метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т, Ин-т археол. и этногр. СО РАН. – Новосибирск, 2008. – 64 с.
- Деревянко А. П.** Переход от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Азии (Китай, Корейский полуостров). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 84 с. (на русск. и англ. яз.)
- Дребушак В.А., Мыльникова Л.Н., Дребушак Т.Н. и др.** Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку). (Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 6). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 98 с.
- Кобелева Л.А., Мыльникова Л.Н.** Орнамент древней керамики: методы и подходы к изучению: Учеб.-метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т, Алт. гос. ун-т, Ин-т археол. и этногр. СО РАН. – Новосибирск, 2008. – 48 с.
- Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П.** Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов культуры). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 248 с.
- Лбова Л.В., Скляревский М.Я.** Менеджмент историко-культурного наследия: государственное регулирование в области охраны археологического наследия: Учеб.-метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т, Иркутск. гос. ун-т, Ин-т археол. и этногр. СО РАН. – Новосибирск, 2007. – 86 с.
- Молодин В.И.** Меч Каролингов. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2006. – 144 с.
- Молодин В.И.** Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2007. – 248 с.
- Молодин В.И.** Очерки по ставрографии. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2008. – 164 с.
- Мыльников В.П.** Древняя деревообработка (методика изучения погребальных конструкций): Учеб.-метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т, Ин-т археол. и этногр. СО РАН. – Новосибирск, 2008. – 106 с.

Мыльникова Л.Н. Методы изучения археологической керамики: Учеб.-метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т, Ин-т археол. и этногр. СО РАН. – Новосибирск, 2007. – 82 с.

Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Балакина Г.Г., Маматюк В.И. и др. Текстиль из «замерзших» могил Горного Алтая IV–III вв. до н. э. (опыт междисциплинарного исследования). (Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 5). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 267 с.

Постнов А.В., Вергунов Е.Г. Геодезические работы при археологических исследованиях с применением GPS-навигатора (теория и методика): Учеб.-метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2006. – 74 с.

Скобелев С.Г. Особенности методики поиска и изучения погребений позднего средневековья и начала Нового времени на юге Средней Сибири: Учеб.-метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2006. – 59 с.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. – 130 с.

Худяков Ю.С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007а. – 156 с.

Худяков Ю.С. Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрок в степях Евразии. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007б. – 192 с.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

<i>Агаджанян А.К.</i>	
МЕЛКИЕ ПОЗВОНОЧНЫЕ ИЗ ГОЛОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ	4
<i>Акимова Е.В., Стасюк И.В., Кукса Е.Н., Мотузко А.Н.</i>	
НОВОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ САЖЕНЦЫ В ЗОНЕ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА	10
<i>Бобров В.В., Марочкин А.Г.</i>	
КОМПЛЕКС ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА НА ПОСЕЛЕНИИ АВТОДРОМ 2 В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЕ	15
<i>Васильев С.К., Зенин А.Н., Сердюк Н.В., Ульянов В.А.</i>	
НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЕЩЕРЕ ЛОГОВО ГИЕНЫ (СЕВЕРО- ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)	21
<i>Васильев С.К., Шуньков М.В., Цыбанков А.А.</i>	
ФАУНА КРУПНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ	26
<i>Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В., Воробьев Г.А., Орлова Л.А.</i>	
ЗАВЕРШЕНИЕ РАСКОПОК РОССИЙСКО-КАНАДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В БУХТЕ САГАН-ЗАБА НА БАЙКАЛЕ	32
<i>Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А., Лещинский С.В., Зенин И.В.</i>	
ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ТИННIT -1 (ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН) В 2008 ГОДУ	36
<i>Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А., Рудая Н.А.</i>	
РАННЯЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2008 ГОДА)	42
<i>Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Куллик Н.А., Зенин И.В.</i>	
ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ДАРВАГЧАЙ-1 В 2008 ГОДУ	48
<i>Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С.</i>	
ПЕЩЕРА ЧАГЫРСКАЯ – НОВАЯ СТОЯНКА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА АЛТАЕ	52
<i>Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Кривошапкин А.И., Бакович М., Меденица И.</i>	
ПЕРВЫЕ РОССИЙСКО-ЧЕРНОГОРСКИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	56
<i>Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Волков П.В.</i>	
ИЗУЧЕНИЕ ВЕРХНЯЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ	60
<i>Зенин В.Н., Анойкин А.А.</i>	
МИКРОЛИТИЧЕСКИЕ ИНДУСТРИИ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА ДАГЕСТАНА: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И АНАЛИЗА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ	67

Кандыба А.В.	
СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКА ОРХОН-1 (МОНГОЛИЯ)	71
Колобова К.А., Фляс Д., Исламов У.И., Павленок К.К., Звинц Н., Мухтаров Г.А.	
КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК	77
Ларичев В.Е.	
ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК УРАЛА: ЕВРАЗИЙСКОЕ ВРЕМЯ (РЕКОНСТРУКЦИЯ КАЛЕНДАРНЫХ СИСТЕМ КУЛЬТУР ПАЛЕОЛИТА ПОГРАНИЧЬЯ ЕВРОПЫ, СРЕДНЕЙ АЗИИ И СИБИРИ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕЩЕРНОГО СВЯТИЛИЩА КАПОВАЯ ПЕЩЕРА)	82
Лбова Л.В., Базаров Б.А.	
СПЕЦИФИКА ПЛАНИГРАФИЧЕСКИХ СТРУКТУР КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА КОМПЛЕКСА ХОТЫК (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)	89
Медведев В.Е.	
МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК САКАЧИ-АЛЯН (НИЖНИЙ ПУНКТ)	94
Сердюк Н.В., Зенин А.Н.	
ФАУНА МЕЛКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ СРЕДНЕЙ ПАЧКИ ОТЛОЖЕНИЙ ПЕЩЕРЫ СТРАШНАЯ	100
Ульянов В.А., Шуньков М.В.	
К ЛИТОЛОГО-СТРАТИГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НИЖНЕНЕОПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ КАРАМЫ	105
Шуньков М.В., Агаджсанян А.К.	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОРЕСУРСОВ ОБИТАТЕЛЯМИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ В ВЕРХНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ И ГОЛОЦЕНЕ	109

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К., Мороз П.В.	
ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СРЕТЕНСКОМ РАЙОНЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ	116
Бауло А.В.	
ДВЕ ПОДВЕСКИ ИЗ ХУРУМПАУЛЯ	122
Бердникова Н.Е., Воробьевая Г.А., Бердников И.М., Пержсакова А.С.	
СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОГО ОСТРОГА	126
Бобров В.В., Васютин А.С., Зимин А.А.	
ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ В КУРГАНАХ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КОНЦА I - НАЧАЛА II ТЫС. Н. Э.	131
Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.	
РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА УЛУГ-ЧОЛТУХ В 2008 ГОДУ	135

Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю., Тишкин А.А.	
АНАТОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДРЕВЕСИНЫ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ГУННО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ АЛТАЯ	139
Варенов А.В.	
МОГИЛЬНИК К СЕВЕРУ ОТ ГОРОДИЩА ЦЗЯОХЭ (ЯР-ХОТО) В СИНЬЦЗЯНЕ И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВАНИЯ ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ	145
Варенов А.В., Гирченко Е.А.	
САНЬСИНДҮЙ – НОВАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ЮЖНОГО КИТАЯ	151
Волков Д.П., Зайцев Н.Н.	
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЖИЛИЩ НАЙФЕЛЬДСКОЙ ГРУППЫ МОХЭ НА ОЗЕРЕ БЕЛОБЕРЁЗОВОМ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ	157
Зольников И.Д., Кузьмин Я.В., Чемякина М.А., Новикова О.И.	
ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ БАРАБИНСКОЙ РАВНИНЫ ЛЕТОМ 2008 ГОДА	160
Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Поздняков Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б.	
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА РУБЛЕВО VIII	164
Кирюшин Ю.Ф., Федорук А.С., Папин Д.В.	
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЖАРКОВО-III В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КУЛУНДЕ	169
Кубарев Г.В., Кубарев В.Д.	
ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ОГРАДОК В МЕСТНОСТИ АК-КООБЫ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ)	175
Кубарев В.Д., Розаводовски А., Кубарев Г.В.	
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ	180
Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Прокопьева С.А.	
ПЕРВЫЙ СУНДУК – МИРОВАЯ ГОРА, ДОСТИГАЮЩАЯ ВЫСОТЫ СОЛНЦА (К МЕТОДИКЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАЗМЕЩЕНИЯ В КУЛЬТУРНО ОБУСТРОЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ САКРАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ)	184
Миклашевич Е.А.	
ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ХАКАСИИ И НА ЮГЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 2008 ГОДУ	190
Молодин В.И., Васильев С.К., Оводов Н.Д.	
ТЕРИОФАУНА ПОЗДНЕГО ГОЛОЦЕНА ЦЕНТРАЛЬНОГО АЛТАЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РИТУАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА КУЧЕРЛА-1 (КУЙЛЮ)	196
Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Кобелева Л.С.	
ТАРТАС-1. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	202

Молодин В.И., Чемякина М.А., Кобелева Л.С.	
К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ ПОЗДНЕСАРГАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ПРЕОБРАЖЕНКА 6)	208
Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А., Степаненко Д.В.	
НОВЫЙ МОГИЛЬНИК УСТЬТАРТАССКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАРАБЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	213
Мыльников В.П.	
ТРАДИЦИИ ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА В ТРУДАХ АНТИЧНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ	219
Мыльникова Л.Н., Деревянко Е.И., Алкин С.В., Несторов С.П.	
ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КЕРАМИКИ ТРОИЦКОГО МОГИЛЬНИКА	224
Несторов С.П., Хон Хён У, Бён Ён Хван, Пак Джон Сэн, Зайцев Н.Н., Волков Д.П., Хабибуллина Я.Ю., Шеломихин О.А.	
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ОЗЕРО ДОЛГОЕ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2008 ГОДУ	229
Новиков А.В.	
НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ МОГИЛЬНИКОВ V–VII ВВ. Н. Э. ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ОБИ (ЮЖНОТАЕЖНАЯ ЗОНА)	234
Новиков А.В., Басова Н.В.	
КЛАССИФИКАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ ЛЕСОСТЕПНОЙ И ЮЖНОТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	238
Новосельцева В.М., Роговской Е.О.	
НОВОЕ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ УСТЬ-КЕУЛЬ I В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ	243
Соловьев А.И.	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПТИЦ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО ПРЕДТАЕЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА УСТЬ-ИЗЕС-1)	248
Е.А. Соловьёва	
АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ	253
Степанова Н.Ф.	
ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА МУЖСКИХ, ЖЕНСКИХ И ДЕТСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ	256
Тишкун А.А.	
О ПРОДОЛЖЕНИИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ И НА АЛТАЕ	260
Худяков Ю.С.	
РИСУНОК ВСАДНИКА НА ПЕТРОГЛИФЕ У Д. КРИВОЙ	264
Черемисин Д.В.	
К ИЗУЧЕНИЮ НОВЕЙШИХ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ГОРНОГО АЛТАЯ	269

Чикишева Т.А., Губина М.А.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКОГО И
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ
ГОРНОГО АЛТАЯ 275

Шульга П.И., Варёнов А.В.

МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКА ЦЗЯОХЭ И ПРОБЛЕМА
СИНХРОНИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
НА САЯНО-АЛТАЕ И В КИТАЕ 282

ЭТНОГРАФИЯ

Антропов Е.В., Октябрьская И.В., Смирнова Н.Е.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СИБИРИ 288

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ И ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КАЗАХОВ
ЮГА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ 292

Бадмаев А.А.

О НОВАЦИЯХ В НАРОДНОЙ ОДЕЖДЕ СЕЛЕНГИНСКИХ БУРЯТ
В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА 296

Болонев Ф.Ф.

РУССКИЕ СТАРОЖИЛЫ В ЗАБАЙКАЛЬЕ. ИСТОРИЯ СЕЛА
КУЙТУН В 1740–1760-е ГОДЫ 300

Бурнаков В.А.

ОБРАЗ КУКУШКИ В МИФО-ПОЭТИЧЕСКОЙ И РИТУАЛЬНОЙ
ТРАДИЦИИ ХАКАСОВ 305

Голубкова О.В.

ХРАМ ПОД ЕЛОВЫМИ ВЕТВЯМИ 310

Жигунова М.А.

ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА 314

Зуев А.С.

ЯСАК И РИТУАЛ ДАРООБМЕНА: К ИСТОРИИ РУССКО-
ЧУКОТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XVIII ВЕКЕ 318

Ковалычук Ю.С.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СИБИРСКИХ ПРОТЕСТАНТСКИХ
ЦЕРКВЕЙ-ТЫСЯЧНИКОВ 322

Любимова Г.В.

ПРЕДАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СВЯТЫХ ИСТОЧНИКОВ:
ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ 326

Люцидарская А.А.

СТЕРЕОТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В
ОТНОШЕНИЯХ С АБОРИГЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ СИБИРИ.
XVII–НАЧАЛО XVIII ВЕКА. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА 330

Майничева А.Ю.

ЖЕНСКИЕ КУЛЬТЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ТОБОЛЬСКОЙ
ГУБЕРНИИ (НАЧАЛО XX ВЕКА) 334

Мальцева О.В.	
К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ С. СИКАЧИ-АЛЯН: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ	
В 2008 ГОДУ	339
Николаев В.В.	
СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)	343
Октябрьская И.В., Арбачакова Л.Н.	
ОБРАЗ ШИМЕЛДЕЙ В ФОЛЬКЛОРЕ ШОРЦЕВ	347
Охотников А.Ю.	
ПОВОЛЖСКИЕ НЕМЦЫ В КУЛУНДЕ: ПРАКТИКА ДОМОСТРОЕНИЯ (1940-1960-е ГОДЫ)	351
Павлова Е.Ю.	
СТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ	355
Самушикина Е.В.	
ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ И РЕСПУБЛИКИ ТЫВА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВ	359
Севостьянов А.С.	
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.Г. САФЬЯНОВА	363
Селезнев А.Г., Селезнева И.А.	
ТЮРМИТАКСКАЯ АСТАНА (К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТА СВЯТЫХ В СИБИРСКОМ ИСЛАМЕ)	367
Тихомирова М.Н.	
ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ ПИЦЫ КАРГАТСКО- УБИНСКОЙ ГРУППЫ ТАТАР БАРАБЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2000-х ГОДОВ)	371
Фурсова Е.Ф.	
ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ БЕЛОРУСОВ В СИБИРИ НАЧАЛА XX ВЕКА	375
Худяков Ю.С., Скобелев С.Г.	
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НАЧАЛЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ВОЗМОЖНЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ	380
Цыденова Д.Ц.	
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ АГИНСКИХ БУРЯТ	384

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Кундо Л.П., Мороз М.В., Симонов В.Г., Швец О.Л.,
Шумакова Е.В.*

РЕСТАВРАЦИЯ ХАНЬСКИХ ЛАКОВЫХ ЧАШЕК,
ФРАГМЕНТОВ ОДЕЖДЫ ИЗ ШЕЛКА, ШЕРСТЯНОГО
КОВРА НА ВОЙЛОЧНОЙ ОСНОВЕ ИЗ ХУННСКОГО КУРГАНА
ПАМЯТНИКА НОИН - УЛА (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ) 390

Майничева А.Ю., Майничев А.Н.
ФОТОФИКСАЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ И
ВОЗМОЖНОСТИ ПСЕВДО-3Д МОДЕЛИРОВАНИЯ 395

Молодин В.И., Парцингер Г.
ИТОГИ ВТОРОГО ЦИКЛА РАБОТ СОВМЕСТНОГО
РОССИЙСКО – ГЕРМАНСКОГО ПРОЕКТА ИНСТИТУТА
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН И ГЕРМАНСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (2004-2008 ГОДЫ) 398

Молодин В.И., Скобелев С.Г.
РЕЗУЛЬТАТЫ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИАЭТ СО РАН
И НГУ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ВЫПОЛНЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ
ВЕДОМСТВЕННОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО
АГЕНТСТВА ПО ОБРАЗОВАНИЮ «РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО
ПОТЕНЦИАЛА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ» 404

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

ТОМ XIV

Материалы Годовой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2008 года

Технический редактор *И.П. Гемуева*
Дизайнер обложки *А.А. Фурсенко*

Подписано к печати 01.12.2008 г. Бумага офсетная. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 27. Тираж 300 экз. Заказ № 179.
Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
Лицензия ИД № 04785 от 18.05.2001 г.
630090, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17.